

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

К. М А Р К С

И

Ф. Э Н Г Е Л Ъ С

СОЧИНЕНИЯ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

тт. I — XVI

ПУБЛИЦИСТИКА-ФИЛОСОФИЯ-ИСТОРИЯ

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

тт. XVII — XX

КАПИТАЛ

ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

тт. XXI — XXVIII

ПЕРЕПИСКА

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

т. XXIX

УКАЗАТЕЛИ ПРЕДМЕТНЫЙ И ИМЕННОЙ

**ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!**

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА при ЦК ВКП (б)

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. АДОРАТСКОГО

Т О М
XII
Ч А С Т Ь I

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП (б)
МОСКВА 1935

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ
РАБОТЫ

1859—1860

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В настоящую книгу, представляющую первую часть XII тома Сочинений Маркса и Энгельса, входят два крупных произведения Маркса: «К критике политической экономии» (1859 г.) и «Господин Фогт» (1860 год). Из рукописей, самим Марксом неопубликованных, мы помещаем здесь его «Введение» к «К критике». Кроме того, в том входит одно произведение Энгельса — «Савойя, Ницца и Рейн».

Выход в свет в 1859 г. «К критике политической экономии» знаменовал один из важных этапов работы Маркса по изучению капиталистического строя и критики буржуазной экономической науки.

Необходимость изучения экономики вытекала с неизбежностью из самого существа созданной Марксом материалистической теории общественного развития. Он сам говорит об этом в своем предисловии к «К критике политической экономии». Когда Маркс пришел к убеждению, что объяснения правовых отношений и государственных форм нельзя искать ни в них самих, ни в так называемом «общем развитии человеческого духа», когда ему стало ясно, что объяснение это надо искать в материальных отношениях людей, в их производственных отношениях, что «анатомию гражданского общества надо искать в политической экономии», — он принялся за изучение именно этой науки.

Энгельс отмечает особую важность изучения экономики как основы всего общественного строя, говоря, что вся теория пролетарской партии развилась на основе изучения политической экономии ¹.

Свои занятия политической экономией Маркс начал в 1843 году. Энгельс говорит об этом в своем предисловии к II тому «Капитала», указывая, что именно с этого года Маркс начал свое изучение «великих англичан и французов». Сам Маркс указывает именно этот год в предисловии к «К критике», а также в письме к Лассалю от 12 ноября 1858 года. Изучая литературу, Маркс делал выписки и заметки

¹ Энгельс. Рецензия на книгу Маркса «К критике политической экономии» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения*, т. XI, ч. II, стр. 349 — 362).

в своих «записных тетрадах», которые в значительной мере сохранились, и мы таким образом можем точно проследить ход его работы.

В тетрадах, относящихся к 1843 — 1844 г., имеются выписки из книг экономистов-французов: Ж.-Б. Сэй, Сисмонди, Дестют де Траси, Буагильбер, Бюре, Пеккер и др., а также англичан: А. Смит, Д. Рикардо, Джеймс Милль, Мак-Куллох, которых Маркс в то время читал во французских переводах. Имеются также выписки из статьи Энгельса «Очерки политической экономии», которую Маркс называл гениальной и которая оказала значительное влияние на ход занятий Маркса экономикой. В том же 1844 г., к которому относятся главным образом выписки из перечисленных выше авторов, Маркс принялся за сочинение по политической экономии. Маркс собирался написать большую работу «Критика политики и политической экономии» («Kritik der Politik und der National Oekonomie»). В наброске предисловия к рукописи, над которой он работал в 1844 г., Маркс писал: «Уже в «Немецко-французских Ежегодниках» я объявил о критике правовой и государственной науки в форме критики *гегелевской* философии права. При обработке для печати выяснилось, что смешивать критику, которая направлена только против спекуляции, с критикой различных других предметов — крайне неудобно; это мешает изложению, затрудняет понимание. Кроме того, богатство и разнообразие подлежащих рассмотрению предметов таково, что если сжать все это в одном сочинении, то возможно было бы только очень краткое изложение, а такая краткость в изложении создала бы впечатление какой-то произвольной систематизации. Поэтому я в различных отдельных брошюрах дам критику права, морали, политики и т. д. и, наконец, в особой работе попытаюсь изобразить связь целого, соотношение различных частей, а также дать критику умозрительной обработки этого материала. Поэтому в настоящем сочинении связь политической экономии с государством, правом, моралью, гражданской жизнью и т. д. затрагивается лишь в той мере, в какой политическая экономия сама по обязанности касается этих предметов. Читателя, знакомого с политической экономией, мне нечего уверять в том, что мои выводы добыты в результате анализа, основанного на добросовестном критическом изучении политической экономии».

Сохранившиеся отрывки этой рукописи 1844 г. и выписки, сделанные Марксом в то время из проработанной им экономической литературы, опубликованы в полном собрании сочинений Маркса и Энгельса — Marx-Engels Gesamtausgabe (MEGA), I. Abteilung, Bd. III.

Задуманную таким образом работу Марксу, в таком виде, как

он тогда предполагал это сделать, выпустить в свет не удалось. Но в эти годы, до начала 1848 г., им была проделана гигантская работа по изучению и критике экономической литературы. Этим изучением Маркс занимался в Брюсселе до приезда Энгельса весной 1845 года. Затем уже вместе с Энгельсом он продолжал эту работу. Летом они вместе совершили поездку в Англию (с 12 июня по 21 августа 1845 г.) в Лондон и Манчестер. И во время поездки, и после нее Маркс проработал огромное количество экономической литературы. Можно было бы привести десятки имен авторов-экономистов, сотни названий книг, проработанных Марксом за эти три года (1845 — 1847).

Выступления Маркса по экономическим вопросам в 1847 г. («Нищета философии», «Речь о свободе торговли», «Наемный труд и капитал») свидетельствуют о том, что Маркс мастерски овладел предметом, что выработанный им метод диалектического материализма давал в применении к политической экономии блестящие результаты, что критика буржуазной политической экономии была у Маркса поставлена на огромную теоретическую высоту.

Когда, после перерыва в занятиях, вызванного революцией 1848 — 1849 гг., Маркс в 1850 и 1851 гг. снова принялся за усердное изучение политической экономии, он к тому времени успел уже овладеть литературой предмета и 2 апреля 1851 г. писал Энгельсу, что ему достаточно будет «пяти недель» для того, чтобы «покончить со всем экономическим дерьмом». Маркс имеет в виду здесь именно экономическую литературу. И он прибавляет: «В сущности со времени Ад. Смита и Д. Рикардо эта наука не делала больше никаких шагов вперед, хотя в отдельных исследованиях, часто сверхтонких, сделано очень много».

Это не означало, что Маркс считал возможным успокоиться на достигнутых уже им результатах. Наоборот, тут-то как раз и началась для него настоящая работа. Он писал Энгельсу, что собирается обрабатывать экономию на дому, а в библиотеке «наброситься на другие науки». Диалектический материализм требовал основательного изучения всего объективного хода общественной жизни, изучения «развития экономической формации общества как естественно-исторического процесса», а для этого требовалась критическая переработка разнообразного материала, и это делало работу Маркса чрезвычайно сложной и длительной. Нельзя было ограничиваться одной лишь экономической литературой. Для разработки проблемы земельной ренты, например, Маркс считал земледельческую химию важнее всех экономистов, вместе взятых (письмо Энгельсу 13 февраля 1866 года).

В своих письмах к Энгельсу Маркс в резких выражениях порицает Лассалля за то, что тот «об эмпирических вещах» брался судить, имея в запасе всего лишь несколько отвлеченных фраз, вроде «отвлеченного единства» и тому подобное. Маркс подчеркивал, что «эмпирические вещи» необходимо «долго изучать, чтобы иметь право говорить о них» (письмо к Энгельсу от 25 февраля 1859 года). Вот это до деталей идущее изучение «эмпирических вещей» и клал Маркс в основу своего изучения капитализма и критики буржуазной экономической науки.

Прерванные на время революции занятия Маркс, как уже сказано, возобновил с 1850 г. и продолжал весьма интенсивно до декабря 1851 года. В октябре-ноябре 1851 г. он обсуждал с Энгельсом вопрос об издании своей экономической работы, которая, по его предположениям, должна была составить три тома:

I. Критика политической экономии,

II. Критика социалистов.

III. История политической экономии.

Но обстоятельства сложились так, что привести этот план в исполнение тогда не удалось.

После переворота Наполеона III, происшедшего в декабре 1851 г., Маркс занялся своим памфлетом «18 брюмера», а затем в годы 1852—1856 почти все его время уходило на работу для «New-York Daily Tribune» и, судя по имеющимся у нас документам (переписка, записные тетради), работа над сочинением по экономике была на это время отложена. В эти годы Марксу приходилось жить в особенно тяжелых условиях, его душила нужда, и он вынужден был заниматься литературной работой, которая давала некоторый заработок; найти же издателя для большой экономической работы в то время было невозможно: все попытки, предпринимавшиеся в этом направлении, не приводили ни к каким результатам.

В начале 1855 г. Маркс просматривал свои выписки и заметки по политической экономии. 13 февраля 1855 г. он писал Энгельсу, что заболел воспалением глаз, перечитывая свои тетради по экономике, «не с целью обработки предмета», а для того «чтобы овладеть материалом и чтобы он был готов для разработки».

С января 1857 г. Маркс снова принялся за свое сочинение по экономике. В частности он начал писать главу о деньгах. Он работает по вопросу о деньгах с февраля по апрель 1857 года. В апреле 1857 г. Маркс писал главу о капитале (превращение денег в капитал). В октябре 1857 г. он набросал план всей работы. Подготавливая работу по политической экономии, Маркс в то же время изучал кризис. 18 де-

кабря 1857 г. в письме к Энгельсу он писал, что завел три больших регистрационных книги для Англии, Германии, Франции, куда заносит все факты. Факты, относящиеся к Америке, были собраны в «New-York Daily Tribune». Эта регистрация фактов требовала очень большого труда и занимала много времени. В то же время Маркс усиленно работал над рукописью своего экономического сочинения: «Работаю, как бешеный, ночи напролет над систематизацией своих экономических исследований, чтобы успеть еще до потопа закончить работу в общем виде» (письмо Маркса к Энгельсу от 8 декабря 1857 г. — до потопа, т. е. до революции, неизбежного наступления которой Маркс и Энгельс ожидали в связи с разразившимся экономическим кризисом. Но прошло почти два года, прежде чем начало рукописи «К критике политической экономии» было подготовлено к печати. К концу мая 1858 г. количество накопленного материала так разрослось, что Марксу пришлось составлять указатель к своим тетрадям, чтобы быть в состоянии разобраться в своих рукописях (письмо к Энгельсу от 31 мая 1858 года). Любопытно отметить, что вся проделанная работа послужила Марксу лишь предварительным материалом для последующей работы, а самая книга «К критике политической экономии» в том виде, в каком она вышла из печати, была написана Марксом, повидимому, сразу за очень короткий срок, в октябре-ноябре 1858 года. «Первая глава *Товар* вовсе не была написана в черновом наброске, а вторая — *Деньги или простое обращение*, имела лишь в виде краткого очерка» (Маркс Энгельсу от 29 ноября 1858 года).

Только 26 января 1859 г. рукопись была отправлена издателю Дункеру в Берлин. Здесь следует отметить колебания Маркса по поводу оговорки о том, что «автор сохраняет за собой право перевода». «Мое отвращение ко всякому шарлатанству и ко всякой даже тени претенциозности говорит «нет». С другой стороны, мой интерес говорит «да», так как именно по вопросу о деньгах в Англии появляется чуть не каждую неделю какая-нибудь мазня (*Schmiere*)» (письмо к Энгельсу от 21 января 1859 года).

Энгельс в короткой записке 14 февраля 1859 г. посоветовал Марксу эту юридическую формальность непременно выполнить, чтобы ему «не напакостил какой-нибудь осел или жулик» (*damit nicht ein Esel oder Industrieller dir die Geschichte verhunzt*).

Книга вышла приблизительно в августе 1859 года.

«К критике» — гениальная научная работа — целиком и полностью партийное произведение. В ней все «крайне серьезно и научно», как отметил Маркс в письме к Энгельсу от 15 января 1859 г., но это есть

научная основа для классовой борьбы пролетариата, для разоблачения «каналей» и «собак» — буржуазных апологетов. Указывая Энгельсу, что нужно подчеркнуть в рецензии на книгу, Маркс отмечает два момента: «что 1. Прудонизм уничтожен в корне и 2. что уже в простейшей форме, в форме *товара*, выяснен *специфически* общественный, а отнюдь не *абсолютный* характер буржуазного производства.

Маркс писал свои книги по экономике для того, чтобы помочь рабочим «проникнуть в самую суть вещей» (письмо к Энгельсу от 15 декабря 1857 года). Это проникновение в «суть вещей» имеет громадное практическое значение, так как вместе с ним «рушится вера в постоянную необходимость существующих порядков, рушится раньше того, чем они развалятся на практике» (письмо Маркса Кугельману от 11 июля 1868 года). И Энгельс совершенно правильно охарактеризовал значение работы Маркса «К критике политической экономии» как «триумф» пролетарской, коммунистической партии.

Следом за первым выпуском Маркс предполагал выпустить продолжение о капитале, ту часть, которая уже к маю 1858 г. была у Маркса наиболее подробно разработана. Но он этого не сделал, потому что дальнейшая работа над этой частью показала, что вопрос о производстве прибавочной стоимости требовал еще дальнейшего изучения и уточнения.

Энгельс позднее (в 1893 г.) писал одному из своих русских корреспондентов в Цюрихе, И. А. Гурвичу: «Теорию прибавочной стоимости Маркс разработал в течение 50-х годов в одиночку и всеми силами противился тому, чтобы опубликовать хоть что-нибудь по этому вопросу, прежде чем он не выяснит себе полностью все выводы. Поэтому-то и не вышли второй и следующие выпуски «К критике».

В своей статье о Марксе в словаре Конрада («Handwörterbuch der Staatswissenschaften», т. IV, стр. 1132) Энгельс говорит по поводу «К критике политической экономии», что «едва лишь вышел первый выпуск, как Маркс открыл, что у него еще не совсем развиты во всех подробностях основные мысли следующих выпусков. Сохранившаяся рукопись является лучшим доказательством этого». Та рукопись, о которой говорит здесь Энгельс, имеется в Институте Маркса-Энгельса-Ленина. Она состоит из 12 тетрадей, относится ко времени 1857 — 1858 гг. и представляет один из этапов работы Маркса над «Капиталом». Из этой рукописи взято «Введение», которое Маркс оставил неопубликованным, считая, что «всякое предвосхищение выводов, которые только еще должны быть доказаны, может помешать».

Напечатанная далее брошюра Энгельса «Савойя, Ницца и Рейн», вышедшая в ноябре 1860 г., стоит в теснейшей связи с вышедшей годом раньше, накануне франко-австрийской войны, брошюрой «По и Рейн» и служит, как говорит сам Энгельс в письме к Марксу от 31 января 1860 г., «своего рода продолжением брошюры «По и Рейн» («Eine Art Fortsetzung von «Po und Rhein»). Брошюра «Савойя, Ницца и Рейн» вышла после окончания войны. Виллафранкский мир был заключен. Ломбардия, отошедшая по мирному договору к Франции, хотя и была передана Наполеоном III Пьемонту не столько из принципа «национального освобождения», сколько из трусости перед «итальянским кинжалом» (Орсини), должна была быть компенсирована присоединением к Франции Савойи и Ниццы, чтобы укрепить весьма расшатанный трон Наполеона и его сильно подорванный во всех классах французского общества престиж.

Острый драматический момент формально как будто мог считаться ликвидированным. Но возбуждение умов, вызванное конфликтом, отнюдь не улеглось, тем более, что основной вопрос, поставленный ходом событий в порядок дня — освобождение и объединение Италии — не был решен. Италия оставалась раздробленной. Не были удовлетворены и те, которые надеялись, что участие *всех* немцев в войне приведет также к общенациональному революционному подъему в Германии, который сметет многочисленных германских монархов и на их место установит единую демократическую республику. Продолжалось также действие кризиса предыдущих лет, кризиса, который достиг наибольшей остроты в 1857 г., охватив не только промышленность, но и земледелие, финансы, торговлю и притом как Старый, так и Новый свет, «тропики и умеренный пояс» (Маркс). В 1858—1859 гг. депрессия продолжалась, несмотря на улучшение торгового оборота. «Громадные скопления денег в банках Лондона, Парижа и Нью-Йорка», пишет Маркс 8 октября 1858 г. Энгельсу, «доказывают, что дела еще не совсем в порядке». В связи с экономическим кризисом, в качестве его непосредственного результата, Маркс и Энгельс ожидали наступления революции. Они имели все основания поэтому считать момент весьма важным для продолжения своей агитации. Политический кризис в России усиливал позиции революционной партии в Германии, и Маркс и Энгельс многократно подчеркивают его значение.

«Утешительно, по крайней мере, то, что в России *началась революция*», — пишет Маркс в вышеупомянутом письме к Энгельсу. В письме к Лассалю от 22 ноября 1859 г. Маркс заявляет: «С того момента, когда Россия обратилась к немецким дворам со своей наглой

нотой [о невмешательстве во франко-австрийскую войну], следовало, по моему мнению, начать призыв к войне против русско-французского альянса... Пруссия не осмелилась даже пальцем шевельнуть [во время франко-австрийской «локализованной» войны], но если бы она это сделала, была бы война между Германией и Россией, самое желательное из всех событий»... «Дела снова могут привести к кризису», — обнадеживает Маркс.

Этот последний фактор подчеркивает и Энгельс в своей брошюре. «...Мы получили союзника в русском крепостном. Борьба, которая разгорелась теперь в России между господствующим классом и поработленным классом сельского населения, уже теперь подрывает основы всей системы русской военной политики. Эта система была возможна только до тех пор, пока в России не было внутреннего политического развития. Но это время прошло. Созданное совместными усилиями правительства и дворянства сельскохозяйственное и промышленное развитие достигло такой степени, при которой существующие социальные отношения продолжаться больше не могут. Устранение их, с одной стороны, необходимо, а с другой — невозможно без насильственного изменения» (см. настоящий том, стр. 246).

Маркс и Энгельс ведут борьбу против бонапартизма, который вместе с русским царизмом был одним из главных представителей европейской реакции, а также и против таких деятелей, как Лассаль, которые в своей политике скатывались к поддержке бонапартизма.

Агитация Маркса и Энгельса была направлена против лживой, предательской и захватнической политики великих держав и в первую голову против Наполеона III и России в защиту национального объединения и политической самостоятельности разьединенной Италии и раздробленной Германии, в защиту единства политических интересов этих двух стран. Для достижения этих целей — путь один: война против России и Франции объединенными силами всей Германии и Италии, война революционная, которую будут вести народные массы вопреки воле трусливых князей и, следовательно, против них, война, которая неминуемо должна закончиться победой не только против внешнего врага, но и против внутренних деспотов, и установлением демократической власти народа. Такова была установка Маркса и Энгельса в это время. Эту тактику брошюра и защищала.

Памфлет Маркса «Господин Фогт» охватывает главным образом ту же эпоху, что и военные брошюры Энгельса, — вторую половину 50-х годов. Но у Энгельса в обеих брошюрах главное место занимает военный вопрос, Маркс же уделяет все свое внимание политическому моменту, изображению европейской политической жизни этого периода, борьбе против бонапартизма и его союзников. Наряду с этим отведено также место истории предшествующих лет, истории революционного движения, эмиграции, приведены также ценные автобиографические данные.

«Господин Фогт» — памфлет полемический по преимуществу. Маркс взялся за перо, потому что его к этому вынудил Фогт своими гнусными литературными выступлениями, а также либеральная печать, восторженно приветствовавшая грубую клевету Фогта на Маркса. Фогт — либерал, бывший представитель «левой» Франкфуртского парламента (был даже одним из пяти имперских регентов), затем эмигрант в Швейцарии, профессор геологии в Женевском университете, вместе с Фази лидер женевских радикалов, известен как вульгарный материалист. Из Женевы Фогт разослал лондонским эмигрантам, в том числе Фрейлиграту, программу поведения германской демократии в итальянской войне и приглашал сотрудничать в новом швейцарском еженедельнике в духе этой программы. Еще до выхода еженедельника Фогт издал брошюру «Очерки современного положения Европы». Духовная связь этой брошюры с бонапартовскими лозунгами была несомненная. Кроме Фрейлиграта Фогт обратился также к Карлу Блинду, баденскому эмигранту-республиканцу. Блинд на одном митинге рассказал Марксу про изменнические происки Фогта, уверяя, что согласно имеющихся у него доказательств Фогт получил от Бонапарта субсидию на агитационные цели, что попытки к подкупу были сделаны на юге Германии и в Лондоне и т. д.

Маркс упомянул об этих сведениях в разговоре с редактором немецкой газеты в Лондоне «Das Volk» — Бискампом, который использовал в своей газете этот материал об имперском регенте, как предателе родины. Фогт ответил в Бильском «Handelscourier» статьей «Предостережение», в которой предостерегал рабочих от Маркса и «его клики» («серной банды»), вовлекающих рабочих в беду своими заговорами, заранее известными тайной полиции. Когда же Либкнехт, случайно нашедший в типографии газеты «Das Volk» корректурный лист анонимной статьи с блиндовскими разоблачениями против Фогта, напечатал эту статью в «Allgemeine Zeitung», Фогту ничего не оставалось, как привлечь газету к судебной ответственности. В виду отсутствия улики Фогт, хотя и не выиграл

процесса — жалоба его по формальным причинам была оставлена без последствий, — мог праздновать моральную победу. Он не замедлил воспользоваться этой победой и напечатал книгу «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung»», в которой был помещен весь материал, связанный с процессом, а также введение, специально направленное против Маркса. Фогт не пожалел красок, чтобы изобразить немецкую революционную эмиграцию как банду мошенников, фальшивомонетчиков и вымогателей, во главе которых стоял Маркс. Против этих гнусных нападок и вынужден был выступить Маркс не только ради своей личной репутации, а прежде всего в интересах партии.

«Слышал ли ты уже о брошюре Фогта с подлейшими и пошлыми выпадами, направленными против меня?» — пишет Маркс Энгельсу 25 января 1860 года. — «А немецкие граждане принимают ее с восторгом. Первое издание уже распродано. Вчера «Nationalzeitung» поместила в передовице длинную и грязную выдержку из нее». — «Фогт третирует меня en canaille, — пишет Маркс 28 января Энгельсу с чужих слов, еще не прочитав брошюры, — и с особо подчеркнутым презрением. Негодяй старается уговорить немецких обывателей, что я живу здесь на гроши рабочих и т. д.»

Признавая, что «печатать *имеет право* оскорблять писателей, политиков, актеров и других лиц, подвизающихся на общественной арене», и отвечая «лишь в самых редких, исключительных случаях — когда дело шло об интересах партии» — на бесчисленные ругательства, которыми его осыпали, Маркс считал, что на этот раз дело обстоит иначе. «Цабель [редактор «Nationalzeitung», перепечатавший все обвинения Фогта и еще усиливший их] обвинял меня в целом ряде преступных и позорящих деяний, обвинял перед публикой, склонной из партийных предрассудков верить самым нелепым вещам» («Господин Фогт», гл. XI, стр. 475). Свое решение «ответить» «Nationalzeitung» «в судебном порядке, а Фогту в печати», Маркс объясняет: «*Теперь* брошюрой и заявлением в газетах ничего не поделаешь. Брошюра будет убита той самой печатью, которая теперь провозглашает величие Фогта. Атака его [Фогта] против меня — он, очевидно, старается изобразить меня ничтожной буржуазно-негодяйской мразью — должна означать сильный удар буржуазной вульгарной демократии и одновременно русско-бонапартистской сволочи — против всей партии. Поэтому и ответить следует сильным ударом...» — «Только этого еще недоставало, чтобы теперь, когда предстоит кризис, когда должен скоро умереть прусский король и т. д., дать себя таким образом изничтожить какому-то имперскому Фогту и К^о» (письмо к Энгельсу от 3 февраля 1860 года).

Именно «политические соображения» заставили Маркса с такой тщательностью разработать свое полемическое выступление против Фогта, сделать из него блестящий политический памфлет как по содержанию, так и по форме.

Недаром такой строгий критик, как Энгельс, пишет о книге Марксу (3 декабря 1860 г.): «Вещь эта превосходна. Особенно превосходны [главы] «Исследования» и «Агентура»; это сокрушительно». И далее: «Чем больше я читаю книгу, тем больше нравится она мне» (5 декабря 1860 года). «Это — лучшее полемическое произведение, какое ты когда-либо написал: его стиль проще, чем в Бонапарте [«18 брюмера»], и все же там, где это нужно, оно также эффектно» (19 декабря 1860 года).

Такое впечатление книга произвела не только на друзей Маркса, но и на друзей Фогта, враждебных Марксу.

Так, по словам Маркса (письмо к Энгельсу от 19 декабря 1860 г.), «Циммерман из Шпандау (теперь адвокат в Лондоне), экс-депутат, закадычный друг Фогта, прежде большой ненавистник... моей особы... заявил:... Что же касается Фогта, то он не хотел верить в его продажность, хотя легкомыслие и тщеславие этого господина ему известны. Но теперь моя книга убедила его, что Фогт самый заурядный «mouchard» [шпион], только размерами жалованья отличающийся от *mouchardus vulgaris* [обычного шпиона] и т. д. Он ([Циммерман]) написал и своим знакомым в Швейцарии, чтобы господин Фогт не сомневался насчет его мнения о нем. Бухер написал Боркгейму, что доказательства против Фогта вполне основательны. Кроме того, моя книга уничтожила все «предрассудки, которые он питал насчет агитационной деятельности Маркса»».

Этого результата Маркс добился, правда, несколько задержав выход брошюры. «Главной причиной задержки всегда является твоя собственная скрупулезность», — пишет Энгельс (письмо от 31 января 1860 года). — «Это дело [с брошюрой против Фогта] слишком затягивается», — пишет Фенни Маркс Энгельсу 14 августа 1860 г., — «и мне представляется, что Карл делает эту вещь чересчур основательно».

И действительно, Маркс отнесся к делу со всей свойственной ему тщательностью. «Мне пришлось — не считая беготни... чорт знает к кому — разослать во все стороны, по меньшей мере, пятьдесят писем», — пишет он Энгельсу (9 февраля 1860 года).

Все, к кому только можно было обратиться — непосредственно или посредственно — были привлечены Марксом к даче тех или иных показаний о Фогте и его связях, о лицах и событиях, о которых Фогт писал. Вся продажная бонапартовская литература была внимательно изучена, пересмотрены собственные архивы, опрошены

многочисленные лица разных положений и обследована историческая обстановка, в которой они себя проявляли. Маркс обрабатывал «свою приятную тему» «до некоторой степени артистически».

Огромная и разносторонняя научная эрудиция и великолепное знакомство с литературой всех времен и народов дают Марксу неисчислимые ресурсы, чтобы придать своей работе необычайный блеск крупного литературного произведения. «Господин Фогт» — образец полемиического памфлета, в котором стиль Маркса достигает поразительного совершенства. В «Господине Фогте» находит яркое отражение значительный кусок действительной истории, которая в драматической панораме проходит перед читателем. Наиболее яркие страницы, естественно, отведены самому Фогту. Но в своем качестве подкупленного глашатая внешней политики героя 10 декабря лживый и своекорыстный Фогт не одинок: он представлен вместе с целой плеядой творцов европейского общественного мнения, заправил крупных газет, издателей политических памфлетов, почтовых писак, шпионов и провокаторов. Характеристики этих лиц блещут необычайным остроумием и убийственны своим сокрушительным сарказмом. Дополнительно получает яркую характеристику бонапартовский режим и сам герой 10 декабря Наполеон III. Ничтожество, жадность, пошлость, убожество буржуазного общества, для которого Фогт был политическим деятелем, ученым, героем дня, отражены в этих представителях буржуазной культуры, которую Маркс умеет так ненавидеть и умеет так уничтожить своим гениальным пером. С такой же уничтожающей насмешкой снимает Маркс покровы мишурной славы с политических знаменитостей, божков буржуазно-демократической улицы, разоблачая их уголовные преступления, низость, предательство и пошлость в их поведении на общественном поприще, в их отношениях к единомышленникам, к громко провозглашаемым принципам. Такие фигуры буржуазных героев, как Кошут, Фази, Клапка, которых Маркс называет «патронами» Фогта, только под пером Маркса находят свою нелicenseприятную оценку, беспощадно-правдивую политическую биографию, в которой смыта вся их наносная слава, случайно приобретенная на гребне революционной волны и превозносимая мелкобуржуазной толпой под впечатлением их звонких и безответственных фраз. Ничтожными и жалкими предстают эти мнимые герои перед читателем после того, как Маркс переворошил их выступления в истории. «Господин Фогт» — блестящее историческое произведение, которое дает яркую картину буржуазного общества в период победы контрреволюции 50-х годов прошлого века.

Маркс в конце сводит счета также и с прусскими судами. Совершенно бессмысленные постановления ряда судебных инстанций с их противоречивыми мотивировками по поводу столь ясной жалобы Маркса, привлекавшего «Nationalzeitung» к судебной ответственности за клевету, это чистейшей воды пруссачество нашло также резкую отповедь в памфлете.

Германская социал-демократия относилась к «Господину Фогту» отрицательно и не переиздавала это произведение. Она давала ему оценку как устаревшему и потерявшему всякий интерес, потому что Маркс вынужден был будто бы в этой работе разменивать на мелочи свой талант, занимаясь различными грязными эмигрантскими историями. Историческое значение этого произведения, как образца борьбы против реакции, борьбы за пролетарскую партию против клеветы, которой буржуазная свора пыталась партию погубить, это значение оставалось недоступным пониманию социал-демократических филистеров.

«Господин Фогт» печатается на русском языке впервые. Перевод этой работы, в которой Маркс так часто прибегает к игре слов, к выражениям из одинаково звучащих слов и вообще виртуозно пользуется изгибами немецкого языка, в том числе и старо-немецкого, а также другими европейскими языками, в том числе и древними, — этот перевод представлял большие трудности, в некоторых случаях почти непреодолимые. В таких случаях, наряду с переводом, приводятся подлинные выражения оригинала. Иностранные выражения, употребляемые Марксом, сопровождаются в тексте переводом их, заключенным в квадратные скобки. Приводимые французские и английские документы точно так же снабжены переводами.

* * *

К тому приложены: I. Указатель имен; II. Указатель мифологических и литературных имен; III. Указатель цитированных в томе произведений Маркса и Энгельса (римскими цифрами обозначены тома Сочинений, арабскими — страницы); IV. Предметный указатель к «К критике политической экономии» и к «Введению»; V. Предметный указатель к «Савойя, Ницца и Рейн» и «Господин Фогт»; VI. Географическая карта к «Савойя, Ницца и Рейн». — Указатель IV составлен т. А. Леонтьевым; при содействии И. А. Арманд, все остальные указатели Е. И. Бойко.

«К критике политической экономии» и «Введение» подготовлены к печати т. А. Леонтьевым; «Савойя, Ницца и Рейн» и «Господин Фогт» Л. Е. Гальпериным.

В. Адоратский.

9 сентября 1933 г.

Карл Маркс
К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ

КНИГА ПЕРВАЯ
О КАПИТАЛЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Я рассматриваю систему буржуазной экономики в следующем порядке: *капитал, земельная собственность, наемный труд; государство, внешняя торговля, мировой рынок*. Под первыми тремя рубриками я исследую экономические условия жизни трех больших классов, на которые распадается современное буржуазное общество; взаимная связь трех других рубрик очевидна. Первый отдел первой книги, трактующей о капитале, состоит из следующих глав: 1) Товар, 2) Деньги, или простое обращение, 3) Капитал вообще. Первые две главы составляют содержание настоящего выпуска. Весь материал лежит предо мною в форме монографий, которые были написаны с большими перерывами в различные периоды не для печати, а для уяснения вопросов самому себе. Дальнейшая систематическая обработка этих монографий по указанному плану будет зависеть от внешних обстоятельств.

Общее введение, которое я было набросал, я опускаю, так как, по более основательном размышлении, я решил, что всякое предвосхищение выводов, которые только еще должны быть доказаны, может помешать. Читатель, который вообще захочет следить за моим изложением, должен решиться восходить от частного к общему. Однако некоторые указания о ходе моих собственных политико-экономических исследований представляются мне здесь уместными.

Моей специальностью была юриспруденция, которую я, однако, изучал лишь как подчиненную дисциплину, наряду с философией и историей. В 1842 — 1843 гг. я, в качестве редактора «*Rheinische Zeitung*», впервые попал в затруднительное положение, когда я должен был высказываться о так называемых материальных интересах. Прения рейнского ландтага по поводу кражи дров и дробления земельной собственности, официальная полемика, в которую г. фон-Шаппер, тогдашний обер-президент рейнской области, вступил с «*Rheinische Zeitung*» по вопросу о положении мозельских крестьян, наконец прения о свободной торговле и протекционизме дали первые толчки моим занятиям экономическими вопросами. С другой стороны, в это время, когда благое желание «итти вперед»

во много раз превышало знание предмета, в «*Rheinische Zeitung*» послышались отзвуки французского социализма и коммунизма со слабой философской окраской. Я высказался против этого дилетантства, но вместе с тем в полемике с «*Allgemeine Augsburger Zeitung*» откровенно признался, что мои тогдашние знания не позволяли мне отваживаться на какое-либо самостоятельное суждение о содержании французских направлений. Напротив того, я с большой охотой воспользовался иллюзией руководителей «*Rheinische Zeitung*», которые надеялись более умеренным ведением газеты отстранить вынесенный ей смертный приговор, чтобы удалиться с общественной арены для научных занятий.

Первой работой, предпринятой для разрешения осаждавших меня сомнений, был критический пересмотр гегелевской философии права; введение к этой работе появилось в издававшихся в 1844 г. в Париже «*Deutsch-Französische Jahrbücher*». Мои исследования привели меня к заключению, что правовые отношения, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого всеобщего развития человеческого духа; наоборот, они коренятся в материальных условиях жизни, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII столетия, объединил под названием «гражданского общества»¹, а анатомию гражданского общества надо искать в политической экономии. Начатое мною в Париже изучение этой последней я продолжал в Брюсселе, куда я переселился вследствие приказа господина Гизо о моей высылке из Парижа. Общий результат, к которому я пришел и который затем послужил руководящей нитью во всех моих дальнейших исследованиях, можно кратко формулировать следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения, — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие

¹ По-немецки *bürgerlich* означает в одно и то же время гражданский и буржуазный. *Ред.*

определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и ведут свою борьбу. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что он сам о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения, это — последняя антагонистическая форма общественного процесса производства, антагонистическая не в смысле индивидуального антагонизма, но антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидов, развивающиеся же в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Этой общественной формацией завершается поэтому предъистория человеческого общества.

Фридрих Энгельс, с которым я со времени появления его гениального очерка критики экономических категорий (в «Deutsch-Französische Jahrbücher») поддерживал постоянный письменный обмен мнениями, пришел другим путем к тому же результату, что и я (сравни его «Положение рабочего класса в Англии»); и когда весной 1845 г. он также поселился в Брюсселе, мы решили сообща разработать наши взгляды, противоположные идеологическим взглядам немецкой философии, в сущности свести счеты с нашей прежней философской совестью. Это намерение было выполнено в форме критики после-гегелевской философии. Рукопись, в виде двух толстых томов in 8°, давно уже прибыла на место издания в Вестфалию, когда мы получили известие, что изменившиеся обстоятельства делают ее напечатание невозможным. Мы тем охотнее предоставили рукопись грызущей критике мышей, что достигли своей главной цели — выяснения дела самим себе. Из отдельных, разбросанных работ, в которых мы в то время с той или иной стороны излагали наши взгляды публике, я упомяну лишь написанный Энгельсом и мною сообща «Манифест коммунистической партии» и опубликованную мною «Речь о свободной торговле». Решающие пункты наших воззрений были впервые научно изложены, хотя только в полемической форме, в моей работе «Нищета философии», выпущенной в 1847 г. и направленной против Прудона. Написанная по-немецки работа о «Наемном труде», в которой я собрал свои доклады, читанные на эту тему в брюссельском немецком рабочем союзе, была прервана печатанием вследствие февральской революции и последовавшего в связи с ней моего насильственного удаления из Бельгии.

Издание «Neue Rheinische Zeitung» в 1848 — 1849 гг. и последующие события прервали мои экономические занятия, и я мог возобновить их только в 1850 г. в Лондоне. Огромный материал по истории политической экономии, собранный в Британском музее, благоприятный наблюдательный пункт, который представляет Лондон для изучения буржуазного общества, наконец новая стадия развития, в которую последнее, казалось, вступило с открытием австралийского и калифорнийского золота, — побудили меня опять начать с самого начала и критически разработать новый материал. Эти занятия приводили отчасти сами собой к вопросам, на первый взгляд лежащим совершенно в стороне, но на которых я должен был более или менее долго останавливаться. Имевшееся в моем распоряжении время особенно сокращалось еще из-за необходимости работать для заработка. Мое теперь уже восьмилетнее сотрудничество в «New-York Daily Tribune», первой англо-американской

газете, потребовало чрезвычайного дробления моих занятий, так как собственно газетными корреспонденциями я занимался только в виде исключения. Работы о выдающихся экономических событиях в Англии и на континенте составляли настолько значительную часть моих статей, что я принужден был знакомиться ближе с практическими частностями, лежащими собственно вне круга политической экономии как науки.

Этот очерк хода моих занятий в области политической экономии должен лишь показать, что мои воззрения, как бы о них ни судили и как бы мало они ни согласовались с эгоистическими предрассудками господствующих классов, являются результатом добросовестных и долголетних исследований. У входа в науку, как и у входа в ад, должно быть выставлено требование:

Qui si convien lasciare ogni sospetto,
Ogni viltà convien che qui sia morta.
[Здесь нужно оставить всякое сомнение,
Здесь да умрет всякая трусость!]

Карл Маркс.

Лондон. Январь 1859 г.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ
КАПИТАЛ ВООБЩЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ТОВАР.

На первый взгляд буржуазное богатство выступает как огромное скопление товаров, а отдельный товар — как его элементарное бытие. Но каждый товар представляется с двоякой точки зрения: *потребительной стоимости и меновой стоимости* *.

Товар есть прежде всего, по выражению английских экономистов, «какая-либо вещь необходимая, полезная или приятная для жизни», предмет человеческих потребностей, средство существования в самом широком смысле слова. Это определенное бытие товара как потребительной стоимости и его естественное осязаемое существование совпадают. Пшеница, напр., есть особая потребительная стоимость, в отличие от потребительных стоимостей хлопка, стекла, бумаги и т. д. Потребительная стоимость имеет стоимость только для потребления и осуществляется только в процессе потребления. Одна и та же потребительная стоимость может быть использована различным образом. Однако сумма всех возможных ее полезных применений охвачена бытием ее как вещи с определенными свойствами. Далее, потребительная стоимость определена не только качественно, но и количественно. Соответственно своему естественному своеобразию различные потребительные стоимости имеют различные меры; напр., шеффель пшеницы, стопа бумаги, аршин холста и т. д.

* *Aristot. d. Rep. L. 1, C. 9.* (edit. I Bekkeri, Oxonii 1837): «Пользование каждым объектом владения бывает двоякое... в одном случае объектом пользуются для присущей ему цели назначения, в другом случае — для не присущей ему цели назначения; напр., обувь пользуются и для того, чтобы надевать ее на ногу, и для того, чтобы менять ее на что-либо другое. И в том, и в другом случае обувь является объектом пользования: ведь и тот, кто обменивается обувью с имеющим в ней надобность на деньги или на пищевые продукты, пользуется обувью как обувью, но не в присущем ей назначении, так как оно не заключается в том, чтобы служить предметом обмена. Так же обстоит дело и с остальными объектами владения». [См. «Политика» *Аристотеля*; пер. С. А. Жебелева, Спб. 1911, стр. 23. *Ред.*]

Какова бы ни была общественная форма богатства, потребительные стоимости всегда образуют его содержание, сначала безразличное к этой форме. По вкусу пшеницы нельзя определить, кто ее возделал: русский крепостной, французский мелкий крестьянин или английский капиталист. Потребительная стоимость, хотя и составляет предмет общественных потребностей и потому включена в общественную связь, не выражает, однако, никакого общественного производственного отношения. Например, данный товар, как потребительная стоимость, есть алмаз. По алмазу нельзя узнать, что он товар. Там, где он служит как потребительная стоимость, эстетически или технически, на груди лоретки или в руке шлифовальщика, он является алмазом, а не товаром. Быть потребительной стоимостью — повидимому, необходимое условие для товара; но быть товаром, это — определение, безразличное для потребительной стоимости. Потребительная стоимость в этом безразличии к экономическому определению формы, т. е. потребительная стоимость как потребительная стоимость, находится вне круга исследования политической экономии *. К области последней она принадлежит лишь там, где она сама есть определение формы. Непосредственно она есть вещественная основа, в которой выражается определенное экономическое отношение — *меновая стоимость*.

Меновая стоимость выступает прежде всего как *количественное отношение*, в котором потребительные стоимости обмениваются одна на другую. В таком отношении они составляют одну и ту же меновую величину. Так, 1 том Проперция и 8 унций нюхательного табаку могут быть одинаковой меновой стоимостью, несмотря на различие потребительных стоимостей табака и элгии. Как меновая стоимость, одна потребительная стоимость стоит ровно столько, сколько и другая, если только они взяты в правильной пропорции. Меновая стоимость дворца может быть выражена в определенном количестве коробок сапожной ваксы. Наоборот, лондонские фабриканты сапожной ваксы выразили стоимость множества коробок ваксы в своих дворцах. Совершенно безразлично к характеру своего природного бытия и безотносительно к специфической природе тех потребностей, которым они служат в качестве потребительных стоимостей, товары в определенных количествах равны друг другу, взаимно замещают друг друга при обмене, выступают как эквива-

* Именно на этом основании немецкие компиляторы толкуют *con amore* [с любовью] о потребительной стоимости, обозначая ее именем «блага». См., напр., *L. Stein*: «System der Staatswissenschaften», отдел о «благах». Сведения о «благах» следует искать в «руководствах по товароведению».

ленты и таким образом, несмотря на свою пеструю видимость, представляют одно и то же единство.

Потребительные стоимости суть непосредственно средства существования. Но в свою очередь сами эти средства существования суть продукты общественной жизни, результат затраченной человеческой жизненной силы — *овеществленный труд*. Как материализация общественного труда, все товары суть кристаллизация одного и того же единства. Мы должны рассмотреть теперь определенный характер этого единства, т. е. труда, который представляется в меновой стоимости.

Допустим, что одна унция золота, одна тонна железа, один квартал пшеницы и двадцать аршин шелка суть равновеликие меновые стоимости. Как такие эквиваленты, в которых качественное различие их потребительных стоимостей стерто, они представляют одинаковое количество одного и того же труда. Труд, который равномерно в них овеществляется, должен сам быть однородным, лишенным различий, простым трудом, которому так же безразлично, проявляется ли он в золоте, в железе, пшенице или шелке, как безразлично для кислорода, находится ли он в ржавчине железа, в атмосфере, в соку винограда или в крови человека. Но добывать золото, добывать железо, возделывать пшеницу и ткать шелк, это — качественно отличные друг от друга виды труда. В самом деле, то, что вещно выступает как различие потребительных стоимостей, выступает в процессе как различие в деятельности, создающей эти потребительные стоимости. Как безразличный к особенному веществу потребительных стоимостей, труд, создающий меновую стоимость, безразличен поэтому к особенной форме самого труда. Далее, различные потребительные стоимости суть продукты деятельности различных индивидов, т. е. результат индивидуально различных работ. Но, как меновые стоимости, они представляют одинаковый, лишенный различий труд, т. е. труд, в котором индивидуальность тех, кто трудится, стерта. Поэтому труд, создающий меновую стоимость, есть *абстрактно-всеобщий труд*.

Если одна унция золота, одна тонна железа, один квартал пшеницы и 20 аршин шелка суть равновеликие меновые стоимости, или эквиваленты, то одна унция золота, $\frac{1}{2}$ тонны железа, 3 бушеля пшеницы и 5 аршин шелка суть меновые стоимости совершенно различной величины, и это количественное различие есть единственное различие, которое вообще свойственно им как меновым стоимостям. Как меновые стоимости различной величины, они представляют нечто большее или меньшее, большие или меньшие

количества простого, однородного, абстрактно-всеобщего труда, который образует субстанцию меновой стоимости. Спрашивается, как измерять эти количества? Или, вернее сказать, спрашивается, каково количественное бытие самого этого труда, ибо количественные различия товаров, как меновых стоимостей, суть лишь количественные различия овеществленного в них труда. Как количественное бытие движения есть время, точно так же количественное бытие труда есть *рабочее время*. Различие в продолжительности самого труда представляет единственное различие, к которому он способен, если предположить данным его качество. Как рабочее время, труд получает свой масштаб в естественных мерах времени, часах, днях, неделях и т. д. Рабочее время, это — живое бытие труда, безразличное по отношению к его форме, содержанию, индивидуальности; это — его живое бытие в качестве количественного бытия и в то же время имманентная мера этого бытия. Рабочее время, овеществленное в потребительных стоимостях товаров, составляет субстанцию, делающую их меновыми стоимостями и поэтому товарами, равно как измеряет определенные величины их стоимостей. Соотносительные количества различных потребительных стоимостей, в которых овеществлено одинаковое рабочее время, суть эквиваленты, — или все потребительные стоимости суть эквиваленты в тех пропорциях, в каких они заключают одинаковые количества затраченного, овеществленного труда. Как меновые стоимости, все товары суть определенные количества *застывшего рабочего времени*.

Для понимания определения меновой стоимости рабочим временем необходимо придерживаться следующих основных пунктов: сведение труда к простому, так сказать, бескачественному труду; специфический способ, каким труд, создающий стоимость, стало быть производящий товары, есть *общественный труд*, наконец, различие между трудом, поскольку он имеет своим результатом потребительные стоимости, и трудом, поскольку он имеет своим результатом меновые стоимости.

Чтобы измерять меновые стоимости товаров заключающимся в них рабочим временем, нужно свести различные виды труда к лишенному различий, однородному, простому труду, — короче, к труду, который качественно одинаков и различается поэтому лишь количественно.

Это сведение выступает как абстракция, однако, это — абстракция, которая в общественном процессе производства совершается ежедневно. Разложение всех товаров в рабочем времени есть не большая, но в то же время и не менее реальная абстракция, чем пре-

вращение всех органических тел в воздух. Труд, который измеряется таким образом временем, выступает в сущности не как труд различных субъектов, а, напротив того, различные трудящиеся индивиды выступают как простые органы этого труда. Иначе говоря, труд, как он представляется в меновых стоимостях, может быть назван *всеобще-человеческим* трудом. Эта абстракция всеобще-человеческого труда *существует* в среднем труде, который в состоянии выполнять каждый средний индивид данного общества: это — определенная производительная затрата человеческих мышц, нервов, мозга и т. д. Это — *простой* * труд, к которому может быть приучен каждый средний индивид и который он, в той или другой форме, должен выполнять. Самый характер этого среднего труда различен в разных странах и в разные эпохи культуры, но он выступает данным в каждом существующем обществе. Простой труд составляет подавляющую часть общей массы труда в буржуазном обществе, как в этом можно убедиться из любой статистики. Производит ли А в продолжение 6 часов холст и в продолжение 6 часов железо, и В точно так же производит в течение 6 часов холст и в течение 6 часов железо, или же А производит в течение 12 часов железо, а В в продолжение 12 часов холст, — очевидно, что это лишь различное применение *одного и того же* рабочего времени. Но как быть с сложным трудом, который выдается над средним уровнем как труд большей напряженности, большего удельного веса? Труд этого рода распадается на сложенный простой труд; это — простой труд, возведенный в степень, так что, напр., один день сложного труда равен трем дням простого труда. Здесь еще не место рассматривать законы, управляющие этим сведением. Однако очевидно, что такое сведение происходит, ибо в качестве меновой стоимости продукт самого сложного труда в определенном отношении представляет собой эквивалент продукта простого среднего труда и, стало быть, приравнивается определенному количеству этого простого труда.

Определение меновой стоимости рабочим временем предполагает, далее, что в определенном товаре, напр. в тонне железа, овеществлено *одинаковое количество* труда, независимо от того, есть ли это труд А или В, или что различные индивиды употребляют равное количество рабочего времени для производства одной и той же количественно и качественно определенной потребительной

* «Unskilled labour» (необученный труд) называют его английские экономисты.

стоимости. Другими словами, предполагается, что рабочее время, содержащееся в каком-нибудь товаре, есть время, *необходимое* для его производства, т. е. рабочее время, нужное для того, чтобы произвести новый экземпляр того же самого товара при данных всеобщих условиях производства.

Условия труда, создающего меновую стоимость, как они вытекают из анализа меновой стоимости, суть *общественные определения* труда или определения *общественного труда*, но не просто общественного, а в особенном роде. Это специфический вид общественности. Прежде всего, безразличная простота труда есть *равенство* работ различных индивидов, взаимное отношение их работ друг к другу как равных, а именно благодаря фактическому сведению всех работ к однородному труду. Труд каждого индивида обладает этим общественным характером равенства постольку, поскольку он представляется в меновых стоимостях, и он представляется в меновых стоимостях лишь постольку, поскольку он относится к труду всех других индивидов как к равному.

Далее, в меновой стоимости рабочее время отдельного индивида выступает непосредственно как *всеобщее рабочее время*, и этот *всеобщий характер* обособленного труда — как его *общественный характер*. Рабочее время, представленное в меновой стоимости, есть рабочее время отдельного лица, но отдельного лица без всякого отличия от другого отдельного лица; это — рабочее время всех отдельных лиц, поскольку они исполняют равный труд; — поэтому рабочее время, нужное кому-либо одному для производства определенного товара, есть *необходимое* рабочее время, которое употребил бы для производства того же самого товара всякий другой. Это — рабочее время отдельного лица, *его* рабочее время, но только как общее всем рабочее время, для которого поэтому безразлично, *чьим* именно рабочим временем оно является. Как всеобщее рабочее время оно выражается во всеобщем продукте, *всеобщем эквиваленте*, в определенном количестве овеществленного рабочего времени; для этого продукта безразлична определенная форма потребительной стоимости, в которой он непосредственно выступает как продукт отдельного лица, и он при желании может быть перенесен в любую другую форму потребительной стоимости, в которой он представляется как продукт любого другого лица. *Общественную* величину он представляет собой лишь как такая *всеобщая* величина. Труд отдельного человека, чтобы иметь своим результатом меновую стоимость, должен иметь своим результатом *всеобщий эквивалент*, т. е. выражение рабочего времени отдельного человека как всеобщего рабочего

времени или выражение всеобщего рабочего времени как рабочего времени отдельного лица. Дело обстоит так, как если бы различные индивиды соединили свое рабочее время и представили различные количества находящегося в их общем распоряжении рабочего времени в различных потребительных стоимостях. Рабочее время отдельного человека есть, таким образом, в сущности рабочее время, которое требуется обществу для производства определенной потребительной стоимости, т. е. для удовлетворения определенной потребности. Однако здесь речь идет лишь о специфической форме, в которой труд получает общественный характер. Определенное рабочее время прядильщика овеществляется, напр., в 100 фунтах льняной пряжи. Пусть 100 аршин холста, продукт ткача, представляет то же самое количество рабочего времени. Поскольку эти оба продукта представляют одинаковое количество всеобщего рабочего времени и суть поэтому эквиваленты для *всякой* потребительной стоимости, которая содержит столько же рабочего времени, они суть эквиваленты друг для друга. Только потому, что рабочее время прядильщика и рабочее время ткача представляются как всеобщее рабочее время, а их продукты поэтому — как всеобщие эквиваленты, труд ткача становится здесь трудом для прядильщика и труд прядильщика — для ткача, труд одного — для труда другого, т. е. осуществляется общественное бытие их работ для обоих. Напротив, в деревенски-патриархальном производстве, когда прядильщик и ткач жили под одной кровлей, когда женская часть семьи пряла, а мужская ткала, скажем, для потребностей собственной семьи, — пряжа и холст были *общественными* продуктами, пряденье и тканье были *общественным* трудом внутри семейных границ. Их общественный характер состоял, однако, не в том, что пряжа как всеобщий эквивалент обменивалась на холст как всеобщий эквивалент, или что оба обменивались друг на друга как равнозначные и равноценные выражения одного и того же всеобщего рабочего времени. Напротив, семейная связь с ее первобытным разделением труда накладывала на продукт труда свою своеобразную общественную печать. Или возьмем барщину или оброк средних веков. Определенные работы отдельных лиц в их натуральной форме, особенность, а не всеобщность труда составляют здесь общественную связь. Или возьмем, наконец, общинный труд в его первобытной форме, как мы находим его на пороге истории всех культурных народов*.

* В последнее время распространился смехотворный предрассудок, будто форма *первобытной* общинной собственности есть специфически славянская или

Здесь общественный характер труда, очевидно, опосредствован не тем, что труд отдельного лица принимает абстрактную форму всеобщности, и не тем, что его продукт принимает форму всеобщего эквивалента. Общинный строй, являющийся предпосылкой производства, не позволяет труду отдельного лица быть частным трудом и продукту его быть частным продуктом; напротив, этот строй обуславливает, что отдельный труд выступает непосредственно как функция члена общественного организма. Труд, который представляется в меновой стоимости, с самого начала предполагается как труд обособленного отдельного лица. Общественным он становится благодаря тому, что принимает форму своей непосредственной противоположности, форму абстрактной всеобщности.

Наконец, труд, создающий меновую стоимость, характеризуется тем, что общественное отношение лиц представляется как бы перевернутым, а именно как общественное отношение вещей. Лишь поскольку одна потребительная стоимость относится к другой как меновая стоимость, постольку труд различных лиц взаимно относится как равный и всеобщий. Если поэтому справедливо положение, что меновая стоимость есть отношение между лицами *, то к этому, однако, следует прибавить: отношение, скрытое под вещной оболочкой. Подобно тому, как фунт железа и фунт золота, несмотря на их различные физические и химические свойства, представляют *один и тот же* вес, точно так же потребительные стоимости двух товаров, содержащих одинаковое рабочее время, представляют *одну и ту же меновую стоимость*. Таким образом, меновая стоимость выступает как общественная определенность потребительных стоимостей, как определенность, присущая им как вещам, и благодаря которой они в процессе обмена точно так же замещают друг друга в определенных количественных отношениях и составляют эквиваленты, как простые химические вещества соеди-

даже исключительно русская форма. Это — первобытная форма, которую мы можем проследить у римлян, германцев, кельтов; целый ряд ее разнообразных образцов, хотя отчасти уже в разрушенном виде, до сих пор еще встречается у индусов. Более тщательное изучение азиатских, особенно индийских форм общинной собственности показало бы, как из различных форм первобытной общинной собственности вытекают различные формы ее разложения. Таким образом, напр., различные, оригинальные типы римской и германской частной собственности могут быть выведены из различных форм индийской общинной собственности.

* «La Ricchezza e una ragione tra due persone» [Богатство есть отношение между двумя лицами]. *Galiani, Della Moneta*, p. 220, в III томе собрания «*Scrittori classici Italiani di Economia Politica. Parte Moderna*», Milano 1803, изд. Custodi.

няются в определенных количественных отношениях, составляют химические эквиваленты. Только благодаря привычке повседневной жизни представляется тривиальным и само собою понятным, что общественное производственное отношение принимает форму вещи, так что отношение лиц в их труде представляется, наоборот, как отношение, в котором вещи находятся друг к другу и к людям. В товаре эта мистификация очень еще проста. Все более или менее смутно представляют себе, что отношение товаров, как меновых стоимостей, есть, наоборот, отношение лиц в их производительной деятельности друг для друга. В высших производственных отношениях эта видимость простоты исчезает. Все иллюзии монетарной системы происходят оттого, что не видят, что деньги представляют общественное отношение производства, но в форме естественной вещи с определенными свойствами. У современных экономистов, которые посмеиваются над иллюзиями монетарной системы, обнаруживается та же иллюзия, как только они обращаются к высшим экономическим категориям, напр. к капиталу. Эта иллюзия прорывается у них в виде наивного изумления, когда то, что они только что, как им казалось, определили как вещь, вдруг выступает пред ними в качестве общественного отношения, а затем то, что они едва успели зафиксировать как общественное отношение, вновь дразнит их в качестве вещи.

Так как меновая стоимость товаров в действительности есть не что иное, как взаимное отношение труда отдельных лиц в качестве равного и всеобщего, не что иное, как предметное выражение специфически общественной формы труда, то тавтологией является утверждение, что труд есть *единственный* источник меновой стоимости, а потому и богатства, поскольку оно состоит из меновых стоимостей. Такой же тавтологией является утверждение, что природное вещество, как таковое, не содержит меновой стоимости *, так как оно не содержит труда, и что меновая стоимость, как таковая, не содержит вещества природы. Однако, когда Вильям Петти называет «труд отцом богатства, а землю его матерью», или когда епископ Беркли спрашивает: «Разве четыре элемента, и в том числе человеческий труд, не составляют истинного источника богатства?» **,

* «В своем естественном состоянии материя всегда лишена стоимости». *Mac Culloch*, Discours sur l'origine de l'économie politique etc., traduit par Prévost. Genève 1825, p. 57. Из этого видно, насколько даже какой-нибудь Мак Келлок стоит выше фетишизма немецких «мыслителей», которые «вещество» и еще полдюжины других субстанций объявляют элементами стоимости. Ср., напр., Л. Штейн, I. c., т. I, стр. 110.

** *Berkley*, The Querist. London 1750. «Whether the four elements and man's labour therein be not the true source of wealth?»

или когда американец Т. Купер популярно излагает: «Отними у ковриги хлеба употребленный на нее труд пекаря, мельника, земледельца и т. д., что тогда останется? Несколько колосьев травы, дико растущих и не годных для какого бы то ни было человеческого потребления»*, — то во всех этих рассуждениях речь идет не об абстрактном труде как источнике меновой стоимости, но о труде конкретном как источнике материального богатства, короче — о труде, поскольку он производит потребительные стоимости. Поскольку предполагается потребительная стоимость товара, постольку предполагается особая полезность, определенная целесообразность потраченного на него труда; этим, однако, с точки зрения товара, исчерпывается всякое внимание к труду как к полезному труду. В хлебе, как потребительной стоимости, нас интересуют его свойства как средства питания, но совсем не труд земледельца, мельника, пекаря и т. д. Если бы благодаря какому-нибудь изобретению этот труд сократился на $\frac{19}{20}$, то коврига оказывала бы те же самые услуги, что и раньше. Если бы он падал готовым с неба, то он не утратил бы ни одного атома своей потребительной стоимости. В то время как труд, создающий меновую стоимость, осуществляется в равенстве товаров как всеобщих эквивалентов, — труд как целесообразная производительная деятельность осуществляется в бесконечном разнообразии их потребительных стоимостей. В то время как труд, создающий меновую стоимость, есть труд *абстрактно-всеобщий и равный*, труд, определяющий потребительную стоимость, есть труд конкретный и особенный, который сообразно форме и материалу разбивается на бесконечно различные виды труда.

Относительно труда, поскольку он производит потребительные стоимости, ошибочно утверждать, что он есть *единственный* источник произведенного им, именно — материального богатства. Так как он есть деятельность, приспособляющая вещественные элементы для той или иной цели, то он нуждается в веществе как предпосылке. В различных потребительных стоимостях пропорция между трудом и веществом природы очень различна, но потребительная стоимость всегда содержит какой-либо природный субстрат. Как целесообразная деятельность, направленная на освоение элементов природы в той или иной форме, труд составляет естественное условие человеческого существования, независимое от каких бы то ни было социальных форм условие обмена веществ между человеком и приро-

* *Th. Cooper, Lectures on the elements of Political Economy. London 1831 (Columbia 1820), p. 99.*

дой. Напротив, труд, создающий меновую стоимость, есть специфически общественная форма труда. Например, труд портного в своей вещественной определенности, как особая производительная деятельность, производит сюртук, а не его меновую стоимость. Последнюю он производит не как труд портного, но как абстрактно-всеобщий труд, а этот труд принадлежит к общественной связи, которой портной не произвел. Так, напр., в античной домашней промышленности женщины производили платье, не производя его меновой стоимости. Труд, как источник материального богатства, был так же хорошо известен законодателю Моисею, как и таможенному чиновнику Адаму Смиту*.

Рассмотрим теперь ближе некоторые определения, вытекающие из приведения меновой стоимости к рабочему времени.

В качестве потребительной стоимости товар действует как причина (*ursachlich*). Пшеница, напр., действует в качестве средства питания. Машина замещает труд в определенных пропорциях. Это действие товара, благодаря которому он только и есть потребительная стоимость, предмет потребления, можно назвать услугой, которую он оказывает как потребительная стоимость. Но как меновая стоимость товар всегда рассматривается только с точки зрения результата. Здесь речь идет не об услуге, которую он оказывает, но об услуге**, которая была оказана ему самому в ходе производства. Так, напр., меновая стоимость машины определяется не количеством рабочего времени, которое она замещает, а количеством рабочего времени, которое затрачено на нее самое и которое поэтому требуется, чтобы произвести новую машину такого же рода.

Поэтому, если бы количество труда, необходимое для производства товаров, оставалось постоянным, то их меновая стоимость была бы неизменна. Но легкость или трудность производства постоянно изменяются. Если производительная сила труда возрастает, то он производит ту же самую потребительную стоимость в более короткое время. Если производительность труда падает, то

* Ф. Лист, который никогда не мог понять — ибо понимание вообще было чуждо его односторонне-практическому рассудку — разницы между трудом, поскольку он способствует созданию полезности, потребительной стоимости, и трудом, поскольку он производит меновую стоимость, определенную общественную форму богатства, усмотрел поэтому в современных английских экономистах простых плагиаторов Моисея из Египта.

** Понятно, какую «услугу» должна оказывать категория «услуги» (*service*) такого рода экономистам, как Ж.-Б. Сэй и Ф. Бастиа, резонирующая мудрость которых, как уже правильно заметил Мальтус, везде абстрагирует от специфической определенности формы экономических отношений.

требуется больше времени для производства той же самой потребительной стоимости. Вследствие этого величина рабочего времени, заключенного в известном товаре, его меновая стоимость изменяется: она растет или падает в обратном отношении к росту или падению производительной силы труда. Производительная сила труда, которая в обрабатывающей промышленности применяется в наперед определяемой степени, в земледелии и добывающей промышленности зависит также от не контролируемых человеком естественных условий. *Один и тот же* труд будет давать большую или меньшую добычу металлов в зависимости от сравнительно более редких или более частых залежей этих металлов в земной коре. *Один и тот же* труд может овеществиться в урожайный год в двух бушелях пшеницы, а в неурожайный год, возможно, только в одном бушеле пшеницы. Кажется, будто здесь редкость или обилие, как естественные условия, определяют меновую стоимость, потому что они определяют производительную силу особого реального труда, связанную с естественными условиями.

Различные потребительные стоимости заключают в неравных объемах одинаковое рабочее время или одинаковую меновую стоимость. Чем в меньшем объеме своей потребительной стоимости, по сравнению с другими потребительными стоимостями, товар содержит определенное количество рабочего времени, тем больше его *специфическая меновая стоимость*. Если мы находим, что в различные весьма отдаленные друг от друга эпохи культуры известные потребительные стоимости составляют ряд специфических меновых стоимостей, которые друг к другу сохраняют если не строго неизменное числовое соотношение, то все же общее соотношение восходящего или нисходящего порядка, как, напр., золото, серебро, медь, железо или пшеница, рожь, ячмень, овес, — то из этого только следует, что прогрессирующее развитие общественных производительных сил равномерно или почти равномерно воздействовало на рабочее время, необходимое для производства этих товаров.

Меновая стоимость какого-либо товара находит проявление не в его собственной потребительной стоимости. Как овеществление всеобщего общественного рабочего времени потребительная стоимость одного товара поставлена в известные отношения к потребительным стоимостям других товаров. Меновая стоимость одного товара проявляет себя, таким образом, в потребительных стоимостях других товаров. Эквивалент есть в сущности меновая стоимость одного товара, выраженная в потребительной стоимости какого-нибудь другого товара. Если я говорю, напр.: 1 аршин холста стоит

2 фунта кофе, то меновая стоимость холста выражена в потребительной стоимости кофе, и притом в определенном количестве этой потребительной стоимости. Если дана эта пропорция, я могу стоимость любого количества холста выразить в кофе. Ясно, что меновая стоимость одного товара, напр. холста, не исчерпывается той пропорцией, в которой другой особый товар, напр. кофе, составляет его эквивалент. Количество всеобщего рабочего времени, которое представляет аршин холста, реализуется одновременно в бесконечно различных количествах потребительных стоимостей всех других товаров. Потребительная стоимость каждого другого товара в той пропорции, в какой она представляет равновеликое рабочее время, составляет эквивалент аршина холста. Меновая стоимость *этого отдельного товара* выражается поэтому исчерпывающим образом только в бесконечном числе уравнений, в которых потребительные стоимости всех других товаров составляют его эквивалент. Только в сумме этих уравнений или в совокупности различных пропорций, в которых данный товар обмениваем на каждый другой товар, этот товар находит исчерпывающее выражение как *всеобщий эквивалент*. Например, ряд уравнений:

$$\begin{aligned} 1 \text{ аршин холста} &= 1/2 \text{ фунта чая,} \\ 1 \text{ аршин холста} &= 2 \text{ фунтам кофе,} \\ 1 \text{ аршин холста} &= 8 \text{ фунтам хлеба,} \\ 1 \text{ аршин холста} &= 6 \text{ аршинам ситца,} \end{aligned}$$

может быть представлен следующим образом:

$$1 \text{ аршин холста} = 1/8 \text{ фунта чая} + 1/2 \text{ кофе} + 2 \text{ фунта хлеба} + 1 1/2 \text{ аршина ситца.}$$

Поэтому, если бы мы имели перед собой всю сумму уравнений, в которых исчерпывающе выражается стоимость одного аршина холста, мы могли бы представить его меновую стоимость в форме ряда. Этот ряд в сущности бесконечен, так как круг товаров никогда окончательно не замкнут, а постоянно расширяется. Но если, таким образом, один товар измеряет свою меновую стоимость потребительными стоимостями всех других товаров, то, обратно, меновые стоимости всех других товаров измеряются потребительной стоимостью этого, измеряющегося в них, товара *. Если меновая стоимость одного аршина холста выражается в $1/2$ ф. чая, или 2 ф. кофе,

* «Еще одно свойство меры заключается в таком отношении с измеряемыми вещами, что измеряемая вещь некоторым образом становится мерою измеряющей вещи». *Montanari, Della Moneta*, p. 48, в собрании *Custodi*, vol. III, *Parte antica*.

или 8 фунтах хлеба, или 6 аршинах ситца и т. д., то отсюда следует, что кофе, чай, ситец, хлеб и т. д. в тех пропорциях, в которых они равны третьей величине, холсту, равны между собою, и, стало быть, холст служит общей мерой их меновой стоимости. Каждый товар, как овеществленное всеобщее рабочее время, т. е. как определенное количество всеобщего рабочего времени, выражает свою меновую стоимость последовательно в определенных количествах потребительных стоимостей всех других товаров, и, наоборот, меновые стоимости всех других товаров измеряются потребительной стоимостью этого одного исключительного товара. Но, как меновая стоимость, каждый товар есть как исключительный товар, который служит общей мерой меновых стоимостей всех других товаров, так, с другой стороны, он только один из многих товаров, в совокупном кругу которых каждый другой товар непосредственно выражает свою меновую стоимость.

Величина стоимости какого-либо товара не зависит от того, существует ли, кроме него, мало или много товаров другого рода. Однако от большего или меньшего многообразия других товаров зависит больший или меньший ряд уравнений, в которых реализуется его меновая стоимость. Например, ряд уравнений, в которых представляется стоимость кофе, выражает сферу его обмениваемости, границы, в которых оно функционирует как меновая стоимость. Меновой стоимости товара, как овеществлению всеобщего общественного рабочего времени, соответствует выражение его эквивалентности в бесконечно разнообразных потребительных стоимостях.

Мы видели, что меновая стоимость товара изменяется вместе с количеством непосредственно заключенного в нем рабочего времени. Реализованная, т. е. выраженная в потребительных стоимостях других товаров, его меновая стоимость должна зависеть также от отношения, в котором изменяется рабочее время, затрачиваемое на производство всех других товаров. Если бы, напр., рабочее время, необходимое для производства одного шеффеля пшеницы, осталось прежним, тогда как рабочее время, необходимое для производства всех других товаров, удвоилось, то меновая стоимость шеффеля пшеницы, выраженная в его эквивалентах, упала бы на половину. Результат был бы практически тот же самый, как если бы необходимое для производства шеффеля пшеницы рабочее время сократилось на половину, а рабочее время, необходимое для производства всех других товаров, осталось неизменным. Стоимость товаров определяется пропорцией, в которой они могут быть произведены в течение одина-

кового рабочего времени. Чтобы видеть, каким возможным переменам подвержена эта пропорция, представим себе два товара — А и В. *Первый случай.* Пусть рабочее время, необходимое для производства В, остается неизменным. В этом случае меновая стоимость А, выраженная в В, падает или повышается в прямом отношении к уменьшению или увеличению рабочего времени, необходимого для производства А. *Второй случай.* Пусть рабочее время, необходимое для производства А, останется неизменным. Меновая стоимость А, выраженная в В, падает или повышается в обратном отношении к уменьшению или увеличению необходимого для производства В рабочего времени. *Третий случай.* Рабочее время, необходимое для производства А и В, уменьшается или увеличивается в одинаковой пропорции. В этом случае выражение эквивалентности товара А в товаре В остается неизменным. Если бы вследствие какого-нибудь обстоятельства производительная сила всех видов труда уменьшилась в одинаковой степени, так что для производства всех товаров требовалось бы в равной пропорции больше рабочего времени, то стоимость всех товаров возросла бы, реальное выражение их меновой стоимости осталось бы неизменным, а действительное богатство общества уменьшилось бы, так как ему потребовалось бы больше рабочего времени для производства той же самой массы потребительных стоимостей. *Четвертый случай.* Рабочее время, необходимое для производства А и В, увеличивается или уменьшается, но не в одинаковой степени для обоих, или же рабочее время, необходимое для производства А, увеличивается, между тем как рабочее время, необходимое для производства В, уменьшается, или наоборот. Все эти случаи можно просто свести к тому случаю, когда рабочее время, необходимое для производства одного товара, остается неизменным, между тем как необходимое для производства других товаров рабочее время повышается или падает.

Меновая стоимость каждого товара выражается в потребительной стоимости каждого другого товара, будь то в целых единицах или в дробных частях этой потребительной стоимости. Как меновая стоимость, каждый товар так же делим, как и рабочее время, овеществленное в нем. Эквивалентность товаров настолько же не зависит от их физической делимости как потребительных стоимостей, насколько для сложения меновых стоимостей товаров безразлично, какой реальной смене форм подвергаются потребительные стоимости этих товаров при превращении их в *один* новый товар.

До сих пор товар рассматривался с двоякой точки зрения — как потребительная стоимость и как меновая стоимость, всякий

раз односторонние. Однако как товар он есть непосредственное *единство* потребительной стоимости и меновой стоимости; вместе с тем, он есть товар только в отношении к другим товарам. *Действительное* отношение товаров друг к другу есть их *меновый процесс*. Это — общественный процесс, в который вступают независимые друг от друга индивиды, но они вступают в него только как товаровладельцы; их взаимное существование друг для друга есть существование их товаров, и, таким образом, они выступают в сущности лишь как сознательные носители процесса обмена.

Товар есть потребительная стоимость: пшеница, холст, алмаз, машина и т. д.; но как товар он есть вместе с тем *не* потребительная стоимость. Если бы он был потребительною стоимостью для своего владельца, т. е. непосредственно средством для удовлетворения его собственных потребностей, то он не был бы товаром. Для владельца он, напротив, *не потребительная стоимость*, а именно только вещественный носитель меновой стоимости или простое *средство обмена*; как активный носитель меновой стоимости потребительная стоимость становится средством обмена. Для своего владельца товар есть потребительная стоимость лишь в качестве меновой стоимости*. Следовательно, товар должен еще *сделаться* потребительной стоимостью, прежде всего для других. Так как товар не есть потребительная стоимость для его собственного владельца, то он есть потребительная стоимость для владельцев других товаров. Если этого нет, то труд его владельца был трудом бесполезным, и, стало быть, результат его — не товар. С другой стороны, товар должен сделаться потребительной стоимостью *для самого его владельца*, потому что средства существования данного владельца существуют вне этого товара в потребительных стоимостях чужих товаров. Чтобы *сделаться* потребительной стоимостью, товар должен противостоять определенной потребности, для которой он является средством удовлетворения. Следовательно, потребительные стоимости товаров *становятся* потребительными стоимостями, меняя свои места всесторонним образом, переходя из рук, в которых они суть средства обмена, в руки, в которых они суть предметы потребления. Только посредством такого всестороннего *отчуждения* товаров заключенный в них труд становится полезным трудом. В *процессе* этих отношений товаров друг к другу как потребительных стоимостей они не получают никакой новой экономической определен-

* Именно в этой определенности Аристотель понимает меновую стоимость (см. цитированное в начале этой главы место).

пости формы. Напротив, исчезает и та определенность формы, которая характеризовала их как товары. Например, хлеб, при переходе из рук пекаря в руки потребителя, не изменяет своего бытия как хлеб. Наоборот, только потребитель относится к нему как к потребительной стоимости, как к определенному средству питания, между тем как в руках пекаря он был носителем экономического отношения, вещь чувственно-сверхчувственной. Стало быть, единственная перемена формы, которой подвергаются товары в процессе своего становления потребительными стоимостями, есть уничтожение их формального бытия, в котором они не были потребительными стоимостями для своего владельца и были потребительными стоимостями для своего невластельца. Чтобы стать потребительными стоимостями, товары должны всесторонне отчуждаться, вступать в процесс обмена, но их бытие для обмена есть их бытие в качестве меновых стоимостей. Поэтому, чтобы реализоваться как потребительные стоимости, они должны реализоваться как меновые стоимости.

Если отдельный товар с точки зрения потребительной стоимости первоначально выступал как самостоятельная вещь, то, наоборот, как меновая стоимость, он с самого начала рассматривался в отношении ко всем другим товарам. Но это отношение было только теоретическим, мысленным. Действительным оно становится лишь в процессе обмена. Однако, с другой стороны, товар есть меновая стоимость, поскольку на него затрачено определенное количество рабочего времени, поскольку, следовательно, он есть *овеществленное рабочее время*. Но в своем непосредственном виде товар есть лишь овеществленное индивидуальное рабочее время особенного содержания, а не *всеобщее* рабочее время. Он поэтому не есть непосредственно меновая стоимость, а должен еще *стать* таковою. Прежде всего, он может быть овеществлением всеобщего рабочего времени лишь поскольку он представляет рабочее время в определенном полезном применении, т. е. в какой-нибудь потребительной стоимости. Это — материальное условие, которое является предпосылкой признания заключенного в товарах рабочего времени всеобщим, общественным. Таким образом, если товар может стать потребительной стоимостью лишь благодаря тому, что он осуществляется в качестве меновой стоимости, то, с другой стороны, он может осуществиться как меновая стоимость лишь благодаря тому, что он в процессе отчуждения оказывается пригодным в качестве потребительной стоимости. Товар как потребительная стоимость может быть отчужден только тому, для кого он является потребительной стоимостью, т. е. предметом особой потребности. С другой

стороны, он отчуждается только за другой товар, или, если мы станем на точку зрения владельца этого другого товара, то увидим, что этот владелец может точно так же отчуждать свой товар, т. е. реализовать его, только тогда, когда приведет его в соприкосновение с особой потребностью, для удовлетворения которой он служит. Следовательно, при всестороннем отчуждении товаров как *потребительных стоимостей* товары относятся друг к другу сообразно их вещественному различию, как особые вещи, которые удовлетворяют своими специфическими свойствами особые потребности. Но в качестве таких простых потребительных стоимостей они друг для друга безразличны, не стоят ни в каком отношении друг к другу. Как потребительные стоимости товары могут обмениваться только вследствие их отношения к особым потребностям. Но способностью к обмену они обладают только как эквиваленты, эквиваленты же они суть лишь как равные количества овеществленного рабочего времени, так что естественные свойства их в качестве потребительных стоимостей, и, стало быть, отношение товаров к особым потребностям, исчезают из поля зрения. В качестве меновой стоимости товар действует, напротив, тем, что он, как эквивалент, замещает любым образом определенное количество всякого другого товара, независимо от того, есть ли он для владельца другого товара потребительная стоимость или нет. Но для владельца другого товара он лишь постольку товар, поскольку он для него потребительная стоимость, и для своего собственного владельца он лишь постольку меновая стоимость, поскольку он товар для другого. Поэтому одно и то же отношение должно быть: отношением товаров как величин, по существу равных и лишь количественно различных; равенством их как материализации всеобщего рабочего времени; вместе с тем оно должно быть отношением товаров как качественно различных вещей, как особых потребительных стоимостей, удовлетворяющих особые потребности, словом — отношением, при котором они различаются как действительные потребительные стоимости. Но это приравнивание и неприравнивание взаимно исключают друг друга. Таким образом, здесь представляется не только ложный круг проблем, поскольку разрешение одной из них уже предполагает разрешение другой, но и совокупность противоречивых требований, поскольку выполнение одного условия непосредственно связано с выполнением другого, ему противоположного.

Процесс обмена товаров должен быть как разворачиванием, так и разрешением этих противоречий, которые не могут, однако, пред-

ставляться в нем в такой простой форме. Мы видели только, как сами товары относятся друг к другу как потребительные стоимости, т. е. каким образом товары *в пределах* процесса обмена выступают в качестве потребительных стоимостей. Напротив, меновая стоимость, как мы ее до сих пор рассматривали, существовала только в нашей абстракции или, если угодно, в абстракции отдельного товаровладельца, у которого товар, как потребительная стоимость, лежит на складе и, как меновая стоимость, — на совести. Однако внутри процесса обмена сами товары должны быть налицо не только как потребительные стоимости, но и как меновые стоимости друг для друга, и это их бытие должно проявляться как их собственное отношение друг к другу. Трудность, на которую мы прежде всего натолкнулись, заключается в том, что товар для того, чтобы представиться как меновая стоимость, как овеществленный труд, сначала должен быть отчужден, реализован, как потребительная стоимость, между тем это отчуждение его в качестве потребительной стоимости предполагает, напротив, его бытие как меновой стоимости. Допустим, однако, что эта трудность разрешена. Предположим, что товар сбросил с себя особую потребительную стоимость и через отчуждение ее выполнил материальное условие, заключающееся в том, чтобы быть общественно-полезным трудом, вместо того, чтобы быть особым трудом отдельного лица для себя самого. Тогда товар должен стать в процессе обмена меновой стоимостью, всеобщим эквивалентом, овеществлением всеобщего рабочего времени для других товаров, и, таким образом, вместо ограниченного значения отдельной потребительной стоимости он должен приобрести непосредственную способность выражаться во всех потребительных стоимостях как в своих эквивалентах. Но каждый товар есть *тот* товар, который, таким образом, через отчуждение своей особенной потребительной стоимости должен выступить как прямая материализация всеобщего рабочего времени. Но, с другой стороны, в процессе обмена противостоят друг другу только особенные товары, труд частных лиц, воплощенный в особенных потребительных стоимостях. Всеобщее рабочее время само есть абстракция, которая, как таковая, для товаров не существует.

Рассмотрим сумму уравнений, в которых меновая стоимость товара находит свое реальное выражение; напр.:

1 аршин холста = 2 фунтам кофе,

1 аршин холста = $\frac{1}{2}$ фунта чая,

1 аршин холста = 8 фунтам хлеба и т. д.

Эти уравнения говорят только о том, что в 1 аршине холста, 2 фунтах кофе, $\frac{1}{2}$ фунта чая и т. д. овеществлено всеобщее общественное рабочее время одинаковой величины. Но в действительности индивидуальные работы, которые представлены в этих особых потребительных стоимостях, становятся всеобщим и в этой форме общественным трудом лишь благодаря тому, что эти потребительные стоимости действительно обмениваются друг на друга пропорционально продолжительности содержащегося в них труда. Общественное рабочее время существует в этих товарах, так сказать, в скрытом виде и обнаруживается только в процессе их обмена. Исходным пунктом является не труд индивидов как общественный труд, а, наоборот, особенный труд частных индивидов, труд, который только в процессе обмена, через уничтожение его первоначального характера, обнаруживает себя как всеобщий общественный труд. Следовательно, всеобщий общественный труд есть не готовая предпосылка, а становящийся результат. Таким образом, возникает новое затруднение, заключающееся в том, что товары, с одной стороны, должны вступать в процесс обмена как овеществленное всеобщее рабочее время, а с другой стороны, овеществление рабочего времени индивидов как всеобщего само есть лишь продукт процесса обмена.

Каждый товар должен через отчуждение своей потребительной стоимости, т. е. первоначального своего существования, получить свое соответствующее существование в качестве меновой стоимости. Поэтому товар должен в процессе обмена удвоить свое существование. С другой стороны, его второе существование в качестве меновой стоимости может в свою очередь быть только другим товаром, так как в процессе обмена противостоят друг другу только товары. Возникает вопрос, каким образом непосредственно представить особенный товар как *овеществленное всеобщее* рабочее время или, что то же, каким образом индивидуальному рабочему времени, овеществленному в особенном товаре, придать непосредственно характер всеобщности. Реальное выражение меновой стоимости товара, т. е. каждого товара как всеобщего эквивалента, представляется в бесконечной сумме уравнений, напр.:

1 аршин холста = 2 ф. кофе,

1 аршин холста = $\frac{1}{2}$ ф. чая,

1 аршин холста = 8 ф. хлеба,

1 аршин холста = 6 аршинам ситца и т. д.

Это представление было теоретическим до тех пор, пока товар

только *мыслился* как определенное количество овеществленного рабочего времени. Существование особенного товара как всеобщего эквивалента из голой абстракции становится *общественным* результатом самого процесса обмена, если просто перевернуть вышеприведенный ряд уравнений. Например:

$$\begin{aligned} 2 \text{ ф. кофе} &= 1 \text{ аршину холста,} \\ \frac{1}{2} \text{ ф. чая} &= 1 \text{ аршину холста,} \\ 8 \text{ ф. хлеба} &= 1 \text{ аршину холста,} \\ 6 \text{ аршин ситца} &= 1 \text{ аршину холста и т. д.} \end{aligned}$$

Если кофе, чай, хлеб, ситец, словом, все товары выражают содержащееся в них самих рабочее время в холсте, то, обратно, меновая стоимость холста разворачивается во всех других товарах как в своих эквивалентах, и овеществленное в самом холсте рабочее время становится непосредственно всеобщим рабочим временем, которое одинаково выражается в различных количествах всех других товаров. Холст становится здесь *всеобщим эквивалентом* благодаря *всестороннему действию* на него всех других товаров. Как меновая стоимость, каждый товар становился мерой стоимости всех других товаров. Здесь же, наоборот, вследствие того, что все товары измеряют свою меновую стоимость посредством одного особенного товара, этот выделенный товар становится адекватным бытием меновой стоимости, ее бытием в качестве всеобщего эквивалента. Теперь бесконечный ряд уравнений, бесконечное их множество, в которых выражалась меновая стоимость каждого товара, сжимается в одно единственное уравнение, состоящее из двух членов. Уравнение: 2 фунта кофе = 1 аршину холста, есть теперь исчерпывающее выражение меновой стоимости кофе, так как последняя в этом выражении непосредственно выступает как эквивалент для определенного количества всякого другого товара. Следовательно, теперь внутри процесса обмена товары существуют или выступают друг для друга меновыми стоимостями в форме холста. То, что все товары, в качестве меновых стоимостей, относятся друг к другу только как различные количества овеществленного всеобщего рабочего времени, проявляется теперь таким образом, что они в качестве меновых стоимостей представляют только различные количества *одного и того же предмета* — холста. Поэтому всеобщее рабочее время в свою очередь представляется как особая вещь, как товар, существующий наряду со всеми другими товарами и вне их всех. Но вместе с тем равенство, в котором один товар представляется для другого товара меновой стоимостью, напр.

2 фунта кофе = 1 аршину холста, есть уравнение, которое должно еще осуществиться. Только благодаря отчуждению товара как потребительной стоимости, зависящему от того, докажет ли он в процессе обмена, что он есть предмет, отвечающий известной потребности, — товар действительно превращается из своего бытия в качестве кофе в свое бытие в качестве холста, принимает, таким образом, форму всеобщего эквивалента и становится действительно меновой стоимостью для всех других товаров. Наоборот, благодаря тому, что все товары через отчуждение их как потребительных стоимостей превращаются в холст, холст становится превращенным бытием всех других товаров, и только как результат этого превращения в него всех других товаров он делается непосредственно *овеществлением всеобщего рабочего времени*, т. е. продуктом всестороннего отчуждения, снятия индивидуальных работ. Если товары, таким образом, удваивают свое существование, чтобы выступать друг для друга меновыми стоимостями, то товар, выделенный в качестве всеобщего эквивалента, удваивает свою потребительную стоимость. Кроме своей особенной потребительной стоимости как особенного товара, он получает еще всеобщую потребительную стоимость. Эта его потребительная стоимость сама есть определенность формы, т. е. она вытекает из специфической роли, которую данный товар играет благодаря всестороннему действию на него других товаров в процессе обмена. Потребительная стоимость каждого товара, как предмет особой потребности, имеет различную стоимость в разных руках: напр., одну стоимость в руках того, кто его отчуждает, другую — в руках того, кто его приобретает. Товар, выделенный в качестве всеобщего эквивалента, представляет собой теперь предмет всеобщей потребности, выросшей из самого процесса обмена, и имеет для всех одинаковую потребительную стоимость, состоящую в том, что он — носитель меновой стоимости, всеобщее средство обмена. Таким образом, в этом одном товаре разрешается противоречие, которое заключает в себе товар как таковой, именно: быть особенной потребительной стоимостью и вместе с тем всеобщим эквивалентом, а поэтому и потребительной стоимостью для всех, всеобщей потребительной стоимостью. Следовательно, в то время как все другие товары теперь выражают свою меновую стоимость в виде мысленного подлежащего еще реализации равенства по отношению к выделенному товару, потребительная стоимость этого выделенного товара, хотя и реально существующая, выступает в самом процессе только как формальное бытие, которое должно еще реализоваться путем превращения в действительные

потребительные стоимости. Первоначально товар представлялся как товар вообще, как всеобщее рабочее время, овеществленное в особенной потребительной стоимости. В процессе обмена все товары относятся к выделенному товару как к товару вообще, как к *единственному* товару, как к бытию всеобщего рабочего времени в особенной потребительной стоимости. Поэтому как *особенные* товары они противопоставляются одному особенному товару как *всеобщему* товару *. Следовательно, то, что товаровладельцы в их взаимных отношениях относятся к своему труду как к всеобщему и общественному, представляется таким образом, что они относятся к своим товарам как к меновым стоимостям; взаимное отношение товаров друг к другу как меновых стоимостей представляется в процессе обмена в виде их всестороннего отношения к одному особенному товару как к адекватному выражению их меновой стоимости, что, обратно, выступает, в свою очередь, как специфическое отношение этого особенного товара ко всем остальным товарам и потому как определенный, как бы природный общественный характер вещи. Особенный товар, представляющий, таким образом, адекватное бытие меновой стоимости всех товаров, или меновая стоимость товаров как особенный выделенный товар, есть *деньги*. Это — кристаллизация меновой стоимости товаров, которую они создают в самом процессе обмена. Следовательно, в то время как товары внутри менового процесса становятся друг для друга *потребительными стоимостями* благодаря тому, что они обрасывают с себя всякую определенность формы и относятся друг к другу в своем непосредственном материальном виде, — то для того, чтобы выступать по отношению друг к другу *меновыми стоимостями*, они должны принять новую определенность формы, должны развиваться в форму денег. Деньги — не символ, как не символ бытие потребительной стоимости в виде товара. То, что общественное производственное отношение представляется как предмет, находящийся вне индивидов, а определенные отношения, в которые люди вступают в процессе производства своей общественной жизни, представляются как специфические свойства вещи, — это извращение, эта не воображаемая, а прозаически-реальная мистификация характеризует все общественные формы труда, определяющего меновую стоимость. В деньгах это выступает только ярче, чем в товаре.

Необходимые физические свойства особенного товара, в котором

* Это выражение встречается у Дженовези (Genovesi) [Пометка Маркса на его личном экземпляре «К критике политической экономии». *Ред.*]

должно кристаллизироваться денежное бытие всех товаров, поскольку эти свойства вытекают непосредственно из природы меновой стоимости, суть: произвольная делимость, однородность частей и отсутствие различий между всеми экземплярами этого товара. Как материализация всеобщего рабочего времени, он должен быть однородным и способным представлять только количественные различия. Другим необходимым свойством является прочность его потребительной стоимости, так как он должен сохраняться в процессе обмена. Благородные металлы обладают этими свойствами в превосходной степени. Так как деньги — не продукт размышления или соглашения, а созданы инстинктивно в процессе обмена, то очень различные, более или менее неподходящие товары поочередно исполняли функцию денег. Появляющаяся на известной ступени развития процесса обмена необходимость полярного разделения назначений меновой стоимости и потребительной стоимости между товарами, так что один товар, напр., фигурирует как средство обмена, в то время как другой отчуждается как потребительная стоимость, — эта необходимость приводит к тому, что один или даже несколько товаров, обладающих наиболее всеобщей потребительной стоимостью, сначала случайно играют роль денег. Если эти товары даже не являются предметами, отвечающими непосредственно существующей потребности, то им обеспечивает более всеобщий характер, чем остальным потребительным стоимостям, то обстоятельство, что они материально образуют значительнейшую часть богатства.

Непосредственная меновая торговля, — первоначальная форма процесса обмена, — представляет собою начало превращения потребительных стоимостей в товары, а не товаров в деньги. Меновая стоимость не получает еще самостоятельной формы, она еще непосредственно связана с потребительной стоимостью. Это обнаруживается двояким образом. Само производство во всей своей структуре направлено на создание потребительной стоимости, а не меновой стоимости, и поэтому только в той части, которая составляет излишек сверх того, что требуется для потребления, потребительные стоимости здесь перестают быть потребительными стоимостями и становятся средством обмена, товарами. С другой стороны, они становятся здесь товарами только в границах непосредственной потребительной стоимости, хотя и располагаются полярно, так что товары, предназначенные товаровладельцами к обмену, должны быть потребительными стоимостями для обоих, но каждый товар — потребительной стоимостью для того, кто не владеет им. В действи-

тельность и процесс обмена товаров возникает первоначально не в недрах первобытных общин*, но там, где они кончаются, на их границах, в тех немногих пунктах, где они соприкасаются с другими общинами. Здесь начинается меновая торговля и отсюда она проникает во внутреннюю жизнь общины, на которую она действует разлагающим образом. Поэтому особенные потребительные стоимости, которые в меновой торговле между различными общинами становятся товарами, напр. рабы, скот, металлы, чаще всего образуют первые деньги внутри самой общины. Мы видели, что меновая стоимость товара тем в большей степени представляется как меновая стоимость, чем длиннее ряд его эквивалентов, или чем *больше* сфера обмена для этого товара. Поэтому постепенное расширение меновой торговли, увеличение числа актов обмена и разнообразия входящих в меновую торговлю товаров развивает товар как меновую стоимость, необходимо требует образования денег и тем самым действует разлагающим образом на меновую торговлю. Экономисты обычно выводят деньги из внешних затруднений, на которые наталкивается расширившаяся меновая торговля, но они забывают при этом, что эти затруднения происходят из развития меновой стоимости и, стало быть, общественного труда как труда всеобщего. Например, товары как потребительные стоимости не обладают произвольной делимостью, которой они должны обладать как меновые стоимости. Или товар владельца А может быть потребительной стоимостью для В, между тем как товар В не является потребительной стоимостью для А. Или, предположим, товаровладельцы нуждаются в предназначенных к обмену друг на друга неделимых товарах в неодинаковых стоимостных пропорциях. Другими словами, под предлогом исследования простой меновой торговли, экономисты выясняют себе известные стороны противоречия, которое скрывается в бытии товара как непосредственного единства потребительной и меновой стоимости. С другой стороны, они затем последовательно придерживаются мнения, что меновая торговля есть адекватная форма процесса обмена товаров, связанная только с известными техническими неудобствами, для устранения которых деньги служат хитро придуманным средством. Исходя из этой совершенно поверхностной позиции, один остроумный

* Аристотель отмечает то же самое в отношении частной семьи в условиях первобытной общины. Но первобытная форма семьи, это — сама родовая семья, из исторического разложения которой только и появляется частная семья. «В первой стадии развития общения, т. е. в семье, очевидно, не было никакой надобности в обмене» (I. с.).

английский экономист правильно утверждал, что деньги представляют собою только материальное орудие, как корабль или паровая машина, а не выражение какого-нибудь общественного производственного отношения, и, следовательно, не экономическую категорию. Поэтому, по его мнению, лишь по ошибке деньги исследуются в политической экономии, которая в самом деле не имеет ничего общего с технологией*.

В товарном мире уже предполагается развитое разделение труда или, наоборот, оно непосредственно представляется в разнообразии потребительных стоимостей, которые противостоят друг другу как особенные товары и в которых заключены столь же разнообразные виды труда. *Разделение труда*, как совокупность всех особенных видов производительной деятельности, есть общее состояние общественного труда, рассматриваемого с его вещественной стороны в качестве труда, производящего потребительные стоимости. Но, как таковой, труд существует, с точки зрения товаров и внутри процесса обмена, только в своем результате, в особенном характере самих товаров.

Обмен товаров есть процесс, в котором общественный обмен веществ, т. е. обмен особенных продуктов частных лиц, есть вместе с тем создание определенных общественных производственных отношений, в которые вступают индивиды в этом обмене веществ. Развивающиеся отношения товаров друг к другу кристаллизуются как различные определения всеобщего эквивалента, и, таким образом, процесс обмена есть вместе с тем процесс образования денег. В целом этот процесс, который представляется как последовательность различных процессов, есть *обращение*.

А. К ИСТОРИИ АНАЛИЗА ТОВАРА.

Анализ, который приводит товар к труду в его двойственной форме, — потребительную стоимость к реальному труду, или целесообразно производительной деятельности, а меновую стоимость к рабочему времени, или равному общественному труду, — есть последний критический вывод более чем полуторавековых исследований классической политической экономии, которая начинается

* «Деньги представляют собою в сущности лишь инструмент для покупок и продаж (скажите, однако, что вы понимаете под покупками и продажами?), и изучение их относится к политической экономии не в большей мере, чем изучение кораблей, паровых машин или прочих инструментов, употребляемых для облегчения производства и распределения богатств» (*Th. Hodgskin, Popular political economy etc., London 1827, p. 178, 179*).

в Англии с Вильяма Петти, а во Франции с Буагильбера * и оканчивается в Англии Рикардо, а во Франции Сисмонди.

Петти сводит потребительную стоимость к труду, несколько не обманываясь относительно природной обусловленности его творческой силы. Действительный труд он с самого начала рассматривает во всем его общественном целом как *разделение труда* **. Этот

* Сравнительное изучение трудов и личностей Петти и Буагильбера, не говоря уже о том ярком свете, который оно пролило бы на социальное различие Англии и Франции в конце XVII и начале XVIII столетий, было бы генетическим изложением национального контраста между английской и французской политической экономией. Тот же самый контраст в заключение повторяется у Рикардо и Сисмонди.

** Петти исследовал значение разделения труда также как производительной силы, и притом на более обширном основании, чем Адам Смит. См. «An essay concerning the multiplication of mankind etc.», 3 edition 1686, p. 35 — 36. Он показывает здесь выгоды разделения труда для производства не только на фабрикации карманных часов, как позднее это делает А. Смит на примере фабрикации булавок, но также на примере города или целой страны, рассматриваемых в качестве крупных фабричных предприятий. «Обозреватель» («Spectator») от 26 ноября 1711 г. ссылается на эту «illustration of the admirable Sir William Petty» [иллюстрацию несравненного сэра Вильяма Петти]. Таким образом, Мак Келлок ошибается, считая, что «Обозреватель» смешал Петти с другим писателем, который был моложе Петти на 40 лет. См. *Mac Culloch, The Literature of Political Economy, a classified catalogue.* London 1845, p. 105. Петти чувствует себя основателем новой науки. Его метод, говорит он, «не обычный». Вместо того, чтобы сплести воедино целый ряд слов в сравнительной и превосходной степени и спекулятивных аргументов, он стал говорить посредством terms of number, weight or measure [чисел, весов и мер], пользоваться исключительно аргументами, взятыми из чувственного опыта, и рассматривать только такие причины, as have visible foundations in nature [которые имеют видимое основание в природе]. Он предоставляет другим исследование причин, зависящих от mutable minds, opinions, appetites and passions of particular men [непостоянства умов, мнений, желаний и страстей отдельных людей] («Political Arithmetic etc.» Lond., 1699. Preface). Его гениальная смелость обнаруживается, напр., в предложении переселить всех жителей и перевести движимые имущества Ирландии и горной Шотландии в свободную часть Великобритании. Вследствие этого рабочее время было бы сбережено, производительная сила труда увеличилась бы и «король и его подданные сделали бы богаче и сильнее» («Pol. Arith.», Ch. 4). Или, напр., в той главе его «Политической арифметики», в которой он в эпоху, когда Голландия играла все еще преобладающую роль в качестве торговой нации, а Франция, казалось, становилась господствующей торговой державой, доказывает, что Англия призвана завоевать мировой рынок: «That the king of England's subjects have stock competent and convenient to drive the trade of the whole commercial world» (l. c. Ch. 10) [что подданные английского короля имеют достаточные и подходящие средства для ведения торговли всего коммерческого мира] и «That the impediments of England's greatness are but contingent and removeable» [«что препятствия для величия Англии — временные и могут быть

взгляд на источник вещественного богатства не остается, как, например, у его современника Гоббса, более или менее бесплодным, но приводит его к *политической арифметике* — этой первой форме, в которой политическая экономия выделяется как самостоятельная наука. Однако меновую стоимость он берет так, как она *проявляется* в процессе обмена товаров, как деньги, самые же деньги — как существующий товар, золото или серебро. Опутанный представлениями монетарной системы, он объявляет тот особенный вид реального труда, при посредстве которого добываются золото и серебро, трудом, создающим меновую стоимость. В сущности он полагает, что буржуазный труд должен производить не непосред-

устранены] (р. 247, seq.). Оригинальным юмором проникнуты все его сочинения. Так, например, он показывает далее, что завоевание мирового рынка Голландией, которая в то время была такой же образцовой страной для английских экономистов, как теперь Англия для континентальных, произошло совершенно естественным путем «без того ангельского остроумия и разума, какие некоторыми людьми приписываются голландцам» (without such angelical wits and judgements as some attribute to the Hollanders) (l. c., p. 175 — 176). Он защищает свободу совести, как условие торговли, «потому, что бедные до тех пор будут прилежны и будут смотреть на труд и усердие как на долг перед богом, пока им позволено будет думать, что, обладая в меньшей степени богатством, они зато обладают большим умом и пониманием в божественных делах, что считается ими специальной собственностью бедных». Поэтому торговля «связана не с какой-нибудь определенной религией, а скорей всего с иноверческой частью населения» (l. c., p. 183 — 186). Он высказывается за специальные общественные налоги в пользу мошенников, потому что обществу лучше самому обложить себя податью в пользу мошенников, чем предоставить это делать им (l. c., p. 199). Напротив, он осуждает налоги, которые переносят богатство из промышленных рук в руки тех, которые «ничего не делают, как только едят, пьют, поют, играют, танцуют и *занимаются метафизикой*». Сочинения Петти являются почти библиографической редкостью, они имеются лишь в разрозненном виде в старых плохих изданиях, что тем более удивительно, что В. Петти не только отец английской политической экономии, но в то же время предок Генриха Петти, иначе — маркиза Ленсдоуна, Нестора английских вигов. Впрочем, семья Ленсдоунов едва ли могла бы издать собрание сочинений Петти, не снабдив его жизнеописанием автора, а в этом случае применимо замечание, которое относится к происхождению (origines) большинства знаменитых вигских фамилий, именно: чем меньше о них говорить, тем лучше (the less said of them the better). Смелый в мыслях, но чрезвычайно фривольный армейский хирург, который столь же был способен грабить Ирландию под эгидой Кромвеля, как и вымаливать у Карла II титул баронета за этот грабеж, представляет собой такой образ предка, который едва ли удобно выставить для публичного обозрения. Сверх того, в большинстве своих произведений, изданных им при жизни, Петти старается доказать, что расцвет Англии приходится на время Карла II, — еретическое воззрение для наследственных эксплуататоров «glorious revolution» [славной революции].

ственную потребительную стоимость, а товар, — потребительную стоимость, которая способна путем своего отчуждения в процессе обмена представляться в виде золота и серебра, т. е. как деньги, т. е. как меновая стоимость, т. е. как овеществленный всеобщий труд. Таким образом, его пример показывает очень наглядно, что признание труда источником вещественного богатства никоим образом не исключает непонимания той определенной общественной формы, в которой труд есть источник меновой стоимости.

Буагильбер, со своей стороны, растворяет если не сознательно, то фактически меновую стоимость товара в рабочем времени, определяя «истинную стоимость» (*la juste valeur*) правильной пропорцией, в которой рабочее время индивидов разделяется между отдельными отраслями промышленности, и представляя свободную конкуренцию как общественный процесс, который устанавливает эту правильную пропорцию. Но одновременно с этим и в противоположность Петти он фанатически борется против денег, которые, по его мнению, своим вторжением нарушают естественное равновесие или гармонию товарного обмена и, как фантастический Молох, требуют себе в жертву все естественное богатство. Если, с одной стороны, эта полемика против денег связана с определенными историческими условиями, так как Буагильбер борется с бессмысленно-разорительной жадностью к золоту двора Людовика XIV, его финансовых откупщиков и его дворянства*, тогда как Петти прославляет жажду золота как могучий стимул, побуждающий народ к промышленному развитию и завоеванию мирового рынка, — то в то же время здесь выступает более глубокая принципиальная противоположность, повторяющаяся как постоянный контраст между истинно английской и истинно французской** политической экономией. Буагильбер в сущности обращает внимание только на вещественное содержание богатства, потребительную стоимость,

* В противоположность «финансовой черной магии» тогдашнего времени, Буагильбер говорит: «Финансовая наука есть только углубленное понимание земледелия и торговли» (*«La science financière n'est que la connaissance approfondie des intérêts de l'agriculture et du commerce»*). (*«Le détail de la France»*, 1697. Издание Eugène Daire, «*Economistes financiers du XVIII siècle*». Paris 1843, vol. I, p. 251).

** Но не романской политической экономии, так как итальянцы в двух школах — неаполитанской и миланской — повторяют противоположность между английской и французской экономией, а испанцы более ранней эпохи являются либо чистыми меркантилистами или модифицированными меркантилистами, как Устариц, либо же как Ховельянос (см. его *Obras*, Barcelona, 1839 — 40) вместе с А. Смитом держатся «золотой середины».

потребление*, и рассматривает буржуазную форму труда, производство потребительных стоимостей как товаров, и процесс обмена товаров, как естественную общественную форму, в которой индивидуальный труд достигает указанной цели. Поэтому там, где перед ним выступает специфический характер буржуазного богатства, напр. в деньгах, он предполагает насильственное вмешательство чуждых элементов и резко нападает на буржуазный труд в одной его форме, одновременно утопически идеализируя его в другой форме**. Буагильбер представляет нам пример того, что можно рассматривать рабочее время как меру величины стоимости товаров и в то же время смешивать труд, овеществленный в меновой стоимости товаров и измеряемый временем, с непосредственной естественной деятельностью индивидуумов.

Первый сознательный, почти тривиально ясный анализ меновой стоимости, приводящий ее к рабочему времени, мы находим у человека Нового Света, где буржуазные производственные отношения, введенные туда вместе с их носителями, быстро расцвели на почве, на которой недостаток исторической традиции вознаграждался избытком чернозема. Этот человек — *Вениамин Франклин*, который в своей первой юношеской работе, написанной в 1719 г. и напечатанной в 1721 г., формулировал основной закон современной политической экономии***. Он объявляет необходимым искать иную меру стоимостей, чем благородные металлы. Эта мера — труд. «Трудом можно измерять стоимость серебра так же хорошо, как и всех других предметов. Допустим, напр., что один человек занят производством зернового хлеба в то время, как другой добывает и очищает серебро. В конце года или иного определенного периода времени полный продукт, хлеб и серебро, составляют друг для друга естественную цену, и если первого было произведено

* «Истинное богатство... полное удовлетворение не только потребностей жизни, но даже удовлетворение в излишествах и во всем, что может доставить удовольствие чувствам» («La véritable richesse... jouissance entière, non seulement des besoins de la vie, mais même de tous les superflus et de tout ce qui peut faire plaisir à la sensualité»). *Boisguillebert*, Dissertation sur la nature de la richesse etc., I. c., p. 403. Но в то время как Петти был легкомысленным, склонным к грабежу и бесхарактерным авантюристом, Буагильбер, хотя и был одним из интендантов Людовика XIV, однако с таким же умом, как и смелостью, выступал за угнетенные классы.

** Французский социализм в лице Прудона страдает тем же самым национальным наследственным недугом.

*** *Franklin W.*, The works of etc., ed. by J. Sparks, vol. II. Boston 1836: «A modest inquiry into the nature and necessity of a paper currency».

20 бушелей, а второго 20 унций, то одна унция серебра стоит такое же количество труда, какое употреблено было на производство одного бушеля зерна. Если, однако, благодаря открытию более близких, более доступных и богатых рудников один человек может добыть 40 унций серебра с такой же легкостью, как раньше 20, а труд, необходимый для производства 20 бушелей хлеба, остается без перемены, то 2 унции серебра будут стоять не больше, чем такой же труд, употребленный на производство одного бушеля хлеба; таким образом, бушель, который раньше стоил 1 унцию, теперь *caeteris paribus* [при прочих равных условиях] будет стоять 2. Поэтому богатство какой-нибудь страны должно оцениваться сообразно *количеству труда*, которое ее жители способны закупить*. Рабочее время сразу представляется у Франклина в экономически одностороннем виде как мера стоимостей. Превращение реальных продуктов в меновые стоимости у него разумеется само собой, и поэтому речь идет только об отыскании меры величины их стоимости. «Так как, — говорит он, — торговля есть вообще не что иное, как обмен труда на труд, то стоимость всех вещей наиболее правильно оценивается трудом»**. Если вместо слова «труд» поставить здесь действительный труд, то сейчас же откроется смешение труда в одной форме с трудом в другой. Так как торговля состоит, напр., из обмена труда сапожника, труда рудокопа, труда прядильщика, труда художника и т. д., то разве стоимость сапог должна наиболее верно оцениваться трудом художника? Франклин, напротив, полагает, что стоимость сапог, руды, пряжи, картин и т. д. определяется абстрактным трудом, который не обладает никаким особенным качеством и поэтому лишь измерим в количественном отношении***. Но так как он не развивает труд, содержащийся в меновой стоимости, как абстрактно всеобщий и возникающий из всестороннего отчуждения индивидуальных работ общественный труд, то он неизбежно не понимает значения денег как непосредственной формы существования этого отчужденного труда. У него поэтому деньги и труд, создающий меновую стоимость, не находятся ни в какой внутренней связи; наоборот, деньги суть у него орудие, введенное в обмен

* L. c., p. 265. «Thus the riches of a country are to be valued by the quantity of labour its inhabitants are able to purchase».

** «Trade in general being nothing else but the exchange of labour for labour, the value of all things is, as I have said before, most justly measured by labour», l. c., p. 267.

*** L. c.: «Remarks and facts relative to the American paper money», 1764.

извне ради технического удобства *. Анализ меновой стоимости, данный Франклином, не оказал непосредственного влияния на общее движение науки, так как он рассматривал только отдельные вопросы политической экономии в связи с определенными практическими поводами.

Противоположность между действительным полезным трудом и трудом, создающим меновую стоимость, волновала Европу в течение XVIII столетия в форме проблемы: какой особенный вид действительного труда есть источник буржуазного богатства? Этим уже предполагалось, что не всякий труд, который осуществляется в потребительных стоимостях или производит продукты, тем самым непосредственно создает богатство. Для физиократов, однако, как и для их противников, наиболее острым спорным вопросом является не то, какой труд создает *стоимость*, а то, какой труд создает *прибавочную стоимость*. Они рассматривают, стало быть, вопрос в сложной форме, прежде чем они разрешили его в элементарной форме; так, историческое развитие всех наук только через множество перекрещивающихся и окольных путей приводит к их действительной исходной точке. В отличие от других архитекторов, наука не только рисует воздушные замки, но возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем она заложила его фундамент. Не останавливаясь здесь долее на физиократах и пройдя мимо целого ряда итальянских экономистов, которые в более или менее удачных догадках подходят к правильному анализу товара**, обратимся к первому британцу, выработавшему общую систему буржуазной экономии, к сэру *Джемсу Стюарту****. У него абстрактные категории политической экономии находятся еще в процессе отделения от их вещественного содержания и поэтому выступают неустановившимися и колеблющимися; так у него обстоит дело и с категорией меновой стоимости. В одном месте он определяет *реаль-*

* Смотри «Papers on American Politics»; «Remarks and facts relative to the American paper money», 1764 (I. c.).

** См., напр., *Galvani*, Della Moneta, vol. 3. В «Scrittori Classici Italiani di Economia politica» (изд. Custodi). Parte moderna. Milano 1803. «La fatica, — говорит он, — è l'unica che dà valore alla cosa», p. 75 [Только напряжение придает вещи стоимость]. Обозначение труда как fatica [напряжение] характерно для южан.

*** Произведение *Стюарта* «An inquiry into the principles of political economy, being an essay on the science of domestic policy in free nations» появилось в первый раз в 1767 г. в двух томах in quarto в Лондоне за 10 лет до «Богатства народов» Адама Смита. Я цитирую по дублинскому изданию 1770 года.

ную стоимость рабочим временем (what a workman can perform in a day [то, что работник может произвести в продолжение дня]), но рядом с этим путаным образом фигурируют заработная плата и сырой материал *. В другом месте его неуменье справиться с вещественным содержанием выступает еще поразительнее. Природный материал, содержащийся в товаре, напр. серебро в серебряном плетенье, он называет его *внутренней стоимостью* (intrinsic worth), а рабочее время, содержащееся в нем, — его *потребительной стоимостью* (useful value). «Первая, — говорит он, — есть нечто реальное само по себе... Напротив, потребительная стоимость должна оцениваться по труду, которого стоило ее производство. Труд, употребленный для видоизменения материала, представляет некоторую долю времени человека и т. д.» **. Что отличает Стюарта от его предшественников и последователей, это то, что он проводит резкое различие между специфическим общественным трудом, который представляется в меновой стоимости, и реальным трудом, производящим потребительные стоимости. Труд, говорит он, который через свое отчуждение (alienation) создает всеобщий эквивалент (universal equivalent), я называю *промышленностью*. Труд в смысле промышленности он отличает не только от реального труда, но и от других общественных форм труда. Этот труд есть для него буржуазная форма труда в противоположность к его античным и средневековым формам. Особенно его интересует различие между буржуазным и феодальным трудом, который он наблюдает в фазе его заката как в самой Шотландии, так и во время своих обширных путешествий по континенту. Стюарт, конечно, очень хорошо знал, что продукт принимает форму товара, а товар — форму денег и в добуржуазные эпохи, но он подробно доказывает, что товар, как элементарная основная форма богатства, и отчуждение, как господствующая форма присвоения, принадлежат только буржуазной эпохе производства; следовательно, что характер труда, создающего меновую стоимость, есть специфически буржуазный ***,

* *Stewart*, l. c., t. I, p. 181 — 183.

** *Stewart*, l. c., t. I, p. 361 — 362. «Represents a portion of a man's time».

*** Патриархальное земледелие, направленное непосредственно на создание потребительных стоимостей для землевладельца, он объявляет поэтому «злоупотреблением», если не в Спарте или Риме или даже в Афинах, то в промышленных странах XVIII столетия. Это «abusive agriculture» [незаконное земледелие] не есть «trade» [промышленная деятельность], а «только средство существования». Как буржуазное земледелие очищает деревню от излишних ртов, так буржуазная мануфактура очищает фабрику от излишних рук.

После того как особые формы реального труда: земледелие, мануфактура, мореплавание, торговля и т. д. поочередно объявлялись истинными источниками богатства, Адам Смит провозглашал труд вообще, и притом в его общественно-совокупном виде, в качестве *разделения труда*, единственным источником вещественного богатства, или потребительных стоимостей. В то время как здесь он совершенно упускает из вида элемент природы, последний преследует его в сфере чисто общественного богатства, меновой стоимости. Правда, Адам определяет стоимость товара содержащимся в нем рабочим временем, однако он относит действительность этого определения стоимости к до-адамовым временам. Другими словами, то, что ему представляется правильным с точки зрения простого товара, становится для него неясным, как только на место товара выступают высшие и более сложные формы: капитал, наемный труд, земельная рента и т. д. Он выражает это таким образом, что стоимость товаров измерялась содержащимся в них рабочим временем в *paradise lost* [потерянном раю] буржуазии, где люди противостояли друг другу еще не в качестве капиталистов, наемных рабочих, земельных собственников, фермеров, ростовщиков и т. д., а лишь в качестве простых товаропроизводителей и лиц, обменивающихся товарами. Он постоянно смешивает определение стоимости товаров заключенным в них рабочим временем с определением их стоимости стоимостью труда, все время путается в детальном анализе и не замечает объективного равенства, которое общественный процесс насильственно устанавливает между неравными работами, принимая это за субъективное приравнивание индивидуальных работ*. Переход от действительного труда к труду, создающему меновую стоимость, т. е. к буржуазному труду в его основной форме, осуществляется, как он пытается доказать, при помощи *разделения труда*. Между тем, насколько верно, что частный обмен предполагает в качестве предпосылки разделение труда, настолько неверно,

* Так, напр., Адам Смит говорит: «Одинаковые количества труда должны иметь во все времена и во всех местах одинаковую стоимость для того, кто работает. При нормальном состоянии здоровья, силы и деятельности и при средней степени умения, которым он обладает, он должен всегда отдавать одинаковую долю своего досуга, свободы и счастья. Таким образом, каково бы ни было количество товаров, которое он получает как вознаграждение за свой труд, цена, которую он уплачивает, всегда одинакова. Хотя за эту цену можно купить то меньшее, то большее количество товаров, но это только потому, что изменяется стоимость этих товаров, а не стоимость труда, покупающего их. Таким образом, один только труд никогда не изменяет своей стоимости. Следовательно, он представляет собой реальную цену товаров» и т. д.

что разделение труда предполагает наличие частного обмена. Например, у перуанцев труд был чрезвычайно сильно разделен, хотя частного обмена, обмена продуктов как товаров, у них не существовало.

В противоположность Адаму Смиту, *Давид Рикардо* четко выработал определение стоимости товара рабочим временем и показал, что этот закон господствует и над буржуазными производственными отношениями, на первый взгляд противоречащими ему. Исследования Рикардо ограничиваются исключительно *величиной стоимости*, и в отношении к ней он, по крайней мере, догадывается, что осуществление этого закона зависит от определенных исторических предпосылок. Он говорит именно, что определение величины стоимости рабочим временем действительно лишь для тех товаров, «количество которых может быть произвольно увеличено промышленностью и над производством которых господствует неограниченная конкуренция» *. На деле это лишь означает, что закон стоимости для своего полного развития предполагает общество с крупным производством и свободной конкуренцией, т. е. современное буржуазное общество. В остальном Рикардо рассматривает буржуазную форму труда как вечную естественную форму общественного труда. Первобытного рыбака и первобытного охотника он заставляет сразу, в качестве владельцев товаров, обменивать рыбу и дичь пропорционально овеществленному в этих меновых стоимостях рабочему времени. При этом он впадает в анахронизм, предполагая, что первобытные рыбак и охотник пользуются при учете своих орудий труда таблицами ежегодных процентных погашений, принятыми в 1817 г. на Лондонской бирже. «Параллелограммы г. Оуэна», кажется, были единственной формой общества, которую он знал кроме буржуазной. Хотя и ограниченный этим буржуазным горизонтом, Рикардо анализирует буржуазную экономию, которая в глубине выглядит совершенно иначе, чем она кажется на поверхности, с такой теоретической остротой, что лорд Брум мог о нем сказать: «Mr. Ricardo seemed as if he had dropped from an other planet» [Казалось, будто мистер Рикардо упал с другой планеты]. В прямой полемике с Рикардо *Сисмонди* подчеркивает специфически общественный характер труда, создающего меновую стоимость **, и отмечает как «характерную

* *Ricardo, David*, On the principles of political economy and taxation, 3 edition, London 1821, p. 3.

** *Sismondi*, Etudes sur l'économie politique. T. 2, Bruxelles 1837. «Торговля свела все к противоположности между потребительной и меновой стоимостью» (p. 161).

черту нашего экономического прогресса» то обстоятельство, что величина стоимости сводится к *необходимому* рабочему времени, к «отношению между потребностью всего общества и количеством труда, которое достаточно, чтобы удовлетворить эту потребность». Сисмонди уже не опутан представлениями Буагильбера, что труд, создающий меновую стоимость, фальсифицируется деньгами, но он нападает на крупный промышленный капитал точно так же, как Буагильбер на деньги. Если в лице Рикардо политическая экономия беспощадно делает свой последний вывод и этим завершается, то Сисмонди дополняет этот результат, представляя на себе самом ее сомнения.

Так как Рикардо в качестве завершителя классической политической экономии наиболее последовательно формулировал и развил определение меновой стоимости рабочим временем, то на нем, естественно, концентрируется полемика, поднятая экономистами. Если эту полемику освободить от ее по большей части пошлой ** формы, то она сводится к следующим пунктам:

Во-первых: Труд сам имеет меновую стоимость, и различные виды труда имеют различные меновые стоимости. Получается ложный круг, если меновую стоимость делать мерой меновой стоимости, так как измеряющая меновая стоимость опять-таки нуждается в мере. Это возражение разрешается в проблеме: при условии, что рабочее время дано в качестве имманентной меры меновой стоимости, развить на этом основании заработную плату. Учение о наемном труде дает на это ответ.

Во-вторых: Если меновая стоимость продукта равна содержащемуся в нем рабочему времени, то меновая стоимость рабочего дня равна его продукту. Или заработная плата должна быть равна продукту труда***. Между тем, в действительности имеет место обратное.

* *Sismondi*, I. c., p. 163 — 166 seq.

** Всего пошлее эта форма в примечаниях Ж.-Б. Сэя к французскому переводу Рикардо, сделанному Констанцио; наиболее педантичной и полной сомнения она является в недавно появившейся «*Theory of Exchange*», London, 1858 г., Маклеода.

*** Это возражение, приводимое против Рикардо буржуазными экономистами, впоследствии было подхвачено социалистами. Предполагая теоретическую верность формулы, они обвиняли практику в противоречии с теорией и приглашали буржуазное общество практически осуществить мнимый вывод из его теоретического принципа. Таким способом, по крайней мере, английские социалисты обратили формулу меновой стоимости Рикардо против политической экономии. На долю г. Прудона осталось не только объявить основной принцип старого общества принципом нового, но и провозгласить себя изобретателем формулы,

Ерго, это возражение разрешается в проблеме: каким образом производство на основе определения меновой стоимости исключительно рабочим временем приводит к такому результату, что меновая стоимость труда меньше, чем меновая стоимость его продукта? Эту проблему мы разрешаем в исследовании капитала.

В-третьих: Рыночная цена товаров падает ниже или поднимается выше их меновой стоимости при изменяющемся отношении между спросом и предложением. *Поэтому* меновая стоимость товаров определяется отношением спроса и предложения, а не заключенным в них рабочим временем. На деле в этом удивительном выводе ставится лишь вопрос, каким образом на основании меновой стоимости развивается отличная от нее рыночная цена,—или, правильнее, каким образом закон меновой стоимости осуществляется только в своей собственной противоположности. Эта проблема разрешается в учении о конкуренции.

В-четвертых: Последнее противоречие и, повидимому, самое разительное, если оно не преподносится, как обычно, в форме курьезных примеров. Если меновая стоимость есть не что иное, как содержащееся в товаре рабочее время, то каким образом могут товары, вовсе не содержащие в себе труда, обладать меновой стоимостью, или, другими словами, откуда берется меновая стоимость простых сил природы? Эта проблема разрешается в учении о земельной ренте.

в которой Рикардо подытожил общий результат английской классической экономики. Доказано, что даже утопическое толкование формулы Рикардо в Англии уже исчезло, когда г. Прудон по ту сторону канала ее «открыл» (ср. мое сочинение «Misère de la Philosophie» etc. [«Нищета философии» и т. д.], Paris 1847, параграф о valeur constituée [конституированной стоимости]).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ДЕНЬГИ, ИЛИ ПРОСТОЕ ОБРАЩЕНИЕ.

Во время парламентских прений по поводу банковских актов сэра Роберта Пиля 1844 и 1845 гг. Гладстон заметил, что даже любовь не сделала большего числа людей дураками, чем мудрствования по поводу сущности денег. Он говорил о британцах и обращался к британцам. Напротив, голландцы, эти люди, которые издавна обладали, вопреки сомнениям Петти, «небесным остроумием» в денежных спекуляциях, никогда не теряли своего остроумия в спекулятивных размышлениях по поводу денег.

Главная трудность в анализе денег преодолена с того момента, когда понято происхождение их из самого товара. При этой предпосылке дело заключается только лишь в том, чтобы понять в их чистом виде своеобразные присущие деньгам определенности формы, а это в известной мере затрудняется благодаря тому, что все буржуазные отношения выступают позолоченными или посеребрёнными, как денежные отношения, и поэтому кажется, что денежная форма обладает бесконечно многообразным содержанием, которое ей самой чуждо.

При дальнейшем исследовании необходимо иметь в виду, что речь идет только о тех формах денег, которые вырастают непосредственно из обмена товаров, но не об их формах, принадлежащих высшей ступени процесса производства, как, напр., кредитные деньги. В целях упрощения в качестве денежного товара везде предполагается золото.

1. Мера стоимости.

Первый процесс обращения есть, так сказать, теоретический подготовительный процесс к действительному обращению. Товары, существующие как потребительные стоимости, создают себе прежде всего форму, в которой они идеально *выступают* друг для друга меновыми стоимостями, определенными количествами овеществленного *всеобщего* рабочего времени. Первый необходимый акт этого

процесса заключается, как мы видели, в том, что товары выделяют из своей среды один специфический товар, напр. *золото*, в качестве непосредственной материализации всеобщего рабочего времени или в качестве всеобщего эквивалента. Вернемся на минуту назад к форме, в которой товары превращают золото в деньги:

- 1 тонна железа = 2 унциям золота,
- 1 квартал пшеницы = 1 унции золота,
- 1 центнер кофе = $\frac{1}{4}$ унции золота,
- 1 центнер поташа = $\frac{1}{2}$ унции золота,
- 1 тонна бразильского дерева = $1\frac{1}{2}$ унциям золота,
- X товара = X унций золота.

В этом ряде уравнений железо, пшеница, кофе, поташ и т. д. выступают друг для друга материализацией однородного труда, а именно материализованного в золоте труда, в котором совершенно уничтожены все особенности действительных работ, представленных в различных потребительных стоимостях этих товаров. Как стоимости, они тождественны; они суть материализация *одного и того же* труда или *одна и та же* материализация труда, золото. Как однообразная материализация одного и того же труда, они обнаруживают только *одно* различие, количественное, или выступают как стоимости различной величины, потому что в их потребительных стоимостях содержится *неравное* рабочее время. В качестве таких отдельных товаров они вместе с тем относятся друг к другу как овеществление всеобщего рабочего времени благодаря тому, что они относятся к самому всеобщему рабочему времени как к выделенному товару, золоту. Это же самое отношение, — имеющее характер процесса, — посредством которого они представляются друг для друга меновыми стоимостями, представляет содержащееся в золоте рабочее время как всеобщее рабочее время, данное количество которого выражается в различных количествах железа, пшеницы, кофе и т. д., — короче, в потребительных стоимостях всех товаров, или непосредственно разворачивается в бесконечном ряде товарных эквивалентов. В то время как товары всесторонне выражают свои меновые стоимости в золоте, золото непосредственно выражает свою меновую стоимость во всех товарах. В то время как товары придают самим себе форму меновой стоимости по отношению друг к другу, они придают золоту форму всеобщего эквивалента, или денег.

Так как *все* товары измеряют свои меновые стоимости в золоте соответственно отношению, в котором определенное количество

золота и определенное количество товара содержат равное рабочее время, то золото становится *мерюю стоимостей*; и первоначально только благодаря этому своему назначению как меры стоимостей, в качестве которой оно измеряет свою собственную стоимость непосредственно во всей совокупности товарных эквивалентов, золото и становится всеобщим эквивалентом, или деньгами. С другой стороны, меновая стоимость всех товаров выражается теперь в золоте. В этом выражении следует различать моменты качественный и количественный. Меновая стоимость товара существует как материализация одного и того же однородного рабочего времени; величина стоимости товара представлена исчерпывающе, так как в том же отношении, в котором товары приравнены золоту, они приравнены друг к другу. С одной стороны, выступает *всеобщий* характер содержащегося в них рабочего времени, с другой стороны — количество последнего в их золотом эквиваленте. Меновая стоимость товаров, выраженная, таким образом, как всеобщая эквивалентность и одновременно как степень этой эквивалентности в одном специфическом товаре, или выраженная в одном только уравнении товаров со специфическим товаром, есть *цена*. Цена, это — превращенная форма, в которой меновая стоимость товаров *проявляется* внутри процесса обращения.

Таким образом, в том самом процессе, в котором товары представляют свои стоимости как цены в золоте, они придают золоту характер меры стоимости, т. е. денег. Если бы товары всесторонне измеряли свои стоимости в серебре, пшенице или меди и поэтому представляли их в качестве цен в серебре, пшенице или меди, то серебро, пшеница или медь сделались бы мерюю стоимости и тем самым всеобщим эквивалентом. Чтобы проявиться в обращении как цены, товары должны быть до обращения меновыми стоимостями. Мерюю стоимости золото становится только потому, что все товары оценивают в нем свою меновую стоимость. Но всесторонность этого развивающегося отношения, из которого только и возникает характер золота как меры стоимости, предполагает, что каждый отдельный товар измеряется в золоте в соответствии с содержащимся в них обоим рабочим временем, что, следовательно, действительною мерюю товара и золота служит сам труд, или что товар и золото путем непосредственной меновой торговли приравниваются друг к другу как меновые стоимости. Каким образом это приравнивание протекает на практике, не может быть рассмотрено в сфере простого обращения. Очевидно, однако, что в странах, производящих золото и серебро, определенное рабочее время непосредственно воплощается

в определенном количестве золота и серебра; в странах же, не производящих ни золота, ни серебра, тот же самый результат достигается обходным путем, при помощи непосредственного или посредственного обмена туземных товаров, т. е. определенной части национально-го среднего труда, на определенное количество материализованного в золоте и серебре рабочего времени стран, обладающих рудниками. Для того, чтобы служить мерою стоимости, золото должно быть стоимостью, *способной изменяться*, ибо лишь как материализация рабочего времени оно может сделаться эквивалентом других товаров, а между тем одно и то же рабочее время с изменением производительной силы реального труда осуществляется в неравных количествах тех же самых потребительных стоимостей. Как и при представлении меновой стоимости всякого товара в потребительной стоимости другого товара, при оценке всех товаров в золоте предполагается только, что золото в данный момент представляет определенное количество рабочего времени. В отношении изменений в стоимости золота имеет силу изложенный выше закон меновых стоимостей. Если меновая стоимость товаров остается неизменной, то всеобщее повышение их цен в золоте возможно лишь, если падает меновая стоимость золота. Если меновая стоимость золота остается неизменной, то всеобщее повышение цен в золоте возможно лишь, если меновые стоимости всех товаров повышаются. Обратное имеет место в случае всеобщего понижения товарных цен. Если стоимость унции золота вследствие изменения рабочего времени, требуемого для ее производства, падает или повышается, то она падает или повышается *равномерно* по отношению ко всем другим товарам; следовательно, она попрежнему представляет по отношению ко всем товарам рабочее время *определенной* величины. Те же самые меновые стоимости оцениваются теперь в больших и меньших количествах золота, чем прежде, но они оцениваются соответственно величине своей стоимости, следовательно их стоимости сохраняют то же самое отношение друг к другу. Отношение 2 : 4 : 8 то же самое, что отношение 1 : 2 : 4 или 4 : 8 : 16. Изменения в количестве золота, в котором меновые стоимости оцениваются при изменившейся стоимости золота, точно так же не мешают последнему выполнять функцию меры стоимости, как то обстоятельство, что стоимость серебра в 15 раз меньше стоимости золота, не мешает серебру вытеснять последнее из этой функции. Так как мерою золота и товара служит рабочее время, золото же становится мерою стоимости лишь постольку, поскольку все товары измеряются в нем, то представление, будто деньги делают товары соизмеримыми, — не более, как иллюзия процесса

обращения.* Наоборот, только соизмеримость товаров как овеществленного рабочего времени есть то, что делает золото деньгами.

Реальный образ, в котором товары вступают в процессе обмена, это — образ их потребительных стоимостей. Действительным всеобщим эквивалентом они должны еще стать посредством своего отчуждения. Определение их цен есть только идеальное превращение их во всеобщий эквивалент, приравнение их к золоту, которое еще подлежит реализации. Но так как товары в своих ценах превращены только идеально в золото или лишь в представляемое золото, так как их денежное бытие в действительности еще не отделено от их реального бытия, то золото превратилось пока только в идеальные деньги, оно есть еще только мера стоимости, и определенные количества золота функционируют в сущности еще только как названия для определенных количеств рабочего времени. От определенного способа, которым товары представляют друг для друга свою собственную меновую стоимость, зависит в каждом случае та определенность формы, в которой золото кристаллизуется как деньги.

Теперь товары противопоставляются друг другу как двойственные существа: реально — как потребительные стоимости, идеально — как меновые стоимости. Двойственную форму труда, содержащегося в них, они представляют теперь друг для друга таким образом, что особенный реальный труд в качестве их потребительной стоимости действительно имеется налицо, между тем как всеобщее абстрактное рабочее время получает в их цене бытие представляемое, в котором

* Аристотель, правда, понимает, что меновая стоимость товаров является предпосылкой товарных цен: «Что... обмен происходил, когда еще не было денег, это ясно, ибо нет никакой разницы в том, взять ли за дом пять кроватей или стоимость пяти кроватей». Но, с другой стороны, так как товары только в цене приобретают форму меновой стоимости друг для друга, то, по его мнению, они становятся соизмеримыми лишь при помощи денег. «Поэтому необходимо, чтобы все было оценено; благодаря этому всегда будет обмен, а следовательно и общество. В самом деле, деньги в качестве меры делают соизмеримыми все предметы и после этого уравнивают их. Ибо не будь обмена, не было бы общества, не будь уравнивания, не было бы обмена, не будь соизмеримости предметов, не было бы уравнивания». Аристотель не скрывает от себя, что эти различные вещи, измеряемые деньгами, представляют собою совершенно несоизмеримые величины. Он ищет, в чем заключается единство товаров как меновых стоимостей, но, как античный грек, не может этого найти. Он выходит из этого затруднения, предполагая, что предметы, сами по себе несоизмеримые, становятся через посредство денег соизмеримыми, поскольку это необходимо для практических потребностей: «В сущности невозможно, чтобы столь различные предметы были соизмеримы, но для практической надобности это вполне возможно» (*Arist., Ethic. Nicom., l. 5, c. 8, edit. Bekkeri, Oxonii 1837*).

они представляют собою однородную и только количественно различную материализацию одной и той же субстанции стоимости.

Различие между меновой стоимостью и ценою выступает, с одной стороны, только номинальным; так, Адам Смит говорит, что труд есть реальная, а деньги — номинальная цена товаров. Вместо того, чтобы оценивать 1 квартал пшеницы в 30 рабочих дней, его оценивают теперь в 1 унцию золота, если одна унция золота представляет собой продукт 30 рабочих дней. Но, с другой стороны, это различие отнюдь не есть только различие названий, ибо в нем сосредоточены все непогоды, угрожающие товару в действительном процессе обращения. 30 рабочих дней содержатся уже в квартере пшеницы, и поэтому его не приходится лишь теперь представлять в рабочем времени. Золото же — товар, отличный от пшеницы, и только в обращении может обнаружиться, действительно ли квартал пшеницы станет унцией золота, как антиципировано в его цене. Это зависит от того, окажется ли он потребительной стоимостью или нет, окажется ли содержащееся в нем количество рабочего времени общественно-необходимым для производства квартера пшеницы. Товар, как таковой, *есть* меновая стоимость, он *имеет* цену. В этом различии между меновой стоимостью и ценою проявляется то, что содержащийся в товаре особенный индивидуальный труд еще должен через процесс отчуждения быть представленным как его противоположность, как лишенный индивидуальности абстрактно-всеобщий, и только в этой форме общественный, труд, т. е. как деньги. Способен ли он к такому превращению или нет, представляется делом случая. Следовательно, хотя меновая стоимость товара получает в цене только идеально отличное от товара существование и двойственное бытие содержащегося в товаре труда существует еще только как различие в способе выражения, и поэтому, с другой стороны, материализация всеобщего рабочего времени, золото, противопоставляется реальному товару еще только как представляемая мера стоимости, — тем не менее в существовании меновой стоимости как цены, или золота как меры стоимости, уже заключается в скрытом виде необходимость отчуждения товара за звонкое золото и возможность того, что он не будет отчужден; короче, заключается в скрытом виде все противоречие, которое вытекает из того, что продукт есть товар или что особенный труд частного лица, чтобы иметь общественное значение, должен быть представлен как его непосредственная противоположность, как абстрактно-всеобщий труд. Поэтому утописты, которые хотят сохранить товар, но не деньги, сохранить покоящееся на частном

обмене производство, но без необходимых условий этого производства, последовательны, когда они «уничтожают» деньги не только в их осязательной форме, но уже в их газообразной и прозрачной форме меры стоимости. В невидимой мере стоимости скрываются реальные деньги.

Если имеется налицо процесс, посредством которого золото стало мерой стоимости, а меновая стоимость — ценой, то все товары в своих ценах суть лишь мысленно представляемые количества золота разной величины. Как такие различные количества одной и той же вещи, золота, они равны друг другу, сравниваются и измеряются между собой; таким образом развивается техническая необходимость относить их к определенному количеству золота как к *единице измерения*; последняя развивается далее в масштаб благодаря тому, что она делится на равные части, которые, в свою очередь, опять-таки делятся на равные части. * Но количества золота, как таковые, измеряются по весу. Масштаб имеется, стало быть, уже в готовом виде в общих мерах веса металлов; поэтому эти меры веса при всяком металлическом обращении первоначально служат также масштабом цен. Благодаря тому, что товары относятся друг к другу уже не как меновые стоимости, подлежащие измерению рабочим временем, но как одноименные величины, измеряемые в золоте, золото превращается из *меры стоимости в масштаб цен*. Сравнение товарных цен между собою, как различных количеств золота, кристаллизуется таким образом в знаках, которые соответствуют предполагаемому количеству золота и представляют последнее как масштаб, разделенный на равные части. Золото как мера стоимостей и как масштаб цен обладает совершенно различными определенностями формы, и смешение одной с другою породило самые сумасбродные теории. Мерой стоимости золото является как овеществленное рабочее время, масштабом цен — как определенный вес металла. Мерой стоимости золото становится благодаря тому, что оно как меновая стоимость относится к товарам как к меновым стоимостям; в качестве же мас-

* Тот странный факт, что в Англии унция золота, как единица измерения денег, не делится на целое число равных частей, объясняется следующим образом: «Наша монетная система первоначально была приспособлена к употреблению одного только серебра, — поэтому одна унция серебра может быть всегда разделена на определенное число равных монет; но так как золото было введено позднее в монетную систему, предназначенную исключительно для серебра, то одна унция золота не может быть разделена на целое число равноценных монет» *Maclaren, History of the currency, p. 16, London 1858*).

штаба цен определенное количество золота служит единицею для других количеств золота. Мерою стоимости золото является потому, что его стоимость изменчива, масштабом же цен — потому, что оно фиксировано в виде неизменной весовой единицы. Здесь, как и при всяких определениях меры одноименных величин, устойчивость и определенность отношений меры становятся решающим моментом. Необходимость зафиксировать определенное количество золота в качестве единицы измерения, а части, на которые оно разделено, — в качестве подразделений этой единицы, породила такое представление, будто определенное количество золота, которое имеет, конечно, изменчивую стоимость, поставлено, как стоимость, в постоянное отношение к меновым стоимостям товаров; при этом лишь упускалось из виду, что меновые стоимости товаров превращены в цены, т. е. в количества золота, еще прежде чем золото развивается в масштаб цен. Как бы ни изменялась стоимость золота, различные количества золота как стоимости представляют всегда одинаковое отношение друг к другу. Если бы стоимость золота упала на 1 000 процентов, то и тогда, как и прежде, 12 унций золота обладали бы в 12 раз большей стоимостью, чем одна унция, а ведь в ценах дело идет только об отношении различных количеств золота между собой. Так как, с другой стороны, унция золота с падением или повышением ее стоимости никоим образом не изменяет своего веса, то столь же мало изменяется вес ее кратных частей, и таким образом золото, как твердо установленный масштаб цен, оказывает всегда ту же самую услугу, как бы ни изменялась его стоимость.*

Исторический процесс, который мы дальше объясним из природы металлического обращения, приводил к тому, что одно и то же весовое название сохранялось для постоянно изменяющегося и уменьшающегося веса благородных металлов в их функции масштаба цен. Так, английский фунт означает менее $\frac{1}{3}$ своего первоначального

* «Деньги могут постоянно меняться в своей стоимости и тем не менее так же хорошо служить мерою стоимости, как если бы их стоимость оставалась неизменною. Предположим, напр., что их стоимость понизилась... До понижения одна гиней покупала три бушеля пшеницы или 6 дней труда, после понижения — только два бушеля или 4 дня труда. В обоих случаях, если дано отношение пшеницы и труда к деньгам, их взаимное отношение может быть определено; другими словами, мы можем утверждать, что один бушель пшеницы стоит 2 дней труда. Это все, что нам может дать мера стоимости, и она так же оказывает эту услугу после понижения стоимости, как и до него. Пригодность какой-нибудь вещи в качестве меры стоимости совершенно не зависит от изменений ее собственной стоимости» (p. 11. *Bailey, Money and its vicissitudes*, London 1837).

веса, шотландский фунт накануне объединения Шотландии с Англией — только $\frac{1}{36}$, французский ливр — $\frac{1}{74}$, испанское «maravedi» менее $\frac{1}{1000}$, а португальский рейс — еще меньшую долю. Так денежные названия весовых частей металла исторически отделялись от их общих весовых названий.* Так как определение единицы измерения, ее кратных частей и их названий является, с одной стороны, чисто условным, а с другой стороны, должно в пределах обращения обладать общепризнанным и обязательным характером, то оно должно было стать установлением закона. Эта чисто формальная операция выпала, стало быть, на долю правительств.** Определенный металл,

* «Монеты, которые в настоящее время являются только идеальными названиями, на самом деле наиболее древние у всех народов; когда-то они все имели реальное значение (последнее в таком широком объеме неправильно. — [примечание Маркса]), и так как они имели реальное значение, то на них и велся счет». *Galvani, Della Moneta*, 1. с., p. 153.

** Романтик А. Мюллер говорит: «По нашему представлению, каждый независимый государь имеет право присвоить металлу значение денег, определить их общественную номинальную стоимость, категорию, разряд и название» (p. 276. Band II. *A. H. Müller, Die Elemente der Staatskunst*, Berlin 1809). Что касается названия, то наш господин придворный советник прав; он забывает лишь о *содержании*. Насколько путаны были его «представления», показывает, напр., следующее место. «Каждому ясно, какое большое значение имеет правильное определение монетной цены, особенно в такой стране, как Англия, где правительство с великодушию щедростью бесплатно чеканит монету (повидимому, господин Мюллер полагает, что чиновники английского правительства покрывают расходы по чеканке монет из собственного кармана), не взимает монетной пошлины и т. п.; если бы это правительство значительно повысило монетную цену золота сравнительно с его рыночной ценою, если бы, напр., оно установило монетную цену одной унции золота в 3 фунта 19 шиллингов вместо 3 фунтов 17 шиллингов 10½ пенсов, то все золото устремилось бы на монетный двор, полученное там серебро было бы обменено на рынке на более дешевое золото и последнее было бы опять доставлено на монетный двор, и все монетное дело пришло бы в беспорядок» (p. 280, 281, 1. с.) Чтобы сохранить порядок на английском монетном дворе, Мюллер создал у себя «беспорядок». В то время как шиллинги и пенсы суть только названия определенных частей унции золота, названия, представленные серебряными и медными знаками, Мюллер вообразил, что унция золота оценивается в золоте, серебре и меди, и таким образом осчастливил англичан тройным «standard of value» [мера стоимости]. Правда, серебро в качестве денежной меры, существующей наряду с золотом, было формально отменено только в 1816 г. законом 56 Георга III, ст. 68. Но по существу оно было отменено уже в 1734 г. законом 14 Георга II, ст. 42, а на практике еще значительно раньше. Двум обстоятельствам А. Мюллер был специально обязан своею способностью к так называемому *высшему* пониманию политической экономии. Это было, с одной стороны, его полное незнание с экономическими фактами, а с другой стороны — его исключительно дилетантское, мечтательное отношение к философии,

служивший в качестве денежного материала, был дан общественными условиями. В различных государствах законный масштаб цен, конечно, различен. В Англии, напр., унция, как весовая единица металла, делится на *pennyweights, grains* и *carats troy*, а унция золота, как единица меры денег, делится на $3\frac{7}{8}$ соверена, соверен на 20 шиллингов, шиллинг на 12 пенсов, так что 100 фунтов 22-каратного золота (1 200 унций) = 4 672 соверенам и 10 шиллингам. Однако на мировом рынке, где исчезают государственные границы, эти национальные характеры денежных мер также исчезают и уступают место общим мерам веса металлов.

Цена товара или количество золота, в которое он идеально превращается, выражается теперь, следовательно, в денежных названиях золотого масштаба. Вместо того, чтобы сказать, что квартал пшеницы равняется одной унции золота, в Англии говорят, что он равняется 3 ф. ст. 17 ш. $10\frac{1}{2}$ п. Все цены выражаются, таким образом, в одинаковых названиях. Своеобразная форма, которую товары придают своей меновой стоимости, превратилась в *денежное название*, в котором они объявляют друг другу, сколько они стоят. Золото, с своей стороны, становится *счетными деньгами*.*

Превращение товара в счетные деньги в уме, на бумаге или на словах происходит всякий раз, когда какой-нибудь вид богатства оценивается с точки зрения меновой стоимости.** Для этого превращения необходим золотой материал, но лишь представляемый. Для того, чтобы оценить стоимость 1 000 кип хлопка в определенном числе унций золота, а затем само это число унций выразить в счетных названиях унции, т. е. в фунтах стерлингов, шиллингах и пенсах, не требуется ни одного атома действительного золота. Так, в Шотландии перед банковым актом сэра Роберта Пила 1845 г. не было в обращении ни одной унции золота, хотя унция золота, и притом выраженная в английском счетном масштабе в 3 ф. 17 ш. $10\frac{1}{2}$ п., служила законной мерой цен. Так, серебро служит мерою цен в товарном обмене между Сибирью и Китаем, хотя эта торговля на деле является простой меновой торговлей. Поэтому для золота в качестве счетных денег безразлично, действительно ли его единица

* «Анахарсис, спрошенный кем-то, для чего эллины употребляют деньги, ответил: для счета» (*Athen. Deipn.*, I, IV, 49, v. 2, ed. Schweighäuser, 1802).

** Г. Гарнье, одному из первых французских переводчиков Адама Смита, пришла в голову странная мысль установить точную пропорцию между употреблением счетных денег и употреблением реальных денег. Эта пропорция, по его мнению, составляет 10 : 1 (*G. Garnier, Histoire de la monnaie depuis les temps de la plus haute antiquité etc.*, t. I, p. 78).

меры и ее подразделения чеканятся в виде монет или нет. В Англии, во времена Вильгельма Завоевателя, фунт стерлингов, равнявшийся тогда одному фунту чистого серебра, и шиллинг, равнявшийся $\frac{1}{20}$ фунта, существовали только в качестве счетных денег, между тем как пенни, составлявший $\frac{1}{240}$ фунта серебра, был наиболее крупною из существовавших серебряных монет. Наоборот, в настоящее время в Англии не существует ни шиллингов, ни пенсов, хотя они представляют собою законные счетные названия для определенных частей унции золота. Деньги как счетные деньги могут вообще существовать лишь идеально, в то время как действительно существующие деньги вычеканены по совершенно иному масштабу. Так, во многих английских колониях Северной Америки деньги, находившиеся в обращении, до конца XVIII столетия состояли из испанских и португальских монет, в то время как счетные деньги были у них повсюду те же самые, что в Англии.*

Так как золото в качестве масштаба цен выступает в тех же самых счетных названиях, как и товарные цены, — напр., унция золота, как и тонна железа, выражается в 3 ф. 17 ш. $10\frac{1}{2}$ п., — то эти счетные названия золота называли *монетною ценою* золота. Отсюда возникло странное представление, будто золото оценивается в своем собственном материале и, в отличие от всех других товаров, получает от государства *твердую* цену. Фиксацию счетных названий для определенных весовых количеств здесь принимали за фиксацию стоимости этих весовых количеств**. Золото там, где оно служит элементом определения цен, а потому счетными деньгами, не имеет не только *твердой*, но и вообще *никакой* цены. Для того, чтобы золото имело цену, т. е. было выражено в каком-нибудь *специфическом* товаре в качестве *всеобщего* эквивалента, этот другой товар должен был бы играть в процессе обращения такую же исклю-

* Изданный в Мериленде в 1723 г. закон, которым табак был объявлен законною монетою, но стоимость его была переведена на английские золотые деньги, а именно 1 пенни за фунт табаку, напоминает *leges barbarorum* («варварские правды»), в которых, наоборот, определенные денежные суммы приравнивались быкам, коровам и т. п. В последнем случае не золото или серебро, а бык и корова составляли действительный материал счетных денег.

** Так, напр., мы читаем в «Familiar words» г. Давида Уркорта: «Стоимость золота должна измеряться при помощи самого золота; но каким образом может какое-нибудь вещество быть мерилем своей собственной стоимости в других вещах? Стоимость золота должна быть установлена при помощи его собственного веса, которому при этом дается другое, фальсифицированное название, — таким образом получается, что унция золота стоит столько-то фунтов и частей фунта. Но это — фальсификация меры, а не установление мерила».

чительную роль, как и золото. Но два товара, исключаящие все другие товары, взаимно исключают друг друга. Поэтому там, где серебро и золото существуют рядом как законные деньги, т. е. как мера стоимости, постоянно делались тщетные попытки рассматривать их как *одну и ту же материю*. Предположить, что одинаковое рабочее время овеществляется неизменно в одинаковых пропорциях серебра и золота, значит предположить, что серебро и золото суть одна и та же материя и что серебро, этот менее ценный металл, есть неизменно дробная часть золота. Начиная с правления Эдуарда III до времен Георга II история английского денежного обращения блуждает в непрерывном ряду нарушений, вызванных коллизией между установленным по закону соотношением стоимости золота и серебра и действительными колебаниями их стоимости. То оценка золота была слишком высокою, то оценка серебра. Металл, оцененный слишком низко, извлекался из обращения, переплавлялся в слитки и вывозился за границу. Отношение стоимости обоих металлов изменялось тогда снова законодательным путем, но вскоре новая номинальная стоимость приходила в такой же конфликт с действительным соотношением стоимостей, как и старая. В наше время даже очень слабое и преходящее падение стоимости золота по сравнению с серебром, вследствие спроса на серебро со стороны Индии и Китая, вызвало во Франции в крупнейших размерах то же явление, а именно вывоз серебра и изгнание его из обращения золотом. В течение 1855, 1856 и 1857 гг. излишек ввоза золота во Францию над его вывозом составлял 41 580 000 ф. ст., между тем как излишек вывоза серебра над его ввозом составлял 14 704 000 ф. ст. Фактически в таких странах, как Франция, где по закону оба металла являются мерою стоимости и оба обязательны к приему при платежах, — причем каждый может по желанию платить в том или другом металле, — тот металл, стоимость которого повышается, имеет лаж и, подобно всякому другому товару, измеряет свою цену в металле, оцененном слишком высоко, между тем как мерою стоимости служит только последний металл. Весь исторический опыт в этой области сводится просто к тому, что там, где по закону два товара выполняют функцию меры стоимости, фактически эту роль всегда утверждает за собой лишь один из них.*

* «Деньги как мера, употребляемая в торговле, должны, подобно всякой другой мере, по возможности сохранять устойчивость. Но это невозможно там, где деньги состоят из двух металлов, отношение стоимостей которых постоянно изменяется» (*John Locke, Some considerations on the lowering of interest etc., 1691; p. 65 в его Works, 7 ed., London 1768, vol. III*).

В. ТЕОРИИ ЕДИНИЦЫ ИЗМЕРЕНИЯ ДЕНЕГ.

То обстоятельство, что товары в своих ценах превращаются в золото только идеально, а потому золото только идеально превращается в деньги, было причиной появления теории *идеальной единицы измерения денег*. Так как при определении цены золото и серебро функционируют только как представляемое золото и серебро, только как счетные деньги, то стали утверждать, что названия фунт стерлингов, шиллинг, пенс, талер, франк и т. д. обозначают не весовые части золота и серебра или каким-либо образом овеошественный труд, а обозначают, наоборот, идеальные атомы стоимости. Таким образом, если, напр., стоимость унции серебра повышается, то, значит, она содержит больше таких атомов и должна поэтому исчисляться и чеканиться в большем количестве шиллингов. Эта доктрина, снова поднявшая голову во время последнего торгового кризиса в Англии и даже представленная в парламенте в двух специальных отчетах, приложенных к отчету заседавшего в 1858 г. Комитета по банковым делам, появилась в конце XVII века. Ко времени начала правления Вильгельма III монетная цена унции серебра составляла в Англии 5 ш. 2 п., или $\frac{1}{62}$ унции серебра называлась пенни, а 12 таких пенсов — шиллингом. В соответствии с этим масштабом из куска серебра весом, напр., в 6 унций чеканили 31 монету под названием шиллинг. Но *рыночная цена* унции серебра поднялась выше ее *монетной цены*, с 5 ш. 2 п. до 6 ш. 3 п., или для того, чтобы купить одну унцию чистого серебра, нужно было уплатить 6 ш. 3 п. Как могла рыночная цена унции серебра подняться выше ее монетной цены, если монетная цена есть только счетное название для кратных частей унции серебра? Эта загадка разрешалась просто. Из 5 600 000 ф. ст. серебряных денег, находившихся тогда в обращении, четыре миллиона фунтов стерлингов состояли из изношенных, стертых и обрезанных монет. При одной пробе обнаружилось, что 57 000 ф. ст. в серебряных монетах, которые должны были весить 220 000 унций, весили только 141 000 унций. Монетный двор чеканил по прежнему масштабу, но действительно находившиеся в обращении легковесные шиллинги представляли меньшие части унции, чем показывало их название. Стало быть, за унцию чистого серебра на рынке приходилось уплачивать большее число таких уменьшившихся в весе шиллингов. Когда вследствие возникшего таким образом расстройства решено было произвести общую перечеку монет, secretary to the treasury [секретарь казначейства] *Лаундс* утверждал, что стоимость унции

серебра повысилась и поэтому впредь из нее надо чеканить 6 ш. 3 п. вместо прежних 5 ш. 2 п. Таким образом, он в сущности утверждал, что так как стоимость унции повысилась, то стоимость ее кратных частей понизилась. Но его ложная теория была прикрасой для правильной практической цели. Государственные долги были заключены в легковесных шиллингах, а уплачивать пришлось бы их в полновесных. Вместо того, чтобы сказать: возвращайте 4 унции серебра там, где вы получили номинально 5 унций, а фактически только 4 унции, он говорил наоборот: возвращайте номинально 5 унций, но сведите их металлическое содержание до 4 унций и назовите шиллингом то, что вы раньше называли $\frac{4}{5}$ шиллинга. Таким образом, Лаундс фактически придерживался металлического содержания, между тем как он отстаивал счетное название. Противники же его, которые придерживались только счетного названия и потому объявляли шиллинг, потерявший 25 — 30% своего веса, равнозначным полновесному шиллингу, утверждали, наоборот, что они придерживаются только металлического содержания. *Джон Локк*, который был представителем новой буржуазии во всех ее формах — промышленников против рабочих и пауперов, коммерсантов против старомодных ростовщиков, финансовой аристократии против государственных должников, и даже доказывал в специальном сочинении, что буржуазный рассудок есть нормальный человеческий рассудок, поднял также перчатку против Лаундса. Джон Локк одержал победу, и деньги, полученные займы в гинеях содержавших в себе от 10 до 14 шиллингов, были возвращены в гинеях, содержавших 20 шиллингов*. *Сэр Джеймс Стюарт* иронически

* Локк говорит, между прочим: «Назовите кроною то, что раньше называлось полукроною. Стоимость ее попрежнему будет определяться металлическим содержанием. Если вы можете отбить от серебряной монеты $\frac{1}{20}$ ее веса, не уменьшая этим ее стоимости, то с таким же успехом вы можете отбить $\frac{13}{20}$ веса содержащегося в ней серебра. По этой теории фартинг, если назвать его кроною, мог бы покупать такое же количество пряностей, шелка или других товаров, как крона, содержащая в шестьдесят раз более серебра. Все, что вы можете сделать, это придать меньшему количеству серебра штемпель и название большего количества. Но ведь серебро, а не название, погашает долги и покупает товары. Если повысить стоимость денег значит для вас не что иное, как дать кратным частям куска серебра произвольные названия, напр. назвать одну восьмую долю унции серебра пенни, — то вы действительно можете поднять стоимость денег так высоко, как вам угодно». Одновременно Локк отвечал Лаундсу, что повышение рыночной цены серебра выше его монетной цены происходит «не от повышения стоимости серебра, но от уменьшения веса серебряных монет». 77 стертых и обрезанных шиллингов не весят ни на йоту больше, чем 62 полновесных. Наконец, он правильно подчеркивал, что, независимо от уменьшения

описывает всю эту операцию следующим образом: «Правительство значительно выиграло на налогах, кредиторы — на капитале и процентах, а народ — единственный обманутый — радовался, так как его standard (масштаб его собственной стоимости) не понизился».* Стюарт думал, что по мере дальнейшего развития торговли народ покажет себя более проницательным. Он ошибся. Приблизительно 120 лет спустя повторилось то же самое «qui pro quo».

Было в порядке вещей, что епископ *Беркли*, представитель мистического идеализма в английской философии, придал учению об идеальной единице-мере денег теоретический характер, что упустил сделать практический secretary to the treasury [секретарь казначейства]. Он спрашивает: «Разве названия: ливр, фунт стерлингов, крона и т. п. не должны быть рассматриваемы как простые *названия отношений* (а именно отношений абстрактной стоимости как таковой?) Разве золото, серебро или бумажные деньги суть нечто большее, чем только билеты или знаки для счета, записывания и контроля (отношений стоимости)? Разве богатство состоит не во *власти* распоряжаться промышленною деятельностью других людей (общественным трудом)? И разве деньги на самом деле суть что-либо другое, чем марка, или знак для перенесения и регистрации такой власти, и представляет ли большую важность, из какого материала эти марки сделаны?»** Здесь имеет место смешение, с одной стороны, меры стоимостей с масштабом цен, а с другой стороны, золота и серебра

серебра в обращающихся монетах, рыночная цена серебра в слитках в Англии может подняться несколько выше монетной цены по той причине, что вывоз серебра в слитках разрешен, вывоз же серебряной монеты воспрещен (см. I. с., р. 54 — 116 *passim*). Локк крайне остерегался затрагивать злободневный вопрос о государственных долгах, равно как осторожно избегал входить в обсуждение одного деликатного экономического вопроса. Последний заключался в следующем. Вексельный курс, так же как отношение между серебром в слитках и серебряною монетою показывали, что находящиеся в обращении деньги обесценились отнюдь не пропорционально действительному уменьшению в них серебра. К этому вопросу мы вернемся в более общей форме в отделе о средствах обращения. *Николай Барбон* в «A discourse concerning coining the new money lighter, in answer Mr. Locke's considerations» etc., London 1696, безуспешно пытался увлечь Локка на эту опасную почву.

* *Stewart*, I. с., t. II, p. 154.

** «The Querist», I. с. Впрочем, «Queries on money» — талантливое произведение. Между прочим, Беркли правильно замечает, что как раз развитие североамериканских колоний «make it plain a day light that gold and silver are not so necessary for the wealth of a nation, as the vulgar of all ranks imagine [доказало ясно, как день, что золото и серебро не так необходимы для богатства нации, как воображают профаны всех сословий].

в качестве меры стоимости и в качестве средства обращения. Из того, что в акте обращения благородные металлы могут быть замещены знаками, Беркли заключает, что эти знаки, в свою очередь, не представляют *ничего*, т. е. представляют только абстрактное понятие стоимости.

Учение об идеальной единице измерения денег так полно развито у сэра *Джэмса Стюарта*, что его последователи — последователи бессознательные, так как они его не знали, — не находят ни нового способа выражения, ни даже нового примера. «Счетные деньги, — говорит он, — суть не что иное, как произвольный масштаб с равными делениями, изобретенный для измерения относительной стоимости предметов, подлежащих продаже. Счетные деньги совершенно отличны от монетных денег (*money coin*), представляющих собою цену *; они могли бы существовать даже в том случае, если бы на свете не существовало никакой субстанции, представляющей собою пропорциональный эквивалент для всех товаров. Счетные деньги служат тем же для стоимости предметов, чем градусы, минуты, секунды и т. д. служат для углов или масштабы — для географических карт и т. п. Во всех этих изобретениях за единицу принимается всегда одно и то же наименование. Полезность всех подобных установлений ограничивается только тем, что они *показатели пропорций*; в этом же заключается и полезность денежной единицы. Поэтому денежная единица не может иметь определенной неизменной пропорции с какою-нибудь частью стоимости, т. е. она не может быть фиксирована за каким-нибудь определенным количеством золота, серебра или какого-нибудь другого товара. Но если только эта единица дана, мы можем посредством умножения доходить до наивысшей стоимости. Так как стоимость товаров зависит от общей совокупности влияющих на них обстоятельств и от каприза людей, то изменения стоимости товаров должны быть рассматриваемы только в их взаимном отношении. Все то, что нарушает и спутывает точное определение изменений пропорций посредством всеобщего, определенного и неизменного масштаба, должно влиять вредным образом на торговлю. Деньги — только *идеальный масштаб* с равными делениями. Если меня спросят, что должно служить единицею для измерения стоимости какого-нибудь из этих делений, то я отвечу на это другим вопросом: а какова нормальная величина градуса, минуты, секунды? Они не имеют никакой нормальной величины; но если

* Цена означает здесь реальный эквивалент, как у английских писателей-экономистов XVII столетия.

только дано одно какое-нибудь деление, то, в соответствии с природою данного масштаба, из отношения к данному необходимо определяются все остальные деления. Примером таких идеальных денег служат банковые деньги в Амстердаме и деньги в Анголе, на африканском побережье*.

Стюарт ограничивается только *проявлением* денег в обращении в качестве *масштаба цен и счетных денег*. Если в прейскуранте цены различных товаров обозначены в 15 ш., 20 ш., 36 ш., то действительно, при сравнении величины их стоимости меня не интересуют ни серебряное содержание шиллинга, ни его название. Пропорция чисел 15 : 20 : 36 говорит нам теперь все, и число 1 сделалось единственною единицей измерения. Вообще чисто абстрактным выражением пропорции является только сама абстрактная пропорция чисел. Чтобы быть последовательным, Стюарт должен был поэтому игнорировать не только золото и серебро, но и их установленные законом монетные названия. Не понимая превращения меры стоимостей в масштаб цен, он, естественно, полагает, что определенное количество золота, которое служит единицею измерения, относится как мера не к другим количествам золота, а к стоимостям как таковым. Так как товары благодаря превращению своих меновых стоимостей в цены выступают как одноименные величины, то он отрицает качественное свойство меры, которое и делает их одноименными; так как в этом сравнении различных количеств золота величина того количества золота, которое служит единицею измерения, условна, то он вообще отрицает, что эта величина круга должна быть твердо установлена. Вместо того, чтобы $\frac{1}{360}$ часть круга называть градусом, он может назвать градусом $\frac{1}{180}$ часть; прямой угол тогда измерялся бы 45 градусами вместо 90, и соответственным образом изменилось бы измерение острых и тупых углов. Тем не менее, мерою угла попрежнему остается, во-первых, качественно определенная математическая фигура — круг и, во-вторых, количественно определенный отрезок круга. Что касается экономических примеров Стюарта, то одним из них он сам себя побивает, а другим ничего не доказывает. Банковые деньги в Амстердаме были в действительности только счетным названием для испанских дублонов, которые сохранили свой полновесный жир благодаря праздному лежанию в подвалах банка, между тем как деятельно обращающаяся ходкая монета от постоянных трений с внешним миром отошала. Что же касается африканских идеалистов, то мы должны

* *Steuart*, I. c., t. II, p. 154, 299.

их предоставить их собственной судьбе, пока способные к критике путешественники не сообщат нам более точных сведений о них *. Почти идеальными деньгами в смысле Стюарта можно было бы назвать французские ассигнаты: «*Национальная собственность. Ассигнат в 100 франков*». Здесь, правда, была точно указана та потребительная стоимость, которую ассигнат должен был представлять, а именно конфискованная земля, но количественное определение единицы измерения было забыто, и «франк» поэтому превратился в слово, лишенное смысла. Сколько земли представлял франк ассигнатами, зависело от результатов публичной распродажи земли. На практике, однако, франк ассигнатами обращался как знак стоимости для серебряных денег, и поэтому обесценение его измерялось в этом серебряном масштабе.

Эпоха приостановки Английским банком размена банкнот на золото едва ли была богаче бюллетенями о сражениях, чем денежными теориями. Обесценение банкнот и повышение рыночной цены золота выше его монетной цены вызвали опять к жизни среди некоторых защитников банка доктрину об идеальной мере денег. Классически путаное выражение для этой путаной теории нашел лорд *Кестльри*, определивший единицу измерения денег как «a sense of value, in reference to currency as compared with commodities» [представление о стоимости, вытекающее из сравнения денег с товарами]. Когда через несколько лет после заключения Парижского мира обстоятельства позволили возобновить размен на золото, возник почти в неизменной форме тот же самый вопрос, который Лаундс возбудил во время Вильгельма III. Огромный государственный долг и накопившаяся за период более чем 20 лет масса частных долгов, фиксированных обязательств и т. д. — все они были заключены в обесцененных банкнотах. Следовало ли возвратить эти долги в банкнотах, которые в 4 762 ф. ст. 10 ш. не только номинально, но и фактически представляли 100 фунтов 22-каратного золота? *Томас Аттвуд*, бирмингемский банкир, выступал как *Lowndes redivivus* [воскресший Лаундс]. По его предложению, кредиторы должны получить номинально столько же шиллингов, сколько номинально

* В связи с последним торговым кризисом в Англии с определенной стороны раздавались широковещательные похвалы по адресу африканских идеальных денег, причем на этот раз их местопребывание перенесли с побережья в глубь Берберии. Отсутствие у берберов торговых и промышленных кризисов объясняли идеальной единицей измерения их «bags» [полос]. Не проще ли было сказать, что *conditio sine qua non* [необходимым условием] торговых и промышленных кризисов является наличие торговли и промышленности?

было обусловлено договором; но если, согласно прежней монетной норме, шиллингом называлась $\frac{1}{78}$ унции золота, то теперь следует окрестить шиллингом, скажем, $\frac{1}{90}$ унции. Сторонники Аттвуда известны под названием бирмингамской школы «little shillingmen» [сторонники малого шиллинга]. Спор об идеальной мере денег, начавшийся в 1819 г., продолжался еще в 1845 г. между сэром Робертом Пилем и Аттвудом, вся мудрость которого, поскольку она относится к функции денег в качестве мерила, исчерпывающим образом изложена в следующей цитате: «Сэр Роберт Пиль в своей полемике с Бирмингамскою торговою палатою спрашивает: что будет представлять ваша банкнота в 1 фунт стерлингов? Что такое фунт стерлингов?.. Что следует тогда, наоборот, понимать под нынешней единицею измерения стоимости? Означают ли 3 ф. ст. 17 ш. и $10\frac{1}{2}$ п. одну унцию золота или же свою стоимость? Если самое унцию золота, то почему не называть вещи своими именами и вместо фунтов стерлингов, шиллингов и пенсов не говорить: унции, весовые пенни и граны? Тогда мы возвратимся к системе непосредственной меновой торговли... Или они означают стоимость? Если одна унция = 3 ф. ст. 17 ш. $10\frac{1}{2}$ п., то почему же она в различные времена стоила то 5 ф. ст. 4 ш., то 3 ф. ст. 17 ш. 9 п?.. Выражение «фунт стерлингов» (£) имеет отношение к стоимости, но не к стоимости, закрепленной в неизменном весовом количестве золота. Фунт стерлингов — идеальная единица... Труд — субстанция, к которой сводятся издержки производства, и труд придает золоту его относительную стоимость, равно как и железу. Поэтому какое бы особое счетное название ни употреблялось для обозначения дневного или недельного труда человека, это самое название выражает также стоимость произведенного товара» *.

В последних словах рассеивается туманное представление об идеальной мере денег и прорывается его настоящее идейное содержание. Счетные названия золота: фунт стерлингов, шиллинг и т. п., должны быть названиями определенных количеств рабочего времени. Так как рабочее время есть субстанция и имманентная мера стоимости, то, следовательно, эти названия действительно представляли бы самые отношения стоимости. Другими словами, утверждают, что рабочее время есть истинная единица измерения денег. Тем самым мы уже выходим за пределы Бирмингамской школы, но мимоходом заметим еще, что учение об идеальной мере денег приобрело новое

* «The currency question, the Gemini letters», London 1844, p. 260—272 passim.

значение в споре о разменности или неразменности банкнот. Если бумажные деньги получают свое наименование от золота или серебра, то разменность банкноты, т. е. ее способность обмениваться на золото или серебро, остается экономическим законом, каков бы ни был юридический закон. Так, напр., прусский бумажный талер, хотя и неразменный по закону, немедленно подвергся бы обесценению, если бы он стоил в обыденном обращении меньше серебряного талера, т. е. если бы он был неразменным на практике. Поэтому последовательные защитники неразменных бумажных денег в Англии апеллировали к идеальной мере денег. Если счетные названия денег, фунты стерлингов, шиллинги и т. п., суть названия для определенной суммы атомов стоимости, которые то в большем, то в меньшем количестве поглощаются или выделяются данным товаром при обмене его на другие товары, то, напр., английская пятифунтовая банкнота так же независима от своего отношения к золоту, как от своего отношения к железу и хлопку. Так как ее название перестало бы означать теоретическое приравнивание ее к определенному количеству золота или другого товара, то требование ее разменности, т. е. ее практического уравнивания с определенным количеством какой-либо конкретной вещи, было бы исключено самым понятием этой банкноты.

Учение о рабочем времени как непосредственной единице измерения денег было впервые систематически развито *Джсоном Греем* *. Он предлагает, чтобы Национальный центральный банк при помощи своих филиальных банков удостоверял рабочее время, затраченное на производство различных товаров. В обмен за свой товар производитель получает официальное свидетельство его стоимости, т. е. квитанцию на такое количество рабочего времени, какое содержится в его товаре **; эти банкноты на 1 рабочую неделю, 1 рабочий

* *John Gray, The social system. A treatise on the principle of exchange. Edinburgh 1831. Ср. его же «Lectures on the nature and use of money», Edinburgh 1848.* После Февральской революции Грей послал французскому Временному правительству докладную записку, в которой поучал его, что Франция нуждается не в «organisation of labour» [организации труда], а в «organisation of exchange» [организации обмена], план которой полностью разработан в измышленной им денежной системе. Бравый Джон не подозревал, что через 16 лет после появления его «*Social system*» патент на это самое открытие будет взят изобретательным Прудоном.

** *Gray, The social system etc.*, p. 63: «Деньги должны быть только свидетельством о том, что обладатель их либо передал известную стоимость в национальный запас богатств, либо приобрел право на такую стоимость от лица, передавшего ее туда».

день, 1 рабочий час и т. п. вместе с тем служат свидетельством на получение эквивалента в виде любого из других товаров, находящихся на складах банка *. Таков основной принцип Грея, тщательно разработанный им в деталях и везде приспособленный к существующим английским учреждениям. При такой системе, — говорит Грей, — «было бы в любое время так же легко продать за деньги, как теперь легко за деньги купить; производство было бы равномерным, никогда не иссякающим источником спроса» **. Благородные металлы утратили бы свое «привилегированное» положение по отношению к другим товарам и «заняли бы подобающее им место на рынке рядом с маслом, яйцами, сукном и ситцем, и стоимость их интересовала бы нас не больше, чем стоимость алмазов ***. «Должны ли мы удержать нашу воображаемую меру стоимости, золото, и тем самым сковывать производительные силы страны или мы должны обратиться к естественной мере стоимости, к труду, и освободить производительные силы страны?» ****.

Если рабочее время — имманентная мера стоимости, то почему же рядом с ним существует другая внешняя мера? Почему меновая стоимость развивается в цену? Почему все товары оценивают свою стоимость в одном выделенном товаре, который превращается таким образом в адекватное бытие меновой стоимости, в деньги? Такова была проблема, которую Грею надо было разрешить. Вместо того, чтобы ее разрешить, он воображает, что товары могли бы непосредственно относиться друг к другу как продукты общественного труда. Но они могут относиться друг к другу только в качестве того, что они действительно собою представляют. Товары суть непосредственно продукты обособленных, независимых частных работ, которые через свое отчуждение в процессе частного обмена должны доказать свой характер всеобщего общественного труда; иначе говоря, труд на основе товарного производства становится общественным трудом лишь посредством всестороннего отчуждения индивидуальных работ. Если же Грей принимает содержащееся в товарах рабочее время за *непосредственно общественное*, то он

* «Когда определенная стоимость уже овеществлена в продукте, она может быть положена в банк и может быть по первому требованию взята из него обратно, с тем, однако, общепризнанным условием, что лицо, вложившее в проектируемый Национальный банк какое-нибудь имущество, может взять обратно равноценную стоимость в любом другом виде, не будучи обязано взять именно ту самую вещь, которую оно положило в банк» (I. с., p. 68).

** L. с., p. 16.

*** Gray, Lectures on money etc., p. 182.

**** L. с., p. 169.

принимает его за обобществленное (*gemeinschaftliche*) рабочее время или за рабочее время непосредственно ассоциированных индивидов. В таком случае действительно какой-нибудь один специфический товар, вроде золота и серебра, не мог бы противостоять другим товарам в качестве воплощения всеобщего труда, меновая стоимость не превращалась бы в цену; но вместе с тем и потребительная стоимость не становилась бы меновой стоимостью, продукт не становился бы товаром, и таким образом была бы уничтожена самая основа буржуазного производства. Этого, однако, ни в коем случае не имеет в виду Грей. По его мнению, *продукты должны производиться как товары, но обмениваться не как товары*. Грей поручает исполнение этого благочестивого пожелания Национальному банку. С одной стороны, общество в лице банка делает индивидов независимыми от условий частного обмена, а, с другой стороны, оно позволяет им продолжать производство на основе частного обмена. Поэтому внутренняя последовательность заставляет Грея отрицать условия буржуазного производства одно за другим, хотя он хочет «реформировать» только возникающие из товарного обмена деньги. Так, он превращает капитал в национальный капитал *, земельную собственность — в национальную собственность **, и если внимательно приглядеться к его банку, то обнаруживается, что он не только одною рукою принимает товары и другою выдает квитанции на доставленный труд, но регулирует и самое производство. В своем последнем сочинении «*Lectures on money*», в котором он трусливо старается представить свои рабочие деньги как чисто буржуазную реформу, Грей запутывается в еще более вопиющей бессмыслице.

Каждый товар есть непосредственно деньги. Такова была теория Грея, выведенная из его неполного и потому ложного анализа товара. «Органическая» конструкция «рабочих денег», «национального банка» и «товарных складов» — только мираж, в котором догмат иллюзорно изображается как управляющий миром закон. Догмат, согласно которому товар есть непосредственно деньги, или содержащийся в нем особенный труд частного лица есть непосредственно общественный труд, не становится, конечно, верным от того, что банк верит в него и сообразно с ним действует. Напротив, в таком случае банкротство взяло бы на себя роль практической критики. То, что у Грея остается скрытым и неизвестным ему самому, а именно, что

* «Дела каждой страны должны вестись на национальный капитал» (*John Gray, The social system*, p. 171).

** «Земля должна быть обращена в национальную собственность» (I. с., p. 298).

рабочие деньги суть экономически звучащая фраза, прикрывающая благое желание уничтожить деньги, вместе с деньгами — меновую стоимость, с меновой стоимостью — товар, а с товаром — буржуазную форму производства, — это прямо высказывается некоторыми английскими социалистами, писавшими частью раньше Грея, частью после него *. Но только на долю господина *Прудона* и его школы выпала задача серьезно проповедывать низвержение *денег* и апофеоз *товара* как сущность социализма и тем самым свести социализм к элементарному непониманию необходимой связи между товаром и деньгами **.

2. Средство обращения.

После того как товар в процессе установления цены получил свою способную к обращению форму, а золото получило свой характер денег, обращение одновременно представляет и разрешает те противоречия, которые заключал в себе процесс обмена товаров. Действительный обмен товаров, т. е. общественный обмен вещей, происходит в виде перемены форм, в которой разворачивается двойственная природа товара как потребительной стоимости и меновой стоимости, но в которой вместе с тем перемена форм самого товара кристаллизуется в определенных формах денег. Представить эту перемену форм значит представить обращение. Подобно тому, как товар есть, как мы видели, развитая меновая стоимость только тогда, когда предполагается мир товаров и тем самым фактически развитое разделение труда, так и обращение предполагает всесторонние акты обмена и постоянный поток их возобновления. Вторая предпосылка заключается в том, что товары вступают в процесс обмена как товары с *определенными ценами* или что внутри процесса обмена они *выступают* друг для друга в двойственном бытии, реально как потребительные стоимости, идеально — в цене — как меновые стоимости.

На самых оживленных улицах Лондона теснятся магазины, в витринах которых сверкают все богатства мира: индийские шали, американские револьверы, китайский фарфор, парижские корсеты, русские меха и тропические пряности; но все эти заманчивые вещи носят на лбу роковые белые бумажные знаки с арабскими цифрами и лаконическими надписями £, sh., d. [фунт стерлингов, шиллинг, пенсы]. Это — картина товаров, выступающих в процессе обращения.

* См., напр., *W. Thompson, An inquiry into the distribution of wealth etc.*, London 1824; *Bray, Labours wrongs and labours remedy*, Leeds 1839.

** В качестве сводки этой мелодраматической денежной теории можно рассматривать книгу *Alfred Darimont, De la réforme des banques*. Paris 1856.

а) *Метаморфоз товаров.*

При ближайшем рассмотрении процесс обращения показывает нам две различных формы кругооборотов. Если мы назовем товар Т, а деньги — Д, то мы можем обе эти формы выразить следующим образом:

$$\begin{array}{c} \text{Т} — \text{Д} — \text{Т} \\ \text{Д} — \text{Т} — \text{Д} \end{array}$$

В настоящем отделе нас занимает исключительно первая форма, или непосредственная форма товарного обращения.

Кругооборот Т — Д — Т разлагается на движение Т — Д, обмен товара на деньги, или *продажу*; на противоположное движение Д — Т, обмен денег на товар, или *покупку*, и на единство обоих движений, Т — Д — Т, обмен товара на деньги с целью обмена этих денег на товар, или *продажу* для *покупки*. Результатом же, в котором самый процесс угасает, является Т — Т, обмен товара на товар, действительный обмен веществ.

Т — Д — Т, если взять за исходный пункт первый товар, представляет превращение этого товара в золото и его обратное превращение из золота в товар, или движение, в котором товар существует первоначально как особенная потребительная стоимость, затем сбрасывает с себя это существование и приобретает освобожденное от всякой связи с его природным бытием существование в качестве меновой стоимости или всеобщего эквивалента; потом он сбрасывает снова и эту форму и, в конце концов, остается в виде действительной потребительной стоимости, предназначенной для удовлетворения отдельной потребности. В этой последней форме он переходит из области обращения в область потребления. Обращение Т — Д — Т в целом есть, таким образом, прежде всего полный ряд метаморфоз, которые каждый единичный товар проходит для того, чтобы стать непосредственною потребительною стоимостью для своего владельца. Первый метаморфоз происходит в первой половине обращения Т — Д, второй — во второй половине Д — Т, а обращение в целом образует *curriculum vitae* [жизненный путь] товара. Но обращение Т — Д — Т есть полный метаморфоз единичного товара только тогда, когда оно одновременно есть сумма определенных односторонних метаморфоз других товаров, потому что каждый метаморфоз первого товара есть превращение его в другой товар, т. е. превращение другого товара в него, т. е. двухстороннее превращение, совершающееся в одной и той же стадии обращения. Мы должны сперва рассмотреть

отдельно каждый из обоих процессов обмена, на которые распадается обращение $T — D — T$.

$T — D$, или *продажа*: T , товар, вступает в процесс обращения не только как особенная потребительная стоимость, напр. тонна железа, но как потребительная стоимость определенной цены, напр. в 3 ф. ст. 17 ш. $10\frac{1}{2}$ п., или в 1 унцию золота. Эта цена, будучи, с одной стороны, показателем содержащегося в железе количества рабочего времени, т. е. величины его стоимости, вместе с тем выражает благое желание железа превратиться в золото, т. е. придать содержащемуся в нем самом рабочему времени форму всеобщего общественного рабочего времени. Если эта перемена субстанции не удастся, тонна железа перестает быть не только товаром, но и продуктом, ибо она — товар только потому, что она не потребительная стоимость для своего владельца, или труд последнего есть действительный труд только в качестве полезного труда для других, для него же самого он полезен только в качестве абстрактно-всеобщего труда. Поэтому задача железа или его владельца заключается в том, чтобы найти в мире товаров тот пункт, где железо притягивает золото. Но эта трудность, *salto mortale* [головомомный прыжок] товара, преодолевается, если продажа действительно совершается, как мы и предполагаем здесь в анализе простого обращения. Тонна железа, реализуясь как потребительная стоимость путем своего отчуждения, т. е. своего перехода из рук, где она не есть потребительная стоимость, в руки, где она есть таковая, вместе с тем реализует свою цену и становится из лишь воображаемого золота действительным золотом. На место названия одной унции золота, или 3 ф. ст. 17 ш. $10\frac{1}{2}$ п., теперь выступила одна унция действительного золота, а тонна железа очистила свое место. Благодаря продаже $T — D$ не только товар, который в своей цене был идеально превращен в золото, превращается в золото реально, но благодаря тому же самому процессу золото, которое в качестве меры стоимости было только идеальными деньгами и в сущности фигурировало только как денежные названия самих товаров, превращается в действительные деньги *. Если раньше золото сделалось идеальным всеобщим эквивалентом, потому что все товары измеряли в нем свою стоимость, то оно становится

* «Монета бывает двух родов, идеальная и реальная, и употребляется двояким образом: для оценки вещей и для покупки их. Для оценки идеальная монета так же пригодна, как и реальная, и, может быть, даже лучше. Другое употребление монеты состоит в покупке тех самых вещей, которые она оценивает... Цены и контракты оцениваются в идеальной монете, а приводятся в исполнение — в реальной» (*Galiani*, l. c., p. 112 sq.).

теперь, в качестве продукта всестороннего отчуждения товаров на золото, — а продажа $T — D$ и есть процесс этого всеобщего отчуждения, — оно становится абсолютно отчуждаемым товаром, реальными деньгами. Но золото становится в продаже реальными деньгами только потому, что меновые стоимости товаров в своих ценах были уже золотом идеально.

В продаже $T — D$, как и в покупке $D — T$, друг другу противостоят два товара — единства меновой стоимости и потребительной стоимости; но в товаре меновая стоимость его существует лишь идеально как цена, между тем как в золоте, хотя оно само представляет собою действительную потребительную стоимость, его потребительная стоимость существует лишь как носитель меновой стоимости, т. е. лишь как формальная потребительная стоимость, не относящаяся ни к какой действительной индивидуальной потребности. Таким образом, противоположность между потребительной стоимостью и меновой стоимостью разделяется полярным образом между обоими членами $T — D$, так что товар противостоит золоту как потребительная стоимость, которая свою идеальную меновую стоимость, цену, должна еще реализовать в золоте, между тем как золото противостоит товару как меновая стоимость, которая свою формальную потребительную стоимость материализует только в товаре. Только путем этого раздвоения товара на товар и золото и, далее, путем двойного противопоставления, в котором каждый крайний член идеально представляет собою то, что противоположный ему член есть реально, и реально представляет собою то, что противоположный член есть идеально, т. е. только путем представления товаров как двусторонне полярных противоположностей, разрешаются противоречия, содержащиеся в процессе их обмена.

Мы рассматривали до сих пор $T — D$ как продажу, превращение товара в деньги. Но если мы станем на сторону другого крайнего члена, тот же самый процесс выступит, напротив, как $D — T$, покупка, превращение денег в товар. Продажа неизбежно есть вместе с тем и ее противоположность, покупка: продажа, если рассматривать процесс с одной стороны, и покупка, если рассматривать его с другой стороны. Иначе говоря, в действительности этот процесс различается лишь тем, что в $T — D$ инициатива исходит со стороны товара, или продавца, а в $D — T$ — со стороны денег, или покупателя. Следовательно, представляя первый метаморфоз товара, превращение его в деньги как результат завершения первой стадии обращения $T — D$, мы вместе с тем предполагаем, что какой-то другой товар уже превратился в деньги и, стало быть, находится

уже во второй стадии обращения $D — T$. Таким образом, мы попадаем в порочный круг предпосылок. Само обращение есть этот порочный круг. Если мы не будем рассматривать D в $T — D$ как совершившийся уже метаморфоз какого-нибудь другого товара, то мы вырвем данный акт обмена из процесса обращения. Но вне последнего исчезает форма $T — D$, и друг другу противостоят только два различных T , напр. железо и золото, обмен которых представляет собою не особый акт обращения, а акт непосредственной меновой торговли. Золото у источника своего производства — такой же товар, как и всякий другой товар. Его относительная стоимость и относительная стоимость железа или любого другого товара представляется здесь в тех количествах, в которых они взаимно обмениваются. Но в процессе обращения эта операция уже заранее предполагается; в товарных ценах собственная стоимость золота уже дана. Поэтому не может быть ничего ошибочнее, чем представление, будто *внутри процесса обращения* золото и товар вступают между собой в отношение непосредственной меновой торговли и, следовательно, их относительная стоимость устанавливается посредством их обмена как простых товаров. Если кажется, будто в процессе обращения золото обменивается на товары как простой товар, то эта иллюзия проистекает просто оттого, что в ценах определенное количество товара уже приравнено определенному количеству золота, т. е. отнесено уже к золоту как к деньгам, как к всеобщему эквиваленту, и *поэтому* может непосредственно на него обмениваться. Поскольку цена товара *реализуется* в золоте, он обменивается на золото как на товар, как на особую материализацию рабочего времени; но поскольку в золоте реализуется *цена* товара, последний обменивается на золото не как на товар, а как на деньги, т. е. на золото как всеобщую материализацию рабочего времени. Но в обоих отношениях количество золота, на которое товар обменивается внутри процесса обращения, не определяется обменом, а, наоборот, обмен определяется ценою товара, т. е. его меновой стоимостью, оцененною в золоте*.

Внутри процесса обращения золото в любых руках выступает результатом продажи $T — D$. Но так как $T — D$, продажа, вместе с тем есть $D — T$, покупка, то оказывается, что в то время как T , товар, с которого процесс начинается, совершает свой первый

* Это не исключает, конечно, того, что рыночная цена товаров может стоять выше или ниже их стоимости. Однако это соображение чуждо простому обращению и относится к совершенно другой сфере, которая подлежит рассмотрению позднее, там, где мы подвергнем исследованию отношение между стоимостью и рыночною ценою.

метаморфоз, другой товар, противостоящий ему в виде крайнего члена Д, совершает свой второй метаморфоз и поэтому проходит вторую половину обращения, в то время как первый товар находится еще в первой половине своего пути.

Как результат первого процесса обращения, продажи, появляется исходный пункт второго процесса, деньги. На место товара в его первоначальной форме вступил его золотой эквивалент. Этот результат может прежде всего образовать пункт приостановки процесса, так как товар в этой второй форме обладает собственным способным к выжиданию существованием. Товар, в руках своего владельца не потребительная стоимость, теперь имеется налицо в форме, всегда пригодной для употребления, ибо она всегда способна к обмену, и только от обстоятельств зависит, когда и в каком пункте поверхности товарного мира он вступит опять в обращение. Пребывание товара в виде золотой куколки образует самостоятельный период в его жизни, в котором он может оставаться более или менее продолжительное время. В то время как в меновой торговле обмен одной особенной потребительной стоимости непосредственно связан с обменом другой особенной потребительной стоимости, всеобщий характер труда, создающего меновую стоимость, выступает в разрыве и в произвольном распадении актов покупки и продажи.

Д — Т, *покупка*, есть движение, обратное Т — Д, и вместе с тем второй или заключительный метаморфоз товара. В качестве золота или в своем бытии в качестве всеобщего эквивалента товар обладает способностью быть непосредственно представленным в потребительных стоимостях всех других товаров, которые в своих ценах все стремятся к золоту как к своему потустороннему существованию, но вместе с тем указывают количество звонкой монеты, потребное для того, чтобы их тела, потребительные стоимости, перескочили на сторону денег, а душа их, меновая стоимость, перешла в самое золото. Всеобщий продукт отчуждения товаров есть абсолютно отчуждаемый товар. Не существует никакого качественного предела для превращения золота в товар, а существует лишь количественный предел, определяемый его собственным количеством или величиною стоимости. «Все куплю, — сказала злато». В то же время как в движении Т — Д товар, путем своего отчуждения как потребительной стоимости, реализует свою собственную цену и потребительную стоимость чужих денег, он в движении Д — Т, путем своего отчуждения как меновой стоимости, реализует свою собственную потребительную стоимость и цену другого товара. Если товар, реализуя свою цену, тем самым превращает золото

в действительные деньги, то своим обратным превращением он превращает золото в свое собственное только преходящее денежное бытие. Так как товарное обращение предполагает развитое разделение труда, стало быть, многосторонность потребностей единичного лица, находящуюся в обратном отношении к односторонности его продукта, то покупка $D — T$ иногда представляется в виде уравнивания с одним товарным эквивалентом, иногда же раздробляется на ряд товарных эквивалентов, определяемый кругом потребностей покупателя и размерами его денежной суммы. Как продажа есть вместе с тем покупка, так и покупка есть вместе с тем продажа, $D — T$ есть $T — D$, но здесь инициатива принадлежит золоту, или покупателю.

Если мы вернемся теперь к обращению $T — D — T$ в целом, то окажется, что в нем товар проходит полный ряд своих метаморфоз. Но в то время как он начинает первую половину обращения и совершает первый метаморфоз, другой товар вступает во вторую половину обращения, совершает свой второй метаморфоз и выпадает из обращения; и, наоборот, первый товар вступает во вторую половину обращения, совершает свой второй метаморфоз и выпадает из обращения в то время, как третий товар вступает в обращение, проходит первую половину своего пути и совершает первый метаморфоз. Таким образом, обращение $T — D — T$ в целом, как полный метаморфоз одного товара, представляет собою вместе с тем всегда конец полного метаморфоза другого товара и начало полного метаморфоза третьего товара, т. е. ряд без начала и конца. Для наглядности, чтобы отличать товары друг от друга, обозначим T на обоих концах различным образом, напр. $T' — D — T''$. В сущности первое звено $T' — D$ предполагает D как результат другого $T — D$, т. е. само есть лишь второе звено $T — D — T'$; второе же звено $D — T''$ в своем результате представляет собою $T'' — D$, т. е. само представляется как первое звено $T'' — D — T'''$ и т. д. Далее, оказывается, что последнее звено $D — T$, хотя D есть результат лишь *одной* продажи, может представляться в виде $(D — T') + (D — T'') + (D — T''') +$ и т. д., т. е. может раздробиться на множество покупок и, значит, множество продаж, т. е. на множество первых звеньев новых полных метаморфоз товаров. Если, следовательно, полный метаморфоз единичного товара представляется не только звеном одной, нигде не начинающейся и не кончающейся цепи метаморфоз, но звеном многих таких цепей, то процесс обращения товарного мира, — так как каждый единичный товар проходит обращение $T — D — T$, — представляется бесконечно переплетенным

клубком цепей этого движения, постоянно кончающегося и постоянно же вновь начинающегося в бесконечно различных пунктах. Но вместе с тем каждая единичная продажа или покупка существует в качестве безразличного, изолированного акта, дополняющий акт которого может быть отделен от него во времени и в пространстве и поэтому не должен непосредственно присоединяться к нему, как его продолжение. Каждый отдельный процесс обращения $T — D$ или $D — T$, как превращение одного товара в потребительную стоимость и другого товара в деньги, как первая и вторая стадии обращения, образует с двух сторон самостоятельный пункт остановки; с другой стороны, все товары начинают свой второй метаморфоз и занимают исходный пункт второй половины обращения в общем для них всех образе всеобщего эквивалента, золота; поэтому в действительном обращении любое $D — T$ может примыкать к любому $T — D$, вторая глава жизненного пути одного товара к первой главе жизненного пути другого товара. Например, А продает железо за 2 ф. ст., т. е. совершает $T — D$, или первый метаморфоз товара железо, но покупку откладывает на более позднее время. В то же время В, продавший две недели тому назад 2 квартера пшеницы за 6 ф. ст., на эти же 6 ф. ст. покупает костюм у фирмы «Мозес и сын», т. е. совершает $D — T$, или второй метаморфоз товара пшеницы. Оба эти акта $D — T$ и $T — D$ представляются здесь только как звенья одной цепи, так как в D , золоте, один товар выглядит так же, как другой, и по золоту нельзя узнать, есть ли оно превращенное железо или превращенная пшеница. Таким образом, в действительном процессе обращения $T — D — T$ представляется в виде бесконечного случайного сосуществования и последовательности пестро разбросанных звеньев различных полных метаморфоз. Действительный процесс обращения *выступает* таким образом не как полный метаморфоз товара, не как его движение через противоположные фазы, а как простой агрегат множества совершающихся рядом или следующих друг за другом случайных покупок и продаж. Таким образом, определенность формы этого процесса исчезает, и исчезает тем полнее, что каждый единичный акт обращения, напр. продажа, есть вместе с тем его противоположность, покупка, и наоборот. С другой стороны, процесс обращения *есть* движение метаморфоз товарного мира и поэтому должен отражать это движение также в своем общем движении. Каким образом он отражает его, мы рассмотрим в следующем отделе. Здесь же следует лишь заметить, что в $T — D — T$ оба крайние члена T находятся, под углом зрения формы, не в одинаковом отношении к D . Первый T

относится к деньгам как особенный товар к всеобщему товару, между тем как деньги относятся ко второму Т как всеобщий товар к единичному товару. Следовательно, абстрактно-логически Т — Д — Т может быть сведено к форме силлогизма О — В — Е, где особенность образует первый крайний член, всеобщность — связывающий средний член и единичность — последний крайний член.

Товаровладельцы вступили в процесс обращения просто как хранители товаров. Внутри этого процесса они выступают друг против друга, в противоположной форме покупателей и продавцов, один — как персонифицированная голова сахара, другой — как персонифицированное золото. Как только голова сахара превращается в золото, продавец становится покупателем. Следовательно, эти определенные социальные характеры проистекают отнюдь не из человеческой индивидуальности вообще, но из меновых отношений между людьми, производящими свои продукты в определенной форме товара. Отношения, существующие между покупателем и продавцом, столь мало носят чисто индивидуальный характер, что оба они вступают в это отношение лишь поскольку индивидуальный характер их труда отрицается, а именно, поскольку он, как *не* индивидуальный, превращается в деньги. Поэтому настолько же нелепо считать эти экономические буржуазные характеры покупателя и продавца вечными общественными формами человеческой индивидуальности, насколько неправильно горевать по тому поводу, что они будто бы уничтожают индивидуальность. * Они суть необхо-

* Как глубоко поражает чувствительные души даже совершенно поверхностная форма антагонизма, выражающегося в покупке и продаже, показывает нижеследующая выдержка из книги г. *Исаака Перейра*, *Leçons sur l'industrie et les finances*, Paris 1832. То обстоятельство, что этот же самый Исаак в качестве основателя и диктатора «Crédit mobilier» является парижским биржевым волком, пользующимся дурной славой, вместе с тем показывает, какое значение имеет эта сентиментальная критика политической экономии. Господин Перейр, тогда еще апостол Сен-Симона, говорит: «Вследствие того, что все индивиды изолированы, отделены друг от друга как в своем труде, так и в потреблении, между ними существует взаимный обмен продуктами их производств. Из необходимости обмена возникла необходимость определять относительную стоимость предметов. Таким образом, идеи стоимости и обмена внутренне связаны между собою, и обе они в теперешней своей форме выражают индивидуализм и антагонизм... Определять стоимость продуктов приходится только потому, что существуют продажа и покупка, другими словами, антагонизм между различными членами общества. Интересоваться ценою и стоимостью приходится только там, где существуют продажа и покупка, т. е. где всякий индивид вынужден бороться для того, чтобы обеспечить себе предметы, необходимые для его существования» (I. с., р. 2, 3, *passim*).

димое выражение индивидуальности на основе определенной ступени общественного процесса производства. Кроме того, в противоположности между покупателем и продавцом антагонистическая природа буржуазного производства выражена еще столь поверхностным и формальным образом, что эта противоположность свойственна также добуржуазным формам общества, так как она требует только, чтобы индивиды относились друг к другу как владельцы товаров.

Если мы рассмотрим теперь результат $T - D - T$, то он сводится к обмену веществ $T - T$. Товар обменяется на товар, потребительная стоимость на потребительную стоимость, и становление товара деньгами, или товар как деньги, служит только для опосредствования этого обмена веществ. Деньги выступают, таким образом, только как *средство обмена* товаров; но это не средство обмена вообще, а средство обмена, характеризующее процесс обращения, т. е. *средство обращения* *.

Из того, что процесс обращения товаров исчерпывается в $T - T$ и поэтому кажется лишь меновой торговлей, совершающейся при посредстве денег, или вообще из того, что $T - D - T$ не только распадается на два изолированных процесса, но вместе с тем выражает их находящееся в движении единство, — из этого делать вывод, что существует только единство покупки и продажи, но не их разделение, значило бы обнаружить такой способ мышления, критика которого относится к области логики, а не политической экономии. Разделение в меновом процессе покупки и продажи, разрывая местные, первобытные, традиционно-благочестивые, наивно-нелепые границы общественного обмена веществ, вместе с тем есть всеобщая форма разрыва его связанных друг с другом моментов и противопоставления их друг другу; одним словом, это — всеобщая возможность торговых кризисов, однако только потому, что противоположность товара и денег есть абстрактная и всеобщая форма всех противоположностей, заключенных в буржуазном труде. Поэтому денежное обращение может иметь место без кризисов, но кризисы не могут иметь места без денежного обращения. Это, однако, означает только, что там, где основанный на частном обмене труд еще не развился до образования денег, он, конечно, тем менее в состоянии вызвать такие явления, которые предполагают полное развитие буржуазного процесса производства. Отсюда можно оценить

* «Деньги — только средство и способ, между тем как товары, полезные для жизни, представляют конечную цель». *Boisguillebert*, *Le détail de la France*, 1697, в сборнике *Eugène Daire* «*Economistes financiers du XVIII siècle*», vol. I, Paris 1843, p. 210.

по достоинству всю глубину той критики, которая стремится путем отмены «привилегий» благородных металлов и посредством так называемой «рациональной денежной системы» устранить «пороки» буржуазного производства. С другой стороны, в качестве образца экономической апологетики достаточно привести одну теорию, которая прославлялась как необычайно остроумная. *Джесем Милль*, отец известного английского экономиста Джона Стюарта Милля, говорит: «Никогда не может быть недостатка в покупателях по отношению ко всем товарам. Всякий, кто предлагает товар для продажи, желает получить в обмен за него другой товар, и, следовательно, он — покупатель уже в силу одного того факта, что он продавец. Поэтому покупатели и продавцы всех товаров, вместе взятые, должны в силу метафизической необходимости сохранять равновесие. Стало быть, если на один товар имеется больше продавцов, чем покупателей, то на другой какой-нибудь товар должно быть больше покупателей, чем продавцов»*. Милль создает это равновесие тем, что он превращает процесс обращения в непосредственную меновую торговлю, а затем в эту непосредственную меновую торговлю опять контрабандным путем вводит взятые из процесса обращения фигуры покупателей и продавцов. Выражаясь его запутанным языком, можно сказать, что в такие моменты, когда все товары не находят сбыта, — напр., в Лондоне и Гамбурге, в известные моменты торгового кризиса в 1857 — 1858 гг., — действительно имеется больше покупателей, чем продавцов, на *один* товар, именно на *деньги*, и больше продавцов, чем покупателей на *все другие виды денег*, а именно на товары. Метафизическое равновесие между покупками и продажами ограничивается тем, что каждая покупка есть продажа и каждая продажа — покупка, что,

* В ноябре 1807 г. в Англии появилось сочинение *Вильяма Спенса* под заглавием «Britain independent of commerce», основную идею которого Вильям Коббет развил в своем «Political register» под более резкою формою «Perish commerce». В противовес этому *Джесем Милль* выпустил в 1808 г. свое сочинение «Defence of commerce», в котором уже имеется помещенный в тексте аргумент, взятый нами из его «Elements of political economy». Ж.-Б. Сэй в своей полемике с Сисмонди и Мальтусом о торговых кризисах присвоил себе эту хитроумную находку, а так как нет возможности указать, какою именно новою идеею этот комический «prince de la science» [«князь науки»] обогатил политическую экономию, — его заслуга заключается, напротив, в том беспристрастии, с которым он одинаково извращал своих современников: Мальтуса, Сисмонди и Рикардо, — то его континентальные поклонники торжественно провозгласили его нашедшим этот клад — идею о метафизическом равновесии между покупками и продажами.

однако, не представляет особенного утешения для товаровладельцев, которые не в состоянии продать, а тем самым и купить *.

Отделение продажи от покупки делает возможным появление, наряду с торговлею в точном смысле слова, множества фиктивных сделок до окончательного обмена между производителями и потребителями товаров. Это дает возможность множеству паразитов проникнуть в процесс производства и извлекать выгоду из указанного разделения. Но это опять-таки только значит, что вместе с деньгами, как всеобщую форму буржуазного труда, дана *возможность* развития противоречий последнего.

б) Обращение денег.

Действительное обращение представляется прежде всего как масса случайно протекающих друг подле друга покупок и продаж. Как в покупке, так и в продаже товар и деньги противостоят друг другу всегда в одном и том же отношении: продавец — на стороне товара, а покупатель — на стороне денег. Поэтому деньги, как средство обращения, выступают всегда в качестве *покупательного средства*, вследствие чего различия их назначений в противоположных фазах товарного метаморфоза становятся незаметными.

Деньги переходят в руки продавца в том же самом акте, в котором товар переходит в руки покупателя. Следовательно, товар и деньги движутся в противоположных направлениях, и эта перемена мест, при которой товар переходит на одну сторону, а деньги на другую, совершается одновременно в неопределенно большом числе точек на всей поверхности буржуазного общества. Однако первый шаг, который товар делает в обращении, есть вместе с тем и его

* Как изображают экономисты различные определения формы товара, можно увидеть из следующих примеров: «Владея деньгами, мы должны совершить только один обмен для получения желаемого предмета; если же мы имеем другие продукты, для нас излишние, мы должны совершить два обмена, из которых первый (получение денег) несравненно труднее, чем второй» (*G. Opdyke, A treatise on political economy, New-York 1851, p. 277—278*).

«Высшая способность денег к отчуждению есть прямой результат или естественное следствие меньшей способности предметов к отчуждению». (*Th. Corbet, An inquiry into the causes and modes of the wealth of individuals etc., London 1841, p. 117*). «Деньги обладают способностью обмениваться всегда на то, что они измеряют» (*Bosanquet, Metallic, paper and credit currency etc., London 1842, p. 100*).

«Деньги могут всегда купить другие товары, между тем как другие товары не всегда могут купить деньги» (*Th. Tooke, An inquiry into the currency principle, 2 ed., London 1844, p. 10*).

последний шаг *. Передвигается ли товар из своего места потому, что золото притягивается им ($T — D$), или потому, что он притягивается золотом ($D — T$), но одним этим движением, одною переменою места он выходит из обращения в область потребления. Обращение есть беспрестанное движение товаров, но всегда новых товаров, каждый из которых совершает движение лишь один раз. Каждый товар начинает вторую половину своего обращения не в виде того же самого товара, а в виде другого товара, золота. Таким образом, движение превращенного товара есть движение золота. Та же самая монета или тот же самый кусок золота, который в акте $T — D$ один раз переменялся местом с одним товаром, выступает опять в виде исходного пункта $D — T$ и таким образом меняется местом второй раз, с другим товаром. Подобно тому как эта монета перешла из рук покупателя B в руки продавца A , так теперь она переходит из рук A , ставшего покупателем, в руки C . Таким образом, движение форм товара, его превращение в деньги и обратное превращение его из денег, или движение полного метаморфоза товара, представляется как внешнее движение одной и той же монеты, которая два раза меняется местами с двумя различными товарами. Как бы раздробленно и случайно ни протекали рядом друг с другом покупки и продажи, но в действительном обращении покупателю всегда противостоит продавец, и деньги, переходящие на место проданного товара, должны были уже однажды перемениться местом с каким-нибудь другим товаром, прежде чем они попали в руки покупателя. С другой стороны, раньше или позже они опять переходят из рук продавца, ставшего покупателем, в руки нового продавца, и в этом своем частом повторении перемены места деньги выражают спеление метаморфоз товаров. Таким образом, одни и те же монеты передвигаются с одного места обращения на другое, всегда в направлении, противоположном движению товаров, одна монета чаще, другая реже, описывая при этом более или менее длинную дугу обращения. Эти различные движения одной и той же монеты могут следовать друг за другом только во времени, как, наоборот, многочисленность и раздробленность покупок и продаж выступает в одновременных, протекающих рядом в пространстве, однократных переменах места товаров и денег.

Обращение товаров $T — D — T$ в своей простой форме совер-

* Один и тот же товар может быть много раз куплен и опять продан. Он обращается тогда не как простой товар, а в такой функции, которой еще не существует с точки зрения простого обращения, простой противоположности товара и денег.

шается в виде перехода денег из рук покупателя в руки продавца и из рук продавца, ставшего покупателем, в руки нового продавца. Этим закончен метаморфоз товара, а следовательно, и движение денег, поскольку оно — выражение этого метаморфоза. Но так как новые потребительные стоимости должны постоянно производиться как товары и поэтому должны постоянно вновь бросаться в обращение, то $T — D — T$ повторяется и возобновляется теми же самыми товаровладельцами. Деньги, которые они израсходовали как покупатели, возвращаются обратно в их руки, как только они выступают снова в качестве продавцов товаров. Постоянное возобновление товарного обращения отражается, таким образом, в том, что деньги не только постоянно перекачиваются из одних рук в другие по всей поверхности буржуазного общества, но вместе с тем описывают множество различных маленьких кругооборотов, исходя из бесконечно различных точек и возвращаясь к тем же самым точкам, чтобы снова повторить то же самое движение.

Так как перемена форм товаров выступает как простое перемещение денег, и непрерывность движения обращения выпадает целиком на долю денег, — ибо товар делает всегда только один шаг в направлении, противоположном движению денег, деньги же делают всегда второй шаг вместо товара и говорят Б там, где товар сказал А, — то *кажется*, что все движение исходит от денег, хотя при продаже товар притягивает деньги из их места и, следовательно, так же приводит в движение деньги, как при покупке деньги приводят в движение товар. Далее, так как деньги противостоят товару всегда в одном и том же отношении, именно как *покупательное средство*, а в качестве такового приводят товары в движение лишь посредством реализации их цен, — то все движение обращения выступает в таком виде, что деньги меняются местами с товарами, реализуя их цены либо в одновременных, протекающих рядом отдельных актах обращения, либо последовательно, когда одна и та же монета реализует под-ряд цены различных товаров. Если, напр., мы рассмотрим $T — D — T' — D — T'' — D — T'''$ и т. д., оставляя в стороне качественные моменты, которые в действительном процессе обращения становятся незаметными, то мы увидим только одну и ту же монотонную операцию. Д, реализовав цену Т, реализуют под-ряд цены Т', Т'', Т''' и т. д., и товары Т', Т'', Т''' и т. д. занимают постоянно место, оставленное деньгами. Поэтому кажется, что деньги, реализуя цены товаров, приводят последние в движение. В этой функции, заключающейся в реализации цен, деньги сами постоянно находятся в обращении, то меняя только место, то

пробегаю дугу обращения, то описывая маленький круг, в котором исходная точка и точка возвращения совпадают. Как средство обращения деньги имеют свое собственное обращение. Поэтому движение форм товаров, совершающих процесс обращения, выступает как собственное движение денег, опосредствующее обмен товаров, которые сами по себе неподвижны. Таким образом, движение процесса обращения товаров представляется в виде движения золота как средства обращения — в виде *обращения денег*.

Если товаровладельцы представляют продукты своих частных работ как продукты общественного труда, превращая одну вещь, золото, в непосредственное бытие всеобщего рабочего времени и, стало быть, в деньги, то теперь их собственное всестороннее движение, которым они опосредствуют обмен веществ своих работ, противостоит им в виде своеобразного движения этой вещи, в виде обращения золота. Само общественное движение есть для товаровладельца, с одной стороны, внешняя необходимость, с другой — только формальный, посредствующий процесс, который дает каждому индивиду возможность за ту потребительную стоимость, которую он бросает в обращение, извлекать из него другие потребительные стоимости, имеющие стоимость такой же величины. Потребительная стоимость товара выступает на сцену с выходом его из обращения, между тем как потребительная стоимость денег как средства обращения есть само их обращение. Движение товара в обращении есть только преходящий момент, между тем как непрерывное движение в обращении становится функцией денег. Эта специальная функция денег внутри процесса обращения придает деньгам как средству обращения новую определенность формы, которую теперь следует развить подробнее.

Прежде всего ясно, что денежное обращение есть движение бесконечно раздробленное, так как в нем отражаются бесконечное раздробление процесса обращения на покупки и продажи и произвольное распадение дополняющих друг друга фаз товарного метаморфоза. Правда, в небольших кругооборотах денег, в которых исходная точка и точка возвращения совпадают, обнаруживается движение, имеющее тенденцию к возвращению назад, действительное круговое движение; но таких исходных точек имеется столько же, сколько и товаров, и уже благодаря своему неопределенному множеству эти кругообороты ускользают от какого-либо контроля, измерения и вычисления. Столь же неопределенно время между удалением от исходной точки и возвращением к ней. Безразлично также, имеет ли место в данном случае подобный кругооборот или нет. Нет

более общеизвестного экономического факта, чем тот, что можно одною рукою расходовать деньги, не получая их обратно другою рукою. Деньги выходят из бесконечно различных точек и возвращаются в бесконечно различные точки, но совпадение исходной и конечной точек имеет случайный характер, так как в движении $T — Д — T$ обратное превращение покупателя в продавца не представляет собой необходимого условия. В еще меньшей степени денежное обращение представляет такое движение, которое излучается из одного центра ко всем точкам периферии и из всех точек последней возвращается к тому же центру. Так называемый круговой оборот денег, как он рисуется нашему воображению, ограничивается тем, что во всех пунктах заметны их появление и исчезновение, непрестанная перемена ими места. В высшей сложной форме денежного обращения, напр. в обращении банкнот, мы увидим, что условия расходования денег заключают в себе условия их возвращения. Напротив, при простом денежном обращении является делом случая, что тот же самый покупатель становится опять продавцом. Там, где при простом денежном обращении обнаруживаются действительные круговые движения постоянного характера, они суть лишь отражение более глубоких процессов производства. Например, фабрикант берет в пятницу деньги у своего банкира, в субботу выплачивает заработную плату своим рабочим, рабочие немедленно отдают большую часть этих денег лавочникам и т. п., а последние в понедельник приносят их обратно банкиру.

Мы видели, что деньги одновременно реализуют данную массу цен в покупках и продажах, пестро расположенных рядом друг с другом в пространстве, и что они только один раз меняются местами с товарами. Но, с другой стороны, поскольку в движении денег выступает движение полных метаморфоз товаров и сцепление этих метаморфоз, одна и та же монета реализует цены различных товаров и таким образом совершает большее или меньшее число оборотов. Если мы возьмем процесс обращения какой-нибудь страны за данный промежуток времени, напр. за один день, то количество золота, необходимое для реализации цен и, следовательно, для обращения товаров, определяется двумя моментами: с одной стороны, общию суммою этих цен, с другой стороны, средним числом оборотов одной и той же золотой монеты. Это число оборотов, или быстрота обращения денег, с своей стороны, определяется тою среднею быстротою (или служит лишь ее выражением), с которою товары проходят различные фазы своих метаморфоз, — быстротою, с которою метаморфозы следуют друг за другом в виде цепи, и быстротой,

с которой товары, прошедшие свои метаморфозы, замещаются в процессе обращения новыми товарами. Следовательно, в то время как в процессе определения цен меновая стоимость всех товаров идеально превратилась в количество золота соответствующей величины стоимости и в обоих изолированных актах обращения $D - T$ и $T - D$ одна и та же сумма стоимости существовала в удвоенном виде, на одной стороне в виде товара, на другой стороне в виде золота, — существование золота как средства обращения определяется не изолированным его отношением к единичным неподвижным товарам, а характером его движения в движущемся мире товаров; его функцией выражать своею переменою мест перемену форм товаров и, следовательно, скоростью своей перемены мест — скоростью перемены форм товаров. Его действительное наличие в процессе обращения, т. е. действительная масса золота, находящаяся в обращении, определяется теперь, таким образом, его функциональным существованием в самом процессе, взятом как целое.

Предпосылкою денежного обращения является товарное обращение, и притом деньги приводят в обращение товары, которые имеют цену, т. е. которые идеально уже приравнены к определенным количествам золота. При определении цен самих товаров величина стоимости того количества золота, которое служит единицею измерения, или стоимость золота, предполагается данной. При этой предпосылке количество золота, необходимое для обращения, определяется прежде всего общему суммою товарных цен, подлежащих реализации. Но эта общая сумма, в свою очередь, определяется: 1) уровнем цен, относительно высоким или низким уровнем меновых стоимостей товаров, оцененных в золоте, и 2) массой товаров, обращающихся по определенным ценам, т. е. массой покупок и продаж при данных ценах *. Если квартал пшеницы стоит 60 ш., то для того, чтобы привести его в обращение или реализовать его цену, необходимо в два раза большее количество золота, чем в том случае, если бы он стоил только 30 шиллингов. Для обращения 500 кварталов по 60 ш. требуется в два раза больше золота, чем для

* Масса денег безразлична, «pourvu qu'il y en ait assez pour maintenir les prix contractés par les denrées» [«лишь бы их было достаточно для того, чтобы поддерживать цены, соответствующие товарам»]. *Boisguillebert*, l. c., p. 210. «Если обращение товаров в 400 милл. ф. ст. требует массы золота в 40 милл. и эта пропорция в $\frac{1}{10}$ представляет нормальный уровень, то в том случае, если стоимость находящихся в обращении товаров повысится по естественным причинам до 450 милл., масса золота, чтобы остаться на надлежащем уровне, должна увеличиться до 45 миллионов». *W. Blake*, *Observations on the effects produced by the expenditure of government etc.*, London 1823, p. 42.

обращения 250 кварталов по той же цене. Наконец, для обращения 10 кварталов по 100 ш. требуется лишь половина того количества золота, которое необходимо для обращения 40 кварталов по 50 шиллингов. Отсюда следует, что необходимое для обращения количество золота может уменьшиться, несмотря на повышение цен, если масса находящихся в обращении товаров уменьшается в большей пропорции, чем возрастает общая сумма цен; и, наоборот, масса средств обращения может увеличиться, если масса находящихся в обращении товаров уменьшается, а сумма их цен повышается в большей степени. Превосходные детальные исследования англичан показали, напр., что в Англии на первых стадиях вздорожания хлеба масса обращающихся денег увеличивается, потому что сумма цен уменьшившейся массы хлеба превышает прежнюю сумму цен большей массы хлеба, а вместе с тем обращение остальной товарной массы продолжается в течение некоторого времени без нарушений по прежним ценам. Напротив, в позднейшей стадии вздорожания хлеба масса обращающихся денег уменьшается — потому ли, что наряду с хлебом продается меньшее количество товаров по прежним ценам, или же потому, что то же самое количество товаров продается по более низким ценам.

Однако количество обращающихся денег определяется, как мы видели, не только общей суммой подлежащих реализации товарных цен, но вместе с тем скоростью, с которою деньги обращаются, т. е. продолжительностью времени, в течение которого они совершают эту реализацию. Если один и тот же соверен совершает в один день десять покупок товара, каждый раз ценою в один соверен, переходя таким образом 10 раз из рук в руки, то он совершает точь-в-точь такую же работу, как 10 соверенов, из которых каждый в продолжение дня совершает лишь один оборот *. Скорость оборота золота может, стало быть, возместить его количество, или существование золота и процесс обращения определяется не только его бытием рядом с товаром в качестве эквивалента, но также его бытием в сфере движения товарных метаморфоз. Однако скорость оборота денег возмещает их количество только до определенного предела, так как в каждый данный момент бесконечно раздробленные покупки и продажи расположены рядом друг с другом в пространстве.

Если сумма цен находящихся в обращении товаров возрастает,

* «Небольшое количество монет оказывается достаточным благодаря быстрой обороте монеты, а не благодаря количеству металла». *Galvani*, l. c., p. 99.

но в меньшей степени, чем скорость оборота денег, то масса средств обращения уменьшается. Если, наоборот, скорость обращения уменьшается в большей степени, чем сумма цен находящейся в обращении товарной массы, то масса средств обращения увеличивается. Возрастание количества средств обращения при всеобщем падении цен или уменьшение количества средств обращения при всеобщем повышении цен — одно из превосходно констатированных явлений в истории товарных цен. Однако причины, которые вызывают повышение уровня цен и одновременно еще большее увеличение быстроты оборота денег, равно как и обратное движение, находятся вне области исследования простого обращения. В качестве примера можно указать между прочим, что в периоды, когда кредит процветает, скорость оборота денег увеличивается быстрее, чем возрастают цены товаров, между тем как при сокращении кредита цены товаров падают медленнее, нежели скорость обращения. Поверхностный и формальный характер простого денежного обращения обнаруживается как раз в том, что все моменты, определяющие количество средств обращения, а именно масса обращающихся товаров, цены, повышение или падение цен, число одновременных покупок и продаж, скорость оборота денег, зависят от процесса метаморфоз товарного мира, который, в свою очередь, зависит от общего характера способа производства, количества народонаселения, отношения между городом и деревней, развития средств транспорта, большого или меньшего разделения труда, кредита и т. д., — словом, от обстоятельств, которые все лежат *вне* простого денежного обращения и в нем только отображаются.

Если скорость обращения дана, то масса средств обращения определяется, следовательно, просто ценами товаров. Таким образом, цены не потому высоки или низки, что в обращении находится большее или меньшее количество денег, а, наоборот, в обращении потому находится большее или меньшее количество денег, что цены высоки или низки. Это один из важнейших экономических законов, детальное доказательство которого при помощи истории товарных цен составляет, быть может, единственную заслугу послерикардовской английской политической экономии. Если опыт показывает, что уровень металлического обращения или масса обращающегося золота или серебра в данной стране хотя и подвержена временным, иногда очень сильным, отливам и приливам*,

* Пример чрезвычайного падения металлического обращения ниже среднего уровня представляла Англия в 1858 г., как можно видеть из следующей выдерж-

но в общем на протяжении более длительных периодов остается постоянным, и отклонения от среднего уровня представляют лишь слабые колебания, — то это явление объясняется просто противоположною природою условий, определяющих массу находящихся в обращении денег. Одновременное изменение этих условий парализует их влияние и оставляет все по-старому.

Закон, по которому при данной скорости оборота денег и данной сумме товарных цен количество обращающихся средств представляет собою определенную величину, может быть выражен еще таким образом, что, если даны меновые стоимости товаров и средняя скорость их метаморфоз, то количество обращающегося золота зависит от его собственной стоимости. Поэтому, если бы стоимость золота, т. е. необходимое для его производства рабочее время, увеличилась или уменьшилась, то товарные цены повысились бы или упали в обратном отношении, и этому всеобщему повышению или падению цен соответствовала бы, при неизменной скорости оборота, большая или меньшая масса золота, необходимого для обращения той же самой товарной массы. Такая же перемена имела бы место в том случае, если бы прежняя мера стоимости была вытеснена другим металлом с более высокою или более низкою стоимостью. Так, когда Голландия из нежных чувств к государственным кредиторам и из боязни последствий открытия калифорнийских и австралийских рудников заменила золотые деньги серебряными, ей потребовалось в 14 — 15 раз больше серебра, чем прежде золота, для обращения той же самой товарной массы.

Из зависимости количества обращающегося золота от изменяющейся суммы товарных цен и от изменяющейся скорости обращения следует, что масса металлических средств обращения должна быть способна к сокращению и расширению, т. е., что в соответствии с потребностями процесса обращения золото то должно

ки из «London Economist»: «По самой природе явления (а именно раздробленного характера простого обращения [примечание Маркса]) невозможно точно установить количество наличных денег, находящихся в обращении на рынке и в руках классов, которые не связаны с банками. Но, быть может, деятельность или бездеятельность монетных дворов больших торговых наций является одним из лучших показателей изменений этого количества. Много монеты чеканится, когда ее требуется много, и мало — когда ее требуется мало... На английском монетном дворе было выпущено монет: в 1855 г. 9 245 000 ф. ст., в 1856 г. — 6 176 000 ф. ст., в 1857 г. — 5 293 855 ф. стерлингов. В продолжение 1858 г. монетный двор почти не имел работы» («Economist», July 10, 1858). Одновременно с этим в подвалах банка лежало золота приблизительно на 18 милл. фунтов стерлингов.

вступать в этот процесс как средство обращения, то снова должно выходить из него. Каким образом самый процесс обращения осуществляет эти условия, мы увидим дальше.

с) *Монета. Знак стоимости.*

Золото в своей функции средства обращения получает особую форму (Façon), оно становится *монетою*. Чтобы его обращение не задерживалось техническими затруднениями, оно чеканится в виде монет соответственно масштабу счетных денег. Куски золота, оттиск и фигура которых показывают, что они содержат весовые количества золота, обозначаемые счетными названиями денег: фунт стерлингов, шиллинг и т. п., — суть монеты. Как определение монетной цены золота, так и техническое дело чеканки выпадает на долю государства. Как и в качестве счетных денег, деньги в качестве монеты получают *местный* и *политический* характер, они говорят на разных языках и носят разные национальные мундиры. Поэтому сфера, в которой деньги обращаются как монета, отличается, как *внутреннее* товарное обращение, ограниченное пределами данного государства, от *всеобщего* обращения товарного мира.

Однако золото в слитках и золото в монете отличаются друг от друга не в большей мере, чем его монетное название и название весовое. То, что в последнем случае выступает как различие в названии, выступает в первом случае лишь как различие внешней формы. Золотая монета может быть брошена в тигель и опять превращена в золото *sans phrase* [просто золото], как и обратно: достаточно послать золотой слиток на монетный двор, чтобы он получил форму монеты. Превращение и обратное превращение из одной внешней формы в другую представляется чисто технической операцией.

За 100 фунтов или 1 200 унций *троу* 22-каратного золота на английском монетном дворе можно получить $4\,672\frac{1}{2}$ ф. ст. или золотых соверенов; если положить эти соверены на одну чашку весов, а 100 фунтов золота в слитках на другую, то они уравнивают друг друга; это доказывает, что соверен есть не что иное, как определенное весовое количество золота, обозначенное в английской монетной цене названием соверена и имеющее особую внешнюю форму и особый штемпель. Эти $4\,672\frac{1}{2}$ золотых соверена выбрасываются из различных пунктов в обращение и, поглощаемые им, совершают в продолжение дня определенное число оборотов — один соверен большее число оборотов, другой — меньшее. Если бы среднее число ежедневных оборотов каждой

унции было 10, то 1 200 унций золота реализовали бы товарные цены на общую сумму 12 000 унций, или 46 725 соверенов. Как ни вертеть и поворачивать унцию золота, она никогда не будет весить 10 унций золота. Но здесь, в процессе обращения, 1 унция действительно имеет вес 10 унций. Бытие монеты внутри процесса обращения равно содержащемуся в ней количеству золота, умноженному на число ее оборотов. Таким образом, монета, сверх своего действительного существования в виде отдельного куска золота определенного веса, получает идеальное существование, вытекающее из ее функции. Однако совершает ли соверен один оборот или десять оборотов, но в каждой отдельной покупке или продаже он действует только как один соверен. Он похож на генерала, который в день сражения своевременным появлением в 10 различных пунктах заменяет 10 генералов; но в каждом из этих пунктов это тот же самый генерал. Идеализация средства обращения, возникающая в денежном обращении благодаря замене количества монет быстротою оборота, относится только к функциональному бытию монеты внутри процесса обращения, но не касается бытия отдельной монеты.

Денежное обращение представляет собою, однако, внешнее движение, и соверен, хотя и *pop olet* [не пахнет], вращается в смешанном обществе. От трения со всякого рода руками, сумками, карманами, кошельками, мешочками, шкатулками и сундуками монета стирается, оставляет здесь один золотой атом, там другой и таким образом, шлифуясь в своих скитаниях по миру, все больше и больше теряет в своем внутреннем содержании. В употреблении она изнашивается. Посмотрим на соверен в тот момент, когда его солидный от природы характер, повидимому потерпел еще только слабый урон. «Пекарь, который сегодня только что получил из банка совершенно новенький соверен и завтра уплачивает его мельнику, отдает не тот же самый настоящий (*veritable*) соверен; он легче, чем в тот момент, когда пекарь его получил»*. Ясно, что монеты по самой природе вещей должны постоянно одна за другую обесцениваться в результате хотя бы только обычного и неизбежного стирания. Физически невозможно на некоторое время, хотя бы на один день, совершенно изъять из обращения легкие монеты**. По

* *Dodd, Curiosities of industry etc., London 1854.*

** «*The currency question reviewed etc. by a banker*», Edinburgh 1845, p. 69 etc. «Если бы один эку, немного потертый, имел несколько меньшую стоимость, чем совершенно новый эку, то обращение постоянно испытывало бы задержку и не было бы ни одного платежа, который не стал бы предметом спора» (*G. Garnier, l. c., t. I, p. 24*).

оценке Джекоба, из 380 милл. ф. ст., существовавших в 1809 г. в Европе, к 1829 г., т. е. по прошествии 20 лет, 19 милл. ф. ст. совершенно исчезли вследствие стирания*. Таким образом, если товар после первого же своего шага, которым он вступает в обращение, из него выпадает, то монета после нескольких своих шагов в обращении является представителем большего металлического содержания, чем она действительно имеет. Чем дольше монета обращается при неизменной скорости оборотов или чем быстрее ее обращение в продолжение того же промежутка времени, тем более ее бытие в качестве монеты отделяется от ее золотого или серебряного бытия. То, что остается, — это *magis nominis umbra* [тень великого имени]. Тело монеты делается только тенью. Если вначале она получила благодаря процессу обращения больший вес, то теперь она становится благодаря ему легче, но продолжает в каждой отдельной покупке или продаже считаться за первоначальное количество золота. Соверен продолжает, как *призрачный* совершен, как призрачное золото, выполнять функцию законной золотой монеты. В то время как другие существа от соприкосновения с внешним миром теряют свой идеализм, монета от практики идеализируется, превращается в чисто призрачное бытие своего золотого или серебряного тела. Эта вторичная, вызываемая самим процессом обращения идеализация металлических денег, или отделение их номинального содержания от реального, эксплуатируется отчасти правительствами, отчасти частными авантюристами путем самых разнообразных подделок монеты. Вся история монетного дела с начала средневековья до конца XVIII столетия сводится к истории этих двухсторонних и антагонистических подделок, и многотомное собрание итальянских экономистов, изданное Кустоди, вращается в значительной части вокруг этого вопроса.

Призрачное бытие золота в пределах его функции вступает в конфликт с действительным его бытием. В обращении одна золотая монета потерпела больший урон в своем металлическом содержании, другая — меньший, и потому один совершен стоит теперь в сущности больше, чем другой. Но так как в своем функциональном бытии в качестве монет они считаются равноценными и совершен, действительно составляющий $\frac{1}{4}$ унции, стоит не больше, чем совершен, только по видимости составляющий $\frac{1}{4}$ унции, то полновесные совершены часто подвергаются в руках недобросовестных владельцев

* W. Jacob, An inquiry into the production and consumption of the precious metals, London 1831, vol. II, ch. XXVI.

хирургическим операциям, и над ними искусственно проделывается то, что само обращение естественным путем совершило над их легковесными собратиями. Они обрезаются и подделываются, и их излишний золотой жир отправляется в тигель. Если 4 672¹/₂ золотых соверена, положенные на чашку весов, весят в среднем только 800 унций вместо 1 200, то на рынке золота они смогут купить уже только 800 унций золота, или рыночная цена золота поднялась бы выше его монетной цены. Каждая монета, хотя бы и полновесная, в своей монетной форме стоила бы меньше, чем в слиточной форме. В таком случае полновесные соверены превращались бы обратно в свою слиточную форму, в которой большее количество золота имеет большую стоимость, чем меньшее его количество. С того момента, когда это уменьшение металлического содержания охватило бы достаточное число соверенов, чтобы вызвать длительное превышение рыночной цены золота над его монетной ценою, — счетные названия монеты, хотя и остались бы те же самые, впредь означали бы меньшее количество золота. Другими словами, изменился бы масштаб денег, и золото в дальнейшем чеканилось бы соответственно этому новому масштабу. Благодаря идеализации золота в качестве средства обращения путем обратного действия изменились бы установленные законом условия, при которых оно было масштабом цен. Такая же революция повторилась бы через некоторый промежуток времени опять, и таким образом золото как в своей функции масштаба цен, так и в качестве средства обращения было бы подвержено постоянным переменам, причем перемена в одной форме вызывала бы перемену в другой, и обратно. Этим объясняется упомянутое выше явление, что в истории всех современных народов одно и то же денежное название сохранялось за постоянно уменьшающимся металлическим содержанием. Противоречие между золотом как монетою и золотом как масштабом цен становится также противоречием между золотом как монетою и золотом как всеобщим эквивалентом, в качестве которого оно обращается не только в границах отдельных стран, но и на мировом рынке. Как мера стоимостей, золото было всегда полновесным, ибо оно служило лишь в качестве идеального золота. Как эквивалент в изолированном акте Т — Д, золото из своего подвижного состояния сейчас же переходит обратно в состояние покоя; но в монете его естественная субстанция вступает в постоянный конфликт с его функцией. Избежать полностью превращения золотого соверена в призрачное золото невозможно, но законодательство старается воспрепятствовать сохранению такого соверена в

качестве монеты, выбрасывая его из обращения при известном уменьшении его субстанции. Например, согласно английскому закону, соверен, потерявший в весе более 0,747 грана, перестает быть законным совереном. Английский банк, в котором за время с 1844 по 1848 г. были взвешены 48 миллионов золотых соверенов, имеет в виде весов для золота Коттона такую машину, которая не только показывает разницу между двумя соверенами в $\frac{1}{100}$ грана, но, подобно разумному существу, немедленно сбрасывает неполновесный соверен на доску, откуда он попадает в другую машину, с восточной жестокостью разрезающую его на части.

При этих условиях золотая монета вообще не могла бы обращаться, если бы оборот ее не был ограничен определенными сферами обращения, в пределах которых она не так быстро изнашивается. Поскольку золотая монета в обращении имеет значение $\frac{1}{4}$ унции, тогда как она весит только $\frac{1}{5}$ унции, она в сущности сделалась простым знаком или символом золота на $\frac{1}{20}$ унции; таким образом, всякая золотая монета самым процессом обращения в большей или меньшей степени превращается в простой знак, или символ, своей субстанции. Но ни одна вещь не может быть своим собственным символом. Нарисованный виноград есть не символ действительного винограда, а иллюзия винограда. Еще менее того может легковесный соверен быть символом полновесного, как не может отощавшая лошадь быть символом жирной. Так как золото, таким образом, превращается в свой собственный символ, но служить символом самого себя не может, то в тех сферах обращения, в которых оно изнашивается наиболее быстро, т. е. в сферах, где покупки и продажи постоянно возобновляются в мельчайших размерах, оно получает отделенное от его золотого бытия символическое серебряное или медное бытие. В этих сферах постоянно должна была бы обращаться в качестве монеты определенная доля — хотя и не одни и те же золотые монеты — общей суммы золотых денег. В этой части золото замещается серебряными или медными знаками. Если, таким образом, в качестве меры стоимости и, стало быть, в качестве денег внутри данной страны может функционировать только один специфический товар, то в качестве монеты рядом с деньгами могут служить различные товары. Эти вспомогательные средства обращения, напр. серебряные или медные знаки, являются внутри обращения представителями определенных частей золотой монеты. Поэтому их собственное серебряное или медное содержание определяется не отношением стоимости серебра и меди к стоимости золота, а произвольно устанавливается законом. Они должны выпускаться

только в таких количествах, в каких постоянно обращались бы представляемые ими мелкие доли золотой монеты, будь то для размена более крупных золотых монет либо для реализации соответственно мелких товарных цен. В пределах розничного товарного обращения серебряные и медные знаки, в свою очередь, принадлежат к различным сферам. По самой природе вещей скорость их оборота находится в обратном отношении к цене, которую они реализуют в каждой отдельной покупке и продаже, или к величине той доли золотой монеты, которую они представляют. Если учесть громадные размеры повседневного розничного оборота в такой стране, как Англия, то сравнительно незначительная пропорция общего количества обращающихся вспомогательных монет доказывает скорость и непрерывность их обращения. Из недавно изданного парламентского отчета мы, напр., видим, что в 1857 г. английский монетный двор вычеканил золота на сумму 4 859 000 ф. ст., серебра же по номинальной стоимости на 733 000 ф. ст., а по стоимости металла — на 363 000 ф. стерлингов. Общая сумма золота, вычеканенного в течение десятилетия, кончая 31 декабря 1857 г., составляла 55 239 000 ф. ст., а серебра — только 2 434 000 ф. стерлингов. Медная монета составляла в 1857 г. только 6 720 ф. ст. по номинальной стоимости и 3 492 ф. ст. по стоимости меди; причем 3 136 ф. ст. приходилось на пенсы, 2 404 ф. ст. — на полупенсы и 1 120 ф. ст. — на фартинги. Общая стоимость медной монеты, вычеканенной в продолжение последнего десятилетия, составляла 141 477 ф. ст. по номинальной стоимости и 73 503 ф. ст. по стоимости металла. Подобно тому как золотая монета не может сохранить навсегда свою функцию монеты благодаря тому, что закон определяет степень потери металла, при которой она демонетизируется, так, наоборот, серебряные и медные знаки не могут перейти из своих сфер обращения в сферу обращения золотой монеты и там утвердиться в качестве денег благодаря тому, что законом устанавливается размер цены, которую они реализуют. Так, напр., в Англии медь обязательна к приему при платежах только на сумму до 6 пенсов, серебро — на сумму до 40 шиллингов. Если бы серебряные и медные знаки были выпущены в большем количестве, чем необходимо для потребностей их сфер обращения, товарные цены от этого не повысились бы, но имело бы место накопление этих знаков у розничных торговцев, которые в конце концов вынуждены были бы продать их в качестве металла. Так, в 1798 г. английские медные монеты, израсходованные частными лицами, скопились на сумму 20 350 ф. ст. у лавочников, которые тщетно пытались пустить их снова в обращение и в

конце концов вынуждены были продать их как товар на медном рынке *.

Серебряные и медные знаки, которые в определенных сферах внутреннего обращения служат представителями золотой монеты, обладают установленным законом содержанием серебра и меди, но, захваченные обращением, они стираются подобно золотой монете и еще быстрее, соответственно скорости и непрерывности своего обращения, превращаются в идеальные, призрачные тела. Если бы нужно было провести опять предельную линию уменьшения металлического содержания, за которою серебряные и медные знаки утрачивали бы свой характер монеты, пришлось бы внутри определенных кругов их собственной сферы обращения заменить их опять другими символическими деньгами, напр. железными или свинцовыми; и это представительство одних символических денег другими было бы процессом без конца. Поэтому во всех странах с развитым обращением нужды самого денежного обращения заставляют сделать монетный характер серебряных и медных знаков совершенно независимым от какой-либо степени утраты ими металла. В этом проявляется обстоятельство, вытекающее из природы вещей, а именно, что они суть символы золотой монеты не потому, что они сделаны из серебра или меди, не потому, что они имеют стоимость, а поскольку они никакой стоимости не имеют.

Отсюда следует, что функционировать в качестве символов золотых денег могут вещи, относительно лишенные всякой стоимости, напр. *бумажные* знаки. Существование вспомогательной монеты в виде металлических знаков, серебряных, медных и т. п., объясняется большею частью тем, что в большинстве стран менее ценные металлы, как серебро в Англии, медь в древней Римской республике, Швеции, Шотландии и т. п., обращались как деньги до того, как процесс обращения низвел их до уровня разменной монеты и поставил на их место более благородный металл. К тому же, по самой природе вещей, денежный символ, непосредственно вырастающий из металлического обращения, первоначально сам тоже металл. Подобно тому как часть золота, которая постоянно должна была бы обращаться в качестве разменной монеты, замещается металлическими знаками, так и та часть золота, которая постоянно поглощается сферою внутреннего обращения в качестве

* *David Buchanan*, Observations on the subjects treated of in Doctor Smith's Inquiry on the wealth of nations etc., Edinburgh 1814, p. 3.

монеты и, следовательно, должна постоянно находиться в обращении, может быть замещена знаками, лишенными стоимости. Уровень, ниже которого масса обращающихся монет никогда не падает, определяется в каждой стране опытом. Первоначально незаметное различие между номинальным содержанием металлической монеты и ее металлическим содержанием может таким образом развиться до абсолютного разделения. Монетное название денег отделяется от их субстанции и существует вне последней, в бумажных знаках стоимости. Как меновая стоимость товаров благодаря процессу их обмена кристаллизуется в золотых деньгах, точно так же золотые деньги в обращении испаряются до своего собственного символа, сперва в форме изношенной золотой монеты, потом в форме вспомогательных металлических монет и, наконец, в форме не имеющих стоимости знаков, бумажек, простого *знака стоимости*.

Золотая монета произвела, однако, своих заместителей, сперва металлических, а затем бумажных, только благодаря тому, что она, несмотря на потерю части металла, продолжала функционировать в качестве монеты. Она не потому обращалась, что истерлась до превращения в символ, а она истерлась в символ потому, что она длительно обращалась. Лишь поскольку золотые деньги внутри процесса обращения становятся сами простым знаком своей собственной стоимости, они могут быть замещены простыми знаками стоимости.

Поскольку движение $T — D — T$ есть протекающее в виде процесса единство двух непосредственно переходящих один в другой моментов $T — D$ и $D — T$, или поскольку товар пробегает процесс своего полного метаморфоза, он развивает свою меновую стоимость в цену и в деньги, чтобы тотчас же опять снять эту форму и сделаться снова товаром или, наоборот, потребительною стоимостью. Следовательно, товар достигает *только кажущегося самостоятельного существования* своей меновой стоимости. Мы видели, с другой стороны, что золото, поскольку оно функционирует только как монета или постоянно находится в обращении, в действительности представляет лишь сцепление метаморфоз товаров и их *лишь мимолетное денежное бытие*; оно реализует цену одних товаров только для того, чтобы потом реализовать цену других товаров, но нигде не выступает как находящееся в покое бытие меновой стоимости или даже как находящийся в покое товар. Реальность, которую меновая стоимость товаров получает в этом процессе и которую золото представляет в своем обращении, есть только реальность электрической искры. Золото, хотя и действительное,

функционирует здесь лишь как кажущееся золото и потому может быть замещено в этой функции знаком самого себя.

Знак стоимости, функционирующий как монета, напр. бумажка, есть знак количества золота, выраженного в его монетном названии, следовательно *знак золота*. Как определенное количество золота само по себе не выражает отношения стоимости, так не выражает его и знак, замещающий золото. Поскольку определенное количество золота, как овеществленное рабочее время, имеет стоимость определенной величины, постольку знак золота есть представитель золота. Но величина стоимости, представляемая этим знаком, зависит каждый раз от стоимости представляемого им количества золота. По отношению к товарам знак стоимости представляет *реальное существование из цены*, он есть *signum pretii* [знак цены] и знак их стоимости только потому, что стоимость товаров выражена в их цене. В процессе $T — D — T$, поскольку он представляется лишь как протекающее в виде процесса единство или как непосредственное превращение друг в друга обоих метаморфоз, — а именно таковым он представляется в сфере обращения, в которой функционирует знак стоимости, — меновая стоимость товаров получает в цене только идеальное, а в деньгах только представляемое, символическое существование. Меновая стоимость *только* проявляется, таким образом, как воображаемая или представляемая в виде вещи, но она не обладает никакой *реальностью*, кроме как в товарах, поскольку в них овеществлено определенное количество рабочего времени. Поэтому *кажется*, будто знак стоимости *непосредственно* представляет стоимость товаров благодаря тому, что он представляется не как знак золота, а как знак в цене лишь выраженной, но существующей в самом товаре, меновой стоимости. Эта иллюзия, однако, ошибочна. Знак стоимости непосредственно есть только *знак цены*, следовательно *знак золота*, и лишь окольным путем он — знак стоимости товара. Золото не продало своей тени, подобно Петру Шлемилю; оно, наоборот, покупает своей тенью. Поэтому знак стоимости действует лишь постольку, поскольку он внутри процесса обращения представляет цену одного товара по отношению к другому товару или поскольку он по отношению к каждому товаровладельцу *представляет золото*. Определенная, относительно лишенная стоимости вещь, напр. кусочек кожи, бумажный знак и т. д., первоначально становится в силу обычая знаком денежного материала, но она утверждается в этой роли только благодаря тому, что существование ее как символа гарантируется всеобщей волей товаровладельцев,

т. е. она получает обусловленное законом существование и, поэтому, принудительный курс. Государственные бумажные деньги с принудительным курсом, это — законченная форма *знака стоимости* и единственная форма бумажных денег, которая вырастает непосредственно из металлического обращения или из простого товарного обращения. *Кредитные деньги* принадлежат высшей сфере общественного процесса производства и управляются совершенно другими законами. Символические бумажные деньги, в сущности, вообще не отличаются от вспомогательной металлической монеты, они только действуют в более обширной сфере обращения. После того как чисто техническое развитие масштаба цен или монетной цены и, далее, внешняя переделка слиточного золота в золотую монету уже вызвали вмешательство государства и благодаря этому внутреннее обращение явно отделилось от всеобщего товарного обращения, — это разделение завершается благодаря развитию монеты в знак стоимости. Вообще деньги, как простое средство обращения, могут получить самостоятельное существование только в пределах сферы внутреннего обращения.

Наше изложение показало, что монетное бытие денег в виде знака стоимости, отделенного от самой золотой субстанции, возникает из самого процесса обращения, а не из какого-нибудь соглашения или вмешательства государства. Россия представляет поразительный пример естественного возникновения знака стоимости. В те времена, когда деньгами там служили кожи и меха, противоречие между этим неустойчивым и неподходящим материалом и его функцией средства обращения породило обычай заменять его мелкими кусочками штемпелеванной кожи, которые таким образом превращались в ассигновки на платеж шкурами и мехами. Впоследствии они превратились под названием копеек в простые знаки долей серебряного рубля и в некоторых местах удержались в этой роли до 1700 г., когда Петр Великий приказал обменять их на мелкие медные монеты, выпущенные государством *. Древние писатели, которые могли наблюдать только явления металлического обращения, рассматривают уже золотую монету как символ

* *Henry Storch, Cours d'économie politique etc. avec des notes par J.-B. Say, Paris 1823, t. IV, p. 179.* Шторх издал свое сочинение в Петербурге на французском языке. Ж.-Б. Сэй немедленно перепечатал его в Париже, дополнив своими якобы «примечаниями», которые на самом деле не содержали в себе ничего, кроме общих мест. Шторх принял это дополнение «*prince de la science*» [принца науки] к его сочинению отнюдь не любезно (см. его «*Considérations sur la nature du revenu national*», Paris 1824).

или знак стоимости. Таковы Платон * и Аристотель **. В странах, где кредит совершенно не развит, напр. в Китае, бумажные деньги с принудительным курсом встречаются уже очень рано ***. У более старых защитников бумажных денег встречается также ясное указание на то, что превращение металлической монеты в знак стои-

* *Plato, De Rep., L. II: «νόμισμα σῶμα τῆς ἀλλαγῆς»* [монета знак обмена]. Opera omnia, etc., ed. Stallbaumius, London 1850, p. 304. Платон развивает понятие денег только в двух назначениях, а именно как меры стоимости и как знака стоимости, но, кроме знака стоимости, служащего для внутреннего обращения, он требует другого знака стоимости для сношений с Грецией и другими странами (ср. также 5-ю книгу его «Законов»).

** *Aristoteles, Ethic. Nicom., l. 5, ch. 8. l. c.* «Всеобщим средством обмена деньги сделались по соглашению. Они потому и называются νόμισμα, что существуют не по природе, а по установлению [νόμος], и в нашей власти заменить их и сделать неупотребительными». Аристотель понял деньги несравненно многостороннее и глубже, чем Платон. В следующем отрывке он прекрасно объясняет, как из меновой торговли между различными общинами возникает необходимость придать характер денег специфическому товару, т. е. субстанции, которая сама по себе имеет стоимость.

«Когда стали более удаленными источники помощи, откуда можно было бы ввозить недостающие предметы и куда можно было бы вывозить свой избыток, неизбежно прибегли к употреблению денег... Пришли к соглашению давать и брать при взаимном обмене нечто такое, что, будучи ценным само по себе, было бы удобным в обиходе, — напр. железо, серебро или что-нибудь в этом роде». *Arist., De Rep., lib. I, c. 9, l. c.* [русский перевод: *Аристотель, Политика. 1911 г., стр. 24*]. Это место Мишель Шевалье, который либо не читал Аристотеля, либо не понял его, цитирует для доказательства того, что, согласно мнению Аристотеля, средство обращения должно состоять из субстанции, которая сама по себе имеет стоимость. Напротив, Аристотель ясно говорит, что деньги в качестве простого средства обращения имеют, повидимому, только обусловленное обычаем или законом существование; это доказывается уже их названием νόμισμα, а также тем, что свою потребительную стоимость в качестве монеты деньги в сущности получают только от своей функции, а не от какой-нибудь потребительной стоимости, присущей им самим. «Деньги кажутся чем-то не заслуживающим внимания, сплошной условностью, которой в природе ничего не соответствует, ибо если те, кто пользуется ими, заменят их, они теряют всякую стоимость и ими нельзя пользоваться для приобретения чего бы то ни было необходимого».

*** *Sir John Mandeville, Voyages and Travels, London, ed. 1705, p. 105*: «Этот император (китайский) может тратить столько, сколько хочет, без всякого расчета. Ибо он не тратит и не заготавливает никаких других денег, кроме как из штемпелеванной кожи или бумаги. И когда эти деньги обращаются так долго, что начинают портиться, люди несут их в императорское казначейство и там получают новые деньги взамен старых. И эти деньги ходят по всей стране и по всем провинциям... они не изготовляют денег ни из золота, ни из серебра», и, как полагает Мандевиль, «он может поэтому тратить безгранично и по усмотрению».

мости проистекает из самого процесса обращения. В таком смысле высказываются **ВенIAMин Франклин** * и епископ Беркли **.

Сколько стоп бумаги, разрезанной на билеты, может обращаться в качестве денег? В такой постановке вопрос был бы нелеп. Знаки, не имеющие стоимости, суть знаки стоимости, лишь поскольку они замещают внутри процесса обращения золото, а они замещают золото лишь постольку, поскольку оно само входило бы в процесс обращения в виде монет, — это количество определяется его собственной стоимостью, если даны меновые стоимости товаров и скорость их метаморфоз. Билеты с наименованием в 5 ф. ст. могли бы обращаться только в количестве, в пять раз меньшем, чем билеты с наименованием в 1 ф. ст.; если бы все платежи совершались в билетах в 1 ш., то в обращении должно было бы находиться в 20 раз больше шиллинговых билетов, чем билетов в 1 ф. ст. Если бы золотая монета была представлена билетами разного наименования, напр. билетами в 5 ф. ст., 1 ф. ст. и 10 ш., то количества этих различных сортов знаков стоимости определялись бы не только количеством золота, необходимым для обращения в целом, но и количеством золота, необходимым для сферы обращения каждого отдельного сорта билетов. Если бы 14 милл. ф. ст. (это — цифра, принятая английским банковым законодательством, но не для монеты, а для кредитных денег) составляли уровень, ниже которого обращение в данной стране никогда не падает, то могли бы обращаться 14 милл. бумажных билетов, из которых каждый есть знак стоимости в 1 ф. стерлингов. Если стоимость золота упадет или повысится вследствие того, что уменьшилось или увеличилось необходимое для его производства рабочее время, то при неизменившейся меновой стоимости той же товарной массы количество обращающихся однофунтовых билетов упадет или уменьшится в обратном отношении к изменению стоимости золота.

* *Benjamin Franklin*, Remarks and facts relative to the American paper money, 1764, p. 348, l. c.: «В настоящее время даже серебряные деньги в Англии обязаны частью своей стоимости своей роли законного платежного средства: это та часть стоимости, которая составляет разницу между их реальным весом и их наименованием. Большая часть шиллингов и шестипенсовых монет, обращающихся в настоящее время, потеряла от изнашивания в весе 5, 10 и 20%, а некоторые шестипенсовые монеты даже 50%. Этой разнице между *реальным* и *номинальным* содержанием не соответствует никакая внутренняя стоимость, ей не соответствует даже бумага, ей ничто не соответствует. Серебряная монета стоимостью в 3 пенса обращается как 6 пенсов только потому, что она — законное платежное средство, и все знают, что ее легко можно сбыть по той же стоимости».

** *Berkeley*, l. c.: «Если наименование монеты сохранится после того, как ее металл разделит судьбу всех тленных вещей, разве торговый оборот не будет продолжаться?»

Если бы золото в качестве меры стоимости было заменено серебром, то — при отношении стоимости серебра к стоимости золота как 1 : 15 и при том условии, что впредь каждый билет будет представлять такое же количество серебра, как раньше золота, — вместо 14 милл. билетов теперь должны были бы находиться в обращении 210 милл. однофунтовых билетов. Количество бумажных билетов определяется, стало быть, количеством золотых денег, которое они замещают в обращении, а так как они — знаки стоимости лишь постольку, поскольку они замещают золотые деньги, то стоимость их определяется просто их *количеством*. Таким образом, в то время как количество обращающегося золота зависит от товарных цен, стоимость обращающихся бумажных билетов зависит, наоборот, исключительно от их собственного количества.

Вмешательство государства, выпускающего бумажные деньги с принудительным курсом, — а только о бумажных деньгах такого рода мы здесь говорим, — на первый взгляд как бы уничтожает экономический закон. Государство, которое в монетной цене только давало определенному весовому количеству золота определенное имя, а при чеканке только накладывало на золото свой штампель, теперь как будто магическою силой своего штампеля превращает бумажки в золото. Так как бумажные билеты имеют принудительный курс, то никто не может воспрепятствовать государству втиснуть в обращение произвольно большое число этих билетов и напечатать на них любые монетные названия: 1 фунт стерлингов, 5 фунтов стерлингов, 20 фунтов стерлингов. Билеты, раз попавшие в обращение, не могут быть отсюда выброшены, так как пограничные столбы данного государства задерживают их движение, а *вне* обращения они теряют всякую стоимость, как потребительную, так и меновую. Оторванные от своего функционального бытия, они превращаются в никчемные клочки бумаги. Однако эта власть государства — только иллюзия. Государство может бросить в обращение любое количество бумажных билетов с любыми монетными названиями, но с этим механическим актом его контролю приходит конец. Захваченные обращением знаки стоимости, или бумажные деньги, подпадают под власть его имманентных законов.

Если бы 14 милл. ф. ст. составляли сумму золота, необходимую для товарного обращения, а государство бросило бы в обращение 210 милл. бумажных билетов наименованием каждый в 1 ф. ст., то эти 210 милл. билетов превратились бы в представителей золота на общую сумму 14 милл. стерлингов. Получилось бы то же самое, как если бы государство сделало однофунтовые билеты представителями другого, в 15 раз менее ценного металла или представителями количества зо-

лота, которое по весу в 15 раз меньше прежнего. Ничто не изменилось бы, кроме наименования масштаба цен, а это наименование, естественно, носит условный характер, безразлично, изменяется ли оно прямо при изменении содержания монеты или косвенно благодаря увеличению числа бумажных билетов в размере, соответствующем новому, более низкому масштабу. Так как название «фунт стерлингов» обозначает теперь в 15 раз меньшее количество золота, то все товарные цены повысились бы в 15 раз, и 240 милл. однофунтовых билетов оказались бы теперь действительно столь же необходимыми, как раньше 14 миллионов. В той же мере, в которой увеличилась бы общая сумма знаков стоимости, уменьшилось бы количество золота, представляемое каждым отдельным знаком. Повышение цен было бы только реакцией процесса обращения, насильственно приравнивающего знаки стоимости тому количеству золота, вместо которого они обращаются.

В истории порчи монеты, которую производили английское и французское правительства, мы неоднократно видим, что цены повышались не в такой степени, в какой серебряная монета портилась. Это происходило просто оттого, что степень, в которой количество монеты возрастало, не соответствовала той степени, в которой она фальсифицировалась, т. е. количество выпущенных монет с более низким металлическим содержанием не было достаточно велико для того, чтобы меновые стоимости могли впредь расцениваться в металле более низкого состава, как в мере стоимости, и реализоваться посредством монет, соответствующих этой более низкой единице измерения. Это разрешает затруднение, оставшееся неразрешенным в поединке между Локком и Лаундсом. Отношение, в котором знаки стоимости, — безразлично, бумажные билеты или фальсифицированные золотые и серебряные монеты, — замещают весовые количества золота или серебра, соответствующие монетной цене, зависит не от материала самих этих знаков, а от их количества, находящегося в обращении. Трудность понимания этого отношения происходит оттого, что деньги в обеих своих функциях, как мера стоимости и как средство обращения, подчиняются законам, которые не только противоположны между собой, но, повидимому, противоречат противоположному характеру обеих этих функций. Для функции денег как меры стоимости, в которой деньги служат лишь счетными деньгами, а золото лишь идеальным золотом, решающее значение имеет природный материал денег. Меновые стоимости, оцененные в серебре, или в виде серебряных цен, имеют, естественно, совершенно другой вид, чем оцененные в золоте, или в виде золотых цен. Наоборот, в функции денег как средства обращения, в которой деньги не только выступают

в представлении, но и должны быть в наличности как действительная вещь рядом с другими товарами, материал денег становится безразличным, и все зависит от их количества. Для единицы измерения имеет решающее значение, будет ли она фунтом золота, серебра или меди; наоборот, только число монет, независимо от их собственного материала, делает их соответственным воплощением каждой из этих единиц измерения. Но здравому человеческому смыслу как будто противоречит, что в деньгах, только мысленно представляемых, все зависит от их материальной субстанции, а в материально существующей монете все зависит от идеального числового отношения.

Таким образом, повышение или падение товарных цен в зависимости от увеличения или уменьшения массы бумажных билетов, — последнее там, где средствами обращения служат исключительно бумажные билеты, — есть только насильственное осуществление процессом обращения закона, механически нарушенного извне, закона, по которому количество находящегося в обращении золота определяется товарными ценами, а количество находящихся в обращении знаков стоимости — количеством золотой монеты, замещаемой ими в обращении. Поэтому, с другой стороны, какая угодно масса бумажных билетов поглощается и как бы переваривается процессом обращения, так как знак стоимости, с каким бы золотым титулом он ни вступал в обращение, внутри последнего сжимается в знак того количества золота, которое могло бы обращаться на его месте.

В обращении знаков стоимости все законы действительного денежного обращения выступают перевернутыми и поставленными на голову. В то время как золото обращается потому, что имеет стоимость, бумажные деньги имеют стоимость потому, что они обращаются. В то время как при данной меновой стоимости товаров количество находящегося в обращении золота зависит от его собственной стоимости, стоимость бумажных денег зависит от количества их, находящегося в обращении. В то время как количество находящегося в обращении золота увеличивается или уменьшается с повышением или падением товарных цен, товарные цены, повидимому, повышаются или падают в зависимости от изменения количества бумажных денег, находящихся в обращении. В то время как товарное обращение может поглотить только определенное количество золотой монеты, — поэтому попеременное сокращение и расширение количества обращающихся денег представляется необходимым законом, — бумажные деньги могут, повидимому, вступать в обращение в любом количестве. В то время как государство портит золотую и серебряную монету и тем самым нарушает функционирование ее в качестве средства обра-

щения, если оно выпускает монету хотя бы только на $\frac{1}{100}$ грана ниже ее номинального содержания, оно совершает вполне правильную операцию, выпуская лишенные всякой стоимости бумажные билеты, не имеющие с металлом ничего общего, кроме их монетного названия. В то время как золотая монета, очевидно, представляет стоимость товаров лишь постольку, поскольку последняя сама выражена в золоте или представлена в виде цены, кажется, будто знак стоимости представляет непосредственно стоимость товара. Отсюда ясно, почему наблюдатели, изучавшие явления денежного обращения односторонне, на обращении бумажных денег с принудительным курсом, должны были неправильно понять все имманентные законы денежного обращения. Действительно, в обращении знаков стоимости эти законы не только извращены, но и незаметны, так как бумажные деньги, если они выпущены в надлежащем количестве, совершают такие движения, которые им, как знакам стоимости, несвойственны, между тем как свойственное им самим движение, вместо того, чтобы проистекать непосредственно из метаморфоза товаров, возникает из нарушения правильной пропорции между бумажными деньгами и золотом.

3. Деньги.

Деньги в отличие от монеты, будучи результатом процесса обращения в форме $T — D — T$, образуют исходный пункт процесса обращения в форме $D — T — D$, т. е. обмена денег на товар с целью обмена товара на деньги. Исходный и конечный пункт движения в форме $T — D — T$ образует товар, а в форме $D — T — D$ — деньги. В первой форме деньги опосредствуют обмен товаров, в последней форме товар опосредствует превращение денег в деньги. Деньги, которые в первой форме являются только простым средством, в последней форме являются конечной целью обращения; товар же, который в первой форме выступает конечной целью, во второй выступает только простым средством. Так как деньги сами суть уже результат обращения $T — D — T$, то в форме $D — T — D$ результат обращения выступает вместе с тем его исходным пунктом. В то время как в $T — D — T$ действительное содержание процесса составляет обмен веществ, действительное содержание второго процесса $D — T — D$ образует само бытие формы товара, вытекающее из этого первого процесса.

В форме $T — D — T$ оба крайние члены суть товары, имеющие стоимость одинаковой величины, но вместе с тем качественно различные потребительные стоимости. Их обмен $T — T$ есть действительный обмен веществ. Напротив, в форме $D — T — D$ оба крайние члены суть золото, и притом золото, имеющее стоимость одинаковой

величины. Обменивать золото на товар для того, чтобы обменять товар на золото, или, рассматривая результат $D — D$, обменивать золото на золото кажется нелепым. Если, однако, перевести $D — T — D$ формулою: *покупать* для того, чтобы *продать*, — что означает не что иное, как обменивать при помощи посредствующего движения золото на золото, — то можно тотчас же узнать в ней господствующую форму буржуазного производства. На практике, однако, покупки не совершаются только для того, чтобы продать, но покупают дешево для того, чтобы продать дороже. Деньги обмениваются на товар для того, чтобы этот же товар снова обменять на большее количество денег, так что крайние члены D и D различаются, если не качественно, то количественно. Такая количественная разница предполагает *обмен не эквивалентов*, между тем как товар и деньги, как таковые, суть только противоположные формы самого товара, стало быть, различные формы существования стоимости одинаковой величины. Следовательно, круговорот $D — T — D$ скрывает под формами денег и товара более развитые производственные отношения и представляет собою в сфере простого обращения лишь отражение более сложного движения. Следовательно, мы должны деньги, рассматриваемые в отличие от средств обращения, вывести из непосредственной формы товарного обращения $T — D — T$.

Золото, т. е. специфический товар, который служит мерою стоимости и средством обращения, становится без дальнейшего содействия со стороны общества *деньгами*. В Англии, где серебро не представляет собою ни меры стоимости, ни господствующего средства обращения, оно не становится деньгами, точно так же, как в Голландии золото перестало быть деньгами со времени его низвержения как меры стоимости. Следовательно, товар становится впервые деньгами в качестве единства меры стоимости и средства обращения, или — единство меры стоимости и средства обращения есть деньги. Но в качестве такого единства золото обладает и самостоятельным существованием, отличным от его бытия в обеих этих функциях. Как мера стоимости, золото есть только идеальные деньги или идеальное золото; как простое средство обращения, оно есть символические деньги или символическое золото; но в своей простой металлической телесности золото есть деньги или деньги — действительное золото.

Рассмотрим теперь находящийся в покое товар золото, который представляет собою деньги, в его отношении к другим товарам. Все товары представляют в своих ценах определенную сумму золота; они суть, следовательно, только представляемое золото или представляемые деньги, *представители золота*, как, обратно, деньги в виде знака стоимости выступали **только** простым представителем товарных

цен*. Так как, следовательно, все товары суть только представляемые деньги, то деньги суть единственный действительный товар. В противоположность товарам, которые только представляют самостоятельное бытие меновой стоимости, всеобщего общественного труда, абстрактного богатства, золото есть *материальное бытие абстрактного богатства*. Со стороны потребительной стоимости каждый товар выражает своим отношением к особой потребности только один момент вещественного богатства, только одну отдельную сторону богатства. Деньги же удовлетворяют всякую потребность, поскольку они могут быть непосредственно обмениваемы на предмет любой потребности. Их собственная потребительная стоимость реализуется в бесконечном ряде потребительных стоимостей, образующих их эквивалент. В своей солидной металлической плоти они содержат в нераскрытом виде все вещественное богатство, развернутое в мире товаров. Таким образом, если товары в своих ценах суть представители всеобщего эквивалента, или абстрактного богатства, т. е. золота, то золото в своей потребительной стоимости есть представитель потребительных стоимостей всех товаров. Следовательно, золото — *материальный представитель вещественного богатства*. Оно — «*précis de toutes les choses*» [итог всех вещей] (*Буагильбер*), компендиум общественного богатства. Оно одновременно — по форме непосредственное воплощение всеобщего труда, а по содержанию — совокупность всех реальных работ. Оно есть всеобщее богатство как отдельный индивид **. В своем образе посредника обращения золото терпело всякого рода несправедливости, обрезывалось и даже утончалось до простого символического клочка бумаги. Но в качестве денег оно возвращает себе свое золотое величие***.

* «Не только благородные металлы являются представителями вещей... но и, наоборот, вещи... являются представителями золота и серебра». *A. Genovesi, Lezioni di Economia civile* (1765), p. 281, в собрании *Custodi*, Part. mod., l. VIII.

** *Petty*: Золото и серебро суть «всеобщее богатство» (universal wealth). «*Pol. Arith.*», l. c., p. 242.

*** *E. Misselden*, *Free trade or the means to make trade flourish etc.*, London 1662: «Естественный предмет торговли составляет товар, то, что купцы по окончании производства признают полезностью» (which merchants from the end of the trade have stiled commodities). Искусственный предмет торговли — это деньги, получившие название нервов войны и государства (of sinewes of warre and of state). Хотя деньги и по природе вещей, и по времени появляются после товара (merchandize), но в настоящее время деньги на практике получили первенствующее значение (yet for as much as it is now in use has become the chiefe) (p. 7). Он сравнивает товар и деньги с «двумя сыновьями древнего Иакова, который правую руку возложил на младшего сына, а левую — на старшего» (l. c.). *Boisguillebert*, *Dissert. sur la nature des richesses etc.*, l. c. (p. 395, 399): ... «и вот раб торговли становится ее господином... Бедствия народов происходят только оттого, что бывшего раба сделали господином или, вернее, тираном».

Из слуги оно становится господином, из простого подручного — богом товаров.*

а) *Образование сокровищ.*

Золото в качестве денег первоначально отделилось от средства обращения благодаря тому, что товар прервал процесс своего метаморфоза и застыл в виде золотой куколки. Это происходит каждый раз, когда продажа не переходит в покупку. Таким образом, самостоятельное обособление золота в качестве денег есть прежде всего наглядное выражение распада процесса обращения или метаморфоза товара на два отдельных, безразлично друг к другу существующих акта. Сама монета становится деньгами, как только ее движение прерывается. В руках продавца, который получил ее за свой товар, она представляет собою деньги, а не монету; как только она уходит из его рук, она становится опять монетою. Каждый — продавец того одностороннего товара, который он производит, и покупатель всех других товаров, в которых он нуждается для своего общественного существования. В то время как его выступление в качестве продавца зависит от рабочего времени, необходимого для производства его товара, его выступление в качестве покупателя обусловлено постоянным возобновлением его жизненных потребностей. Чтобы иметь возможность покупать, не продавая, он должен раньше продавать, не покупая. В сущности, обращение Т — Д — Т есть протекающее в виде процесса единство продажи и покупки лишь постольку, поскольку оно вместе с тем есть постоянный процесс их разделения. Для того, чтобы деньги постоянно текли в виде монеты, монета должна постоянно оседать в виде денег. Постоянное обращение монеты обусловлено постоянною задержкою ее в больших или в меньших количествах в виде резервных монетных фондов, повсюду возникающих внутри обращения и вместе с тем обуславливающих его; образование, распределение, исчезновение и возобновление этих резервных фондов постоянно изменяются, их существование постоянно исчезает, их исчезновение постоянно имеет место. Адам Смит выразил это никогда не прекращающееся превращение монеты в деньги и денег в монету

* *Boisguillebert*, 1. с.: «Из этих металлов (золота и серебра) сделали идола и, пренебрегая тем предметом и целью, ради которых они были введены в торговлю, — а именно, чтобы служить залогом при обмене и взаимной передаче, — их почти отставили от этой службы и превратили в *божества*, которым приносили и продолжают приносить в жертву больше богатств, драгоценностей и даже жизней человеческих, чем неразумная древность когда-либо приносила в жертву этим ложным божествам» (1. с., р. 395).

таким образом, что каждый товаровладелец наряду с тем особым товаром, который он продает, должен иметь всегда в запасе известную сумму всеобщего товара, которым он покупает. Мы видели, что в обращении $T — D — T$ второй член $D — T$ расщепляется на ряд покупок, которые совершаются не сразу, но последовательно во времени, так что одна часть D обращается в качестве монеты, в то время как другая часть покоится в качестве денег. Деньги здесь в сущности только *отложенная монета*, и отдельные составные части находящейся в обращении монетной массы всегда появляются попеременно то в одной форме, то в другой форме. Следовательно, это первое превращение средства обращения в деньги само представляет лишь технический момент самого денежного обращения*.

Первая, естественно возникающая форма богатства, это — излишек, или избыток, это — часть продуктов, которая не нужна непосредственно в качестве потребительной стоимости, или же владение такими продуктами, потребительная стоимость которых находится за пределами первых необходимых потребностей. При рассмотрении перехода товара в деньги мы видели, что именно этот излишек, или избыток, продуктов на неразвитых ступенях производства образует сферу товарного обмена. Избыточные продукты становятся продуктами, способными к обмену, или товарами. Адекватная форма существования этого излишка, это — золото и серебро, первая форма, в которой богатство утверждается как абстрактное общественное богатство. В форме золота или серебра, т. е. в денежном материале, не только могут сохраняться товары, но золото и серебро суть богатство в его сохранной форме. Каждая потребительная стоимость как таковая служит тем, что она потребляется, т. е. уничтожается. Потребительная же стоимость золота как денег состоит в том, чтобы быть носителем меновой стоимости, чтобы в качестве бесформенного сырья быть материализацией всеобщего рабочего времени. В виде бесформенного металла меновая стоимость обладает непреходящею формой. Золото

* Буагильбер в первом же переходе денег, этого *perpetuum mobile*, в неподвижное состояние, т. е. в отрицании их функционального существования в качестве средства обращения, уже предчувствует самостоятельное обособление денег по отношению к товарам. «Деньги, — говорит он, — должны находиться в непрерывном движении, а это возможно только до тех пор, пока они обладают подвижностью; как только они становятся неподвижными, все погибло» («dans un mouvement continu, ce qui ne peut être que tant qu'il est meuble, mais sitôt, qu'il devient immeuble tout est perdu». «Le détail de la France», p. 231). Он не понимает, что эта остановка денег есть условие их движения. В сущности он хочет, чтобы форма стоимости товаров являлась только мимолетной формой их обмена вещества, но никогда не закреплялась как самоцель.

или серебро, приведенные таким образом в виде денег в неподвижное состояние, суть *сокровище*. У народов с чисто металлическим обращением, напр. у древних, образование сокровищ представляет собой повсеместный процесс, который осуществляется как отдельными лицами, так и государством, охраняющим свое государственное сокровище. В более древние времена, в Азии и в Египте, эти сокровища, охраняемые царями и жрецами, выступают больше как свидетельства их могущества. В Греции и в Риме образование сокровища, как постоянно обеспеченной и пригодной для употребления формы избытков, становится задачей политики. Быстрое перенесение таких сокровищ из одной страны в другую завоевателями и их частичный незапный прилив в обращение составляют особенность античной экономики.

Как овеществленное рабочее время, золото гарантирует величину своей собственной стоимости, а так как оно есть материализация *всеобщего* рабочего времени, то процесс обращения гарантирует ему его постоянное действие в качестве меновой стоимости. Благодаря одному тому факту, что товаровладелец может сохранить товар в его форме меновой стоимости или же самое меновую стоимость как товар, обмен товаров с целью получить их обратно в превращенном образе золота становится мотивом самого обращения. *Метаморфоз* товара Т — Д имеет место ради самого его метаморфоза, с целью превратить товар из особенного натурального богатства во всеобщее общественное богатство. Вместо обмена веществ самоцелью становится смена форм. Из простой формы меновая стоимость превращается в содержание движения. Товар сохраняется как богатство, как товар, лишь поскольку он сохраняется в пределах сферы обращения, а в этом текущем состоянии он сохраняется лишь постольку, поскольку окостеневает в виде серебра и золота. Он остается в потоке как кристалл процесса обращения. Между тем, сами золото и серебро сохраняют характер денег лишь постольку, поскольку они — не средства обращения. Как не средства обращения, они становятся деньгами. Следовательно, извлечение товара из обращения в форме золота есть единственное средство постоянно держать товар в сфере обращения.

Товаровладелец может получить обратно из обращения в виде денег лишь столько, сколько он дает обращению в виде товара. Постоянно продавать, непрерывно бросать товары в обращение, — таково поэтому первое условие образования сокровищ с точки зрения товарного обращения. С другой стороны, деньги постоянно исчезают как средство обращения в самом процессе обращения, постоянно осуществляясь в потребительных стоимостях и уничтожаясь в

преходящем потреблении. Поэтому деньги должны быть вырваны из пожирающего потока обращения, или товар должен быть задержан в своем первом метаморфозе, препятствуя деньгам выполнить их функцию покупательного средства. Товаровладелец, ставший теперь собирателем сокровищ, должен возможно больше продавать и возможно меньше покупать, как этому учил уже старый Катон: *patrem familias vendacem, non emacem esse* [отец семейства должен продавать, а не покупать]. Как трудолюбие — положительное, так бережливость отрицательное условие образования сокровищ. Чем в меньшей степени эквивалент товара извлекается из обращения в виде особенных товаров или потребительных стоимостей, тем в большей степени он извлекается оттуда в форме денег или меновой стоимости*. Следовательно присвоение богатства в его всеобщей форме обуславливает отречение от богатства в его вещественной реальности. Поэтому жизненный стимул собирания сокровищ, это — *скупость*, для которой потребностью является не товар как потребительная стоимость, а меновая стоимость как товар. Чтобы овладеть излишком в его всеобщей форме, особые потребности должны рассматриваться как роскошь и излишества. Так, в 1593 г. кортесы сделали Филиппу II представление, в котором между прочим говорится: «Кортесы в Вальядолиде в 1586 г. просили ваше величество не разрешать впредь ввоза в королевство свечей, стеклянных товаров, ювелирных изделий, ножей и тому подобных вещей, которые привозятся из-за границы с целью обмена этих столь бесполезных для человеческой жизни вещей на золото, как будто бы испанцы были *индейцами*». Собиратель сокровищ презирает светские, временные и проходящие наслаждения, гоняясь за вечным сокровищем, которого не ест ни тля, ни ржа, которое является одновременно вполне небесным и вполне земным. «Всеобщая конечная причина нашего недостатка в золоте, — говорит Миссельден в указанном сочинении, — заключается в большом излишке в потреблении нашим королевством иноземных товаров, которые оказываются для нас *discommodities* [вредными], а не *commodities* [полезными], так как они лишают нас столь больших сокровищ, которые в противном случае ввозились бы вместо этих безделушек (*toys*). Мы потребляем у себя в слишком большом избытке вина из Испании, Франции, Рейнской области, Леванта; изюм из Испании, коринку из Леванта, лино-батист (сорт тонкого полотна) и батист из Эно (Hainault), шелковые изделия из Италии, сахар и табак из

* «Чем более возрастает запас в товарах, тем более уменьшается запас, существующий в виде сокровища (*in treasure*)» (E. Misselden, l. c., p. 7).

Вест-Индии, пряности из Ост-Индии — все это не является для нас *абсолютной потребностью**, и тем не менее эти вещи покупаются за звонкое золото». Как золото и серебро, богатство непреходяще как потому, что меновая стоимость существует в несокрушимом металле, так и потому именно, что золоту и серебру препятствуют стать, в качестве средства обращения, лишь мимолетной денежной формой товара. Преходящее содержание приносится таким образом в жертву непреходящей форме. «Если путем налогов деньги отнимаются у того, кто их проедает и пропивает, и передаются тому, кто употребляет их на улучшение земли, на рыболовство, горное дело, мануфактуры или даже на платье, то для общества это всегда представляет выгоду, потому что даже платье имеет не столь преходящий характер, как пища и напитки. Если деньги употребляются на домашнюю мебель, то выгода тем больше; она будет еще больше, если деньги употребляются на постройку домов и т. д., и больше всего, если в страну привозятся золото и серебро, так как только эти вещи имеют непреходящий характер и ценятся как богатство во все времена и во всех местах; все же прочее есть лишь богатство *pro hic et nunc* [для определенного места и времени]**. Извлечение денег из потока обращения и предохранение от общественного обмена веществ проявляется также внешним образом в *закапывании* денег в землю, так что общественное богатство, как скрытое под землю, непреходящее сокровище, становится в совершенно тайное частное отношение к товаровладельцу. Доктор Бернье, который прожил некоторое время в Дели при дворе Аурензеба, рассказывает, как купцы тайно закапывают свои деньги глубоко в землю, особенно немагометаноязычники, которые держат в своих руках почти всю торговлю и все деньги; они «проникнуты верою, что золото и серебро, которые они прячут в течение жизни, будут служить им после смерти в загробном мире»***. Впрочем, собиратель сокровищ, поскольку его аскетизм связан с деятельным трудолюбием, по религии своей в основном — протестант и еще более пуританин. «Нельзя отрицать, что купля и продажа — вещь необходимая, без которой нельзя обойтись; и можно покупать по-христиански, особенно вещи, служащие потребностям и приличию, ибо и патриархи покупали и продавали таким образом скот, шерсть, хлеб, масло, молоко и прочие блага. Это — дары бога, который их доставляет из земли и оделяет ими людей. Но ино-

* L. c., p. 11 — 13, *passim*.

** *Petty, Political Arith.*, l. c., p. 196.

*** *François Bernier, Voyage contenant la description des états du grand Mogul*. Парижское издание 1830 г., t. I, conf. p. 312 — 314.

странная торговля, которая из Калькутты, Индии и т. п. привозит товары вроде драгоценных шелков, золотых изделий и пряностей, служащих роскоши, а не пользе, и высасывает из страны и из населения деньги, — не должна была бы быть допущена, если бы мы имели правление князей. Но об этом я не хочу теперь писать; ибо я полагаю, что в конце концов, когда мы больше не будем иметь денег, эта торговля прекратится сама собою, равно как роскошь и обжорство: ведь никакие писания и поучения не помогут, пока нас не принудит нужда и нищета*.

В периоды потрясений в общественном обмене веществ даже в развитом буржуазном обществе имеет место закапывание в землю денег как сокровища. Общественная связь в ее компактной форме — для товаровладельца эта связь состоит в товаре, а адекватное бытие товара суть деньги — предохраняется от общественного движения. Общественный *nervus rerum* [нерв вещей] предается земле рядом с телом, нервом которого он служит.

Сокровище было бы лишь бесполезным металлом, его денежная

* *Dr. Martin Luther*, Bücher vom Kaufhandel und Wucher, 1521. В том же месте Лютер говорит: «По попущению божиему мы, немцы, должны отдавать свое золото и серебро в чужие страны: мы обогащаем весь мир и сами остаемся нищими. Англия имела бы меньше золота, если бы Германия оставляла ей ее сукно, и король португальский также имел бы меньше, если бы мы оставляли ему его пряности. Если ты подсчитаешь, сколько одна франкфуртская месса [ярмарка] вывозит из немецкой земли без необходимости и основания, то ты придешь в удивление, каким образом в немецких землях остается еще хоть один грош. Франкфурт, это — серебряная и золотая дыра, через которую из немецкой земли вытекает все то, что только течет и растет, чеканится и превращается в монету у нас; если бы эта дыра была заткнута, не приходилось бы теперь слышать жалоб, что повсюду только долги и нет денег, что все области и города разорены от ростовщических долгов. Но пусть все идет, как должно итти: мы, немцы, должны остаться немцами! Мы не перестанем, мы должны так поступать».

Миссельден в цитированном сочинении хочет удержать золото и серебро, по крайней мере, в кругу христианских народов: «Деньги уменьшаются благодаря торговле с нехристианскими странами, с Турцией, Персией и Ост-Индией. Эта торговля ведется большею частью на наличные деньги, однако совершенно иначе, чем торговля между самими христианами. Ибо, хотя торговля в пределах христианского мира ведется на наличные деньги, но деньги остаются всегда заключенными в своих границах. Действительно, в торговле между христианскими странами существуют течения и противотечения, приливы и отливы денег, потому что иногда в одном месте имеется денег больше, в другом месте меньше, в зависимости от того, что одна страна испытывает недостаток, а другая имеет избыток; деньги приходят, уходят и обращаются в кругу христианских народов, но остаются всегда в своих границах. Деньги же, которые вывозятся для торговли с нехристианскими народами в вышеуказанные страны, всегда расходуются и никогда не возвращаются назад».

душа отлетела бы от него, и оно осталось бы как перегоревший пепел обращения, как его *caput mortuum* [мертвая голова], если бы оно не находилось в постоянном стремлении к обращению. Деньги, или ставшая самостоятельной меновая стоимость, по своему качеству есть бытие абстрактного богатства, но, с другой стороны, всякая данная сумма денег есть количественно ограниченная величина стоимости. Количественная граница меновой стоимости противоречит ее качественной всеобщности, и собиратель сокровищ чувствует эту границу как ограничение, которое в действительности превращается вместе с тем в качественное ограничение или делает сокровище лишь ограниченным представителем вещественного богатства. Деньги как всеобщий эквивалент, как мы видели, представляются непосредственно в виде уравниения, в котором они сами образуют одну сторону, а бесконечный ряд товаров — другую сторону. От величины меновой стоимости зависит, насколько деньги в своей реализации приближаются к такому бесконечному ряду, т. е. насколько они соответствуют своему понятию меновой стоимости. Движение меновой стоимости, как меновой стоимости, как автомата, вообще может заключаться только в том, чтобы выходить за свою количественную границу. Но вместе с тем как переступается одна количественная граница сокровища, создается новый предел, который должен быть опять уничтожен. Ограничением выступает не какая-либо определенная граница сокровища, а всякая его граница. Образование сокровищ не имеет, стало быть, в самом себе никакой внутренне присущей ему границы, никакой меры, но есть бесконечный процесс, который в достигнутом им каждый раз результате находит мотив своего начала. Если сокровище увеличивается только через сохранение, то, с другой стороны, оно сохраняется только через увеличение.

Деньги представляют собою не только *один* из предметов страсти к обогащению, но *единственный* предмет ее. Эта страсть по существу есть *auri sacra fames* [проклятая жажда золота]. Страсть к обогащению, в отличие от страсти к определенному натуральному богатству или к потребительным стоимостям, как, напр., платье, украшения, стада и т. п., возможна только тогда, когда всеобщее богатство как таковое индивидуализировалось в виде особого предмета и потому может быть сохранено в виде отдельного товара. Таким образом, деньги выступают настолько же предметом, как и источником страсти к обогащению*. В сущности в основе здесь лежит,

* «От денег берет свое начало скупость... постепенно она разгорелась истовым образом; это уже не скупость, а жажда золота» (*Plin., Hist. nat., I. XXXIII, c. XIV.*).

что меновая стоимость как таковая, а тем самым и ее умножение, становится целью. Скупость сохраняет сокровище, не позволяя деньгам сделаться средством обращения, но жажда золота сохраняет денежную душу сокровища, его постоянное стремление к обращению.

Деятельность, посредством которой создается сокровище, представляет собой, с одной стороны, извлечение денег из обращения путем постоянно повторяемых продаж, а с другой стороны — простое собирание, *накопление*. В сущности, только в сфере простого обращения, а именно в форме образования сокровищ, имеет место накопление богатства как таковое, между тем как остальные так называемые формы накопления, как мы увидим позднее, считаются накоплением лишь совершенно произвольно, лишь вследствие воспоминания о простом денежном накоплении. Все другие товары накапливаются либо в виде потребительных стоимостей, и в таком случае способ их накопления определяется особенностью их потребительной стоимости. Накопление хлеба, напр., требует особых приспособлений. Накопление овец делает меня пастухом, накопление рабов и земли делает необходимыми отношения господства и подчинения и т. д. Собирание запасов особенных видов богатств требует особых процессов, отличных от простого акта накопления самого по себе и развивает особые стороны индивидуальности. Или же богатство в форме товаров накапливается как меновая стоимость, и тогда накопление выступает как купеческая или специфическая экономическая операция. Субъект этой операции становится хлеботорговцем, скототорговцем и т. п. Золото и серебро суть деньги не благодаря какой-либо деятельности индивида, который их накапливает, а как кристаллы процесса обращения, протекающего без его содействия. Ему не приходится делать ничего другого, как только откладывать золото и серебро и присоединять одну весовую их единицу к другой, — совершенно бессодержательная деятельность, которая, будучи применена ко всем другим товарам, обесценила бы их*.

* Гораций, следовательно, ничего не смыслит в философии собирания сокровищ, когда говорит (Satir. I, II, Satir. III):

Ежели цитр кто накупит и в общую сложит их груду,
Сам не учаю на цитре, из муз не любя ни единой,
Или колодок и шил, в ремесле не сведущ сапожном,
Или морских парусов, ненавидя торговлю, — безумцем
По справедливости он прослышет. От таких чем отличен
Тот, кто деньги и золото прячет, не зная, что делать
С тем, что скопил, и боясь коснуться его, как святыни.

(К. Гораций Флакк, исправленный перевод
А. Фета, Москва 1883, стр. 287.)

Наш собиратель сокровищ выступает мучеником меновой стоимости, благочестивым аскетом на вершине металлического столба. Он имеет дело только с богатством в его общественной форме и поэтому зарывает его от общества. Он жаждет товара в его постоянно пригодной для обращения форме и поэтому извлекает его из обращения. Он мечтает о меновой стоимости и поэтому не обменивает. Текучая форма богатства и его окаменелая форма, жизненный эликсир и философский камень, как в алхимии, бешено сталкиваются между собой. В своей надуманной безграничной жажде наслаждений он отказывается от всякого наслаждения. Желая удовлетворить все общественные потребности, он едва удовлетворяет свои насущные естественные потребности. Сохраняя богатство в его металлической телесности, он превращает его в пар, в простой призрак. В сущности накопление денег ради денег есть варварская форма производства ради производства, т. е. развития производительных сил человеческого труда за пределы обычных потребностей. Чем менее развито товарное производство, тем более важное значение имеет это первое самостоятельное обособление меновой стоимости в виде денег, собирание сокровищ, которое играет поэтому большую роль у древних народов, в Азии до настоящего времени, и у современных земледельческих народов, где меновая стоимость еще не охватила всех производственных отношений. Специфическую экономическую функцию образования сокровищ в сфере самого металлического обращения мы сейчас рассмотрим, но прежде отметим еще другую форму образования сокровищ.

Серебряные и золотые товары, совершенно независимо от своих эстетических свойств, могут — поскольку материал, из которого они состоят, представляет собой денежный материал — быть превращены в деньги, так же как золотые деньги или золотые слитки могут быть превращены в эти товары. Так как золото и серебро представляют собою материал абстрактного богатства, то самый распространенный способ выставить напоказ богатство заключается в употреблении их как конкретных потребительных стоимостей, и, если на известных ступенях производства товаровладелец скрывает свое сокровище, то повсюду, где он может делать это с безопасностью, он

Господин *Сениор* понимает этот предмет лучше: «Деньги, повидимому, единственный предмет, стремление к которому является универсальным, и это происходит потому, что деньги — *абстрактное богатство*, и люди, владея ими, могут удовлетворить все свои потребности, какого бы рода они ни были» («Principes fondamentaux de l'Esc. pol.», traduit par le comte Jean Arrivabene, Paris 1836, p. 221); или *Шторх*: «Так как деньги являются представителем всех других богатств, то достаточно накопить их, чтобы можно было достать все существующие в мире виды богатства» (I. c., t. II, p. 134).

чувствует влечение явиться перед другими товаровладельцами в качестве *rich homme* [богатого человека]. Он позолачивает себя и свой дом*. В Азии, в частности в Индии, где образование сокровищ не выступает подчиненной функцией механизма процесса производства в целом, как в буржуазной экономике, но где богатство в этой форме сохраняет значение последней цели, золотые и серебряные товары представляют собой в сущности лишь эстетическую форму сокровища. В средневековой Англии золотые и серебряные товары рассматривались законом как простая форма сокровища, так как стоимость их лишь в незначительной мере увеличивалась от прибавленного к ним грубого труда. Назначение их состояло в том, чтобы быть опять брошенными в обращение, и поэтому проба их предписывалась с такою же точностью, как и проба самих монет. Рост употребления золота и серебра как предметов роскоши вместе с возрастанием богатства представляет собою такую простую вещь, что древним она была вполне понятна**, тогда как современные экономисты выставили ложное положение, будто потребление серебряных и золотых товаров возрастает не пропорционально росту богатства, а лишь пропорционально падению стоимости благородных металлов. Поэтому данные этих экономистов о потреблении калифорнийского и австралийского золота, в остальном точные, обнаруживают всегда изъян, так как возросшее потребление золота в качестве сырого материала в их ошибочном представлении не оправдывается соответствующим падением его стоимости. За время с 1810 по 1830 год, вследствие войны американских колоний с Испанией и перерыва в горных работах, вызванного революциями, среднее ежегодное производство благородных металлов сократилось более чем на половину. В 1829 г., по сравнению с 1809 г., убыль находящихся в обращении монет составляла в Европе почти $\frac{1}{6}$. Хотя размеры производства, таким образом, сократились и издержки производства, — если они вообще изменились, — возросли, тем не менее потребление благородных металлов как предметов роскоши чрезвычайно возросло, — в Англии уже во время войны, а на континенте со времени Парижского мира. Оно возросло вместе с ростом всеобщего богатства***.

* *Naschke's inner man* [внутренний человек] товарного индивида остается не изменившимся даже там, где последний цивилизуется и развивается в капиталиста, показывает пример лондонского представителя одного международного банкирского дома, повесившего за стеклом и в раме банковый билет в 100 000 ф. ст. в качестве подобающего фамильного герба. Вся соль заключается здесь в том, что этот билет насмешливо и свысока взирает на обращение.

** Смотри цитируемое ниже место из Ксенофонта.

*** *Jacob*, l. c., t. II, ch. 25 и 26.

В качестве всеобщего закона можно выставить положение, что превращение золотых и серебряных денег в предметы роскоши происходит преимущественно во время мира, а обратное превращение их в слитки, а также в монеты — в бурные времена*. Насколько значительно отношение золотого и серебряного сокровища, существующего в форме предметов роскоши, к благородному металлу, служащему в качестве денег, можно видеть из того, что в 1829 г. это отношение, по данным Джекоба, составляло в Англии 2 : 1, а во всей Европе и Америке количество благородного металла в предметах роскоши было на $\frac{1}{4}$ больше, чем в деньгах.

Мы видели, что денежное обращение есть только проявлению метаморфоза товаров, или смены форм, в которой совершается общественный обмен веществ. Поэтому с изменением суммы цен находящихся в обращении товаров или объема их одновременных метаморфоз, с одной стороны, и при данной быстроте смены их форм, с другой стороны, общее количество денег, находящихся в обращении, должно было постоянно расширяться или сокращаться; это возможно лишь при условии, если общее количество денег, имеющих в данной стране, находится в постоянно изменяющемся отношении к количеству денег, находящихся в обращении. Это условие выполняется благодаря собиранию сокровищ. Если цены падают или скорость обращения увеличивается, то резервуары сокровищ поглощают часть денег, выпадающую из обращения; если же цены повышаются или скорость обращения уменьшается, то сокровища открываются и частично приливают обратно в обращение. Это застывание обращающихся денег в сокровища и приливы сокровищ в обращение представляет собою постоянно изменяющееся колебательное движение, в котором преобладание того или другого направления определяется исключительно колебаниями товарного обращения. Сокровища выступают, таким образом, как приводные и отводные каналы находящихся в обращении денег, так что в качестве монеты обращается всегда лишь количество денег, обусловленное непосредственными потребностями самого обращения. Если объем обращения в целом вдруг расширяется и преобладает текущее единство покупок и продаж, но при этом общая сумма подлежащих реализации цен возрастает еще быстрее, чем скорость денежного обращения, то сокровища заметно опустошаются; как только в общем движении наступает значительная за-

* «Во времена больших волнений и опасностей, особенно во времена внутренних волнений и нашествий, золотые и серебряные вещи быстро превращаются в деньги; в периоды же спокойствия и процветания деньги превращаются в утварь и драгоценности» (t. II, p. 357, l. c.).

минка или движение покупок и продаж замедляется, средства обращения в значительной пропорции застывают в виде денег, и резервуары сокровищ переполняются значительно выше их среднего уровня. В странах с чисто металлическим обращением или находящихся на неразвитой ступени производства сокровища бесконечно распылены и рассеяны по всей поверхности страны, между тем как в развитых буржуазных странах они концентрируются в резервуарах банков. Нельзя смешивать сокровище с монетным резервом, который сам образует составную часть общего количества денег, постоянно находящихся в обращении, в то время как активное отношение между сокровищем и средствами обращения предполагает уменьшение или увеличение указанного общего количества денег. Золотые и серебряные товары также, как мы видели, образуют отводный канал для благородных металлов и скрытый источник их прилива. Но в обычные времена только первая их функция имеет важное значение для экономики металлического обращения*.

б) Платежное средство.

Обе формы, в которых деньги до сих пор различались от средства обращения, были: форма *отложенной монеты* и форма *сокровищ*. Первая форма отражала в преходящем превращении монеты в деньги то обстоятельство, что второй член $T — D — T$, покупка $D — T$, должен расщепиться в пределах определенной сферы обращения на ряд последовательных актов покупки. Собираение же сокровищ

* В следующем месте *Ксенофонт* развивает понятие денег в их специфической определенности формы в качестве денег и сокровища;

«Это единственная область, — из всех, которые я знаю, — где новый предприниматель не внушает зависти старым... Чем богаче оказывается серебряный рудник и чем больше в нем добывается серебра, тем больше людей привлекает он к себе. В самом деле, когда приобретено столько утвари, сколько нужно для хозяйства, редко покупают еще; напротив, денег никто не имеет столько, чтобы не желать иметь их еще больше, а если у кого-нибудь они оказались в избытке, то он, закапывая излишек, получает не меньше удовольствия, чем если бы он им пользовался. Когда государство процветает, граждане особенно нуждаются в деньгах; мужчины хотят покупать красивое оружие, добрых коней, великолепные дома и обстановку; женщинам нужны наряды и золотые украшения; если же государство страдает от неурожая или войны, то ввиду необработанности полей деньги необходимы для приобретения продовольствия и для найма вспомогательных войск» (*Хен., De vectig., с. IV*). *Аристотель* в «Республике» (с. 9, 1.1) развивает оба движения обращения $T — D — T$ и $D — T — D$ в их противоположности под названиями «экономики» и «хрематистики». Греческими трагиками, а в частности Эврипидом, обе эти формы противопоставляются, как *δίκη* и *κέρδος*.

покоилось просто на обособлении акта Т — Д, который не развивался в Д — Т; оно было лишь самостоятельным развитием первого метаморфоза товара; оно представляло собой деньги, развившиеся в качестве отчужденного бытия всех товаров, в противоположность средству обращения как бытию товара в его постоянно способной к отчуждению форме. Монетный резерв и сокровище были деньгами только потому, что они были не средствами обращения, а не средствами обращения они были только потому, что не обращались. В том определении, в котором мы рассматриваем деньги теперь, они обращаются или вступают в обращение, но не в функции средства обращения. Как средство обращения деньги всегда были покупательным средством, теперь же они действуют как непокупательное средство.

Как только деньги, благодаря образованию сокровищ, развились в качестве бытия абстрактного общественного богатства и в качестве материального представителя вещественного богатства, они в этой своей определенности в качестве денег получают своеобразные функции внутри процесса обращения. Если деньги циркулируют как простое средство обращения и тем самым как покупательное средство, то предполагается, что товар и деньги одновременно противостоят друг другу и, следовательно, одна и та же величина стоимости имеется в двойном виде: на одном полюсе — в виде товара в руках продавца, на другом полюсе — в виде денег в руках покупателя. Это одновременное существование обоих эквивалентов на противоположных полюсах и одновременная перемена ими мест или их взаимное отчуждение предполагает, в свою очередь, что продавец и покупатель относятся друг к другу только как владельцы наличных эквивалентов. Между тем процесс метаморфоза товаров, который создает различные определенности форм денег, метаморфозирует также и товаровладельцев, или изменяет общественные характеры, в которых они друг другу являются. В процессе метаморфоза товара товарохранитель так же часто меняет свою кожу, как товар меняет свой характер или как деньги отливаются в новые формы. Так, первоначально товаровладельцы противостояли друг другу только в качестве товаровладельцев; потом один стал продавцом, другой покупателем, затем каждый из них становился попеременно то покупателем, то продавцом, после этого они стали собирателями сокровищ и, наконец, богатыми людьми. Таким образом, товаровладельцы выходят из процесса обращения не такими, какими они в него вступили. В сущности различные определенности форм, принимаемые деньгами в процессе обращения, представляют собою только кристаллизованную смену форм самих товаров, которая, в свою очередь, есть лишь

вещное выражение изменяющихся общественных отношений, в которых товаровладельцы совершают свой обмен веществ. В процессе обращения возникают новые отношения обмена, и, как носители этих изменившихся отношений, товаровладельцы получают новые экономические роли. Подобно тому как деньги в сфере внутреннего обращения идеализируются, и простая бумага в качестве представителя золота выполняет функцию денег, точно так же этот процесс придает покупателю или продавцу, который вступает в него лишь как представитель денег или товара — т. е. представляет будущие деньги или будущий товар, — значимость действительного продавца или покупателя.

Все определенности форм, в которых золото развивается в деньги, представляют собой только развитие тех определений, которые заключены в метаморфозе товаров, но которые в простом денежном обращении, — при появлении денег в качестве монеты или в движении $T — Д — T$, как протекающем в виде процесса единства, — либо не выделились в самостоятельный вид, либо же выступали лишь простыми возможностями, как, напр., перерыв метаморфоза товара. Мы видели, что в процессе $T — Д$ товар, как действительная потребительная стоимость и идеальная стоимость, относился к деньгам как к действительной меновой стоимости и лишь идеальной потребительной стоимости. Продавец, отчуждая товар как потребительную стоимость, реализовал его собственную меновую стоимость и потребительную стоимость денег. Наоборот, покупатель, отчуждая деньги как меновую стоимость, реализовал потребительную стоимость денег и цену товара. Соответственно этому происходила перемена мест товара и денег. Живой процесс этой двусторонней полярной противоположности теперь снова раскалывается в своем осуществлении. Продавец действительно отчуждает товар, но цену его реализует вначале только в идее. Он продал товар по его цене, которая, однако, будет реализована лишь в более поздний установленный срок. Покупатель покупает как представитель будущих денег, тогда как продавец продает как владелец наличного товара. На стороне продавца товар как потребительная стоимость действительно отчуждается, хотя цена его еще в действительности не реализована; на стороне покупателя деньги действительно реализуются в потребительной стоимости товара, хотя как меновая стоимость они еще в действительности не отчуждены. Не знак стоимости, как это было раньше, выступает здесь представителем денег, а сам покупатель. Но как раньше всеобщая символика знака стоимости обусловила гарантию и принудительный курс со стороны государства, так теперь личная символика

покупателя вызывает частные контракты между товаровладельцами, подлежащие по закону принудительному исполнению.

Наоборот, в процессе Д — Т деньги могут быть отчуждены как действительное покупательное средство, и цена товара может быть таким образом реализована прежде, чем будет реализована потребительная стоимость денег или чем будет отчужден товар. Это имеет место, напр., в обычной форме абонементной подписки, или же в той форме, в которой английское правительство закупает опиум у райотов в Индии, или поселившиеся в России иностранные купцы закупают у русских значительную часть земледельческих продуктов. Однако здесь деньги действуют лишь в уже известной нам форме покупательного средства и поэтому не получают никакой новой определенности формы*. Мы поэтому не останавливаемся на последнем случае; однако в связи с тем видоизмененным образом, в котором здесь выступают оба процесса Д — Т и Т — Д, заметим, что различие между покупкою и продажей, которое непосредственно в обращении выступает только мысленным, теперь становится действительным различием благодаря тому, что в одной форме имеется в наличности только товар, в другой — только деньги, в обеих же формах имеется только крайний член, от которого исходит инициатива. Кроме того, обе формы имеют то общее, что в обеих один из эквивалентов существует только в общей воле покупателя и продавца, — воле, которая связывает обоих и получает определенные законом формы.

Продавец и покупатель становятся кредитором и должником. Если товаровладелец, как хранитель сокровища, играл роль скорее комической фигуры, то теперь он становится страшным, так как он уже не самого себя, а своего ближнего рассматривает только как бытие определенной денежной суммы, и не себя, а его делает мучеником меновой стоимости. Из верующего он становится верителем (кредитором), от религии он переходит к юриспруденции.

I stay here on my bond!

[«Я требую по векселю уплаты!» **]

В той измененной форме Т — Д, в которой товар имеется в наличности, а деньги только представлены, деньги функционируют, во-первых, как мера стоимости. Меновая стоимость товара расценивается в деньгах как в своей мере; но цена, как меновая стоимость,

* Конечно, капитал авансируется также в форме денег, и авансированные деньги могут быть авансированным капиталом; однако эта точка зрения не входит в кругозор простого обращения.

** Слова Шейлока из «Венецианского купца» Шекспира. См. *Шекспир*, Собр. соч., т. II, изд. 1930 г., стр. 286. *Ред.*

измеренная в договоре, существует не только в голове продавца, но вместе с тем и как мера обязательства покупателя. Во-вторых, деньги функционируют здесь как покупательное средство, хотя они лишь бросают перед собою тень своего будущего существования. А именно, они перемещают товар с его места, из рук продавца в руки покупателя. Когда наступает срок исполнения договора, деньги вступают в обращение, переменяя место и переходя из рук бывшего покупателя в руки бывшего продавца. Но они вступают в обращение не как средство обращения или как покупательное средство. В качестве такового деньги функционировали здесь раньше, чем имелись налицо, а появляются они уже после того, как перестали функционировать в качестве такового. Напротив, они вступают в обращение как единственный адекватный эквивалент товара, как абсолютное бытие меновой стоимости, как последнее слово процесса обмена, — словом, как деньги, и притом как деньги в определенной функции *всеобщего платежного средства*. В этой функции платежного средства деньги выступают как абсолютный товар, но внутри самого обращения, а не вне его как сокровище. Различие между покупательным средством и платежным средством обнаруживается весьма неприятным образом в эпохи торговых кризисов*.

Первоначально превращение продукта в деньги в обращении выступает лишь как индивидуальная необходимость для товаровладельца, поскольку его продукт не представляет собой для него потребительной стоимости, но еще должен сделаться таковою путем своего отчуждения. Но, чтобы уплатить в обусловленный договором срок, он должен раньше продать товар. Следовательно, совершенно независимо от его индивидуальных потребностей, продажа превратилась для него благодаря движению процесса обращения в общественную необходимость. Как бывший покупатель товара, он принудительным образом становится продавцом какого-либо другого товара, не для того, чтобы получить деньги как покупательное средство, но для того, чтобы получить деньги как платежное средство, как абсолютную форму меновой стоимости. Превращение товара в деньги, как завершающий акт, или первый метаморфоз товара, как самоцель, — то, что при собирании сокровищ казалось делом каприза товаровладельца, теперь сделалось экономической функцией. Мотив и содержание продажи для того, чтобы уплатить, представляет собою возникающее из формы самого процесса обращения содержание последнего.

* Различие между покупательным средством и платежным средством подчеркивается Лютером. [Пометка Маркса на его личном экземпляре «К критике политической экономии». *Ред.*]

В этой форме продажи товар меняет свое место, находится в обращении, между тем как его первый метаморфоз, превращение его в деньги, отсрочен. Напротив, на стороне покупателя второй метаморфоз совершается, т. е. деньги превращаются обратно в товар, раньше, чем совершился первый метаморфоз, т. е. раньше, чем товар превратился в деньги. Таким образом, первый метаморфоз выступает здесь во времени после второго. И тем самым деньги, этот образ товара в его первом метаморфозе, получают новую определенность формы. Деньги, или самостоятельное развитие меновой стоимости, представляют собою уже не посредствующую форму товарного обращения, но его завершающий результат.

Что подобные *продажи на срок*, в которых оба полюса продажи существуют раздельно друг от друга во времени, возникают естественным образом из простого товарного обращения, — не требует подробных доказательств. Прежде всего развитие обращения приводит к тому, что поочередное выступление одних и тех же товаровладельцев по отношению друг к другу, как продавца и покупателя, повторяется. Это повторяющееся явление не остается только случайным, но, напр., товар заказывается на какой-нибудь будущий срок, когда он должен быть доставлен и оплачен. В этом случае продажа совершается идеально, т. е. в данном случае юридически, без появления товара и денег в их телесном виде. Обе формы денег, как средства обращения и как платежного средства, здесь еще совпадают, так как, с одной стороны, товар и деньги меняют место одновременно, а с другой стороны, деньги не покупают товара, а реализуют цену товара, проданного ранее. Далее, природа целого ряда потребительных стоимостей ведет к тому, что они действительно отчуждаются не в момент фактической передачи товара, но лишь путем предоставления последнего на определенный срок. Например, при отдаче дома в наем на один месяц потребительная стоимость дома передается полностью лишь по истечении месяца, хотя дом перешел из рук в руки в начале этого месяца. Так как фактическая передача потребительной стоимости и ее действительное отчуждение здесь во времени друг с другом не совпадают, то и реализация ее цены также происходит позже, чем перемена ею места. Наконец, разница в продолжительности и времени производства различных товаров обуславливает то, что один выступает в качестве продавца тогда, когда другой еще не может выступить в качестве покупателя; при более частом повторении покупок и продаж между теми же товаровладельцами оба момента продажи, таким образом, в соответствии с условиями производства их товаров, не совпадают друг с другом. Таким образом, между товаро-

владельцами возникает отношение кредитора и должника, — отношение, которое, правда, образует естественную основу кредитной системы, но может вполне развиться и до существования последней. Ясно, однако, что с развитием кредитного дела и, следовательно, буржуазного производства вообще функция денег как платежного средства будет расширяться за счет функции их как покупательного средства и еще более как элемента собирания сокровищ. В Англии, напр., деньги в виде монеты вытеснены почти исключительно в сферу розничной и мелкой торговли между производителями и потребителями, между тем как в качестве платежного средства они господствуют в сфере крупных торговых сделок*.

В качестве всеобщего платежного средства деньги становятся *всеобщим товаром* контрактов, — сперва только в сфере товарного обращения**. Однако по мере развития денег в этой функции все другие формы платежей постепенно превращаются в денежные платежи. Степень развития денег как единственного платежного средства показывает ту степень, в которой меновая стоимость овладела производством во всем его объеме***.

* Господин Маклеод, несмотря на свое доктринерское увлечение дефинициями, настолько не понимает элементарнейших экономических отношений, что выводит происхождение денег вообще из их наиболее развитой формы, из формы платежного средства. Он говорит между прочим: так как люди нуждаются во взаимных услугах не всегда одновременно и не на одинаковую сумму стоимости, то «остаётся известная разница или количество услуг, причитающихся от одного лица другому, т. е. долг». Владелец этого долга нуждается в услугах какого-нибудь третьего лица, которое в его услугах непосредственно не нуждается, и «передает этому третьему лицу долг, причитающийся ему от первого. Удостоверение о долге таким образом переходит из рук в руки, — это и есть обращение. Когда лицо получает обязательство, выраженное в металлических деньгах, оно может распоряжаться услугами не только первоначального должника, но и всех членов промышленного общества». *Macleod, Theory and practice of banking etc., London 1855, v. I, ch. 1.*

** *Bailey, l. c., p. 3*, говорит: «Деньги составляют общий предмет обязательств, или тот предмет, в котором заключается большинство имущественных сделок, подлежащих исполнению в какой-нибудь позднейший срок».

*** *Сениор, l. c., p. 221*, говорит: «Так как стоимость всех вещей на протяжении определенного времени изменяется, то в качестве платежного средства принимают вещь, которая наименее изменяется в своей стоимости и наиболее долгое время сохраняет данную среднюю покупательную способность. Таким образом, деньги становятся выражением или представителем стоимостей». Наоборот. Именно потому, что золото, серебро и т. п. стали деньгами, т. е. бытием меновой стоимости, получившей самостоятельное существование, они становятся всеобщим платежным средством. Как раз тогда, когда появляется упомянутый г. Сениором интерес к устойчивости величины стоимости денег, т. е. в периоды, когда деньги силою обстоятельств широко применяются в качестве всеобщего платежного средства, — открывают также колебания в величине

Масса денег, обращающихся в качестве платежного средства, определяется прежде всего суммою платежей, т. е. суммою цен отчужденных товаров, а не товаров, подлежащих отчуждению, как при простом денежном обращении. Однако определенная таким образом сумма двойным образом видоизменяется: во-первых, под влиянием скорости, с которой одна и та же монета повторяет одну и ту же функцию или с которою масса платежей следует друг за другом в виде движущейся цепи платежей. А уплачивает В, после чего В уплачивает С и так далее. Скорость, с которой одна и та же монета повторяет свою функцию платежного средства, зависит, с одной стороны, от сцепления отношений кредитора и должника между товаровладельцами, — так что один и тот же товаровладелец представляет собой кредитора по отношению к одному лицу, должника по отношению к другому и т. д., — а, с другой стороны, от продолжительности промежутков времени, разделяющих сроки различных платежей. Эта цепь платежей или отсроченных первых метаморфоз товаров качественно отлична от той цепи метаморфоз, которая выражается в обращении денег как средства обращения. Последняя цепь метаморфоз не только проявляется во временной последовательности, но и впервые *возникает* в ней. Товар становится деньгами, потом опять товаром и дает таким образом другому товару возможность стать деньгами и т. д., или продавец становится покупателем, благодаря чему какой-либо другой товаровладелец становится продавцом. Эта связь возникает случайно в самом процессе обмена товаров. Однако в том, что деньги, которые А уплатил В, В уплачивает далее С, а С уплачивает Д и т. д., и притом в быстро следующие друг за другом промежутки времени, — в этой внешней связи лишь обнаруживается уже существующая в готовом виде общественная связь. Одни и те же деньги пробегают через различные руки не потому, что они выступают как платежное средство, но они обращаются как платежное средство потому, что различные товаровладельцы уже ударили по рукам. Следовательно, скорость, с которою деньги обращаются как платежное средство, показывает гораздо более глубокое вовлечение индивидов в процесс обращения, чем скорость, с которою деньги обращаются в качестве монеты или покупательного средства.

Сумма цен одновременных и, следовательно, расположенных

стоимости денег. Таким периодом в Англии была эпоха Елизаветы, и в это время лорд Берлей и сэр Томас Смит, принимая во внимание явное обесценение благородных металлов, провели парламентский акт, который обязывал Оксфордский и Кембриджский университеты выговаривать себе треть земельной ренты в пшенице и солоде.

рядом в пространстве покупок и продаж образует границу для замещения количества монет скоростью их обращения. Это ограничение отпадает для денег, функционирующих как платежное средство. Если платежи, которые должны быть сделаны одновременно, концентрируются в одном месте, — что первоначально происходит, естественно, только в крупных узловых пунктах товарного обращения, — то платежи взаимно погашаются как отрицательные и положительные величины, так как А должен уплатить В и в то же время получить платеж от С и т. д. Поэтому сумма денег, потребных в качестве платежного средства, определяется уже не суммой подлежащих одновременной реализации платежей, но большею или меньшею концентрацией платежей и величиною баланса, который остается после их взаимного погашения как отрицательных и положительных величин. Специальные учреждения для этих взаимных расчетов возникают совершенно независимо от развития кредитного дела, как, напр., в древнем Риме. Однако рассмотрение их сюда не относится, равно как рассмотрение всеобщих платежей, сроков, которые фиксируются повсюду в определенных общественных кругах. Здесь заметим только, что специфическое влияние, оказываемое этими сроками на периодические колебания в количестве обращающихся денег, подверглось научному исследованию только в последнее время.

Поскольку платежи взаимно погашаются как положительные и отрицательные величины, появление на сцену действительных денег вовсе не имеет места. Деньги развиваются здесь только в своей форме стоимостей: с одной стороны — в цене товара, с другой стороны — в величине взаимных обязательств. Следовательно, меновая стоимость не получает здесь, помимо своего идеального бытия, никакого самостоятельного бытия, даже бытия знака стоимости; деньги становятся только идеальными счетными деньгами. Таким образом, функция денег как платежного средства заключает в себе то противоречие, что, с одной стороны, поскольку платежи взаимно погашаются, деньги действуют только идеально как мера, с другой же стороны, поскольку платежи должны быть действительно произведены, они вступают в обращение не как мимолетное средство обращения, но как находящееся в покое бытие всеобщего эквивалента, как абсолютный товар, — одним словом, как деньги. Поэтому там, где развилась цепь платежей и искусственная система их взаимного погашения, там при потрясениях, насильственно прерывающих течение платежей и нарушающих механизм их взаимного погашения, деньги внезапно превращаются из своего газообразного, призрачного образа меры стоимости в звонкие деньги, или в платежное средство. Таким

образом, в период развитого буржуазного производства, когда товаровладелец давно уже стал капиталистом, когда он уже знает своего Адама Смита и снисходительно посмеивается над предрассудком, будто только золото и серебро суть деньги или будто деньги вообще представляют собой абсолютный товар в отличие от других товаров,— деньги неожиданно выступают опять не как посредник обращения, но как единственная адекватная форма меновой стоимости, как единственное богатство, совершенно в том же смысле, как понимает его собиратель сокровищ. То, что деньги представляют собой такую исключительную форму бытия богатства, проявляется не в воображаемом только, как в монетарной системе, но в действительном частичном или полном обесценении всякого материального богатства. Это особый момент кризисов мирового рынка, который называется денежным кризисом. *Summum bonum* [высшее благо], которого в подобные моменты требуют как единственного богатства, составляют деньги, наличные деньги, а рядом с ними все другие товары, именно потому, что они суть потребительные стоимости, представляются чем-то бесполезным, пустяками и безделушками, или, как говорит наш д-р Мартин Лютер, лишь предметами щегольства и обжорства. Это внезапное превращение кредитной системы в монетарную присоединяет теоретический страх к практической панике, и агенты обращения проникаются ужасом перед непостижимой тайной своих собственных отношений*.

Платежи, в свою очередь, делают необходимым резервный фонд, накопление денег как платежного средства. Образование этих резервных фондов уже не выступает, как при собирании сокровищ, деятельностью, чуждой самому обращению, или, как при монетном резерве, простою технической задержкою монеты; деньги должны постепенно накапливаться для того, чтобы быть налицо в определенные будущие сроки платежей. Таким образом, тогда как собирание сокровищ в той абстрактной форме, в которой оно считается обогащением, с развитием буржуазного производства уменьшается, в то

* Буагильбер, который хотел бы помешать буржуазным производственным отношениям становиться на дыбы против самих буржуа, предпочитает рассматривать те формы денег, в которых они являются лишь идеально или мимолетно. Таково было прежде средство обращения, таково же платежное средство. Чего он опять-таки не видит, так это непосредственного перехода денег из идеальной формы в их внешнюю действительность, то, что звонкие деньги скрыто содержатся уже в лишь представляемой мере стоимости. То обстоятельство, говорит он, что деньги — только форма самих товаров, обнаруживается в оптовой торговле, где обмен происходит без вмешательства денег, после того как «*les marchandises sont appréciées*» [товары оценены]. «*Le détail de la France*», l. c., p. 210.

же время увеличивается это собирание сокровищ, требуемое непосредственно процессом обмена, или, наоборот, часть сокровищ, образующихся вообще в сфере товарного обращения, всасывается в качестве резервного фонда платежных средств. Чем более развито буржуазное производство, тем больше эти резервные фонды ограничиваются необходимым минимумом. Локк в своем сочинении о понижении процентной ставки * дает интересные данные относительно размера этих резервных фондов в его время. Из них видно, какую значительную часть денег, находившихся вообще в обращении, поглощали в Англии резервуары платежных средств как раз в ту эпоху, когда начинало развиваться банковое дело.

Закон относительно количества находящихся в обращении денег, в том виде, как он вытекал из анализа простого денежного обращения, существенно видоизменяется благодаря обращению платежных средств. При данной скорости обращения денег, в качестве ли средства обращения или в качестве платежного средства, общая сумма денег, находящихся в обращении на данном отрезке времени, определяется общей суммой подлежащих реализации товарных цен плюс общая сумма платежей, приходящихся на этот же период времени, минус платежи, взаимно уничтожающиеся путем погашения. Общий закон, по которому масса находящихся в обращении денег зависит от товарных цен, ни в малейшей мере этим не нарушается, ибо сама сумма платежей определяется ценами, установленными в контрактах. Но при этом ясно обнаруживается, что даже при предположении, что скорость оборота денег и экономия в платежах остаются неизменными, — сумма цен товарных масс, находящихся в обращении в течение определенного периода времени, напр. в течение одного дня, и масса обращающихся в течение того же дня денег никоим образом не совпадают, так как в обращении находится масса товаров, цена которых будет реализована в деньгах лишь впоследствии, и масса денег, которой соответствуют товары, давно уже выпавшие из обращения. Последняя масса денег, в свою очередь, зависит от того, как велика по своей стоимости сумма платежей, приходящихся на этот же день, хотя договоры по ним были заключены в самое различное время.

Мы видели, что изменение в стоимости золота и серебра не затрагивает их функции меры стоимости или счетных денег. Это изменение получает, однако, решающее значение для денег в качестве сокровища, так как вместе с повышением или падением стоимости золота и

* *Locke*, l. c., p. 17, 18.

серебра повышается или падает величина стоимости золотого или серебряного сокровища. Еще важнее это изменение для денег как платежного средства. Платеж наступает позже, чем покупка товара, или деньги действуют в два различных периода времени в двух различных функциях, сперва как мера стоимости, а потом как соответствующее этому измерению платежное средство. Если же за этот промежуток времени изменяется стоимость благородных металлов или необходимое для их производства рабочее время, то то же количество золота или серебра в тот момент, когда оно выступает как платежное средство, будет иметь больше или меньше стоимости, чем в то время, когда оно служило мерою стоимости или когда заключался контракт. Функция, выполняемая особенным товаром, напр. золотом и серебром, в качестве денег или получившей самостоятельное существование меновой стоимости, приходит здесь в коллизии с природою его как особенного товара, величина стоимости которого зависит от изменения в издержках его производства. Великая социальная революция, вызванная падением стоимости благородных металлов в Европе, есть столь же общеизвестный факт, как противоположная революция, вызванная в раннюю эпоху древне-римской республики повышением стоимости меди, в которой были заключены долги плебеев. Не вдаваясь в дальнейшее исследование влияния изменений стоимости благородных металлов на систему буржуазной экономии, мы видим уже здесь, что падение стоимости благородных металлов приносит выгоду должникам за счет кредиторов, повышение же их стоимости, наоборот, приносит выгоду кредиторам за счет должников.

с) *Мировые деньги.*

Золото становится деньгами в отличие от монеты, сперва удаляясь из обращения как сокровище, затем вступая в него как не средство обращения и, наконец, ломая границы внутреннего обращения, чтобы функционировать в мире товаров как всеобщий эквивалент. Таким образом золото становится *мировыми деньгами*.

Если общие меры веса благородных металлов служили первоначальными мерами стоимости, то в сфере мирового рынка счетные названия денег опять превращаются в соответствующие весовые названия. Если бесформенный сырой металл (*aes rude*) был первоначально формою средств обращения, а сама монетная форма была первоначально лишь официальным свидетельством содержащегося в кусках металла веса, то благородный металл в качестве мировой монеты опять сбрасывает с себя свою фигуру и чеканку и возвращается в

безразличную форму слитка; иными словами — если национальные монеты, как русские империалы, мексиканские талеры и английские соверены, обращаются за границую, — их название становится безразличным, а значение имеет лишь их содержание. Наконец, в качестве международных денег благородные металлы опять выполняют свою первоначальную функцию средств обмена, которая, как и самый товарный обмен, возникла не внутри первобытных общин, а в пунктах соприкосновения различных общин. Таким образом, деньги в качестве мировых денег снова получают свою естественно возникшую первоначальную форму. Покидая сферу внутреннего обращения, они опять сбрасывают с себя те особенные формы, которые выросли из развития процесса обмена внутри этой особенной сферы: свои локальные формы в качестве масштаба цен, монеты, разменной монеты и знака стоимости.

Мы видели, что во внутреннем обращении какой-либо страны только один товар служит мерою стоимости. Но так как в одной стране эту функцию исполняет золото, а в другой — серебро, то на мировом рынке действует двоякая мера стоимости, и деньги удваивают свое существование также во всех других своих функциях. Перевод товарных стоимостей из золотых цен в серебряные и наоборот определяется каждый раз относительною стоимостью обоих металлов, которая постоянно изменяется и поэтому постоянно находится в процессе установления. Товаровладельцы каждой внутренней сферы обращения вынуждены употреблять для внешнего обращения попеременно то золото, то серебро и таким образом обменивать металл, который является деньгами внутри страны, на металл, который им необходим в качестве денег за границую. Таким образом, каждая нация употребляет в качестве мировых денег оба металла, золото и серебро.

В международном товарном обращении золото и серебро выступают не как средство обращения, а как *всеобщее средство обмена*. Но всеобщее средство обмена функционирует только в обеих развитых формах *покупательного средства и платежного средства*, отношение между которыми становится, однако, на мировом рынке обратным. В сфере внутреннего обращения деньги, поскольку они были монетою и представляли среднее звено протекающего в виде процесса единства $T — D — T$ или лишь мимолетную форму меновой стоимости в непрерывной перемене мест товаров, действовали исключительно как покупательное средство. На мировом рынке — наоборот. Золото и серебро выступают здесь как покупательное средство тогда, когда обмен веществ лишь односторонний, и поэтому покупка и

продажа распадаются. Например, пограничная торговля у Кяхты представляет собою фактически и согласно договору меновую торговлю, в которой серебро — лишь мера стоимости. Война 1857—1858 гг. заставила китайцев продавать не покупая. Тогда серебро вдруг выступило покупательным средством. Считаясь с буквальным текстом договора, русские перерабатывали французские пятифранковые монеты в грубые серебряные товары, которые служили средством обмена. Серебро постоянно функционирует в качестве покупательного средства между Европой и Америкой, с одной стороны, и Азией — с другой, где оно оседает как сокровище. Далее, благородные металлы функционируют в качестве международного покупательного средства, когда внезапно нарушается обычное равновесие в обмене веществ между двумя нациями, когда, напр., неурожай вынуждает одну из этих наций покупать в чрезвычайно большом количестве. Наконец, благородные металлы представляют собою международное покупательное средство для производящих золото и серебро стран, где они представляют собою непосредственный продукт и товар, а не превращенную форму товара. Чем больше развивается обмен товаров между различными национальными сферами обращения, развивается также функция мировых денег как *платежного средства* для сведения международных балансов.

Международное обращение, как и внутреннее, требует постоянно изменяющегося количества золота и серебра. Поэтому часть накопленных сокровищ служит у каждого народа резервным фондом мировых денег, который то опустошается, то снова наполняется соответственно колебаниям товарного обмена*. Кроме особенных движений, при которых мировые деньги текут туда и обратно из одной национальной сферы обращения в другую, они обладают всеобщим движением, исходные пункты которого лежат у источников производства золота и серебра, откуда золотые и серебряные потоки растекаются в различных направлениях по мировому рынку. Золото и серебро здесь вступают в качестве товаров в мировое обращение и обмениваются как эквиваленты, пропорционально заключенному в них рабочему времени, на товарные эквиваленты, прежде чем попадают в сферы внутреннего обращения. В последних они выступают поэтому уже с данною величиною стоимости. Поэтому каждое умень-

* «Накопленные деньги прибавляются к той сумме, которая для того, чтобы быть действительно в обращении и удовлетворять возможным потребностям торговли, удаляется и выходит из сферы самого обращения» (G. R. Carli, примечание к Verri, Meditazioni sulla Economia Politica, p. 196, t. XV, в собрании Custodi, I. c.).

шение или увеличение их издержек производства оказывает на мировом рынке соответственное воздействие на их относительную стоимость, которая, с другой стороны, совершенно не зависит от того, в какой мере различные национальные сферы обращения поглощают золото или серебро. Доля металлического потока, улавливаемая каждой отдельной сферой товарного мира, частью входит непосредственно во внутреннее денежное обращение для замены стершихся металлических монет, частью задерживается в различных сокровищах — резервуарах монеты, платежных средств и мировых денег, частью превращается в предметы роскоши, а остаток, наконец, становится просто сокровищем. На развитой ступени буржуазного производства образование сокровищ ограничивается минимумом, которого требуют различные процессы обращения для свободного действия своего механизма. Сокровищем как таковым становится здесь только праздно лежащее богатство, — если только это не мимолетная форма избытка в балансе платежей, результат прерванного обмена веществ и, следовательно, затверждение товара в первом его метаморфозе.

Если золото и серебро как деньги, по самому своему понятию, суть всеобщий товар, то в мировых деньгах они получают соответствующую форму существования, — форму всемирного товара. В той мере, как все продукты отчуждаются за золото и серебро, последние становятся превращенной формой всех товаров и поэтому всесторонне отчуждаемым товаром. Материализацией всеобщего рабочего времени они действительно становятся в той мере, как обмен веществ реальных работ охватывает землю. Они становятся всеобщим эквивалентом в той степени, в какой развивается ряд особенных эквивалентов, которые образуют сферу их обмена. Так как в мировом обращении товары разворачивают свою собственную меновую стоимость универсальным образом, то превращенный в золото и серебро образ последней выступает как мировые деньги. Таким образом, если нации товаровладельцев благодаря своему всестороннему производству и всеобщему обмену превращают золото в адекватные деньги, то производство и обмен выступают для них лишь средством для того, чтобы извлекать из мирового рынка деньги в форме золота и серебра. Поэтому золото и серебро как мировые деньги представляют собой в той же мере продукт всеобщего товарного обращения, как и средство дальнейшего расширения его границ. Подобно тому как за спиной алхимиков, пытавшихся делать золото, выросла химия, так за спиной товаровладельцев, гоняющихся за товаром в его зачарованном образе, вырастают источники мировой промышленности и

мировой торговли. Золото и серебро помогают созданию мирового рынка, предвосхищая его существование в своем понятии как денег. То обстоятельство, что это магическое действие золота и серебра никоим образом не ограничивается детскими годами буржуазного общества, а необходимо вырастает из того извращения (*Verkehrung*), в котором носителям товарного мира представляется их собственный общественный труд, — доказывает чрезвычайно сильное влияние, оказанное открытием новых золотоносных земель в середине XIX века на мировой обмен.

Как деньги развиваются в мировые деньги, так товаровладелец развивается в космополита. Космополитическое отношение людей друг к другу первоначально представляет собою только их отношение как товаровладельцев. Товар сам по себе стоит выше всяких религиозных, политических, национальных и языковых границ. Его всеобщий язык, это — цена, а его община, это — деньги. С развитием мировых денег в противоположность национальной монете развивается космополитизм товаровладельцев, как вера практического разума, в противоположность традиционным религиозным, национальным и прочим предрассудкам, которые задерживают обмен веществ среди человечества. Когда то самое золото, которое прибывает в Англию в форме американских eagles [«орлов»], становится здесь sovereign, через три дня обращается в Париже как napoleonдор, а через несколько недель оказывается в Венеции в виде дуката, сохраняя, однако, всегда ту же самую стоимость, — товаровладельцу становится ясно, что национальность «is but the guinea's stamp» [есть только знак гиней]. Возвышенная идея, в которой для него растворяется весь мир, это — идея рынка, *мирового рынка**.

4. Благородные металлы.

Буржуазный процесс производства первоначально овладевает металлическим обращением, как переданным ему в готовом виде органом, который, хотя постепенно преобразовывается, но постоянно сохраняет свою основную конструкцию. Вопрос, почему денежным материалом служат золото и серебро, а не другие товары, выхо-

* *Montanari*, Della moneta (1863), I. c., p. 40: «Сообщение народов между собою распространилось по всему земному шару до такой степени, что, можно сказать, весь мир сделался почти одним городом, в котором происходит непрерывная ярмарка всех продуктов, где каждый, сидя дома, может посредством денег приобретать и наслаждаться всем, что производится землей, животными и человеческой промышленностью. Удивительное изобретение».

дит за пределы буржуазной системы. Поэтому мы лишь суммарно сведем воедино наиболее существенные пункты.

Так как всеобщее рабочее время само допускает только количественные различия, то предмет, который должен играть роль его специфического воплощения, должен обладать способностью представлять чисто количественные различия, что предполагает качественную тождественность, однородность. Это—первое условие для функционирования товара в качестве меры стоимости. Если, напр., я расцениваю все товары в быках, кожах, зерне и т. д., то я должен в сущности измерять их в идеальных средних быках, средней коже и т. п., так как один бык качественно отличается от другого, одна часть зерна — от другой, одна кожа — от другой кожи. Напротив, золото и серебро, как простые тела, всегда равны самим себе, и поэтому равные количества их представляют равновеликие стоимости*. Другое условие для товара, который должен служить всеобщим эквивалентом, — условие, непосредственно вытекающее из функции, заключающейся в том, чтобы представлять чисто количественные различия, — заключается в возможности разрезать данный товар на любые части и вновь соединять их вместе, так, чтобы счетные деньги могли быть представлены также чувственно-осязательным образом. Золото и серебро обладают этими свойствами в высшей степени.

Как средства обращения, золото и серебро по сравнению с другими товарами обладают тем преимуществом, что их большому удельному весу, при котором они представляют относительно большую тяжесть в малом объеме, соответствует их экономический удельный вес, при котором они в малом объеме заключают относительно много рабочего времени, т. е. большую меновую стоимость. Благодаря этому обеспечивается легкость транспорта, перехода из одних рук в другие и из одной страны в другую, способность так же быстро появляться, как и исчезать, — словом, материальная подвижность, это *sine qua non* [необходимое условие] товара, который должен служить *regretium mobile* [вечным двигателем] процесса обращения.

Высокий стоимостный удельный вес благородных металлов, их прочность, относительная неразрушаемость, неокисляемость на воздухе, а специально у золота — его нерастворяемость в кислотах, за исключением царской водки, — все эти естественные свойства делают благородные металлы естественным материалом для образования

* «Металлы отличаются той особенностью, что только в них одних все отношения сводятся к одному, которое является их количеством, так как они от природы не отличаются различными качествами ни по внутреннему своему составу, ни по внешней форме и строению» (*Galvani*, I. с., p. 130).

сокровищ. Поэтому Петр Мученик, который был, повидимому, большим любителем шоколада, говорит о мешках какао, представлявшего собою один из видов мексиканских денег: «О, счастливая монета, которая доставляет роду людскому приятный и полезный напиток и сохраняет своих обладателей свободными от адской язвы скупости, так как ее нельзя ни закопать в землю, ни долго сохранять» («De orbe novo»).

Крупное значение металлов вообще внутри непосредственного процесса производства связано с функцией их как орудий производства. Независимо от редкости золота и серебра, их большая мягкость по сравнению с железом и даже медью (в закаленном виде, в каком употребляли ее древние) делает их неспособными к такому использованию и лишает их поэтому в значительной степени того свойства, на котором покоится потребительная стоимость металлов вообще. Насколько они бесполезны внутри непосредственного процесса производства, настолько же они не представляются необходимыми и как средства существования, как предметы потребления. Поэтому любое их количество может войти в общественный процесс обращения без ущерба для процессов непосредственного производства и потребления. Их индивидуальная потребительная стоимость не впадает в конфликт с их экономической функцией. С другой стороны, золото и серебро не только в отрицательном смысле излишни, т. е. суть предметы, без которых можно обойтись, — но их эстетические свойства делают их естественным материалом роскоши, украшений, блеска, праздничного употребления, словом, положительной формой излишка и богатства. Они являются в известной степени самородным светом, добытым из подземного мира, так как серебро отражает все световые лучи в их первоначальном смешении, а золото отражает цвет наивысшего напряжения, красный. Чувство же цвета является популярнейшей формой эстетического чувства вообще. Этимологическая связь названий благородных металлов с соотношениями цветов в различных индо-германских языках была доказана Яковом Гриммом (смотри его «Историю немецкого языка»).

Наконец, способность золота и серебра к превращению из монетной формы в форму слитков, из последней в форму предметов роскоши и обратно, их преимущество по сравнению с другими товарами, заключающееся в том, что они не связаны раз навсегда данными, определенными потребительными формами, делает их естественным материалом денег, которые постоянно должны переходить из одной определенности формы в другую.

Природа не создает денег, так же как она не создает банкиров

или вексельный курс. Но так как буржуазное производство должно кристаллизовать богатство как фетиш в форме единичной вещи, то золото и серебро суть соответствующее воплощение этого богатства. Золото и серебро не суть по природе своей деньги, но деньги по своей природе суть золото и серебро. С одной стороны, серебряный или золотой денежный кристалл есть не только продукт процесса обращения, но фактически его единственный остающийся продукт. С другой стороны, золото и серебро — готовые продукты природы, и они суть первый так же непосредственно, как и последний, не будучи разделенными никакими различиями формы. Всеобщий продукт общественного процесса, или самый общественный процесс как продукт, представляет собою особый продукт природы, — металл, скрытый в недрах земли и оттуда добываемый*.

Мы видели, что золото и серебро не могут удовлетворять тому требованию, которое предъявляется к ним как к деньгам, а именно быть стоимостями неизменной величины. Однако, как заметил уже Аристотель, они обладают стоимостью более постоянной величины, чем в среднем остальные товары. Не говоря уже о всеобщем влиянии вздорожания или удешевления благородных металлов, особое значение имеют колебания в соотношении стоимости между золотом и серебром, так как оба металла служат на мировом рынке рядом друг с другом как денежный материал. Чисто экономические основания такого изменения стоимости, — завоевания и другие политические перевороты, которые оказывали большое влияние на стоимость металлов в древнем мире, имеют только местное и преходящее действие, — должны быть сведены к изменениям в рабочем времени, необходимом для производства этих металлов. Само же это рабочее время зависит от их относительной естественной редкости, как и от большей или меньшей трудности, которую представляет добывание их в виде чистого металла. Золото было в сущности первым металлом, который открыл человек. С одной стороны, сама природа предоставляет его в самородной кристаллической форме, индивидуализированным, химически не связанным с другими телами, или, как говорили алхимики, в девственном состоянии; с другой стороны, сама природа принимает на себя работу технологии

* В 760 г. множество бедных людей переселилось к югу от Праги с целью промывать там речной золотой песок, и три человека могли в один день извлекать три марки золота. В результате наплыв людей к «diggings» [копанию] и число рабочих рук, оторванных от земледелия, настолько возросло, что в следующем году страну посетил голод (см. *M. G. Körner, Abhandlung von dem Altertum des böhmischen Bergwerks, Schneeberg 1758*).

в великих золотомойках — в реках. Таким образом, со стороны человека требуется только самый простой труд для добывания золота либо из рек, либо на наносной земле, между тем как добывание серебра предполагает рудокопные работы и вообще сравнительно высокое развитие техники. Поэтому первоначально стоимость серебра, несмотря на его меньшую абсолютную редкость, была относительно выше, чем стоимость золота. Утверждение Страбона, что у одного арабского племени 10 фунтов золота отдавались за 1 фунт железа и 2 фунта золота за 1 фунт серебра, отнюдь не кажется неправдоподобным. Но по мере того как развиваются производительные силы общественного труда и вследствие этого продукт простого труда дорожает по сравнению с продуктом сложного труда, по мере того как кора земли все более раскапывается и первоначальные поверхностные источники добычи золота иссякают, стоимость серебра падает относительно стоимости золота. Наконец, на определенной ступени развития техники и средств сообщения на чашу весов падает открытие новых стран, обладающих золотом или серебром. В древней Азии золото относилось к серебру как 6 : 1 или как 8 : 1, — последнее отношение существовало в Китае и Японии еще в начале XIX столетия; существовавшее во времена Ксенофонта отношение 10 : 1 может рассматриваться как нормальное для среднего периода древности. Эксплоатация испанских серебряных рудников Карфагеном и позднее Римом оказывала в древнее время приблизительно такое же действие, как открытие американских рудников в современной Европе. Для эпохи Римской империи за приблизительную среднюю цифру можно принять соотношение 15 или 16 : 1, хотя мы часто встречаем в Риме более сильное обесценение серебра. Такое же движение, начинающееся с относительно низкой стоимости золота и кончающееся падением стоимости серебра, повторяется в последующую эпоху, продолжающуюся от средних веков до новейшего времени. Как и во времена Ксенофонта, среднее соотношение в средневековье составляет 10 : 1, а вследствие открытия американских рудников превращается опять в отношение 16 или 15 : 1. Открытие австралийских, калифорнийских и колумбийских источников золота делает вероятным новое падение стоимости золота*.

* До сих пор австралийское и прочие открытия еще не оказали влияния на соотношение стоимости золота и серебра. Противоположные утверждения Мишеля Шевалье имеют ровно такую же цену, как и социализм этого бывшего сен-симониста. Правда, котировки серебра на лондонском рынке показывают, что средние цены серебра, выраженные в золоте, в период 1850 — 1858 гг. почти на 3% выше, чем цены периода 1830—1850 годов. Но это повышение следует объ-

С. ТЕОРИИ СРЕДСТВ ОБРАЩЕНИЯ И ДЕНЕГ.

Если всеобщая жажда золота гнала народы и князей в XVI и XVIII столетиях в этот детский период современного буржуазного общества, в заморские крестовые походы за золотую чашею*, то первые истолкователи современного мира, творцы монетарной системы, одним из вариантов которой является меркантильная система, провозгласили золото и серебро, т. е. деньги, единственным богатством. Они справедливо объявили призванием буржуазного общества «делать деньги», следовательно, с точки зрения простого товарного обращения, собирать нетленное сокровище, которого не ест ни тля, ни ржа. Против монетарной системы нельзя возражать, что тонна железа ценою в 3 ф. ст. представляет собою стоимость такой же величины, как и 3 ф. ст. в золоте. Дело здесь не в величине меновой стоимости, а в ее адекватной форме. Если монетарная и меркантильная системы выделяли мировую торговлю и отдельные отрасли национального труда, непосредственно связанные с мировою торговлею, в качестве единственных истинных источников богатства или денег, то необходимо принять во внимание, что в ту эпоху большая часть национального производства пребывала еще в феодальных формах и служила непосредственным источником существования для самих производителей. Продукты большею частью не превращались еще в товары и, следовательно, в деньги, вообще не вступали во всеобщий общественный обмен веществ, не выступали поэтому как овеществление всеобщего абстрактного труда и не составляли в действительности буржуазного богатства. Деньги, как цель обращения, это — меновая стоимость или абстрактное богатство, а не какой-либо вещественный элемент богатства, в качестве определяющей цели и движущего мотива производства. Соответственно зачаточной ступени буржуазного производства эти

яснить просто спросом на серебро со стороны Азии. В течение 1852 — 1858 гг. цена серебра в отдельные годы и месяцы колеблется *исключительно* в зависимости от этого *спроса*, а отнюдь не от доставки золота из новооткрытых источников. Вот таблица цен на серебро, выраженных в золоте, на лондонском рынке:

Цена серебра за унцию:

Год	1852	Март	60 $\frac{1}{8}$	пенсов.	Июль	60 $\frac{1}{4}$	пенсов.	Ноябрь	61 $\frac{7}{8}$	пенсов.
»	1853	»	61 $\frac{1}{8}$	»	»	61 $\frac{1}{8}$	»	»	61 $\frac{7}{8}$	»
»	1854	»	61 $\frac{7}{8}$	»	»	61 $\frac{3}{4}$	»	»	61 $\frac{1}{2}$	»
»	1855	»	60 $\frac{7}{8}$	»	»	61 $\frac{1}{2}$	»	»	60 $\frac{7}{8}$	»
»	1856	»	60	»	»	61 $\frac{1}{4}$	»	»	62 $\frac{1}{8}$	»
»	1857	»	61 $\frac{3}{4}$	»	»	61 $\frac{3}{8}$	»	»	61 $\frac{1}{2}$	»
»	1858	»	61 $\frac{5}{8}$	»	»	—	»	»	—	»

* «Золото — удивительная вещь! Кто обладает им, тот господин всего, чего он захочет. Золото может даже душам открыть дорогу в рай» (*Колумб* в письме с Ямайки в 1503 году.). [Пометка Маркса на его личном экземпляре «К критике политической экономии». *Ред.*]

непризнанные пророки придерживались массивной, осязательной и блестящей формы меновой стоимости, ее формы всеобщего товара в противоположность всем особым товарам. Собственно буржуазною экономическою сферою была в то время сфера товарного обращения. Поэтому с точки зрения этой элементарной сферы они рассматривали весь сложный процесс буржуазного производства и смешивали деньги с капиталом. Непрекращающаяся борьба современных экономистов против монетарной и меркантильной системы проистекает большей частью оттого, что эта система выбалтывает в грубо-наивной форме тайну буржуазного производства, его полное подчинение меновой стоимости. Рикардо — хотя и с ошибочной практической целью — делает в одном месте замечание, что даже во время голода хлеб ввозится не потому, что народ голодает, а потому, что хлеботорговец делает деньги. Таким образом, в своей критике монетарной и меркантильной системы политическая экономия ошибается, нападая на нее как на простую иллюзию и только ложную теорию и не узнавая в ней варварской формы своего собственного основного положения. Кроме того, эта система сохраняет не только историческое право; внутри определенных сфер современной экономики она сохраняет полное право гражданства. На всех ступенях буржуазного процесса производства, где богатство принимает элементарную форму товара, меновая стоимость принимает элементарную форму денег, и во всех фазах процесса производства богатство всегда снова возвращается на один момент во всеобщую элементарную форму товара. Даже в самой развитой буржуазной экономике специфические функции золота и серебра как денег, в отличие от их функции средства обращения и в противоположность всем другим товарам, не упраздняются, а только ограничиваются, и, стало быть, монетарная и меркантильная системы сохраняют свое право. Тот католический факт, что золото и серебро, как непосредственное воплощение общественного труда и, следовательно, как бытие абстрактного богатства, противопоставляются другим, обыкновенным товарам, оскорбляет, естественно, протестантский *point d'honneur* буржуазной экономики, и последняя из страха перед предрассудками монетарной системы на долгое время утратила понимание явлений денежного обращения, как это покажет последующее изложение.

Было вполне в порядке вещей, что, в противоположность монетарной и меркантильной системам, которым деньги известны только в их определенности формы как кристаллический продукт обращения, классическая экономия рассматривала деньги прежде всего в их текучей форме, как возникающую внутри самого товарного метамор-

фоза и вновь исчезающую форму меновой стоимости. Поэтому, подобно тому как товарное обращение рассматривается исключительно в форме $T — D — T$, и последняя опять-таки исключительно в качестве совершающегося в виде процесса единства актов продажи и покупки, — деньги признаются в их определенности формы как средство обращения, в противоположность их определенности формы в качестве денег. Если средство обращения само обособляется в своей функции как монета, то оно превращается, как мы видели, в знак стоимости. А так как перед классической экономией стояло прежде всего металлическое обращение как господствующая форма обращения, то она рассматривает металлические деньги как монету, а металлическую монету — как простой знак стоимости. В соответствии с законом обращения знаков стоимости выставляется, таким образом, положение, что цены товаров зависят от массы обращающихся денег, а не наоборот, — масса обращающихся денег зависит от цен товаров. Мы находим такой взгляд более или менее намеченным у итальянских экономистов XVII века; этот взгляд то принимается, то отрицается Локком и определенно развивается в «Spectator» (в номере от 19 октября 1771 г.), у *Монтескье* и у *Юма*. Так как *Юм* — самый выдающийся представитель этой теории в XVIII столетии, то мы начнем с него наш обзор.

При определенных предпосылках увеличение или уменьшение количества либо находящихся в обращении металлических денег, либо находящихся в обращении знаков стоимости оказывает на товарные цены как будто *равномерное* действие. Если *стоимость* золота и серебра, в которых меновые стоимости товаров определяются как цены, падает или повышается, то цены повышаются или падают, ибо изменилась их мера стоимости; а в результате повышения или понижения цен большее или меньшее количество золота и серебра находится в обращении в качестве монеты. Однако видимое явление есть изменение цен вследствие увеличения или уменьшения количества средств обращения при неизменившейся меновой стоимости товаров. С другой стороны, если количество находящихся в обращении знаков стоимости уменьшается или увеличивается ниже или выше их необходимого уровня, то оно насильственно сводится к последнему путем падения или повышения товарных цен. В обоих случаях кажется, что один и тот же результат вызван одной и той же причиной, и этой иллюзии придерживается *Юм*.

Всякое научное исследование об отношении между количеством средств обращения и движением товарных цен должно принять стоимость денежного материала за данную. *Юм*, напротив,

рассматривает исключительно эпохи революций в мере самих благородных металлов, следовательно революций в мере стоимостей. Повышение товарных цен вместе с увеличением количества металлических денег со времени открытия американских рудников образует историческую подоснову его теории, подобно тому как полемика против монетарной и меркантильной системы обнаруживает ее практический мотив. Приток благородных металлов может, конечно, увеличиться при неизменяющихся издержках их производства. С другой стороны, уменьшение их стоимости, т. е. необходимого для их производства рабочего времени, первоначально обнаруживается только в увеличении их притока. Следовательно, — говорили позднейшие ученики Юма, — уменьшившаяся стоимость благородных металлов обнаруживается в возрастающей массе средств обращения, а возрастающая масса средств обращения — в повышении товарных цен. В действительности, однако, возрастает только цена экспортных товаров, которые обмениваются на золото и серебро как на товары, а не как на средства обращения. Таким образом, возрастает цена этих товаров, расцениваемых в золоте и серебре понизившейся стоимости, по сравнению со всеми остальными товарами, меновая стоимость которых продолжает расцениваться в золоте или серебре в соответствии с масштабом прежних издержек их производства. Эта двойная расценка меновой стоимости товаров в одной и той же стране может, конечно, быть только временной, и цены, выраженные в золоте или серебре, должны выравниваться пропорционально самим меновым стоимостям, так что в конце концов меновые стоимости всех товаров расцениваются в соответствии с новой стоимостью денежного материала. Развитие этого процесса сюда не относится, равно как и тот способ, посредством которого вообще прокладывает себе путь среди колебаний рыночных цен меновая стоимость. Но что это выравнивание в менее развитые эпохи буржуазного производства происходит весьма постепенно и занимает долгие периоды и, во всяком случае, не идет в ногу с возрастанием количества обращающихся наличных денег, — это убедительно доказали новые критические исследования о движении товарных цен в XVI веке*. Совершенно не относятся к делу излюбленные учениками Юма ссылки на повышение цен в античном Риме в результате завоевания Македонии, Египта и Малой Азии. Характерное для древнего мира внезапное и насильственное перемещение накопленных денежных сокровищ из одной

* Эту постепенность Юм, впрочем, признает, хотя она не соответствует его основному положению. См. *David Hume, Essays and treatises on several subjects, London 1777, vol. I, p. 300.*

страны в другую, временное уменьшение издержек производства благородных металлов для данной страны благодаря простому процессу грабежа, нисколько не изменяет имманентных законов денежного обращения, равно как бесплатная раздача египетского и сицилийского хлеба в Риме не изменяет общего закона, регулирующего цену хлеба. Юму, как и всем другим писателям XVIII столетия, недоставало материалов, необходимых для детального изучения денежного обращения: с одной стороны, достоверной истории товарных цен, а с другой — официальной непрерывной статистики расширения и сокращения количества средств обращения, прилива и отлива благородных металлов и т. д.; такой материал появляется вообще только с полным развитием банкового дела. Теория обращения Юма сводится к следующим положениям: 1) цены товаров в данной стране определяются массой находящихся в ней денег (реальных или символических); 2) обращающиеся в данной стране деньги суть представители всех находящихся в ней товаров; по мере увеличения числа представителей, т. е. денег, приходится большее или меньшее количество представляемой вещи на каждого отдельного представителя; 3) если увеличивается количество товаров, цена их падает или стоимость денег возрастает. Если же увеличивается количество денег, то, наоборот, цена товаров возрастает, а стоимость денег падает *.

«Дороговизна всех вещей, — говорит Юм, — в результате избытка денег представляет собою ущерб для всякой существующей торговли, так как она позволяет более бедным странам успешно конкурировать с более богатыми на всех иностранных рынках» **. «Если рассматривать данную нацию самое по себе, то наличность большего или меньшего количества монет для счета или представительства товаров не оказывает никакого влияния, ни хорошего, ни дурного, точно так же, как не изменится баланс какого-нибудь купца, если в бухгалтерии он будет применять вместо арабской системы счета, требующей немногих цифр, римскую, требующую большего их количества. Большее количество денег, подобно римским счетным знакам, представляет даже неудобство и требует большего труда как для их сохранения, так и для транспорта» ***. Чтобы вообще что-либо доказать, Юм должен был бы показать, что при данной системе счетных знаков количество употребляемых цифр зависит не от величины числового значения, а, наоборот, величина числового значения зависит от количества употребляемых знаков. Совершенно

* Ср. *Stewart*, I. c., t. I, p. 394 — 400.

** *David Hume*, I. c., p. 300.

*** Там же, стр. 303.

справедливо, что никакой выгоды не представляет расценивать или «считать» товарные стоимости в золоте или серебре, стоимость которых упала; поэтому с ростом суммы стоимостей обращающихся товаров народы всегда находили более удобным считать в серебре, чем в меди, и в золоте, чем в серебре. По мере того как они становились богаче, они превращали менее ценные металлы во вспомогательную монету, а более ценные — в деньги. С другой стороны, Юм забывает, что для счета стоимостей в золоте и серебре ни золото, ни серебро не должны иметься в «наличности». Счетные деньги и средства обращения у него совпадают, и те и другие представляют собою монету (coin). Так как изменение стоимости мерила стоимостей или благородных металлов, функционирующих как счетные деньги, приводит к повышению или падению товарных цен, а, стало быть, также и массы обращающихся денег при неизменной быстроте обращения, то Юм делает вывод, что повышение или падение товарных цен зависит от количества обращающихся денег. Что в XVI и XVII столетиях не только увеличилось количество золота и серебра, но одновременно уменьшились издержки их производства — в этом Юм мог убедиться на факте закрытия европейских рудников. В XVI и XVII столетиях товарные цены в Европе повышались с ростом массы ввозимого американского золота и серебра; следовательно, товарные цены в каждой стране определяются массой находящегося в ней золота и серебра. Это было первым «необходимым выводом» Юма *. В XVI и XVII столетиях цены возрастали не в одинаковой степени с увеличением количества благородных металлов; протекло более полувека, прежде чем обнаружилось *какое-либо* изменение в товарных ценах, и даже потом прошло еще много времени, прежде чем все меньшие стоимости товаров стали расцениваться соответственно понизившейся стоимости золота и серебра, следовательно прежде чем революция охватила все товарные цены. Поэтому, заключает Юм, — который в полном противоречии с основами своей философии некритически превращает в общие положения односторонне наблюдаемые факты, — цена товаров или стоимость денег определяется не абсолютным количеством находящихся в данной стране денег, а, наоборот, количеством золота и серебра, которое действительно входит в обращение; однако в конце концов все находящееся в стране золото и серебро должно быть поглощено обращением в качестве монеты **. Ясно, что если золото и серебро обладают

* *David Hume*, I. c., p. 303.

** «Очевидно, что цены зависят не столько от абсолютного количества товаров и денег, имеющихсЯ у данной нации, сколько от количества товаров, мо-

собственную стоимость, то, — отвлекаясь от всех других законов обращения, — только данное количество золота и серебра может находиться в обращении как эквивалент данной суммы товарных стоимостей. Стало быть, если каждое случайно находящееся в стране количество золота и серебра, безотносительно к сумме товарных стоимостей, должно входить как средство обращения в процесс товарного обмена, то золото и серебро не обладают никакою имманентною стоимостью и поэтому не представляют собой в сущности действительных товаров. Это третий «необходимый вывод» Юма. Он пускает в процесс обращения товары без цены, а золото и серебро — без стоимости. Он поэтому никогда не говорит о стоимости товаров и о стоимости золота, а лишь о их взаимных количествах. Уже Локк сказал, что золото и серебро имеют только воображаемую или условную стоимость; это — первая грубая форма противоположности по отношению к утверждению монетарной системы, что только золото и серебро имеют истинную стоимость. То обстоятельство, что денежное бытие золота и серебра проистекает только из их функции в общественном процессе обмена, истолковывается в таком смысле, будто они обязаны общественной функции своей собственной стоимостью и, следовательно, величиною своей стоимости*. Таким образом, золото и серебро суть вещи, не имеющие стоимости, но внутри процесса обращения они получают фиктивную величину стоимости *как представители товаров*. Благодаря этому процессу они превращаются не в деньги, а в стоимость. Эта их стоимость определяется пропорцией между собственным их количеством и количеством товаров, так как оба эти количества должны друг друга покрывать. Если, таким образом, Юм заставляет золото и серебро вступить в мир товаров как не-товары, то, наоборот, как только они выступают в определенности формы монеты, он превращает их в простые товары, которые обмениваются на другие товары путем простой меновой торговли. Если бы товарный мир состоял из одного единственного

гущих быть доставленными на рынок, и от количества денег, находящихся в обращении. Если монета запирается в сундук, то влияние ее на цены будет такое же, как если бы она была уничтожена; если товары будут сложены в виде запаса в магазинах и складах, действие будет такое же. Так как деньги и товары в этих случаях никогда друг с другом не встречаются, то невозможно и их взаимное влияние. В конечном счете общий уровень цен достигает в *точности пропорции, соответствующей новому количеству денег, имеющих в стране* (l. c., p. 303, 307, 308).

* См. у Ло и Франклина о дополнительной стоимости, которую золото и серебро получают благодаря своей функции денег; также Форбонне. [Пометка Маркса на его личном экземпляре «К критике политической экономии». Ред.]

товара, напр. из одного миллиона кварталов зерна, то было бы весьма просто представить себе, что один квартал обменивается на две унции золота, если золота имеется 2 миллиона унций, и на 20 унций золота, если золота имеется 20 миллионов унций; что, следовательно, цена товара и стоимость денег повышаются или падают в обратной пропорции к наличному количеству денег *. Но товарный мир состоит из бесконечно различных потребительных стоимостей, относительная стоимость которых никоим образом не определяется их относительными количествами. Каким же образом представляет себе Юм этот обмен между массой товаров и массой золота? Он удовлетворяется бессмысленно-грубым представлением, что каждый товар, как часть совокупной товарной массы, обменивается на соответствующую часть золотой массы. Совершающееся в виде процесса движение товаров, которое проистекает из заключающегося в них противоречия между меновой стоимостью и потребительною стоимостью, которое проявляется в обращении денег и кристаллизуется в различных определенностях формы денег, таким образом, исчезает, и на его место вступает воображаемое механическое уравнение между весовою массой находящихся в стране благородных металлов и имеющейся в это время налицо товарною массой.

Сэр *Джеймс Стюарт* начинает свое исследование о монете и деньгах подробной критикой Юма и Монтескье**. Он, в сущности, первый, кто ставит вопрос: определяется ли количество обращающихся денег товарными ценами или товарные цены — количеством обращающихся денег? Хотя его изложение затемняется фантастическим взглядом на меру стоимостей, неопределенным представлением о меновой стоимости вообще и пережитками меркантильной системы, он, однако, открывает существенные определенности формы денег и общие законы денежного обращения, так как он не ставит механически товары на одну сторону и деньги на другую, а действительно развивает различные функции денег из различных моментов самого товарного обмена. «Употребление денег для внутреннего обращения может быть сведено к двум основным пунктам: это — уплата того, что кто-либо должен, и покупка того, что кому-либо необходимо; и то и другое, вместе взятое, образует спрос на наличные деньги (*ready money demands*)... Состояние торговли и мануфактур, образ жизни и обычные расходы жителей — все это, вместе взятое, регулирует и определяет размер спроса на наличные деньги,

* Эта фикция дословно встречается у Монтескье. [Пометка Маркса на его личном экземпляре «К критике политической экономии». *Ред.*]

** *Steuart*, l. c., t. I, p. 394 seq.

т. е. количество отчуждений. Чтобы осуществить это многообразие платежей, необходима известная доля денег. Эта доля, в свою очередь, может увеличиваться или уменьшаться, смотря по обстоятельствам, хотя количество отчуждений остается одним и тем же... Во всяком случае, обращение какой-либо страны может поглотить только определенное количество денег»*. «Рыночная цена товара определяется запутанным действием спроса и конкуренции (*demand and competition*), которые совершенно не зависят от находящейся в стране массы золота и серебра. Что же делается с золотом и серебром, которые не требуются в качестве монеты? Они накапливаются как сокровище или служат материалом для выработки предметов роскоши. Если же масса золота и серебра падает ниже необходимого для обращения уровня, то их заменяют символическими деньгами или другими вспомогательными средствами. Если благоприятный вексельный курс приносит в страну избыток денег и одновременно прекращает спрос на их пересылку за границу, то они часто попадают в сундуки, где становятся столь же бесполезными, как если бы они лежали в рудниках**». Второй открытый *Стюартом* закон заключается в том, что обращение, основанное на кредите, возвращается к своему исходному пункту. Наконец, он выясняет, какое действие вызывает различие нормы процента в различных странах на международный отлив и прилив благородных металлов. Оба последних пункта мы отмечаем здесь лишь для полноты, так как они лежат вне нашей темы простого обращения***. Символические деньги или кредитные

* *Stewart*, l. c., t. II, p. 377 — 379 *passim*.

** L. c., p. 379 — 380 *passim*.

*** «Добавочные монеты будут запрятаны или превращены в утварь... Что касается бумажных денег, то, как только они выполнили первую задачу удовлетворения спроса заемщиков, они вернутся к последним и будут реализованы... Поэтому, в какой бы пропорции ни возрастало или ни уменьшалось количество наличных денег в стране, товары будут дорожать или дешеветь согласно принципам спроса и конкуренции, а последние будут всегда зависеть от склонностей лиц, владеющих собственностью или каким-либо другим эквивалентом для покупки, но никогда не от количества монет, которым они владеют... Пусть количество наличных денег в стране очень незначительно, но если в ней существует реальная собственность того или иного рода и стремление владельцев ее к потреблению, то цены будут удержаны на высоком уровне при помощи товарообмена, символических денег, зачета и *тысячи* других изобретений... Если данная страна имеет сношения с другими нациями, то должна существовать известная пропорция между ценами на многие виды товаров внутри страны и за границей, и внешнее увеличение или уменьшение наличных денег, если мы предположим, что оно *само по себе* могло бы вызвать повышение или падение цен, было бы *задержано* в своем действии иностранной конкуренцией» (l. c., t. I, p. 400 — 402).

деньги — Стюарт еще не различает обе эти формы денег — могут замещать благородные металлы как покупательное и как платежное средство во внутреннем обращении, но не на мировом рынке. Поэтому бумажные деньги суть деньги данного общества (*money of the society*), в то время как золото и серебро суть деньги всего мира (*money of the world*) *.

Характерное отличие народов с «историческим» развитием в смысле исторической школы права заключается в том, что они постоянно забывают свою собственную историю. Поэтому, хотя спор об отношении между товарными ценами и количеством средств обращения не переставал волновать парламент в течение первой половины текущего столетия и вызвал в Англии тысячи памфлетов, больших и малых, — Стюарт оставался «мертвой собакою» еще в большей степени, чем Спиноза казался Моисею Мендельсону во времена Лессинга. Даже новейший историк «сиггенсу» [денежного обращения] Макларен превращает Адама Смита в автора стюартовой теории, как Рикардо — в автора юмовской теории**. Но в то время как Рикардо разработал теорию Юма, Адам Смит только регистрирует

«В каждой стране денежное обращение должно быть пропорционально промышленности жителей, которые производят товары, поступающие на рынок... Поэтому, если количество монет в стране не достигает пропорции, которая соответствует ценам на промышленные изделия, предлагаемые к продаже, то будут сделаны изобретения, как, напр., символические деньги, обеспечивающие эквивалент для этих изделий. Если же наличные деньги будут пропорционально превышать размеры промышленности, они не вызовут повышения цен и не вступят в обращение: *они будут накапливаться как сокровище*... Каково бы ни было у данной нации количество денег сравнительно с другими странами, но в обращении сможет всегда оставаться только количество, приблизительно пропорциональное потреблению богатых жителей и труду бедных жителей», а эта пропорция не определяется «количеством фактически находящихся в стране денег» (I. c., p. 403 — 408 *passim*). «Все нации будут стараться направить свои наличные деньги, не необходимые для их собственного обращения, в такую страну, где процент на деньги высок по сравнению с их собственной страной» (I. c., t. II, p. 5). «Самая богатая нация в Европе может быть самою бедною по количеству обращающихся наличных денег» (I. c., t. II, p. 6).

(См. полемику Артура Юнга против Стюарта. [Заметка Маркса на его личном экземпляре «К критике политической экономии». *Ред.*])

* *Stewart*, I. c., t. II, p. 370. Луи Блан превращает эти «*money of the society*», означающие не что иное, как внутренние, национальные деньги, в социалистические деньги, не означающие ровно ничего, и вполне последовательно превращает Джона Ло в социалиста (см. первый том его «Истории французской революции»).

** *MacLaren*, I. c., p. 43 *seq.* Патриотизм побудил одного преждевременно умершего немецкого писателя (Густава Юлиуса) противопоставить старого Бюша, в качестве авторитета, школе Рикардо. Достопочтенный Бюш перевел гениальный английский язык Стюарта на гамбургский диалект и искажал свой оригинал, сколько мог.

результаты исследований Стюарта как мертвые факты. *Адам Смит* свою шотландскую поговорку: «если ты приобрел немного, то зачастую легко будет приобрести многое», применил и к духовному богатству и потому с мелочною заботливостью скрыл источники, которым он обязан тем немногим, из чего он сделал поистине многое. Не раз предпочитает он притупить острие вопроса там, где резкая формулировка заставила бы его свести счеты с своими предшественниками. Так он поступает с теорией денег. Он молчаливо принимает теорию Стюарта, рассказывая, что находящиеся в стране золото и серебро частью употребляются как монета, частью накапливаются как резервный фонд для купцов в странах, не имеющих банков, или как банковские резервы в странах с кредитным обращением, частью служат сокровищем для выравнивания международных платежей, частью перерабатываются в предметы роскоши. Вопрос о количестве находящихся в обращении монет он молчаливо устраняет, рассматривая деньги совершенно ложно как простой товар*. Его вульгаризатор, пошлый *Ж.-Б. Сэй*, которого французы произвели в *prince de la science* [«князя науки»], — подобно тому как Иоганн-Кристоф Готтшед произвел своего Шенайха в Гомеры, а Пиетро Аретино назвал самого себя «terror principum» и «lux mundi» [«ужас князей» и «свет мира»], — с большой важностью возвел эту не совсем наивную ошибку Адама Смита в догму**. Впрочем, острая полемика против иллюзий меркантильной системы мешала Адаму Смицу объективно понять явления металлического обращения, между тем как его взгляды на кредитные деньги оригинальны и глубоки. Подобно тому как в теориях XVII столетия об окаменелостях постоянно пробивается скрытое течение, проистекающее из того, что библейская традиция всемирного потопа критически или апологетически принимается в расчет, так за всеми теориями денег XVII столетия скрывается тайная борьба с монетарною системою, этим призрак, который стоял на страже у колыбели буржуазной экономии и все еще продолжал отбрасывать свою тень на законодательство.

* Это не точно. В некоторых местах [*Адам Смит*], напротив, правильно формулирует закон. [Пометка Маркса на его личном экземпляре «К критике политической экономии». *Ред.*]

** Поэтому различие между «currency» и «money», т. е. средством обращения и деньгами, не отмечается в «Wealth of nations» [«Богатство народов»]. Обманутый кажущимся беспристрастием Адама Смита, который отлично знал своего Юма и Стюарта, честный Макларен замечает: «Теория зависимости цен от размеров денежного обращения до настоящего времени не привлекала к себе внимания; и доктор Смит, как и Локк (Локк колеблется в своих взглядах. — *К. М.*), усматривает в металлических деньгах не что иное, как только товар» (*MacLaren*, I, с., р. 44).

Исследования о деньгах были в XIX столетии непосредственно вызваны не явлениями металлического обращения, а, наоборот, явлениями банкнотного обращения. К первым обращались только для того, чтобы открыть законы последних. Приостановка размена банкнот на золото Английским банком с 1797 г., последовавшее затем повышение цен многих товаров, падение монетной цены золота ниже его рыночной цены, обесценение банкнот, особенно с 1809 г., все это послужило непосредственным практическим поводом для борьбы партий в парламенте и для теоретического турнира вне парламента, причем и то и другое отличалось одинаковою страстностью. Историческим фоном для этих дебатов служили: история бумажных денег в XVIII столетии, крах банка Ло, идущее параллельно с возрастанием количества знаков стоимости обесценение провинциальных банкнот в английских колониях Северной Америки с начала до середины XVIII столетия; потом, позднее, — бумажные деньги (*continental bills*), навязанные посредством закона американским центральным правительством во время войны за независимость, и, наконец, проведенный в еще большем масштабе опыт французских ассигнатов. Большинство английских писателей того времени смешивает банкнотное обращение, которое определяется совершенно другими законами, с обращением знаков стоимости, или государственных бумажных денег с принудительным курсом; заявляя, что явления этого принудительного обращения они объясняют из законов металлического обращения, они на самом деле, наоборот, абстрагируют законы последнего из явлений первого. Мы оставляем в стороне всех этих многочисленных писателей периода 1800 — 1809 гг. и обращаемся прямо к Рикардо как потому, что он подытоживает своих предшественников и острее формулирует их взгляды, так и потому, что теория денег в том виде, который он ей придал, господствует в английском банковом законодательстве до настоящего времени. Рикардо, как и его предшественники, смешивает обращение банкнот, или кредитных денег, с обращением простых знаков стоимости. Для него важнейшим фактом является обесценение бумажных денег и одновременное возрастание товарных цен. Чем американские рудники были для Юма, тем для Рикардо были станки для печатания бумажных денег на Thread-needle street, и в одном месте он сам открыто отождествляет оба эти фактора. Его первые произведения, посвященные исключительно денежному вопросу, относятся к периоду ожесточеннейшей полемики между Английским банком, на стороне которого стояли министры и военная партия, и его противниками, вокруг которых группировалась парламентская оппозиция, виги и партия мира.

Эти произведения явились прямыми предшественниками знаменитого доклада комитета о слитках 1810 г., в котором были приняты взгляды Рикардо*. То странное обстоятельство, что Рикардо и его сторонники, объявляющие деньги простым знаком стоимости, называются «бульонистами» (сторонниками золотых слитков), объясняется не только названием этого комитета, но и самим содержанием учения Рикардо. В своем труде по политической экономии Рикардо повторил и далее развил те же взгляды, нигде, однако, не исследуя денег самих по себе, как он это сделал относительно меновой стоимости, прибыли, ренты и т. д.

Рикардо определяет сначала стоимость золота и серебра, как и стоимость всех других товаров, количеством овеществленного в них рабочего времени**. В золоте и серебре, как в товарах определенной стоимости, и измеряются стоимости всех других товаров***. Следовательно, количество средств обращения в какой-нибудь стране определяется стоимостью единицы измерения денег, с одной стороны, и суммой меновых стоимостей товаров — с другой. Это количество видоизменяется благодаря экономии в способах расчета****. Так как, следовательно, количество, в котором могут обращаться деньги данной стоимости, составляет определенную величину и их стоимость проявляется в самом процессе обращения только в их количестве, то простые знаки стоимости денег, если они выпущены в пропорции, определяемой стоимостью денег, могут в обращении замещать последние; и действительно, «денежное обращение находится в самом совершенном состоянии, когда оно состоит исключительно из бумажных

* *David Ricardo*, The high price of bullion a proof of the depreciation of bank-notes, 4 edition, London 1811 (первое издание появилось в 1809 году). Далее: Reply to Mr. Bosanquets practical observations on the report of the bullion committee, London 1811.

** *David Ricardo*, On the principles of political economy etc., p. 77: «Стоимость благородных металлов, как и стоимость всех других товаров, зависит исключительно от общего количества труда, необходимого для получения металла и доставки его на рынок [см. *Рикардо*, Начала политической экономии, русск. перев., изд. 1908 г., стр. 47. *Ред.*]

*** L. c., p. 77, 180, 181 [см. русск. перев., стр. 47 — 48, 122, 123].

**** *Ricardo*, l. c., p. 421: «Количество денег, которое может быть употребляемо в стране, зависит от их стоимости; если бы в обращении находилось одно только золото, его требовалось бы в пятнадцать раз меньше, нежели серебра, если бы употреблялось только последнее [см. русск. перев., стр. 238]. Смотри также *Ricardo*, Proposals for an economical and secure currency, London 1816, p. 17, 18, где он говорит: «Количество обращающихся банкнот зависит от количества их, необходимого для обращения страны, а последнее определяется стоимостью единицы измерения денег, суммой платежей и экономией в их реализации».

денег одинаковой стоимости с тем золотом, которое они должны представлять»*. Таким образом, до сих пор Рикардо определяет количество средств обращения — предполагая стоимость денег данной — ценами товаров, и деньги как знак стоимости означают для Рикардо знак определенного количества золота, а не, как для Юма, не имеющего стоимости представителя товаров.

Там, где Рикардо внезапно сворачивает с ровного пути своего изложения и переходит к противоположному взгляду, он тотчас же обращается к международному обращению благородных металлов, запутывает таким образом проблему привнесением в нее чуждых точек зрения. Следуя за внутренним ходом его мыслей, мы сперва отбросим в сторону все искусственные, случайные обстоятельства и поэтому перенесем золотые и серебряные рудники внутрь тех стран, где благородные металлы обращаются как деньги. Единственное положение, вытекающее из предыдущего изложения Рикардо, заключается в том, что при данной стоимости золота количество обращающихся денег определяется товарными ценами. Следовательно, масса обращающегося в стране в данный момент золота определяется просто меновой стоимостью обращающихся товаров. Предположим теперь, что сумма этих меновых стоимостей уменьшается, либо потому, что производится меньше товаров по прежним меновым стоимостям, либо потому, что вследствие увеличения производительной силы труда та же самая товарная масса имеет меньшую меновую стоимость. Или предположим, наоборот, что сумма меновых стоимостей увеличивается, потому что увеличивается масса товаров при неизменяющихся издержках производства или потому, что в результате уменьшения производительной силы труда стоимость той же самой или даже меньшей товарной массы возросла. Что же станет в обоих случаях с *данным* количеством обращающегося металла? Если золото есть деньги только потому, что оно находится в обороте как средство обращения, если оно вынуждено оставаться всегда в обращении, как выпущенные государством бумажные деньги с принудительным курсом (а их имеет в виду Рикардо), то количество обращающихся денег в первом случае будет чрезмерно большим в отношении к меновой стоимости металла; во втором случае оно стояло бы ниже своего нормального уровня. Поэтому, хотя золото одарено собственной стоимостью, оно в первом случае станет знаком металла более низкой меновой стоимости, чем его собственная, а во втором случае — знаком металла более высокой стоимости. В первом случае золото как знак стоимости

* *Ricardo, Principles of political economy*, p. 432, 433 [см. русск. перев. стр. 245. *Ред.*].

будет стоять ниже, во втором случае — выше своей действительной стоимости (опять-таки вывод из области бумажных денег с принудительным курсом). В первом случае было бы то же самое, как если бы товары расценивались в металле более низкой стоимости, чем золото, во втором случае — в металле более высокой стоимости. Поэтому в первом случае товарные цены поднялись бы, во втором случае упали бы. В обоих случаях движение товарных цен, их повышение или падение, было бы следствием относительного расширения или сокращения массы обращающегося золота выше или ниже уровня, соответствующего его собственной стоимости, т. е. выше или ниже нормального количества, определяемого отношением между его собственной стоимостью и стоимостью товаров, которые должны быть приведены в обращение.

Тот же самый процесс имел бы место, если бы сумма цен обращающихся товаров оставалась неизменною, но масса обращающегося золота стояла ниже или выше правильного уровня: первое — если бы износившиеся в обращении золотые монеты не замещались соответствующим новым производством рудников, последнее — если бы новый приток из рудников превысил потребности обращения. В обоих случаях предполагается, что издержки производства золота или его стоимость остаются неизменными.

Резюмируем. Обращающиеся деньги находятся на нормальном уровне, если количество их, при данной меновой стоимости товаров, определяется их собственной металлическою стоимостью. Они превышают этот уровень, золото опускается ниже своей собственной металлической стоимости и цены товаров возрастают, если сумма меновых стоимостей товарной массы уменьшается или если приток золота из рудников увеличивается. Количество денег опускается ниже своего нормального уровня, золото поднимается выше своей собственной металлической стоимости и товарные цены падают, если сумма меновых стоимостей товарной массы увеличивается или если приток золота из рудников не замещает массы изнашивающегося золота. В обоих случаях обращающееся золото есть знак стоимости, большей или меньшей стоимости, чем сколько оно действительно содержит. Оно может стать переоцененным или обесцененным знаком самого себя. Как только все товары начнут расцениваться в этой новой стоимости денег и все товарные цены соответственно поднимутся или упадут, количество находящегося в обращении золота станет опять соответствовать потребностям обращения (вывод, который Рикардо подчеркивает с особым удовольствием), но в противоречии с издержками производства благородных металлов и, следовательно,

с отношением их как товара к другим товарам. В соответствии с теорией Рикардо о меновой стоимости вообще, повышение стоимости золота выше его меновой стоимости, т. е. стоимости, определяемой содержащимся в нем рабочим временем, повлечет увеличение производства золота до тех пор, пока его увеличенный приток не понизит его стоимости снова до нормальной величины. Наоборот, падение золота ниже его стоимости повлечет сокращение его производства до тех пор, пока его стоимость не поднимется опять до своей нормальной величины. Благодаря этим противоположным движениям противоречие между металлическою стоимостью золота и стоимостью его как средства обращения будет разрешено, нормальный уровень обращающейся массы золота будет восстановлен, и уровень товарных цен будет снова соответствовать мере стоимостей. Эти колебания в стоимости обращающегося золота распространятся в такой же мере и на золото в слитках, так как, согласно предположению, все золото, не употребляемое в качестве предметов роскоши, находится в обращении. Так как само золото, будь то в форме монеты или в форме слитков, может стать знаком большей или меньшей стоимости, чем его собственная металлическая стоимость, то понятно, что и находящиеся в обращении разменные банкноты разделяют ту же участь. Хотя банкноты разменны, и, следовательно, их реальная стоимость соответствует их номинальной стоимости, совокупная масса обращающихся денег, золота и банкнот, вместе взятых (*the aggregate currency consisting of metal and of convertible notes*), может быть оценена выше или ниже своей стоимости вследствие того, что совокупное их количество, по изложенным выше основаниям, поднимается выше или падает ниже того уровня, который определяется меновой стоимостью обращающихся товаров и металлическою стоимостью золота. Неразменные же бумажные деньги с этой точки зрения обладают лишь тем преимуществом, что они могут обесцениваться вдвойне. Они могут упасть ниже стоимости металла, который они должны представлять, вследствие того, что они выпущены в слишком большом количестве, или же они могут упасть вследствие того, что представляемый ими металл упал ниже своей собственной стоимости. Это обесценение, — не бумажных денег по сравнению с золотом, а золота и бумажных денег вместе взятых, или совокупной массы средств обращения данной страны, — представляет собою одно из главных открытий Рикардо, которое лорд Оверстон и К^о поставили себе на службу и сделали основным принципом банкового законодательства сэра Роберта Пили 1844 и 1845 годов.

Что должно было быть доказано, так это то, что цена товаров

или стоимость золота зависит от количества обращающегося золота. Доказательство же состоит в предположении того, что должно быть доказано, а именно, что любое количество благородного металла, служащего в качестве денег, — каково бы ни было отношение этого количества металла к его внутренней стоимости, — должно сделаться средством обращения, монетою и, следовательно, знаком стоимости для обращающихся товаров, какова бы ни была совокупная сумма стоимости этих товаров. Другими словами, доказательство состоит в отвлечении от всех других функций, выполняемых деньгами, кроме их функции средства обращения. Прижатый к стене, как, напр., в своей полемике с Бозанкетом, Рикардо, находясь всецело под впечатлением факта обесценения знаков стоимости в зависимости от их количества, прибегает к догматическим утверждениям*.

Если бы Рикардо абстрактно развил эту теорию в том виде, как мы это сделали, без привнесения конкретных отношений и случайных пунктов, отвлекающих от самого вопроса, то пустота этой теории выступила бы ярким образом. Но он придает всему делу *международный* характер. Однако легко показать, что кажущаяся грандиозность масштаба ничуть не изменяет ничтожности основных идей.

Итак, первое положение было следующее: количество обращающихся металлических денег нормально, если оно определяется суммой стоимостей обращающихся товаров, оцененной в металлической стоимости этих денег. В международном масштабе это положение гласит: при нормальном состоянии обращения каждая страна обладает массой денег, соответствующей ее богатству и ее промышленности. Деньги обращаются по своей действительной стоимости или по стоимости, соответствующей их издержкам производства; это значит, что они имеют одинаковую стоимость во *всех странах***.

Поэтому деньги никогда не должны были бы вывозиться или ввозиться из одной страны в другую***. Таким образом, имело бы место равновесие между *currencies* (совокупными массами обращающихся денег) в различных странах. Нормальный уровень национального

* *David Ricardo*, Reply to Mr. Bosanquets practical observations etc., p. 49: «Что товары повышаются или падают в цене пропорционально увеличению или уменьшению количества денег, — я считаю фактом, не подлежащим спору».

** *David Ricardo*, The high price of bullion etc., p. 4: «Деньги будут иметь одинаковую стоимость во всех странах». В своих «Началах политической экономии» Рикардо видоизменил это положение, но не таким образом, чтобы это имело здесь значение.

*** L. c., p. 3 — 4.

сиггенсу [денежного обращения] выражен теперь в виде интернационального равновесия между сиггенсіес, и в сущности этим сказано лишь то, что национальность ничего не изменяет во всеобщем экономическом законе. Мы пришли теперь снова к тому же роковому пункту, что и раньше. Каким образом нарушается нормальный уровень, т. е. каким образом нарушается международное равновесие между сиггенсіес, или каким образом деньги перестают иметь одинаковую стоимость во всех странах, или, наконец, каким образом они перестают иметь в любой стране свою собственную стоимость? Подобно тому как раньше нормальный уровень нарушался из-за того, что масса обращающихся денег возрастала или уменьшалась при неизменяющейся сумме товаров, стоимостей, или из-за того, что количество обращающихся денег оставалось неизменным при возрастании или уменьшении меновых стоимостей товаров, точно так же теперь международный уровень, определяемый стоимостью самого металла, нарушается из-за того, что масса находящегося в данной стране золота возрастает вследствие открытия в ней новых рудников*, или из-за того, что сумма меновых стоимостей обращающихся товаров в какой-нибудь отдельной стране возросла или уменьшилась. Подобно тому как раньше производство благородных металлов уменьшалось или увеличивалось смотря по тому, было ли необходимо сократить или расширить сиггенсу и соответственно понизить или повысить товарные цены, точно так же действуют теперь вывоз и ввоз из одной страны в другую. В стране, где цены возрастут и стоимость золота вследствие переполненного денежного обращения упадет ниже его металлической стоимости, золото обесценится по сравнению с другими странами, и, следовательно, цены товаров, по сравнению с другими странами, повысятся. Золото поэтому будет вывозиться, а товар ввозиться. В обратном случае будет иметь место обратное. Как раньше производство золота продолжалось до тех пор, пока не восстанавливалось правильное соотношение стоимости между металлом и товарами, так теперь ввоз или вывоз золота, а вместе с этим повышение или падение товарных цен, будут продолжаться до тех пор, пока не восстановится снова равновесие в международных сиггенсіес. Как в первом случае производство золота увеличивалось или уменьшалось только потому, что золото стояло выше или ниже своей стоимости, точно так же только по этой причине будет иметь место международное перемещение золота. Как в первом случае каждое изменение в производстве золота

* *David Ricardo, The high price of bullion etc., p. 4.*

влияло на количество обращающегося металла и тем самым на цены, так теперь будет влиять международный ввоз и вывоз золота. Как только была бы восстановлена относительная стоимость золота и товаров, или нормальное количество средств обращения, в первом случае перестало бы иметь место дальнейшее производство золота, а во втором случае — дальнейший вывоз и ввоз золота, кроме необходимого для замещения изношенных монет и потребления промышленности, изготавливающей предметы роскоши. Отсюда следует, что «соблазн вывозить золото в качестве эквивалента за товары или неблагоприятный торговый баланс никогда не могут иметь место иначе, как лишь вследствие чрезмерного количества средств обращения»*. Только обесценение или слишком высокая оценка металла вследствие расширения или сокращения массы средств обращения выше или ниже нормального уровня вызвали бы ввоз или вывоз металла**. Далее отсюда вытекает следующее: так как в первом случае производство золота увеличивается или уменьшается, а во втором случае золото ввозится или вывозится только потому, что его количество стоит выше или ниже его нормального уровня и оно оценивается выше или ниже своей металлической стоимости, и, стало быть, товарные цены стоят слишком высоко или слишком низко, — то каждое такое движение действует как корректирующее средство*** благодаря тому, что оно посредством расширения или сокращения обращающихся денег приводит цены опять к их нормальному уровню, в первом случае к уровню стоимости золота и товаров, во втором случае — к международному уровню *suppléments*. Другими словами, деньги обращаются в различных странах лишь постольку, поскольку они в каждой стране обращаются в качестве монеты. Деньги представляют собою только монету, и поэтому находящееся в данной стране количество золота должно вступить в обращение, и, следовательно, оно может, в качестве знака своей собственной стоимости, подняться выше или упасть ниже своей стоимости. Таким образом, мы окольным путем запутанного международного денежного обращения благополучно достигли опять простого догмата, образующего исходный пункт.

Как Рикардо насильственным образом подбирает действительные явления в духе своей абстрактной теории, — покажут некоторые

* «Неблагоприятный торговый баланс никогда не возникает иначе, как только вследствие чрезмерного денежного обращения» (*Ricardo*, I. c., p. 11, 12).

** «Вывоз монеты вызывается ее дешевизною и является не следствием, а причиною неблагоприятного баланса» (I. c., p. 14).

*** L. c., p. 17.

примеры. Он утверждает, напр., что во времена неурожая, весьма частых в Англии в период от 1800 до 1820 г., золото вывозилось не потому, что имелась нужда в хлебе, — а золото есть деньги, т. е. всегда действительное покупательное и платежное средство на мировом рынке, — а потому, что золото обесценилось в своей стоимости по сравнению с другими товарами и, следовательно, сценсу страны, в которой имеет место неурожай, обесценилось по сравнению с другими национальными сценсу. Именно потому, что неурожай уменьшил массу обращающихся товаров, данное количество обращающихся денег превысило нормальный уровень, и вследствие этого повысились все товарные цены*. В противоположность этому парадоксальному объяснению, было статистически доказано, что с 1793 г. до последнего времени в случае неурожая в Англии наличное количество средств обращения оказывалось не чрезмерным, а недостаточным, и поэтому в обращении находилось и должно было находиться больше денег, чем прежде**.

Равным образом Рикардо утверждал во время наполеоновской континентальной блокады и английского закона о блокаде, что англичане вывозят на континент золото вместо товаров по той причине, что их деньги обесценились по сравнению с деньгами континентальных стран, их товары вследствие этого стоят относительно выше в цене, и, таким образом, более выгодной торговой спекуляцией было вывозить золото вместо товаров. По его мнению, Англия

* *Ricardo*, I. c., p. 74, 75: «Англия в результате неурожая окажется в положении страны, лишившейся части своих товаров и поэтому требующей меньшего количества средств обращения. Денежное обращение, которое раньше соответствовало платежам, окажется теперь чрезмерно обильным и сравнительно обесценится пропорционально уменьшению производства. Вывоз этой суммы, следовательно, приведет опять стоимость денежного обращения в соответствие со стоимостью денежного обращения других стран». Смещение денег и товара, а также денег и монеты, обнаруживается смехотворным образом в следующем положении Рикардо: «Если бы можно было предположить, что после неурожая, когда Англии необходим необычайно большой ввоз зерна, какая-нибудь другая нация обладает избытком этого продукта, но не нуждается ни в каких других товарах, то, бесспорно, подобная нация не станет вывозить свое зерно в обмен на товары. Но также не будет она вывозить зерно за деньги, так как деньги — товар, в котором все нации нуждаются не абсолютно, а лишь относительно» (I. c., p. 75). В поэме Пушкина отец героя никак не может понять, что товар — деньги. Но что деньги представляют собою товар, это русские поняли уже давно, что доказывается не только ввозом хлеба в Англию в 1838 — 1842 гг., но и всей историей их торговли.

** Ср. *Thomas Tooke*, *History of prices*, и *James Wilson*, *Capital, currency and banking*. (Последняя книга представляет собою перепечатку статей, появившихся в 1844, 1845 и 1847 гг. в «*London Economist*».)

была тем рынком, где товары были дороги и деньги дешевы, тогда как на континенте товары были дешевы и деньги дороги. «Фактом была, — говорит один английский писатель, — разорительно низкая цена наших фабрикатов и колониальных продуктов под влиянием континентальной блокады в последние шесть лет войны. Например, цены на сахар и кофе были на континенте в золотом выражении в четыре или пять раз выше, чем те же цены в Англии, выраженные в банкнотах. Это было время, когда французские химики изобрели свекловичный сахар и заменили кофе цикорием, а в это самое время английские фермеры делали опыты откармливания быков патокою и сиропом; когда Англия овладела Гельголандом, чтобы устроить здесь складочный пункт для товаров с целью облегчения контрабандной торговли с севером Европы, и когда легкие сорта британских фабрикатов искали для себя путь в Германию через Турцию... Почти все товары земного шара были накоплены в наших товарных складах и лежали там неподвижно, кроме тех случаев, когда небольшое количество продавалось на основании французской лицензии, за которую гамбургские и амстердамские купцы уплачивали Наполеону от 40 000 до 50 000 фунтов стерлингов. Это были, должно быть, забавные купцы, если они платили такие суммы за разрешение перевезти партию товара с дорогого рынка на дешевый! Какая очевидная альтернатива стояла перед купцом? Либо купить кофе по 6 пенсов в банкнотах за фунт и отправить его на место, где оно непосредственно могло быть продано по 3 или 4 шиллинга в золоте, либо купить золото по цене в 5 ф. ст. в банкнотах за унцию и переслать его в место, где оно расценивалось в 3 ф. ст. 17 ш. 10¹/₂ пенсов. Следовательно, нелепо сказать, что пересылка золота вместо кофе представляла более выгодную торговую операцию... Ни в одной стране в мире нельзя было в то время получить такое большое количество нужных товаров, как в Англии. Бонапарт постоянно внимательно следил за английскими преysкурантами. Пока он находил, что золото в Англии дорого, а кофе дешево, он был доволен действием своей континентальной системы*». Как раз в то время, когда Рикардо впервые выдвинул свою теорию денег и комитет о слитках включил эту теорию в свой парламентский доклад, в 1810 г. имело место разорительное падение цен на все английские товары по сравнению с 1808 и 1809 гг., в то время как золото сравнительно поднялось в своей стоимости. Исключение составляли продукты сельского хозяйства, так

* *James Deacon Hume, Letters on the cornlaws. London 1834, p. 29—31.*

как ввоз их из-за границы наталкивался на препятствия, а количество их, находившееся внутри страны, уменьшилось вследствие неурожаев*. Рикардо настолько не понимал роли благородных металлов как международного платежного средства, что мог в своем выступлении перед комитетом палаты лордов (1819 г.) заявить: «Требования на монету для вывоза совершенно прекратятся, как только будут восстановлены платежи наличными и денежное обращение будет возвращено к своему металлическому уровню». Он умер как раз во время, перед началом кризиса 1825 г., который показал ошибочность его пророчества. Период, к которому относится литературная деятельность Рикардо, вообще мало способствовал наблюдению функции благородных металлов как мировых денег. До введения континентальной системы торговый баланс был почти всегда благоприятным для Англии, во время же этой системы сделки с европейским континентом были слишком незначительны, чтобы влиять на английский вексельный курс. Пересылки денег носили преимущественно политический характер, и Рикардо, повидимому, совершенно не понимал той роли, которую в английском экспорте золота играли денежные субсидии**.

Среди современников Рикардо, образовавших школу последователей начал его политической экономии, наиболее значительным является *Джеймс Милль*. Он попытался изложить теорию денег Рикардо на основе простого металлического обращения, без не относящихся сюда осложняющих международных моментов, за которыми Рикардо скрывал несостоятельность своих взглядов, и без всякого полемического отношения к операциям Английского банка. Основные положения его следующие***:

«Стоимость денег равна пропорции, в которой их обменивают на другие предметы, или количеству денег, которое отдают в обмен за определенное количество других вещей. Это отношение определяется совокупным количеством находящихся в данной стране денег. Если мы предположим на одной стороне все товары данной страны, а на другой — все ее деньги, то очевидно, что при обмене обеих этих сторон стоимость денег, т. е. количество товаров, на которое они обмениваются, целиком зависит от количества самих денег. Совершенно так же обстоит дело в действительном ходе вещей. Совокупная масса товаров данной страны не обменивается сразу на совокупную

* *Thomas Tooke, History of prices etc. London 1848, p. 110.*

** Ср. *W. Blake*, цитированные выше «*Observations*» etc.

*** *James Mill, Elements of political economy.* В тексте дан перевод с французского перевода *J. T. Parissot, Paris 1823.*

массу денег, но товары обмениваются частями, и часто весьма малыми частями, в различное время в течение года. Та же самая монета, которая сегодня послужила для одного обмена, может завтра служить для другого. Одна часть денег употребляется для большего числа актов обмена, другая — для очень малого, а третья часть накапливается и совсем не служит для обмена. Среди этих вариаций существует средний уровень, основанный на числе актов обмена, для которых была бы употреблена каждая монета, если бы каждая из них реализовала одинаковое число актов обмена. Установим это среднее число произвольно, напр. 10. Если каждая находящаяся в стране монета послужила для 10 покупок, то это то же самое, как если бы совокупная масса монет удесятирилась и каждая из них служила бы только для одной покупки. В этом случае стоимость всех товаров равна десятикратной стоимости денег и т. д. Если бы, наоборот, вместо того, чтобы каждая монета служила в течение года для 10 покупок, удесятирилась совокупная масса денег и каждая монета совершала бы лишь один обмен, то ясно, что всякое увеличение этой массы вызвало бы соответственное уменьшение стоимости каждой монеты в отдельности. Так как предположено, что масса всех товаров, на которые деньги могут обмениваться, остается неизменною, то стоимость всей массы денег после увеличения их количества не стала больше, чем она была до этого. Если предположить увеличение на одну десятую, то стоимость каждой части совокупной массы, напр. одной унции, должна уменьшиться на одну десятую часть. Какова бы, следовательно, ни была степень уменьшения или увеличения совокупной массы денег, если количество других вещей остается неизменным, то стоимость общей массы и каждой из ее частей испытывает обратно пропорциональное уменьшение или увеличение. Ясно, что это положение представляет собой абсолютную истину. Всегда, когда стоимость денег испытывала повышение или падение и когда количество товаров, на которые их можно было обменивать, и быстрота обращения денег оставались неизменными, — это изменение должно было иметь своею причиною относительное увеличение или уменьшение денег и не может быть приписано никакой другой причине. Если уменьшается масса товаров, в то время как количество денег остается неизменным, то происходит то же самое, как если бы увеличилась общая сумма денег, и наоборот. Подобные же изменения являются результатом каждого изменения в быстроте обращения денег. Каждое увеличение числа оборотов монеты производит такое же действие, как и увеличение общего количества денег; уменьшение числа этих оборотов вызывает непосредственно обратное

действие... Если какая-нибудь часть годовичного производства совсем не поступает в обмен, как, напр., то, что потребляют сами производители, то эта часть не принимается в расчет. Так как она не обменивается на деньги, то по отношению к деньгам она как бы вообще не существует... Пока увеличение и уменьшение денег может свободно иметь место, общее количество денег, находящихся в стране, регулируется стоимостью благородных металлов... Но золото и серебро суть товары, стоимость которых, как и всех остальных товаров, определяется издержками их производства, количеством содержащегося в них труда»*.

Все остроумие Милля сводится к ряду столь же произвольных, как и нелепых предположений. Он хочет доказать, что цена товаров или стоимость денег определяются «совокупным количеством денег, находящихся в данной стране». Если *предполагают*, что масса и меновая стоимость обращающихся товаров остаются неизменными, равно как скорость обращения и определяемая издержками производства стоимость благородных металлов, и если, несмотря на это, *предполагают*, что вместе с тем количество *обращающихся* металлических денег увеличивается или уменьшается по отношению к массе *существующих* в стране денег, то действительно «очевидно», что здесь предполагается именно то, что имелось в виду доказать. Впрочем, Милль впадает в ту же ошибку, что и Юм, когда он пускает в обращение потребительные стоимости, а не товары с определенной меновой стоимостью, и поэтому его положение ложно, даже если согласиться со всеми его «предположениями». Скорость обращения может остаться неизменной, равно как стоимость благородных металлов, а также *количество* обращающихся товаров, и, тем не менее, вместе с изменением меновой стоимости последних для их обращения потребуются то большее, то меньшее количество денег. Милль видит тот факт, что одна часть существующих в стране денег обращается, тогда как другая лежит неподвижно. Но при помощи в высшей степени забавного среднего расчета он *предполагает*, что на самом деле все находящиеся в стране деньги обращаются, хотя в действительности это, повидимому, иначе. Если предположить, что в данной стране 10 миллионов серебряных талеров обращаются дважды в течение года, то, если бы каждый талер совершил только одну покупку, могло бы обращаться 20 миллионов. И если общая сумма находящегося в стране серебра во всех его формах составляет 100 миллионов талеров, то можно предположить, что эти 100 миллионов могли бы обращаться, если бы каждая

* L. с., p. 128 — 136 *passim*.

монета осуществляла одну покупку в пять лет. Можно было бы также предположить, что деньги всего мира обращаются в Гемпстеде, но каждая часть их, вместо, скажем, трех оборотов в течение года, совершает один оборот в 3 000 000 лет. Одно предположение совершенно так же важно, как и другое, для определения соотношения между суммой товарных цен и количеством средств обращения. Милль чувствует, что для него решающее значение имеет сопоставить товары непосредственно не с тем количеством денег, которое находится в обращении, но с совокупным запасом денег, существующим в стране в данный момент. Он признает, что совокупная масса товаров страны «не сразу» обменивается на совокупную массу денег, но что различные части товаров обмениваются на различные части денег в различные периоды года. Чтобы устранить это несоответствие, он *предполагает*, что таковое не существует. Впрочем, все это представление о непосредственном противопоставлении товаров и денег и их непосредственном обмене выведено из движения простых покупок и продаж или из функции денег как покупательного средства. Уже в движении денег как платежного средства это одновременное появление товара и денег исчезает.

Торговые кризисы XIX столетия, особенно большие кризисы 1825 и 1836 гг., не вызвали дальнейшего развития теории денег Рикардо, но вызвали новое ее применение. Теперь это были уже не единичные экономические явления, — как обесценение благородных металлов в XVI и XVII столетиях у Юма или обесценение бумажных денег в течение XVIII и в начале XIX столетий у Рикардо, — а великие бури мирового рынка, в которых разряжался конфликт всех элементов буржуазного процесса производства; их происхождение и способы борьбы с ними искали в самой поверхностной и абстрактной сфере этого процесса, в сфере денежного обращения. Собственно теоретическая предпосылка, из которой исходит эта школа делателей экономической погоды, состоит в сущности не в чем ином, как в догме, будто Рикардо открыл законы чисто металлического обращения. Им лишь оставалось подвести под эти законы кредитное и банкнотное обращение.

Наиболее всеобщее и бросающееся в глаза явление товарных кризисов, это — внезапное всеобщее падение товарных цен, следующее за довольно длительным всеобщим их повышением. Всеобщее падение товарных цен может быть выражено как повышение относительной стоимости денег по сравнению со всеми товарами, а всеобщее повышение цен, наоборот, — как падение относительной стоимости денег. В обоих способах выражения явление лишь

названо, но не объяснено. Ставлю ли я задачу объяснить всеобщее периодическое повышение цен, сменяющееся всеобщим их падением, или же я формулирую ту же самую задачу так: объяснить периодическое падение и повышение относительной стоимости денег по сравнению с товарами, — эта различная фразеология точно так же оставляет задачу неизменной, как это было бы при ее переводе с немецкого языка на английский. Поэтому теория денег Рикардо пришлась необычайно кстати, ибо она придает тавтологии видимость причинного отношения. Отчего происходит периодическое падение товарных цен? От периодического повышения относительной стоимости денег. Отчего, наоборот, происходит всеобщее периодическое повышение товарных цен? От периодического падения относительной стоимости денег. С таким же правом можно было бы сказать, что периодическое повышение и падение цен происходит от их периодического повышения и падения. В самой постановке задачи заключается предпосылка, что имманентная стоимость денег, т. е. их стоимость, определяемая издержками производства благородных металлов, остается *неизменной*. Если эта тавтология должна быть чем-то большим, чем тавтология, то она покоится на непонимании элементарнейших понятий. Если меновая стоимость А, измеряемая в В, падает, то мы знаем, что это может происходить как от падения стоимости А, так и от повышения стоимости В. Точно так же и обратно, если меновая стоимость А, измеряемая в В, повышается. Но если только согласиться о превращении тавтологии в причинное отношение, то все остальное вытекает с большою легкостью. Повышение товарных цен происходит от падения стоимости денег, падение же стоимости денег, как мы знаем от Рикардо, происходит от переполнения денежного обращения, т. е. от того, что масса обращающихся денег превышает урсвень, определяемый их собственной имманентною стоимостью и имманентною стоимостью товаров. Точно так же, наоборот, всеобщее падение товарных цен происходит от повышения стоимости денег выше их имманентной стоимости вследствие недостаточно заполненного денежного обращения. Следовательно, цены периодически повышаются и падают потому, что периодически в обращении находится слишком много или слишком мало денег. Если же будет доказано, что повышение цен совпадало с уменьшившимся денежным обращением, а падение цен — с увеличенным обращением, то можно будет, несмотря на это, утверждать, что, вследствие некоторого, хотя бы статистически недоказуемого уменьшения или увеличения обращающейся товарной массы, количество обращающихся денег, хотя не абсолютно, но относительно возросло или упало. Мы уже видели, что,

по мнению Рикардо, эти всеобщие колебания цен должны иметь место и при чисто металлическом обращении, но выравниваются благодаря своему чередованию; так, напр., недостаточное денежное обращение вызывает падение товарных цен, это падение товарных цен — вывоз товаров за границу, этот вывоз влечет за собою прилив денег в страну, а последний, в свою очередь, возрастание товарных цен. Обратное происходит при переполненном денежном обращении, когда ввозятся товары и вывозятся деньги. Хотя эти всеобщие колебания цен вытекают из самой природы металлического обращения, как его понимал Рикардо, однако их бурная и насильственная форма, форма кризисов, присуща периодам развитого кредита; поэтому ясно, как день, что выпуск банкнот не регулируется точно по законам металлического обращения. Металлическое обращение обладает своим лекарством в виде импорта и экспорта благородных металлов, которые немедленно в качестве монеты вступают в обращение и таким образом своим приливом или отливом заставляют товарные цены падать или подыматься. Такое же действие на товарные цены должны теперь искусственно оказывать банки путем подражания законам металлического обращения. Если золото притекает из-за границы, то это доказывает, что денежное обращение не заполнено, что стоимость денег стоит слишком высоко, а товарные цены — слишком низко; следовательно, банкноты должны быть брошены в обращение пропорционально вновь ввозимому золоту. Наоборот, они должны изыматься из обращения пропорционально количеству золота, отливающему из страны. Другими словами, выпуск банкнот должен регулироваться в соответствии с импортом и экспортом благородных металлов или с вексельным курсом. Ложная предпосылка Рикардо, будто золото есть только монета и будто все ввозимое золото увеличивает поэтому количество обращающихся денег и тем самым повышает цены, а все вывозимое золото уменьшает количество монеты и тем самым понижает цены, — эта теоретическая предпосылка становится здесь *практическим экспериментом, предписывающим выпускать в обращение столько монеты, сколько в данный момент имеется в наличности золота*. Лорд Оверстон (банкир Джонс-Лойд), полковник Торренс, Норман, Клей, Арбутнот и множество других писателей, известных в Англии под названием школы «*surgency principle*», не только проповедывали эту доктрину, но через посредство банковых актов сэра Роберта Пили 1844 — 1845 гг. сделали ее основой существующего английского и шотландского банкового законодательства. Позорное фиаско этой доктрины, как теоретическое, так и практическое, после

экспериментов в крупнейшем национальном масштабе, может быть изложено только в учении о кредите*. Однако уже теперь видно, как теория Рикардо, обособляющая деньги в их текучей форме средства обращения, кончает тем, что приписывает приливу и отливу благородных металлов такое абсолютное воздействие на буржуазную экономику, которое никогда не снилось суеверной монетарной системе. Таким образом Рикардо, объявляющий бумажные деньги наиболее совершенную форму денег, стал пророком бульонистов.

После того как теория Юма, или абстрактная противоположность монетарной системе, была таким образом развита до последних ее выводов, конкретное понятие денег Стюарта было, в заключение, опять восстановлено в своих правах *Томасом Туком***. Тук выводит свои принципы не из какой-нибудь теории, но из добросовестного анализа истории товарных цен за время с 1793 до 1856 года. В первом издании своей «Истории цен», появившемся в 1823 г., Тук находится еще целиком под влиянием теории Рикардо и тщательно старается согласовать факты с этой теорией. Его памфлет «On the currency», который вышел после кризиса 1825 г., может быть даже рассматриваем как первое последовательное изложение взглядов, которым Оверстон впоследствии придал силу. Однако дальнейшие исследования в области истории товарных цен заставили Тука понять, что та прямая связь между ценами и количеством средств обращения, которая предполагалась указанною теориею, — простая

* За несколько месяцев до начала всеобщего торгового кризиса 1857 г. заседала комиссия палаты общин для исследования действия банковых законов 1844 и 1845 годов. Лорд Оверстон, теоретический отец этих законов, в своей речи перед комиссией изливал следующий поток похвал: «Благодаря точному и быстрому выполнению принципов акта 1844 г. все совершалось регулярно и без затруднений; денежная система прочна и непоколебима, процветание страны бесспорно, вера публики в мудрость акта 1844 г. с каждым днем возрастает. Если бы комиссия пожелала дальнейших практических доказательств здравости принципов, на которых покоится этот акт, или благотельных результатов, обеспеченных им, то правильным и достаточным ответом комиссии были бы слова: взгляните вокруг себя; посмотрите на теперешнее положение торговли в стране, посмотрите на довольство народа, на богатство и процветание всех классов общества, — и после этого пусть комиссия решает, должна ли она препятствовать дальнейшему действию акта, при котором достигнуты такие результаты». Так победно трубил Оверстон самому себе 14 июля 1857 г., а 12 ноября того же года министерство было вынуждено приостановить за свою ответственность действие чудотворного закона 1844 года.

** Сочинение Стюарта было Туку совершенно неизвестно, как это видно из его «History of prices from 1839 — 1847», London 1848, где он дает обзор истории теорий денег.

фантазия, что расширение и сокращение средств обращения, при неизменяющейся стоимости благородных металлов, есть всегда следствие, а не причина колебаний цен, что денежное обращение вообще есть только вторичное движение и что деньги в действительном процессе производства получают еще совершенно другие определенности формы, чем форма средства обращения. Детальные исследования Тука относятся к другой области, чем сфера простого металлического обращения, и потому не могут быть здесь рассмотрены, равно как принадлежащие к тому же направлению исследования *Вильсона* и *Фуллартона**. Все эти писатели понимают деньги не односторонне, а в их различных моментах, однако только вещественно, вне всякой живой связи этих моментов как между собою, так и с общюю системою экономических категорий. *Деньги*, в отличие от *средства обращения*, они поэтому ошибочно смешивают с *капиталом* или даже с товаром, хотя, с другой стороны, они при случае вынуждены признать отличие денег от того и другого**. Если, напр., золото посылается за границу, то в сущности за границу посылается капитал, но то же самое имеет место, когда экспортируется железо, хлопок, хлеб, — словом, любой товар. И то и другое есть капитал и различается поэтому между собою не как капитал, а как деньги и товар. Роль золота как международного средства обмена вытекает, таким образом, не из его определенности формы в качестве капитала, а из

* Наиболее значительным сочинением Тука, кроме «History of prices», изданной его сотрудником Ньюмарчем в шести томах, является «An inquiry into the currency principle the connexion of currency with prices etc.», 2 edition, 1844. Сочинение Вильсона мы уже цитировали. Наконец, остается еще упомянуть сочинение *John Fullarton*, On the regulation of currencies. 2 edition, London 1845.

** «Необходимо проводить различие между золотом как товаром, *т. е.* капиталом, и деньгами как средством обращения» (*Tooke*, An inquiry into the currency principle etc., p. 10). «Можно считать, что золото и серебро при их получении почти в точности покроют требуемую сумму... Золото и серебро обладают бесконечным преимуществом перед всеми другими товарами... благодаря тому обстоятельству, что они повсеместно употребляются в качестве монеты... Платежи долгов, внешних и внутренних, устанавливаются по договору обычно не в чае, кофе, сахаре или индиго, а в монете; и поэтому пересылка денег либо в тех самых монетах, которые обусловлены, либо в слитках, которые могут быть быстро превращены в данную монету на монетном дворе или на рынке той местности, куда они пересылаются, представляет для отправителя всегда наиболее верный, простой и точный способ уплаты, не подвергающий его риску потерпеть убыток вследствие недостатка спроса или колебаний цен» (*Fullarton*, l. c., p. 132, 133). «Всякий другой предмет (кроме золота и серебра) может по своему количеству или качеству оказаться не соответствующим обычному спросу той страны, куда он пересылается» (*Tooke*, An inquiry etc.).

его специфической функции денег. Точно так же, когда золото или вместо него банкноты функционируют как платежное средство во внутренней торговле, они вместе с тем представляют собою капитал. Но капитал в форме товара не мог бы стоять на их место, как это весьма наглядно показывают, напр., кризисы. Поэтому опять-таки отличие золота в качестве денег от товара, а не бытие его в качестве капитала, делает его платежным средством. Даже когда капитал экспортируется непосредственно как капитал, напр., когда определенная сумма стоимости отдается в ссуду за границу под проценты, то зависит от общей конъюнктуры, будет ли этот капитал экспортирован в форме товара или золота, и если он экспортируется в последней форме, то это происходит в силу специфической определенности формы благородных металлов в качестве денег, в отличие от товара. Вообще указанные писатели не рассматривают сначала деньги в том абстрактном виде, как они развиваются внутри простого товарного обращения и вырастают из отношений самих товаров, совершающих процесс. Поэтому они постоянно колеблются между абстрактными определенностями формы, которыми деньги обладают в отличие от товара, и теми определенностями формы денег, в которых скрываются более конкретные отношения — напр., капитал, доход и т. п.*.

* Превращение денег в капитал будет нами рассмотрено в третьей главе, трактующей о капитале и составляющей конец настоящего первого отдела.

ВВЕДЕНИЕ К «К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ»

ВВЕДЕНИЕ К «К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ».

I. ПРОИЗВОДСТВО, ПОТРЕБЛЕНИЕ, РАСПРЕДЕЛЕНИЕ, ОБМЕН (ОБРАЩЕНИЕ).

1. Производство.

Данный предмет, это прежде всего — *материальное производство*.

Индивиды, производящие в обществе, — а следовательно общественно-определенное производство индивидов, — таков, естественно, исходный пункт. Единичный и обособленный охотник и рыбак, с которых начинают Смит и Рикардо, принадлежат к лишенным фантазии выдумкам XVIII века. Это — робинзонады, которые отнюдь не выражают, — как воображают историки культуры, — лишь реакцию против чрезмерной утонченности и возвращение к ложно понятой природе. Подобно тому как и «Общественный договор» Руссо, который устанавливает путем договора взаимоотношение и связь между независимыми от природы субъектами, ни в малой степени не покоится на таком натурализме. Это — иллюзия, и лишь эстетическая иллюзия больших и малых робинзонад. Это, напротив, предвосхищение «буржуазного общества», которое подготовлялось с XVI века, а в XVIII — сделало гигантские шаги на пути к своей зрелости. В этом обществе свободной конкуренции отдельный человек выступает освобожденным от естественных связей и т. д., которые в прежние исторические эпохи делали его принадлежностью определенного ограниченного человеческого конгломерата. Пророкам XVIII века, на плечах которых еще целиком стоят Смит и Рикардо, этот индивид XVIII века, — продукт, с одной стороны, разложения феодальных общественных форм, а с другой — развившихся с XVI века новых производительных сил, — представляется идеалом, существование которого относится к прошлому, — не результатом истории, а ее исходным пунктом; потому что соответствующий природе индивид, согласно их воззрению на человеческую природу, казалось, не возник исторически,

а положен самой природой. Это заблуждение было до сих пор свойственно каждой новой эпохе. Стюарт, который во многих отношениях, в противоположность XVIII веку, стоит, как аристократ, на исторической почве, избежал этой ограниченности.

По мере того как мы углубляемся в историю, тем в большей степени индивид, а следовательно, и производящий индивид, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому: сначала еще в совершенно естественной форме в семье и в семье, развившейся в род; затем в возникающем из столкновения и слияния родов обществе в его различных формах. Лишь в XVIII веке, в «буржуазном обществе», различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности просто как средство для ее частных целей, как внешняя необходимость. Однако эпоха, которая порождает эту позицию — обособленного индивида, — есть как раз эпоха наиболее развитых общественных (с этой точки зрения всеобщих) связей. Человек есть в самом буквальном смысле *zoon politikon*, не только общительное животное, но животное, которое только в обществе и может обособляться. Производство обособленного индивида вне общества, — редкий случай, который может произойти с цивилизованным человеком, случайно заброшенным в необитаемую местность и динамически уже носящим в себе общественные силы, — такая же бессмыслица, как развитие языка без *совместно* живущих и разговаривающих между собой индивидов. На этом можно больше не останавливаться. Этого пункта можно было бы вовсе не затрагивать, если бы нелепости, вполне понятные у людей XVIII века, не были снова всерьез притянуты в новейшую экономию Бастиа, Кэри, Прудона и т. д. Прудону и другим, конечно, очень приятно объяснять историко-философски происхождение какого-либо экономического отношения, исторического возникновения которого он не знает, путем создания мифов о том, будто Адаму и Прометею данная идея явилась в готовом и законченном виде, а затем она была введена и т. д. Нет ничего более сухого и скучного, чем фантазирующее *locus communis* [общее место].

Таким образом, если речь идет о производстве, то всегда о производстве на определенной ступени общественного развития — о производстве общественных индивидов. Может поэтому казаться, что для того, чтобы вообще говорить о производстве, мы должны либо проследить процесс исторического развития в его различных фазах, либо с самого начала заявить, что мы имеем дело с определенной исторической эпохой, стало быть, напр., с современным буржуазным производством, которое в сущности является, соб-

ственно, нашей темой. Однако все эпохи производства имеют некоторые общие признаки, некоторые общие определения. *Производство вообще*, это — абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно подчеркивает общее, фиксирует его и избавляет нас таким образом от повторений. Между тем это *всеобщее* или выделенное путем сравнения общее само есть нечто, многократно расчлененное, и выражается в различных определениях. Кое-что из этого принадлежит всем эпохам, другое — обще лишь некоторым. [Некоторые] определения общи как для новейшей, так и для древнейшей эпохи. Без них немыслимо никакое производство; однако, хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, но именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие. Определения, которые действительно для производства вообще, должны быть выделены именно для того, чтобы из-за единства, которое вытекает уже из того, что субъект — человечество — и объект — природа — одни и те же, не было забыто существенное различие. В забвении этого заключается, напр., вся мудрость современных экономистов, которые доказывают вечность и гармонию существующих социальных отношений, которые доказывают, напр., что никакое производство невозможно без орудия производства, хотя бы этим орудием была только рука, что никакое производство невозможно без предшествующего накопленного труда, хотя бы этот труд был всего лишь сноровкой, которую рука дикаря приобрела и накопила путем повторяющихся упражнений. Капитал есть, между прочим, также орудие производства, — он есть также прошедший, объективированный труд. Стало быть, капитал есть всеобщее, вечное естественное отношение; это получится, если я отброшу как раз то специфическое, что одно лишь делает «орудие производства», «накопленный труд» капиталом. Вся история производственных отношений представляется поэтому, напр., у Кэри лишь фальсификацией, злокозненно учиненной правительствыми.

Если не существует производства вообще, то не существует также всеобщего производства. Производство есть всегда особая отрасль производства, напр. земледелие, скотоводство, мануфактура и т. д., или оно есть совокупность. Однако политическая экономия — не технология. Отношение всеобщих определений производства на данной общественной ступени к особым формам производства надлежит развить в другом месте (впоследствии).

Наконец, производство не есть только особенное производство. Но всегда имеется определенный общественный организм,

общественный субъект, действующий внутри более или менее обширной совокупности отраслей производства. Отношение научного изложения к реальному движению опять-таки сюда еще не относится. Производство вообще. Особые отрасли производства. Целостность производства.

В экономии вошло в моду предпосылать общую часть, которая как раз фигурирует под заголовком «производство» (см., напр., Дж.-Ст. Милля) и где рассматриваются *всеобщие условия* всякого производства.

Эта общая часть состоит или должна будто бы состоять:

1) Из условий, без которых производство невозможно, т. е. являющихся таким образом в сущности не чем иным, как существенными моментами всякого производства. Это сводится, однако, в сущности, как мы увидим, к немногим очень простым определениям, которые размазываются в плоских тавтологиях.

2) Из условий, которые более или менее способствуют производству, как, напр., прогрессирующее и стагнирующее состояние общества у Адама Смита.

Чтобы эти моменты, имеющие у него в качестве кратких замечаний свою ценность, поднять до научного значения, были бы необходимы исследования о *развитии степеней производительности* у отдельных народов, которые лежат, собственно, вне границ нашей темы; поскольку же входят в нее, они должны быть отнесены к главам о конкуренции, накоплении и т. д. В общей же постановке ответ сводится к общему положению, что промышленная нация обладает высшей ступенью своего производства в тот момент, когда она вообще находится на высшей точке своего исторического развития. И действительно, высота промышленного развития народа [имеет место] до тех пор, пока главным для него является не прибыль (Gewinn), а процесс добывания (Gewinnen). Постольку янки стоят выше англичан. Или же, что, напр., известные расовые особенности, климат, естественные условия, как близость к морю, плодородие почвы и т. д., более благоприятны для производства, чем другие. Это опять сводится к тавтологии, что богатство тем легче создается, чем в большей степени имеются налицо его субъективные и объективные его элементы.

Однако все это вовсе не то, о чем действительно идет речь у экономистов в этой общей части. Производство, наоборот, — смотри, напр., Милля, — должно, в отличие от распределения и т. д., быть представлено как заключенное в рамки независимых от истории вечных законов природы; при этом удобном случае *буржуазные*

отношения совершенно незаметно подсовываются в качестве непреложных естественных законов общества *in abstracto* [в абстрактном виде]. Такова более или менее сознательная цель этого приема в целом. При распределении, напротив, люди якобы позволяют себе всякого рода произвол. Не говоря уже о грубом разрыве действительного отношения между производством и распределением, сразу должно броситься в глаза, что каким бы различным ни было распределение на различных ступенях общественного развития, о нем, так же как и о производстве, могут быть выставлены общие положения, и все исторические различия опять-таки могут быть смешаны и стерты в *общечеловеческих* законах. Например, раб крепостной, наемный рабочий — все получают известное количество пищи, которое дает им возможность существовать как рабу, как крепостному, как наемному рабочему. Завоеватель, живущий за счет дани, или чиновник, живущий за счет налогов, или землевладелец — за счет ренты, или монах — за счет милостыни, или левит — за счет десятины, — все они получают долю общественного производства, которая определяется другими законами, чем доля рабов и т. д. Оба основных пункта, которые все экономисты ставят под этой рубрикой, — это: 1) собственность, 2) ее обеспечение судами, полицией и т. д. На это можно весьма кратко возразить.

ad 1. Всякое производство есть присвоение индивидом предметов природы внутри и посредством определенной общественной формы. В этом смысле будет тавтологией сказать, что собственность (присвоение) есть условие производства. Смешно, однако, делать отсюда прыжок к определенной форме собственности, напр. к частной собственности (что к тому же предполагает в качестве условия противоположную форму — *отсутствие собственности*). История, наоборот, показывает нам коллективную собственность (напр., у индусов, славян, древних кельтов и т. д.) как первоначальную форму, — форму, которая под видом общинной собственности еще долго играет значительную роль. Мы здесь еще вовсе не касаемся вопроса о том, развивается ли богатство успешнее при той или другой форме собственности. Но что ни о каком производстве, а стало быть, ни о каком обществе, не может быть речи там, где не существует никакой формы собственности, — это тавтология. Присвоение, которое не присваивает, есть *contradictio in subjecto* [противоречие в самом себе].

ad 2. Обеспечение приобретенного и т. д. Если эти тривиальности свести к их действительному содержанию, они скажут больше, чем знают их проповедники. Именно, что каждая форма

производства порождает свойственные ей правовые отношения, формы правления и т. д. Грубость и отсутствие понимания в том и заключается, что органически между собой связанные явления ставятся в случайные взаимоотношения и в чисто рассудочную связь. Перед буржуазными экономистами при этом витает лишь представление, что при современной полиции можно лучше производить, чем, наир., при кулачном праве. Они забывают только, что и кулачное право есть право и что право сильного продолжает жить в другой форме также и в их «правовом государстве».

Когда общественные отношения, соответствующие определенной ступени производства, только возникают или когда они уже исчезают, естественно происходят нарушения производства, хотя в различной степени и различного действия.

Резюмируя: есть определения, общие всем ступеням производства, которые фиксируются мышлением как всеобщие; однако так называемые *всеобщие условия* всякого производства суть не что иное, как эти абстрактные моменты, с помощью которых ни одной действительной исторической ступени производства понять нельзя.

2. Общее отношение производства к распределению, обмену, потреблению.

Прежде чем продолжать дальнейший анализ производства, необходимо обратить внимание на те различные рубрики, которые ставят рядом с ним экономисты.

Первое поверхностное представление [сводится к следующему]: в процессе производства члены общества приспособляют (создают, преобразуют) продукты природы к человеческим потребностям; распределение устанавливает пропорцию, в которой каждый индивид принимает участие в произведенном; обмен доставляет ему те определенные продукты, на которые он хочет обменять доставленную ему распределением долю; наконец, в потреблении продукты становятся объектами использования, индивидуального присвоения. Производство создает предметы, соответствующие потребностям; распределение распределяет их согласно общественным законам; обмен снова распределяет уже распределенное согласно отдельным потребностям; наконец, в потреблении продукт выпадает из этой общественной циркуляции и становится непосредственно предметом и слугой отдельной потребности и удовлетворяет ее в процессе использования. Производство выступает, таким образом, исходным пунктом, потребление — конечным пунктом, распределение и обмен — серединой, которая в свою очередь

заключает в себе два момента, поскольку распределение есть момент, отправляющийся от общества, а обмен — от индивида. В производстве личность объективируется, в личности ¹ вещь субъективируется; в распределении общество принимает на себя, в виде господствующих всеобщих законов, посредничество между производством и потреблением, в обмене они опосредствуются случайной определенностью индивида.

Распределение определяет отношение (количество), в котором продукты достаются индивидам; обмен определяет те продукты, в которых индивид требует ту часть, которая досталась ему при распределении.

Производство, распределение, обмен, потребление образуют, таким образом, настоящий силлогизм: производство составляет в нем всеобщность, распределение и обмен — особенность, а потребление — единичность, замыкающую собою целое. Это, конечно, [своего рода] связь, но поверхностная. Производство [согласно учению экономистов] определяется всеобщими законами природы, распределение — общественной случайностью, оно может поэтому влиять на производство более или менее благоприятно; обмен лежит между ними обскими как формально общественное движение, а заключительный акт потребления, который рассматривается не только как конечный пункт, но также и как конечная цель, лежит, собственно, вне экономики, кроме лишь того, что он обратно влияет на исходный пункт и вновь дает начало всему процессу.

Противники экономистов, — будь то противники из среды этой самой науки или извне ее, — упрекающие экономистов в варварском разрывании на части единого целого, либо стоят с ними на одной и той же почве, либо *ниже* их. Нет ничего более обычного, чем упрек, будто экономисты слишком выдвигают производство, рассматривая его как самоцель. Распределение, мол, имеет такое же большое значение. В основе этого упрека лежит как раз представление экономистов, будто распределение существует как самостоятельная, независимая сфера рядом с производством. Или [им делают упрек], что все моменты не охватываются в их единстве. Как будто бы этот разрыв проник не из действительности в учебники, а, наоборот, из учебников — в действительность, как будто бы здесь дело идет о диалектическом примирении понятий, а не о понимании реальных отношений!

¹ Маркс, вероятно, имеет в виду личное потребление. *Ред.*

а) *Производство есть непосредственно также и потребление.*

Двойное потребление — субъективное и объективное. Индивид, который развивает свои способности в процессе производства, также расходует, потребляет их в акте производства, точно так, как естественный акт создания потомства представляет собой расходование жизненных сил. Во-вторых: [производство есть] потребление средств производства, которые поступают в пользование, снашиваются, а отчасти (как, напр., при сжигании) распадаются на основные элементы. Точно так же [обстоит дело] с потреблением сырого материала, который не сохраняет своего естественного вида и свойств, а, наоборот, утрачивает их. Поэтому акт производства, во всех своих моментах, есть также акт потребления. Однако все это экономисты подтверждают. Производство, непосредственно отождествляющееся с потреблением, потребление, непосредственно совпадающее с производством, они называют *производительным потреблением*. Эта идентичность производства и потребления сводится к положению Спинозы: «*determinatio est negatio*» [определение есть отрицание]. Однако это определение производительного потребления устанавливается только для того, чтобы отделить потребление, идентичное с производством, от собственно потребления, которое, наоборот, мыслится как уничтожающая противоположность производства. Итак, рассмотрим собственно потребление.

Потребление есть непосредственно также и производство, подобно тому как в природе потребление элементов и химических веществ есть производство растения. Что, напр., в процессе питания, представляющем собою одну из форм потребления, человек воспроизводит свое собственное тело, — это совершенно ясно; но это же приложимо и ко всякому другому виду потребления, который с той или другой стороны, каждый в своем роде, воспроизводит человека. [Это] — потребительное производство. Однако, говорит политическая экономия, это идентичное с потреблением производство есть второй вид производства, происходящий из уничтожения продукта первого. В первом производитель овеществляет себя, во втором — персонифицируется произведенная им вещь. Таким образом, это потребительное производство, — хотя оно есть непосредственное единство производства и потребления, — существенно отличается от собственно производства. Непосредственное единство, в котором производство совпадает с потреблением и потребление — с производством, не уничтожает их непосредственной раздвоенности.

Итак, производство есть непосредственно потребление, потребление — непосредственно производство. Каждое непосредственно является своей противоположностью. Однако в то же время между обоими имеет место опосредствующее их движение. Производство делает возможным потребление, для которого оно создает материал, без чего у потребления отсутствовал бы объект. Однако и потребление делает возможным производство, ибо только оно создает для продуктов субъекта, для которого они и являются продуктами. Продукт получает свое последнее завершение¹ только в потреблении. Железная дорога, по которой не ездят, которой не пользуются, которая не потребляется, есть железная дорога только *dynami*², а не в действительности. Без производства нет потребления, однако и без потребления нет производства, так как производство было бы в таком случае бесцельно. Потребление создает производство в двояком отношении:

1) Тем, что только (*erst*) в потреблении продукт становится действительно продуктом, напр. платье становится действительно платьем лишь тогда, когда его носят; дом, в котором не живут, фактически не является домом; таким образом, продукт, в отличие от простого предмета природы, оказывается пригодным, *становится* продуктом только в потреблении. Потребление, уничтожая продукт, этим самым дает ему завершение, ибо продукт есть [результат] производства не только как овеществленная деятельность, но лишь как предмет для действующего субъекта.

2) Тем, что потребление создает потребность в *новом* производстве, стало быть, идеальное, внутренне-побуждающее начало производства, которое есть его предпосылка. Потребление создает побуждение к производству, оно полагает также и предмет, который в качестве цели определяющим образом воздействует на производство. И если ясно, что производство предоставляет потреблению предмет в его внешней форме, то точно так же ясно, что потребление *полагает* предмет производства *идеально* как внутренний образ, как потребность, как побуждение и как цель. Оно создает предметы производства в их еще субъективной форме. Без потребности нет производства. Но именно потребление воспроизводит потребность.

Этому соответствует со стороны производства то, что оно:

¹ Маркс употребляет термин *finish*, что означает: последняя отделка, завершение. *Ред.*

² Т. е. по заключающейся в ней возможности, которая должна еще реализоваться. *Ред.*

1) Доставляет производству¹ материал, предмет. Потребление без предмета не есть потребление. Таким образом, с этой стороны производство создает, порождает потребление.

2) Однако производство создает для потребления не только предмет, — оно дает потреблению его определенность, его характер, его завершение. Так же как потребление давало продукту его завершение в качестве продукта, так производство дает завершение потреблению. *Прежде всего*, предмет не есть предмет вообще, а определенный предмет, который должен быть потреблен определенным способом, опять-таки предуказанным самим производством. Голод есть голод, однако голод, который удовлетворяется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, который заставляет проглатывать сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов. Не только предмет потребления, но также и способ потребления создается, таким образом, производством, не только объективно, но также и субъективно. Производство, таким образом, создает потребителя.

3) Производство не только доставляет потребности материал, но оно доставляет и материалу потребность. Когда потребление выходит из своей первоначальной природной грубости и непосредственности, — а длительное пребывание его на этой ступени было бы, в свою очередь, результатом закосневшего в первобытной дикости производства, — то оно само, как побуждение, опосредствуется предметом. Потребность, которую оно в нем ощущает, создана восприятием последнего. Предмет искусства, — а также всякий другой продукт, — создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой. Производство производит поэтому не только предмет для субъекта, но также и субъект для предмета.

Производство поэтому создает потребление: 1) производя для него материал, 2) определяя способ потребления, 3) тем, что возбуждает в потребителе потребность, предметом которой является созданный им продукт. Оно производит поэтому предмет потребления, способ потребления и импульс потребления. Точно так же потребление дает *установку* (*Anlage*), производителю, возбуждая в нем направленную на определенные цели потребность. Идентичность потребления и производства выступает, следовательно, трояко:

¹ Повидимому здесь описка, надо «потреблению», что явствует из дальнейшего изложения. *Ред.*

1. Непосредственная идентичность: производство есть потребление; потребление есть производство. Потребительное производство. Производительное потребление. Экономисты называют то и другое производительным потреблением, но делают еще одно различие: первое фигурирует как воспроизводство, второе — как производительное потребление. Все исследования относительно первого являются исследованиями о производительном или непроизводительном труде; исследования второго — исследованиями о производительном или непроизводительном потреблении.

2. То, что каждое из них выступает как средство для другого и совершается с его помощью, что выражается в их взаимной зависимости. Это — движение, в котором они вступают в отношения друг к другу, выступая необходимым условием одно для другого, но оставаясь еще внешними по отношению друг к другу. Производство создает материал как внешний предмет для потребления; потребление создает потребность как внутренний предмет, как цель для производства. Без производства нет потребления, без потребления нет производства, — [это положение] фигурирует в экономии в различных формах.

3. Производство — не только непосредственно потребление, а потребление — непосредственно производство; производство — не только средство для потребления, а потребление — цель для производства, т. е. каждое доставляет другому его предмет: производство — внешний предмет для потребления, потребление — мысленно представляемый предмет для производства. Каждое из них не только есть непосредственно другое и не только опосредствует другое, но каждое из них, совершаясь, создает другое, создает себя как другое. Потребление прежде всего завершает акт производства, придавая продукту законченность в качестве продукта, уничтожая его, потребляя его самостоятельно-вещную форму; усиливая посредством потребности повторения способность, развитую в первом акте производства, до степени искусства, оно, следовательно, не только тот завершающий акт, благодаря которому продукт становится продуктом, но и [тот], благодаря которому производитель становится производителем. С другой стороны, производство создает потребление, создавая определенный способ потребления и, далее, создавая притягательную силу потребления, способность потребления как потребность. Эта последняя, указанная под цифрой 3 идентичность, многократно разъясняется в политической экономии в отношении спроса и предложения, предметов и потребностей, потребностей естественных и созданных обществом,

Поэтому для гегельянца нет ничего проще, как отождествить производство и потребление. Это делается не только социалистическими беллетристами, но и самими экономистами, напр. Сэем, в той форме, что если мы станем рассматривать народ или также человечество *in abstracto*, то его производство будет его потреблением. Шторх доказал ошибку Сэя, напомнив, что народ не потребляет, напр., свой продукт целиком, но создает и средства производства, основной капитал и т. д. Кроме того, рассматривать общество как единый субъект значит рассматривать его неправильным образом — умозрительно. У единичного субъекта производство и потребление выступают как моменты одного акта. Здесь нужно подчеркнуть лишь самое важное, что если рассматривать производство и потребление как деятельность единого субъекта или многих индивидов, они во всяком случае выступают как моменты процесса, в котором производство есть действительный исходный пункт, а поэтому и господствующий момент. Потребление, в качестве нужды или потребности, само есть внутренний момент производительной деятельности, однако последняя есть исходный пункт реализации, а потому и ее господствующий момент, — акт, в котором весь процесс снова повторяется сначала. Индивид производит предмет и через его потребление возвращается опять к самому себе, но как производящий и воспроизводящий себя самого индивид. Потребление выступает, таким образом, как момент производства.

Но в обществе отношение производителя к продукту, поскольку он уже изготовлен, чисто внешнее, и возвращение продукта к субъекту зависит от отношения последнего к другим индивидам. Он не вступает в непосредственное владение продуктом. Точно так же непосредственное присвоение продукта не составляет его цели, если он производит в обществе. Между производителем и продуктом встает *распределение*, которое при помощи общественных законов определяет его долю в мире продуктов; оно становится, следовательно, между производством и потреблением.

Стоит ли распределение, как самостоятельная область, рядом с производством и вне его?

в) [*Производство и распределение*].

Если обратиться к обычным сочинениям по политической экономике, то прежде всего бросается в глаза, что все в них дается в двойном виде. Например, в распределении фигурируют земельная

рента, заработная плата, процент и прибыль, в то время как в производстве — земля, труд, капитал фигурируют как агенты производства. Относительно капитала с самого начала ясно, что его понятие устанавливается в двояком смысле: 1) как агента производства, 2) как источника дохода; процент и прибыль [выступают] как определяемые и в то же время определяющие формы распределения, поэтому [они] фигурируют как таковые еще в производстве, представляя собой те формы, в которых увеличивается, возрастает капитал, следовательно как моменты производства самого капитала. Процент и прибыль как формы распределения предполагают капитал как агент производства. Они — способы распределения, которые имеют своей предпосылкой капитал как агент производства. Они суть также способы воспроизводства капитала.

Заработная плата точно так же представляет собою наемный труд, рассматриваемый под другой рубрикой: та определенность, которую труд имеет здесь как агент производства, выступает [там] как определение распределения. Если бы труд не был определен как наемный труд, то и тот способ, которым он принимает участие в продуктах, не выступал бы в качестве заработной платы, как, напр., при рабстве. Наконец, земельная рента, — если взять сразу наиболее развитую форму распределения, в которой земельная собственность принимает участие в продуктах, — предполагает крупную земельную собственность (собственно говоря, крупное сельское хозяйство) в качестве агента производства, но не землю как таковую, так же как заработная плата [не имеет предпосылкой] труд как таковой. Отношения и способы распределения выступают поэтому лишь оборотными сторонами агентов производства. Индивид, принимающий участие в производстве в форме наемного труда, принимает в форме заработной платы участие в результатах производства, в продуктах. Структура (*Gliederung*) распределения вполне определяется структурой производства. Распределение само есть продукт производства, — не только в отношении предмета, ибо распределяться могут только результаты производства, — но и в отношении формы, ибо определенный способ участия в производстве определяет особую форму распределения, — форму, в которой каждый принимает участие в распределении. Полнейшая иллюзия, когда в производстве говорят о земле, в распределении — о земельной ренте и т. д.

Экономисты, как Рикардо, которых чаще всего упрекают в том, будто они имеют в виду лишь производство, рассматривали поэтому распределение как единственный предмет политической

экономии, ибо они инстинктивно избрали формы распределения как точнейшее выражение, в котором фиксируются агенты производства в данном обществе. По отношению к отдельному индивиду распределение выступает как общественный закон, определяющий его положение в сфере производства, внутри которой он производит, и, стало быть, предшествующий производству. Индивид не имеет с самого начала ни капитала, ни земельной собственности. От самого рождения общественным распределением ему предназначен наемный труд. Однако это предназначение само есть результат того, что капитал, земельная собственность существуют как самостоятельные агенты производства.

Если рассматривать целые общества, то представляется (*scheint*), будто распределение еще с одной стороны предшествует производству и определяет его в качестве как бы предэкономического факта. Народ-завоеватель разделяет землю между завоевавшими и устанавливает таким образом известное распределение и форму земельной собственности, а тем самым определяет и производство. Или он обращает побежденных в рабство и делает таким образом рабский труд основой производства. Или народ путем революции разбивает крупную земельную собственность на parcelлы и дает, следовательно, этим новым распределением новый характер производству. Или законодательство увековечивает земельную собственность в руках известных семей или распределяет труд как наследственную привилегию и фиксирует его таким путем в кастовом порядке. Во всех этих случаях, — а все они являются историческими, — кажется (*scheint*), что не распределение расчленяется и определяется в зависимости от производства, а, наоборот, производство расчленяется и определяется в зависимости от распределения.

Распределение в самом поверхностном понимании выступает как распределение продуктов и, таким образом, дальше отстоящим от производства и по отношению к нему якобы самостоятельным. Однако, прежде чем распределение есть распределение продуктов, оно есть: 1) распределение орудий производства и 2) — что представляет собою дальнейшее определение того же отношения — распределение членов общества по различным родам производства (подчинение индивидов определенным производственным отношениям). Распределение продуктов есть, очевидно, лишь результат этого распределения, которое заключено внутри самого процесса производства и которое определяет строение производства. Рассматривать производство независимо от этого, заключающегося в нем

распределения есть, очевидно, пустая абстракция, в то время как, наоборот, распределение продуктов дано само собою вместе с этим распределением, с самого начала составляющим момент производства. Рикардо, который стремился понять современное производство в его определенной социальной структуре и который является экономистом производства *par excellence* [по самому существу], именно поэтому объявляет *не* производство, а распределение, собственной темой современной экономики. Отсюда еще раз очевидна нелепость [позиции] экономистов, которые изображают производство в виде вечной истины, изгоняя историю в область распределения.

В каком отношении к производству находится это определяющее его распределение, есть, очевидно, вопрос, который относится к самому производству. Если скажут, что, по крайней мере, в данном случае, когда производство зависит от известного распределения орудий производства, распределение в этом последнем смысле предшествует производству и образует его предпосылку, то на это следует ответить, что производство действительно имеет свои предпосылки и условия, которые образуют собою его моменты. Последние могут сначала выступать как естественно выросшие. В самом процессе производства они превращаются из естественно выросших в исторические, и если для одного периода они выступали естественными предпосылками производства, то для другого они были историческим результатом. Внутри самого производства они постоянно изменяются. Например, применение машин изменило распределение как орудий производства, так и продуктов, а современная крупная земельная собственность сама есть результат как современной торговли и современной индустрии, так и применения последней к сельскому хозяйству.

Все намеченные выше вопросы сводятся в последнем счете к тому, каким образом общеисторические условия воздействуют на производство, и к отношению между производством и историческим развитием вообще. Вопрос, очевидно, относится к рассмотрению и развитию самого производства.

Однако в той тривиальной форме, в которой они выше намечены, на них можно дать столь же короткий ответ. При всех завоеваниях возможен троякий исход. Народ-завоеватель навязывает побежденным собственный способ производства (напр., англичане в этом столетии в Ирландии, отчасти в Индии); или он оставляет существовать старый и довольствуется данью (напр., турки и римляне); или происходит взаимодействие, из которого возникает новое,

синтез (отчасти при германских завоеваниях). Во всех случаях способ производства, будь то победителей, будь то побежденных, будь то возникший из соединения обоих, определяет собою то новое распределение, которое устанавливается. Хотя последнее выступает как предпосылка для нового периода производства, само оно опять-таки продукт производства — и не только исторического вообще, но определенного исторического способа производства.

Например, монголы при опустошении России действовали соответственно их способу производства; для скотоводства большие необитаемые пространства являются главным условием. Германские варвары, для которых земледелие при помощи крепостных было традиционным способом производства, так же как изолированная жизнь в деревне, тем легче могли подчинить этим условиям римские провинции, что происшедшая там концентрация земельной собственности уже совершенно опрокинула прежние отношения земледелия. Есть традиционный взгляд, будто в известные периоды люди жили исключительно грабежом. Однако, чтобы было возможно грабить, должно быть налицо нечто для грабежа, стало быть производство. И способ грабежа опять-таки определяется способом производства. Например, нация с развитой биржевой спекуляцией (*stockjobbing nation*) не может быть ограблена таким же способом, как пастушеский народ.

В лице раба похищается непосредственно орудие производства. Однако производство той страны, для которой он похищается, должно быть устроено так, чтобы допускать применение рабского труда, или (как в Южной Америке и т. д.) должен быть создан соответствующий рабскому труду способ производства.

Законы могут какое-либо средство производства, напр. землю, увековечить в руках известных семей. Эти законы только тогда получают экономическое значение, когда крупная земельная собственность находится в гармонии с общественным способом производства, как, напр., в Англии. Во Франции велось мелкое земледелие, несмотря на крупную земельную собственность, поэтому последняя и была разбита на куски революцией. А увековечение парцеллированной собственности, напр. путем законов? Вопреки этим законам, собственность снова концентрируется. Влияние законов, направленных к закреплению условий распределения, и их воздействие этим путем на производство следует определить особо.

с) *Наконец, обмен и обращение.*

Обращение само есть лишь определенный момент обмена, или обмен, рассматриваемый в целом, поскольку *обмен* есть лишь посредствующий момент между производством и обусловленным им распределением, с одной стороны, и потреблением, с другой стороны; но поскольку и потребление само выступает моментом производства, постольку, очевидно, и обмен заключен в последнем как один из его моментов.

Ясно, во-первых, что обмен деятельностей и способностей, который совершается в самом производстве, относится прямо к нему и составляет его сущность. Во-вторых, то же самое относится к обмену продуктов, поскольку он есть средство для производства готового продукта, предназначенного для непосредственного потребления. Постольку сам обмен есть акт, входящий в производство. В-третьих, взаимный обмен между производителями товаров (*der sogenannte exchange zwischen dealers and dealers*) по своей организации всецело определяется производством, равно как представляет собою деятельность, входящую в производство. Обмен выступает независимым и безразличным по отношению к производству только в последней стадии, когда продукт обменивается непосредственно для потребления. Однако 1) не существует обмена без разделения труда, будь последнее первобытным или само уже историческим результатом, 2) частный обмен предполагает частное производство, 3) интенсивность обмена, как и его распространение, как и его форма, определяются развитием и структурой производства, напр. обмен между городом и деревней, обмен в деревне, в городе и т. д. Обмен, таким образом, во всех своих моментах или непосредственно заключен в производстве, или определяется этим последним.

Результат, к которому мы пришли, заключается не в том, что производство, распределение, обмен и потребление — одно и то же, но что все они образуют собою части целого, различия внутри единства. Производство господствует как над самим собой в содержащем противоположности определении производства, так и над всеми другими моментами. С него процесс каждый раз начинается снова. Что обмен и потребление не могут иметь господствующего значения, — это ясно само собою. То же самое относится к распределению как к распределению продуктов. В качестве же распределения агентов производства оно само есть момент производства. Определенное производство обуславливает, таким образом,

определенное потребление, распределение, обмен, *определенные отношения этих различных моментов друг к другу*. Конечно, и производство *в его односторонней форме*, с своей стороны, определяется другими моментами. Например, когда расширяется рынок, т. е. сфера обмена, возрастают размеры производства и становится глубже его дифференциация. С изменением распределения изменяется производство, напр. с концентрацией капитала, с различным распределением населения между городом и деревней и т. д. Наконец, нужды потребления определяют производство. Между различными моментами происходит взаимодействие. Это бывает во всяком органическом целом.

3. Метод политической экономии.

Когда мы рассматриваем данную страну в политико-экономическом отношении, то мы начинаем с ее населения, его разделения на классы, распределения населения между городом, деревней и морскими промыслами, между различными отраслями производства, с вывоза и ввоза, годовичного производства и потребления, товарных цен и т. д.

Кажется правильным начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок, следовательно, напр., в политической экономии с населения, которое есть основа и субъект всего общественного процесса производства. Между тем при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным. Население, это — абстракция, если я, напр., оставлю в стороне классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю элементов, на которых они покоятся, напр. наемного труда, капитала и т. д. Эти последние предполагают обмен, разделение труда, цены и т. д. Капитал, напр., — ничто без наемного труда, без стоимости, денег, цены и т. д. Таким образом, если бы я начал с населения, то это было бы хаотическое представление о целом, и только путем более близких определений я аналитически подошел бы к все более и более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, к все более и более тощим абстракциям, пока не пришел бы к простейшим определениям. Отсюда пришлось бы пуститься в обратный путь, пока я не пришел бы, наконец, снова к населению, но уже не как к хаотическому представлению о целом, а как к богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями. Первый путь, это — тот, по которому политическая экономия исторически следовала при своем

возникновении. Экономисты XVII столетия, напр., всегда начинают с живого целого, с населения, нации, государства, нескольких государств и т. д., но они всегда заканчивают тем, что путем анализа выделяют некоторые определяющие абстрактные всеобщие отношения, как разделение труда, деньги, стоимость и т. д. Как только эти отдельные моменты были более или менее абстрагированы и зафиксированы, стали возникать экономические системы, которые восходят от простейшего, как труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость, к государству, международному обмену и мировому рынку. Последний метод, есть, очевидно, правильный в научном отношении. Конкретное потому конкретно, что оно есть сочетание многочисленных определений, являясь единством многообразного. В мышлении оно поэтому представляется как процесс соединения, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собою исходный пункт в действительности и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления. На первом пути полное представление испаряется до степени абстрактного определения; при втором же абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного путем мышления. Гегель поэтому впал в иллюзию, что реальное следует понимать как результат восходящего к внутреннему единству (*der sich in sich zusammenfassenden*), в себя углубляющегося и из себя развивающегося мышления, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно как конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного. Простейшая экономическая категория, например меновая стоимость, предполагает население, — население, производящее в определенных условиях, а также определенные формы семьи, общины или государства и т. д. Она не может существовать иначе, как абстрактное, одностороннее отношение уже данного конкретного живого целого.

Напротив, как категория, меновая стоимость ведет доидеальное существование. Поэтому для сознания, — а философское сознание отличается тем, что для него логическое мышление, это — действительный человек, и логически осознанный мир как таковой — действительный мир, — для сознания движение категорий выступает как действительный акт производства, — который лишь, к сожалению, получает толчок извне, — результатом которого является мир; и это постольку правильно, — здесь мы снова впадаем в тавтологию, — поскольку конкретная целостность, в качестве мысленной

целостности, мысленной конкретности, есть действительно продукт мышления, понимания; однако это ни в коем случае не продукт понятия, размышляющего и саморазвивающегося вне наглядного созерцания и представления, а переработка созерцания и представлений в понятии. Целое, как оно представляется в голове, как мыслимое целое, есть продукт мыслящей головы, которая осваивает себе мир единственным возможным для нее способом, способом, отличающимся от художественно-религиозно-практически-духовного освоения этого мира. Реальный субъект остается все время вне головы, существуя как нечто самостоятельное, и именно до тех пор, пока голова относится к нему лишь умозрительно, лишь теоретически. Поэтому и при теоретическом методе [политической экономии] субъект, т. е. общество, должно постоянно витать в нашем представлении как предпосылка.

Однако не имеют ли также эти простые категории независимого исторического или естественного существования раньше более конкретных категорий? Ça dépend [Смотря по обстоятельствам]. Например, Гегель правильно начинает философию права с владения как простейшего правового отношения субъекта. Но никакого владения не существует до семьи или до отношения господства и подчинения, которые суть гораздо более конкретные отношения. Поэтому было бы правильно сказать, что существуют семьи, роды, которые еще только *владеют*, но не имеют *собственности*. Более простая категория выступает, таким образом, как отношение первичных семейных или родовых сообществ к собственности. В более развитом обществе она выступает как более простое отношение развившегося организма. Однако более конкретный субстрат, отношение которого есть владение, постоянно предполагается. Можно представить себе владеющим единичного дикаря. Но тогда владение не есть правоотношение. Неверно, будто владение исторически развилось в семью. Наоборот, оно всегда подразумевает эту «более конкретную правовую категорию». Но, между тем, здесь остается доля истины, а именно, что простые категории суть выражения условий, в которых может реализоваться неразвившаяся конкретность, до установления более многостороннего отношения или связи, которые идеально выражаются в более конкретной категории, в то время как более развитая конкретность сохраняет эту же категорию как подчиненное отношение.

Деньги могут существовать и исторически существовали раньше капитала, раньше банков, раньше наемного труда и т. д. С этой стороны можно, стало быть, сказать, что более простая категория

может выражать собой господствующие отношения менее развитого целого или подчиненные отношения более развитого целого, [отношения], которые исторически уже существовали раньше, чем целое развилось в ту сторону, которая выражается в более конкретной категории. Постольку законы абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствуют действительному историческому процессу.

С другой стороны, можно сказать, что имеются весьма развитые и все-таки исторически менее зрелые общественные формы, где имеют место высшие формы политической экономии (*der Oekonomie*), например кооперация, развитое разделение труда и т. д., но не существует никаких денег, напр. Перу.

Точно так же у славянских общин деньги и обуславливающий их обмен или совсем не выступают, или играют незначительную роль внутри отдельных общин, но [встречаются] на границах последних, в сношениях с другими общинами; вообще ошибочно принимать обмен внутри одной и той же общины за первоначально конституирующий элемент. Наоборот, вначале он выступает в отношениях различных общин друг к другу раньше, чем в отношениях членов внутри одной и той же общины. Далее: хотя деньги начали играть роль очень рано и в различных отношениях, однако в древности они выступают как господствующий элемент только у односторонне определившихся наций, у торговых наций. И даже в наиболее развитой древности, у греков и римлян, полное развитие денег, которое составляет предпосылку современного буржуазного общества, выступает только в период разложения. Таким образом, эта совершенно простая категория исторически выступает в своей полной силе только в наиболее развитых состояниях общества. Она никоим образом не проникает во все экономические отношения; напр., в Римской империи, в период наибольшего ее развития, основу составляли натуральные подати и повинности. Денежное хозяйство было там вполне развито, собственно, только в армии, оно никогда не охватывало весь процесс труда в целом.

Итак, хотя более простая категория может исторически и существовать раньше более конкретной, но в своем полном интенсивном и экстенсивном развитии она может принадлежать только более сложным общественным формам, в то время как более конкретная категория была вполне развита и в менее развитой общественной формации.

Труд кажется совершенно простой категорией. Представление о

нем в этой всеобщности — как о труде вообще — также весьма древне. Однако «труд», экономически рассматриваемый в этой простой форме, есть столь же современная категория, как и отношения, которые порождают эту простейшую абстракцию. Монетарная система, напр., определяет богатство еще совершенно объективно, как вещь вне себя в деньгах. По отношению к этой точке зрения было большим прогрессом, когда мануфактурная или коммерческая система перенесла источник богатства из предмета в субъективную деятельность, в коммерческий и мануфактурный труд, хотя сама эта деятельность все еще понимается в ограниченной форме, а именно как производящая деньги. По отношению к этой системе физиократическая система [представляет дальнейший прогресс]; она полагает в качестве создающей богатство определенную форму труда — сельское хозяйство, а самый объект она видит уже не в денежной оболочке, но как продукт вообще, как всеобщий результат труда. Этот продукт, однако, соответственно ограниченному характеру деятельности, еще всегда представляет собой продукт с определенными природными свойствами, — продукт земледелия, продукт земли *par excellence*. Огромным прогрессом у Адама Смита было то, что он отбросил всякую определенность деятельности, порождающей богатство, — [поставив на это место] труд как таковой, не мануфактурный, не коммерческий, не сельскохозяйственный труд, а как тот, так и другой. Вместе с абстрактной всеобщностью деятельности, создающей богатство, [выступает] также всеобщность предмета, определенного как богатство, это — продукт вообще или опять-таки труд вообще, но уже как прошедший, овеществленный труд. Как труден и велик был этот переход, видно из того, как Адам Смит сам еще время от времени возвращается к физиократической системе. Могло бы показаться, что таким путем лишь найдено абстрактное выражение для простейшего и древнейшего отношения, в котором люди, при какой угодно общественной форме, выступают как производители. Это верно с одной стороны, но неверно — с другой.

Безразличие к определенному виду труда предполагает весьма развитую совокупность действительных видов труда, из которых ни один не есть более господствующий надо всем. Так вообще наиболее всеобщие абстракции возникают только в условиях богатого конкретного развития, где одно и то же свойство обще многим или всем элементам. Тогда оно перестает быть мыслимым только в особенной форме. С другой стороны, эта абстракция труда вообще есть не только духовный результат конкретной целостности работ. Безразличие к определенному виду труда соответствует общественной форме,

при которой индивиды с легкостью переходят от одного вида труда к другому и при которой какой-либо определенный труд является для них случайным и потому безразличным. Труд здесь, не только в категории, но и в действительности, стал средством создания богатства вообще и утратил свою специфическую связь с определенным индивидом. Такое состояние в наиболее развитом виде имеет место в наиболее современной из форм бытия буржуазного общества, в Соединенных Штатах. Таким образом, лишь здесь абстрактная категория «труда», «труда вообще», труда *sans phrase* [без оговорок], этот исходный пункт современной экономической науки, становится практически истинной. Итак, простейшая абстракция, которую современная экономия ставит во главу угла и которая выражает древнейшее отношение, имеющее силу для всех общественных форм, выступает, однако, в этой абстракции практически истинной только как категория наиболее современного общества. Можно было бы сказать, что то, что в Соединенных Штатах является историческим продуктом, — это безразличие к какому-либо определенному виду труда, — у русских, напр., есть врожденное качество. Однако, прежде всего, огромная разница: варвары ли могут быть ко всему приспособлены или цивилизованные люди сами себя ко всему приспособляют. А затем у русских этому безразличию к какому-либо определенному виду труда практически соответствует традиционная прикованность к вполне определенной работе, от которой их отрывают только внешние влияния.

Этот пример труда убедительно доказывает, что даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что именно благодаря своей абстрактности они имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой не в меньшей мере продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их.

Буржуазное общество есть наиболее развитая и многосторонняя историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его структуры (*Gliederung*), дают вместе с тем возможность проникновения в строение и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, частью продолжая влечь за собой их остатки, которые оно не успело преодолеть, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека и т. д. Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Наоборот, намеки на высшее у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если это высшее уже известно.

•

Буржуазная экономия дает нам, таким образом, ключ к античной и т. д. Но вовсе не в том смысле, как это понимают экономисты, которые стирают все исторические различия и во всех общественных формах видят формы буржуазные. Можно понять оброк, десятину и т. д., если известна земельная рента, однако нельзя их отождествлять с последней.

Так как, далее, буржуазное общество само есть только антагонистическая форма развития, то отношения предшествующих формаций встречаются в нем часто лишь в совершенно захиревшем или даже шаржированном виде, как, напр., общинная собственность. Поэтому, если правильно, что категории буржуазной экономики заключают в себе истину для всех других общественных форм, то это надо понимать лишь *cum grano salis*¹. Они могут содержать в себе последние в развитом, в искаженном, в карикатурном и т. д., во всяком случае в существенно измененном виде. Так называемое историческое развитие покоится вообще на том, что последующая форма рассматривает предыдущую как ступень к самой себе и всегда понимает ее односторонне, ибо лишь весьма редко и при вполне определенных условиях она бывает способна к самокритике; здесь, конечно, не идет речь о таких исторических периодах, которые сами себе представляются как времена распада. Христианская религия лишь тогда оказалась способной помочь объективному пониманию прежней мифологии, когда ее самокритика была до известной степени готова, так сказать, *dynamei*. Так и буржуазная экономия лишь тогда подошла к пониманию феодального, античного и восточного обществ, когда началась самокритика буржуазного общества. Поскольку буржуазная экономия не идентифицировала себя, впадая в мифологию, начисто с прошедшим, ее критика прежнего, именно феодального [общества], с которым ей непосредственно приходилось еще бороться, походила на критику, которую христианство совершало по отношению к язычеству или протестантизм по отношению к католицизму.

Как вообще во всякой исторической, социальной науке, при развитии экономических категорий нужно постоянно иметь в виду, что как в действительности, так и в голове здесь дан субъект, — в данном случае современное буржуазное общество, — и что категории выражают поэтому формы бытия, условия существования, часто только отдельные стороны этого определенного общества,

¹ Дословно: со щепоткой соли. Означает: с известным ограничением, не в полном смысле. *Ред.*

этого субъекта, и что поэтому [политическая экономия] в *научном отношении* никоим образом не начинается только там, где о ней *как таковой* идет речь. Это соображение следует иметь в виду, потому что оно сразу же дает решающие указания насчет разделения [предмета].

Например, ничто не кажется более естественным, как начать с земельной ренты, с земельной собственности, так как ведь она связана с землей, этим источником всякого производства и всякого бытия, и с земледелием, этою первоначальною формою производства во всех до некоторой степени прочно сложившихся обществах. Однако нет ничего более ошибочного. Каждая форма общества имеет определенное производство, которое преобладает над всеми и отношения которого поэтому определяют место и влияние всех остальных. Это — общее освещение, в котором утопают все остальные краски и которое модифицирует их в их особенностях. Это — особый эфир, который определяет удельный вес всякого существа, в нем находящегося.

Например, пастушеские народы (народы, занимающиеся исключительно охотой и рыболовством, лежат вне того пункта, где начинается действительное развитие). У них спорадически встречается известная форма земледелия. Этим определяется земельная собственность. Она коллективна и сохраняет эту форму в большей или меньшей степени, смотря по тому, в большей или в меньшей степени эти народы держатся своих традиций, напр. общинная собственность у славян. У народов с оседлым земледелием, — эта оседлость уже большой прогресс, — где земледелие преобладает, как в античном и феодальном обществе, сама промышленность, ее организация и соответствующие ей формы собственности имеют в большей или меньшей степени землевладельческий характер; [общество] или целиком зависит от земледелия¹, как у древних римлян, или, как в средние века, переносит принципы организации земледелия в города и в городские отношения. Даже капитал, — поскольку он не есть чисто денежный капитал, — имеет в средние века, в виде традиционных орудий ремесла и т. д., этот землевладельческий характер.

В буржуазном обществе дело обстоит наоборот. Земледелие все более и более становится только одной из отраслей промышленности и подпадает совершенно под господство капитала. Точно так же и земельная рента. Во всех формах, где господствует земельная

¹ В оригинале «от нее» («ihre»). *Ред.*

собственность, преобладают еще естественные отношения. В тех, где господствует капитал, — общественный, исторически созданный элемент. Земельная рента не может быть понята без капитала, но капитал вполне может быть понят без земельной ренты. Капитал, это — господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества. Он должен составлять как начальный, так и конечный пункт и должен быть разобран (*entwickelt* — развит) раньше земельной собственности. После того, как то и другое рассмотрено в отдельности, должно быть рассмотрено их взаимоотношение.

Таким образом, недопустимым и ошибочным было бы брать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они стоят друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствующим последовательности исторического развития. Речь идет не о том месте, которое исторически занимают экономические отношения в чередовании различных общественных форм. Еще меньше речь идет об их последовательности «в идее» (*Прудон*), которая есть лишь извращенное представление исторического процесса. Речь идет об их расчленении внутри современного буржуазного общества.

Чистота (абстрактная определенность), с которой в древнем мире выступают торговые народы — финикийцы, карфагеняне, — дана как раз самим преобладанием земледельческих народов. Капитал, как торговый или денежный капитал, выступает в такой абстракции именно там, где капитал еще не стал господствующим элементом общества. Ломбардцы и евреи занимали такое же положение по отношению к земледельческому обществу средневековья.

Дальнейшим примером различного положения, которое одни и те же категории занимают на различных ступенях общественного развития, служит следующее: одна из последних форм буржуазного общества, *акционерные компании*, выступает также и в начале последнего, в виде больших привилегированных и наделенных монополиями торговых компаний.

Само понятие народного богатства проскальзывает у экономистов XVII века лишь в том виде, — это представление отчасти сохраняется и у экономистов XVIII века, — что богатство создается только для государства, но что мощь последнего зависит от этого богатства. Это была еще та бессознательно-лицемерная форма, в которой само богатство и производство последнего возвещались

как цель современных государств и последние еще рассматривались лишь как средство для производства богатств.

Расчленение предмета, очевидно, должно быть таково: 1) Всеобщие абстрактные определения, которые именно поэтому более или менее относятся ко всем общественным формам, однако в выше разъясненном смысле. 2) Категории, которые образуют внутреннюю структуру буржуазного общества и на которых покоятся основные классы. Капитал, наемный труд, земельная собственность. Их отношения друг к другу. Город и деревня. Три больших общественных класса. Обмен между ними. Обращение. Кредит (частный). 3) Подытоживание (*Zusammenfassung*) буржуазного общества в форме государства. Рассматриваемое в отношении к самому себе. «Непроизводительные» классы. Налоги. Государственный долг. Государственный кредит. Население. Колонии. Эмиграция. 4) Международные условия производства. Международное разделение труда. Международный обмен. Вывоз и ввоз. Вексельный курс. 5) Мировой рынок и кризисы.

4. Производство. Средства производства и производственные отношения. Производственные отношения и условия общения. Формы государства и формы сознания в отношении к производственным отношениям и условиям общения. Правовые отношения. Семейные отношения.

Нотабене в отношении тех пунктов, которые следует здесь упомянуть и которые не должны быть забыты:

1. *Война* раньше достигла законченных форм, чем мир, [надлежит указать] способ, каким на войне и в армиях и т. д. раньше развились известные экономические отношения, как наемный труд, применение машин и т. д., чем внутри буржуазного общества. Точно так же и отношение между производительными силами и условиями общения особенно наглядно в армии.

2. *Отношение прежнего идеалистического метода в истории к реальному. А именно так называемая история культуры, вся история религий и государств.*

При этом можно также сказать кое-что о различных видах господствовавшего до сих пор изложения истории. Так называемый объективный метод. Субъективный (моральный и прочие). Философский.

3. *Второстепенное и третьестепенное.* Вообще производные, перенесенные, не первоначальные производственные отношения. Здесь [надлежит рассмотреть] влияние международных отношений.

4. *Упреки по поводу материализма такого рода понимания: отношение к натуралистическому материализму.*

5. *Диалектика понятий производительные силы (средства производства) и производственные отношения*, диалектика, границы которой подлежат определению и которая не уничтожает реального различия.

6. *Неодинаковое отношение развития материального производства, напр., к художественному*. Вообще понятие прогресса не следует брать в обычной абстракции. В вопросах искусства и т. д. эта диспропорция еще не так важна и не так трудна для понимания, как в сфере практических социальных отношений, напр. отношение образования Соединенных Штатов к Европе. Но собственно трудный пункт, который надлежит здесь разобрать, заключается в следующем: каким образом производственные отношения, как правовые отношения, вступают в неравное развитие. Следовательно, напр., отношение римского частного права (к уголовному и государственному праву это относится меньше) к современному производству.

7. *Это понимание выступает как необходимое развитие*. Однако признание прав за случаем *Varia*¹ (свобода и прочее). (Влияние средств сообщения.) Всемирная история существовала не всегда; история как всемирная история — результат.

8. *Исходный пункт, естественно, от природной определенности*: субъективно и объективно, племена, расы и т. д.

Относительно искусства известно, что определенные периоды его расцвета не находятся ни в каком соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации. Например, греки в сравнении с современными народами или также Шекспир. Относительно некоторых форм искусства, напр. эпоса, даже признано, что они в своей классической форме, составляющей эпоху в мировой истории, никогда не могут быть созданы, как только началось художественное производство как таковое; что, таким образом, в области самого искусства известные формы, имеющие крупное значение, возможны только на сравнительно низкой ступени художественного развития. Если это имеет место в области искусства в отношениях между различными его видами, то еще менее поразительно, что это обстоятельство имеет место в отношении всей области искусства к общему социальному развитию. Трудность заключается только в общей формулировке этих противоречий. Стоит лишь выделить каждое из них, и они уже объяснены. Возьмем, напр., от-

¹ В оригинале «*Va*». *Ред.*

Handwritten title or header text across the top of the page.

Handwritten text in a column, possibly a list or a single paragraph, enclosed in a rectangular border.

Handwritten text in a column, continuing the content from the previous section.

Снимок одной из страниц рукописи «Введения».

ношение греческого искусства и затем Шекспира к современности. Известно, что греческая мифология составляла не только арсенал греческого искусства, но и его почву. Разве тот взгляд на природу и на общественные отношения, который лежит в основе греческой фантазии, а потому и греческого [искусства], возможен при наличии сельфакторов, железных дорог, локомотивов и электрического телеграфа? Куда уж Вулкану потив Roberts & Co, Юпитеру против громоотвода и Гермесу против Crédit Mobilier! Всякая мифология преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображения; она исчезает, следовательно, с действительным господством над этими силами природы. Что стало бы с богиней Фамой при наличии Printinghousesquare? ¹ Предпосылкою греческого искусства является греческая мифология, т. е. природа и общественные формы, уже переработанные бессознательно-художественным образом народной фантазией. Это его материал. Но не любая мифология, т. е. не любая бессознательно художественная переработка природы (здесь под последнюю понимается все предметное, следовательно, включая общество). Египетская мифология никогда не могла бы быть почвой или материнским лоном греческого искусства. Но во всяком случае, именно мифология. Следовательно, отнюдь не такое развитие общества, которое исключает всякое мифологическое отношение к природе, всякое мифологизирование природы; которое, стало быть, требует от художника независимой от мифологии фантазии.

С другой стороны, возможен ли Ахиллес в эпоху пороха и свинца? Или вообще Илиада наряду с печатным станком и типографской машиной? И разве не исчезают неизбежно сказания, песни и музы, а тем самым и необходимые предпосылки эпической поэзии, с появлением печатного станка?

Однако трудность заключается не в том, чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны известными формами общественного развития. Трудность состоит в понимании того, что они еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном смысле сохраняют значение нормы и недостижимого образца.

Мужчина не может снова превратиться в ребенка или он становится ребячливым. Но разве не радуется его наивность ребенка и разве сам он не должен стремиться к тому, чтобы на высшей ступени воспроизводить свою истинную сущность. Разве в детской натуре в каждую эпоху не оживает ее собственный характер в его безыскусственной

¹ Типография «Times» в Лондоне. Фама — богиня молвы (Рим). *Ред.*

правде? И почему детство человеческого общества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень? Бывают невоспитанные дети и старчески умные дети. Многие из древних народов принадлежат к этой категории. Нормальными детьми были греки. Обаяние, которым обладает для нас их искусство, не стоит в противоречии с той неразвитой общественной ступенью, на которой оно выросло. Наоборот, оно является ее результатом и неразрывно связано с тем, что незрелые общественные отношения, при которых оно возникло, и только и могло возникнуть, никогда не могут повториться снова.

[Здесь рукопись обрывается.]

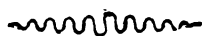
Фридрих Энгельс
САВОЙЯ, НИЦЦА И РЕЙН

Savoyen, Nizza

und

der Rhein.

Vom Verfasser von „No und Rhein.“

Berlin, 1860.

G. Behrend (Falkenberg'sche Verlagsbuchhandlung),
Lindenstraße Nr. 33.

Обложка первого издания брошюры: «Савойя, Ницца и Рейн», 1860 г.

САВОЙЯ, НИЦЦА И РЕЙН.

I.

Вот уже год, как на глазах у всех начал раскрываться бонапартистско-пьемонтско-русский заговор. Сначала новогодняя речь, затем сводничество с «итальянской Ифигенией», далее вопль Италии и, наконец, признание Горчакова, что он заключил *письменный договор* с Луи-Наполеоном. А в промежутки — вооружения, передвижения войск, угрозы и попытки посредничества. Тогда, в первый момент, вся Германия инстинктивно почувствовала: здесь дело идет не об Италии, а о нашей собственной шкуре. Начинают на Тессине, а кончат на Рейне. Конечной целью всех бонапартистских войн может быть только обратное завоевание «естественной» границы Франции, рейнской границы.

Однако та часть немецкой прессы, которая в неопишумый ужас приходила по поводу замаскированных притязаний французов на естественную границу по Рейну, — эта пресса с «Augsburger Allgemeine Zeitung» во главе с таким же неопишумым фанатизмом защищала австрийское господство в Верхней Италии на том основании, что Минчио и нижнее течение По служили естественной границей между Германией и Италией. Орган из «Augsburger Allgemeine Zeitung» пустил в ход весь свой стратегический аппарат, чтобы доказать, что Германия погибнет без По и Минчио, что отказ от австрийского господства в Италии — измена Германии.

Дело принимало другой оборот. Совершенно очевидно было, что угроза Рейном только предлог, что цель — сохранение австрийского господства в Италии. Угроза Рейном должна была склонить Германию солидарно выступить за подчинение Верхней Италии под иго Австрии. Получалось комическое противоречие: одну и ту же теорию защищали на По и осуждали на Рейне.

Автор этих строк написал в то время брошюру, которая вышла в свет под заглавием «По и Рейн». Именно в интересах национального движения автор брошюры протестовал против границы по Минчио; он пытался с военно-научной точки зрения доказать, что Германий

для своей обороны не нуждается в итальянской территории. И если исходить только из военных соображений, то у Франции во всяком случае гораздо более основательные притязания на Рейн, чем у Германии на Минчио. Одним словом, автор пытался обеспечить немцам возможность вступить в предстоящую борьбу с чистыми руками.

Насколько это автору удалось, пусть судят другие. Нам не известно ни о какой попытке научно опровергнуть данный в брошюре анализ. «Augsburger Allgemeine Zeitung», против которой брошюра была в первую голову направлена, обещала дать собственную статью по этому вопросу, но вместо этого перепечатала три статьи из «Ost-deutsche Post», которые в своей критике ограничились тем, что объявили автора «По и Рейн» «малогерманцем» («kleindeutsch») за то, что он хочет отказаться от Италии. Во всяком случае, «Augsburger Allgemeine Zeitung» с тех пор, насколько нам известно, больше не касалась теории о границе по Минчио.

Между тем попытка навязать Германии солидарную ответственность за господство и политику Австрии в Италии послужила северо-германским филистерам из Готы ¹ удобным предлогом для выступления против национального движения. Первоначальное движение было действительно национальным, гораздо более национальным, чем все шиллеровские торжества от Архангельска до Сан-Франциско; оно возникло естественно, инстинктивно, непосредственно. Для национального движения было совершенно безразлично, имеет ли Австрия какие-либо права в Италии или нет, претендует ли Италия на независимость, нужна ли линия Минчио или нет — все это пока было для движения безразлично. Один из нас подвергается нападению, и притом со стороны третьего, которому нет никакого дела до Италии, но у которого тем больший интерес в захвате левого берега Рейна, — против него, против Луи-Наполеона и традиций первой Французской империи мы должны противостать все вместе. Народ инстинктом угадал это и совершенно правильно угадал.

Но либеральные филистеры из Готы давно уже перестали рассматривать Немецкую Австрию как «одного из нас». Им была по душе война, так как она могла ослабить Австрию и таким образом дать, наконец, возникнуть Малогерманской или Великопрусской империи. К идее войны примыкала масса северо-германской вульгарной демократии, которая и спекулировала на том, что Наполеон разгромит Австрию, а ей позволит объединить всю Германию под главенством Пруссии; к этой же идее примыкала и та небольшая часть немецкой эмиграции во Франции и Швейцарии, у которой хватило бесстыдства

¹ Партия конституционалистов с центром в г. Гота. *Ред.*

открыто связаться с бонапартизмом. Но самым сильным союзником была — скажем это открыто — трусость немецкой мелкой буржуазии, которая никогда не смеет прямо смотреть опасности в глаза; чтобы вымолить на год отсрочку своей казни, она предает своих союзников и таким путем, без них, надежнее обеспечивает последующее собственное поражение. Рука об руку с этой трусостью шло известное сверхблагоразумие, у которого всегда есть тысяча оснований ни за что не совершать никаких действий, но тем больше предлогов произносить речи. Оно ко всему относится скептически, кроме указанных предлогов. Это то самое сверхблагоразумие, которое приветствовало Базельский мир, уступивший Франции левый берег Рейна, и тайно потирало руки от удовольствия, когда австрийцев били под Ульмом и Аустерлицем; сверхблагоразумие, которое никогда не видит приближения своей Иены; его центр Берлин.

Этот союз победил; Германия изменила Австрии. Между тем, австрийская армия дралась на Ломбардской равнине с беззаветной храбростью, вызвавшей удивление врагов и всего света, кроме готцев и их прихвостней. Ни плацпарадная дрессировка, ни гарнизонная муштра, ни «капральская палка» не были в состоянии убить в них неизменные немецкие боевые таланты. Несмотря на скудную экипировку и тяжелое снаряжение, эти никогда не бывавшие в огне молодые войска держались, как ветераны, против испытанных в боях, легко одетых и легко вооруженных французов, и только австрийское командование с его исключительной бесталанностью и разногласиями могло дать разбить такие войска. И как разбить? Ни трофеев, ни знамен, почти совсем без пушек, почти без пленных; единственное взятое врагом знамя было *найденно* под грудой убитых, а нераненные пленные были итальянские или венгерские дезертиры. От рядового до майора австрийская армия покрыла себя славой, и слава эта почти исключительно принадлежит австрийским *немцам*. Итальянцами нельзя было пользоваться, и большая их часть стояла далеко, венгерцы сдавались в большом числе или были очень ненадежны, кроаты в этом походе дрались гораздо хуже обыкновенного *. Австрийские немцы могут с полным правом присвоить себе эту славу, хотя на них же в первую голову падает и позор за плохое командование.

Командование было настоящее старо-австрийское. То, что не могла сделать бесталанность Дюлая (Gyulay), то довершал обусловленный

* См. отчеты корреспондента «Times» из австрийского лагеря под Сольферино. При Кавриане старый артиллерийский генерал Ньюджент (Nugent), который участвовал в походе в качестве любителя, тщетно делал всяческие усилия, чтобы послать в бой несколько пограничных батальонов.

присутствием камарильи и Франца-Иосифа недостаток единства в командовании. Дюлай напал на Ломеллину и, очутившись в районе Казале-Алессандрии, остановился; все наступление окончилось неудачей. Французы беспрепятственно соединились с сардинцами. Чтобы во всей полноте продемонстрировать свою растерянность, Дюлай приказывает произвести рекогносцировку у Монтебелло, словно заранее желая показать, что старо-австрийский дух неуверенного нащупывания и тяжелого раздумья в военном командовании все еще жив, как во времена блаженной памяти придворного военного совета. Он целиком передает инициативу противнику. От Пиаченцы до Ароны разбросал он свои силы, чтобы, по излюбленной австрийской манере, везде иметь прикрытие. Традиции Радецкого за десять лет уже забыты. Когда же неприятель атакует его у Палестро, отдельные австрийские бригады так медленно вступают в бой, что каждую из них сбивают с позиции еще до прихода другой. Когда же неприятель действительно предпринял маневр, возможность которого оправдывала всю позицию у Ломеллины — фланговый марш от Верчелли на Буффалору, — когда, наконец, представилась возможность ударом на Новару парировать этот смелый маневр и использовать невыгодное положение, в котором находился противник, — Дюлай теряет голову и бежит обратно через Тессин, чтобы — обходным путем — предстать перед противником с фронта. Во время этого отступления 3 июня в 4 часа утра в главной квартире в Розате появляется Гесс. Возродившийся в Вероне придворный военный совет, повидимому, усомнился в способностях Дюлая как раз в решительный момент. Теперь, таким образом, оказалось два главнокомандующих. По предложению Гесса, все колонны задерживаются, пока Гесс не убедился, что момент для атаки на Новару упущен и что нужно события предоставить их естественному ходу. Между тем на это ушло почти пять часов, и движение войск * было на это время прервано. Войска прибывают к Мадженте на протяжении дня 4 июня разрозненными колоннами, голодные, усталые; они тем не менее дерутся прекрасно и с отличным успехом, пока Мак-Магон, *нарушая* приказ итти от Турбиги прямым путем на Милан, не свернул на Мадженту и не напал на австрийский фланг. Тем временем подходят остальные французские корпуса,

* См. сообщение корреспондента «Times» в австрийском лагере капитана Блэкли, который дает объяснение этого факта в своей газете. «Darmstädter Allgemeine Militärzeitung» защищает Дюлая, объясняя пятичасовой перерыв марша происшествием, которое не может быть оглашено, но которое, независимо от воли Дюлая, определило проигрыш боя. Но Блэкли уже сообщил, в чем заключалось это происшествие.

австрийские же запаздывают, и сражение проиграно. Отступление австрийцев происходит так медленно, что под Маленьяно одну из их дивизий атакуют два французских корпуса. Одна из бригад удерживает свою позицию против шести французских бригад в течение нескольких часов и отступает, лишь потеряв свыше половины личного состава. Дюлая, наконец, смещают. Армия отступает от Мадженты по большой дуге, обходя Милан, и еще успевает (настолько слабо было преследование) притти на позиции у Кастильоне и Лонато *раньше* противника, который двигался по более короткой хорде. Позиция эта была с давних лет чрезвычайно внимательно обследована австрийцами, и, говорят, Франц-Иосиф сам разыскал ее для своих войск. Факт тот, что она входила в систему обороны четырехугольника крепостей и представляла отличную позицию для оборонительного сражения с контр-атаками. Здесь австрийская армия, наконец, соединилась с подкреплениями, подошедшими теперь или находившимися до этого времени в резерве. Но как только неприятель пришел на другой берег Кизе, снова раздался сигнал к отступлению, и армия уходит за Минчио. Едва закончена эта операция, как австрийская армия снова наступает через ту же Минчио, чтобы отбивать у неприятеля позицию, которую только что добровольно ему уступила. В этом хаосе приказов, контр-приказов и разнобоя распоряжений австрийская армия вступает в бой под Сольферино со значительно подорванной верой в верховное командование. Это было беспорядочное избиение с обеих сторон; тактического руководства не было никакого, ни с французской, ни с австрийской стороны; бесталанность, растерянность и боязнь ответственности в большей степени у австрийских генералов, большая уверенность у французских бригадных и дивизионных начальников, естественное, в значительной степени достигнутое в Алжире превосходство французов в мелких стычках и в боях среди деревень — в силу всего этого австрийцы в конце концов были прогнаны с поля битвы. На этом поход кончается, к величайшей радости Оргеса, на обязанности которого было на все лады расхваливать в «Augsburger Allgemeine Zeitung» австрийское верховное командование и подсовывать ему разумные стратегические соображения.

Луи-Наполеон был также совершенно удовлетворен. Тощая слава Мадженты и Сольферино все же была больше, чем он имел право рассчитывать; и среди фатальных четырех крепостей все-таки мог как-нибудь наступить момент, когда австрийцы не дали бы своим собственным генералам бить себя. К тому же мобилизовалась Пруссия, и ни французская рейнская армия, ни русские войска не были

готовы к войне. Короче, освобождение Италии до Адриатического моря было оставлено; Луи-Наполеон предложил мир, и Виллафранкский договор был подписан. Франция не приобрела ни одной пяди земли; уступленную ей Ломбардию она великодушно подарила Пьемонту; она вела войну за идею; как могла она думать о рейнской границе!

Между тем Средняя Италия временно присоединилась к Пьемонту, и верхне-итальянское королевство представляло тогда довольно внушительную силу.

Прежние провинции на материке и остров	
Сардиния с населением.....	4 730 500 душ
Ломбардия, без Мантуи, около	2 651 700 »
Тоскана	1 719 900 »
Парма и Модена	1 090 900 »
Романья (Болонья, Феррара, Равенна и Форли)	1 058 800 »

В с е г о (по данным 1848 г.). 11 251 800 душ.

Площадь страны возросла с 1373 до 2 684 немецких кв. миль. Таким образом, верхне-итальянское королевство, если бы оно окончательно сконструировалось, было бы первым итальянским государством. Наряду с ним оставалось только еще:

в Венеции	2 452 900 душ
» Неаполе	8 517 600 »
» оставшейся части Папской области	2 235 600 »

В с е г о 13 206 100 душ.

Таким образом, верхняя Италия одна имела бы столько же населения, сколько вся остальная Италия, вместе взятая. В соответствии с финансовым и военным могуществом и уровнем цивилизации своего населения такая страна могла бы претендовать в Европе на положение выше Испании, следовательно непосредственно за Пруссией, и, уверенная в растущих симпатиях остальной Италии, она безусловно могла бы потребовать этого положения.

Но это было не то, чего хотела политика Бонапарта. Единую Италию — громко заявляла Франция — она не может и не будет терпеть. Под независимостью и свободой Италии французы понимали нечто вроде Рейнского союза под протекторатом Франции и почетным председательством папы, замену австрийской гегемонии французской.

В то же время распространялась благожелательная идея создать в Средней Италии Этрусское королевство, итальянскую Вестфалию — королевство для принца Жерома Бонапарта. Всем этим планам положила конец консолидация верхне-итальянского государства. Жером Бонапарт младший в свою поездку через герцогства ничего для себя не приобрел, даже *ни одного* голоса; бонапартистская Этрурия была так же невозможна, как и реставрация; ничего другого не оставалось, как присоединение к Пьемонту.

Но по мере того, как обнаруживалась неизбежность объединения Северной Италии, все определеннее обрисовывалась «идея», во имя которой Франция вела эту войну. Это была идея присоединения Савойи и Ниццы к Франции. Уже во время войны раздавались голоса, которые указывали на это присоединение как на цену французского вмешательства в итало-австрийскую войну. Их, однако, не слушали. И разве не опроверг их Виллафранкский договор? Тем не менее всему миру стало вдруг известно, что под национальным и конституционным управлением «*le galantuomo*» [короля-джентльмена] две провинции томились под чужим господством — две французские провинции, обратившие свои полные слез и надежды взоры в сторону своей великой родины, от которой их отделяла только грубая сила, — и Луи-Наполеон не мог больше оставаться глухим к отчаянным воплям, доносившимся из Ниццы и Савойи.

Теперь, во всяком случае, стало ясно, что Ницца и Савойя были ценой, за которую Луи-Наполеон предпринял воссоединение Венеции и Ломбардии с Пьемонтом, и что он запросил эту цену за свое согласие на аннексию их Средней Италией потому, что в данный момент нельзя было получить Венеции. Теперь начались гнусные маневры бонапартовских агентов в Ницце и Савойе и крики подкупленной парижской прессы, что пьемонтское правительство подавляет в этих провинциях волю народа, который громко требует присоединения к Франции; теперь, наконец, в Париже было открыто сказано, что *Альпы — естественная граница Франции, что Франция имеет право на них.*

II.

Когда французская пресса утверждает, что Савойя по языку и обычаям — французская, то это во всяком случае столь же правильно, как такое же утверждение о французской Швейцарии, валлонской части Бельгии и англо-нормандских островах в Ламанше. Народные массы Савойи говорят на южно-французском диалекте; язык образованных слоев и письменности везде французский. Не может быть и речи об итальянском элементе в Савоие; более того, французский (т. е. южно-французский или провансальский) народный язык проник даже за Пьемонт через Альпы, до верхних долин рек Доры-Рипарии и Доры-Балтеи. Несмотря на это, до войны решительно ничего не было слышно о симпатиях в пользу присоединения к Франции; подобные мысли кое-где были только у отдельных лиц в савойской низменности, которая поддерживает некоторые торговые сношения с Францией; массе населения они были так же чужды, как и во всех других пограничных с Францией и говорящих по-французски землях. Вообще характерно, что из земель, которые с 1792 по 1812 г. были под властью Франции, ни одна не испытывает ни малейшего желания вернуться под крылья французского орла. Плоды первой французской революции были ими освоены, но им до отвращения надоела строгая централизация управления, хозяйничание префектов, непогрешимость посылавшихся из Парижа апостолов цивилизации. Симпатии, снова вызванные июльской и февральской революциями, бонапартизм скоро потушил. Ни у кого нет желания импортировать Ламбессу, Кайенну и *loi des suspects* [закон о подозрительных]. Сюда же надо добавить китайскую замкнутость Франции против почти всякой ввозной торговли, что дает себя чувствовать сильнее всего именно на границе. Первая республика находила на всех границах угнетенные, истощенные провинции, раздробленные, лишенные своих естественных прав народы, которым она несла освобождение для сельского населения, земледелия, торговли и промышленности. Вторая империя наталкивается на всех границах на большую свободу, чем она сама может предложить; она сталкивается в Германии и Италии с окрепшим национальным чувством, в малых странах — с консолидированными сепаратными интересами, которые за время сорокапятилетнего необычайно быстрого промышленного развития выросли и по всем направлениям переплелись с мировой торговлей. Вторая империя не несет им ничего,

кроме деспотизма времен римских цезарей, ничего, кроме заключения торговли и промышленности в просторную тюрьму ее таможенной границы и в лучшем случае сулит свободный уход за тридевять земель.

Отделенная от Пьемонта главной цепью Альп, Савойя почти все ей необходимое получает с севера — из Женевы и частью из Лиона, так же, как, с другой стороны, кантон Тессин, лежащий к югу от альпийских проходов, снабжается из Венеции и Генуи. Если это обстоятельство — мотив для отделения от Пьемонта, то во всяком случае не для присоединения к Франции, так как коммерческая метрополия Савойи — Женева; это определяется не только географическим положением, но также мудростью французского таможенного законодательства и придирчивостью французской таможни.

Однако, несмотря на племенное родство и общность языка и альпийской цепи, жители Савойи, повидимому, не имеют никакого желания, чтобы их наградили империалистическими учреждениями великой французской родины. Они исполнены сознания, что не Италия завоевала Савойю, а Савойя завоевала Пьемонт. Горное воинственное племя, пришедшее из нижней Савойи, сплотилось по всей провинции в государство, чтобы затем спуститься в итальянскую долину и завоеванием и политикой подчинить себе постепенно Пьемонт, Монферрат, Ниццу, Ломеллину, Сардинию и Геную. Династия основала свою резиденцию в Турине и стала итальянской, но Савойя осталась колыбелью государства, и савойский крест по настоящий день остается гербом Северной Италии, от Ниццы до Римини и от Сондрио до Сиены. Франция завоевала Савойю во время походов 1792 — 1794 гг., и до 1814 г. страна называлась «департаментом Монблана». Но в 1814 г. у нее не было ни малейшей склонности оставаться французской; присоединиться к Швейцарии или восстановить старые отношения к Пьемонту — только так ставился вопрос. Несмотря на это, страна оставалась французской, пока не миновали «100 дней»; тогда она была возвращена Пьемонту. Старая историческая традиция с течением времени, конечно, ослабела; на Савойю не обращали внимания, итальянские провинции Пьемонта получили преобладающее значение; интересы пьемонтской политики все больше тяготели к востоку и югу. Тем более замечательно, что больше всего сепаратистские стремления проявлял именно *тот* класс населения, который претендовал на преимущественное представительство исторических традиций: старое консервативное ультрамонтанское дворянство; его стремления были направлены на присоединение к Швейцарии до тех пор, пока там господствовали древние, олигархические патрицианские учреждения; только

со времени всеобщего утверждения демократии в Швейцарии они, повидимому, получили новое направление; под властью Луи-Наполеона Франция стала достаточно реакционной и ультрамонтанской, чтобы предоставить савойскому дворянству убежище от революционной пьемонтской политики.

Положение вещей в настоящее время представляется в следующем виде: в общем нет никакого стремления к отделению Савойи от Пьемонта. В верхней части страны, в Мориенне, Тарантезе и Верхней Савойе, население определено за *status quo*. В Женевском графстве, Фосиньи и Шабле в случае неизбежности перемены будет отдано предпочтение присоединению к Швейцарии. Только кое-где в Нижней Савойе, преимущественно в среде реакционного дворянства, раздаются голоса в пользу присоединения к Франции. Но эти голоса, настолько редки, что даже в Шамбери против них решительно выступает значительно большая часть населения, и реакционное дворянство (заявление Коста-де-Борегар) не осмеливается признаться в своих симпатиях.

Вот все, что касается национального состава и воли населения.

Как же обстоит дело с военной стороной вопроса? Какие стратегические выгоды представляет для Пьемонта обладание Савойей, каковы они будут для Франции? И какое влияние перемена владения Савойей окажет на третью заинтересованную страну — на Швейцарию?

От Базеля до Бриансона французская граница образует большую, сильно вогнутую дугу; значительная часть Швейцарии и вся Савойя врезаются здесь в пределы Франции. Если мы проведем хорду для этой дуги, то отрезаемый ею сегмент круга почти целиком заполнится французской Швейцарией и Савойей. Если бы французская граница была продвинута до этой хорды, то от Лаутербурга до Фрежюса она в общем и целом образовала бы такую же прямую линию, как от Лаутербурга до Дюнкирхена; но для обороны эта линия имела бы совершенно отличное от нее значение. В то время как северная граница оставалась бы совершенно открытой, восточная граница в ее северной части была бы прикрыта Рейном, а в южной части — Альпами. Действительно, между Базелем и Монбланом пограничная линия нигде не проходила бы через какой-нибудь обрабатываемый участок земли, здесь «естественную границу» образовали бы горы Юры до форта Эклюз и отроги Альп, которые направляются на юг от Монблана, огораживают долину Арвы и также кончаются у форта Эклюз. Но если естественная граница сбразует *вогнутую* дугу, то она не выполняет своей задачи и перестает поэтому быть естественной границей. Когда же оказывается, что вогнутый сег-

мент круга, который так неестественно вдавливают нашу границу, еще заселен вдобавок людьми, которые по «языку, нравам и цивилизации» — французы, то разве не следует исправить допущенную природой ошибку, практически восстановить требуемую теорией выпуклость или, по крайней мере, прямую линию! Неужели же французы, живущие по ту сторону границы, должны быть принесены в жертву игре природы (*lusus naturae*)?

Что такие бонапартистские доводы не лишены всякого значения, доказывает первая империя, которая шла от аннексии к аннексии, пока им не был положен конец; самая совершенная граница имеет свои слабые стороны, которые можно исправлять и улучшать; и если нет нужды стесняться, то эти аннексии можно так продолжать без конца. Во всяком случае, из предыдущих рассуждений вытекает такой вывод: то, что об аннексии Савойи может быть сказано как в национальных, так и в военных интересах Франции, *действительно также и для французской Швейцарии.*

Альпийская цепь, которая от Коль-ди-Тенда тянется в северо-западном направлении, поворачивает от Мон-Табора, пограничной высоты между Пьемонтом, Савойей и Францией, в общем направлении на северо-восток, а от Мон-Жеана, пограничного пункта между Пьемонтом, Савойей и Швейцарией, еще более загибает на восток. Естественной французской границей от Мон-Табора до Мон-Жеана только в том случае могут служить Альпы, если эта граница от Мон-Жеана направляется по прямой линии дальше на Базель. Другими словами: требование со стороны Франции аннексии Савойи *включает требование аннексии французской Швейцарии.*

На всем расстоянии, на котором главный гребень Альп образует границу между этими двумя странами, имеется всего лишь один шоссированный перевал — Мон-Женевр. Кроме него есть еще Кольд'Арджентера, по которому можно провезти артиллерию и который ведет от Барселонетты в долину Стуры; есть еще вьючные тропы, которые при некотором усилии можно приспособить для всех родов оружия. Так как Савойя и Ницца располагают каждая двумя шоссированными перевалами через альпийскую цепь, то всякая наступающая французская армия, еще не владеющая этими провинциями, захватит, по крайней мере, одну из них прежде, чем предпримет переход через Альпы. К тому же для наступления из Франции Мон-Женевр обеспечивает только прямой удар на Турин, в то время как Мон-Сенис и еще более Малый Бернар, оба савойских прохода, дают возможность фланговых атак. А для наступающей итальянской армии Мон-Женевр вызывает необходимость в большом обходном движении,

чтобы нанести удар в сердце Франции, в то время как Мон-Сенис образует главный широкий путь из Турина на Париж. Ни одному полководцу поэтому не придет в голову пользоваться Мон-Женеврским перевалом иначе, как для вспомогательных колонн, между тем как главная операционная линия непременно пойдет через Савойю.

Следовательно, обладание Савойей предоставило бы прежде всего в распоряжение Франции местность, которая необходима ей на случай наступательной войны против Италии и которую она в противном случае должна была бы завоевать. Итальянская армия, действующая оборонительно, разумеется, никогда не прибегнет к решительному сражению для защиты Савойи, но она может задерживать некоторым образом наступление противника оживленной горной войной и разрушением дорог в долинах верхнего течения Арка и Изера (через которые проходят Мон-Сенисская и Сен-Бернарская дороги), а затем, опираясь на форты, запирающие проходы, еще некоторое время господствовать над северными склонами главной Альпийской горной цепи. Об абсолютной защите здесь, конечно, речи не может быть, как вообще в горной войне; решительное сражение оттягивается к моменту спуска противника на равнину. Но *несомненно выигрывается время*, что может иметь решающее значение для сосредоточения сил к генеральному сражению и особенно важно для такой вытянутой и бедной железными дорогами страны, как Италия, по сравнению с компактной, покрытой великолепной стратегической железнодорожной сетью Францией; и это время *несомненно потеряно*, если Франция уже владеет Савойей до войны. Но Италия никогда не будет одна воевать с Францией; если же она будет иметь союзника, то представляется возможным, что обе армии уже в Савойе будут с равными силами. Вследствие этого борьба за обладание Альпийской цепью примет затяжной характер; в худшем случае итальянцы будут некоторое время удерживаться на северных склонах хребта, а с его потерей будут оспаривать у французов его южные склоны; хозяин горного хребта только тот, кто владеет обоими его склонами и может через него перейти. Представляется, однако, весьма сомнительным, хватит ли у нападающей стороны сил и решимости преследовать защищающуюся сторону на равнине.

Походы 1792 — 1795 гг. представляют пример такой затяжной горной войны, когда военные действия с той и другой стороны носили вялый, нерешительный и неуверенный характер.

21 сентября 1792 года генерал Монтескью вторгся в Савойю. 10 000 сардинцев, которые ее защищали, были, согласно излюбленному способу того времени, настолько сильно растянуты в караульную

цепь, что они нигде не могли сосредоточить достаточные для обороны силы. Шамбери и Монмелиан были заняты, и французы быстро продвинулись по долинам вплоть до подошвы главного альпийского хребта. Самый гребень остался всецело в руках сардинцев, которые 15 августа 1793 г., после нескольких небольших стычек, перешли под командой генерала Гордона в наступление против французов, ослабленных посылкой отрядов для осады Лиона, и вытеснили их из долин Арка и Изера обратно к Монмелиану. Здесь разбитые колонны французов соединились со своими резервами. Из-под Лиона вернулся Келлерман, который тотчас же (11 сентября) перешел в наступление и снова, без большого труда, отбросил сардинцев к альпийским проходам; однако на этом и его силы были исчерпаны, и он должен был остановиться у подножия гор. Но в 1794 г. альпийская армия была доведена до 75 000 человек, против которых сардинцы могли выставить едва 40 000 человек и, может быть, свободный резерв из 10 000 австрийцев. Несмотря на это, первые атаки французов были безуспешны как на Малом Бернаре, так и на Мон-Сени, пока, наконец, 23 апреля Сен-Бернар, а 14 мая Мон-Сени не были взяты французами, и весь гребень таким образом не перешел в их руки.

Итак, понадобились три кампании, чтобы отрезать на этой стороне пьемонтцам доступ в Италию. Если в современных условиях так нерешительно в несколько кампаний вести войну на таком ограниченном пространстве не представляется возможным, то, при известном равновесии сил, французам будет трудно не только форсировать альпийские проходы, но и остаться достаточно сильными, чтобы без проволочек спуститься на равнину. Ничего больше Савойя не может дать Италии, но и этого достаточно.

Предположим теперь обратное, что Савойя соединяется с Францией. Что тогда будет с Италией? Северный склон Альпийской цепи в руках у французов, итальянцы еще могут защищать только южный склон, и с высокого хребта можно господствовать над его защитными фортами и заставами или, во всяком случае, наблюдать за ними и в большинстве случаев даже обойти их на довольно близком расстоянии. Горная оборона сводится к последнему, незначительному акту, с большими к тому же потерями. Возможность вести разведку, которую предоставляет горная война в Савойе, здесь совершенно отпадает. Но этого мало. До тех пор, пока нужно было *завоевывать* Савойю, Франция при известных обстоятельствах могла этим довольствоваться, ограничивая таким путем Италию пассивной обороной; известный результат уже был достигнут; войска, быть может, можно было

лучше использовать в другом месте; в интересах Франции было не связывать на этом театре войны слишком много сил. Наоборот, когда Савойя окончательно становится французской провинцией, выгодно вести наступательную оборону по французскому образцу. Пассивная оборона может на протяжении кампании стоить потерь людьми столько же, сколько наступление в Италию; войск для наступления требуется уж не слишком на много больше; между тем результаты имеются в виду совершенно иные.

На следующий день после аннексии французские офицеры генерального штаба поднимутся в долины Арка и Изера, обследуют боковые долины, взберутся на горные хребты, расспросят лучших альпийских проводников, измерят расстояния, заснимут подъемы и тщательно все себе запишут; и все это не в порядке случайной прихоти туриста, но по определенному, вероятно, уже теперь готовому плану. Вслед за ними скоро появятся инженеры и предприниматели, и через короткий промежуток времени в самых укромных глубинах высоких гор будут построены дороги, возведены каменные сооружения, назначение которых не смогут, вероятно, разъяснить ни местные жители, ни случайные путешественники. Они и не имеют в виду ни местных жителей, ни туристов; их цель усовершенствовать природные стратегические свойства Савойи.

Проходы Мон-Сени, равно как и Мон-Женевр, ведут оба на Сузу. Если южные склоны обоих проходов будут атакованы французскими колоннами, то защищающие их итальянские войска попадут в настоящую ловушку. Они не могут знать, с какой стороны будет направлен главный удар, но они заранее знают, во всяком случае, что если форсирован один из перевалов и взята Суза, то войска, защищающие другой перевал, будут отрезаны. Если сначала форсирован Мон-Сени, то войска, защищающие Мон-Женевр, могут, во всяком случае, спастись по тропинкам в Фенестрельскую долину только с потерей всех лошадей, артиллерии и обоза; если же наступающие проникнут к Сузе через Мон-Женевр, то войска, находящиеся у Мон-Сени, теряют всякую возможность отступления. В этих условиях оборона этих обоих перевалов ограничивается демонстрацией. Между тем обе французские операционные линии, дороги от Гренобля на Бриансон и от Шанбери на Лан-ле-Бур, идут в общем параллельно и разделены всего одним отходящим от Мон-Табора горным хребтом, покрытым большим числом горных пешеходных и вьючных троп. Построив на этом хребте поперечную дорогу, длиной всего лишь в четыре немецких мили, французы получают возможность перебрасывать по желанию свои силы с одной дороги на другую; ловушка работает

еще с большим эффектом, а оборона линии Альп от нападения со стороны Италии чрезвычайно усиливается на этой стороне.

И далее. В Савойе имеется еще один перевал через Альпы — Малый Сен-Бернар. Многие французские авторитеты утверждают даже, что Наполеон сделал бы лучше, избрав для своего перехода через Альпы именно этот перевал вместо Большого Бернара: он ниже, следовательно весной скорее освобождается от снега и вообще удобнее для перехода. Колонны, вышедшие из Лиона и Безансона, по крайней мере, с одинаковой легкостью достигают Альбервиля и Лозанны; и оба перевала ведут на Аосту и Ивреа. Уже самый факт возможности возникновения спора о преимуществах того или другого перевала для целей Наполеона в кампанию 1800 г. показывает, как велико значение Малого Бернара с военной точки зрения. Разумеется, должны быть налицо совершенно особые условия, чтобы Малый Бернар мог служить для повторения стратегического обходного движения, имевшего место при Маренго. В современной войне действуют более крупные силы, которые никогда не будут в состоянии перевалить через горный хребет одной колонной; обходное движение только 30-тысячной колонной в наше время в большинстве случаев готовило бы свою собственную гибель. Это все верно для первой и второй кампании. Когда же, по всей видимости, все войны, которые обеими сторонами ведутся с выдержкой благодаря группам крепостей и укрепленным лагерям новейшего времени, приобретают другой затяжной характер; когда война не может быть решена окончательно, пока силы сражающихся не будут истощены целым рядом кампаний, тогда и армии в конце концов значительно уменьшаются в своей численности. Возьмем случай, когда война в течение нескольких лет ведется с переменным успехом на Верхне-итальянской равнине; французы, занявшие к этому времени Казале или Алессандро или оба эти пункта, были бы затем отброшены за Альпы, и борьба здесь, при весьма ослабленных силах с обеих сторон, приостанавливается. Но разве и в таком случае в наших условиях, при нашей железнодорожной сети, с облегченной уже везде артиллерией, требовалось бы большое искусство, чтобы перебросить через Малый Бернар 30 000 — 40 000 человек или даже больше к Ивреа? От Ивреа они могут направиться к своим базисным пунктам на равнине, усилить свой обоз и людской состав за счет гарнизона. Если бы это было невозможно, то, во всяком случае, путь на Турин и путь отступления через оба эти перевала им не могли бы отрезать даже более сильные части противника. К этому времени упомянутые 30 000 — 40 000 человек с гарнизонами становятся очень серьезной силой и в худшем случае,

прогнав ближайшие неприятельские корпуса, могут вести войну вокруг своего укрепленного лагеря со всеми видами на успех. Вспомним только, как все армии сократились к 1814 г. и с какими малыми силами Наполеон достиг в том году таких больших результатов.

Как уже было сказано, дорога на Бернар идет по долине Изера, а на Мон-Сени по долине Арка. Обе реки начинаются у Мон-Изерана. Выше Бург-Сен-Мориса дорога на Бернар отходит от реки и переваливает через гору, в то время как ущелье (Валь-де-Тинь) поднимается вправо к югу. Ниже Лан-ле-Бура, у Терминьона, входит в долину Арк небольшая боковая долина (Сен-Бартелеми). Из долины де-Тинь ведут три тропы через горный хребет между Мон-Изераном и Мон-Шафкарре в долину Сен-Бартелеми. Один из этих проходов вполне можно шоссировать. Если здесь построить дорогу, то в соединении с ранее намеченной поперечной дорогой стратегическая дорожная сеть Савойи — в качестве французской пограничной провинции — представляется достаточно развитой. Непосредственно за главным гребнем Альп проходила бы дорога, связывающая все три главных перевала, позволяя в двухдневный срок перебросить главную массу войск от Бернара и Мон-Женевра, собрать в районе Мон-Сени и в четыре-пять дней перебросить с одного фланга на другой. Если дополнить эту систему еще одной дорогой — от Мутье через перевал от Пролоньяна на Сен-Бартелеми и Лан-ле-Бур — и второй — от Мутье на Сен-Жан-де-Морьен, то едва ли следовало бы еще что-нибудь прибавить.

Следовало бы разве только возвести необходимые укрепления вспомогательного характера, но не для полного заграждения, и обеспечить Мутье, главный дорожный узел, как центральное депо, от неприятельского нападения. Всего здесь речь идет менее чем о двадцати пяти немецких милях новых дорог.

В таком же положении окажется оборона южного склона Альп, когда эти или подобные дороги будут проложены, — а у французского генерального штаба, несомненно, уже имеется готовый план полного стратегического использования Савойи! Какие блестящие операции в случае обороны мог бы проводить новый Лекурб, опираясь на укрепленное центральное депо и мелкие форты, если бы такая дорожная сеть обеспечивала ему возможность передвижений? Пусть не говорят, что горная война невозможна больше при наших современных больших армиях. Это правильно до тех пор, пока армии действительно велики и перевес на одной стороне. Но армии будут значительно терять в численности в борьбе с современными крепостями, и будет достаточно случаев, когда перевес уступит место

равновесию. В горы, конечно, не идут, когда в этом нет нужды, но путь из Парижа в Италию и из Италии в Париж всегда будет проходить через Савойю или Валлис.

Резюмируем. Благодаря своему географическому положению и, в частности, перевалам через Альпы, Савойя, в качестве французской провинции, дала бы возможность французской армии, даже с небольшим численным перевесом, овладеть итальянскими склонами Альпийских гор, производить вылазки в долины и приобрести гораздо большее значение, чем позволяли бы ее силы. При некоторой же подготовке театра военных действий французская армия была бы поставлена в такие выгодные условия, что даже при полном равенстве сил во всех прочих отношениях она немедленно получила бы перевес над противником; к тому же Малый Бернар заставил бы итальянцев далеко вынести прикрытие, в то время как французы, при известных обстоятельствах, могли бы использовать его для решающей наступательной операции.

Савойя в руках Франции представляет в противовес Италии *исключительно орудие наступления*.

Как же обстоит дело с интересами Швейцарии?

При современном положении вещей все соседи Швейцарии могут атаковать ее только с фронта. Мы при этом считаем Южную Германию без Австрии за одного и Австрию за другого пограничного соседа, так как мы только что видели, что эти два соседа не всегда непременно идут вместе. Южная Германия может наступать только в направлении Базель — Констанц, Австрия — только по линии Рейнек — Мюнстер, Италия в направлении Пошиаво — Женева и Франция по линии Женева — Базель. Везде линия отступления швейцарской армии идет перпендикулярно позади ее фронта. Везде нейтральные пограничные земли более или менее прикрывают ее фланги. Стратегический обход не может быть организован до начала борьбы, если на Швейцарию нападает только один из пограничных ее соседей. Одна Австрия обладает фланговыми выгодами у Граубюндена, но швейцарцы и без того ни при каких обстоятельствах не ответят решительным сражением у Граубюнденца на австрийское нападение, а дальше к северо-западу, в предгорьях Альп. Отказ Австрии от Ломбардии значительно улучшил это выгодное положение для Швейцарии; до последнего года Австрия, при наличии превосходных сил, во всяком случае располагала возможностью далеко не всегда неприемлемого концентрического вторжения в юго-западную Швейцарию. Однако влияние такого вторжения ограничилось бы только кантонами Граубюнден, Тессин, Ури и Гларус, т. е. наименее заселенной и наиболее

бедной частью страны; кроме того, при этом неизбежно было бы сильное дробление неприятельских сил, если их путь из Италии должен был бы лежать через Готард. Современное выгодное расположение пограничных соседей имеет большую ценность для Швейцарии, чем европейские гарантии нейтралитета. Такое расположение дает ей возможность, в случае нападения со стороны одной пограничной земли, затянуть борьбу на продолжительное время, а это, в конце концов, единственное, на что может рассчитывать такая небольшая страна.

С того момента, как Савойя становится французской или занимается французскими войсками, не может быть и речи о защите всей французской Швейцарии, начиная от Бернской Юры и до Нижнего Валлиса. Женева уже теперь может быть в двадцать четыре часа обращена во французское депо; Юру можно обойти точно так же, как и линию Цили и Невшательского и Бильского озер; вместо того, чтобы драться в ущельях и затем форсировать узкую дорогу между этими двумя озерами и через большое болото, французы спокойно пойдут в обход через богатую холмистую местность в кантоне Ваадт, и первая позиция для серьезного сопротивления совпадает с той, на которой придется принять первый серьезный бой с расположением военных сил впереди Берна и позади Зааны и Зензы; обходная колонна из Савойи через Вильнев и Вевэ сделает всякое сопротивление в кантоне Ваадт бесполезным.

До сих пор первой оборонительной линией Швейцарии против Франции служит Юра, отличное поле действия для малоопытной, но знакомой с местностью и пользующейся поддержкой населения милиции. Но ее нельзя серьезно принимать в расчет ввиду холмистой пограничной линии, которая часто перерезает в косом направлении ее параллельные гребни. Вторая, более важная линия обороны есть линия р. Цили, которая соединяет Невшательское и Бильское озера и из Бильского озера течет в р. Аару. Справа она пополняется нижним течением р. Аары, а слева р. Орбой, впадающей в верхний конец Невшательского озера у Ивердона. Длина Цили между двумя озерами равна только полумиле, а от Бильского озера до р. Аары одной миле. Собственно, фронт позиции лежит только между озерами; его усиливает лежащее в низине большое болото, которое тянется от Невшательского озера до Аарбурга и проходимо лишь по большой дороге. Обход этого фронта с правого фланга через Бюрглен может быть парализован резервами у Аарбурга; более глубокий обход потребует устройства моста через р. Аару и ставит свои сообщения под удар. Обход левого фланга может быть осуществлен только через Ваадт и может быть поочередно задержан на реках Орбе, Мантию и Бруа.

Сопротивление швейцарской армии на этой линии не может быть парализовано обходом вдоль Женевского озера на Фрейбург, так как швейцарцы, отступающие вдоль Невшательского озера, всегда будут иметь в своем распоряжении более короткий путь. Таким образом, позиция на Цили годится для решительной битвы лишь при особо благоприятных обстоятельствах, при крупных ошибках противника, но она все же в состоянии выполнить все, что Швейцария может пожелать от нее; она дает возможность задержать противника и более того — подтянуть контингенты из юго-западной Швейцарии.

Но если Савойя в руках неприятеля, то колонна, наступающая от Сен-Женгольфа через Вильнев и Шатель-Сен-Дени, делает всякое сопротивление в кантоне Ваадт бесполезным, так как, уже будучи у Вевэ, она едва на две мили дальше от Фрейбурга, чем швейцарцы, находящиеся на р. Орбе, и может, следовательно, отрезать им наступление. От Сен-Женгольфа до Фрейбурга около двенадцати миль; Фрейбург лежит на расстоянии одного перехода позади левого фланга цильской позиции, между озерами, и в трех милях от Петерлингена (Пайерна), где наступающие через Ваадт французские колонны могут вступить в связь с савойскими войсками. Таким образом, наступающий, если он владеет Савойей, может в течение трех или четырех дней долиной Роны отрезать сообщение с Валлисом, захватить Женеву, Ваадт и Фрейбург до Зааны и выйти в тыл цильской позиции с ее главными силами, причем в его руки переходят Базель, Золотурн, Бернская Юра и Невшатель. И это отнюдь не негостеприимные земли горного края, а как раз самые богатые и промышленные кантоны Швейцарии.

Швейцария настолько сильно чувствовала стратегический нажим, который производила на нее Савойя, что добилась в 1814 г. известной нейтрализации ее северной части, а в 1816 г. получила от Сардинии договорное обещание, что Шабле, Фосиньи и Женевское графство никакому другому государству не будут уступлены, кроме Швейцарии. Луи-Наполеон также всюду распространяет слухи, что он претендует только на южную часть Савойи; что Шабле, Фосиньи и часть Женевского графства до Бах-лез-Юсс должны отойти к Швейцарии. Но так как дар дара ждет, то он, по сведениям газеты «Times», пользуется Фогтом, чтобы мимоходом запросить народное представительство швейцарского кантона, не согласится ли оно за это предоставить ему право свободного распоряжения Симплонским проходом. Первый намек, что Симплон также естественная пограничная вежа Франции, какой он действительно был во времена первой империи.

Предположим, что Швейцария обогатилась новым кантоном — северной Савойей. Граница была бы образована горным хребтом, который отделяется от главной цепи Альп между Монбланом и Малым Бернаром и направляется к ущелью Роны (форт Эклюз), — и, видимо, была бы совершенно «естественной». Но этот хребет пересекают следующие дороги из долины Изера и Роны: 1) Сейсель — Женева, 2) Аннеси — Женева, 3) Аннеси — Боннвиль, 4) Альбервиль — Сальянш. От Боннвиля, как и от Сальянша, идут дороги через северный горный хребет долины Арвы на Тонон. Таким образом, страна совершенно открыта для вторжения на Тонон на южном берегу Женевского озера, и так как от Сейселя или Альбервиля до Тонона не больше 15 миль, то обладание северной Савойей дало бы возможность Швейцарии продлить свою оборону, самое большее, пять дней. Но так как для обороны этого кантона не представляется возможным выделить ничего, кроме ополчения, то наступающая колонна может с тем же успехом взять от Женевы прямое направление на Тонон, — пять миль, — откуда только около четырех миль до Сен-Женгольфа. В этом случае, таким образом, обладание северной Савойей даст Швейцарии выигрыш во времени только в три дня. Это, кроме того, еще может вести к раздроблению оборонительных сил Швейцарии. Путь отступления швейцарской армии, атакованной со стороны Франции, лежит, очевидно, через Берн по Нидерланду, где возможно — вдоль р. Аары на Цюрих, иначе — на Люцерн и от обоих этих пунктов в Верхне-рейнскую долину. Поэтому швейцарская армия не должна переносить свою позицию слишком далеко на юг, чтобы ее нельзя было с этих линий ни оттеснить от высоких гор, ни загнать в горы. Как мы видели, кантон Ваадт может быть без затруднений включен в швейцарскую систему обороны; северная же Савойя и с прекращением нейтралитета Савойи обнажаемый Валлис определенно не могут быть включены. Известно, однако, как сильно у каждого желание защищать свою родину в федеративной стране, где оборону несет милиция. Известно, войска будут роптать, крик поднимут национальные советы, если целые города и кантоны будут отданы врагу без сопротивления; а тут еще новый кантон, который Швейцария получила исключительно в целях своей обороны! И в самом генеральном штабе каждый приложит все усилия к тому, чтобы его край был особенно хорошо защищен, а в милиционной армии, где под влиянием трактирного общения в мирное время дисциплина в лучшем случае довольно слаба, начальнику в силу всех этих влияний будет весьма трудно поддерживать в войсках порядок. Можно поручиться, что в девяти случаях из десяти начальник проявит ко-

лебания или должен будет уступить. Северная Савойя будет занята войсками, которые не принесут делу обороны никакой пользы, но во всяком случае пострадают при отходе и частью будут отброшены в Валлис, где им придется подумать, как снова пробраться к главной армии через хребты Гемми или Фурка.

Единственную гарантию для Швейцарии представляет положение, когда северная Савойя не принадлежит ни Франции, ни ей; в этом случае она во время войны фактически остается нейтральной в отношении обеих стран и действительно прикрывает Швейцарию. Если же она будет принадлежать Швейцарии, то это для нее не на много будет лучше, чем если бы она принадлежала Франции. Значение Савойи определяется выигрышем для Швейцарии трех, максимум пяти дней, большая часть которых, однако, будет затем потеряна при обороне кантона Ваадт. Каково же это значение по сравнению с уверенностью, что при всех обстоятельствах неприятельская атака возможна *только* между Базелем и Женевским озером?

Северная Савойя для Швейцарии — дар данайцев; более того: такой подарок заключает в себе угрозу. В этом случае Франция будет господствовать в военном отношении над всей французской Швейцарией и сделает невозможной всякую сколько-нибудь серьезную ее оборону. Аннексия же Францией южной Савойи тотчас же *выдвигает требование о присоединении к ней и французской Швейцарии.*

III.

Графство Ницца лежит, как известно, у подножия Приморских Альп, и граница ее с Генуэзской провинцией, проходя в одной миле восточнее Онелии у Черво, спускается к морю. Западная часть его говорит на провансальском наречии, восточная, по другую сторону Ройи, — на итальянском. Однако, за исключением нескольких деревень на р. Вар, литературным языком везде служит итальянский, и только в Ницце, вследствие сильного притока иностранцев, с ним соперничает французский язык.

Для того, чтобы правильно рассмотреть национальный вопрос, мы должны ознакомиться с соотношением языков в западных Альпах.

Везде, где итальянский язык соприкасался в Альпах с другими, он оказывался более слабым. Ни в одном пункте он не проникает за Альпийскую цепь; романские диалекты Граубюндена и Тироля совершенно независимы от итальянского. Напротив, все пограничные наречия к югу от Альп отвоевали у него территорию. В западных горных округах венецианской провинции Удинэ говорят на хорватско-словенском языке. В Тироле немецкий элемент господствует на всем южном склоне и во всей верхней долине Эча; далее, к югу, в центре итальянской области, находятся острова немецкого языка *sette comuni* (шесть общин) и *tredecì comuni* (тринадцать общин); у южной подошвы Гриса, как и в тессинской Валь-ди-Каверна, в пьемонтской Валь-Формацца, в верхней Валь-Ведро у подножия Симплона, наконец, на всем юго-восточном склоне Монте-Роза, в Валь-де-Лис, в Верхней Валь-Сезия и Валь-Анзаска — говорят по-немецки. От Валь-де-Лис начинается граница французской речи, которая охватывает всю долину Аосты и восточный склон Коттических Альп, начиная от Мон-Сени, так что обыкновенно принимают, что истоки всех рек верхнего бассейна По лежат в ее пределах. По общепринятому, эта граница идет от Демонте (на р. Стуре), несколько западнее Кольди-Тенда, к р. Ройе и следует вдоль нее до моря.

О границе между германской или славянской речью и итальянской не может быть никакого сомнения. Но вопрос стоит иначе, когда сталкиваются два романских языка и именно не литературный итальянский язык, *il vero toscano* [настоящий тосканский], и не язык образованных людей Северной Франции, а пьемонтский диалект итальянской речи и выродившийся в тысячу патуа исчезнувший язык южно-французских трубадуров, который мы для краткости назовем неточно, но,

по общепринятому, провансальским. Тому, кто хотя бы поверхностно изучал когда-нибудь сравнительную грамматику романских языков или провансальскую литературу, должно было броситься в глаза большое сходство простонародного языка Ломбардии и Пьемонта и провансальского. В ломбардском это сходство ограничивается, правда, лишь внешними формами диалекта: опускание мужских гласных окончаний, в то время как женские окончания в единственном числе сохраняются; точно так же большая часть гласных окончаний в спряжениях сообщает языку провансальский характер, в то время как носовое «п», произношение «и» и «оуи» напоминает северно-французскую речь; но словообразование и фонетика, по существу, итальянские, а там, где происходят отклонения, они странным образом часто напоминают, как и в ретороманском, — португальский язык*. Пьемонтский диалект в своих главных чертах имеет значительное сходство с ломбардским, но все же он ближе к провансальному, а в Коттических и Приморских Альпах оба наречия, без сомнения, так близки, что трудно установить между ними точную границу**. Кроме того, южно-французские наречия (patois) в большей своей части не на много ближе к северно-французской литературной речи, чем даже пьемонтское. Таким образом, язык в этом случае не может служить для решения вопроса о национальности; альпийский крестьянин, говорящий по-провансальски, с одинаковой легкостью усваивает как французскую, так и итальянскую

* Лат. *clavis*, итал. *chiave*, португ. *chave*, ломбард. *ciaù* (произносится — чау) — ключ. В «*Augsburger Allgemeine Zeitung*» в прошлом году, летом, писали из Вероны (см. сообщения из австрийской главной квартиры), что люди на улице обращаются друг к другу со словами «чау, чау». Мудрая газета, у которой вообще часты ошибки, была, видимо, в затруднении насчет ключа к этому «чау». Это слово произносится «s—ciau» (щау) и аналогично ломбардской форме «*schiaivo*» — раб, слуга, как приветствуют друг друга и у нас: «ваш слуга, покорный слуга» и т. п. Подлинно провансальских форм в ломбардском наречии нам вспоминаются только две: причастие прошедшего времени женского рода с окончанием на «*da*» (*amà, amada*) и первое лицо настоящего времени с окончанием на «*i*» (*ami* — люблю, *saludi* — приветствую).

** Главными отличительными признаками итальянского и провансальского наречий служат: 1) итальянское превращение звука «*l*» в гласный после согласных (*fiore, piu, bianco*), которое чуждо провансальской речи; 2) образование множественного числа имен существительных от латинского именительного падежа (*donne, capelli*). В провансальском и старо-французском наречиях так же, правда, имело место в средние века такое образование именительного падежа, в то время как все остальные падежи производились от латинского винительного падежа (окончание — *s*). Все современные провансальские наречия сохранили, насколько нам известно, лишь эту последнюю форму. Тем не менее в пограничных районах могут возникать сомнения, происходит ли сохранившаяся форма именительного падежа от итальянского или провансальского наречия.

речь и одинаково редко пользуется как той, так и другой; он довольно хорошо понимает пьемонтскую речь и с нею обходится на довольно большом пространстве. Если же оказывается необходимым установить более прочные связи, то их может дать только литературный язык, а таковой, разумеется, во всем Пьемонте и Ницце — итальянский; единственное исключение составляет долина Аосты и Вальденские долины, где местами преобладает литературный французский язык. Желание обосновать французскую национальность Ниццы провансальским патуа, к тому же охватывающим только половину провинции, само собою разумеется, лишено поэтому всякого смысла. Еще меньше смысла будет в таком обосновании, если принять во внимание, что провансальское наречие распространено и по другую сторону Пиринеев, охватывая Арагон, Каталонию и Валенсию, и в этих испанских провинциях, несмотря на некоторые кастильские отзвуки, оно не только в общем сохранилось в гораздо более чистом виде, чем где бы то ни было во Франции, но даже закрепило свое существование в литературном народном языке. Что же станет с Испанией, если Луи-Наполеон в ближайшее время заявит претензии также и на эти три провинции, как на национально-французские?

Завоевать симпатии к Франции в графстве Ницце, кажется, еще труднее, чем в Савойе. Из деревни ничего не слышно; в городе все попытки проваливаются еще с большим треском, чем в Шанбери, хотя в этом курорте гораздо легче собрать группу бонапартистов. Идея сделать уроженца Ниццы Гарибальди французом — по существу не плохая.

Если для обороны Пьемонта огромное значение имеет Савойя, то еще гораздо большее значение имеет Ницца. Из Ниццы ведут в Италию три дороги: корнишская дорога вдоль берега на Геную, дорога через Коль-ди-Нава от Онелиа в долину Танаро на Чева и, наконец, дорога через Коль-ди-Тенда на Кунео (Кони). Первая, правда, в конце загораживается Генуей, однако наступающая колонна имеет в своем распоряжении у Альбенги и далее у Савоны хорошие шоссированные дороги для переправы через Аппенины, не считая большого числа выючных и пешеходных троп через горы; как ими воспользоваться для военных операций, показал на примере в 1796 году Наполеон. Третья дорога — через Коль-ди-Тенда — для Ниццы то же, что Мон-Сени для Савойи; она ведет непосредственно на Турин, но не дает никаких фланговых выгод или дает их мало. Средняя дорога через Коль-ди-Нава, напротив, прямо ведет к Александрии и имеет на юге такое же значение, как Малый Бернар на севере, только гораздо более непосредственно и с гораздо меньшим числом привходящих

обстоятельств. Она имеет еще и то преимущество, что, пролегая очень близко к прибрежной дороге, может в случае нападения получить от нее значительную помощь. Колонна, наступающая по Наваской дороге, может уже у Гарессии войти в связь с колонной, дошедшей по прибрежной дороге до Альбенги, от которой сюда подходит поперечная дорога; пройдя Чеву, дорога далее ведет на Алессандрию, через Каркаро, — где она соединяется с дорогой из Савоны, — на полпути между Чева и Савоной. Между Чевой, Савоной и Онелией лежат высокие горы, где оборона не может удержаться. Таким образом, выходит, что северный склон Коль-ди-Нава с истоками реки Танаро лежит в *районе Ниццы*, и перевал принадлежит тому, кто владел Ниццей *до войны*.

Французская армия, которая распоряжалась Ниццей еще до начала войны, угрожает оттуда флангам, тылу и сообщениям всякой итальянской военной части, продвинувшейся к западу от Алессандрии. Таким образом, уступка Ниццы Франции обозначала бы для войны перемещение сборного пункта итальянской армии назад до Алессандрии и отказ от обороны собственно Пьемонта, которую вообще можно вести только в Савоие и Ницце.

История революционной войны и в данном случае может служить лучшим примером.

1 октября 1792 г. генерал Ансельм переправился с дивизией в 9 000 человек через реку Вар, а французский флот (12 линейных кораблей и фрегатов) стал одновременно на якорь в 1 000 шагах перед Ниццей. Жители Ниццы, сочувствуя революции, восстали, и слабый пьемонтский гарнизон (2 000 человек), спешно отойдя на Коль-ди-Тенда, занял позицию у Саорджо. Город Ницца принял французов с распростертыми объятиями, но последние стали повсеместно грабить, жечь у крестьян дома, насиловать их женщин, и ни приказы генерала Ансельма, ни прокламации комиссаров Конвента не могли поддерживать среди них порядок. Это было первоначальное ядро будущей итальянской армии, с которой генерал Бонапарт пожинал свои первые лавры. В начальный период бонапартизм, повидимому, всегда должен был опираться на босяцкие элементы; без Общества 10 декабря ему нигде не удавалось встать на ноги. — Воюющие стороны долго оставались бездейственными одна против другой; французы занимали город и его окрестности, пьемонтская армия, усиленная австрийской дивизией, сохраняла господствующее положение в горах, занимая сильно укрепленную позицию с центром у Саорджо. В июне 1793 г. французы произвели несколько в общем бесплодных атак; в июле они взяли Коль-д'Арджентера, откуда

им открывался путь в тыл неприятельской позиции. После взятия Тулона (декабрь 1793 г.) итальянская армия получила значительные подкрепления, и к ней был прикомандирован генерал Бонапарт. В ближайшую весну он скомбинировал наступление на лагерь у Саорджио, которое 28 апреля увенчалось полным успехом и отдало в распоряжение французов все проходы в Приморских Альпах. Тогда Бонапарт предложил соединить альпийскую армию с итальянской в долине р. Стурь и завоевать Пьемонт; однако этот план не был принят. Вскоре после этого, вследствие переворота 9 термидора, Бонапарт потерял своего влиятельного покровителя, Робеспьера младшего, а вместе с этим и свое влияние в военном совете. Он снова стал лишь простым дивизионным генералом. Армия перешла к обороне. Только когда австрийский генерал Коллоредо начал с обычной медлительностью продвигаться к Савоне с целью перерезать крайне важное сообщение французов с нейтральной Генуей, Бонапарт нашел случай его атаковать и нанес ему серьезный урон. Несмотря на это, путь на Геную оставался под угрозой, и кампания 1795 г. началась изгнанием французов из всей генуэзской Ривьеры. Между тем, благодаря миру с Испанией освободилась восточно-пиренейская армия и была направлена к Ницце, где она вся и сосредоточилась к ноябрю. Шерер, которому было вверено командование в Приморских Альпах, немедленно перешел в наступление по плану, разработанному Массеной. В то время как Серюрье приковывал пьемонтцев у Кольди-Тенда, Массена обходным движением по горам пришел с тыла к Лоано, который Ожеро атаковал с фронта (23 ноября). План удался в совершенстве, австрийцы потеряли 2 000 убитыми, 5 000 пленными и 40 орудий и были совершенно отрезаны от пьемонтцев. Сообщение с Генуей было теперь прочно восстановлено, и французы оставались в течение зимы бесспорными хозяевами в горах. Весной 1796 г. Бонапарт, наконец, получил командование итальянской армией, и дело получило совершенно другой оборот. Опираясь на Ниццу и Ривьеру-ди-Поненте, он двинулся от Савоны в горы, разбил австрийцев при Монтенотте, Миллезимо и Дего, отрезал их таким путем от пьемонтцев, которые, будучи окружены превосходными силами противника и изолированы, поспешили после нескольких арриергардных боев заключить мир. Таким образом, четыре удачных сражения в долинах верхней Бормиды и Танаро отдали в руки французов военное обладание Пьемонтом, и прямой удар на Турин даже не понадобился; война тогда же переместилась в Ломбардию, и Пьемонт стал частью операционной базы французов.

Итак, в течение трех первых лет войны Италия была вполне

защищена Ниццей. Только в третью кампанию были потеряны проходы в Приморских Альпах, и, наконец, лишь в четвертую ими воспользовались — и притом очень решительно. После горных боев первой недели достаточно было только одной сильной демонстрации, чтобы заставить пьемонтцев понять свое беспомощное положение и необходимость капитуляции. Настоящее наступление могло почти беспрепятственно развиваться в направлении на Милан; вся местность между Бормидой, Тессином и Альпами перешла в руки французов без всяких усилий с их стороны.

Если Ницца становится французской провинцией, то Италия по отношению к Франции попадает в такое же положение, в каком она находилась в результате похода 1794 года. Французам не только открыт путь через Коль-ди-Тенда в долину Стуры и через Коль-ди-Нава в долину Танаро: сильной французской армии, перешедшей в наступление, нельзя преградить путь на Альбенгу и Савону, и благодаря этому она через три или четыре дня после начала похода будет находиться у исходного пункта кампании 1796 года. Где ей должны оказать сопротивление главные силы итальянской армии? На генуэзской Ривьере нет плацдарма для ее развертывания; к западу от Бельбо и Танаро она подвергает опасности свои сообщения с Алессандрией, Ломбардией и полуостровом. Единственное, что она может делать, это наступать к югу от Алессандрии и соединенными силами нападать на отдельные колонны, дебуширующие из гор. Но это, разумеется, уже предусматривает отказ от обороны альпийской границы, так как в противном случае были бы отрезаны отряды, стоящие у Коль-ди-Тенда и далее к западу и северо-западу. Другими словами, обладание Ниццей *дает Франции господство над Альпами*, переставшими быть для Италии защитной стеной, а вместе с тем и военное господство над Пьемонтом.

Ницца дает Франции те же фланговые выгоды на юге, которые Савойя дает ей на севере, только еще прямее и полнее. Если Ницца или Савойя уже каждая в отдельности совершенно обнажают Пьемонт для французской атаки, то какую же власть приобретет Франция над Пьемонтом, овладев обеими провинциями! Пьемонт будет зажат ими, как клещами; по всей линии от Малого Бернара, кругом, до Коль-ди-Нава и горных дорог выше Савоны, можно разыгрывать игру в демонстративные атаки в бесконечных вариациях, пока не последует настоящий удар на одной из фланговых позиций и не отрежет все итальянские части, которые слишком крепко застряли в горах. Итальянской армии не оставалось бы ничего другого, как сосредоточиться у Алессандрии и Казале, оставить в Альпах лишь

сторожевые отряды и, как только обнаружится главное направление атаки, бросить туда сконцентрированные силы. Если это допустить, то это, другими словами, означает, что не только альпийская цепь, но и весь бассейн реки По в пределах Пьемонта без всяких околичностей отдается неприятелю и что, таким образом, первая оборонительная против Франции позиция итальянской армии будет находиться за линией укреплений Алессандрии. С Савойей и Ниццей в качестве первых оплотов Пьемонт служит для Италии первой операционной базой; без них Пьемонт, с военной точки зрения, входит в систему французского наступления, и только победа на пьемонтской земле и обратное завоевание горных проходов в Савойе и Ницце могут снова вырвать его у французов.

Аннексия Савойи и Ниццы имеет для Франции такое же значение, как аннексия, если не политическая, то военная, самого Пьемонта. Когда в будущем Виктор-Эммануил будет из Villa della Regina близ Турина обозревать роскошную цепь альпийских гор, из которых ни одна не будет ему принадлежать, ему все это станет ясно.

Но, говорят, раз в Верхней Италии образуется сильное военное государство, то Франция нуждается в Ницце и Савойе для своей собственной обороны.

Что Савойя значительно усиливает оборонительную систему Франции — мы видели. Ницца только в той степени ее могла бы усилить, в какой и эту провинцию следовало бы завоевать прежде, чем теперешние альпийские департаменты Франции могли бы подвергнуться нападению. Но еще вопрос, будет ли вообще сильное военное итальянское государство настолько угрожать Франции, чтобы она нуждалась в специальной защите против него.

Италия, даже если бы она вся была объединена, никогда не могла бы со своими 26 миллионами жителей вести наступательную войну против Франции иначе, как в союзе с Германией. Но в такую войну главную массу боевых сил всегда выставила бы Германия, а Италия играла бы подчиненную роль. Уже этого одного было бы достаточно, чтобы главный удар перенести с Альп на Рейн и Маас. К этому еще присоединяется то, что решающий пункт наступления — Париж — лежит на севере Франции. Наиболее чувствительное нападение на Францию всегда будет исходить из Бельгии; если же Бельгия остается нейтральной, то — с немецкого левого берега Рейна и с баденского верхнего Рейна. Всякое другое нападение прибегнет к обходному движению, будет до известной степени эксцентричным, не направленным прямо на Париж. Клаузевиц с насмешкой говорит

(«Vom Kriege», кн. VI, глава 23) о том, как в 1814 г. армия в 200 000 человек, следуя указаниям глупейшей теории, совершает обход через Швейцарию на Лангрское плато вместо того, чтобы наступать прямо на Париж; что бы он сказал о плане кампании, который главный удар на Париж предполагает направить через Верхнюю Италию или даже через Ниццу? Всякое наступление через Савойю по сравнению с наступлением с Рейна имеет огромные неудобства: прежде всего более длинная коммуникационная линия, к тому же еще через Альпы, более длинное расстояние до Парижа и, наконец, обладающий притягательной силой большой укрепленный лагерь Лиона, который, в большинстве случаев, вынудит приостановить наступление. Поэтому в походе 1814 г. корпуса, наступавшие во Францию через Италию, ровно никакой роли не играли.

Располагая такими оборонительными средствами, Франция на этой своей границе, и без того хорошо прикрытой, и против слабейшего своего соседа по существу не нуждается в расширении территории. Если бы теперешняя граница Франции была бы везде так же удалена от Парижа, так же сильна благодаря природе, искусству и затрудненным для неприятеля сообщениям, как против Италии, то Франция была бы неуязвима. Если же бонапартизм избирает именно этот пункт и предъявляет свои притязания на так называемые естественные границы под предлогом, что Франция не может без них обойтись для своей обороны, — то во сколько раз ему будет легче обосновать свои притязания на Рейн!

Ницца всегда останется итальянской, если бы она даже и отошла вдруг к Франции. Савойя может пожелать сама присоединиться к Франции и, вероятно, в будущем этого захочет, когда большие европейские нации больше консолидируются. Но далеко не безразлично, станет ли Савойя добровольно французской после того, как Германия и Италия осуществят свое национальное объединение, политическое и военное, и таким образом значительно поднимут свой престиж в Европе, — или жадный к завоеваниям монарх, как Луи Бонапарт, заполучит ее от раздробленной еще Италии, чтобы увековечить свое господство над ней и установить в то же время первый прецедент для теории естественных границ.

IV.

Для нас, немцев, в ницца-савойском торге важны следующие три существенных момента.

Во-первых, практическое объявление Луи-Наполеоном независимости Италии: Италия разделена, по меньшей мере, на три, а пожалуй даже и на четыре части; Венеция принадлежит Австрии; Франция, владея Савойей и Ниццей, господствует над Пьемонтом. Папская область после отделения Романьи совершенно отрежет Неаполь от верхне-итальянского государства, чтобы воспрепятствовать всякому его расширению на юг, так как владение оставшейся областью должно быть «гарантировано» папе. В то же время для верхне-итальянского государства Венеция оставляется в виде приманки, и национальное движение Италии получает в лице Австрии своего непосредственного и главного противника; а для того, чтобы это новое королевство можно было, по желанию Луи-Наполеона, двинуть против Австрии, французы овладевают всеми позициями, господствующими над западными Альпами, и продвигают свои форпосты на расстояние семи миль от Турина. Таково положение, которое бонапартизм создал себе в Италии и которое, в случае войны за рейнскую границу, заменит ему армию. Оно дает Австрии повод, самое большее, поставить свой союзнический контингент — если еще не меньше того. Здесь могло бы помочь только одно: полная перемена германской политики в отношении Италии. Что Германия не нуждается в венецианских владениях вплоть до Минчио и По, мы показали, думается нам, в другом месте. В существовании папского и неаполитанского господства у нас также нет никакого интереса, но таковой есть в восстановлении единой и сильной Италии, которая может иметь самостоятельную политику. В данных условиях мы, следовательно, можем предложить Италии больше, чем бонапартизм. Скоро, может быть, возникнут обстоятельства, когда важно будет помнить об этом.

Во-вторых, откровенное возвешение теории естественных границ Франции. Что эту теорию снова написала на своем знамени французская пресса не только с соизволения правительства, но и по прямому его приказу, в этом не может быть никакого сомнения. Эту теорию пока применяют лишь к Альпам; это еще довольно естественно. Савойя и Ницца — страны небольшие, с населением соответственно в 575 000 и 236 000 жителей, и могли бы увеличить насе-

ление Франции всего на 811 000 душ; их политическое и военное значение не сразу бросается в глаза. Но что в связи с притязаниями на эти две провинции снова была выдвинута и возобновлена в памяти французского народа точка зрения естественных границ, что к этому лозунгу должно снова привыкнуть ухо Европы, как к другим в разное время за десять лет объявленным и затем оставленным лозунгам Бонапарта, — вот, что касается специально нас, немцев. На французском языке первой империи, на котором так старательно продолжали говорить республиканцы из «National», под естественной границей Франции *par excellence* [по преимуществу] понимают Рейн. Еще сегодня, когда идет речь о естественной границе, ни один француз не думает о Ницце или Савойе, а только о Рейне. Какое правительство, опирающееся к тому же на завоевательные стремления и традиции страны, осмелится провозгласить принцип естественных границ и затем предложить Франции удовольствоваться Ниццей и Савойей?

Снова возведенная теория естественных границ Франции — прямая угроза Германии, факт, который нельзя недооценивать и который оправдывает национальное чувство, нашедшее выражение в Германии год тому назад. Правда, не Луи-Наполеон, а направляемая им пресса объявляет во всеуслышание, что, конечно, речь шла и идет только о Рейне.

В-третьих и преимущественно — *отношение России ко всей интриге*. Когда в прошлом году вспыхнула война и сам Горчаков признался, что Россия взяла на себя «письменные обязательства» по отношению к Луи-Наполеону, в публику стали проникать слухи о содержании этих обязательств. Они исходили из различных источников, но в существенном одни взаимно подтверждали другие. Россия обязалась мобилизовать четыре армейских корпуса и выставить их на прусской и австрийской границах, чтобы таким образом облегчить игру Луи-Наполеона. Для самого хода войны было будто бы предусмотрено три случая.

Или Австрия заключает мир с установлением границы по р. Минчио: в этом случае она теряет Ломбардию и, изолированная от Англии и Пруссии, легко даст себя склонить к вступлению в русско-французский союз, дальнейшие цели которого (раздел Турции, передача Франции левого берега Рейна) будут преследоваться другими путями.

Или Австрия продолжает борьбу за обладание Венецией; тогда ее совершенно вытесняют из Италии, в Венгрии поднимается восстание, и она передается при соответствующих обстоятельствах

русскому великому князю Константину; Ломбардия и Венеция переходят к Пьемонту, Савойя и Ницца — к Франции.

Или, наконец, Австрия продолжает борьбу, и Германский союз ее поддерживает; тогда Россия активно вступает в борьбу; Франция получает левый берег Рейна, а Россия получает свободу действий в Турции.

Мы повторяем: эти данные о наиболее существенных частях франко-русского соглашения стали известны и были опубликованы уже с начала войны. Значительную их часть подтвердили события. Как же обстоит дело с остальной частью?

Документальные доказательства заранее представить по самой сути вещей невозможно. Они появляются лишь тогда, когда самые события становятся достоянием истории. Только установленная на основании фактов и документов политика России за прошлые периоды истории (например, на основании найденных в Варшаве в 1830 г. русских актов) может служить ключом к этой запутанной интриге; но для этой цели ее совершенно достаточно.

Два раза в течение этого столетия Россия вступала в союз с Францией, и каждый раз целью или основанием для союза служил раздел Германии.

Первый раз на плоту у Тильзита. Россия отдала тогда Германию в полное распоряжение императора французов и в качестве отступного взяла себе даже часть Пруссии. За это она получала свободу действий в Турции; она поторопилась захватить Бессарабию и Молдавию и двинуть свои войска через Дунай. Но вскоре затем Наполеон стал «изучать турецкий вопрос» и существенно изменил свою точку зрения на этот предмет; это обстоятельство послужило для России одним из главных оснований для войны 1812 года.

Второй раз в 1829 г. Россия заключила с Францией договор, по которому Франция должна была получить левый берег Рейна, а Россия — вновь свободу действий в Турции. Этот договор был расторгнут июльской революцией; надлежащие бумаги нашел Талейран, когда готовился обвинительный акт по делу министерства Полиньяка, и бросил в огонь, чтобы избавить французскую и русскую дипломатию от громкого скандала. Перед лицом широкой публики дипломаты всех стран составляют тайный союз и не станут никогда публично компрометировать друг друга.

В войне 1853 г. Россия понадеялась на Священный союз, который, по ее расчетам, был восстановлен интервенцией в Венгрии и поражением Варшавы и укреплен недоверием Австрии и Пруссии к Луи-Наполеону. Она обманулась. Австрия изумила мир своей

крайней неблагодарностью (свой долг России она раньше уплатила с ростовщическими процентами в Шлезвиг-Гольштинии и Варшаве) и последовательным возобновлением своей традиционной антирусской политики на Дунае. Русский расчет в этом направлении не удался; но Россию выручило предательство в неприятельском лагере в другом направлении.

Ясно было одно: навязчивая идея завоевания Константинополя могла быть осуществлена теперь только через союз с Францией. С другой стороны, еще никогда во Франции не было правительства, которому так необходимо было завоевание левого берега Рейна, как правительству Луи-Наполеона. Положение было еще более благоприятно, чем в 1829 году. Для России ситуация была выигрышная; Луи-Наполеон мог только таскать для нее каштаны из огня.

Прежде всего надлежало уничтожить Австрию. С тем же упорством, с каким Австрия с 1792 по 1809 г. оказывала сопротивление Франции на поле брани, с тем же упорством с 1814 г. — и это ее единственная, но неоспоримая заслуга — она боролась дипломатическим путем с русскими захватническими планами на Висле и на Дунае. В 1848 — 1849 гг., когда революция в Германии, Италии и Венгрии грозила Австрии полным распадом, Россия спасла Австрию — ее распад не должен был наступить в результате революции, которая вырвала бы освободившиеся части империи из-под руководящего влияния русской политики. Тем не менее, ставшее с 1848 г. самостоятельным движение отдельных национальностей лишило Австрию возможности выступать против России и тем уничтожило последний исторический смысл ее существования.

Это же антиавстрийское национальное движение должно было теперь стать фактором расчленения Австрии. Прежде всего в Италии; затем, если нужно будет, в Венгрии. Россия действует не так, как первый Наполеон; именно, на западе, где она наталкивается на густое население, превосходящее ее собственный народ своей цивилизацией, она продвигается очень медленно. Начальные моменты подчинения Польши восходят ко времени Петра Великого, и ее покорение все еще завершено только частично. Медленные, но верные успехи ее удовлетворяют в такой же степени, как быстрые и решительные удары с большими результатами; но обе возможности всегда бывают предусмотрены. В использовании венгерского восстания в войну 1859 г., в отодвигании его в резерв ко второму акту ясно видна рука России.

Но разве Россия, довольная в одном отношении ослаблением Австрии в короткую кампанию 1859 г., не предусмотрела никаких

других возможностей? Неужели она мобилизовала свои первые четыре армейских корпуса только, чтобы получить это удовлетворение? А как было бы, если бы Австрия не уступила? Если бы военные и политические комбинации заставили Пруссию и остальную Германию — а иначе при продолжении войны и быть не могло — выступить для поддержки Австрии? Как тогда? Какие обязательства по отношению к Франции *могла бы* на этот случай принять на себя Россия?

Договоры тильзитский и 1829 года дают ответ на этот вопрос. Франция также должна будет получить свою долю в добыче, если Россия расширит свои владения на Дунае и прямо или косвенно будет господствовать в Константинополе. Единственная компенсация, которую Россия *может* предложить Франции, это — левый берег Рейна; жертвы должны быть снова принесены Германией. Естественная, как и традиционная политика России по отношению к Франции: обещать Франции обладание левым берегом Рейна или в известном случае ей помочь в этом за признание и поддержку русских завоеваний на Висле и на Дунае; а Германии, которая из благодарности признает русские завоевания, помощь для обратного завоевания у Франции потерянной области. Осуществление этой программы, естественно, возможно только во время больших исторических кризисов, но из этого отнюдь не следует, что такие возможности не могли быть так же хорошо предусмотрены в 1859 г., как в 1829 году.

Было бы смешно еще сегодня доказывать, что неизменной целью внешней политики России служит завоевание Константинополя и что для этой цели ей все средства хороши. Мы здесь хотим напомнить только об одном. Россия никогда не в состоянии осуществить раздела Турции иначе, как в союзе с Францией или Англией. В 1844 г., когда прямые предложения Англии представлялись своевременными, император Николай отправился в Англию и сам привез русскую записку о разделе Турции, причем англичанам, между прочим, был обещан Египет. Предложения были отклонены, но лорд Эбердин записку положил в шкатулку и передал ее в запечатанном виде своему преемнику по министерству иностранных дел; каждый следующий министр иностранных дел читал этот документ, снова его запечатывал и передавал своему преемнику, пока, наконец, в 1853 г., во время дебатов в палате лордов, дело не было предано гласности. Одновременно был опубликован известный разговор императора Николая I с сэром Гамильтоном Сеймуром о «большом человеке», когда Англии так же были предложены Египет и Крит, в то время как Россия, видимо, готова была удовлетвориться скромными выго-

дами. Следовательно, русские обещания Англии в 1853 г. были те же, что и в 1844 г.; обещания, сделанные Франции, были будто бы в 1859 г. менее щедрыми, чем в 1829 году.

Как по своему положению, так и по своим личным качествам Луи-Наполеон предназначен служить планам России. Мнимый наследник великой военной традиции, он получил также в наследство поражения 1813 и 1815 годов. Армия — его главная опора; он должен ее улаживать новыми военными успехами, карая те страны, которые нанесли Франции поражение в эти годы, и восстанавливая естественную границу страны. Когда французский трехцветный флаг будет развеваться по всему левому берегу Рейна, только тогда будет смыт позор двукратного завоевания Парижа. Но чтобы этого достигнуть, необходим сильный союзник; выбор возможен только между Россией и Англией; Англия с ее часто сменяющимися министерствами, по меньшей мере, ненадежна, даже если бы английский министр и согласился с этими проектами; а Россия? За дешевый эквивалент она уже дважды изъявляла готовность на союз на подобной основе.

Никогда русская политика не имела более подходящего человека, чем Луи-Наполеон, и с более для нее благоприятным, чем у него, положением. На французском престоле властелин, который *вынужден* вести войну, который *должен* завоевывать только для того, чтобы сохранить свое положение, которому необходим союз и который *вынужден* заключить этот союз только с Россией; такой ситуации у нее никогда еще не было. Со времени встречи в Штутгарте все последние пружины французской политики следует искать уже не в Париже, не у Луи-Наполеона, а в Петербурге, в кабинете князя Горчакова. Этот «таинственный» человек, который внушает немецким филистерам такой почтительный страх, сведен к роли инструмента, которым русская дипломатия играет и которому она позволяет оставить для себя всю видимость великого человека, сама довольствуясь реальными выгодами. Россия, которая никогда не жертвует ни одной копейкой и ни одним солдатом, если только в этом нет крайней необходимости, но которая по возможности сеет между европейскими государствами раздоры и ослабляет их, — Россия должна была через горчаковский договор дать разрешение прежде, чем Луи-Наполеон мог хвастаться в качестве освободителя Италии. Когда же отчеты о настроениях в русской Польше стали давать слишком плохие сведения, чтобы в ближайшем соседстве, в Венгрии, разрешить какое-нибудь восстание, когда опытная мобилизация четырех армейских корпусов обнаружила, что истощение страны еще не

преодолено; когда крестьянские волнения, равно как и сопротивление дворянства приняли размеры, которые могли быть опасны во время внешней войны, — тогда во французскую главную квартиру явился генерал-адъютант русского императора, и был заключен Виллафранкский мир. Во всяком случае, достижения России были достаточно велики. Австрия была жестоко наказана за свою «неблагодарность» 1854 г., гораздо более жестоко, чем Россия когда-либо могла рассчитывать. Ее финансы, которые перед войной должны были быть приведены в порядок, были подорваны на десятилетия, вся внутренняя система государственного управления безнадежно расшатана, ее господство в Италии уничтожено, территория урезана, войска деморализованы и лишены веры в своих вождей; венгерцы, славяне и венецианцы настолько подняли свое национальное движение, что отпадение от Австрии стало их открыто выраженной целью. Россия с этих пор могла совершенно не считаться с сопротивлением Австрии и постепенно превращать ее в свое орудие. Таковы были успехи России. Луи-Наполеон не получил ничего, кроме весьма тощей славы для своей армии, очень сомнительной — для самого себя и весьма ненадежного права на Савойю и Ниццу — две провинции, которые, в лучшем случае, представляются для него дарами данайцев и еще крепче приковывают его к России.

Дальнейшие планы тотчас же откладываются, но от них не отказываются. На сколько времени, будет зависеть от развития международных отношений в Европе, от промежутка времени, в течение которого Луи-Наполеон будет в состоянии держать в узде своих преторианцев, и от большего или меньшего интереса, какой у России будет в новой войне.

Какую роль Россия предполагает играть по отношению к нам, немцам, ясно говорит известная циркулярная нота, с которой князь Горчаков обратился в прошлом году к малым германским государствам. Еще никогда с Германией не говорили таким языком. Немцы, нужно надеяться, никогда не забудут, что Россия позволила себе запретить им притти на помощь подвергшемуся нападению германскому государству.

Немцы, нужно надеяться, не забудут России и еще многого другого.

В 1807 г. при заключении Тильзитского мира Россия настояла на передаче ей Белостокского округа из владений ее союзника, Пруссии, и выдала Германию Наполеону.

В 1814 г., когда даже Австрия (см. мемуары Кастри [Castlereagh]) признавала необходимость независимой Польши, Россия присоеди-

нила к своей территории почти все Варшавское герцогство (т. е. бывшие австрийские и прусские провинции), заняв таким путем по отношению к Германии наступательную позицию, и она нам до тех пор будет угрожать, пока мы ее оттуда не выбьем. Построенную еще в 1831 г. группу крепостей — Модлин, Варшаву, Ивангород — даже руссофил Гакстгаузен признает прямой угрозой Германии.

В 1814 и 1815 гг. Россия употребила все средства, чтобы закрепить германские союзные акты в их современной форме и таким путем увековечить внешнюю беспомощность Германии.

С 1815 по 1848 г. Германия находилась под непосредственной гегемонией России. Если Австрия устраивала последней оппозицию на Дунае, то на конгрессах в Лайбахе, Троппау и Вероне она выполняла все, чего желала Россия в Западной Европе. Эта гегемония России была прямым следствием германских союзных актов. Когда Пруссия попыталась в 1841 и 1842 гг. на один момент освободиться от нее, то ее немедленно заставили занять прежнее положение. Поэтому, когда вспыхнула революция 1848 г., Россия выпустила циркуляр, в котором она трактовала движение в Германии как бунт в детской.

В 1829 г. Россия заключила с министерством Полиньяка подготовлявшийся еще с 1823 г. Шатобрианом и им официально подтвержденный договор, по которому левый берег Рейна был уступлен Франции.

В 1849 г. Россия поддержала Австрию в Венгрии лишь под условием, что Австрия восстановит федеральный сейм и уничтожит сопротивление Шлезвиг-Гольштейнии; лондонский протокол обеспечивал России наследование во всей датской монархии уже в ближайшее время и давал ей надежду, которую лелеяли еще со времени Петра Великого, надежду на вступление в Германский союз (прежде империю).

В 1850 г. Австрия и Пруссия были вызваны в Варшаву к царю, который над ними правил суд. Унижение было для первой не меньше, чем для второй, хотя, по мнению политиканов, ему подвергалась одна Пруссия.

В 1853 г. император Николай I высказывал в разговоре с саром Г. Сеймуром свои соображения о Германии в таком тоне, как будто она была его наследственным владением. Австрия, говорил он, ему верна. Пруссию же он даже не удостоил упоминанием.

И, наконец, в 1859 г., когда Священный союз, казалось, окончательно распался, — договор с Луи-Наполеоном, нападение французов на Австрию с соизволения и при поддержке России и циркуляр

Горчакова, в самом наглом тоне запрещающий немцам оказывать какую бы то ни было помощь Австрии.

Вот чем мы с начала этого столетия обязаны русским и чего мы, немцы, нужно надеяться, никогда не забудем.

Еще в этот момент нам угрожает франко-русский союз. Сама Франция может сделаться для нас опасной только в отдельные моменты, и то лишь через союз с Россией. Но Россия угрожает и оскорбляет нас всегда, а когда Германия против этого восстает, она приводит в движение французского жандарма видами на левый берег Рейна.

Неужели мы должны еще дольше допускать, чтобы с нами вели эту игру?

Неужели мы, сорокапятимиллионный народ, должны еще дольше терпеть, чтобы одна из наших прекраснейших, богатейших и самых промышленных провинций служила приманкой, которую Россия держит перед французской преторианской властью? Неужели рейнские земли не имеют никакого иного назначения, как стать театром военных действий, для того чтобы Россия получила свободу действия на Дунае и Висле?

Так стоит вопрос. Мы надеемся, что Германия скоро ответит на него с оружием в руках. Если мы будем держаться вместе, то уж выпроводим и французских преторианцев, и русских казаков (Karuschtschiks).

Между тем, мы получили союзника в русском крепостном. Борьба, которая разгорелась теперь в России между господствующим классом и поработанным классом сельского населения, уже теперь подрывает основы всей системы русской внешней политики. Эта система была возможна только до тех пор, пока в России не было внутреннего политического развития. Но это время прошло. Созданное совместными усилиями правительства и дворянства сельскохозяйственное и промышленное развитие достигло такой степени, при которой существующие социальные отношения продолжаться больше не могут. Устранение их, с одной стороны, необходимо, а с другой — невозможно без насильственного изменения. Вместе с Россией, которая просуществовала от Петра Великого до Николая I, терпит крушение и ее внешняя политика.

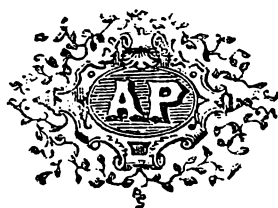
Повидимому, Германии суждено разъяснить это России не только пером, но и мечом. Если дело дойдет *до этого*, то реабилитация Германии возместит за политический позор столетий.

Е. Маркс
ГОСПОДИН ФОГТ

Herr Vogt.

Von

Karl Marx.

London,

M. Petzsch & Co, deutsche Buchhandlung,

78. FENCHURCH STREET, &c.

—
1860.

Обложка первого издания книги: «Господин Фогт»
(«Herr Vogt») — 1860 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Под датой «Лондон, 6 февраля 1860 г.» я опубликовал в берлинской «*Volkszeitung*», гамбургской «*Reform*» и других немецких газетах заявление, начинавшееся следующими словами:

«Настоящим заявляю, что мной сделаны подготовительные шаги для привлечения к суду берлинской «*Nationalzeitung*» по обвинению ее в клевете за передовые статьи в №№ 37 и 41 по поводу памфлета Фогта: «*Мой процесс против «Allgemeine Zeitung»*». Фогту я отвечу в печати позднее».

Почему я решил ответить *Карлу Фогту* в печати, а «*Nationalzeitung*» в судебном порядке, будет видно из предлагаемой работы.

В феврале 1860 г. я подал жалобу в суд на «*Nationalzeitung*» по обвинению ее в клевете. После того как дело прошло уже четыре предварительных инстанции, я получил 23 октября текущего года постановление королевского прусского верховного суда, которым я был лишен права на иск в последней инстанции, и процесс таким образом был прекращен до публичного разбирательства. Если бы публичное разбирательство действительно состоялось, на что я имел право рассчитывать, то я мог бы обойтись без первой трети предлагаемого произведения. Достаточно было бы перепечатать стенографический отчет судебного разбирательства, и я был бы избавлен от крайне неприятного труда отвечать на обвинения, выдвинутые лично против меня, и, следовательно, говорить о самом себе. Я всегда так старался избегать этого, что Фогт мог ожидать некоторого успеха в своих лживых измышлениях. Однако *sunt certi denique fines* [всему есть предел]. Фогт в своей книжонке, — содержание которой «*Nationalzeitung*» изложила на свойственный ей манер, — приписал мне ряд позорящих поступков, которые теперь, когда у меня окончательно отнята возможность публичного опровержения их в судебном порядке, требуют опровержения в печати. Но независимо от этих соображений, которые не оставляли никакого выбора, у меня были еще и другие мотивы подробнее разобрать «охотничьи рассказы» Фогта обо мне и моих партийных товарищах, раз уже я должен был заняться этим делом: с одной стороны, почти

единодушные клики торжества, которыми так называемая «либеральная» немецкая печать приветствовала его мнимые разоблачения; с другой стороны — возможность, которую предоставлял анализ фогтовской стряпни для характеристики этого индивидуума, представляющего целое направление.

Ответ Фогту заставил меня кое-где приоткрыть *partie honteuse* [срамоту] в истории эмиграции. Я пользуюсь при этом только правом «самообороны». Впрочем, эмиграции, за исключением нескольких человек, можно поставить в упрек только иллюзии, которые более или менее оправдывались текущими обстоятельствами, и глупости, неизбежно возникавшие в исключительной обстановке, в которой она неожиданно очутилась. Я говорю здесь, конечно, только о первых годах эмиграции. Сравнение истории правительств и буржуазного общества за период, примерно, с 1849 по 1859 г. с историей эмиграции за тот же период было бы самой блестящей защитой, какую только можно было бы для нее написать.

Я заранее знаю, что те самые мудрецы, которые при появлении фогтовской книжонки озабоченно качали головами по поводу серьезности его «разоблачений», теперь совсем не в состоянии будут понять, как могу я тратить время на опровержение подобного вздора; в то же время «либеральные» писакы, с таким злопыхательством распространявшие пошлые глупости Фогта и его бесцельную ложь в немецкой, швейцарской, французской и американской печати, будут находить мой способ разделяться с ними и их героем преступным и непристойным. *But never mind!* [Что поделаешь!]

Политическая и юридическая часть этой работы не нуждается ни в каком особом предисловии. Во избежание возможных недоразумений, я замечу лишь следующее: люди, которые уже до 1848 г. сходились в том, что независимость Польши, Венгрии и Италии надлежит отстаивать не только как *право* этих стран, но и как *интерес* Германии и Европы, высказывали диаметрально противоположные взгляды о тактике, которой Германии надлежит придерживаться по отношению к Луи Бонапарту в связи с итальянской войной 1859 года. Эта противоположность взглядов вытекала из противоположной оценки *фактических предпосылок*, о которых окончательное суждение должно быть предоставлено будущему. Что касается меня, то я занимаюсь в этом произведении только взглядами *Фогта* и его клики. Даже те взгляды, которые он *обещал* отстаивать и — в *воображении* не критической группы лиц — отстаивал, фактически остаются за пределами моей критики. Я разбираю лишь те взгляды, которые он в *действительности* отстаивал.

В заключение я выражаю сердечную благодарность за любезную помощь, оказанную мне в этой работе не только старыми партийными товарищами, но и многими, ранее мне неизвестными, а отчасти и теперь еще лично неизвестными членами эмиграции в Швейцарии, Франции и Англии.

Карл Маркс.

Лондон, 17 ноября 1860 г.

I. СЕРНАЯ БАНДА.

Clarín: Malas pastillas gasta;
...hase untado
Con unguiento de azufre.
(Calderon.)

[Кларин: Он мелет вздор;
... он натерся
серною мазью.
(Кальдерон.)]

«Округленная натура», как деликатно назвал адвокат Герман перед окружным судом в Аугсбурге своего шарообразного клиента, наследственного Фогта из Нихильбурга ¹, — «округленная натура» начинает свою вздорную историографическую стряпню следующим образом:

«Под именем *серной банды* (Schwefelbande) ², или также под не менее характерным названием *бюрстенгеймеров* ³ (Bürstenheimer), была известна среди эмиграции 1849 г. группа лиц, которые сначала жили в различных местах Швейцарии, Франции и Англии, постепенно собрались в Лондоне и в качестве своего видного вождя почитали *Маркса*. Политическим принципом этой компании была диктатура пролетариата и т. д.». (Карл Фогт, «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung», Женева, декабрь 1859 г., стр. 136). «Главная книга» ⁴, в которой находится это важное сообщение, появи-

¹ Игра слов: Vogt по-немецки означает — наместник, регент. Erb-Vogt буквально значит — наследственный регент; Фогт был имперским регентом. *Ред.*

² «Серной бандой» («Schwefelbande») первоначально была в шутку названа студенческая организация Иенского университета *Sulphuria*; за отказ от сатисфакции организация была объявлена под бойкотом; кличка «серная банда» становится оскорбительной и получает распространение как название всякой шайки преступных элементов, особенно шайки или банды поджигателей. *Ред.*

³ Происхождение названия объяснено дальше. *Ред.*

⁴ Так Маркс вслед за Фогтом называет его книгу, в отличие от других, более мелких его выступлений в печати по тому же поводу, которые все были перепечатаны вновь в этой «Главной книге». *Ред.*

лась в декабре 1859 года. Но за восемь месяцев до того, в мае 1859 г., «округленная натура» поместила в бильском *«Handelscourier»* статью, которую следует рассматривать как эскиз более пространной историографической стряпни. Послушаем первоначальный текст: «С поворотного момента в ходе революции 1849 г. — сочиняет бильский *Коммивояжер* — в Лондоне постепенно собралась шайка изгнанников, члены которой были известны в свое (!) время в швейцарской эмиграции под названием «бюрстенгеймеров» или «серной банды». Их вождь — Маркс, бывший редактор *«Rheinische Zeitung»* в Кельне, их лозунг — социальная республика, диктатура рабочих, их занятие — организация союзов и заговоров». (Перепечатано в «Главной книге». Третий отдел. Документы, № 1, стр. 31, 32.)

Шайка изгнанников, которая была известна «в швейцарской эмиграции» под названием «серной банды», превращается восемь месяцев спустя перед более многочисленной публикой в «рассеянную по Швейцарии, Франции и Англии» массу, которая «среди эмигрантщины» вообще была известна под названием «серной банды». Это старая история о лошом холсте из зеленого кендальского сукна¹, так забавно рассказанная прототипом Карла Фогта, бессмертным сэром Джоном Фальстафом, который нисколько не убавился в веществе в своем новом зоологическом перевоплощении. Из первоначального текста бильского *Коммивояжера* видно, что «серная банда» и «бюрстенгеймеры» были местной швейцарской флоры. Ознакомимся с их естественной историей.

Узнав от друзей, что в 1849 — 1850 гг. в Женеве действительно процветало общество эмигрантов под именем «серной банды» и что видный купец лондонского Сити, С. Л. Боркгейм, может дать более точные сведения о происхождении, росте и распаде этого гениального общества, я в феврале 1860 г. обратился письменно к этому господину, тогда мне неизвестному, и после личной встречи действительно получил от него нижеследующий набросок, который я перепечатаваю без изменений:

Лондон, 12 февраля 1860 г.
18, Union Grove, Wandsworth Road.

Милостивый государи!

Хотя мы, — несмотря на девятилетнее пребывание в одной и той же стране и большею частью в одном городе, — три дня тому назад еще не были лично знакомы друг с другом, Вы совершенно правильно предположили, что я не откажу Вам, как товарищу по эмиграции, в разъяснениях, которые Вам угодно было запросить.

¹ См. Шекспир, Генрих IV, часть 1, акт II, сцена IV. *Ред.*

Итак, о «серной банде».

В 1849 г., вскоре после того, как мы, повстанцы, выкатились из Бадена, несколько молодых людей оказались в Женеве, — одни, высланные туда по распоряжению швейцарских властей, другие по собственному выбору. Все они — студенты, солдаты или купцы — были приятелями еще в Германии до 1848 г. или перезнакомились друг с другом во время революции.

Настроение у эмигрантов было совсем не радужное. Так называемые политические вожаки вставляли друг на друга вину за неудачу. Военные руководители критиковали друг друга за отступательные наступления, фланговые передвижения и наступательные отступления. Стали обзывать друг друга буржуазными республиканцами, социалистами и коммунистами. Посыпались памфлеты, отнюдь не способствовавшие успокоению. Повсюду мерещились шпионы, а, в довершение всего, одежда у большинства превращалась в лохмотья, и на многие лица легла печать голода. При таких-то стесненных обстоятельствах и подружились указанные молодые люди. Это были: *Эдуард Розенблюм*, уроженец Одессы, немецкого происхождения; он изучал медицину в Лейпциге, Берлине и Париже; *Макс Конгейм* из Фрауштадта торговый служащий, а в начале революции одногодичный вольноопределяющийся в гвардейской артиллерии; *Корн*, химик и аптекарь из Берлина; *Беккер*, инженер из Рейнской области, и я сам, сдав в 1844 г. экзамен на аттестат зрелости в Вердеровской гимназии, в Берлине, учился затем в университетах в Бреславле, Грейфсвальде и Берлине; в революцию 48 года — канонир в моем родном городе (Глогау).

Ни одному из нас, думается мне, не было больше 24 лет. Мы жили все в близком соседстве, а одно время даже в одном доме, в районе Grand Pré. Нашей главной задачей в этой маленькой стране с ее ничтожными перспективами заработка было не поддаваться гнетущему и деморализующему влиянию общей эмигрантской нищеты и упадочного политического настроения. Климат, природа были великолепны, — мы не забыли своего бранденбургского прошлого и находили *местность божественной* (die Jegend jottvoll)¹. То, что было у одного из нас, было у всех, а если ни у кого ничего не было, то мы находили добродушных трактирщиков или других добрых людей, которым доставляло удовольствие давать нам кое-что в долг под наши молодые жизнерадостные лица. Мы все, вероятно, имели очень честный и сумасбродный вид. С благодарностью следует вспомнить владельца Café de l'Europe, Бертена, который в буквальном смысле слова *неустанно* «кредитовал» не только нас, но и многих других немецких и французских изгнанников. В 1856 г., после шестилетнего отсутствия, я, возвращаясь из Крыма, посетил Женеву только для того, чтобы с благодарностью благомыслящего «гуляки» уплатить свои долги. Добрый, круглый, толстый Бертен был поражен и уверял меня, что я первый доставил ему такое удовольствие, что тем не менее он нисколько не жалеет, что у него от 10 до 20 тысяч франков осталось ва эмигрантами, которых уже давно повывесли во все концы света. Не думая о цолгах, он с особенной сердечностью осведомлялся о моих ближайших друзьях. К сожалению, я мало мог ему рассказать.

После этого отступления возвращаюсь к 1849 году.

Мы весело бражничали и распевали. Помню, за нашим столом перебивали эмигранты всевозможных политических оттенков, в том числе французские и

¹ Конец фразы на местном (берлинском) наречии. *Ред.*

итальянские. Веселые вечера, проведенные в таком *dulci júbilo* [милом весельи], казались всем какими-то оазисами в печальной в общем пустыне эмигрантской жизни. И друзья, бывшие тогда членами Большого женевского совета или ставшие ими впоследствии, принимали иногда участие в наших пирушках.

Либкнехт, который находится теперь здесь и которого за девять лет я три или четыре раза случайно встретил на улице, нередко бывал в нашем обществе. Студенты, доктора, бывшие гимназические и университетские товарищи, во время каникулярных прогулок осушили с нами не мало стаканов пива и бутылок доброго и дешевого маконского вина. Иногда мы целые дни, а то и недели проводили на Женевском озере, не вылезая на берег, и с гитарами в руках распевали любовные романсы в честь дам под окнами вилл на савойской или швейцарской стороне.

Должен сознаться, что кровь буршей нередко сказывалась у нас в непроизвольных выходках. В этих случаях славный, ныне покойный *Алиберт Галлеер*, небезызвестный политический противник Фази в рядах женевской буржуазии, в дружеском тоне отчитывал нас. «Вы сумасбродные бурши, — говорил он; — следует, впрочем, признать, что если хочешь сохранить такую жизнерадостность в невеселой эмигрантской жизни, то нельзя слабость телом и падать духом, а для этого нужна изрядная упругость». Этому доброму человеку трудно было сильнее бранить нас. Он был членом Большого совета женевского кантона.

Дуэль состоялась, насколько мне известно, только одна, на пистолетах, между мной и неким господином Р.....н. Повод был, однако, вовсе не политического характера. Моим секундантом был один женевский артиллерист, говоривший только по-французски, а арбитром молодой *Оскар Галлеер*, брат члена Большого совета, преждевременно унесенный впоследствии в могилу нервной лихорадкой в Мюнхене, где он был студентом. Должна была состояться еще другая дуэль — тоже неполитического характера — между Розенблумом и одним баденским эмигрантом, лейтенантом фон Ф.....г, который вскоре после этого вернулся на родину и, кажется, снова вступил в восстановленную баденскую армию. Недоразумение было улажено утром в день поединка благодаря посредничеству г. Энгельса, — кажется, того самого, который, говорят, живет теперь в Манчестере и которого я не видел с тех пор. Этот г. Энгельс был в Женеве проездом, и в его веселом обществе мы распили не мало бутылок вина. Встреча с ним, если память мне не изменяет, была нам особенно приятна потому, что его кошельку мы могли предоставить руководящую роль.

Мы не примкнули ни к так называемым «синим», ни к «красным» республиканским, ни к социалистическим, ни к коммунистическим партийным вожакам. Мы позволяли себе судить свободно и независимо, — не скажу, чтобы всегда правильно, — о политике имперских регентов, членов Франкфуртского парламента и других говорили, революционных генералов и капралов или далайлам коммунизма и основали даже для этой, а также для других забавлявших нас целей еженедельную газету под названием:

Rummeltippuff

Орган бродягократии (*Lausbubokratie*) *

* Такое прозвище, если память мне не изменяет, было дано всем либеральным партиям в одной из мелких германских законодательных палат или во Франкфуртском парламенте. Мы хотели увековечить его. (*Боркгейм.*)

Как более точно вспоминает в «*Neue Zeit*» (1890, стр. 255) другой участник

Вышло только два номера этой газеты. Когда меня позднее арестовали во Франции, чтобы выслать сюда, французская полиция забрала у меня все мои бумаги и дневники, и теперь я не припоминаю в точности, прекратила ли газета свое существование за отсутствием средств или же была запрещена властями.

«Филистеры» — они принадлежали к так называемым буржуазным республиканцам, были такие и из рядов так называемых коммунистических рабочих — прозвали нас «серной бандой». Иногда мне кажется, что мы сами так окрестили себя. Во всяком случае, применялось это прозвище к нашему обществу исключительно в добродушном немецком смысле этого слова. Я дружески встречаюсь с товарищами по изгнанию, друзьями г. Фогта, и с другими изгнанниками, бывшими и нынешними еще, вероятно, вашими друзьями. Но мне никогда, к счастью, не пришлось слышать, чтобы презрительно отзывались о членах «серной банды» как по поводу политической, так и личной их жизни.

Это единственная «серная банда», которую я знаю. Она существовала в Женеве в 1849—1850 годах. В середине 1850 г. немногочисленные члены этого опасного общества, за исключением Корна, должны были покинуть Швейцарию, так как принадлежали к подлежащим высылке категориям эмигрантов. Так прекратила свое существование наша «серная банда». Были ли в других местностях другие «серные банды», где именно и с какими целями, — мне ничего неизвестно.

Корн, кажется, остался в Швейцарии и обосновался там в качестве аптекаря. Конгейм и Розенблюм уехали перед битвой при Идштедте в Гольштинию. Они оба, кажется, принимали в ней участие. Позже, в 1851 г., они отправились в Америку. Розенблюм в конце того же года вернулся в Англию и в 1852 г. уехал в Австралию; с 1855 г. я о нем не имел оттуда никаких сведений. Конгейм, говорят, состоит уже в течение некоторого времени редактором «Newyorker Humorist». Беккер тогда же, в 1850 г., уехал в Америку. Что с ним случилось, я, к сожалению, не могу точно сказать.

Я лично провел зиму 1850—1851 гг. в Париже и Страсбурге. В феврале 1851 г. я, как уже упомянуто, был арестован французской полицией, подвергался насилию и был выслан в Англию, причем в течение трех месяцев меня протащили через 25 тюрем и на протяжении большей части пути везли закованным в тяжелые железные кандалы. Потратив первый год своего пребывания в Англии на ознакомление с языком, я занялся торговой деятельностью, не переставая живо интересоваться политическими событиями на родине, но держась всегда в стороне от всяких затей политических эмигрантских кружков. Живется мне сносно, или, как говорят англичане, «very well, sir, thank you!» [«очень хорошо, сэр, благодарю вас!】. Вините себя самого в том, что Вам пришлось выслушать длинную и отнюдь не очень поучительную историю.

Остаюсь с уважением преданный Вам

Сигизмунд Л. Боркгейм.

Таково письмо Боркгейма. В предчувствии своей исторической важности «серная банда» предусмотрительно позаботилась вклинить в книгу истории акт своего гражданского состояния гра-

«серной банды» Р. Рюэгг (R. Rüegg, «Erinnerungen eines deutschen Achtundvierzigers»), название дано было ультраконсервативным членом баварской палаты профессором Лассо (Lassaulx) радикалам и либералам. *Ред.*

вюрами на дереве. Именно, первый номер «Rummeltipuff» украшен портретами его основателей.

Гениальные господа из «серной банды» принимали участие в республиканском путче Струве в сентябре 1848 г., затем сидели в тюрьме в Брухзале до мая 1849 г., наконец, сражались в качестве солдат в кампанию за имперскую конституцию; эта кампания и перебросила их через швейцарскую границу. В 1850 г. два матадора из банды, Конгейм и Розенблум, прибыли в Лондон, где они «собрались» вокруг *Густава Струве*. Я не имел чести лично с ними познакомиться. Политически они установили со мною отношения, попытавшись в противовес Лондонскому эмигрантскому комитету, руководимому тогда мной, Энгельсом, Виллихом и другими, основать под руководством Струве свой собственный комитет. Направленное против нас «Pronunciamento» этого комитета, подписанное Струве, Розенблумом, Конгеймом, Бобцином, Грунихом и Освальдом, появилось, между прочим, и в «*Berliner Abendpost*».

В эпоху расцвета Священного союза *угольная банда* (карбонарии) представляла для полицейской разработки и аристократической фантазии совершенно неистощимый пласт. Не думал ли наш имперский Gorgellantua [Горгеллянтюа] ¹ для вящей пользы тевтонской буржуазии эксплуатировать «серную банду» по способу «угольной банды»? *Селитряная банда* восполнила бы полицейское триединство. Может быть, *Карл Фогт* не расположен к сере, потому что не выносит запаха пороху. Или, подобно иным больным, он не терпит своего специфического лекарства? Как известно, специалист по секретным болезням доктор *Радемахер* классифицирует болезни по их лекарствам. В таком случае в число серных болезней попало бы то, что адвокат Герман назвал в окружном суде в Аугсбурге «округленной натурой» своего клиента, что Радемахер называет «натянутым, как барабан, животом», а еще более крупный врач Фишарт — «выпуклым французским пузом». Все фальстафовские натуры страдали, таким образом, более чем в одном отношении от серной болезни. Или, может быть, *Фогту* его зоологическая совесть напомнила, что сера — смерть для чесоточных клещей и что особенно не выносят серы клещи, неоднократно менявшие свою кожу? Как показали новейшие исследования, только перенесший линьку клещ способен к оплодотворению и поэтому доразвился до

¹ Германизированное имя героя романа Рабля — Gargantua (Гаргантюа): вместо романского корня garg, который встречается во всех романских словах, обозначающих горло, глотку, у Маркса поставлено немецкое слово Gurgel (или Gorgel), имеющее то же значение. *Ред.*

самосознания. Замечательное противоречие! На одной стороне *сера*, на другой — *чесоточный клещ* в сознании собственного достоинства. Но во всяком случае на г. Фогте лежала обязанность доказать своему «императору» и либеральному тевтонскому буржуа, что все беды «с поворотного момента революции 1849 г.» произошли от женевской *серной банды*, а не от парижской *декабрьской банды*. Лично меня он должен был возвести в главари столь опорочиваемой им и мне до появления его «Главной книги» совершенно неизвестной серной банды в наказание за мои продолжавшиеся много лет преступления против главы и членов «банды 10 декабря». Чтобы сделать понятным справедливый гнев «приятного собеседника», я приведу здесь некоторые касающиеся «декабрьской банды» отрывки из моего сочинения: «*Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte*» [«18 Брюмера Луи Бонапарта»], Нью-Йорк 1852 (см. стр. 31, 32 и 61, 62).

«Эта банда ¹ возникла еще в 1849 году. Под предлогом организации благотворительного общества парижский люмпен-пролетариат был организован в тайные секции, каждой секцией руководили бонапартовские агенты, во главе всей организации — бонапартовский генерал. Наряду с разорившимися распутниками из аристократии, с сомнительными средствами существования и сомнительного происхождения, наряду с упадочными и авантюристскими отпрысками буржуазии — бродяги, отставные солдаты, освобожденные арестанты, беглые каторжники, мошенники, фигляры, лаццарони, карманные воры, фокусники, игроки, сводники, содержатели публичных домов, грузчики, поденщики, шарманщики, тряпичники, точильщики, лудильщики, нищие, — словом, вся неопределенная, распутная, бродяжническая масса, которую французы называют *la bohème* [богема]; из этих родственных ему элементов Бонапарт образовал ядро банды 10 декабря. «Благотворительное общество» — поскольку все его члены, подобно Бонапарту, чувствовали потребность убагловывать себя за счет трудящейся нации.

Бонапарт, который конституируется как шеф люмпен-пролетариата, который только в этой массе находит интересы, преследуемые им лично, который в этих подонках, отбросах, в этом отребьи всех классов видит единственный класс, на который он безусловно может опереться, — таков настоящий Бонапарт, Бонапарт *sans phrases* [без прикрас], безошибочно узнаваемый даже тогда, когда он,

¹ Речь идет об «Обществе 10 декабря» (10 декабря 1848 г. Луи-Наполеон был избран президентом Французской республики). Под видом благотворительной деятельности общество это готовило осуществление реставрационных планов Бонапарта. *Ред.*

впоследствии всемогущий, расплачивается с частью своих старых товарищей по заговору, ссылая их в Кайенну вместе с революционерами. Старый продувной прожигатель жизни, он смотрит на историческую жизнь народов и на их важнейшие государственные акты как на комедию в самом пошлом смысле этого слова, как на маскарад, где все величие в костюмах, словах и позах служит лишь маской для мелкой подлости. Так, в его походе на Страсбург дрессированный швейцарский коршун исполняет роль наполеоновского орла. Для нападения на Булонь он на несколько лондонских лакеев напяливает французские мундиры. Они представляют армию. В своей банде 10 декабря он набирает десять тысяч оборванцев, которые должны представлять народ, как Клаус Цеттель — льва...

Чем для социалистических рабочих были Национальные мастерские, а для буржуазных республиканцев летучая гвардия, тем была для Бонапарта банда 10 декабря — характерной для него партийной боевой силой. В его поездках сопутствующие отряды этой банды должны были импровизировать ему публику, выражать народный энтузиазм, реветь «vive l'Empereur!» [«да здравствует император!»], оскорблять и избивать республиканцев, — разумеется, под охраной полиции. На его обратном пути в Париж они должны были служить авангардом, предупреждать или разгонять враждебные демонстрации. Банда 10 декабря принадлежала ему, была им создана, им самим изобретена. То, что он сверх того присваивает себе, дается ему силой обстоятельств; то, что он сверх того вершит, вершат события за него или он довольствуется копированием деяний других. Он — публично перед бюргерами с официальными фразами о порядке, религии, семье, собственности, а за его спиной — тайное общество Шуфтерле и Шпигельбергов, общество беспорядка, проституции и воровства, — таков сам Бонапарт как оригинальный творец, и история банды 10 декабря — его собственная история...

Бонапарту хотелось бы играть роль патриархального благодетеля всех классов. Но он не может дать одному, не отнимая у другого. Подобно герцогу Гизу, слывшему во времена Фронды самым обязательным человеком во Франции, потому что превратил все свои имения в долговые обязательства своих сторонников на себя, и Бонапарт хотел бы быть самым обязательным человеком во Франции и всю собственность, весь труд Франции превратить в долговое обязательство на себя лично. Ему хотелось бы *украсть* всю Францию, чтобы *подарить* ее Франции же, или, вернее, чтобы *купить* потом Францию на французские же деньги; в качестве шефа банды 10 декабря он вынужден покупать то, что ему должно бы принадлежать. Институтами

купли становятся все государственные учреждения: сенат, государственный совет, законодательный корпус, судебные учреждения, орден Почетного легиона, солдатская медаль, прачечные, казенные постройки, железные дороги, *état major* [генеральный штаб] национальной гвардии без рядовых, конфискованные имения Орлеанов. Покупательным средством становится всякое место в армии и в правительственном аппарате.

Но самое важное в этом процессе обмена, когда Францию берут, чтобы ей отдать, это — проценты, перепадающие на долю главы и членов банды 10 декабря. Острое словцо графини Л., метрессы г. де-Морни, по поводу конфискации орлеанских имений: «*C'est le premier vol de l'aigle*» [«Это — первый полет орла»]¹, применимо к каждому полету этого *орла*, похожего больше на *ворону*. Он сам и его приверженцы ежедневно повторяют себе слова, обращенные одним итальянским картезианским монахом к скряге, хвастливо перечислявшему свои богатства, которых ему должно было хватить еще на долгие годы: «*Tu fai conto sopra i beni. Bisogna prima far il conto sopra gli anni*» [«Ты считаешь свои богатства. Тебе следовало бы раньше сосчитать свои годы»]. Чтобы не просчитаться в годах, они считают минуты.

Ко двору, к министерским портфелям, к верхушке администрации и армии протискивается толпа молодцов, о лучшем из которых приходится сказать, что неизвестно, откуда он явился, — шумная, подозрительная, хищническая богема, напаяливающая на себя обшитые галунами сюртуки со смешной важностью сановников Сулука. Можно получить наглядное представление об этом высшем слое банды 10 декабря, если принять во внимание, что Вернон-Кревель — его моралист, а Гранье де-Кассаньяк — его мыслитель. «*C'est le roi des drôles*» [«Это король шутов»], — лестно отзывался о нем Гизо; он пользовался этим Гранье во времена своего премьерства в одной темной газетке как орудием против династической оппозиции. Было бы несправедливо сопоставлять двор и клику Луи Бонапарта с регентством или Людовиком XV. «Франция уже не раз переживала правление метресс, но никогда еще не переживала правления *hommes entretenus*» [сутенеров]...

Преследуемый противоречивыми требованиями своего положения и, как фокусник, вынуждаемый все новыми трюками приковывать внимание публики к себе, как к заместителю Наполеона, другими словами — совершать каждый день государственный переворот в ми-

¹ Игра слов: *vol* обозначает — полет и воровство. *Ред.*

ниатюре, — Бонапарт вносит сумятицу во все буржуазное хозяйство, протягивает руки ко всему, что казалось неприкосновенным для революции 1848 г., одних делает равнодушными к революции, других привлекает к ней, создает анархию во имя порядка и в то же время срывает священный ореол с государственной машины, профанирует ее, делает ее отвратительной и в то же время смешной. Культ трирского священного хитона он пародирует в Париже культом наполеоновской императорской мантии. Но когда императорская мантия упадет, наконец, на плечи Луи Бонапарта, бронзовая статуя Наполеона упадет с высоты Вандомской колонны».

II. БЮРСТЕНГЕЙМЕРЫ.

«But, sirrah, there's no room for faith,
truth nor honesty, in this bosom of thine,
it is all filled up with guts and midriff».

(Shakespeare.)

[«У тебя, брат, внутри нет места ни для
веры, ни для правды, ни для чести, все
заполнено кишками и диафрагмой».

(Шекспир.)]

«Бюрстенгеймеры», и л и «серная банда», читаем мы в бильском первоевангелии («Главная книга». Документы, стр. 31). «Серная банда», и л и т а к ж е «бюрстенгеймеры», читаем мы в «Главной книге» (стр. 37).

Согласно обоим этим разночтениям «серная банда» и «бюрстенгеймеры» — одна и та же банда. Но «серная банда», как мы видели, умерла, погибла в середине 1850 года. Значит, погибли и «бюрстенгеймеры»? «Округленная натура» состоит штатным цивилизатором при декабрьской банде, а цивилизация, как говорит Фурье, отличается от варварства тем, что простую ложь заменяет сложной.

«Сложный» имперский Фальстаф рассказывает нам («Главная книга», стр. 198) о некоем *Абте*, называя его «подлейшим из подлых». Изумительная скромность! Для самого себя Фогт употребляет положительную степень, а для своего Абта превосходную, возводя его некоторым образом в своего маршала Нея. Когда первоевангелие Фогта появилось в бильском «Коммивояжере», я попросил редакцию «Volk» перепечатать этот первопасквиль без всяких комментариев. Редакция все же снабдила его следующим примечанием: «Напечатанный выше пасквиль исходит от некоего тунеядца, по имени *Абт*, который восемь лет тому назад судом чести немецких эмигрантов в Женеве был единодушно признан виновным в совершении различных бесчестных поступков» («Volk», № 6 от 11 июня 1859 г.).

Редакция «Volk» сочла Абта автором фогтовского первопасквиля.

Она забыла, что Швейцария имела двух Ричмондов на поле брани, одного *Фогта при одном Абте*¹.

Итак, «подлейший из подлых» весной 1851 г. изобрел своих «бюрстенгеймеров», которых осенью 1859 г. Фогт стащил у своего маршала. Милая привычка к плагиату инстинктивно следует за ним из области естественно-исторического в область полицейского книгопечения. Во главе женевского рабочего общества стоял щеточник (Bürstenmacher) *Зауэрнгеймер*. Абт отсек половинки от профессии и фамилии Зауэрнгеймера, — одну спереди, другую сзади, — и из обеих половинок ловко скомпоновал целое «бюрстенгеймер». Этим прозвищем он называл сперва, кроме Зауэрнгеймера, его ближайших приятелей: *Камма* из Бонна, по профессии щеточника, и переплетного подмастерья *Раникеля* из Бингена. Зауэрнгеймера он возвел в чин генерала бюрстенгеймеров, Раникеля — в адъютанты, а Камма в бюрстенгеймеры *просто* (*sans phrase*). Впоследствии, когда два эмигранта, принадлежавшие к женевскому рабочему обществу, *Имандт* (ныне профессор семинария в Денди) и *Шили* (прежде трирский, ныне парижский адвокат), добились от суда чести исключения Абта из общества, Абт выпустил полный ругани памфлет, в котором возвел в сан «бюрстенгеймеров» уже все женевское рабочее общество. Мы видим, следовательно, что были бюрстенгеймеры вообще и бюрстенгеймеры в частности. К «бюрстенгеймерам» вообще относилось женевское рабочее общество, то самое общество, от которого попавший в затруднительное положение Фогт выклянчил свое *testimonium paupertatis* [свидетельство о несостоятельности], помещенное в «*Allgemeine Zeitung*» и перед которым он ползал на четвереньках во время празднеств в честь Шиллера и Роберта Блюма (1859). К «бюрстенгеймерам» в частности относились, как сказано, совершенно мне неизвестный Зауэрнгеймер, никогда не бывавший в Лондоне, Камм, высланный из Женевы и уехавший затем в Соединенные Штаты через Лондон, где, однако, он посетил не меня, а Кинкеля; наконец, *тот* или *та Раникель*, что в качестве адъютанта бюрстенгеймеров остался в Женеве, где он «собрался» вокруг «округленной натуры». Действительно, своей особой он представляет у Фогта пролетариат. Так как в последующем мне еще придется вернуться к этой *Раникели* (*das Ranikel*), то здесь пока некоторые предварительные сведения об этом чуде. *Раникель*, после неудачного похода Геккера, принадлежал к эмигрантской казарме в Безансоне, которой командовал Виллих. Под его командой он

¹ Игра слов: Фогт значит наместник, Абт — аббат. *Ред.*

участвовал в кампании за имперскую конституцию, а затем вместе с ним бежал в Швейцарию. Виллих был его коммунистическим Магометом, который должен был огнем и мечом основать тысячелетнее царство. Тщеславный болтун и франтоватый фигляр *Раникель* (das Ranickel) превзошел тирана. В Женеве он в красной ярости неистовствовал против «парламентариев» вообще и в частности грозил, в качестве нового Телля, задушить ланд-Фогта. Но когда Валло, эмигрант 30-х годов и друг юности Фогта, ввел его в дом последнего, кроважидные чувства *Раникеля* свернулись in the milk of human kindness [в простоквашу человеческого благодушия]. «Малый был *фогтовец*», как говорит Шиллер.

Адъютант бюрстенгеймеров сделался адъютантом генерала Фогта, которого только не увенчала военная слава, так как Плон-Плон считал неаполитанского капитана (даже генерала by courtesy) [при изысканном обращении] *Уллоа* слишком плохим исполнителем задачи, возложенной в итальянском походе на его «Corps de Touristes» [корпус туристов], а своего Parolles [Пароля] держал в резерве для великой авантюры с «пропавшим барабаном»¹, авантюры, которая будет разыгрываться на Рейне. В 1859 г. Фогт пересадил своего *Раникеля* из пролетарского сословия в буржуазное, помог ему завести предприятие (художественные вещи, переплетная, письменные принадлежности) и вдобавок обеспечил ему заказы от женевского правительства. Адъютант бюрстенгеймеров стал для Фогта maid of all work [готовым на все], его cicisbeo [чичисбеем], другом дома, Лепорелло, поверенным, корреспондентом, сплетником, доносчиком, а после грехопадения жирного Jack [Джека] также его соглядатаем и бонапартовским вербовщиком среди рабочих. В одной швейцарской газете сообщалось недавно об открытии третьего вида ежей, ранского или рейнского ежа², соединяющего в себе свойства собачьего и свиного ежа и найденного в гнезде у Арвы, в имении Гумбольдта-Фогта. Не имел ли этот ранский еж (Ran-Igel) отношения к нашему *Раникелю* (Ranickel)?

Notabene: единственный эмигрант в Женеве, с которым я был

¹ Здесь, очевидно, имеется в виду эпизод из драмы Шекспира «Конец всему делу венец» с Паролем, трусливым хвастунишкой, отправляющимся на поиски потерянного барабана, но служащим при этом объектом шуток его соратников, разоблачающих его ничтожество и продажность. *Ред.*

² Здесь непереводаемая игра слов, основанная, с одной стороны, на созвучии слова Ran-Igel (ранский еж) с именем Ranickel, а с другой — на двояком значении слов Hundsigel — собачий еж и распутник — и Schweinigel — свиной еж и гнусное существо. *Ред.*

связан, д-р *Эрнст Дронке*, бывший член редакции «Новой Рейнской Газеты», а ныне купец в Ливерпуле, относился отрицательно к «бюрстенгеймерам».

По поводу нижеследующих писем *Имандта* и *Шили* я хочу лишь заметить, что Имандт в начале революции покинул университет и принял участие в качестве добровольца в шлезвиг-гольштинской кампании. В 1849 г. Шили и Имандт руководили штурмом цейхгауза в Прюме; оттуда они, со своим отрядом и добытым оружием, пробились в Пфальц, где и вступили в ряды армии, сражавшейся за имперскую конституцию. Высланные весной 1852 г. из Швейцарии, они переехали в Лондон.

Денди, 5 февраля 1860 г.

Дорогой Маркс!

Не понимаю, каким образом Фогт мог поставить тебя в связь с женевскими историями. Среди тамошней эмиграции было известно, что из всех нас был связан с тобой *только Дронке*. *Серная банда* существовала до меня, и единственное относящееся сюда имя, которое я помню, это *Боркгейм*.

Бюрстенгеймерами назывались участники женевского рабочего общества. Название обязано своим происхождением *Абту*. Общество было тогда питомником виллиховского тайного союза, в котором я был председателем. Когда рабочее общество, к которому принадлежали многие эмигранты, признало по моему предложению Абта бесчестным и объявило его недостойным общения с эмигрантами и рабочими, он вскоре после того выпустил пасквильную брошюру, в которой обвинил меня и Шили в самых нелепых преступлениях. После этого мы организовали новое рассмотрение дела в другом помещении, при другом составе судей. На наше требование доказать возведенные им на нас обвинения Абт ответил отказом, и, не требуя, чтобы я или Шили сказали что-нибудь в свою защиту, *Денцер* внес предложение объявить Абта бесчестным клеветником. Предложение было вторично единогласно принято, на этот раз в собрании эмигрантов, состоявшем почти исключительно из бывших парламентариев. Сожалею, что мое сообщение до чрезвычайности кратко, но мне впервые за восемь лет приходится вспоминать *об этой грязи*. Я не хотел бы, чтобы в наказание меня заставили писать об этом, и буду крайне удивлен, если ты найдешь возможным *копаться в подобной гадости*.

Прощай!

Твой Имандт.

Известный русский писатель ¹, бывший во время своего проживания в Женеве в очень дружеских отношениях с Фогтом, писал мне в духе заключительных строк предыдущего письма.

Paris, 10 Mai 1860.

Mon cher Marx!

J'ai appris avec la plus vive indignation les calomnies qui ont été répandues sur votre compte et dont j'ai eu connaissance par un article de la *Revue Contempo-*

¹ Н. П. Сазонов. *Ред.*

raïne, signé *Edouard Simon*. Ce qui m'a particulièrement étonné c'est que Vogt, que je ne croyais ni bête, ni méchant, ait pu tomber dans l'abaissement moral, que sa brochure révèle. Je n'avais besoin d'aucun témoignage pour être assuré, que vous étiez incapable de basses et sales intrigues, et il m'a été d'autant plus pénible de lire ces diffamations, que dans le moment même où on les imprimait, vous donniez au monde savant la première partie du beau travail, qui doit renouveler la science économique et la fonder sur des nouvelles et plus solides bases... Mon cher Marx, ne vous occupez plus de toutes ces misères; tous les hommes sérieux, tous les hommes consciencieux sont pour vous, mais ils attendent de vous autre chose que des polémiques stériles; ils voudraient pouvoir étudier le plus tôt possible la continuation de votre belle oeuvre. — Votre succès est immense parmi les hommes pensants et s'il vous peut être agréable d'apprendre le retentissement que vos doctrines trouvent en Russie, je vous dirai qu'au commencement de cette année le professeur... a fait à Moscovie un cours public d'économie politique dont la première leçon n'a pas été autre chose que la paraphrase de votre récente publication. Je vous adresse un numéro de la *Gazette du Nord*, où vous verrez combien votre nom est estimé dans mon pays. Adieu, mon cher Marx, conservez-vous en bonne santé et travaillez comme par le passé, à éclairer le monde, sans vous préoccuper des petites bêtises et des petites lâchetés. Croyez à l'amitié de votre dévoué...

[Париж, 10 мая 1860 г.

Дорогой Маркс!

С глубочайшим негодованием я узнаю о клеветнических вымыслах, которые распространяются на Ваш счет и о которых я прочитал в напечатанной в «*Revue Contemporaine*» статье *Эдуарда Симона*. Что меня особенно удивило, это то, что Фогт, которого я не считал ни глупым, ни злым, мог так низко морально пасть, как это обнаруживает его брошюра. Мне не нужно было никаких доказательств, чтобы быть уверенным, что Вы неспособны на низкие и грязные интриги, и мне было тем более тягостно читать эти клеветнические измышления, что как раз в то время, как они печатались, Вы дали ученому миру первую часть прекрасного труда, который призван преобразовать экономическую науку и построить ее на новых, более солидных основах... Дорогой Маркс, не обращайтесь на все эти низости. Все серьезные люди, все добросовестные люди на Вашей стороне, и они ждут от Вас не бесплодной полемики, а совсем другого, — они хотели бы иметь возможность поскорее приступить к изучению продолжения Вашего прекрасного произведения. Вы пользуетесь огромным успехом среди мыслящих людей, и если Вам может доставить удовольствие узнать, какое распространение Ваше учение находит в России, я могу Вам сообщить, что в начале этого года профессор... прочел в Москве публичный курс политической экономики, первая лекция которого представляла не что иное, как изложение Вашего последнего произведения. Посылаю Вам номер «*Gazette du Nord*», который Вам покажет, каким уважением окружено Ваше имя в нашей стране. Прощайте, дорогой Маркс, берегите свое здоровье и работайте попрежнему, просвещая мир и не обращая внимания на мелкие глупости и мелкие подлости. Верьте дружбе преданного Вам...]

Бывший венгерский министр *Семере* также писал мне: «*Vaut il la peine que vous vous occupiez de toutes ces bavardises?*» [«Стоит ли

Вам заниматься подобными сплетнями?»] Почему я, несмотря на эти и подобные им советы — пользуясь сильным выражением Имандта — копался в фогтовской гадости, было коротко указано мной в предисловии.

Теперь вернемся к *бюрстенгеймерам*. Нижеследующее письмо *Шили* я перепечатаваю дословно, включая и все, не относящееся к нашему «грязному делу». Впрочем, я сократил кое-где письмо в части, касающейся «серной банды», о которой мы уже знаем из сообщений Боркгейма, и оставил некоторые места для дальнейшего изложения, так как я должен обработать «свою приятную тему» до известной степени артистически и поэтому не хочу выболтать сразу все секреты.

Париж, 8 февраля 1860 г.
46, Rue Lafayette.

Дорогой Маркс!

Мне было очень приятно получить непосредственную весть о тебе в твоём письме от 31 января, и я тем охотнее готов дать необходимые сведения об интересующей тебя женевщине, что proprio motu [по собственному почину] собирался написать тебе о ней. Что Фогт, как ты пишешь, смешивает тебя с совершенно неизвестными тебе лицами, было первой мыслью не только у меня, но и у всех здешних женевских знакомых, когда мы случайно заговорили об этом, и я в интересах истины взялся сообщить тебе надлежащие сведения о «бюрстенгеймерах», «серной банде» и т. д. Поэтому ты поймешь, что оба твои вопроса: «1) кто были бюрстенгеймеры, что они делали? 2) что представляла серная банда, из каких элементов состояла, что делала?» пришли весьма кстати. Прежде всего я должен упрекнуть тебя в нарушении хронологического порядка; в этом отношении приоритет принадлежит *серной банде*. Если Фогт хотел пугнуть чортом немецкого филистера или опалить его горячей серой и себя «позабавить», — то он, право, мог бы выбрать лучших чертей для своих персонажей, чем эти безобидные, веселые завсегдатаи кабачков, которых мы, старики женевской эмиграции, шутя и без всякого злого умысла называли серной бандой и которые столь же добродушно принимали это прозвище. Это были веселые питомцы муз, которые сдали свои examina [экзамены] и exercitia practica [практические занятия] в различных южно-германских путчах, а потом в кампанию за имперскую конституцию и после провала вместе со своими экзаменаторами и преподавателями красной науки собирались в Женеве с силами для новых битв... К банде, само собой разумеется, нельзя причислить совсем тех, которые не жили в Женеве или появились там после распада банды. Она была чисто местным и эфемерным цветком (серным цветом следовало бы, собственно, назвать этот сублимат), но все же, вероятно вследствие революционного аромата ее «Rummeltipuff», со слишком сильным запахом для нервов Швейцарского союза, потому что — Дрюэ подул, и цветок разлетелся во все стороны. Лишь долгое время спустя появился в Женеве *Абт*, а несколькими годами позже и *Шерваль*; они благоухали здесь «каждый молодец на свой образец», но вовсе не в том давно увядшем, давно рассыпавшемся и забытом букете, как это утверждает Фогт.

Деятельность банды можно разюмировать в немногих словах: *трудиться в винограднике господнем*. Кроме того, они редактировали свой «Rummeltipuff» с эпиграфом: «Оставайся в стране и кормись честно»¹. Здесь умно и не без юмора издевались над богом и людьми, разоблачали ложных пророков, бичевали парламентариев (inde igae) [отсюда и гнев], не щадя при этом ни себя, ни нас, их сторонних слушателей, и сочиняя с бесспорной добросовестностью и беспристрастием карикатуры на всех и вся, на друзей и на врагов.

Мне нечего говорить тебе, что они не находились ни в каких сношениях с тобой и твоего «башмана» [союзного значка] не носили. Но не могу также скрыть от тебя, что эта обувь не пришлась бы им по вкусу. Ландскнехты революции, они пока шлепали в туфлях военного затишья, в ожидании, когда она снова их призовет и снабдит их собственным котурном (семимильными сапогами решительного прогресса). И здорово досталось бы тому, кто решился бы потревожить их siesta [послеобеденный сон] марксовой политической экономией, диктатурой рабочих и пр. О, господи! Работа, которую делали они, требовала, самое большее, председателя для попок, а их экономические занятия вертелись вокруг кружки и ее красноватого (röthlich) содержимого. «Право на труд, конечно, хорошая вещь, — сказал однажды вольнослушатель Бакфиш, честный кузнец из Оденвальда, — но с обязанностью трудиться пусть убираются к чорту!»...

Положим поэтому снова на его место столь кощунственно потревоженный надгробный камень серной банды. Какой-нибудь Гафиз должен был бы пропеть «Requiescat in расе» [«Со святыми упокой»], чтобы предупредить дальнейшее осквернение гробницы банды. Но, за отсутствием такового, да будут им pro viatico et epitaphio [напутствием и эпитафией] слова: «все они понюхали пороху», между тем как их святотатственный историограф понюхал разве только серы.

Бюрстенгеймеры появились на сцену уже тогда, когда члены серной банды продолжали жить лишь в преданиях и легендах, в записях женевских филистеров и в сердцах женевских красоток. Щеточники и переплетчики Зауэрнгеймер, Камм, Раникель и др. поссорились с Абтом; так как я, Имандт и другие горячо вступились за них, то и мы вызвали его гнев. В связи с этим Абт был приглашен на одно общее собрание, в котором эмигранты и рабочее общество выступили в качестве cour des pairs [суда пэров] или даже как haute cour de justice [верховный суд]. Он явился на это собрание и не только не стал поддерживать брошенных им по адресу разных лиц обвинений, но непринужденно заявил, что выдумал их в отместку за почерпнутые из того же источника обвинения его противников; «*Доле платесом красен, мир держится возмездием!*» [Wurst wider Wurst, Repressalien halten die Welt zusammen] — заключил он. После мужественной защиты этой системы «расплаты» и старательной его попытки убедить в ее практическом значении высоких судей были заслушаны доказательства направленных против него обвинений, и он был признан виновным в злостной клевете, уличен в приписанных ему проступках и в силу этого приговорен к изгнанию. En revanche [в отместку] он окрестил высоких пэров, — до того, как выше было указано, простых ремесленников, — «бюрстенгеймерами». Как видишь, удачная комбинация из профессии и фамилии Зауэрнгеймера², которого, следовательно, ты должен почитать как предка

¹ Игра слов: вместо «redlich» (честно) «röthlich» (красновато). *Ред*.

² Bürste — щетка, heimer — окончание фамилии, Bürstenheimer значит также пьянчужка. *Ред*.

бюрстенгеймеров, не имея, однако, права числить себя лично ни членом, ни даже примыкающим к этому роду (будь то цех или пэрство). Ты должен знать, что те из них, которые занимались «организацией революции», были не приверженцами, а противниками твоими: почитая Виллиха как бога-отца или, по крайней мере, как святейшего папу, они в тебе видели антихриста или антипапу, так что Дронке, бывший твоим единственным сторонником и *legatus a latere* [посол со специальным поручением] в женевской епархии, не был допускаем ни на какие соборы, за исключением винологических, где он был *primus inter pares* [первым среди равных]. Но и бюрстенгеймеры, подобно серной банде, оказались эфемерными и также были развеяны могучим дыханием Дрюэ.

Что ученик Агассиса мог так запутаться в этих женевских эмигрантских ископаемых и извлечь оттуда такие естественно-исторические басни, какие преподносятся в его брошюре, — должно казаться тем более странным по отношению к *species Bürstenheimerana* [виду бюрстенгеймеров], что в лице пра-бюрстенгеймера *Раникеля* он имеет именно оттуда в своем собственном зоологическом кабинете великолепный образчик мастодонта порядка жвачных. Очевидно, жвачка происходила неправильно или же не была правильно исследована выше-названным учеником.

Вот тебе все, что ты хотел, *et au delà* [и даже больше того]. А теперь и я хочу спросить тебя кое о чем. Я хотел бы знать твое мнение насчет введения налога на наследства *pro patria* [в пользу отечества], *vulgo* [в просторечии] — для государства, в качестве главного источника его доходов, разумеется, только на крупные наследства, с отменой всех налогов, падающих теперь на немущие классы. Наряду с этим вопросом о налоге на наследство я занимаюсь еще двумя немецкими институтами: «объединением земельных участков» и «ипотечным страхованием». Я хотел бы ознакомить с этими институтами французов, которые вообще, за немногими исключениями, видят по ту сторону Рейна лишь туманности и кислую капусту. Исключение составила недавно газета «Univers»; изливаясь в жалобах по поводу дробления земельной собственности, она правильно заметила: «Il serait désirable qu'on appliquât immédiatement les remèdes énergiques, dont une partie de l'Allemagne s'est servie avec avantage: le remaniement obligatoire des propriétés partout où les $\frac{7}{10}$ des propriétaires d'une commune réclament cette mesure. La nouvelle répartition facilitera le drainage, l'irrigation, la culture rationnelle et la voirie des propriétés» [«Было бы желательно, чтобы немедленно были приняты энергичные меры, которые с пользою были применены в одной части Германии, — именно принудительные земельные переделы во всех общинах, в которых $\frac{7}{10}$ владельцев земли требуют передела. Новое распределение земель способствовало бы улучшению дренажа, ирригации, рациональной обработки и дорог между хозяйствами»]. Затем следует «Siècle», газета вообще несколько близорукая, особенно в немецких делах, но исключительно болтливая вследствие своего самодовольного шовинизма, которым она щеголяет, как Диоген своим дырявым плащом; это блюдо она изодня в день подогревает для своих читателей под видом патриотизма. И вот эта шовинистическая газета, принеся своему *bête noire* [ярому врагу] «Univers» обязательное утреннее приветствие, восклицает: «Propriétaires ruraux, suivez ce conseil! Empressez-vous de réclamer le remaniement obligatoire des propriétés; *déposez les petits au profit des grands*. O fortunatos nimium agricolas — trop heureux habitants des campagnes — Sua si bona — s'ils connaissaient l'avantage à remanier obligatoirement la propriété!» [«Землевладельцы, следуйте этому совету!

Спешите требовать принудительного передела земли; *обирайте мелких собственников в пользу крупных!* О *fortunatos nimium agricolas*, — о счастливые обитатели деревень, — *sua si bona*, — если бы они знали выгоду принудительного передела земли!»] Словно при *поголовном* голосовании собственников крупные одержали бы победу над мелкими.

В остальном я предоставляю событиям идти своим чередом, воздаю кесарево кесареви и божие богovi, не забывая и «доли дьявола». Остаюсь твоим старым другом.

Твой Шили.

Из вышеизложенных сообщений следует, что если в Женеве в 1849 — 1850 гг. существовала «серная банда», а в 1851 — 1852 гг. были «бюрстенгеймеры», два общества, не имевшие ничего общего ни одно с другим, ни со мной, то обнаруженное нашим парламентским клоуном существование «серной банды» и *ли* «бюрстенгеймеров» — плоть от его плоти, *ложь* в четвертой степени, «такая» же гора, как и тот, который ее выдумал». Представьте себе историка, у которого хватило бы бесстыдства утверждать, что во время первой французской революции существовала группа лиц, которая была известна под именем «*Cercle social*»¹ и *ли* *т а к ж е* под менее характерным названием «*якобинцев*».

Что же касается жизни и деяний измышленных им «серной банды» или «бюрстенгеймеров», то наш забавник не понес здесь никаких издержек производства. Приведу лишь один единственный пример:

«Одно из главных занятий серной банды, — рассказывает округленный человечек своей изумленной филистерской публике, — состояло в таком компрометировании проживающих на родине лиц, что они должны были не противиться более попыткам их эксплуатировать и давать деньги (недурно сказано: «они *должны были не противиться более попыткам их эксплуатировать*»), чтобы банда хранила в тайне компрометирующие их факты. *Не одно, сотни* писем посылались в Германию этими людьми (т. е. фогтовскими *homunculis*²) с открытой угрозой разоблачить причастность к тому или иному акту революции, если к известному сроку по указанному адресу не будет доставлена определенная сумма денег («Главная книга», стр. 139).

Почему же Фогт ни «одного» из этих писем не напечатал?

¹ Cercle social — социальный клуб, общество эпохи Великой французской революции (расцвет деятельности в 1790—1792-х годах), близкое по составу к жирондистам, отличалось некоторыми близкими к социализму эгалитаристскими взглядами (аббат Фоше и др.). Расцвет деятельности якобинского клуба относится к более позднему времени. *Ред.*

² Изобретенными Фогтом человечками. *Ред.*

Потому, что «серная банда» писала «сотни». Если бы угрожающие письма были столь же дешевы, как ежевика, Фогт все же поклялся бы, что мы не увидим ни одного письма. Если бы его завтра призвали к суду чести союза «Грютли» и потребовали разъяснений по поводу «сотен» «угрожающих писем», то он вынул бы из-за пояса; вместо письма, бутылку вина, прищелкнул бы пальцами и языком и, с колыхающимся от силеновского хохота животом, воскликнул бы вместе со своим Абтом: «Долг платежом красен, — мир держится возмездием!»

III. ПОЛИЦЕЙЩИНА.

«Welches Neues Unerhörtes hat der Vogt
Sich ausgesonnen!» (Schiller.)

[«Что еще за новое злодейство Фогт
задумал!» (Шиллер.)]

«Я открыто заявляю, — говорит Фогт, серьезнейшим образом принимая свою позу гаера, — я открыто заявляю: всякий, кто ввязывается с Марксом и его товарищами в какие бы то ни было политические интриги, рано или поздно попадает в руки полиции; интриги эти заранее известны тайной полиции, которая в надлежащее время выводит их на свет (интриги — это, очевидно, яйца, а полиция — наседка, которая их выводит). Зачинщики Маркс и К^о сидят, конечно, за пределами досягаемости в Лондоне (в то время как полиция сидит на яйцах). *Не затрудняюсь привести доказательства*» («Главная книга», стр. 166, 167). Фогт *«не затрудняется»*, Фальстаф никогда не *«затруднялся»*. *«Изолгаться»* (verlogen) — сколько хотите, но *«затрудняться»* (verlegen)? Итак, твои «доказательства», Джек, твои «доказательства»!

1. СОБСТВЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ.

«Маркс сам говорит в своей вышедшей в 1853 г. брошюре *«Разоблачения о процессе коммунистов в Кельне»*, стр. 77: «Перед пролетарской партией после 1849 г., как и до 1848 г., был открыт только один путь — путь *тайной организации*. Отсюда на континенте с 1849 г. целый ряд тайных пролетарских организаций; *полиция их раскрывает*, суды осуждают, тюрьмы разбивают, обстоятельства *неизменно восстанавливают*». Иносказательно (говорит Фогт) Маркс себя здесь называет «обстоятельством» («Главная книга», стр. 167).

Итак, Маркс говорит, что «полиция с 1849 г. открыла целый ряд тайных организаций», не «обстоятельства», а *Маркс* восстановил тайные организации. Так Фогт доказал, что всякий раз, когда полиция Баденге¹ накрывала Марианну², Маркс, по соглашению с Пьетри, ее вновь восстанавливал.

¹ Одно из прозвищ Наполеона III. *Ред.*

² Тайное республиканское общество во Франции. *Ред.*

«Маркс сам говорит!» Прочитую в контексте, что говорит сам Маркс:

«Со времени поражения революции 1848—1849 гг. пролетарская партия на континенте лишилась всего, чем она в виде исключения обладала в течение этой короткой эпохи: печати, свободы слова и права союзов, т. е. легальных средств партийной организации. Несмотря на реакцию, буржуазно-либеральная и мелкобуржуазно-демократическая партии находили в социальном положении представляемых ими классов условия для поддержания в той или иной форме связей и для более или менее успешного отстаивания своих общих интересов. *Перед пролетарской партией* после 1849 г., как и до 1848 г., был открыт только один путь — путь *тайной организации*. На континенте *поэтому* с 1849 г. целый ряд тайных пролетарских организаций; полиция их раскрывает, суды осуждают, тюрьмы разбивают, обстоятельства неизменно восстанавливают. Часть этих тайных обществ ставила своей непосредственной целью ниспровержение существующей государственной власти. Во *Франции* это имело свое оправдание... Другая часть тайных обществ ставила себе целью образование партии пролетариата, совершенно не принимая в расчет существующих правил. Это было необходимо в таких странах, как *Германия*... Нет сомнения, что и там члены пролетарской партии снова приняли бы участие в революции, направленной против status quo [существующего строя], но не в их задачу входило *подготавливать эту революцию, агитировать за нее, конспирировать, устраивать заговоры*... *Поэтому Союз коммунистов* *вовсе не был заговорщической организацией*» («Разоблачения и т. д.», бостонское издание, стр. 62, 63).

Но и одну «пропаганду» жестокий ланд-Фогт клеймит как преступление, за исключением, разумеется, пропаганды с соизволения Пьетри и Лети. Ланд-Фогт позволяет даже «агитировать, конспирировать, устраивать заговоры», но только если центр в Пале-Рояле, у милого его сердцу Гелиогабала Плон-Плона. Но «пропаганда» среди пролетариев! Тьфу, мерзость!

В «Разоблачениях» после вышеприведенного и так ловко искаженного судебным следователем Фогтом абзаца я продолжаю:

«Разумеется, такое тайное общество (как *Союз коммунистов*) могло представить мало привлекательного для индивидуумов, которые, с одной стороны, под театральной мантией заговоров скрывали свое собственное ничтожество, а с другой — могли удовлетворить свое мелкое тщеславие в день ближайшей революции, но прежде всего жаждали играть роль немедленно, участвовать в выгодах

демагогии и пользоваться успехом у демократических шарлатанов. Поэтому от *Союза коммунистов* отделилась — или, если угодно, была отделена — фракция, которая жаждала, если не действительных заговоров, то хоть *видимости* их, а потому и прямого союза с демократическими героями дня, — фракция Виллиха-Шаппера. Характерно для нее, что Виллих вместе и наряду с *Кинкелем* фигурирует в качестве антрепренера в афере с немецко-американским революционным займом» (стр. 67, 68). Как же переводит Фогт это место на свой «иносказательный» полицейско-тарабарский жаргон? А вот послушайте:

«Пока обе (партии) еще действовали совместно, они, *как говорит сам Маркс*, занимались организацией тайных обществ и *к о м п р о м е т и р о в а н и е м о б щ е с т в и о т д е л ь н ы х л и ц на континенте*» (стр. 171). Жирный негодяй забывает только привести страницу «*Разоблачений*», где Маркс это «*сам говорит*». «Egli è bugiardo e padre di menzogna» [«Он — обманщик и отец лжи»].

2. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СЪЕЗД В МУРТЕНЕ.

«Карл Смелый», «смелый Карл», *vulgo* [в просторечии] Карл Фогт, рассказывает нам теперь о поражении при Муртене.

«Рабочие и эмигранты в большом числе были так агитацией обработаны» — именно *Либкнехтом*, — «что, наконец, назначен был революционный съезд в Муртене. Туда должны были отправиться делегаты местных организаций, там хотели обсудить *окончательную организацию союза и окончательную дату выступления*. Вся подготовительная работа держалась в строгой тайне, приглашения рассылались *только* через доверенных людей Либкнехта и через его корреспондентов. *Со всех* сторон собирались делегаты в Муртен *пешком, на лошадях и на пароходах* и тотчас же арестовывались жандармами, которые заранее знали, *что, откуда и каким образом*. Вся захваченная *таким образом* компания некоторое время содержалась в заключении в Августинском монастыре во Фрейбурге, а потом вывезена была в Англию и Америку. Господину Либкнехту было уделено *сугубое* внимание» («Главная книга», стр. 168).

«Господин Либкнехт» принимал участие в организованном Струве сентябрьском путче 1848 г., затем сидел в баденских тюрьмах до середины мая 1849 г., был освобожден вооруженным восстанием в Бадене, поступил рядовым в баденскую народную артиллерию, затем в качестве повстанца был снова брошен приятелем Фогта, Брентано, в раштатский каземат, после вторичного освобождения, во время

кампании за имперскую конституцию, присоединился к дивизии Иоганна Филиппа Беккера и, наконец, вместе со Струве, Конгеймом, Корном и Розенблумом, перешел французскую границу, откуда они перебрались в Швейцарию.

В те времена Либкнехт и его швейцарские «революционные съезды» были мне еще менее известны, чем кабацкие съезды у трактирщика Бенца на Kesslerstrasse [Кеслеровской улице] в Берне, где парламентские рыцари круглого стола снова с большим удовольствием мурлыкали произнесенные ими когда-то в церкви св. Павла речи, распределяли между собой пронумерованные будущие имперские посты и коротали долгую ночь изгнания, слушая лживые выдумки и непристойные анекдоты Карла Смелого, который не без некоторого юмора, подражая старо-германским сказаниям, собственноручно изготовил тогда патент «*имперского пропойцы*».

«Сказ» начинается так:

Swaz ich trinken's hân gesêhen,
daz ist gar von kinden geschêhen:
ich hân einen swêlch gesêhen,
dem will ich meisterschêfte jêhen.

Den dûhten becher gar entwiht,
êr wolde nâpf noch kophe niht.
êr tranc ûz grôzen kannen.
êr ist vor allen mannen
ein vorlauf allen swêlhen;

von ûren und von êlhen
wart solchor slünd nie niht getân.

[Мы выпить все не прочь, — но право,
Все это детская забава;
Такого мастера я знал,
Который прямо поражал.

Пренебрегая кубком, чашей,
Глубокой миской из-под наши,
Всегда лишь из ведра он пил
И образцом высоким был
Для каждого по этой части;

Оленьи, буйволы пасти
Таких не делали глотков.]

Вернемся, однако, к «революционному съезду» в Муртене. «Революционный съезд!» «Окончательная организация Союза!» «Дата выступления!» «Приготовление в *строжайшей тайне!*» «Совершенно секретный съезд со всех сторон — пешком, на лошадях и на пароходах». «Смелый Карл», повидимому, не напрасно изучал вскрытый мною в «Разоблачениях» метод Штибера.

Дело было собственно так: В начале 1850 г. председателем жевневского рабочего общества был Либкнехт. Он предложил объединить тогда совершенно не связанные между собой немецкие рабочие общества в Швейцарии. Предложение было принято. Было решено разослать 24 различным рабочим обществам циркулярное приглашение собраться в Муртене и там обсудить вопрос о предполагаемой организации и об основании общего печатного органа. Дебаты в

женевском рабочем обществе, рассылка циркуляра, связанные с ним прения в 24 других рабочих обществах — все это происходило *публично*, съезд в Муртене был назначен *открыто*. Если бы швейцарские власти захотели запретить его, они могли бы это сделать за четыре недели до его открытия. Но полицейский театральный трюк входил в планы либерального господства *Дрюэ*, который должен был кого-нибудь проглотить для улагодворения угрожавшего тогда Священного союза. Либкнехт, подписавший в качестве председателя рабочего союза приглашение на съезд, удостоился чести быть главным зачинщиком. Изолированный от других делегатов, он получил на вышке фрейбургской башни даровую квартиру с широким видом на свободу и даже с привилегией ежедневной часовой прогулки на площадке башни. Единственно оригинальное в обращении с ним заключалось в его изоляции. Его повторные требования перевести его к остальным заключенным повторно отклонялись. Но Фогт ведь знает, что полиция не изолирует своих «moutons»¹, а, наоборот, любит втискивать этих «приятных компаньонов» в gros [гуцу] арестантов.

Два месяца спустя Либкнехт вместе с неким Гебертом был отправлен фрейбургским начальником полиции в Безансон, где он, как и его товарищи по союзу, получил французское проходное свидетельство в Лондон с предупреждением, что если они уклонятся от указанного им маршрута, то их сошлют в Алжир. Из-за этого непредвиденного путешествия Либкнехт потерял большую часть своих вещей, находившихся в Женеве. Нужно, впрочем, признать, что гг. Кастелла, Шаллер и остальные члены тогдашнего фрейбургского правительства обошлись вполне гуманно с Либкнехтом, как и со всеми муртенскими узниками. Эти господа помнили, что только несколько лет тому назад сами были в тюрьмах или в изгнании, и открыто выражали свое отвращение к навязанной им великим кофтом² *Дрюэ* полицейской обязанности. С заключенными эмигрантами обходились не *так*, как этого ожидали эмигранты-«парламентарии». Поэтому один находящийся еще в Швейцарии парень, некий Г..., из среды парламентариев, счел своей обязанностью выпустить памфлет, в котором поносил всех заключенных, и в особенности Либкнехта, за революционные идеи, переходящие за границы парламентского разума. А «Карл Смелый», повидимому, все еще не может притти в себя от «исключительной предупредительности», с которой обошлись с Либкнехтом.

Печатью плагиата отмечено все сочинительство нашего «Смелого». То же и в данном случае. Грубость своих распоряжений о высылке

¹ Своих «баранов», т. е. агентов. *Ред.*

² Массонский титул. *Ред.*

швейцарские либералы, как известно, неизменно «либерализировали» клеветой, обвиняя свои жертвы в *moucharderie* [шпионстве]. Выслав *Струве*, *Фази* публично объявил его «русским шпионом». Точно так же *Дрюэ* — *Буашо* французским шпионом. То же и *Турт contra* [против] *Шили*, внезапно арестовав его на улице в Женеве, чтобы отправить в *Tour des prisons* [тюремную башню] в Берн. «Le commissaire maire fédéral Monsieur Kern exige votre expulsion» [«Федеральный комиссар мэр Керн требует вашей высылки»] — заявил всеильный *Турт* в ответ на вопрос *Шили* о причине такой грубости. *Шили*: «Alors mettez-moi en présence de Monsieur Kern» [«Тогда дайте мне возможность видеть господина Керна»]. *Турт*: «Non, nous ne voulons pas que M. le commissaire fédéral fasse la police à Genève» [«Нет, мы не желаем, чтобы федеральный комиссар занимался полицейскими делами в Женеве»]. Логика этого ответа вполне достойна той пронизательности, с какой тот же *Турт*, в бытность свою швейцарским посланником в Турине, когда уступка Савойи и Ниццы была уже *fait accompli* [совершившимся фактом], писал своему правительству, что Кавур из всех сил противится этой уступке. Но возможно, что дипломатические затруднения, созданные железными дорогами, притупили в то время нормальную пронизательность *Турта*. Лишь только *Шили* очутился в самом строгом одиночном заключении в Берне, как *Турт* принялся «либерализировать» свою полицейскую грубость и стал шептать на ухо немецким эмигрантам, например д-ру Финку: «*Шили* находился в тайных сношениях с Керном, доносил ему на женевских эмигрантов» и т. д. Женевский «*Indépendant*» причислял тогда ко всем известным грехам женевского правительства «возведение систематической клеветы на эмигрантов в государственный принцип» (см. приложение 1).

По первому же требованию германской полиции швейцарский либерализм нарушал право убежища, — право, обещанное под условием, чтобы остатки революционной армии отказались от последнего сражения на баденской земле, — высылая так называемых «вожаков». Затем пришел черед и «созвращенных». Тысячам баденских солдат путем всяческого обмана всучивали паспорта для отправки на родину, где они прямо попадали в руки жандармов, заранее знавших, «что, откуда и каким образом». Затем пошли угрозы Священного союза, а с ними *муртенский* полицейский фарс. Тем не менее «либеральный» Союзный совет не осмелился зайти так далеко, как «смелый Карл». Ни слова ни о «революционном съезде», ни об «окончательной организации союза», ни об «окончательной дате выступления». Следствие, которое из приличия надо было начать, кончилось ничем.

«Угрозы войной» со стороны иностранных держав и «политически-пропагандистские тенденции» — вот все, что лепетал в свое оправдание «затруднявшийся» Союзный совет в одном официальном документе (см. приложение 2). Полицейские подвиги «швейцарского либерализма» отнюдь не закончились «революционным съездом в Муртене». 25 января 1851 г. мой друг Вильгельм Вольф («парламентский волк», как окрестили его «парламентские бараны») писал мне из Цюриха: «Союзный совет своими мероприятиями свел число эмигрантов с 11 000 до 500, но он не успокоится, пока не выбросит всех, у кого нет приличного состояния или особых связей». Эмигранты, боровшиеся за революцию, разумеется, находились в противоречии с героями церкви св. Павла, убившими революцию своей бесконечной болтовней. Последние нисколько не стеснялись предавать своих противников в руки швейцарской полиции.

Доверенный Фогта, чудище *Раникель*, сам писал *Шили* после приезда последнего в Лондон: «Попытайтесь получить в свое распоряжение несколько столбцов в какой-нибудь бельгийской газете и не упустите случая отравить пребывание в Америке *подлым немецким собакам* (парламентариям), *которые продали сь зобастому дипломату* (Дрюэ) и *стали его орудием*».

Теперь понятно, что означает фраза «Карла Смелого»: «Я старался *изо всех сил* ограничить революционные скитания эмигрантов и найти им *убежище* либо на континенте, либо *за океаном*». Уже в № 297 «*Neue Rheinische Zeitung*» можно прочесть следующее:

«*Гейдельберг*, 13 марта 1849 года. Наш приятель *Фогт*, передовой борец левых, имперский юморист современности, имперский адвокат (*Reichsbarrot*) будущего, «верный сигнальщик» революции, объединяется — с единомышленниками? Нет! — с реакционерами чистейшей воды. И для какой цели? Чтобы «*фигуры*», задерживающиеся в Страсбурге, Безансоне и в других местах на немецкой границе, отправлять или даже *ссылать* в Америку. Что сабельный режим Кавеньяка налагает как наказание, того эти господа хотят во имя христианской любви... Амнистия умерла, — да здравствует *ссылка*! Разумеется, дело не обходится и без *piâ fraud* [благочестивого обмана], будто сами эмигранты выразили желание переселиться и т. д. Но вот в «*Seebblätter*» сообщают из Страсбурга, что эти планы о ссылке вызвали среди *всех* эмигрантов настоящую бурю негодования и т. д. Они все надеются вернуться вскоре в Германию, если бы пришлось, даже с риском, как трогательно замечает Фогт, примкнуть к какой-нибудь «безумной затее».

Однако довольно о муртенском революционном съезде «Карла Смелого»...

3. ШЕРВАЛЬ.

«The virtue of this jest will be the incomprehensible lies that this same fat rogue will tell us».

[«Прелесть этой шутки в невообразимой лжи, которую расскажет нам этот самый жирный плут».]

В моих «Разоблачениях о кельнском процессе коммунистов» особая глава посвящена *заговору Шерваля*. Я показываю там, как Штибер с Шервалем (псевдоним Кремера) в качестве инструмента, с Карлье, Грейфом и Флери в качестве акушеров, произвел на свет так называемый немецко-французский сентябрьский заговор в Париже*, с целью восполнить пробелы в *«объективном составе преступления»*, так как эти пробелы в предъявленном кельнским узникам обвинении вызвали порицание кельнской обвинительной камеры.

Доказательства, представленные мною защите во время кельнского процесса об отсутствии какой бы то ни было связи между Шервалем, с одной стороны, и мною и кельнскими обвиняемыми — с другой, были так убедительны, что тот самый Штибер, который еще 18 октября 1852 г. клялся за своего Шерваля, 23 октября 1852 г. («Разоблачения», стр. 29) уже отрекался от него. Припертый к стене, он отказался от попытки связать с нами Шерваля и его заговор. Штибер был Штибером, но Штибер все же еще не был Фогтом.

Я считаю совершенно бесполезным повторять здесь приведенные мной в «Разоблачениях» разъяснения о так называемом сентябрьском заговоре. В начале мая 1852 г. Шерваль вернулся в Лондон, откуда он весной 1850 г. по деловым соображениям переселился в Париж. Парижская полиция дала ему возможность скрыться несколько месяцев спустя после его осуждения в феврале 1852 года. В Лондоне он на первых порах был, как политический мученик, принят членами Немецкого рабочего просветительного общества, из которого я и мои друзья вышли еще в *середине сентября* 1850 года. Но обман этот длился недолго. Парижские подвиги Шерваля вскоре раскрылись, и уже в том же мае 1852 г. на публичном заседании его изгнали из общества как бесчестного человека. Кельнские обвиняемые, арестованные в начале мая 1851 г., все еще находились в тюрьме под следствием. Из заметки, посланной шпионом *Бекманом* из Парижа в свою газету «Kölnische Zeitung», я понял, что прусская полиция пытается задним

* Уже после того, как мои «Разоблачения» были отпечатаны, я узнал, что *Де-ля-Одд* (под именем Дюпре), а также прусские агенты *Бекман* (тогда *корреспондент* «Kölnische Zeitung») и *Зоммер* участвовали в этом деле.

числом сфабриковать связь между Шервалем, его заговором и кельнскими обвиняемыми. Я поэтому стал искать сведений о Шервале. Оказалось, что последний в июле 1852 г. предлагал свои услуги в качестве агента орлеанистов бывшему министру при Луи-Филиппе и известному философу-эклектику господину де-Р...¹. Связи господина Р... с парижской префектурой полиции помогли ему достать оттуда выдержки из досье Шерваля. Во французском полицейском отчете Шерваль значился как Chervald, nommé Frank, dont le véritable nom est Kremer [Шерваль, именуемый Франком, коего настоящая фамилия Кремер]. Довольно долгое время он служил агентом у прусского посланника в Париже князя Гацфельда; он предатель в complot franco-allemand [немецко-французском заговоре], а в настоящее время и французский шпион и т. д. На кельнском процессе я сообщил эти сведения одному из защитников, адвокату Шнейдеру II, уполномочив его, в случае необходимости, назвать мой источник. Когда Штибер в заседании 18 октября заявил под присягой, что ирландец Шерваль, — который, по его же собственным словам, в 1845 г. сидел в Аахене в тюрьме за подделку векселей, — все еще находится в Париже в заключении, я тотчас же сообщил Шнейдеру II, что рейнский пруссак Кремер «все еще» живет под псевдонимом Шерваля в Лондоне, ежедневно встречается с лейтенантом прусской полиции Грейфом и, как осужденный прусский преступник, тотчас же был бы выдан Англией по требованию прусского правительства. Доставка его в Кельн в качестве свидетеля совершенно опрокинула бы всю систему Штибера.

Под сильным натиском Шнейдера II Штибер 23 октября заявил, наконец, что слышал, будто Шерваль скрылся из Парижа, но торжественно поклялся, что он не имеет никаких сведений о местопребывании ирландца и его сношениях с прусской полицией. На самом же деле Шерваль был прикомандирован в это время к Грейфу в Лондоне с определенным еженедельным жалованьем. Вызванные моими сведениями прения в кельнском суде присяжных о «тайне Шерваля» заставили последнего бежать из Лондона. Я слышал, что он поехал в полицейскую командировку на остров Джерсей. Я надолго потерял его из вида и случайно из Женевской корреспонденции в выходящей в Нью-Йорке «Republik der Arbeiter» узнал, что в марте 1853 г. Шерваль под именем Ньюджент (Nugent) прискакал в Женеву, а летом 1854 г. ускакал оттуда. В Женеве у Фогта он очутился таким обра-

¹ Маркс, очевидно, имеет здесь в виду графа де-Ремюза, который был министром внутренних дел в кабинете Тьера. *Ред.*

зом через несколько недель после того, как в Базеле у Шабелица появились мои компрометирующие его «Разоблачения».

Но вернемся к фальстафовой историографической стряпне.

У Фогта «за несколько месяцев» до открытия сентябрьского заговора коммунистический тайный союз (цит. книга, стр. 172) «посылает» Шерваля из Лондона в Париж, откуда Шерваль, после своего мнимого побега, отправляется *тотчас же* в Женеву. Если при этом промежуток времени между маем 1852 г. и мартом 1853 г. совершенно исчезает, то время между июнем 1850 г. и сентябрем 1851 г. сокращается до «нескольких месяцев». Чего бы только ни дал Штибер за какого-нибудь Фогта, который присягнул бы на суде в Кельне, что «лондонский тайный коммунистический союз» послал Шерваля в июне 1850 г. в Париж, и чего бы ни дал я, чтобы полюбоваться Фогтом, потеющим вместе со своим Штибером на скамье свидетелей. И милая же компания! Присягающий Штибер со своей птицей Грейфом¹, со своим Вермутом, Гольдгеймхеном и — *Беттель-Фогтом* (*Bettelvogt*)². Фогтовский Шерваль привез в Женеву «рекомендации ко всем знакомым Маркса и К^о, и Ньюджент скоро стал их неразлучным товарищем» (стр. 173). Он «поселился в семье одного корреспондента «Allgemeine Zeitung» и получил вскоре — вероятно, благодаря моим рекомендациям («Разоблачениям») — доступ к Фогту, который дал ему литографскую работу (стр. 173) и завязал с ним, как прежде с эрцгерцогом Иоганном, а позже с Плон-Плоном, своего рода «научные сношения». «Ньюджент» работал в «кабинете» бывшего имперского регента, когда однажды один «знакомый» Фогта опознал в нем Шерваля и разоблачил его как «agent-provocateur» [агента-provokatora]. В действительности Ньюджент в Женеве занимался не только Фогтом, но и «основанием тайного общества». «Шерваль-Ньюджент председательствовал, вел протоколы и переписку с Лондоном» (там же, стр. 173). «Он втерся в доверие к некоторым мало проницательным, но в общем славным рабочим» (там же), но «среди членов общества находился еще один приспешник марксовой клики, которого все считали подозрительным агентом германской полиции» (там же).

«Все знакомые» Маркса, с которыми «был неразлучен» Шерваль-Ньюджент, превращаются вдруг в «одного приспешника», а этот один приспешник, в свою очередь, распадается на «оставшихся в Женеве приспешников Маркса» (стр. 176), с которыми Ньюджент не только

¹ Игра слов: Greif — имя полицейского лейтенанта — означает *гриф*. *Ред.*

² Продолжается трудно переводимая игра слов. При Штибере состояли агентами Вермут (означает *подынь*) и Гольдгейм (Гольдгеймхен — *золотистый сверчок*); Bettelvogt — *надзиратель за нищими*. *Ред.*

позже «переписывается из Парижа», но которых он, подобно магниту, обратно «привлек к себе» в Париж (там же).

Опять излюбленная «смена формы» холщевой «материи» из зеленого кендальского сукна!

Цель, которую ставил Шерваль-Ньюджент вместе со своим обществом, была «массовая фабрикация фальшивых банкнот и казначейских знаков, чтобы путем их распространения подорвать кредит деспотов и разрушить их финансовую систему» (там же, стр. 175).

Шерваль, повидимому, подражал знаменитому Питту, который, как известно, во время войны с якобинцами основал недалеко от Лондона фабрику для изготовления фальшивых французских ассигнаций. «Сам Ньюджент *уже* приготовил для этой цели каменные и медные клише, *уже* были намечены легкомысленные члены тайного союза, которые должны были отправиться с пакетами *этих*» — каменных и медных клише? — нет, *этих фальшивых банкнот* (банкноты, естественно, были упакованы до того, как они были отпечатаны) во Францию, Швейцарию и Германию» (стр. 175), но Цицерон-Фогт *уже* стоял с обнаженным мечом позади Шерваля-Катилины. Для фальстафовских натур характерно то, что они не только сами раздутые (dick sind), но и все раздувают (dick thun). Посмотрите, как наш Gurgelgrosslinger [Гургельгросслингер]¹, который уже ограничил «революционные скитания» по Швейцарии и целым кораблям с эмигрантами обеспечил *переезд по океану*, посмотрите, как он появляется на сцене, какую мелодраму разыгрывает, как бесконечно растягивает авантюрную парижскую рукопашную между Штибером и Шервалем (см. «Разоблачения»)!. В такой стоял он позитуре, так он фехтовал.

«План всего этого заговора (там же, стр. 176) был чрезвычайно плохо задуман». «На все рабочие общества должна была пасть ответственность за проект Шерваля». *Уже* «появились секретные запросы со стороны иностранных посольств», *уже* собирались «скомпрометировать Швейцарию, в особенности Женевский кантон». Но ланд-Фогт бодрствовал. Он провел свое первое спасение Швейцарии, — эксперимент, который впоследствии он повторял неоднократно и со все возрастающим успехом. «Я не отрицаю, — восклицает человек с весом, — не отрицаю, что я сделал *все необходимое*,

¹ Раньше мы видели уже, как Маркс германизировал первую половину имени героя Раблэ, заменив романский корень gag немецким словом Gurgel. Здесь Маркс германизировал и вторую половину. Таким образом получилось слово, которое по-русски можно бы передать словами: пьяный или выпивающий хвастун. *Ред.*

чтобы расстроить эти *дьявольские планы*; я не отрицаю, что обратился для этого к полиции Женевской республики; я и теперь еще сожалею (безутешный Цицерон!), что рвение некоторых из обманутых лиц послужило предупреждением хитрому зачинщику, и он успел уйти от ареста». Но, во всяком случае, Цицерон-Фогт «разрушил» катилиновский заговор, спас Швейцарию и *все необходимое* «привнес» туда, куда только донести может. Несколько недель спустя, — как он рассказывает дальше, — Шерваль снова вынырнул в Париже, «где он нисколько не скрывался, а жил *открыто*, как любой *гражданин*» (там же, стр. 176). Известно, какова *открытая жизнь* парижских граждан (citoyens) поддельной *empire* [империи].

В то время как Шерваль так «открыто» слоняется по Парижу, роог [бедный] Фогт должен во время своих посещений Парижа скрываться в Пале-Рояле под столом Плон-Плона.

К сожалению, я вынужден в противовес бурной захариаде Фогта привести нижеследующее письмо *Иоганна Филиппа Беккера*. Революционная деятельность ветерана немецкой эмиграции Иоганна Филиппа Беккера, от гамбахского празднества до кампании за имперскую конституцию, где он сражался в качестве начальника V армейской дивизии (такой несомненно беспристрастный голос, как «Berliner Militär-Wochenschrift», свидетельствует о его военных заслугах), — его деятельность слишком хорошо известна, чтобы мне нужно было сказать что-нибудь об авторе письма. Поэтому я замечу только, что письмо его адресовано моему хорошему знакомому немецкому купцу Р... в Лондоне, что с И. Ф. Беккером я лично не знаком и никогда не состоял с ним в политических сношениях, наконец, что я опускаю деловое начало письма, а также большую часть касающегося «серной банды» и «бюрстенгеймеров», что уже известно из прежних сообщений. (Оригинал письма находится среди документов моего процесса в Берлине.)

Париж, 20 марта 1860 г.

...На-днях мне попала в руки брошюра Фогта contra [против] Маркса. Это произведение меня тем более огорчило, что история так называемой серной банды и пресловутого Шерваля, которую я, благодаря своему тогдашнему пребыванию в Женеве, доподлинно знаю, полностью извращена и совершенно неправильно связана с политической деятельностью экономиста *Маркса*. С этим Марксом я лично незнаком и никогда никакого касательства к нему не имел; наоборот, Фогта и его семью знаю уже более 20 лет, и у меня поэтому с ним гораздо более простые и близкие отношения; могу только выразить глубочайшее сожаление и самым решительным образом осудить легкомыслие и бессовестность, с какими Фогт ведет эту борьбу. Недостойно пользоваться в борьбе извращенными или даже вымышленными фактами. Если даже несостоятельно

обвинение, что Фогт состоит на службе у Наполеона, и тогда легкомыслие, с которым он, словно самоубийца, губит прекрасную карьеру, подрывает и компрометирует свое положение и репутацию, производит удручающее впечатление. От души желал бы ему всеми честными путями защититься от такого тяжкого обвинения. Ввиду всего того, что он натворил в этом безотрадном деле, я чувствую настоятельную потребность рассказать вам историю о так называемой серной банде и о безупречном Шервале, чтобы вы могли судить, насколько Маркс может нести какую-либо ответственность за их существование и деятельность.

Итак, несколько слов о возникновении и прекращении существования серной банды, о которой вряд ли кто-нибудь может дать более точные сведения, нежели я. Во время своего тогдашнего пребывания в Женеве я благодаря своему положению не только мог наблюдать за всем, что творилось в среде эмиграции; в интересах общего дела я, в качестве старшего по возрасту эмигранта, считал своей обязанностью внимательно следить за всем, что предпринималось в этой среде, чтобы, при случае, по возможности предостеречь и удержать от вздорных затей, столь простибельных при возбужденных несчастным положением и часто доведенных до отчаяния настроениях. На основании тридцатилетнего опыта я отлично знал, как богата всякая эмиграция иллюзиями.

(Последующее в значительной части было уже раньше сообщено в письмах Боркгейма и Шили.)

...Эта большею частью бездельничавшая группа была в шутку названа серной бандой. То был кружок из случайно заброшенных в одно место парней, возникший без всякой подготовки, без председателя и программы, без устава и догматов. О тайных союзах или о каких-нибудь политических или иных целях у них и мысли не было; только открыто, чересчур даже открыто и откровенно они добивались эффектов, доходя до эксцессов. Еще менее находились они в какой-либо связи с Марксом, который, в свою очередь, наверное ничего не мог знать о их существовании и с которым они сильно расходились в своих социально-политических воззрениях. Кроме того, эти молодцы обнаружили в то время граничившее с высокомерием стремление к самостоятельности и едва ли подчинились бы чьему либо авторитету как в теории, так и в практике; они осмелили бы отеческие увещания Фогта, равно как и тенденциозные указания Маркса. Обо всем происходившем в их кругу я был тем лучше осведомлен, что мой старший сын ежедневно встречался с их коноводами. И вся затея этой разнузданной банды не просуществовала дольше зимы 1849—1850 гг.; сила обстоятельств разбросала наших героев во все стороны.

Кто мог бы подумать, что давно преданная забвению серная банда через десять лет будет снова зажжена профессором Фогтом, чтобы направить удушливый запах против мнимых врагов, и что угодливые газетные писакы, как электромагнитно-симпатические проводники, будут сладострастно распространять его дальше. Ведь даже *per excellenz* [по преимуществу] либеральный фон-Финке воспользовался в своей речи по итальянскому вопросу серной бандой в качестве иллюстрации для скромной прусской палаты. А бреславльская буржуазия, — всегда, как будто, пользующаяся хорошей репутацией¹, — в наивной

¹ Игра слов: *in so gutem Geruch stehende* обозначает также: пребывающая в благоухающей атмосфере. *Ред.*

простоте (*sancta simplicitas*) устроила карнавал в честь серной банды и в знак своей благонамеренности окурила город серой.

Бедная, невинная серная банда! Тебе *polens volens* [волей-неволей] пришлось после твоей мирной кончины разрастись в настоящий вулкан, подобно нечистой силе гнать пугливых обывателей на полицейский рожон, вулканизировать слабоголовых всего мира, до крайности разжигать горячие головы, и сам Фогт, как мне кажется, навсегда обжег себе рот тобою.

Теперь о *Кремере*, *vulgo* [в просторечии] *Шервале*. Этот политический, социальный и обыкновенный мошенник появился в 1853 г. в Женеве под именем англичанина Ньюджента. Это было девичье имя сопровождавшей его мнимой жены, настоящей англичанки. Он свободно изъяснялся по-английски и по-французски, но долго избегал говорить по-немецки, так как был, повидимому, очень заинтересован, чтобы его принимали за настоящего англичанина. Будучи искусным литографом и хромографом, он вводил, по его словам, это искусство в Женеве. Развязный в обращении, он умел себя поставить и показать с выгодной стороны. Он скоро получил много заказов у профессоров университета на рисунки по природоведению и античному искусству. Первое время он жил очень замкнуто, а затем стал вращаться почти исключительно среди французской и итальянской эмиграции. Я основал тогда *office de renseignements* [справочное бюро] и ежедневную газету «*Le Messager du Léman*». В качестве сотрудника у меня работал баденский эмигрант по имени *Штехер*, бывший директор реального училища. У него был большой талант к рисованию и он хотел поправить свои дела, усовершенствовавшись в хромографии; в лице англичанина Ньюджента он нашел себе учителя. Штехер очень часто рассказывал мне много хорошего о ловком, любезном, тароватом англичанине и о милой грациозной англичанке. Штехер был также учителем пения в Рабочем просветительном обществе и привел как-то своего учителя Ньюджента туда; там я имел тогда удовольствие впервые познакомиться с ним, и он снизошел заговорить по-немецки, и притом так бегло на нижнерейнском диалекте, что я сказал ему: «Вы ведь родом не англичанин». Однако он настаивал на своем и объяснил, что родители отдали его в детстве в одно учебное заведение в Бонне, где он оставался до 18-летнего возраста и усвоил местный диалект. Штехер, который до последнего времени был в восхищении от этого «милого» человека, помогал англичанину вселять в нас доверие к нему. Мне же, напротив, этот инцидент внушил большое недоверие к мнимому сыну Альбиона, и я членам общества советовал быть осторожными с ним. Через некоторое время я встретил англичанина в обществе французских эмигрантов, причем пришел как раз в тот момент, когда он хвастал своими геройскими подвигами во время парижских восстаний. Впервые тогда я увидел, что он занимается и политикой. Это вызвало у меня еще большие подозрения на его счет; я стал подтрунивать над «львиной храбростью», с которой он, по его словам, сражался, чтобы вызвать его возражения против меня в присутствии французов; но так как он принял мои едкие насмешки с собачьей покорностью, то я проникся презрением к нему.

С тех пор он старательно избегал меня, где только мог. Между тем, он устраивал при содействии Штехера танцевальные вечера в Немецком рабочем обществе, привлекая бесплатно некоторые музыкальные силы — итальянца, швейцарца и француза. На этих вечерах англичанин предстал предо мною в качестве настоящего *maître de plaisir* [распорядителя], вполне в своей стихии; безумное веселье и ухаживание за дамами больше было ему по плечу, чем

львиная храбрость. Но в Рабочем обществе он и не занимался политикой; здесь он только скакал и прыгал, смеялся, пил и распевал.

Между тем, я узнал от золотых дел мастера Фрица из Вюртемберга, что «глубоко-революционный англичанин» основал союз, который состоит из него (Фрица), еще одного немца, нескольких итальянцев и французов, — всего из семи членов. Я заклинал Фрица не связываться с этим политическим шарлатаном ни в какие серьезные дела, немедленно выступить из союза самому и уговорить товарищей сделать это. Через некоторое время я получил от своего книгопродавца брошюру *Маркса* с процессом коммунистов в Кельне, где Шерваль был изобличен как Кремер и третировался к тому же как жулик и предатель. У меня тотчас же возникло подозрение, что Ньюджент и есть Шерваль, тем более, что, согласно брошюре, он был родом с Рейна, — это соответствовало его диалекту, — и жил с англичанкой, и это совпадало. Я тотчас же высказал свою догадку Штехеру, Фрицу и другим и дал им прочесть брошюру. Недоверие к Ньюдженту быстро распространилось, — *брошюра Маркса сделала свое дело*. Фриц вскоре пришел мне сказать, что выступил из этого союзника и что его примеру последуют и остальные. Он открыл мне при этом и его тайную цель. «Англичанин» намеревался печатанием фальшивых государственных ценных бумаг подорвать кредит европейских государств и на вырученные на этом деньги вызвать европейскую революцию и т. д. В это самое время французский изгнанник, бывший парижский адвокат, некий Лайа, читал лекции о социализме. Ньюджент посещал эти лекции; Лайа, бывший его защитником в его процессе в Париже, опознал в нем Шерваля, о чем тут же и заявил ему. Ньюджент стал умолять не выдавать его. Я узнал об этом от одного французского эмигранта, приятеля Лайа, и всем тотчас же сообщил об этом. У Ньюджента хватило наглости появиться еще раз в Рабочем обществе, но его там разоблачили как француза Шерваля и немца Кремера и выгнали. Особенно яростно громил его по этому поводу Раникель из Бингена. Женевская полиция хотела еще привлечь его и за организацию упомянутого союзника, но фабрикант фальшивых денег бесследно исчез.

В Париже он занялся разрисовкой фаянса, а так как я здесь тоже работал в этой области, то мне пришлось встретиться с ним на деловой почве. Он все еще был таким же легкомысленным, неисправимым шарлатаном.

Как мог Фогт осмелиться связать похождения этого бродяги в Женеве с деятельностью такого человека, как *Маркс*, и назвать его товарищем или орудием Маркса, я никак в толк не возьму, тем более, что это относится к моменту, когда *Маркс* в указанной брошюре так отделал этого плута. *Ведь именно Маркс своей брошюрой разоблачил его и выгнал из Женевы, где, по Фогту, он якобы работал для Маркса.*

Когда я думаю о том как естествоиспытатель Фогт мог вступить на такой ложный путь я перестаю понимать что бы то ни было. Разве не жаль видеть, как легкомысленно, как расточительно, как бесполезно уничтожает Фогт то прекрасное влияние, которое он приобрел благодаря случайному стечению обстоятельств! Неудивительно было бы, если бы после этого все стали относиться с недоверием и подозрением к естественно-научным работам Фогта, как к научным выводам, столь же легковесно и недобросовестно опирающимся на ложные представления, а не на положительные и тщательно исследованные факты!

Для государственного деятеля и ученого недостаточно одного тщеславия, — в противном случае даже *Кремер* мог бы быть и тем и другим. К *сознанию*,

Фогт из-за своей серной банды и Шерваля сам опустился до уровня своего рода Шерваля. И действительно, между ними есть внутреннее сходство в резко выраженном стремлении к эстетическому благополучию, к обеспеченному существованию, компанейским развлечениям и легкомысленным шуткам в серьезных вопросах...

В ожидании вашего скорого дружеского ответа примите сердечный привет от преданного вам

И. Ф. Беккера.

Р. С. Я только что снова заглянул в брошюру Фогта и, к моему дальнейшему изумлению, увидел, что честь оказана и «бюрстенгеймерам». Вкратце Вы должны знать, как обстояло дело и с этой бандой...

... Далее я увидел в этом произведении, что Фогт утверждает, будто Ньюджент-Шерваль-Кремер *приехал в Женеву по поручению Маркса*. Я считаю поэтому нужным добавить, что Ньюджент, который до последней минуты своего пребывания в Женеве разыгрывал роль англичанина, ничем ни разу не дал заметить, что он когда-либо находился в отношениях с каким-нибудь немецким эмигрантом; да это вообще совершенно не годилось бы для его инкогнито. Даже в настоящее время здесь, хотя это уже не имеет того значения для него, какое имело там, он не хочет этого признать и отрицает всякое знакомство с немцами в прошлом.

До сих пор я все еще думал, что Фогт легкомысленно поддался мистификации, но теперь его выступление мне все более кажется проявлением злого умысла. Он меня мало занимает, но мне жаль его доброго, славного, старого отца, которому эта история доставит много неприятных минут.

Не только разрешаю вам, но даже прошу вас в интересах истины и доброго дела распространить все сообщенное мной среди ваших знакомых.

Сердечно ваш

И. Филипп Б.

(См. приложение 3.)

4. КЕЛЬНСКИЙ ПРОЦЕСС КОММУНИСТОВ.

Из регентского «кабинета» в Женеве в прусский королевский суд присяжных в Кельне.

«В кельнском процессе Маркс играл выдающуюся роль». Несомненно.

«В Кельне судили его *товарищей по союзу*». Совершенно верно.

Подследственное заключение кельнских подсудимых длилось 1¹/₂ года.

Прусская полиция и посольство, Гинкельдей со всей своей сворой, почта и магистратура, министерства внутренних дел и юстиции — все в течение этих 1¹/₂ лет делали огромнейшие усилия, чтобы создать какой-нибудь *corpus delicti* [состав преступления].

Таким образом, Фогт имеет в своем распоряжении для расследования моих «деяний», можно сказать, ресурсы прусского государства, а равно и подлинный материал из моих «Разоблачений о

кельнском процессе коммунистов, Базель 1853», экземпляр которых он нашел в женевском Рабочем обществе, взял его на время и «штудировал». Теперь-то уж Карлуша не упустит случая нагнать на меня страху. Но нет! На этот раз Фогт «затрудняется», выпускает несколько своих натуральных удушающих и зловонных снарядов * и лепечет в торопливом отступлении:

«Кельнский процесс особенного значения для нас не имеет» («Главная книга», стр. 172).

В «Разоблачениях» я не мог не задеть и *А. Виллиха*. Виллих начинает в «New-Yorker Criminal-Zeitung» от 28 октября 1853 г**. свою самозащиту, характеризуя мое произведение как *«мастерскую критику ужасных действий немецкой центральной союзной полиции»*. Издатель моей работы *И. Шабелиц-сын* писал мне по получении моей рукописи из Базеля 11 декабря 1852 г.: «Ваше разоблачение политических безобразий превосходно. Вы воздвигли прочный памятник нынешнему прусскому режиму». Он прибавлял к этому, что его мнение разделяется компетентными людьми и что во главе этих «компетентных людей» находится один теперешний женевский приятель Карла Фогта.

Через семь лет после выхода моя брошюра дала повод совершенно неизвестному мне Эйхгофу в Берлине, — Эйхгоф, как известно, был привлечен к суду по обвинению в клевете на Штибера, — сделать на своем процессе следующее заявление: «Я тщательно изучил кельнский процесс коммунистов и вынужден поэтому не только полностью поддержать свое первоначальное обвинение Штибера в клятвопреступлении, но и расширить его в том смысле, что все показания Штибера на этом процессе были лживыми... Приговор над кельнскими подсудимыми был произнесен лишь на основании показаний Штибера... Все показания Штибера — последовательно совершенное клятвопреступление. (1-е приложение к берлинской «Vossische Zeitung» от 10 мая 1860 года).

Сам Фогт признает: «Он (Маркс) употребил *все возможные уси-*

* «Удушающими или зловонными снарядами пользуются преимущественно в минной войне. Для этого берут обычный горючий состав, содержащий, однако, несколько больше серы, и сколько возможно перьев, рога, волос и прочей дряни, вкладывают в ядро, снабжают запалом и выпускают снаряд» (*Z. C. Plümcke, Handbuch für die Königl. pr. Artillerie-Offiziere. Erster Theil. Berlin 1820. [З. К. Плюмке, Руководство для офицеров королевско-прусской артиллерии. I часть. Берлин 1820].*

** Ответ я опубликовал в памфлете «Der Ritter vom edelmütigen Bewusstsein. New-York 1853» [«Рыцарь благородного сознания»].

лия, чтобы доставить защитникам подсудимых материал и инструкции для ведения процесса...

«Как известно, там (в Кельне) агенты Штибер, Флери и т. д. представили фальшивые, ими сфабрикованные документы в качестве «доказательств», и вообще *была обнаружена* целая пропасть отвратительной полицейской мерзости» («Главная книга», стр. 169, 170).

Если Фогт доказывает свою ненависть к государственному перевороту пропагандой в пользу бонапартизма, то почему я не могу доказывать «своих сношений» с тайной полицией *изобличением* ее беспредельной мерзости? Если бы полиция обладала подлинными доказательствами, то зачем было фабриковать фальшивые?

Но, — поучает профессор Фогт, — «удар в Кельне поразил, тем не менее, *только* единомышленников Маркса, только партию Маркса».

В самом деле, Полоний! Разве удар не поразил сперва другую партию в Париже, потом третью в Берлине (процесс Ладендорфа), затем четвертую в Бремене (Todtenbund — Союз мертвых) и т. д., и т. д.?

Что касается *осуждения* кельнских подсудимых, то я приведу относящееся к этому место из моих «Разоблачений»:

«Сначала понадобилось чудодейственное вмешательство полиции, чтобы прикрыть чисто *тенденциозный характер* процесса. Предстоящие разоблачения, — заявил (прокурор) Зедт, открывая судебные прения, — покажут вам, господа присяжные заседатели, что настоящий процесс отнюдь не тенденциозный процесс. Теперь (в конце судопроизводства) он подчеркивает тенденциозный характер процесса, чтобы заставить забыть полицейские разоблачения. После 1½-годового предварительного следствия присяжным потребовался объективный состав преступления, чтобы оправдаться перед общественным мнением.

«После пятинедельной полицейской комедии им потребовалась *чистая тенденция*, чтобы выбраться из действительной грязи. Зедт поэтому не ограничивается только материалом, который заставил обвинительную камеру заявить, что «нет состава преступления». Он идет дальше. Он пытается доказать, что закон против заговоров вообще не требует состава преступления, что это чисто тенденциозный закон и что, следовательно, категория заговора только предлог для сжигания политических еретиков в формально-правовой обстановке. Попытка его могла иметь большой успех благодаря применению изданного после ареста обвиняемых нового уголовного кодекса. Раблепный суд мог, ссылаясь на менее строгие санкции нового кодекса, придать ему обратную силу. Но если процесс был чисто тенденциозным процессом, то зачем нужно было 1½-годовое

предварительное следствие? Ради тенденции» (там же, стр. 71, 72). «После разоблачения сфабрикованной самой прусской полицией книги протоколов процесс вступил в новую стадию. Присяжные заседатели уже не были вольны признать виновными или оправдать подсудимых — они должны были теперь признать виновными подсудимых или... правительство.

«Оправдать подсудимых — означало осудить правительство» (там же, стр. 70).

Что тогдашнее прусское правительство точно таким же образом оценивало создавшееся положение, показывало отправленное Гинкельдею во время кельнского процесса прусскому посольству в Лондоне письмо, в котором он писал, что *«от исхода этого процесса зависит вся судьба политической полиции»*. Он поэтому требовал человека, который представлял бы пред судом скрывшегося свидетеля Г. за вознаграждение в 1 000 талеров. Такой человек уже был найден, когда получилось новое письмо от Гинкельдея: *«Государственный прокурор надеется, что при благоприятном составе присяжных будет вынесен обвинительный приговор и без экстренных мер, и поэтому он (Гинкельдей) просит пока ничего не предпринимать»* (см. приложение 4).

И действительно, этот *благоприятный состав присяжных в Кельне* был началом режима Гинкельдея-Штибера в Пруссии. «В Берлине разразится гром, если кельнцы будут осуждены», — это знала прикомандированная к прусскому посольству в Лондоне полицейская сволочь уже в октябре 1852 г., хотя полицейская мина взорвалась в Берлине (заговор Ладендорфа) лишь в конце марта 1853 года (см. приложение 4).

Запоздалый либеральный вой о реакционной эпохе всегда бывает тем громче, чем безграничнее была либеральная трусость, дававшая в течение ряда лет безраздельно царить реакции. Так, все мои попытки во время кельнского процесса разоблачить в либеральной прусской печати лживую систему Штибера потерпели неудачу. Печать эта начертала на своем знамени большими буквами: *безопасность* — вот первый долг гражданина, и под этим знаком ты будешь жив.

5. ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПРАЗДНЕСТВО НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ В ЛОЗАННЕ (26 И 27 ИЮНЯ 1859 Г.).

Наш герой всякий раз с новым удовольствием спасается в... Аркадию. Мы находим его теперь в «отдаленном уголке Швейцарии», в Лозанне, на «центральном празднестве» немецких рабочих просветительных обществ, происходившем в конце июня. Здесь Карл Фогт

совершил вторичное спасение Швейцарии. В то время как Катилина сидит в Лондоне, Цицерон в пестрой куртке гремит в Лозанне:

«Jam, jam intelligis me acrius vigilare ad salutem, quam te ad perniciem reipublicae» [«Ты уже понимаешь, что я больше бдительности уделяю спасению республики, чем ты — ее гибели»]. Случайно существует подлинный отчет о названном «центральной празднестве» и о совершенном на нем «округленной натурой» геройском подвиге. Титульный лист составленного Г. Ломмелем при содействии Фогта отчета гласит: «Das Centraifest der deutschen Arbeiterbildungs-Vereine in der Westschweiz (Lausanne 1859), Genf 1859, Markus Vaney, rue de la Croix d'or» [«Центральное празднество немецких рабочих просветительных обществ западной Швейцарии» (в Лозанне в 1859 г.), Женева 1859, Марк Ваней, Рю де ля Круа д'ор»]. Сравним этот подлинный отчет с появившейся пять месяцев спустя «Главной книгой». В отчете имеется *«произнесенная самим»* Цицероном-Фогтом речь, во вступительной части которой он объясняет тайну своего явления при этой okazji. Он является к рабочим, он вещает им потому, что «в последнее время против него были выдвинуты тяжкие обвинения, и если бы они были верны, то совершенно пошатнули бы доверие к нему и полностью *подорвали бы его политическую деятельность*». «Я явился сюда, — продолжает он, — *для того*, чтобы открыто выступить здесь против (указанных) тайных происков» (отчет, стр. 67). Его обвиняют в бонапартистских махинациях, он должен спасти свою политическую деятельность и по своему обыкновению защищает свою шкуру своим языком. После полуторачасового толчения воды в стуле он вспоминает о совете Демосфена, что «душа красноречия, это — действие, действие и действие».

Но что такое действие? В Америке существует маленький зверек *скункс*, обладающий в моменты грозящей ему опасности только *одним* средством нападения — своим наступательным запахом. В случае нападения на него, он брызгает из известных частей своего тела жидким веществом, неминуемо осуждающим вашу одежду на сжигание; если же оно попадает на ваше тело, то вы на некоторое время вынуждены лишиться всякого общения с людьми. Запах так отвратительно едок, что охотники, если их собаки случайно поднимают «скункса», в испуге удирают с большей поспешностью, чем если бы за ними гнался волк или тигр. Против волка и тигра защищают свинец и порох, а от *posteriori* [зада] «скункса» нет никаких средств.

Вот это действие! — сказал себе натурализованный в «царстве животных» оратор и, сообразно с этим, испускает на своих мнимых преследователей аромат скункса.

«Но от одного я настойчиво предостерегаю вас, — от происков маленькой кучки подлых людей, все помыслы которых направлены к тому, чтобы отвлечь рабочего от его ремесла, впутать его во всякого рода заговоры и коммунистические козни и чтобы затем, поживши его по́том, холодно (после того, конечно, как он пропотел!) обречь его на гибель. *И теперь снова* эта кучка пытается всеми возможными средствами (насколько только возможно) завлечь рабочие союзы в свои коварные сети. Что бы они ни говорили (о бонапартистских происках Фогта), знайте, что их цель эксплуатировать рабочего только в своих личных интересах и после всего предоставить его собственной участи» (отчет, стр. 18). Бесстыдство «скупкса», изображающего меня и моих друзей, всегда защищавших интересы рабочего класса *бескорыстно*, жертвуя своими личными интересами, — *«живущими потом рабочих»*, даже не оригинально. Не только декабрьские mouchards [шпионы] распространяли подобные гнусности о Луи Блане, Бланки, Распайле и др., — во все времена и повсюду сикофанты правящего класса так подло клеветали на литературных и политических борцов угнетенных классов (см. приложение 5).

Впрочем, после этого действия наша «округленная натура» не в силах выдержать свой sérieux [серьезный тон]. Этот скоморох сравнивает своих находящихся на свободе «преследователей» с *«захваченными в плен при Цорндорфе русскими»*, а себя самого — угадайте, с кем? — с *Фридрихом Великим*. Фальстаф-Фогт вспомнил, что Фридрих Великий бежал с первого сражения, в котором он принимал участие. Насколько же более велик он, бежавший, не принимая участия ни в каком сражении!*

Такова эта авантюра на центральном празднестве в Лозанне согласно подлинному отчету. И после этого «полюбуйтесь» (говоря языком Фишарта) на «мелкого блюдолиза, неуклюжего и грязного

* В выпущенном *Якобом Венедеем* памфлете «Pro domo et pro patria gegen Karl Vogt» [«В защиту себя и отечества против Карла Фогта»], Ганновер, 1860 г., Кубес I рассказывает, что он «был свидетелем того, как имперский регент *Карл Фогт не присутствовал*, когда мы все, вместе с четырьмя остальными имперскими регентами, заставили вюртембергское правительство прибегнуть к силе оружия и дать, таким образом, возможность парламенту умереть почетной смертью. Это очень забавная история. Когда остальные четыре регента сели в экипаж, чтобы, как было условлено, отправиться в залу заседания и там вместе с охвостьем парламента (Rumpfparlament) грудью (как известно, охвостье парламента не имело головы) защищать народные права, — Карл Фогт, закрывая дверцу кареты, крикнул кучеру: «Ну, поезжай, экипаж уж полон, я приду следом!» Карл Фогт пришел, когда всякая опасность миновала» (там же, стр. 23, 24).

стряпуна», — посмотрите, какую эйленшпигелевскую полицейскую кашу он заварил пять месяцев спустя для немецкого филистера.

«Во что бы то ни стало хотели вызвать осложнения в Швейцарии, — нужно было нанести решительный удар... политике нейтралитета.

Меня осведомили, что объединенное празднество рабочих союзов имелось в виду использовать, чтобы направить рабочих на путь, по которому они ранее решительно отказывались идти. Рассчитывали использовать прекрасное празднество для образования тайного комитета, связать его с единомышленными организациями в Германии и принять бог весть какие меры (Фогт, хотя и осведомленный, этого не ведает). Передавали смутные слухи и таинственные сообщения об активном вмешательстве рабочих в политику германского отечества. Я немедленно решил выступить против этих козней и снова предупредить рабочих, чтобы они не дали себя увлечь подобного рода планами. В конце вышеназванной своей речи я открыто предостерегал и т. д.» («Главная книга», стр. 180).

Цицерон-Фогт забывает, что в начале своей речи он выболтал публично, что именно привело его на объединенное празднество, — не нейтралитет Швейцарии, а спасение собственной шкуры. Ни одного звука в его речи не было о подготовлявшемся покушении на Швейцарию, о заговорщических планах на объединенном празднестве, о тайном комитете, об активном вмешательстве рабочих в немецкую политику, о планах «этого» или какого-либо иного «рода». Ни слова обо всех этих штабериадах. Его заключительное предостережение было только предостережением честного Сайкса, который в суде Old Bailey убеждал присяжных заседателей не придавать веры словам «подлых» сыщиков, раскрывших совершенное им воровство.

«Последовавшие непосредственно за этим события, — говорит Фальстаф-Фогт, — подтвердили мои предчувствия». Как, предчувствия? Но Фальстаф снова забывает, что несколькими строками раньше он вовсе не «предчувствовал», а был «осведомлен», осведомлен о планах заговорщиков, и притом осведомлен подробно! И каковы же были, — о вещий ангел! — непосредственно последовавшие события? «В одной своей статье *«Allgemeine Zeitung»* подсовывала празднеству и жизни рабочих тенденции, о которых они (т. е. празднество и жизнь рабочих) не думали ни в малейшей мере». (Совсем, как Фогт подсовывает их муртенскому съезду и рабочим организациям вообще). «На основании этой статьи и ее перепечатки в *«Frankfurter Journal»* последовал от посланника одного южно-немецкого государства секретный запрос, придававший празднеству значение», — которое

ему «подсовывали» статья из «Allgemeine Zeitung» и перепечатка в «Frankfurter Journal»? — ничуть не бывало, — «которое оно по неосуществившимся планам серной банды должно было бы иметь». Вот именно! Должно было бы иметь!

Хотя достаточно самого поверхностного сопоставления «Главной книги» с подлинным отчетом об объединенном торжестве, чтобы вскрыть секрет вторичного спасения Швейцарии Цицероном-Фогтом, я все же хотел удостовериться, не было ли хотя бы какого-нибудь извращенного факта, который послужил бы материей для развития фогтовской энергии. Я обратился поэтому с письмом к составителю подлинного отчета Г. Ломмелю в Женеву. Ломмель, повидимому, был в дружеских отношениях с Фогтом; он не только воспользовался его содействием при составлении отчета о лозаннском центральном празднестве, но и в появившейся позже брошюре о празднестве в честь Шиллера и Роберта Блюма в Женеве старался затушевать фиаско, которое Фогт и здесь потерпел. В своем ответе от 13 апреля 1860 г. Ломмель, лично мне неизвестный, пишет: «Рассказ *Фогта*, будто он расстроил в Лозанне опасный заговор, — *чистейшая фантазия или ложь*. В Лозанне он искал только помещения, чтобы произнести речь, которую потом можно было бы напечатать. В этой 1½-часовой речи он защищался от обвинения, будто он — подкупленный бонапартист. Рукопись находится у меня в полной сохранности». Один живущий в Женеве француз, на вопрос о том же фогтовском заговоре, коротко ответил: «Il faut connaître cet individu, surtout *le faiseur, l'homme important, toujours hors de la nature et de la vérité*» [«Нужно знать этого субъекта (т. е. Фогта); это прежде всего *интриган и фигляр*, извращающий природу и истину»].

Фогт сам говорит на стр. 99 своих так называемых «Исследований», что он «никогда не приписывал себе качеств *пророка*». Но из Ветхого завета известно, что осел видел то, чего не видел пророк. И тогда становится ясным, почему Фогт *увидел заговор*, о котором у него было предчувствие в ноябре 1859 г., что он его «расстроил» в июне 1859 года.

6. РАЗНОЕ.

«Если память мне не изменяет, — говорит парламентский клоун, — то циркуляр (именно мнимый лондонский циркуляр к пролетариям от 1850 г.) во всяком случае составлен был сторонником Маркса, так называемым «парламентским Вольфом»¹, и ловко вручен ганно-

¹ Parlements-Wolf, парламентский волк, — кличка, данная Вильгельму Вольфу во Франкфуртском национальном собрании. *Ред.*

верской полиции. *И вот теперь этот канал снова выступает наружу* в истории циркуляра «друзей отечества к готцам» [партия конституционалистов с центром в г. Готе] («Главная книга», стр. 144).

Канал выступает наружу! Prolapsus ani [геморрой] естественно-научных балагуров?

Что касается «парламентского Вольфа», — почему парламентский волк, точно кошмар, гнетет память парламентского клоуна, мы узнаем ниже, — то он опубликовал в «*Berliner Volkszeitung*», «*Allgemeine Zeitung*» и «*Hamburger Reform*» следующее заявление:

Заявление. Манчестер, 6 февраля 1860 г.

Из письма одного приятеля я узнаю, что в «*Nationalzeitung*» (№ 41 за текущий год) в передовой статье, на основании брошюры Фогта, опубликовано следующее:

«В 1850 г. была (если память не изменяет Фогту) отправлена из Лондона другая, составленная парламентским Вольфом, alias [иначе] казематным Вольфом, *циркулярная депеша к пролетариям* Германии, одновременно попавшая в руки ганноверской полиции». Я не видел ни этого номера «*Nationalzeitung*», ни брошюры Фогта и поэтому отвечаю лишь на вышеприведенное место:

1) В 1850 г. я жил в *Цюрихе*, а не в Лондоне, куда переехал лишь летом 1851 года.

2) Я за всю свою жизнь не составил ни одной циркулярной депеши ни к «пролетариям», ни к другим лицам.

3) Что касается инсинуации о ганноверской полиции, то я с презрением *возвращаю эту бесстыдную выдумку по адресу ее автора*. Если остальная часть фогтова памфлета столь же отвратительна и лжива, как то, что касается меня, то он достоин занять место рядом с творениями таких господ, как *Шеню, Де-ля-Одд и К^о*.

В. Вольф.

Как *Кювье* всю структуру животного восстанавливал по одной кости, так *Вольф* правильно воссоздал все литературное детище Фогта по одной выхваченной цитате. Действительно, *Карл Фогт* наряду с *Шеню и Де-ля-Оддом* — *primus inter pares* [первый среди равных].

Последним «доказательством» «не затрудняющегося» Фогта о моем *entente cordiale* [сердечном согласии] с тайной полицией вообще и о «моих отношениях к партии «*Kreuzzeitung*» в частности» служит то, что моя жена — сестра бывшего прусского министра фон-Вестфалена («Главная книга», стр. 194). Как парировать этот жалкий выпад жирного Фальстафа? Быть может, клоун простит моей жене ее родственника прусского министра, когда узнает, что один из ее шотландских свойственников [Кэмпбел] был обезглавлен на рыночной площади в Эдинбурге как мятежник, участвовавший в освободительной борьбе против Якова II? Как известно, сам Фогт лишь благодаря случаю еще носит свою голову на плечах. Именно на чествовании памяти Роберта Блюма, устроенном немецким Рабочим просветительным

обществом в Женеве (13 ноября 1859 г.), он рассказывал, «как левая франкфуртского парламента долго не могла решить, кого послать в Вену, — Блюма или его. Наконец, жребий — вытащенный стебелек — решил за Блюма или, вернее, против него» (S. 28, 29 *die Schillerfeier zu Genf* u. s. w. Genf 1859) [Шиллеровское празднество в Женеве и т. д. Женева 1859, стр. 28, 29]. 13 октября Роберт Блюм уехал из Франкфурта в Вену. 23 или 24 октября в Кельн прибыла депутация крайней франкфуртской левой проездом в Берлин на конгресс демократов. Я виделся с делегатами. Некоторые из них были тесно связаны с «*Neue Rheinische Zeitung*». Эти делегаты, — из которых один был во время кампании за имперскую конституцию расстрелян по приговору военно-полевого суда, другой умер в изгнании, а третий еще жив, — сообщили мне жутко странные сведения о махинациях Фогта в связи с миссией Роберта Блюма в Вене. Но

Heiss mich nicht reden, heiss mich schweigen,
Denn das Geheimniss ist mir Pflicht!

[Слов не проси, вели мне молчать,
Тайну ведь я обязался блюсти!]

Вышеупомянутое чествование памяти Роберта Блюма в Женеве (ноябрь 1859 г.) не было любезно сердцу «округленной натуры». Когда он входил в помещение, где происходило чествование, угодливым силеном вертяться около своего патрона Джемса Фази, один рабочий воскликнул: вот идет Генрих, а за ним Фальстаф! Когда же Фогт в своем миллом анекдоте выставил себя как alter ego [второе «я»] Роберта Блюма, то лишь с трудом удалось удержать нескольких вспылчивых рабочих от штурма трибуны. А когда он, наконец, — забыв о том, как еще в июне предупредил революцию, — теперь сам «еще раз звал рабочих на баррикады» («*Schillerfeier*» — Шиллеровское празднество, — стр. 29), раздалось насмешливое эхо: «*Barrikaden! — Fladen!*» [«Баррикады! — Куча!»] Но за границей так хорошо знают цену революционному пустозвонству Фогта, что на этот раз даже не последовало обычного «секретного запроса одного южно-германского посланника», и в «*Allgemeine Zeitung*» не появилось *никакой* статьи.

Вся фогтова «штибериада», начиная с «серной банды» и кончая «отставным министром», напоминает род мейстерзингеров, о котором у Данте сказано:

Ed egli avea fatto del cul trompette
[И зад в трубу он превратил].

IV. ПИСЬМО ТЕХОВА.

Что еще извлекает «округленная натура» из

tristo sacco
Che merde fa di quel, che si trangugia.
(Dante.)

[жалкого мешка,
Что превращает пищу в испражнения.
(Данте.)]

Письмо Техова от 26 августа 1850 г. из Лондона.

«Для характеристики этих козней (именно «серной банды») я не могу сделать ничего лучшего, как привести здесь письмо гражданина, которого всякий, *кто* (!) его когда-либо знал, назовет честным человеком; я позволю себе опубликовать его (честного человека или письмо?) потому, что оно было специально предназначено для сообщения (кому?) и что уже нет больше тех соображений (чьих?), которые мешали раньше его *опубликованию* («Главная книга», стр. 141).

Техов переехал из Швейцарии в Лондон в конце августа 1850 года. Его письмо было адресовано бывшему прусскому лейтенанту *Шиммельпфеннигу* (жившему тогда в Берне) «для сообщения друзьям», именно — членам *Централизации*, тайного, лет десять тому назад закрывшегося общества, которое было основано немецкими эмигрантами в Швейцарии, было очень пестрое по своему составу и насчитывало в своей среде большое число парламентских элементов. *Техов* принадлежал к этому обществу, но *Фогт* и его друзья его членами не были. Каким же образом у *Фогта* оказалось письмо *Техова* и кто дал ему право его опубликовать?

Сам *Техов* пишет мне из Австралии 7 апреля 1860 г.: «Во всяком случае у меня *никогда* не было повода предоставить *Карлу Фогту* какие-либо полномочия в этом деле».

Из «друзей» *Техова*, которым должно было быть сообщено это письмо, только двое еще живут в Швейцарии. Пусть оба говорят сами:

От Э. к Шили, 29 апреля 1860 г. Верхний Энгадин, кантон Граубюнден.
При появлении брошюры *Фогта* «Mein Prozess gegen die «Allgemeine Zeitung»,

в которой напечатано письмо Техова от 26 августа 1850 г. к его швейцарским друзьям, мы, находящиеся еще в Швейцарии друзья Техова, решили письменно выразить свое неудовольствие по поводу опубликования этого письма *без разрешения*. Письмо Техова было адресовано Шиммельпфеннигу в Берн и должно было быть сообщено друзьям в копиях... Я рад, что мы не ошиблись, предполагая, что ни один из друзей Техова, ни один из имеющих право на его письмо от 26 августа не использовал его таким образом, как его случайный обладатель. 22 января Фогту было написано, выражено неудовольствие по поводу опубликования теховского письма *без разрешения*, заявлен протест против *всякого дальнейшего злоупотребления* им и затребовано возвращение письма. 27 января Фогт ответил: «Письмо Техова было предназначено для сообщения друзьям; друг, имевший его в своих руках, передал его специально для опубликования... и он вернет письмо лишь тому, от кого он получил его».

От Б. к Шили. Цюрих, 1 мая 1860 г.

Письмо к Фогту было написано мною по соглашению с Э... К «друзьям», для сообщения которым предназначалось письмо Техова, Р. не принадлежал, но из содержания письма *Фогт* знал, что оно мне адресовано, однако уклонился спросить моего разрешения на его опубликование.

Для разрешения загадки я оставил про запас одно место из приведенного выше письма Шили. Оно гласит:

Об этом *Раникеле* мне приходится говорить здесь потому, что *письмо Техова, повидимому, через него попало в руки Фогта*, — этот пункт твоего запроса я совсем упустил из вида. Письмо это было послано Теховым его цюрихским друзьям Шиммельпфеннигу, Б., Е. В качестве друга этих друзей и самого Техова я его тоже позже получил. Когда меня внезапно и грубо вышибли из Швейцарии (меня без всяких предупреждений схватили на улице в Женеве и тотчас же выпроводили), я не имел возможности вернуться к себе на квартиру и привести в порядок свои вещи. Поэтому я написал из бернской тюрьмы в Женеву одному надежному человеку, сапожнику Туму, прося его поручить кому-нибудь из тамошних моих друзей (я не знал даже, кто из них выслан был вместе со мною) собрать мои вещи, наиболее ценные из них переслать мне в Берн, а остальные *оставить пока на хранении у себя*, произвести тщательный отбор моих бумаг, чтобы не прислать мне ничего такого, что не могло бы выдержать перевозку через Францию. Так и сделали, и письмо Техова мне не переслали. В моем архиве были некоторые документы, имевшие отношение к «мятежу» парламентариев против местного женевского комитета по распределению денег среди эмигрантов (комитет состоял из трех женевских граждан, в том числе Тума и двух эмигрантов: Беккера и меня), и *Раникелю*, как стороннику комитета в борьбе против парламентариев, они были хорошо известны. Поэтому я просил Тума, как кассира и хранителя архива комитета, разыскать при помощи *Раникеля* указанные документы среди моих бумаг. Возможно, что последний, формально таким образом приглашенный присутствовать при просмотре моих бумаг, тем или иным путем письмо Техова получил, может быть, от кого-нибудь из просматривавших мои бумаги. Я не оспариваю *перехода владения*, но от него следует отличать переход *собственности* от меня к нему; на своем праве собственности я самым решительным образом настаиваю. Я *вскоре затем написал Раникелю из Лондона, чтобы он прислал мне письмо. Но он этого не сделал*. С этого момента и начинается его *culpa manifesta* [явная вина], первоначально лишь *levis* [легкая], но затем все

возрастающая соразмерно степени его соучастия в неразрешенном опубликовании письма, до *culpa magna*, или *maxima*, или даже до *dolus* [до большой, или величайшей вины, или даже до обмана]. Я ни на минуту не сомневаюсь в том, что опубликование *не было разрешено* никем из адресатов; впрочем, я еще напишу об этом Е. Что *Раникель* приложил руку к опубликованию письма, не может вызывать сомнения при известной его близости к Фогту. Не имея никакого намерения критиковать эту близость, я, тем не менее, вынужден указать на контраст с прошлым. *Р а н и к е л ь* не только был одним из злейших «парламентедов» вообще, но, в частности, обнаруживал самые кровожадные чувства по отношению к имперскому регенту. «Я должен задушить этого негодяя, — кричал он, — даже если бы мне пришлось для этого ехать в Берн». Чуть ли не смиренную рубашку нужно было надевать на него, чтобы удержать от этих террористических, кровожадных замыслов. Но теперь, когда пелена, повидимому, спала с его глаз и из Савла он стал Павлом, мне любопытно посмотреть, как он выпутается в другом отношении, т. е. в качестве *мстителя Европы*. Я выдержал тяжелую борьбу, — говорил он тогда, колеблясь в выборе между Европой и Америкой, — но это счастливо кончилось, я остаюсь — *и буду мстить!!* Дрожи, Византия!

Так писал *Шили*.

Таким образом, *Раникель* «стибрил» ¹ письмо Техова из эмигрантского архива Шили. Несмотря на требование Шили из Лондона, он не возвращает письма. *Присвоенное*, таким образом, письмо «друг» *Раникель* передает «другу» Фогту, а «друг» Фогт, со свойственной ему моральной деликатностью, объявляет себя правомочным опубликовать это письмо, — ведь Фогт и *Раникель* — «друзья». Итак, кто пишет письмо для «сообщения друзьям», пишет его *eo ipso* [тем самым] для «друзей» *Фогта и Раникеля* — *arcades ambo* ².

Я сожалею, что эта своеобразная юриспруденция приводит меня к полузабытым и давно забытым историям. Но *Раникель* начал, — и я должен следовать за ним.

Союз коммунистов был основан — первоначально под другим названием — в Париже в 1836 году. Организация, как она постепенно сложилась, была такова: известное число членов составляли «общину» (*Gemeinde*), различные общины в одном и том же городе составляли округ (*Kreis*), большее или меньшее число округов группировалось вокруг «руководящего округа»; во главе всей организации стоял «центральный комитет», выбиравшийся на съезде делегатов всех округов, но имевший право кооптации и назначения, в крайних случаях, своего временного преемника. Центральный комитет находился сперва в Париже, а с 1840 г. до начала 1848 г. в Лондоне. Руководители

¹ Глагол *stiebern* — значит искать, шарить и однозвучен с именем полицейского агента Штибера. *Ред.*

² Оба из Аркадии, или — по-русски — два сапога пара. *Ред.*

общин и округов и члены центрального комитета все были выборными. Этой демократической конституции, совершенно нецелесообразной для заговорщических тайных обществ, не противоречили, по крайней мере, задачи пропагандистского общества. Деятельность Союза заключалась прежде всего в основании открытых немецких рабочих просветительных обществ, и большинство этого рода организаций, существующих еще и поныне в Швейцарии, Англии, Бельгии и Соединенных Штатах, было основано непосредственно самим Союзом или бывшими его членами. Поэтому конституция этих рабочих организаций повсюду одна и та же. Один день в неделю назначался для дискуссий, другой — для общественных развлечений (пение, декламация и т. д.). Повсюду при кружках основывались библиотеки и, где только было возможно, курсы для преподавания рабочим элементарных знаний. Стоявший за открытыми рабочими организациями и руководивший ими Союз находил среди них ближайшее поле для открытой пропаганды, а с другой стороны, за счет более способных их членов он пополнялся и расширялся. При кочевом образе жизни немецких ремесленников центральный комитет лишь в редких случаях прибегал к посылке особых эмиссаров.

Что касается тайного учения Союза, то оно прошло через все превращения французского и английского социализма и коммунизма, а также и их немецких разновидностей (фантазии Вейтлинга, например). Начиная с 1839 г., — как видно уже из доклада Блюнчли, — наряду с социальным вопросом важнейшую роль играет религиозный вопрос. За различными фазами, через которые проходила немецкая философия в период с 1839 г. по 1846 г., члены этих рабочих обществ следили с огромным вниманием. Тайная форма общества обязана своим происхождением Парижу. Главная цель Союза — пропаганда среди рабочих в Германии — требовала сохранения этой формы и впоследствии. Во время своего первого пребывания в Париже я поддерживал личные отношения с тамошними руководителями Союза, а также с вождями большинства тайных французских рабочих обществ, не входя, однако, ни в одно из этих обществ. В Брюсселе, куда меня выслали Гизо, я основал вместе с Энгельсом, В. Вольфом и другими существующее и поныне Немецкое рабочее просветительное общество. В то же время мы выпускали ряд частью печатных, частью литографированных памфлетов, в которых подвергали беспощадной критике ту смесь французско-английского социализма или коммунизма с немецкой философией, которая составляла тогда тайное учение Союза; вместо этого мы выдвигали изучение экономической структуры буржуазного общества как единственно твердую теоретическую осно-

ву и, наконец, в популярной форме разъясняли, что дело идет не о проведении в жизнь какой-нибудь утопической системы, а о сознательном участии в происходящем на наших глазах историческом процессе революционного преобразования общества. Под влиянием этой нашей деятельности лондонский Центральный комитет вступил с нами в переписку и делегировал в конце 1846 г. одного из своих членов, часовщика *Иосифа Молля*, — который позднее, в качестве солдата революции, пал на поле битвы в Бадене, — к нам в Брюссель, чтобы пригласить нас вступить в Союз. Сомнения, высказанные нами по поводу этого предложения, Молль рассеял сообщением, что Центральный комитет собирается созвать в Лондоне съезд Союза, где отстаиваемые нами критические взгляды будут опубликованы в официальном манифесте в качестве доктрины Союза, но что для борьбы с устаревшими и противодействующими элементами необходимо наше личное участие, последнее же связано с нашим вступлением в Союз. Мы и вступили. Съезд, на котором были представлены члены Союза из Швейцарии, Франции, Бельгии, Германии и Англии, состоялся, и после бурных, длившихся несколько недель прений был принят составленный Энгельсом и мной «Манифест коммунистической партии», который вышел в свет в начале 1848 г. и позднее появился в английском, французском, датском и итальянском переводах. Когда вспыхнула февральская революция, лондонский центральный комитет поручил мне руководство Союзом. Во время революции в Германии деятельность его прекратилась сама собой, так как открылись более действенные пути для осуществления его целей. Приехав в конце лета 1849 г., после своей вторичной высылки из Франции, в Лондон, я нашел обломки тамошнего Центрального комитета вновь собранными, сношения с восстановленными в Германии округами «Союза» возобновленными. *Виллих* приехал в Лондон несколько месяцев спустя и, по моему предложению, был принят в Центральный комитет. Он был рекомендован мне Энгельсом, который участвовал в кампании за имперскую конституцию в качестве его адъютанта. Для полноты истории Союза отмечу еще, что 15 сентября 1850 г. произошел раскол в недрах Центрального комитета. Большинство его, вместе с Энгельсом и мною, решило перенести местопребывание Центрального комитета в *Кельн*, где уже давно находился «руководящий округ» для средней и южной Германии и после Лондона был важнейшим центром интеллектуальных сил Союза.

В то же время мы вышли из Лондонского *рабочего просветительного общества*. Меньшинство Центрального комитета, с Виллихом и Шаппером во главе, основало свой особый союз, поддерживавший

сношения с рабочим просветительным обществом и возобновивший также прервавшийся в 1848 г. связи с Швейцарией и Францией. 12 ноября 1852 г. были осуждены кельнские подсудимые. Несколько дней спустя, по моему предложению, Союз был объявлен распущенным. Рукописный документ о роспуске Союза, помеченный ноябрем 1852 г., я приложил к документам по моему делу против «Nationalzeitung». В качестве мотива к роспуску Союза в этом документе указывается, что со времени арестов в Германии, т. е. уже с весны 1851 г., прекратилась *всякая* связь с континентом; к тому же подобное пропагандистское общество вообще стало несвоевременным. Несколько месяцев спустя, в начале 1852 г., прекратил свое существование и виллих-шапперовский союз.

Принципиальные причины указанного выше раскола изложены в моих «Разоблачениях о процессе коммунистов», где перепечатано извлечение из протокола заседания Центрального комитета от 15 сентября 1850 года. Ближайшим же практическим поводом послужило стремление *Виллиха* впутать Союз в революционные затеи немецкой демократической эмиграции. Диаметральные противоположные оценки политической ситуации еще более обострили разногласия. Я приведу лишь *один* пример. Виллих воображал, например, что спор между Пруссией и Австрией по вопросу о Кургессене и германском союзе приведет к серьезным конфликтам и предоставит революционной партии возможность практического вмешательства. 10 ноября 1850 г., вскоре после раскола «Союза», он выпустил составленную в этом духе прокламацию: «Aux démocrates de toutes les nations» [«К демократам всех стран»], подписанную Центральным комитетом «зондербунда», а также французскими, венгерскими и польскими эмигрантами. Энгельс же и я, — как это можно прочесть на стр. 174, 175 «Revue der Neuen Rhein. Zeitung» (двойной номер за май-октябрь 1850 г., Гамбург), — наоборот, утверждали: «*Весь этот шум ни к чему не приведет...* Не пролив и одной капли крови, обе стороны, Австрия и Пруссия, воссядут во Франкфурте на креслах Союзного сейма, и от этого нисколько не уменьшатся ни их соперничество между собой, ни их распря с собственными подданными, ни их недовольство *русской* гегемонией».

Был ли способен *Виллих*, в силу особенностей своей индивидуальности, — деловитость Виллиха, впрочем, не может быть оспариваема, — и под влиянием своих, тогда (1850 г.) еще свежих безансонских воспоминаний «беспристрастно» судить о конфликтах, которые в силу противоположности взглядов стали неизбежными и ежедневно повторялись, — об этом можно заключить на основании ниже следующего документа.

Немецкая колонна в Нанси

*гражданину Иог. Филиппу Беккеру
в Биле*

Председателю немецкого военного союза «Hilf Dir!» [«Помогай себе!»]

Гражданин!

Сим сообщаем тебе как выборному представителю всех немецких эмигрантов-республиканцев, что в Нанси образовалась колонна немецких эмигрантов под названием «Немецкая колонна в Нанси».

Эмигранты, составляющие здешнюю колонну, прежде входили частью в вевульскую колонну, частью — в безансонскую. Они покинули Безансон по чисто демократическим основаниям.

Дело в том, что Виллих во всех своих действиях очень редко советовался с колонной. Основные правила безансонской колонны ею не обсуждались и не решались, а были Виллихом даны *a priori* [заранее] и приведены в исполнение без соглашения с колонной.

Затем Виллих дал нам также и *a posteriori* [в последующем порядке] доказательства своего деспотического характера в ряде приказов, достойных какого-нибудь Еллачича или Виндишгреца, но отнюдь не республиканца.

Виллих отдал приказ стащить с ног у одного оставлявшего колонну ее члена, по имени Шен, купленные ему на сбережения колонны новые башмаки, не считаясь с тем, что и Шен принимал участие в этих сбережениях, так как они составлялись главным образом из получавшейся от Франции субсидии в 10 су на человека... Он хотел взять свои башмаки. Виллих же приказал у него их отнять.

Виллих выслал из Безансона, *не спрашивая* колонны, нескольких дельных ее членов из-за мелочей вроде отсутствия на переключке или на упражнениях, опоздания (вечером), мелких ссор, — выслал, заявив им, что они могут отправиться в Африку, так как во Франции им нельзя оставаться; если же они не уедут в Африку, то он распорядится, чтобы их выдали Германии, на что он имеет полномочие французского правительства. Запрошенная по этому поводу безансонская префектура ответила, что это неправда. Виллих почти каждый день заявлял на переключке: кому не нравится, тот может, если хочет, уходить, и чем скорее, тем лучше, — может уехать в Африку и т. д. Однажды он даже пригрозил в общей форме: кто не будет слушаться его приказов, пусть либо уезжает в Африку, либо будет выдан Германии; по этому поводу и был сделан указанный выше запрос в префектуре. Из-за этих ежедневных угроз многим опротивела жизнь в Безансоне, где, как они заявляли, их ежедневно попрекали. Если бы мы хотели быть рабами, — говорили они, — мы могли бы поехать в Россию или вообще не должны были бы трогаться из Германии. Они заявляли, что ни в каком случае не могут оставаться более в Безансоне, не вступая в резкое столкновение с Виллихом, и поэтому ушли. Но так как тогда нигде не было другой колонны, которая могла бы их принять, и так как, с другой стороны, они не могли жить на десять су, то им ничего другого не оставалось, как записаться добровольцами в Африку, что они и сделали. Так Виллих довел до отчаяния 30 честных граждан и повинен в том, что эти силы навсегда потеряны для родины.

Далее, Виллих был настолько неблагоразумен, что на переключках постоянно хвалил своих стариков и унижал новичков, что всегда возбуждало споры. Виллих заявил даже как-то на переключке, что пруссаки значительно превосходят южно-германцев головой, сердцем и телом, или же, как он выразился, физическими, нравственными и умственными силами. Южно-германцы же

отличаются добродушием, — он хотел сказать глупостью, но у него нехватило мужества. Этим Виллих страшно озлобил всех южно-германцев, составляющих большинство. Наконец, вот самый грубый его поступок.

Две недели назад 7-я рота дала пристанище на ночь одному высланному из казармы по личному распоряжению Виллиха члену колонны, по имени Барроджо, оставила его, несмотря на запрещение Виллиха, в своем помещении и защищала свое поведение против сторонников Виллиха, фанатиков-портных. Виллих приказал принести веревки и связать бунтовщиков. Веревки действительно были принесены. Но заставить выполнить приказание до конца было не во власти Виллиха, хотя он этого хотел... Таковы причины их ухода.

Мы написали все это не для того, чтобы пожаловаться на Виллиха. Характер и воля у Виллиха хороши, и многие из нас уважают его, но пути, которыми он идет к своим целям, и средства, которые он для этого применяет, не все нам нравятся. У Виллиха благие намерения. Но он считает себя олицетворенной мудростью и *ultima ratio* [высшим законом], а всякого противоречащего ему — даже в мелочах — дураком или изменником. Одним словом, Виллих не признает никакого другого мнения, кроме своего собственного. Он аристократ по уму и деспот и если задумает что-нибудь, то не побрезгает никакими средствами. Но довольно об этом! Мы теперь знаем Виллиха. Мы знаем его сильные и слабые стороны и поэтому покинули Безансон. Впрочем, все, оставляя Безансон, заявили, что они уходят от Виллиха, но не выходят из немецкого военного союза «Помогай себе».

Точно так же везульские...

Заканчивая уверением в глубоком уважении, шлем братский привет и рукопожатие от колонны в Нанси.

Принято общим собранием 13 ноября 1848 года.

Нанси, 4 ноября 1848 г.

От имени и по поручению колонны,

Секретарь Б.

Теперь вернемся к письму *Техова*. Яд его письма, как и других пресмыкающихся, заключен в хвосте, именно в приписке от 3 сентября (1850 г.). В ней речь идет о дуэли моего преждевременно умершего друга *Конрада Шрамма* с *Виллихом*. В этой дуэли, происходившей в начале сентября 1850 г. в Антверпене, фигурировали *Техов* и француз *Бартелеми* в качестве секундантов Виллиха. *Техов* пишет Шиммельпфеннигу «для сообщения друзьям»: «Они (т. е. Маркс и его сторонники) выпустили своего чемпиона *Шрамма* против Виллиха, который его (*Техов* хочет сказать: которого он) осыпал грубейшей бранью и в заключение вызвал на дуэль» («Главная книга», стр. 156, 157).

Мое опровержение этой нелепой сплетни напечатано семь лет тому назад в выше цитированном памфлете «*Der Ritter vom edelmüthigen Bewusstsein*». New-York 1853 [«Рыцарь благородного сознания». Нью-Йорк].

Тогда Шрамм еще был жив. Он, как и Виллих, находился в Соединенных Штатах.

Секундант Виллиха, Бартелеми, не был еще повешен; секундант Шрамма, славный польский офицер Мисковский, еще не был сожжен, и Техов еще не мог забыть своего циркуляра для «сообщения друзьям».

В названном памфлете находится письмо моего друга *Фридриха Энгельса* от 23 ноября 1853 г. из *Манчестера*, в конце которого сказано:

В заседании Центрального комитета, на котором между Шраммом и Виллихом дело дошло до вызова, я (Энгельс), уверяет Виллих, якобы вместе с Шраммом преступно «покинул комнату» непосредственно перед этой сценой и, следовательно, подготовил всю сцену. Прежде «натравлял» Шрамма (по словам Виллиха) Маркс, — теперь для разнообразия в этой роли являюсь я. Конечно, дуэль между старым прусским лейтенантом, опытным стрелком из пистолета, и коммерсантом, который, может быть, никогда и не держал пистолета в руках, было поистине великолепным приемом «убрать со своего пути» лейтенанта. Несмотря на это, друг Виллих повсюду рассказывалустно и письменно, будтомы хотели, чтобы его застрелили... Шрамм просто был взбешен наглым поведением Виллиха и, к величайшему изумлению всех нас, вызвал его на дуэль. Сам Шрамм за несколько минут до того не подозревал, что дело примет такой оборот. Трудно представить себе более непосредственный поступок... Шрамм ушел (из зала заседания) только по личному настоянию Маркса, желавшего потушить скандал.

Ф. Энгельс.

(См. «Der Ritter etc.», стр. 9).

Как я, со своей стороны, далек был от того, чтобы считать *Техова* орудием этой глупой сплетни, видно из следующего места того же самого памфлета:

«Сперва, — как сам Техов рассказывал мне и Энгельсу, по своем возвращении в Лондон, — Виллих был твердо убежден, что я намеревался, при посредстве Шрамма, избавить мир от его благородной особы, и письменно протрубил об этом на весь мир. Но, по более зрелом размышлении, он решил, что такой дьявольский тактик, как я, не мог додуматься до мысли избавиться от него при помощи дуэли со Шраммом» (там же, стр. 9).

То, что Техов сплетничает Шиммельпфеннигу «для сообщения друзьям», он сплетничает с чужих слов. *Карл Шанпер*, который в последовавшем позже расколе Союза был на стороне Виллиха и был свидетелем сцены вызова, пишет мне об этом следующее:

5, Persy Street, Bedford Square,
27 сентября 1860 г.

Дорогой Маркс!

Относительно скандала между Шраммом и Виллихом следующее:

Скандал разыгрался в заседании Центрального комитета после жаркого спора, случайно завязавшегося между ними во время прений. Я отлично помню еще, что ты, со своей стороны, делал все, чтобы успокоить и уладить дело, и был,

повидимому, столь же поражен этим внезапным взрывом, как я сам и остальные присутствовавшие члены.

Привет

Твой *Карл Шаппер*.

В заключение напомним еще, что сам *Шрамм* через несколько недель *после* дуэли обвинял меня в письме от 31 декабря 1850 г. в *пристрастии* к *Виллиху*. Неодобрение, которое Энгельс и я открыто ему выразили до дуэли и после нее по ее поводу, вызвало у него раздражение. Это его письмо и другие полученные мною от него и Мисковского бумаги, касающиеся дуэли, могут быть осмотрены его родными. Вниманию публики они не подлежат.

Когда Конрад Шрамм после своего возвращения из Соединенных Штатов в середине июля 1857 г. снова посетил меня в Лондоне, его смелая, стройная юношеская фигура уже была подкошена неизлечимой чахоткой, которая в то же время, словно сиянием, окружила его характерную красивую голову. Со свойственным ему и никогда не покидавшим его юмором он прежде всего, смеясь, показал мне объявление о своей собственной смерти, напечатанное на основании слухов одним болтливым другом в нью-йоркской немецкой газете. По совету врачей, Шрамм отправился в Сент-Элье, на остров Джерси, где мы с Энгельсом видели его в последний раз. Шрамм умер 16 января 1858 года. На его похоронах, собравших всю либеральную буржуазию из Сент-Элье и всю проживавшую там эмиграцию, надгробную речь произнес *Дж. Джулиан Гарни*, один из лучших английских ораторов, известный прежде как вождь чартистов и бывший в дружеских отношениях со Шраммом во время его пребывания в Лондоне. Пылкая, смелая, пламенная натура, никогда не поддававшаяся заботам повседневности, сочеталась у Шрамма с критическим умом, оригинальной мыслью, ироническим юмором и наивным добросердечием. Он был Перси Хотспер¹ нашей партии.

Вернемся к письму *Техова*. Несколько дней спустя после своего приезда в Лондон, поздно вечером, он имел продолжительное свидание с Энгельсом, Шраммом и мной в одном кабаке, где мы угощали его. Это свидание он и описывает в своем письме к Шиммельпфеннигу от 26 августа 1850 г. «для сообщения друзьям». Я никогда его раньше не видел, да и после мельком видел его, может быть, раза два. Однако он разглядел у меня и моих друзей голову, сердце и внутренности и поспешил за нашей спиной послать

¹ Действующее лицо исторических драм Шекспира (сын графа Нортумберленда, конец XIV века). Hotspur — по-английски — пылкий, горячая голова, упрямый. *Ред.*

в Швейцарию психологическое описание наших примет, заботливо рекомендуя «друзьям» тайно размножить его и распространить.

Техов много занимается моим «сердцем». Я великодушно не последую за ним в эту область. «Ne parlons pas morale» [«Не будем говорить о морали»], — как заявляет парижская гризетка, когда ее друг начинает говорить о политике.

Остановимся на один момент на адресате письма от 26 августа, бывшем прусском лейтенанте *Шиммельпфенниге*. Я не знаю лично этого господина и никогда его не видел. Я характеризую его на основании двух писем. Первое письмо от 23 ноября 1853 г., приводимое мной только в выдержках, было прислано мне из Честера моим другом *В. Стеффеном*, бывшим прусским лейтенантом и преподавателем дивизионной школы. В нем говорится:

Виллих прислал однажды (в Кельн) своего адъютанта, по имени *Шиммельпфенниг*. Последний оказал мне честь, пригласив меня к себе, и был твердо убежден, что он без всяких околичностей может лучше оценить положение, чем кто-либо другой, кто изо дня в день непосредственно следит за фактами. Он составил себе поэтому очень невысокое мнение обо мне, когда я сообщил ему, что офицеры прусской армии не сочтут за счастье сражаться под его и Виллиха знаменем и вовсе не склонны провозгласить *citissime* [весьма спешно] виллиховскую республику. Но еще больше рассердился он, когда не нашлось ни одного такого дурака, который взялся бы размножить привезенное им обращение к офицерам с требованием высказаться немедленно за «то», что он называл демократией.

В бешенстве покинул он «порабощенный *Марксом Кельн*», как он писал мне, но добился размножения этой ерунды в другом месте и разослал ее многим офицерам, предоставив возможность «Наблюдателю» в «*Kreuzzeitung*» протипуировать комическую тайну этого хитрого способа превращать прусских офицеров в республиканцев.

Во время этой авантюры я еще совсем не знал Стеффена, который приехал в Англию лишь в 1853 году. Еще ярче характеризует себя сам Шиммельпфенниг в письме к тому самому *Герфелю*, который позже был разоблачен как французский полицейский агент, был душой революционного комитета, основанного в Париже в конце 1850 г. Шиммельпфеннигом, Шурцем, Гефнером и другими тогдашними друзьями *Кинкеля*, и был закадычным приятелем обоих матадоров, Шурца и Шиммельпфеннига.

Шиммельпфенниг Герфелю (Париж 1851 г.):

Здесь (в Лондоне) произошло следующее... Мы писали туда (в Америку) всем нашим влиятельным знакомым, чтобы они подготовили почву для займа (кинкелевского займа), в течение известного времени выступая лично и помещая статьи в печати о мощи заговорических организаций и указывая на значительные силы, как немецкие и французские, так и итальянские которые никогда не

покинут поля битвы. (История не имеет никакой даты?)... *Наша работа идет теперь хорошо.* Когда покидаешь слишком упрямых людей, то они потом возвращаются и принимают поставленные им условия. Завтра, после того, как *работа* будет налажена и прочно поставлена, я свяжусь с Руге и Гаугом... *Мое общественное положение, как и твое, очень тяжелое... Крайне необходимо скорее дать ход нашему делу.* (Т. е. делу с кинкелевским революционным займом.)

Твой Шиммельпфенниг.

Это письмо Шиммельпфеннига находится в опубликованных А. Руге в «Herold des Westens» (Луисвилль, 11 сентября 1853 г.) «Разоблачениях». Шиммельпфенниг, который ко времени опубликования этих разоблачений уже находился в Соединенных Штатах, никогда не отрицал подлинности этого письма. «Разоблачения» Руге составляют перепечатку документа: «*Aus den Acten des Berliner Polizeipräsidiums*» [«Из архива берлинского полицейского управления»]. Документ состоит из гинкельдеевских заметок на полях и бумаг, которые французская полиция или захватила у Шиммельпфеннига и Герфеля в Париже, или «стибрила» у бременского пастора Дюлона или, наконец, во время войны мышей и лягушек между Агитационным обществом Руге и Эмиграционным обществом Кинкеля была опубликована самими враждующими братьями в немецко-американской прессе. Характерна ирония, с которой Гинкельдей рассказывает, как скоропалительно Шиммельпфенниг оборвал свою поездку по Пруссии для пропаганды идеи кинкелевского революционного займа, «*вообразив*, что его преследует полиция». В тех же «Разоблачениях» имеется письмо Карла Шурца, «представителя парижского комитета (т. е. Герфеля, Гефнера, Шиммельпфеннига и т. д.) в Лондоне», где сказано:

«Вчера находящимися здесь эмигрантами решено было пригласить на совещание Бухера, д-ра Франка, Редза из Вены и Техова, который скоро будет здесь. *Notabene. Техову об этом решении нельзя пока сообщать ни в устной, ни в письменной форме до его приезда сюда*» (К. Шурц «милым людям» в Париж, Лондон, 16 апреля 1851 года).

Одному из этих «милых людей», именно Шиммельпфеннигу, Техов адресует свое письмо от 26 августа 1850 г. для «сообщения друзьям». Прежде всего он сообщает «милому человеку» тщательно скрываемые мною теории, которые он выведал все же у меня во время нашей единственной встречи, воспользовавшись обстановкой по пословице: «*in vino veritas*» [«в вине истина»].

«Я, — рассказывает Техов Шиммельпфеннигу «для сообщения друзьям», — я... заявил под конец, «что я их (Маркса, Энгельса

и др.) *всегда представлял себе стоящими выше абсурдной идеи о благодатном коммунистическом стойле à la Cabet*» и т. д. («Главная книга», стр. 150).

Представлял! Таким образом, Техов не *знал* даже азбуки нашего мировоззрения, но великодушно и снисходительно *представлял* себе его не как «абсурд».

Не говоря уже о научных работах, если бы он только прочел «Манифест коммунистической партии», который он ниже называет моим «пролетарским катехизисом», то он нашел бы там подробный раздел, озаглавленный: «Социалистическая и коммунистическая литература», и в конце его параграф: «Критически-утопический социализм и коммунизм», где сказано:

«Собственно социалистические и коммунистические системы, системы Сен-Симона, Фурье, Оуэна и т. д., возникают в первый, неразвитый период борьбы между пролетариатом и буржуазией, изображенный нами выше. Изобретатели этих систем, правда, видели классовые противоречия и действие разрушительных элементов внутри самого господствующего общества. Но они не видели у пролетариата никакой исторической самостоятельности, никакого свойственного ему политического движения. Так как развитие классовых противоречий идет рука-об-руку с развитием промышленности, то они также не находят еще материальных условий для освобождения пролетариата и изыскивают социальную науку, социальные законы, *чтобы создать эти условия*. Место общественной деятельности должна занять их личная изобретательская деятельность, место *исторических* условий освобождения — *фантастические*, место постепенно развивающейся организации пролетариата в класс — *организация общества их собственного изобретения*. Грядущая мировая история сводится для них к *пропаганде и практическому* осуществлению их планов общества... Значение критически-утопического социализма и коммунизма находится в обратном отношении к историческому развитию. Поэтому, если основатели этих систем и были во многих отношениях революционны, то их ученики образуют всегда реакционные секты и все еще *мечтают* об осуществлении в порядке опыта своих общественных утопий, учреждении отдельных фаланстеров, основании коммунистических колоний, устройстве *маленькой Икарии* — карманного издания нового Иерусалима» («Манифест коммунистической партии», 1848 г., стр. 21, 22).

В последних словах «Икария» *Кабэ*, — или, как ее называет Техов, «благодатное стойло», — прямо названа «карманным изданием нового Иерусалима»,

Признанного, таким образом, Теховым полного незнакомства со взглядами, высказанными Энгельсом и мной в печати за много лет до нашей встречи с ним, совершенно достаточно для объяснения его недоразумения. Для *его* же характеристики приведем некоторые примеры.

«Он (Маркс) насмехается над дураками, которые повторяют за ним его пролетарский катехизис, и над коммунистами à la Виллих, как и над буржуа. Единственно кого он уважает, — это *аристократов*, но настоящих, знающих себе цену. *Чтобы лишить их господства*, ему нужна сила, которую он находит только в пролетариате; *поэтому он выкроил свою систему по этой силе*» («Главная книга», стр. 152).

Итак, Техов «представляет» себе, что я сочинил «пролетарский катехизис». Он имеет в виду «Манифест», в котором подвергнут критике и — если угодно Техову — «высмеян» социалистический и критический утопизм всех сортов. Но это «высмеивание» было не так уж просто, как он это себе «представляет», и потребовало порядочной затраты труда, что он мог бы увидеть из моей книги против Прудона «*Misère de la philosophie*» 1847 г. [«Нищета философии»]. Техов «представляет» себе далее, что я «выкроил» *«систему»*, между тем как я, наоборот, даже в предназначенном непосредственно для рабочих «Манифесте» отверг *все* системы и поставил на их место «критическое изучение условий, хода и общих результатов общественного движения». Но подобного «изучения» нельзя ни машинально «повторять» за кем-нибудь, ни «выкроить», как какой-нибудь патрон-таш. Необычайно наивен взгляд на взаимоотношения между аристократией, буржуазией и пролетариатом, который Техов себе «представляет» и мне *подставляет*.

Аристократию я «уважаю», над буржуазией «насмехаюсь», а для пролетариев «выкраиваю систему», чтобы с их помощью «лишить господства» аристократию. В первом разделе «Манифеста», озаглавленном «Буржуа и пролетарии» (см. «Манифест», стр. 11), подробно объясняется, что экономическое, а, значит, в той или иной форме, и политическое *господство буржуазии* — основное условие как существования современного пролетариата, так и создания «материальных условий его освобождения». «Развитие современного пролетариата (см. «*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-Oekonomische Revue*», январь 1850 г., стр. 13) вообще обусловлено развитием промышленной буржуазии. Лишь при *ее господстве* он начинает широкую национальную жизнь, которая может поднять его революцию на уровень национальной, создает современные орудия произ-

водства, которые доставляют вместе с тем столько же средств для его революционного освобождения. Лишь *ее господство* вырывает материальные корни феодального общества и выравнивает почву, *на которой только и возможна пролетарская революция*. Поэтому я в той же самой «Revue» объявляю всякое пролетарское движение, в котором не участвует Англия, «бурей в стакане воды». Энгельс развил те же самые взгляды уже в 1846 г. в своей работе «Die Lage der arbeitenden Klassen in England» [«Положение рабочего класса в Англии»]. Следовательно, в странах, где аристократия в континентальном смысле слова, — а так именно и понимал Техов «аристократию», — еще только должна быть лишена господства, нет еще, согласно моих воззрений, первой предпосылки пролетарской революции, именно *промышленного пролетариата* на национальной ступени развития.

В частности, мой взгляд на отношения немецких рабочих к буржуазному движению Техов нашел в очень определенной форме в «Манифесте». «В Германии, где буржуазия выступает революционно, коммунистическая партия борется совместно с ней против абсолютной монархии, феодального землевладения и мелкого мещанства. Но она ни на минуту не перестает развивать в среде рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности между буржуазией и пролетариатом и т. д. («Манифест», стр. 23). Привлеченный к буржуазному суду присяжных в Кельне по обвинению в «мятеже», я сделал заявление в том же духе: «В современном буржуазном обществе существуют еще *классы*, но нет больше *сословий*. Его развитие заключается в борьбе этих классов, но последние объединяются между собою против сословий и их божьей милостью королевской власти («Zwei politische Prozesse. Verhandelt vor den Februar-Assisen zu Köln», 1849, p. 59 — «Два политических процесса. Речь перед судом присяжных в Кельне в феврале 1849 г.», стр. 59).

Чем другим были призывы либеральной буржуазии к пролетариату от 1688 до 1848 г., как не «выкраиванием систем и фраз», чтобы *его* силами лишить господства аристократию. Самое существенное, что извлекает Техов из моей тайной теории, было бы, таким образом, *самым заурядным буржуазным либерализмом!* Tant de bruit pour une omelette! [Столько шуму из-за такой мелочи!] Но так как Техов, с другой стороны, все же знал, что «Маркс» не буржуазный либерал, то ему ничего не оставалось, как «удовольствоваться впечатлением, что *его* личное господство — цель всей его деятельности». «Вся моя деятельность», — какое скромное выражение для моей единственной беседы с Теховым!

Техов поверяет далее своему Шиммельпфеннигу «для сообщения друзьям», что я высказал следующий чудовищный взгляд: «Наконец, совсем даже не важно, если погибнет жалкая Европа, что *в скором времени* должно произойти и без социальной революции, и если тогда Америка будет эксплуатировать старую систему за счет Европы» («Главная книга», стр. 148). Моя беседа с Теховым происходила в конце августа 1850 года. В февральском выпуске «*Revue der Neuen Rheinischen Zeitung*», — следовательно, за восемь месяцев *до того*, как Техов выведал у меня этот секрет, — я открыл немецкой читающей публике следующее:

«Переходим теперь к *Америке*. Важнейшее событие, имевшее там место, — событие более важное, чем февральская революция, — это — открытие золотых россыпей в Калифорнии. Уже теперь, всего через восемнадцать месяцев, можно предвидеть, что это открытие будет иметь гораздо более грандиозные результаты, чем открытие самой Америки... Второй раз мировая торговля получает новое направление. Тогда Тихий океан будет играть такую же роль, какую в настоящее время играет Атлантический, а в древности и средние века играло Средиземное море, — роль великого водного пути для мировой торговли; Атлантический же океан будет низведен до роли внутреннего моря, которую теперь играет Средиземное море. Единственный способ для цивилизованных стран Европы не впасть *тогда* в такую же промышленную, торговую и политическую зависимость, в какой находятся в настоящее время Италия, Испания и Португалия, это — социальная революция» и т. д. («*Revue*», второй выпуск, февраль 1850, стр. 77).

Техову принадлежат только «гибель в *скором времени*» старой Европы и восшествие на следующий же день Америки на трон. Насколько ясно я представлял себе тогда ближайшее будущее Америки, видно из следующего места той же «*Revue*»: «Очень скоро развернется *сверхспекуляция*, и даже при массовом притоке английского капитала все же *Нью-Йорк* на этот раз останется центром ажиотажа и, как в 1836 г., первый потерпит крушение» (Двойной выпуск «*Revue*», май-октябрь, 1850 г.). Этот прогноз для Америки, сделанный мною в 1850 г., целиком нашел свое осуществление в большом торговом кризисе 1857 года. О «старой Европе», после описания ее экономического подъема, я, наоборот, сказал: «При таком всеобщем процветании, когда производительные силы буржуазного общества так бурно развиваются, не может быть и речи о подлинной революции... Раздоры между представителями отдельных фракций континентальной партии порядка, которыми они компрометируют друг друга, не только

ни в какой мере не могут служить поводом к революции, а даже, наоборот, лишь потому и возможны, что основа их отношений в *данный момент* так прочна и, чего не понимает реакция, так *буржуазна*. Все попытки реакции задержать буржуазное развитие с такой же силой будут разбиваться об это развитие, *как и все нравственное негодование и все восторженные прокламации демократов*. Новая революция возможна лишь в результате кризиса» (там же, стр. 153).

Действительно, европейская история только после кризиса 1857 — 1858 гг. снова приняла острый и, если угодно, революционный характер. Действительно, в период реакции 1849 — 1859 гг. промышленность и торговля развивались на континенте в размерах, превзошедших всякие ожидания, а вместе с ними росла материальная основа для политического господства буржуазии. Действительно, в течение этого периода «все нравственное негодование и все восторженные прокламации демократов» разбивались об экономические отношения.

Техов, понявший как шутку серьезную часть нашей беседы, тем серьезнее отнесся к шутке. С торжественнейшим видом человека, приглашающего на похороны, просвещает он своего *Шиммельпфеннига* «для сообщения друзьям».

«Далее *Маркс* сказал: В революциях офицеры — самый опасный элемент. От Лафайета до Наполеона — цепь изменников и предательств. *Кинжал и яд надо всегда держать для них наготове*» («Главная книга», стр. 153).

Избитую истину о предательстве «господ военных» даже сам *Техов* не будет считать моей оригинальной мыслью. Оригинальность заключалась, очевидно, в требовании всегда держать «кинжал и яд» наготове. Неужели же *Техов* не знал уже тогда, что истинно революционные правительства, как, например, Комитет общественного спасения, держали наготове весьма сильно действующие, хотя и менее мелодраматические средства для «господ военных»? Кинжал и яд могли в лучшем случае годиться для какой-нибудь венецианской олигархии. Если бы *Техов* перечитал внимательно собственное письмо, то он вычитал бы в нем иронию «кинжала и яда». Соратник *Фогта*, известный бонапартистский *шпион Эдуард Симон*, переводит в «Revue Contemporaine» (XIII, Париж 1860 г., стр. 528, в своей статье «Le procès de M. Vogt etc.») последний абзац из письма *Техова* и сопровождает его примечанием: «*Marx n'aime pas beaucoup voir des officiers dans sa bande. Les officiers sont trop dangereux dans les révolutions.*

Il faut toujours tenir prêts pour eux le poignard et le poison!

Techow, qui est officier, se le tient pour dit; il se rembarque et retourne en Suisse».

[«Маркс не очень любит, чтобы в его банде были офицеры. В революциях офицеры — весьма опасный элемент.

Против них нужно всегда держать наготове кинжал и яд!

Техов, сам офицер, намотал себе это на ус: он сел на пароход и вернулся в Швейцарию»].

Бедный Техов, в изложении Эдуарда Симона, так сильно пугается находящегося у меня наготове «кинжала и яда», что тут же немедленно срывается, садится на пароход и возвращается в Швейцарию. А имперский Фогт перепечатывает место о «кинжале и яде» жирным шрифтом, чтобы нагнать страху на немецкое филистерство. Этот потешный человек все же пишет в своих так называемых «Исследованиях»: *«Нож и яд испанца сверкают теперь просветленным блеском — ведь дело шло о независимости нации»* (там же, стр. 79).

Между прочим: испанские и английские источники по истории периода 1807—1814 гг. давно уже опровергли выдуманные французами сказки про яды. Но для трактирных политиканов они, естественно, остаются во всей неприкосновенности.

Перехожу, наконец, к «сплетням» письма Техова и покажу на некоторых примерах его историческое беспристрастие.

«Сперва речь шла о конкуренции между ими и нами, между Швейцарией и Лондоном. Они должны были охранять права старого Союза, который ввиду своей определенной партийности, разумеется, не мог дружелюбно выносить другой союз в той же сфере (пролетариат)» («Главная книга», стр. 143).

Конкурирующая организация в Швейцарии, о которой говорит здесь Техов и в качестве представителя которой он, до некоторой степени, выступал против нас, это — уже вышеупомянутая *Революционная централизация*. Ее центральный комитет находился в Цюрихе; председателем был один адвокат [Чирнер], бывший товарищ председателя одного из крохотных парламентов 1848 г. и бывший член одного из немецких временных правительств 1849 года. В июле 1850 г. Дронке приехал в Цюрих, где названный адвокат предложил ему, как члену лондонского «Союза», «для сообщения» мне своего рода нотариальный договор. В нем буквально сказано:

«Принимая во внимание необходимость объединения всех подлинно революционных элементов и признание всеми членами Революционного центрального комитета пролетарского характера ближайшей революции, хотя не все они могли безусловно присоединиться к выставленной в Лондоне программе («Манифест» 1848 г.), — Союз

коммунистов и Революционная централизация согласились между собой в следующем:

1) Обе стороны соглашаются работать совместно: Революционная централизация — подготавливая ближайшую революцию путем объединения *всех* революционных элементов, лондонское общество — подготавливая господство пролетариата путем организации *преимущественно пролетарских элементов*;

2) Революционная централизация инструктирует своих агентов и эмиссаров, чтобы они, при образовании секций в Германии, обращали внимание членов, которые представляются им склонными вступить в Союз коммунистов, на наличие организации, учрежденной главным образом в пролетарских интересах;

3) и 4) Руководство швейцарской организацией будет предоставляться только *действительным сторонникам* лондонского Манифеста в Революционном центральном комитете. Обе стороны взаимно представляют одна другой отчеты».

Из этого находящегося еще в моих руках документа видно, что речь шла не о двух тайных обществах «в одной и той же сфере» (пролетариат), а об альянсе между двумя обществами в разных сферах и с *различными тенденциями*. Из этого же документа явствует, что Революционная централизация, преследуя свои собственные цели, изъявляла готовность образовать своего рода вспомогательный филиал для Союза коммунистов.

Предложение это было отклонено, так как принятие его было несовместимо с «принципиальным» характером Союза.

«Затем дошла очередь до *Кинкеля*... На это они ответили... За дешевой популярностью они никогда не гнались, — наоборот! Что касается Кинкеля, то они от всей души оставили бы ему его дешевую популярность, если бы он только сидел смирно. Но после того, как он напечатал в «*Berliner Abendpost*» свою раштатскую речь, мир с ним стал невозможен. Что со всех сторон поднимутся вопли, они заранее знали; что ставили на карту существование своего теперешнего органа («*Revue der Rheinischen Zeitung*»), они ясно представляли себе. Их опасения оправдались, они из-за этой истории разорились, потеряли всех своих подписчиков в Рейнской провинции и должны были дать погибнуть своему органу. Но это для них не важно» (там же, стр. 146 — 148).

Во-первых, фактическая поправка: «*Revue*» тогда еще не погибла, и три месяца спустя появился еще двойной выпуск журнала; мы не потеряли ни *одного подписчика* из Рейнской провинции, как это может засвидетельствовать мой старый друг *И. Вейдемейер*, бывший

пруссский артиллерийский лейтенант, тогда редактор «Neue Deutsche Zeitung» во Франкфурте, любезно собиравший для нас подписные деньги. Впрочем, Техов, лишь по наслышке знавший мою и Энгельса литературную деятельность, должен был, по меньшей мере, прочесть критикуемую им самим нашу критику речи Кинкеля. Зачем же это доверительное сообщение «дорогим друзьям» в Швейцарию? Зачем «разоблачать» перед ними то, что мы за пять месяцев до того уже разоблачили пред читающей публикой? В упомянутой критике буквально сказано:

«Мы заранее знаем, что вызовем всеобщее негодование сентиментальных аферистов и демократических декламаторов, разоблачая перед нашей партией эту речь «узника» Кинкеля. Но нам это совершенно безразлично. Наша задача состоит в беспощадной критике..., и, заняв эту позицию, мы с удовольствием отказываемся от дешевой демократической популярности. Своими нападками мы несколько не ухудшаем положения Кинкеля: мы разоблачаем его для амнистии, подтверждая его признание, что он не тот человек, за которого его принимают, и заявляя, что он достоин не только быть амнистированным, но и быть принятым на прусскую государственную службу. К тому же его речь опубликована» («Revue d. N. Rh. Ztg.», апрель, 1850 г., стр. 70, 71).

Техов говорит, что мы «компрометируем» les petits grands hommes [маленьких великих людей] революции. Однако он понимает это «компрометирование» не в полицейском смысле Фогта. Он, наоборот, имеет в виду операцию, при помощи которой мы совлекали неподобающий покров с овец, рядившихся в волчьи шкуры; мы предохраняли их, таким образом, от участи знаменитого провансальского трубадура, растерзанного собаками, поверившими в волчью шкуру, в которой он отправился на охоту.

Как на пример предосудительного характера наших нападков, Техов указывает на случайное замечание о генерале Зигеле в статье Энгельса «Darstellung der Reichsverfassung-Campagne» [«Обзор кампании за имперскую конституцию»] (См. «Revue», март 1850 г., стр. 70—78).

Но пусть сравнят документально обоснованную критику Энгельса со злостной и низкой сплетней, которую напечатало почти год спустя после нашей встречи с Теховым против того же самого генерала Зигеля руководимое Теховым, Кинкелем, Виллихом, Шиммельпфенигом, Шурцем, Г. Б. Оппенгеймом, Эдуардом Мейеном и др. лондонское Эмиграционное общество и напечатало только потому, что Зигель примыкал к Агитационному обществу Руге, а не к Эмиграционному обществу Кинкеля.

В «Baltimore Correspondent», бывшем в то время своего рода «Moniteur» Кинкеля, от 3 декабря 1851 г. в статье под заглавием «Der Agitationsverein in London» [«Агитационное общество в Лондоне»] мы находим следующую характеристику *Зигеля*:

«Посмотрим теперь, кто эти солидные мужи, которым все остальные представляются *«незрелыми политиками»*. Вот главнокомандующий *Зигель*. Если бы спросить музу истории, каким образом это ничтожество добралось до верховного командования, она пришла бы еще в большее замешательство, нежели в случае с недоноском Наполеоном. Последний, по крайней мере, «племянник своего дяди», *Зигель* же только «брат своего брата». Брат его стал популярным офицером благодаря своим противоправительственным заявлениям, которые вызывались частыми арестами за *обыкновенный разгул*. Молодой *Зигель* счел это *достаточным основанием* для того, чтобы при первом замешательстве во время революционного подъема провозгласить себя главнокомандующим и военным министром. В баденской артиллерии, часто обнаруживавшей свои превосходные качества, было достаточно пожилых и солидных офицеров, перед которыми *молодой лейтенант Зигель, недавний школьник*, должен был ступать и которые были не мало возмущены, когда им пришлось подчиняться *молодому, незначительному, столь же неопытному, сколь и бездарному* человеку. Но нашелся Брентано, у которого оказалось столько слабоумия и предательства, чтобы допустить все, что должно было погубить революцию. Да, как это ни смешно, но факт тот, что *Зигель сам себя назначил главнокомандующим*, а Брентано утвердил его задним числом... Во всяком случае замечательно и характерно, что *Зигель* оставил на произвол судьбы храбрейших солдат республиканской армии в безнадежной битве при Раштате и в Шварцвальде, не прислав им обещанной помощи, а сам разъезжал по Цюриху, как на параде, в эполетах и в кабриолете князя Фюрстенберга в роли интересного и неудачливого полководца. Таково известное всем величие зрелого политического деятеля, который с «законным сознанием» своих былых геройских подвигов второй раз сам себя назначил главнокомандующим в Агитационном обществе. Таков этот великий человек, *«брат своего брата»*.

В интересах беспристрастия послушаем также то, что говорит Агитационное общество Руге устами его представителя *Таузенау*. В открытом письме «Гражданину Зейденштикеру» от 14 ноября 1851 г. из Лондона Таузенау замечает по поводу руководимого Кинкелем, Теховым и др. Эмиграционного общества.

... они выражают убеждение, что единение всех в интересах революции —

патриотический долг и необходимость. Немецкое «Агитационное общество» разделяет это убеждение, и члены его подтвердили это повторными попытками к единению с Кинкелем и его приверженцами. Но всякое основание для политического сотрудничества исчезало, едва только оно устанавливалось, и одни разочарования следовали за другими. Самовольное нарушение прежних соглашений, сепаратные интересы под личиной примирения, систематическое создание искусственного большинства, выступление неизвестных личностей в качестве организаторов и вождей партии, попытки создать тайную финансовую комиссию и вообще всякого рода уловки и шахматные ходы, с помощью которых незрелые политики всех времен мнили руководить в изгнании судьбами своей родины, между тем как уже первое пламенное дыхание революции рассеивает, как дым, такие тщеславные стремления... Сторонники Кинкеля публично и официально клеветали на нас; *реакционная немецкая печать, которая для нас была недоступна*, полна неблагоприятных для нас и благоприятных для Кинкеля корреспонденций, и, наконец, Кинкель поехал в Соединенные Штаты, чтобы, при помощи так называемого немецкого займа, который он там подготовлял, продиктовать нам объединение или, вернее, подчинение и зависимость, которые имеет в виду *всякий инициатор финансовых партийных слияний*. Отъезд Кинкеля держался в столь строгой тайне, что мы узнали о нем лишь тогда, когда прочитали в американских газетах о его прибытии в Нью-Йорк... Для серьезных революционеров, которые не преувеличивают своего значения, но в *сознании своих прежних заслуг* могут с достоинством сказать, что за ними *стоят, по крайней мере, определенные слои народа*, эти факты и многое другое служили повелительным мотивом для вступления в общество, по-своему стремящееся служить интересам революции». Далее Кинкель обвиняется в том, что собранные им суммы он намеревался отдать «какой-то клике», как «это доказывает все его поведение здесь (в Лондоне) и в Америке», а также «большинство лиц, которых сам Кинкель выставил как своих поручителей».

А в заключение сказано:

Мы не обещаем своим друзьям ни процентов, ни возврата их патриотических пожертвований, но мы знаем, что оправдаем их доверие положительными действиями (реальным обслуживанием?) и добросовестной отчетностью и что впоследствии, когда мы опубликуем их имена, их ждет благодарность отечества («Baltimore Wecker» от 29 ноября 1851 года).

Такова была «литературная деятельность», которую развивали в течение трех лет в немецко-американской печати демократические герои Агитационного общества и Эмиграционного общества, к которым впоследствии присоединился также основанный Гегом Революционный союз Старого и Нового Света (см. приложение 6).

Впрочем, эмигрантской склоке в американской печати положил начало бумажный турнир между бывшими членами парламента Цицом и Реслером фон-Эльс.

Отмечу еще один характерный для «дорогих друзей» Техова факт.

Шиммельпфенниг, адресат письма Техова «для сообщения друзьям», основал (как уже выше упомянуто) в конце 1850 г. вместе с Герфелем, Гефнером, Гегом и другими (К. Шурц присоединился впоследствии) так называемый Революционный комитет в Париже.

Несколько лет тому назад один проживающий здесь политический эмигрант передал мне, с правом распоряжения по усмотрению, письмо одного бывшего члена этого комитета. Оно находится еще в моих руках.

В нем, между прочим, сказано:

Шурц и Шиммельпфенниг составляли весь комитет. Привлеченные ими как бы в качестве заседателей служили только статистами. Эти два господина надеялись тогда вскоре поставить во главе дела в Германии Кинкеля, которого они форменным образом присвоили себе. Особенно ненавистны также были им насмешки Руге и критика и демоническая деятельность Маркса. На одном собрании с их заседателями эти господа дали нам поистине интересное изображение Маркса, внушив нам преувеличенное представление о его пандемонической опасности... Шурц и Шиммельпфенниг внесли предложение *уничтожить* Маркса. *Заподозревания и интриги, самая наглая клевета* были *рекомендованы* в качестве средств. Состоялось голосование, и было вынесено постановление, если позволительно так называть эту детскую игру. Ближайшим шагом к выполнению этого постановления была напечатанная в фельетоне «*Hamburger Anzeiger*» характеристика Маркса, составленная Л. Гефнером на основании упомянутого выше описания Шурца и Шиммельпфеннига.

Во всяком случае, существует поразительное избирательное сродство между фельетоном Гефнера и письмом Техова, хотя ни одна из этих вещей не может сравниться с *фогтовской Лаузиадой* (Lausiade)¹. Не следует смешивать «Лаузиаду» с «Лузиадами» Камоэнса. Первоначальная «Lousiad» — скорее героически-комический эпос *Питера Пиндара*².

¹ Laus (англ. louse) — вошь, «Lausiade», «Lousiad», можно перевести — вшивая эпопея, вшивиада. *Ред.*

² Peter Pindar — псевдоним английского поэта Джона Уолкота (John Wolcot) (1738 — 1819), автора сатирической поэмы «The Lousiad». *Ред.*

V. ИМПЕРСКИЙ РЕГЕНТ И ПФАЛЬЦГРАФ.

Vidi un col capo sì di merda lordo,
Che non pareva, s'era laico, o cherco.
Quei mi sgridò: Perchè se' tu sì'ngordo
Di riguardar più me, che gli altri brutti.

(Dante.)

[Он испражнениями был с головой
Покрыт; не видно, поп он иль мирянин.
«Что, — крикнул он, — любишься ты мной?
Чем хуже я другой такой же дряни?»

(Данте.)]

Получив головомойку, *Фогт* ощущает сильную потребность доказать, почему именно он, как *bête noire* [предмет ненависти], привлёк к себе взоры «Серной банды». Поэтому история с *Шервалем* и с «расстроенным заговором» на лозаннском центральном празднестве дополняется столь же правдоподобным приключением с «беглым имперским регентом». Не надо забывать, что *Фогт* в свое время был наместником парламентского острова Баратарии. Он рассказывает:

«В начале 1850 г. появилось «*Deutsche Monatsschrift*» Колачека. Тотчас же после появления первого выпуска *серная банда выпустила памфлет одного из своих членов, немедленно после того уехавшего в Америку*, памфлет под названием «*Der flüchtige Reichsregent Vogt mit seinem Anhang* und die *Deutsche Monatsschrift* von Adolph Kolatschek» [«Беглый имперский регент Фогт с его кликой и Немецкий Ежемесячник Адольфа Колачека»]. Памфлет был отмечен и в «*Allgemeine Zeitung*»... Вся система серной банды снова проявляется в этом памфлете» (там же, стр. 163). Следует пространный и нудный рассказ о том, как в названном памфлете беглому имперскому регенту Фогту «приписывается» анонимная статья о *Гагерне*, написанная профессором *Гагеном*, именно потому, что Гаген, как знала «серная банда», «жил в то время в Германии, терпел преследования от баденской полиции, и всякое упоминание о нем должно было его подвергнуть величайшим неприятностям» (стр. 163).

Шили в письме из Парижа от 6 февраля пишет мне:

Если *Грейнер*, — никогда, насколько мне известно, не бывший в Женеве, — оказался зачисленным в серную банду, то это произошло из-за некролога, посвященного им беглому имперскому регенту; автором парламентарии считали *Д'Эстера* и осуждали его, пока я в письме к одному другу и коллеге *Фогта* не вывел их из заблуждения.

Грейнер был членом временного правительства Пфальца. Правление Грейнера было «сплошным ужасом» (см. «Исследования» *Фогта*, стр. 28), в частности для моего друга *Энгельса*, которого он под вымышленным предлогом приказал арестовать в Кирхгейме. Сам *Энгельс* подробно рассказал весь этот трагикомический эпизод в «*Revue der Neuen Rheinischen Zeitung*» (февральский выпуск за 1850 г., стр. 53 — 55). И это все, что мне известно о господине *Грейнере*. Беглый имперский регент облыжно впутывает меня в свой конфликт с «пфальцграфом», что обнаруживает «снова» «всю систему», по которой этот даровитый изобретатель скомпоновал жизнь и деятельность «серной банды».

Что меня все же примиряет с ним, так это поистине фальстафовский юмор, с которым он заставляет пфальцграфа «немедленно» уехать в Америку. После того как пфальцграф выпустил, точно парфянскую стрелу, памфлет против «беглого имперского регента», Грейнера охватил ужас (*umgrieselte den Greiner ein Grauen*). Что-то гнало его из Швейцарии во Францию, потом из Франции в Англию. Он не почувствовал себя в безопасности и за каналом, и его погнало дальше, в Ливерпуль, на пароход Канардской линии, где он, задышав, стал кричать капитану: «Скорее через Атлантику!» А «*stern mariner*» [«суровый моряк»] ответил ему:

«Wohl aus des *Vogt's* Gewalt erret ich Euch!
Aus Sturmes-Nöthen muss ein andrer helfen».

[«От *Фогта* я насилий вас спасу
Другой пусть вырвет из объятий бури»¹.]

¹ Из «Вильгельма Телля» *Шиллера*. *Ред.*

VI. ФОГТ И «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG».

«Sin kumber was manesvalt».

[Его тоска была многообразна.]

Фогт сам заявляет, что в «Главной книге» он «должен» (там же, стр. 162) «установить развитие своего личного отношения к этой клике» (Марксу и компании). Но странно! — он рассказывает лишь о конфликтах, которых никогда не переживал, а переживает только конфликты, о которых никогда не рассказывал. Поэтому я вынужден противопоставить его охотничьим рассказам немного подлинной истории. Если просмотреть комплект «*Neue Rheinische Zeitung*» (с 1 июня 1848 до 19 мая 1849 г.), то можно убедиться, что за весь 1848 г. имя Фогта — за одним единственным исключением — не встречается ни в передовых статьях, ни в корреспонденциях газеты. Оно встречается только в ежедневных отчетах о парламентских дебатах, и наш франкфуртский парламентский корреспондент никогда не забывал, к великому удовольствию Фогта, добросовестно упоминать об «аплодисментах», вызванных «произнесенными им речами». Мы видели, что в то время как правая сторона Франкфуртского парламента имела в своем распоряжении объединенные силы такого арлекина, как *Лихновский*, и такого клоуна, как *фон-Финке*, левая сторона должна была довольствоваться изолированными фарсами одного *Фогта*. Мы понимали, что он нуждается в одобрении —

that important fellow,
the children's wonder — *Signor Punchinello*,

[важный сей пострел,
Потешник детский — *синьор Пунчинелло*],

и поэтому не мешали нашему франкфуртскому корреспонденту продолжать свое дело. Перемена в тоне отчетов наступает после середины сентября 1848 года.

Фогт, который во время прений о перемирии в Мальме в своем пустозвонном революционном выступлении провокационно призывал к восстанию, в решительный момент мешал, насколько это было в его силах, принять резолюции, вынесенные народным собранием в Пфингствейде и одобренные

частью крайней левой. Когда же баррикадное сражение было проиграно, Франкфурт превращен в военный лагерь и 19 сентября объявлено осадное положение, тот же Фогт высказался за *спешность* предложения Захария об одобрении принятых имперским министерством мер и о выражении благодарности имперским войскам. До того, как Фогт поднялся на трибуну, даже Венедей высказался против *«спешности»* этих предложений, заявив, что подобные прения в такой момент недостойны собрания. Но Фогт стоял *ниже* Венедея. В *наказание* за это я прибавил в парламентском отчете к имени Фогта слово «болтун», лаконическое указание для нашего франкфуртского корреспондента.

В октябре Фогт не только перестал размахивать погремушкой — что было его делом — над головами тогдашнего наглого и бешено-реакционного большинства. Он даже не решился подписать протест, внесенный 10 октября Циммерманом (из Шпандау) от имени почти 40 депутатов против закона об охране Национального собрания. Закон этот был, как правильно указывал Циммерман, самым бесстыдным нарушением народных прав, завоеванных мартовской революцией, — свободы собраний, слова и печати. Даже Эйзенман внес аналогичный протест. Но Фогт оказался *ниже* Эйзенмана. Когда же он позднее, при основании Центрального мартовского общества, снова стал значить, имя его, наконец, появилось в одной статье «Neue Rheinische Zeitung» (номер от 29 декабря 1848 г.), в которой Мартовское общество изображено как «бессознательное орудие контрреволюции», его программа изничтожена критикой, а Фогт представлен в виде одной половины двуликой фигуры, другую половину которой составляет Финке. Десять с лишним лет спустя оба «министра будущего» осознали свое родство и сделали *расчленение Германии* девизом своего единения.

Что мы Мартовское общество поняли правильно, показало не только его дальнейшее «развитие». Гейдельбергский Народный союз, бреславльское Демократическое общество, иенское Демократическое общество и т. д. с презрением отвергли его навязчивое сватовство, а те члены крайней левой, которые вступили в Мартовское общество, подтвердили в своем заявлении о выходе из него 20 апреля 1849 г. нашу критику от 29 декабря 1848 года. Но Фогт, преисполненный спокойного великодушия, решил сразить нас своим благородством, как это видно из следующей цитаты:

«*Neue Rheinische Zeitung*», № 243, Кельн, 1 марта 1849 года. Так называемое «Франкфуртское мартовское общество» так называемого «Нацио-

нального собрания» имело бесстыдство прислать нам следующее литографированное письмо:

«Мартовское общество постановило составить список *всех газет, предоставивших* нам свои столбцы, и сообщить его всем обществам, с которыми мы связаны, чтобы при содействии общества названные газеты преимущественно были снабжены соответствующими *объявлениями*. Сообщая Вам при сем этот список, мы считаем излишним *обращать Ваше внимание на значение для газеты оплачиваемых объявлений* как главного источника доходов всего предприятия. Франкфурт, в конце февраля 1849 г.

Правление Центрального мартовского общества.

«В приложенном списке газет, которые предоставили свои столбцы Мартовскому обществу и должны были в преимущественном порядке снабжаться единомышленниками этого общества «соответствующими объявлениями», значится и «*Neue Rheinische Zeitung*», к тому же еще отмеченная почетной звездочкой. Сим заявляем, что столбцы нашей газеты никогда не были предоставлены так называемому Мартовскому обществу... Поэтому, если Мартовское общество называет нашу газету в своем литографированном сообщении и в газетах, действительно предоставлявших ему свои столбцы, одним из своих органов, то это просто клевета на «*Neue Rheinische Zeitung*» и пошлое рекламирование Мартовского общества...

«На грязное замечание жадных до барышей и подстрекаемых конкуренцией патриотов о значении для газеты оплачиваемых объявлений как источника доходов всего предприятия нам отвечать, конечно, нечего. «*Neue Rheinische Zeitung*» всегда отличалась от патриотов, между прочим, и в том отношении, что она никогда не смотрела на политическое движение как на аферу или как на источник дохода.

Вскоре после этого резкого отказа от предложенного Фогтом и компанией источника доходов на одном собрании «Центрального коммерческого общества»¹ была слезливо упомянута «*Neue Rheinische Zeitung*» как образец «чисто немецкой розни». В конце нашего ответа на эту иеремиаду («*N. Rhein. Ztg.*» № 248) Фогт назван «трагичным горланом мелкого университетского городка и неудачным имперским Барро». Правда, тогда (15 марта) он еще не дошел до точки² в вопросе об императоре. Но мы раз навсегда уже составили себе представление о Фогте и могли поэтому рассматривать как свершившийся факт его будущую измену, которая пока еще и для него самого не была ясна.

Впрочем, с тех пор мы предоставили Фогта и его компанию молодому, столь же остроумному, как и смелому Шлеффелю, кото-

¹ Игра слов: «*Central-märz-verein*» (Центральное мартовское общество) превращается в «*Centralcommerzverein*» (Центральное коммерческое общество). *Ред.*

У аркса: не съел чеснока. Чесноком кормили петухов для петушиных боев. *Ред.*

рый приехал в начале марта из Венгрии во Франкфурт и присылал нам отчеты о бурях в имперском лягушечьем болоте.

Между тем, Фогт пал до того низко, — он сам, конечно, сделал для этого больше, чем «*Neue Rheinische Zeitung*», — что даже *Бассерман* мог осмелиться назвать его в заседании 26 апреля 1849 г. «*отщепенцем и изменником*».

В результате своего участия в альберфельдском восстании один из редакторов «*Neue Rheinische Zeitung*», *Ф. Энгельс*, должен был бежать, а сам я был изгнан из Пруссии после того, как неоднократные попытки заставить меня в судебном порядке молчать терпели неудачу в суде присяжных, а орган министерства государственного переворота, «*Neue Preussische Zeitung*», неоднократно обличала «чимборасовскую ¹ наглость» «*Neue Rheinische Zeitung*», перед которой бледнеет «*Moniteur*» 1793 г. («*Neue Rheinische Zeitung*» № 299). Подобная «чимборасовская наглость» была уместна в каком-нибудь прусском крепостном городе и в такое время, когда победоносная контрреволюция пыталась импонировать бесстыдной жестокостью.

19 мая 1849 г. вышел последний номер «*Neue Rheinische Zeitung*» (красный номер). Пока газета еще выходила, Фогт терпел и молчал. Когда какой-нибудь парламентарий делал возражения, то всегда в приличных выражениях, — примерно так: «Милостивый государь, я из-за этого не меньше ценю *резкую критику* вашей газеты, потому что она *одинаково строго следит за всеми партиями и всеми лицами*» (см. № 219 от 11 февраля 1849 г. Заявление *Вегендонка*). Неделью спустя после закрытия «*Neue Rheinische Zeitung*» Фогт решил, наконец, прикрываясь щитом парламентской неприкосновенности, воспользоваться столь долго ожидаемым случаем и превратить накопившуюся в глубине души его «материю» в «силу» ². Один из членов редакции «*Neue Rheinische Zeitung*», *Вильгельм Вольф*, вступил в качестве заместителя одного скончавшегося силезского депутата во Франкфуртское собрание, уже «находившееся в процессе прогрессивного разложения».

Чтобы понять следующую сцену в заседании парламента от 26 мая 1849 г., нужно вспомнить, что в то время восстание в Дрездене и отдельные движения в Рейнской провинции уже были подавлены; предстояла имперская интервенция в Бадене и Пфальце, главная

¹ Чимборасо (Chimborazo) — одна из высочайших вершин южно-американских Кордильеров. *Ред.*

² «Сила и материя» — так называлось произведение Бюхнера, подобно Фогту вульгарного механистического материалиста. *Ред.*

русская армия шла на Венгрию и, наконец, имперское министерство просто кассировало все постановления Национального собрания. В порядке дня стояли два «воззвания к немецкому народу»: одно было составлено Уландом и исходило от большинства, а другое — от принадлежавших к центру членов комиссии тридцати. Председательствовал в заседании дармштадец Рэ (Reh), превратившийся потом в зайца (Hase)¹ и тоже «отложившийся» от находившегося в процессе «полного разложения» собрания. Цитирую по официальному стенографическому отчету (№ 229, 228) заседания в церкви св. Павла.

Вольф (от Бреславля): «Милостивые государи! Я просил записать меня, чтобы выступить против воззвания, составленного большинством и оглашенного здесь, потому что считаю его совершенно несоответствующим настоящему положению, потому что нахожу его слишком слабым, пригодным разве в качестве газетной статьи для ежедневных газет партии, составившей это воззвание, но не как обращение к немецкому народу. Так как здесь оглашено было еще и другое воззвание, то я мимоходом замечу, что против него я еще резче высказываюсь по причинам, на которых я останавливаться здесь не считаю нужным. (Голос из центра: Почему же нет?) Я говорю только о воззвании большинства; оно составлено так умеренно, что даже господин Бусс немного мог сказать против него, а это, конечно, худшая рекомендация для воззвания. Нет, милостивые государи, если вы хотите вообще иметь еще хоть какое-нибудь влияние на народ, вы должны говорить с ним не так, как вы говорите в воззвании; не о законности должны вы говорить, не о законной почве и т. п., а о незаконности, — так, как говорят правительства, как говорят *русские*, а под русскими я разумею пруссаков, австрийцев, баварцев, ганноверцев. (Волнение и смех.) Всех их я объединяю под одним общим именем *русских*. (Продолжительный смех.) Да, милостивые государи, и в этом собрании представлены *русские*. Вы должны им сказать: «Точно так же, как вы становитесь на законную точку зрения, становимся на нее и мы. Это — точка зрения силы, и разъясните кстати, что для вас законность состоит в том, чтобы пушкам русских противопоставить силу, противопоставить хорошо организованные боевые колонны. Если вообще нужно выпустить воззвание, то выпустите такое, в котором вы *объявите вне закона главного предателя народа — правителя империи*. (Крики: к порядку!) (Оживлен-

¹ Игра слов: «Reh, der nachher Hase ward», — косуля, превратившаяся потом в зайца. *Ред.*

ные аплодисменты на галлерейх.) *А также и всех министров.* (Волнение возобновляется.) О, вы не остановите меня; он *главный предатель народа*.

Председатель: «Я считаю, что г. Вольф преступил и нарушил все грани дозволенного. Он не может называть пред *э т и м* собранием эрцгерцога — *правителя империи* — *предателем народа*, и я должен поэтому призвать его к порядку. Публику на галлерейх я одновременно в последний раз призываю не вмешиваться в такой форме в наши прения».

Вольф: «Я, со своей стороны, принимаю призыв к порядку и заявляю, что я *хотел* нарушить порядок, что *он и его министры* — *предатели*». (Крики со всех сторон залы: к порядку, это грубость!)

Председатель: «Я должен лишить вас слова».

Вольф: «Хорошо, я *протестую*; я хотел говорить здесь от *имени народа* и сказать то, что *думают в народе*. Я протестую против всякого воззвания, которое будет составлено в этом духе». (Сильное возбуждение.)

Председатель: «Милостивые государи, позвольте мне на минуту взять слово. Милостивые государи, только что происшедший *случай*, могу сказать, — *первый с того времени, как здесь заседает парламент*. (Действительно, то был первый и *единственный случай* в этом дискуссионном клубе). Еще ни один оратор не заявлял, что он умышленно хотел нарушить *порядок, основу* этого Собрания. (*Шлеффель* при подобном же призыве к порядку, в заседании 25 апреля, сказал: «Я принимаю этот призыв к порядку и делаю это тем охотнее, что, как я надеюсь, *скоро настанет время, когда это Собрание из другого места будет призвано к порядку*».)

Милостивые государи, я глубоко сожалею, что господин Вольф, едва только ставший членом парламента, *дебютировал* таким образом (Рэ рассматривает дело с театральной точки зрения). Милостивые государи, я призвал его к порядку за то, что он позволил себе *тяжко нарушить обязательное для нас уважение и внимание к особе правителя империи*.

Заседание продолжается. Гаген и Захариэ произносят длинные речи, один за воззвание большинства, другой против него. Наконец, поднимается

Фогт (от Гиссена): «Милостивые государи! Разрешите мне несколько слов, — я не стану вас утомлять. Что парламент теперь не *тот, каким он собрался* в прошлом году, это совершенно верно, милостивые государи, — и мы *благодарим небеса* (Фогт с его «слепой верою» (Köhlergläubige) благодарит небеса!) за то, что парламент *стал таким*

(о да, *стал!*) и что те, что сомневались в своем народе и в решительный момент предали дело его, отделились от Собрания! Милостивые государи, я *взял слово* (значит, до сих пор благодарственные молитвы были только пустым кривлянием), чтобы защитить *кристаллически-чистый поток* (защита потока), который вылился из души поэта (Фогт воодушевляется) в это воззвание, против *недостойной грязи*, которую бросили в него *или* швырнули против него (но ведь поток был поглощен воззванием), — чтобы защитить эти *слова* (поток превращается здесь, как и все прочее у Фогта, в *слова*) против *нечисти*, скопившейся в этом последнем движении и грозящей там все затопить и загрязнить. Да, милостивые государи! Это (именно нечисть) — нечисть и грязь (нечисть — грязь!), которую *таким образом* (каким образом?) бросают на все, что можно только считать чистым, и я выражаю свое *глубочайшее негодование* (Фогт в глубочайшем негодовании, *quel tableau!* [что за картина!]) по поводу того, что *нечто подобное* (что?) могло случиться. Но то, что он говорит, — нечисть.

Вольф не произнес ни звука о том, как Уланд *проредактировал* воззвание. Он, как повторно объяснил это председатель, был призван к порядку, он вызвал всю эту бурю тем, что *объявил правителя империи и всех его министров предателями народа* и призывал парламент объявить их *предателями народа*. Но «эрцгерцог — правитель империи», «чистасканный Габсбург» («Исследования» Фогта, стр. 28) и «все его министры» для Фогта — «все, что только можно считать чистым». Он пел вместе с Вальтером фон дер Фогельвейде:

des fürsten milte ûz ôsterreich
fröit dem süezen rëgen geliche
beidiu liute und ouch daz lant.

[Австрии державный вождь,
Словно теплый вешний дождь,
Край и подданных ласкает.]

Не находился ли Фогт уже тогда в «научных сношениях» с эрцгерцогом Иоганном, как он признался в этом позже? (См. «Главную книгу», документы, стр. 25.)

Десять лет спустя тот же Фогт заявил в своих «Исследованиях» (стр. 27): «Факт, во всяком случае, тот, что Национальное собрание во Франции и его вожди так же недооценили в свое время способностей Луи-Наполеона, как вожди франкфуртского Национального собрания недооценили *способностей эрцгерцога Иоганна*, и что каждый из этих продувных бестий в своей сфере *заставил дорого поплатиться за допущенную ошибку*. Но мы, конечно, далеки от того, чтобы поставить рядом обоих этих людей. Поразительная без-

застенчивость и т. д. (Луи Бонапарта) — все это поднимает его высоко над уже старым и истасканным Габсбургом».

Еще в том же заседании *Вольф* передал *Фогту* через депутата Вюрта из Зигмарингена вызов на дуэль на пистолетах, а когда сказанный Фогт решил сберечь свою шкуру для блага государства*, пригрозил ему физической расправой. Но когда *Вольф*, выходя из церкви св. Павла, увидел Карла Смелого с двумя дамами по бокам, он громко рассмеялся и предоставил его своей судьбе. Хотя Вольф и с волчьими зубами и сердцем, но он ягненок перед прекрасным полом. Единственной — и совершенно безобидной — мстью с его стороны была статья в «*Revue der Neuen Rheinischen Zeitung*» (апрельский номер 1850 г., стр. 73) под названием «*Дополнительные сведения из империи*», где об экс-имперском регенте говорится следующее:

«В эти критические дни центральномартовцы зашевелились. До ухода из Франкфурта они уже обратились к мартовским обществам и к немецкому народу с призывом: «Сограждане! Уже пробил одиннадцатый час!» Из Штутгарта они обратились с новым воззванием «к немецкому народу» о создании народной армии, — но стрелка центральномартовских часов стояла на прежнем месте или же цифра XII была в них выломана, как в часах на Фрейбургском соборе. Факт тот, что в воззвании опять говорилось: «Сограждане! Пробил одиннадцатый час!» О, если бы он пробил раньше, по крайней мере тогда, когда центральномартовский герой *Карл Фогт*, к своему собственному удовлетворению и удовлетворению чествовавших его крикунов, [прикончил в Нюрнберге** франконскую революцию; о, если бы он бил тогда по вас и пробил вам головы!.. Регентство открыло свою канцелярию во фрейбургском правительственном здании. Регент *Карл Фогт*, бывший в то же время министром иностранных дел и заведывавший рядом других министерств, принял и здесь очень близко к сердцу благо немецкого народа. После продолжительных занятий днем и ночью он разрешился

* Кобес I рассказывает в упомянутом уже памфлете Якова Венедея: «Когда в заседании, в котором Гагерн обнял Габриэля Риссера после его речи об императоре, Карл Фогт с громкими восклицаниями и издевательским пафосом обнял депутата Циммермана в церкви св. Павла, я крикнул ему: «Оставь эти уличные выходки». Фогт тогда счел нужным нанести мне вызывающее оскорбление; когда же я потребовал от него удовлетворения, то он, после продолжительных хлопот одного друга, имел мужество взять оскорбление обратно» (там же, стр. 21, 22).

** Фогт оправдывал впоследствии свой нюрнбергский подвиг тем, что «у него не было гарантии в его личной безопасности».

вполне своевременным изобретением: *«паспортами имперского регентства»*. Паспорта эти были красиво литографированы, и получать их можно было даром, сколько душе угодно. У них был только один маленький недостаток: они имели силу только в канцелярии Фогта. Может быть, впоследствии тот или иной экземпляр найдет себе место в коллекции курьезных вещей какого-нибудь англичанина».

Вольф не последовал примеру Грейнера. Вместо того, чтобы «после появления» *«Revue»* «уехать немедленно в Америку», он еще в течение года ожидал в Швейцарии мести ланд-Фогта.

VII. АУГСБУРГСКАЯ КАМПАНИЯ.

Вскоре после того, как гражданин кантона Тургау закончил свою итальянскую войну, гражданин кантона Берн начал свою аугсбургскую кампанию.

«Там (в Лондоне) уже с *давних пор* находилась марксова клика, которая поставляла наибольшую часть корреспонденций в «Allgemeine Zeitung», а с 1849 г. *непрерывно состояла в сношениях* с «Allgemeine Zeitung» («Главная книга», стр. 194).

Хотя сам Маркс живет в Лондоне лишь с конца 1849 г., со времени своей второй высылки из Франции, но «марксова клика», по-видимому, с *давних пор* пребывает в Лондоне, и хотя марксова клика с *давних пор* поставляла *наибольшую часть корреспонденций* в «Allgemeine Zeitung», но только «с 1849 г. она состояла в *непрерывных* сношениях» с ней. Во всяком случае, хронология Фогта распадается на два крупных периода, — именно, период «с *давних пор*» до 1849 г. и период от 1849 г. до «этого» года, и этому нечего удивляться, так как сей муж до 1848 г. «не думал еще о политической деятельности» (стр. 225, там же).

С 1842 — 1843 гг. я редактировал старую «Rheinische Zeitung», которая вела войну не на живот, а на смерть с «Allgemeine Zeitung». В 1848 — 1849 гг. «Neue Rheinische Zeitung» возобновила полемику. Что же остается для периода «с *давних пор до 1849 г.*», кроме того факта, что Маркс «с *давних пор*» боролся с «Allgemeine Zeitung», в то время как Фогт в 1844 — 1847 гг. был ее «постоянным сотрудником»? (См. стр. 225 «Главной книги».)

Перейдем теперь ко второму периоду фогтовской всемирной истории:

Я состоял «непрерывно в сношениях с «Allgemeine Zeitung» из Лондона, «*непрерывно с 1849 г.*», так как «с 1852 г.» некий Оли (Ohli) был ее главным лондонским корреспондентом. Правда, Оли ни в каких отношениях не был со мной ни до, ни после 1852 года. Я его *никогда* в своей жизни не видел. Поскольку он вообще вращался среди лондонских эмигрантов, он был членом кинкелевского *Эмиграционного общества*. Но это нисколько не меняет дела:

«Прежним оракулом научившегося английскому языку старобаварца Альтгефера был мой (Фогта) *близкий земляк, белокурый Оли*, который на коммунистической основе *пытался достигнуть возвышенных поэтических точек зрения в политике и литературе*. Сперва в Цюрихе, а с 1852 г. в Лондоне он был главным корреспондентом «Allgemeine Zeitung» до тех пор, пока, наконец, не окончил жизни в сумасшедшем доме» (стр. 195 «Главной книги»).

Mouchard [полицейский шпион] Эдуард Симон романизирует эту фогтиаду следующим образом: «En voici d'abord un qui de son point de départ communiste, avait cherché à s'élever aux plus hautes conceptions de la politique [Вот человек, который со своей исходной коммунистической точки зрения старался подняться к высшим концепциям в политике]. («Высшие поэтические точки зрения в политике» превышают силы даже Эдуарда Симона.) A en croire M. Vogt, cet adepte fut l'oracle de la Gazette d'Augsbourg jusqu'en 1852, époque, où il mourut dans une maison de fous [Если верить Фогту, этот адепт был оракулом «Аугсбургской Газеты» до 1852 г., когда он умер в сумасшедшем доме]. («Révue contemporaine», т. XIII, стр. 529, Париж 1860 г.).

«Operam et oleum peridi»¹ — может сказать Фогт о своей «Главной книге» и своем *Оли*. В то время как он сам заставляет своего «близкого земляка» корреспондировать в «Allgemeine Zeitung» из Лондона с 1852 г., пока он, «наконец, не кончает сумасшедшим домом», Эдуард Симон говорит, что «если верить Фогту, то Оли был оракулом «Augsburger Zeitung» до 1852 г., когда он (кстати, еще здравствует) умер в сумасшедшем доме». Но Эдуард Симон знает своего Карла Фогта. Эдуард знает, что, если уж решиться «поверить» своему Карлу, то совершенно безразлично, в чем поверить ему, в том ли, что он говорит, или же в обратном тому, что он говорит.

«Господин Либкнехт», говорит Карл Фогт, «заменил его», именно *Оли*, «в качестве корреспондента «Allgemeine Zeitung»». «Только с тех пор, как Либкнехт был публично провозглашен членом марксовской партии, он был принят в корреспонденты этой газеты» (стр. 169, там же).

Это провозглашение имело место во время кельнского процесса коммунистов, т. е. в конце 1852 года.

В действительности Либкнехт сделался весной 1851 г. сотрудником «Morgenblatt» и писал туда о лондонской промышленной вы-

¹ Oleum — Ohly — игра слов. Буквально: я потерял труд и масло (осветительное, необходимое для работы). *Ред.*

ставке. Через посредство «Morgenblatt» он в *сентябре 1855 г.* начал корреспондировать в «Allgemeine Zeitung».

«Его (Маркса) товарищи не пишут ни строчки, о *которой он не был бы заранее поставлен в известность*» (стр. 194, там же). Доказательство — простое: «он (Маркс) безоговорочно властвует над своими людьми» (стр. 195), в то время как Фогт безоговорочно повинуетя своему Фази и К^о. Мы здесь наталкиваемся на особенность фогтовского мифотворчества. Во всем у него гиссенский или женеvский карликовый масштаб, горизонт маленького городка и аромат швейцарского кабачка. Наивно перенося уютно-провинциальный быт Женевы на мировой город Лондон, он не разрешает Либкнехту написать в Вест-энде «ни строчки», о которой я, в своем Гэмпстеде, за четыре мили оттуда, «не был бы заранее поставлен в известность». И такие же ля-герроньеровские услуги я оказываю ежедневно ряду других товарищей», разбросанных по всему Лондону и пишущих во все концы мира. Какое утешительное жизненное призвание и какое доходное!!

Ментор Фогта, Эдуард Симон, знакомый, если не с лондонскими, то, по крайней мере, с парижскими условиями, с неоспоримым художественным тактом придает столичный размах картине, нарисованной его неловким «деревенским другом».

«*Marx, comme chef de la société, ne tient pas lui-même la plume, mais ses fidèles n'écrivent pas une ligne sans l'avoir consulté: La Gazette d'Augsbourg sera d'autant mieux servie*» (стр. 529, там же).

Итак: «Маркс, в качестве главаря общества, *сам не пишет*, а друзья его не пишут ни строчки, предварительно не посоветовавшись с ним. Тем лучше обслуживается «Augsburger Zeitung». Чувствует ли Фогт все изящество этой поправки?

Я имел такое же отношение к либкнехтовским корреспонденциям из Лондона в «Allgemeine Zeitung», как к фогтовским корреспонденциям в нее из Парижа. Вообще же корреспонденции Либкнехта заслуживают только похвалы; это — критическое изображение *английской* политики, которую он давал для «Allgemeine Zeitung» в таком же виде, как и в одновременных корреспонденциях для радикальных немецко-американских газет. Сам Фогт, старательно перерывший ряд годовых комплектов «Allgemeine Zeitung» в поисках щекотливого материала в либкнехтовских письмах, вынужден в своей критике их содержания ограничиться замечанием, что корреспондентская подпись Либкнехта состоит из «*двух тонких, косо поставленных черточек*» (стр. 196 «Главной книги»).

Косое положение черточек доказывало, разумеется, что с корреспондентиями дело обстояло неблагоприятно. К тому же *«тонина»!* Пусть бы Либкнехт вместо двух тонких черточек изобразил в своем корреспондентском гербе два круглых жирных пятна! Если же в корреспонденциях нет никаких пороков, кроме «двух тонких, косо поставленных черточек», то вообще возникает сомнение по поводу их появления в *«Allgemeine Zeitung»*. Но почему бы и не в *«Allgemeine Zeitung»*? Как известно, *«Allgemeine Zeitung»* печатает статьи самых различных точек зрения, по крайней мере, по таким нейтральным вопросам, как английская политика, и, кроме того, известна за границей как единственный немецкий орган более чем местного значения. Либкнехт мог спокойно писать лондонские письма в ту самую газету, в которую *Гейне* писал свои «Парижские», а *Фальмерайер* свои «Восточные письма». Фогт сообщает, что в *«Allgemeine Zeitung»* сотрудничали и нечистоплотные личности. Сам он, как известно, сотрудничал в ней в 1844 — 1847 годах.

Что касается меня самого и *Фридриха Энгельса*, — я упоминаю Энгельса потому, что мы оба работаем по предварительному соглашению и общему плану, — то в 1859 г. мы действительно вступили в некоторые «отношения» с этой газетой. Именно, в январе, феврале и марте 1859 г. я поместил в *«New-York Tribune»* ряд руководящих статей, где, между прочим, подверг подробной критике развиваемую *«Allgemeine Zeitung»* теорию «средне-европейской великой державы» и ее утверждение, будто продолжение австрийского господства в Италии — в *интересах Германии*. Энгельс незадолго до начала войны и с моего согласия выпустил памфлет *«По и Рейн»* (Берлин 1859), который был направлен специально против *«Allgemeine Zeitung»* и, выражаясь словами Энгельса (стр. 4 его брошюры «Савойя, Ницца и Рейн», Берлин 1860), доказывал доводами военной науки, что «Германия не нуждается для своей защиты ни в кусочке Италии и что, исходя из одних лишь военных соображений, Франция имеет, разумеется, более основательные притязания на Рейн, чем Германия на Минчио». Но эта полемика против *«Allgemeine Zeitung»* и ее теории необходимости австрийского насильственного господства в Италии шла у нас рука об руку с полемикой против *бонапартистской* пропаганды. Я доказывал, например, подробно в *«Tribune»* (см., например, февраль 1859 г.), что финансовое и внутреннее политическое положение *«bas empire»* [поздней империи] достигло критического пункта и что только внешняя война может продлить господство правительства государственного переворота во Франции и контрреволюции в Европе. Я показывал, что *бонапартистское* освободо-

ждение Италии только предлог, чтобы держать Францию в угнетении, подчинить Италию правительству государственного переворота, расширить «естественные границы» Франции в сторону Германии, превратить Австрию в орудие России и вовлечь народы в войну легитимной и нелегитимной контрреволюции. Все это произошло еще до того, как экс-имперский Фогт затрубил из Женевы.

После статьи Вольфа в «*Revue der Neuen Rheinischen Zeitung*» (1850 г.) я вообще совершенно забыл о существовании «округленной натуры». Снова вспомнил я об этом веселом малом весной 1859 г., когда в один апрельский вечер Фрейлиграт дал мне прочесть письмо Фогта с приложенной к нему политической «программой». Это не было нескромностью, — послание Фогта было предназначено «для сообщения» друзьям... не Фогта, а адресата.

На вопрос, что я нахожу в программе, я ответил: «болтовню политикана». Я тотчас же узнал старого шутника по его просьбе к Фрейлиграту привлечь Бухера в качестве политического корреспондента для намечавшейся женевской пропагандистской газеты. Письмо Фогта было от 1 апреля 1859 года. Бухер, как известно, с января 1859 г. высказывал в своих корреспонденциях из Лондона в берлинскую «*Nationalzeitung*» взгляды, абсолютно противоречившие программе Фогта; но мужу «критической непосредственности» все кошки кажутся серыми.

После этого происшествия, которое я считал слишком мелким, чтобы кому-нибудь сообщать о нем, я получил фогтовские «*Studien zur gegenwärtigen Lage Europas*», Женева [*«Исследования о современном положении Европы»*], жалкую книгу, не оставившую во мне никакого сомнения о связи его с бонапартистской пропагандой.

Вечером 9 мая 1859 г., на публичном митинге, устроенном Давидом Уркாரтом по поводу итальянской войны, я находился на трибуне. Еще до начала митинга ко мне важно подошла какая-то мрачная фигура. По гамлетовскому выражению ее лица я тотчас же понял, что «что-то гнило в датском королевстве». Это [был *homme d'état* [государственный муж] Карл Блинд. После нескольких вступительных фраз он заговорил об «интригах» Фогта и, выразительно тряся головой, стал уверять меня, что Фогт получает от бонапартовского правительства средства на свою пропаганду, что одному южно-германскому писателю, которого он, «к сожалению», не может назвать мне, был предложен Фогтом подкуп в 30 000 гульденов, — я не представлял себе ясно, какой южно-германский писатель стоит 30 000 гульденов, — что в Лондоне были уже попытки подкупа; что уже в 1858 г. в Женеве, во время свидания между Плон-Плоном, Фази

и К^о, обсуждалась итальянская война и что великий князь Константин был намечен в будущие короли Венгрии; что Фогт предлагал и ему (Блинду) принять участие в его пропаганде; что он имеет *доказательства* изменнической деятельности Фогта. Блинд вернулся потом на свое место в другом конце трибуны к своему другу Ю. Фребелю; митинг начался, и Д. Уркарт в подробной речи пытался изобразить итальянскую войну как результат русско-французских интриг *.

К концу митинга ко мне подошел д-р Фаухер, редактор иностранного отдела «Morning Star», органа манчестерцев, и рассказал мне, что недавно появился новый немецко-лондонский еженедельник «Das Volk». Издававшаяся А. *Шерцером* и редактировавшаяся Эдгаром Бауэром рабочая газета «Die Neue Zeit» погибла в результате

* Нападки марксовой клики на *лорда Пальмерстона* Фогт объясняет, разумеется, моей враждой к его самодовольной особе и его «друзьям» («Главная книга», стр. 212). Поэтому уместно будет коснуться здесь вкратце моих отношений к Д. Уркарту и его партии. Сочинения Уркарта о России и против Пальмерстона заинтересовали меня, но не убедили. Чтобы притти к определенным взглядам по этому вопросу, я подверг тщательному анализу «Parliamentary Debates» («Парламентские дебаты») Гансарда и дипломатические Blue Books [Синие книги] за 1807 — 1850 годы. Первым плодом этого изучения был ряд руководящих статей в «New-York Tribune» (в конце 1853 г.), в которых я доказывал связь Пальмерстона с петербургским кабинетом на основании его переговоров с Польшей, Турцией, Чехославией и т. д. Вскоре после того я перепечатал эти статьи в редактировавшемся Эрнестом Джонсом чартистском органе «The People's Paper», прибавив к ним новые главы о деятельности Пальмерстона. Между тем, и «Glasgow Sentinel» перепечатала одну из этих статей («Palmerston and Poland» («Пальмерстон и Польша»)), обратившую на себя внимание Д. Уркарта. В результате нашей встречи с ним он склонил господина Туккера в Лондоне к мысли выпустить часть этих статей в виде памфлетов. Эти памфлеты против Пальмерстона разошлись потом в различных изданиях по 15—20 тыс. экземпляров. Под впечатлением моего анализа Blue Book [Синей книги] о падении Карса — он появился в лондонской чартистской газете (апрель 1856 г.) — шеффилдский Foreign Affairs Committee [Комитет по иностранным делам] прислал мне благодарственное письмо (см. приложение 7). При просмотре находящихся в Британском музее дипломатических рукописей я открыл ряд английских документов, которые от конца XVIII столетия восходят до эпохи Петра Великого и обнаруживают постоянное тайное сотрудничество лондонского и петербургского кабинетов, причем эпоха Петра Великого представляется начальным моментом этих отношений. Из подробной работы на эту тему я опубликовал пока лишь введение под названием: «Revelations of the diplomatic history of the 18th century» («Разоблачения дипломатической истории XVIII столетия»). Введение появилось в двух уркартовских органах, сперва в шеффилдской, а потом в лондонской «Free Press». В лондонской «Free Press» я, со времени ее основания, помещал случайные статьи. Таким образом, Пальмерстоном и англо-русской дипломатией я занимался, несколько не догадываясь, что за лордом Пальмерстоном стоит Карл Фогт.

интриг Кинкеля, издателя «Hermann». Узнав об этом, Бискамп, бывший до сих пор корреспондентом «Neue Zeit», оставил свое учительское место на юге Англии, чтобы кинкелевскому «Hermann» противопоставить в Лондоне «Volk». Немецкое рабочее просветительное общество и некоторые другие лондонские общества поддерживают газету, которая, как и все подобные ей рабочие газеты, редактируется и составляется безвозмездно. Сам Фаухер, хотя и чужд, как freetrader [фритредер], тенденций «Volk», не желает терпеть никакой монополии в немецкой лондонской печати и поэтому основал вместе с несколькими лондонскими знакомыми финансовый комитет для поддержки газеты. Бискамп обратился уже письменно с просьбой о литературном сотрудничестве к лично незнакомому ему до сих пор Либкнехту и т. д. В заключение Фаухер предложил мне принять участие в газете «Volk».

Хотя Бискамп жил в Англии с 1852 г., но до сих пор мы не были знакомы с ним. Через день после уркартовского митинга Либкнехт привел его ко мне. Предложение писать в «Volk» я пока отклонил из-за недостатка времени, но обещал попросить своих немецких друзей в Англии помогать газете подпиской на нее, денежной помощью и литературным участием. В ходе беседы мы заговорили об уркартовском митинге, а затем перешли к Фогту, с «Исследованиями» которого Бискамп был уже знаком и оценивал их по достоинству. Я сообщил ему и Либкнехту содержание фогтовской «Программы» и блиндовских разоблачений, заметив, однако, относительно последних, что южно-германцы любят сгущать краски. К своему изумлению, я во втором номере «Volk» (14 мая) увидел статью под заглавием: «Имперский регент в качестве имперского предателя» (см. «Главную книгу», документы, стр. 17, 18), где Бискамп упоминает о двух указанных Блиндом фактах — о 30 000 гульденах, которые он, однако, уменьшает до 4 000, и о бонапартистском происхождении денег в фогтовских операциях. В остальном статья состояла из острот в духе «Hornisse»¹, которую он издавал в 1848—1849 гг. вместе с Гейзе в Касселе. Между тем, Лондонское просветительное общество поручило — я узнал об этом значительно позже появления «Главной книги» Фогта (см. приложение 8) — одному из своих руководителей, Шерцеру, призвать рабочие просветительные общества в Швейцарии, Бельгии и Соединенных Штатах к поддержке «Volk» и к борьбе с бонапартистской пропагандой. Упомянутую статью «Volk» (от 14 мая 1859 г.) Бискамп сам послал по почте Фогту, который в

¹ Hornisse — оса. Ред.

то же время получил циркулярное послание Шерцера через своего собственного Раникеля.

Фогт со своей известной «критической непосредственностью» тотчас же вплепел меня в качестве демиурга во враждебную ему сеть. Поэтому он, не раздумывая долго, опубликовал «*краткий очерк*» своей позднейшей исторической болтовни в часто цитированном уже «Экстренном приложении к № 150 швейцарского «Handelscourier». Это первоевангелие, в котором впервые открыты тайны о серной банде, бюрстенгеймерах, Шервале и т. д. — в Берне, 25 мая 1859 г. (следовательно, позднее, чем евангелие Мормонов), было озаглавлено «*Предостережение*» («Zur Warnung») и по существу служило добавлением к отрывку, переведенному из брошюры пресловутого Э. Абу*.

Фогтовское анонимное первоевангелие «*Предостережение*» было, по моей просьбе, как я уже раньше заметил, перепечатано в «Volk».

В начале июня я поехал к Энгельсу в Манчестер, где подписка на «Volk» собрала около 25 фунтов стерлингов. Сумма эта, источники которой дают повод «любопытному» Фогту устремить свои «взоры через канал» в Аугсбург и Вену («Главная книга», стр. 21), была доставлена Фр. Энгельсом, В. Вольфом, мной и, наконец, тремя живущими в Манчестере немецкими врачами, имена которых значатся в судебном документе, отправленном мною в Берлин. О собранных в Лондоне первоначальным финансовым комитетом деньгах Фогт может справиться у д-ра Фаухера.

Фогт поучает нас («Главная книга», стр. 225): «С давних пор было *ловким маневром реакции* требовать от демократов, чтобы они делали все *даром*, в то время как *они сами* (не демократы, а реакция) *требуют* для себя привилегии распоряжаться оплатой других и самих себя». Насколько же *реакционен* ловкий маневр «Volk», который не только редактировался и составлялся даром, но, сверх того, заставлял еще своих сотрудников *платить ему*! Если это не доказательство связи между «Volk» и реакцией, то Карл Фогт перестает понимать что бы то ни было.

Во время моего пребывания в Манчестере в Лондоне произошло чрезвычайно важное событие. Именно, Либкнехт нашел в наборной

* Несколько слов о бильском «Коммивояжере», этом захолустном «Moniteur» «беглого имперского регента». Издатель и редактор «Bieler Handelscourier» — некий Эрнст Шюлер, политический эмигрант с 1838 г., содержатель почты, виноторговец, банкрот, а теперь снова при деньгах, и его газета, которую субсидировало во время Крымской кампании британско-французско-швейцарское рекрутское агентство, насчитывает теперь 1 200 подписчиков.

Холлингера (типограф «Volk») корректурные листы анонимного и направленного против Фогта памфлета *«Предостережение»*, бегло прочел его, тотчас увидел разоблачения Блинда и, кроме того, услышал еще от наборщика А. Фегеле, что *Блинд* передал эту рукопись, им собственноручно написанную, Холлингеру для печатания. Корректурные поправки на оттиске были сделаны также рукой *Блинда*. Два дня спустя Либкнехт получил от Холлингера корректурный оттиск и переслал его в «Allgemeine Zeitung». Набор памфлета сохранялся и послужил впоследствии для перепечатки его в № 6 «Volk» (от 11 июня 1859).

С опубликованием в «Allgemeine Zeitung» *«Предостережения»* начинается аугсбургская кампания экс-имперского Фогта. Он привлек к суду «Allgemeine Zeitung» за перепечатку памфлета.

В «Главной книге» (стр. 227—228) Фогт пародирует мюльнеровское «Я разбойник, я разбойник, я разбойник Яромир». «*Я подал жалобу* (ich habe geklagt), так как заранее знал, что должна была обнаружиться вся пустота, ничтожество и убожество редакции, которая мнит себя «представительницей верхне-немецкой культуры»; *я подал жалобу*, так как заранее знал, что должна была сделаться достоянием гласности связь этой достопочтенной редакции и превозносимой ею до небес австрийской политики с серной бандой и отбросами революции»; за этим следуют еще четыре «*я подал жалобу*». Подавший жалобу (geklagt habende) Фогт подается вверх (wird erhaben), но все же прав Лонгин, говоря, что нет ничего более сухого, чем больной водяной. «Личные интересы, — восклицает «округленная натура», — в наименьшей степени служили поводом для моей жалобы».

В действительности дело происходило иначе. Теленок не мог так упираться перед скамьей на бойне, как Карл Фогт перед скамьей подсудимых. В то время как его «ближайшие» друзья Раникель, Рейнах (прежде ходячая chronique scandaleuse [скандальная хроника] о Фогте) и болтливый член парламентского охвостья Майер из Эслингена поддерживали в нем его страх перед судом, из Цюриха настойчиво требовали от него поторопиться с «жалобой». На лозаннском рабочем празднестве меховщик Роос заявил ему перед свидетелями, что потеряет к нему уважение, если он не поднимет процесса. Но Фогт упирался: он плюет на аугсбургскую и лондонскую серную банду и будет молчать. И все-таки вдруг заговорил. В различных газетах появились заметки о его процессе, и Раникель заявил: «*Штутгартцы не давали ему (Фогту) покоя*. Но его (Раникеля) на это согласия нет».

Но так как «округленный» находился в тисках, то наиболее выгодным маневром представлялась, бесспорно, жалоба на «Allgem. Zeitung». Самозащита Фогта против нападков Я. Венедей, обвинявшего его в бонапартистских интригах, появилась в «Bieler Handelscourier» от 16 июня 1859 г. и попала, следовательно, в Лондон лишь после выхода анонимного памфлета, который заканчивался угрозой: «Но если Фогт захочет отрицать это, — на что он вряд ли решится, — то за этим разоблачением последует № 2». Фогт выступил с опровержением, а разоблачения № 2 не последовало. Обеспеченному с этой стороны, неприятности могли ему грозить лишь со стороны милых знакомых, но он их достаточно знал и мог рассчитывать на их трусость. Чем больше гласности приобретало дело благодаря жалобе, тем больше он мог рассчитывать на их осторожность, так как в лице «беглого экс-регента» у позорного столба до известной степени стояло все парламентское охвостье.

Член парламента Яков Венедей в своей брошюре «Pro domo et pro patria gegen Karl Vogt», Hannover 1860 [«В защиту себя и отечества против Карла Фогта», Ганновер 1860 г.], на стр. 27 — 28 выбалтывает следующее:

«Кроме писем Фогта, помещенных им в описании своего процесса, я прочитал еще другое письмо Фогта, обнаруживавшее гораздо яснее, чем письмо к д-ру Ленингу, позицию Фогта как помощника тех, кто хотел во что бы то ни стало локализовать войну в Италии. Для себя лично я списал из этого письма несколько мест, которых, к сожалению, не могу здесь привести, так как адресат письма сообщил их мне под условием не опубликовывать их. *Из соображений личного и партийного характера старались защищать поведение Фогта таким способом, который, на мой взгляд, не может быть оправдан ни интересами партии, ни гражданским долгом перед отечеством. Эта осторожность по отношению к Фогту со стороны многих* дает ему возможность с наглым видом и теперь еще выступать в качестве главы немецкой партии. *Именно поэтому, кажется мне, партия, к которой принадлежит Фогт, несет известную ответственность за его поведение*» *.

Таким образом, если, с одной стороны, риск процесса против

* См. также стр. 4 цитируемого памфлета, где сказано: «Эти «расчеты» из партийных соображений, эта моральная неустойчивость, в силу которой в тесном кругу сознаются, что Фогт сыграл гнусную игру с родиной, а затем позволяют тому же самому Фогту открыто обвинять в клевете тех, кто сказал лишь то, что все они знают и думают, имея в своем распоряжении все доказательства, — все это вызывает во мне отвращение» и т. д.

«Allgemeine Zeitung» вообще не был слишком велик, то, с другой стороны, переход в наступление в этом направлении представлял генералу Фогту благоприятнейшую операционную базу. Это Австрия клеветала на имперского Фогта через «Allgemeine Zeitung», Австрия в союзе с коммунистами! Благодаря этому имперский Фогт оказывался интересной жертвой чудовищной коалиции врагов буржуазного либерализма. А малогерманская печать, и без того благосклонная к имперскому Фогту как стороннику малой империи, с ликованием должна была бы поднять его на щит!

В начале июля 1859 г., вскоре после моего возвращения из Манчестера, ко мне обратился Блинд по делу, не имевшему отношения к данному случаю. Он пришел ко мне в сопровождении Фиделио Холлингера и Либкнехта. Во время свидания я высказал свое убеждение, что он автор памфлета «Предостережение». Он решительно отрицал это. Я повторил по пунктам сделанное им 9 мая сообщение, составлявшее, в сущности, все содержание памфлета. Он соглашался с этим, но, несмотря на это, продолжал отрицать свое авторство.

Приблизительно месяц спустя, в августе 1859 г., Либкнехт показал мне полученное им от редакции «Allgemeine Zeitung» письмо, в котором его настоятельно просили сообщить доказательства обвинений, содержащихся в памфлете «Предостережение». По его просьбе я отправился с ним в St. John's Wood, на квартиру к Блинду, который, если и не был *автором* памфлета, то все-таки в начале мая уже знал то, о чем поведал миру памфлет лишь в начале июня, и который к тому же мог *«доказать»* то, что знал. Блинда не оказалось дома; он был на каком-то морском курорте. Поэтому Либкнехт написал ему о цели нашего визита. Ответа от Блинда не последовало. Либкнехт написал второе письмо. Наконец, был получен следующий достойный государственного мужа документ:

Любезный господин Либкнехт!

Оба Ваших письма, направленные по ошибочному адресу, я получил почти одновременно. Вы сами понимаете, что я вовсе не желаю вмешиваться в дела совершенно чуждой мне газеты и менее всего в данном случае, потому что, *как я уже раньше указывал, я не имел никакого отношения к указанному делу.* Что касается упоминаемых Вами замечаний, *высказанных в частной беседе, то, очевидно, они были совершенно неверно поняты; здесь произошла какая-то ошибка, о которой я собираюсь поговорить при случае устно.* Выражая сожаление, что Вам напрасно пришлось пройти ко мне с Марксом, остаюсь с полным уважением.

Ваш К. Блинд,

Эта дипломатически-холодная нота, согласно которой *Блинд «не имел никакого отношения»* к выдвинутым против Фогта обвинениям, напомнила мне об одной анонимной статье в лондонской «Free Press» от 27 мая 1859 г. следующего содержания (в переводе):

Великий князь Константин — будущий король Венгрии.

Один корреспондент, прилагающий свою визитную карточку, пишет нам:

«Милостивый государь! На последнем митинге в Мьюзик-холле * я слышал замечание по поводу великого князя Константина. Я в состоянии сообщить Вам другой факт. Не далее, как летом прошлого года, принц Жером Наполеон развивал в Женеве перед некоторыми близкими ему лицами план нападения на Австрию и предстоящего изменения карты Европы. Я знаю имя одного швейцарского сенатора, которому он развивал эту тему. Принц Жером заявил тогда, что, согласно намеченному плану, великий князь Константин должен стать королем Венгрии.

Я знаю также о предпринятых в начале текущего года *попытках* склонить в пользу русско-наполеоновского плана *нескольких находящихся в изгнании немецких демократов, а также влиятельных либералов в самой Германии. В целях подкупа им были предложены крупные денежные суммы* (large pecuniary advantages were held out to them as a bribe). Я счастлив сказать, что предложения эти были отвергнуты с негодованием» (см. приложение 9).

Эта статья, в которой Фогт не назван, но для немецкой эмиграции в Лондоне ясно обозначен, дает в сущности *основное содержание* появившегося впоследствии памфлета «Предостережение». Автор статьи о *«будущем короле Венгрии»*, которого патриотическое рвение заставило предъявить анонимное обвинение против Фогта, естественно, должен был с жадностью ухватиться за предоставляемый ему аугсбургским процессом превосходный случай разоблачить на суде измену перед лицом всей Европы. Но кто же был автором «будущего короля Венгрии»? *Гражданин Карл Блинд*. Это мне разоблачили уже в мае содержание и форма статьи, и это *официально подтвердил* мне теперь редактор «Free Press» Колет, когда я ему объяснил значение спорного вопроса и сообщил дипломатическую ноту Блинда.

17 сентября 1859 г. наборщик А. Фегеле передал мне письменное заявление (перепечатано в «Главной книге», документы, № 30, 31), в котором он свидетельствует отнюдь не то, что *Блинд — автор* памфлета «Предостережение», однако что сам он (А. Фегеле) и его хозяин *Фиделио Холлингер* набрали памфлет в типографии Холлингера, что *рукопись написана почерком Блинда* и что *Холлингер как-то назвал ему Блинда автором этого памфлета*.

Опираясь на заявление Фегеле и на «будущего короля Венг-

* Это был упомянутый выше митинг от 9 мая, устроенный Д. Уркартом.

рии», *Либкнехт* написал еще раз *Блинду* о «доказательствах» для оглашенных в «Free Press» этим государственным мужем фактов и указывал в то же время, что теперь имеется доказательство его причастности к изданию памфлета «Предостережение». Вместо ответа *Либкнехту*, *Блинд* прислал Колета ко мне. Колет имел поручение просить меня от имени *Блинда* не делать никакого публичного употребления из моей осведомленности об авторстве вышеназванной статьи в «Free Press». Я ответил, что не могу взять на себя никаких обязательств: моя скромность будет итти нога в ногу с мужеством *Блинда*.

Между тем, приближался срок аугсбургского процесса. *Блинд* молчал. *Фогт* в различных публичных заявлениях пытался памфлет и доказательство сделанных в памфлете заявлений взвалить на меня как на тайного автора. Чтобы отбить этот маневр, выручить *Либкнехта* и помочь «Allgemeine Zeitung», которая, по моему мнению, сделала хорошее дело, выступив с обличением *Фогта*, я сообщил ее редакции через *Либкнехта*, что готов предоставить в ее распоряжение документ, касающийся происхождения памфлета «Предостережение», если она меня запросит об этом письменно. Так начался «живой обмен письмами, который как раз теперь происходит между *Марксом* и *Кольбом*», как рассказывает *Фогт* на стр. 194 своей «Главной книги» *. Этот мой «живой обмен письмами с *Кольбом*» состоял из двух писем (от одного и того же числа) ко мне *Оргеса*, в которых он просил меня о присылке обещанного документа, посланного мной затем ему вместе с коротенькой запиской в несколько строк**.

Оба письма господина *Оргеса* — или, вернее, двойное издание одного и того же письма — получились в Лондоне 18 октября 1859 г., меж тем как разбирательство дела должно было начаться в Аугсбурге уже 24 октября. Я поэтому написал немедленно *Фегеле*, назначив ему rendez-vous [свидание] на следующий день в помещении мальборовского полицейского управления, где он должен был придать своему заявлению о памфлете «Предостережение» судебную форму affidavit ***. Мое письмо не застало его во-время. Поэтому я должен был

* *Кольб* упоминает действительно в № 319 «Allgemeine Zeitung» об «одном очень подробном письме *Маркса*, которого он не печатает». Но это подробное письмо напечатано в «Hamburger Reform» № 139, приложение от 19 ноября 1859 года. «Подробным письмом» было предназначавшееся мной для публики заявление, которое я послал также в берлинскую «Volkszeitung».

** Мою препроводительную записку и заявление *Фегеле* можно найти в «Главной книге» (документы, стр. 30, 31), а письма господина *Оргеса* ко мне — в приложении 10.

*** Affidavit — судебное заявление, заменяющее присягу и влекущее за собой в случае лжести все законные последствия лжеприсяги.

19 октября *, вопреки своему первоначальному намерению, послать в «Allgemeine Zeitung» вместо affidavit вышеупомянутое письменное заявление Фегеле от 17 сентября **.

Как известно, судебный процесс в Аугсбурге превратился в настоящую комедию ошибок. Corpus delicti [вещественным доказательством] был посланный Либкнехтом в «Allgemeine Zeitung» и перепечатанный ею памфлет «Предостережение». Но автор и издатель памфлета играли в жмурки; Либкнехт не мог препроводить своих находившихся в Лондоне свидетелей в зал заседания суда; будучи в затруднительном юридическом положении, редактора «Allgemeine Zeitung» несли какую-то высокопарную пошлую политическую тарабарщину, д-р Герман угощал охотничьими рассказами «округленной натуры» о серной банде, о лозаннском празднестве и т. д., и, наконец, суд отказал Фогту в его жалобе потому, что истец *ошибся* в подлежащей инстанции. Путаница достигла кульминационного пункта, когда аугсбургский процесс закончился и отчет о нем, вместе с «Allgemeine Zeitung», получился в Лондоне. Блинд, хранивший до сих пор молчание мудрого государственного мужа, был перепуган раздобытым мной свидетельством наборщика Фегеле и выскочил вдруг на публичную арену. Фегеле не заявлял, что Блинд — автор памфлета, а заявлял только, что он назван ему Холлингером как автор памфлета. Зато Фегеле категорически заявил, что *рукопись памфлета написана знакомым ему почерком Блинда и была набрана и напечатана в типографии Холлингера*; Блинд мог быть автором памфлета, хотя бы он не был написан рукой Блинда и не был набран в типографии Холлингера. И, наоборот, памфлет мог быть *написан рукой Блинда* и напечатан Холлингером, хотя бы Блинд и не был его автором.

В № 313 «Allgemeine Zeitung», под датой Лондон 3 ноября (см. «Главную книгу», документы, стр. 37, 38), гражданин и государственный муж Блинд заявляет, что он *не автор* памфлета и в качестве *доказательства* «опубликовывает» *«с л е д у ю щ и й д о к у м е н т»*:

* Так как я пишу неразборчиво, то на суде в Аугсбурге моему письму от 19 октября приписали дату 29 октября. Ни адвокат Фогта д-р Герман, ни сам Фогт, ни достопочтенная берлинская «Nationalzeitung» et hoc genus omne [и весь этот род] «критической непосредственности» ни на минуту не задумались, как письмо, написанное в Лондоне 29 октября, могло попасть в Аугсбург уже 24 октября.

** Что это quid pro quo [недоразумение] произошло по чистой случайности — именно потому, что Фегеле получил слишком поздно мое письмо, — видно из его позднейшего affidavit от 11 февраля 1860 г.

а) Настоящим заявляю, что помещенное в № 300 «Allgemeine Zeitung» утверждение наборщика Фегеле, будто упомянутый в нем памфлет «Предостережение» был напечатан в моей типографии или будто Карл Блинд автор его, представляет *злостное измышление*.

Фиделио Холлинггер.

3, Litchfield Street., Soho. Лондон, 2 ноября 1859 г.

б) Нижеподписавшийся, *живущий и работающий* 11 месяцев в № 3, Litchfield Street, со своей стороны *свидетельствует о правильности заявления г. Холлинггера*.

И. Ф. Вие, наборщик.

Лондон, 2 ноября 1859 г.

Фегеле нигде не утверждал, что Блинд — автор памфлета. Таким образом, Фиделио Холлинггер сперва сочиняет утверждение Фегеле, чтобы потом назвать его *«злостным измышлением»*. С другой стороны, *если* памфлет не был напечатан в типографии Холлинггера, то откуда этот самый Фиделио Холлинггер знал, что *Карл Блинд* не автор его?

И каким образом то обстоятельство, что *наборщик Вие «живет и работает 11 месяцев»* (считая назад от 2 ноября 1859) у Холлинггера, может уполномочить его свидетельствовать о *«правильности заявления господина Холлинггера»*?

Свой ответ на это заявление *Блинда* (№ 325 «Allgemeine Zeitung», см. также «Главную книгу», документы, стр. 39, 40) я закончил словами: «Всю тайну *Блинд-Фогт* можно было бы открыть *перенесением процесса из Аугсбурга в Лондон*».

Блинд, со всем нравственным негодованием оскорбленной прекрасной души, переходит снова в наступление в «Приложении к «Allgemeine Zeitung» от 11 декабря 1859 г.».

«Ссылаясь *п о в т о р н о* (запомним это) на *д о к у м е н т ы*, *п о д п и с а н н ы е* владельцем типографии Холлинггером и наборщиком Вие, я заявляю в последний раз, что носящее теперь уже характер инсинуации *утверждение, будто я автор* часто упоминавшегося памфлета — *явная неправда*. В других утверждениях на мой счет содержатся *грубейшие извращения*».

В приписке к этому заявлению редакция «Allgemeine Zeitung» замечает, что «спор не интересует больше широкой публики» и просит поэтому «лиц, которых это касается, отказаться от дальнейших взаимных возражений»; «округленная натура» комментирует это в заключении «Главной книги» следующим образом:

«Иными словами: редакция «Allgemeine Zeitung» просит гг. *Маркса, Бискамп *, Либкнехта*, избалованных в грубой лжи, не срамить больше ни самих себя, ни газеты».

* Бискамп послал из Лондона 20 октября о деле Фогта в редакцию «Allgemeine Zeitung» письмо, в котором в заключение предлагал газете свои услуги в

Так закончилась пока аугсбургская кампания.

Впадая обратно в тон своей Лаузиады, Фогт заставляет «наборщика Фегеле» дать мне и *Либкнехту* «*ложное показание*» (стр. 195 «Главной книги»). Происхождение же памфлета он объясняет тем, что «Блинд выдумал какие-то подозрения и протрещал о них всем. *Из этого материала серная банда состряпала памфлет, а затем и статьи, которые она приписала попавшему в просак Блинду*» (стр. 218, там же).

Если же имперский Фогт не возобновил своей неоконченной кампании в Лондоне, как его вызывали на это, то произошло это отчасти потому, что Лондон «*захолустье*» (стр. 229 «Главной книги»), отчасти же потому, что «рассматриваемые партии взаимно обвиняют одна другую в неправде» (там же).

В своей «критической непосредственности» этот муж считает уместным вмешательство суда лишь в том случае, когда партии *спорят* между собой не о правде.

Я перескакиваю через три месяца и продолжаю свой рассказ с начала февраля 1860 года. «Главная книга» Фогта еще не попала в Лондон, но зато здесь уже был *избранный букет* берлинской «Nationalzeitung», где, между прочим, сказано:

«*Партия Маркса* могла легко взвалить авторство памфлета на *Блинда* в силу того и после того, как последний в беседе с Марксом и в статье в «Free Press» высказал аналогичные взгляды; воспользовавшись содержанием и формой заявления Блинда, можно было так *сфабриковать* памфлет, чтобы он выглядел как его изделие».

Блинд, который все искусство дипломатии сводит к молчанию, как Фальстаф лучшей частью мужества считал скромность, — Блинд снова умолк. Чтобы развязать ему язык, я опубликовал в Лондоне 4 февраля 1860 г. за своей подписью циркуляр на английском языке (см. приложение 11).

качестве корреспондента. Письмо это стало мне известно только из самой газеты. Фогт изобретает моральную теорию, согласно которой поддержка погибшего печатного органа делает меня ответственным за позднейшие частные письма его редактора. Во сколько же раз был бы более ответствен Фогт за «Stimmen der Zeit» Колачека, в органе которого «Monatsschrift» он был оплачиваемым сотрудником! Пока Бискамп издавал «Volk», он обнаруживал величайшее самопожертвование: чтобы редактировать газету, он покинул старое, насиженное место, *безвозмездно* и при очень тяжелых обстоятельствах редактировал ее, наконец рисковал потерять работу корреспондента в немецкие газеты, как, например, в «Kölnische Zeitung», чтобы быть в состоянии действовать согласно своим убеждениям. Все остальное меня не касалось и не касается.

В этом циркуляре, обращенном к редактору «Free Press», говорится, между прочим, следующее:

«Прежде, чем я предприму дальнейшие шаги, я должен разоблачить господ, сыгравших очевидным образом на руку Фогту. Поэтому я публично заявляю, что заявление Блинда, Вие и Холлингера, будто анонимный памфлет *не* печатался в типографии Холлингера 3, Litchfield Street, Soho, — *гнузная ложь*»*.

Приведя свои доказательства, я заканчиваю следующими словами:

«Итак, я вторично называю вышесказанного Карла Блинда *гнусным лжецом* (deliberate liar). Если я не прав, то он легко может опровергнуть меня, обратившись с жалобой в английский суд».

6 февраля 1860 г. одна лондонская газета («Daily Telegraph») воспроизвела — я к этому еще вернусь — букет «Nationalzeitung» под заглавием «The Journalistic Auxiliaries of Austria» [«Газетные пособники Австрии»]. Я, со своей стороны, начал дело по обвинению «Nationalzeitung» в клевете, известил «Telegraph» о поданной мной на него подобной же жалобе и стал собирать необходимый судебный материал.

11 февраля 1860 г. наборщик Фегеле дал affidavit перед полицейским управлением на Bow Street. В этом документе повторяется в существенном его заявление от 17 сентября 1859 г., — именно, что рукопись памфлета *написана почерком Блинда* и набрана *в типографии Холлингера* отчасти им самим (Фегеле), отчасти Ф. Холлингером (см. приложение 12).

Несравненно важнее был affidavit наборщика Вие, на свидетельство которого Блинд *поторно* и с возрастающей уверенностью ссылался в «Allgemeine Zeitung».

Поэтому, помимо оригинала (см. приложение 13), здесь приводится его дословный перевод:

В первых числах ноября истекшего года — я не помню точно даты — между 9 и 10 часами вечера я был поднят с постели г. Ф. Холлингером, в доме которого я жил тогда и у которого я работал в качестве наборщика. Он протянул мне написанное заявление, в котором говорилось, что в течение предыдущих 11 месяцев я *непрерывно* работал у него и что в течение этого времени в типографии г. Холлингера 3, Litchfield, Soho, *не был* набран и напечатан какой-то немецкий памфлет «Предостережение». Растерявшись и не сознавая значения того, что я делаю, я исполнил его желание и переписал и подписал этот документ. Г-н Холлингер пообещал мне денег, но я ничего не получил от него. *Во время*

* По-английски у меня сказано: «deliberate lie». «Kölnische Zeitung» перевела: «гнузная ложь». Я принимаю этот перевод, хотя ближе к оригиналу «предумышленная ложь».

этой сделки г. Карл Блинд, как сообщила мне потом моя жена, *ожидая в комнате г. Холлингера*. Несколько дней спустя г-жа Холлингер оторвала меня от обеда и повела в комнату своего мужа, *где я застал одного только г. Блинда*. Он *предъявил мне тот же документ*, который предъявил мне раньше г. Холлингер, и *настоячиво просил меня (entreated me) написать и подписать вторую копию, так как он нуждается в двух копиях — одной для себя самого, а другой для опубликования в печати*. Он *прибавил, что отблагодарит меня*. Я снова переписал и подписал документ.

Сим я заявляю правдивость вышеизложенного и далее:

1) что из упомянутых в документе 11 месяцев я в течение 6 недель *работал не у г. Холлингера, а у некоего г. Эрмани*;

2) *я не работал у г. Холлингера как раз в то время, когда был издан памфлет «Предостережение»*;

3) *я слышал тогда от г. Фегеле, который работал в то время у г. Холлингера, что он, г. Фегеле, вместе с самим г. Холлингером, набирал указанный памфлет и что рукопись была написана почерком г. Блинда*;

4) набор памфлета стоял еще, когда я снова стал работать у г. Холлингера. *Я сам переверстал его для перепечатки памфлета «Предостережение» в немецкой газете «Volk», печатавшейся у г. Холлингера, 3, Litchfield Street, Soho*. Памфлет появился в № 7 «Volk» 18 июня 1859 г.;

5) *я видел, как г. Холлингер дал г. Вильгельму Либкнехту, живущему 14, Church Street, Soho, корректурный лист памфлета «Предостережение», на котором г. Карл Блинд собственноручно исправил 4 или 5 опечаток*. Г-н Холлингер колебался, дать ли ему корректурный лист г. Либкнехту, и лишь только г. Либкнехт удалился, он выразил мне и работавшему вместе со мной г. Фегеле сожаление, что выпустил из рук корректурный лист.

Иоганн Фридрих Вие.

Заявлено и подписано вышеозначенным г. Фридрихом Вие в полицейском управлении Bow Street февраля 8 дня 1850 г. в моем присутствии. Судья указанного управления, Дж. Генри.

(Полицейское управление Bow Street).

Обоими *affidavit* наборщиков Фегеле и Вие было доказано, что *рукопись памфлета была написана рукой Блинда и набрана в типографии Холлингера и что Блинд сам держал одну корректуру*.

А этот *homme d'état* [государственный муж] писал Юлию Фребелю из Лондона 4 июля 1859 г.: «Здесь появилось — не знаю, кем составленное, — резкое обвинение Фогта в продажности. В нем имеется несколько мнимых фактов, о которых мы раньше ничего не слыхали». И тот же *homme d'état* писал Либкнехту 8 сентября 1859 г., что он «не имел никакого отношения к указанному делу».

Не довольствуясь этими подвигами, гражданин и государственный муж Блинд *сфабриковал еще ложное заявление, для которого*

Фиделио Холлингера обещанием денег и он сам обещанием отблагодарить в будущем *выманили подпись наборщика Вие*.

Он не только послал в «Allgemeine Zeitung» это свое изделие с подписью, полученной путем обмана, вместе с ложным показанием Фиделио Холлингера, но «повторно» «ссылается» на эти «документы» в своем втором заявлении и в связи с этими «документами» бросает мне с моральным негодованием обвинение в «явной неправде».

Копии affidavit Фегеле и Вие я пустил в обращение в разных кругах общества. Это повлекло за собой свидание на квартире у Блинда между *Блиндом, Фиделио Холлингером* и другом дома Блинда, д-ром мед. *Карлом Шайбле*, славным, тихим человеком, играющим в политических операциях Блинда до некоторой степени роль ручного слона.

И вот в «Daily Telegraph», в номере от 15 февраля 1860 г., появилась перепечатанная потом в немецких газетах заметка, гласящая в переводе следующее:

Памфлет против Фогта.

• Издателю «Daily Telegraph».

Милостивый государь! Считаюсь с циркулирующими в обществе ложными слухами, я чувствую себя обязанным по отношению к г. Блинду, а также и г. Марксу формально заявить, что ни один из них не был *автором* недавно выпущенного против профессора Фогта из Женевы памфлета. Памфлет этот исходит от меня и ответственность за него лежит на мне. Из уважения к г. Марксу, как и к г. Блинду, я выражаю сожаление, что независящие от меня обстоятельства помешали мне сделать это заявление раньше.

Лондон, 14 февраля 1860 г.

Карл Шайбле, д-р мед.

Шайбле прислал мне это заявление. Я же, обойдя правила вежливости, ответил ему посылкой affidavit наборщиков Фегеле и Вие и написал в то же время, что его (*Шайбле*) заявление ничего не меняет ни в ложных показаниях, посланных *Блиндом* в «Allgemeine Zeitung», ни в conspiracy [тайном сговоре] *Блинда с Холлингером* с целью выманить подпись Вие для *сфабрикования фальшивого документа*.

Блинд чувствовал, что он находится теперь не на надежной почве «Allgemeine Zeitung», а перед серьезным английским судом. Если он хотел ослабить силу affidavit и основанных на них «грубых оскорблений» моего циркуляра, то он и Холлингер должны были противопоставить свои контр-affidavit, но с уголовщиной не шутят.

Эйзеле-Блинд не автор памфлета, так как Бейзеле-Шайбле

публично объявил себя автором его ¹. Блинд только *написал* рукопись памфлета, только *отдал ее в печать* Холлингеру, только собственноручно держал корректуру пробного листа, только *сфабриковал* вместе с Холлингером *ложные показания* для опровержения этих фактов и отправил их в «Allgemeine Zeitung». Но он все-таки непризнанная невинность; он не *автор* и не *инициатор* памфлета. Он действовал только в качестве *писца Бейзеле-Шайбле*. Именно поэтому он и 4 июля 1859 г. не знал, «кто» выпустил в свет памфлет, а 8 сентября 1859 г. «не имел никакого отношения к упомянутому делу». Итак, успокоим его: *Бейзеле-Шайбле* — автор памфлета в литературном смысле, но *Эйзеле-Блинд* — автор его в техническом смысле английского законодательства и *ответственный издатель* в смысле законодательства всякого цивилизованного народа. Nabeat sibi! [Пусть и отвечает!]

На прощание несколько слов д-ру Бейзеле-Шайбле.

Опубликованный *Фогтом* в бильском «HandelsCourier» под датой: Берн, 25 мая 1859 г., пасквиль против меня был озаглавлен: «Предостережение». Составленный в начале июня 1859 г. *Шайбле* и переписанный и изданный его секретарем *Блиндом* памфлет, в котором — с указанием вполне определенных деталей — Фогт обвиняется как «*подкупающий*» и «*подкупленный*» агент Луи Бонапарта, также озаглавлен: «Предостережение». Он подписан буквой Х. Хотя в алгебре Х означает неизвестную величину, это случайно и последняя буква моей фамилии. Не имели ли, быть может, заглавие и подпись памфлета Шайбле своей целью создать впечатление, что «Предостережение» представляет *мой* ответ на фогтовское «Предостережение»? Шайбле обещал разоблачение № 2, если Фогт осмелится отрицать разоблачение № 1. Фогт не только отрицал, но и начал дело о клевете в ответ на «Предостережение» Шайбле. А № 2 Шайбле и до сих пор еще не появился. Шайбле снабдил заглавный лист своего памфлета приглашением: «*Просят распространять*». А когда Либкнехт, удовлетворяя эту «просьбу», попытался «распространить» памфлет через посредство «Allgemeine Zeitung», то «непредвиденные обстоятельства» зажимали Шайбле рот от июня 1859 г. до февраля 1860 г., и только *affidavit* в полицейском управлении Bow Street развязали ему язык.

¹ Эйзеле и Бейзеле — комические фигуры из основанного в 1844 г. немецкого сатирического журнала «Fliegende Blätter». Молодой барон Бейзеле в сопровождении своего гофмейстера д-ра Эйзеле предпринимает путешествие по Германии с целью разыскать и показать публике все комическое, редкостное и глупое. *Ред.*

Как бы то ни было, Шайбле, первоначальный обвинитель Фогта, взял теперь публично на себя ответственность за приведенные в памфлете факты. Поэтому аугсбургская кампания кончается не победой защитников Фогта, а появлением, наконец, на арене борьбы атакующего Шайбле.

VIII. ДА-ДА ФОГТ И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ (STUDIEN)

«Sine Studio»¹

Приблизительно за месяц до начала итальянской войны появились фогтовские так называемые «*Studien zur gegenwärtigen Lage Europa's*» [Исследования о современном положении Европы]. Женева, 1859 г.» Cui bono? [В чьих интересах?]

Фогт знал, что «Англия в предстоящей войне останется *нейтральной*» («И с с л е д о в а н и я», стр. 5). Он знал, что Россия, «в согласии с Францией, примет *все* меры, чтобы вредить Австрии, не переходя за пределы открытой враждебности» («Исследования», стр. 13). Он знал, что Пруссия — но пусть он нам сам скажет, что он знает про Пруссию. «Самые близорукие люди должны теперь понять, что *существует* соглашение между прусским правительством и императорским правительством Франции; что Пруссия не обнажит меча для защиты внемецких областей Австрии; что она согласится на все мероприятия, необходимые для защиты территории Союза, но во всем прочем *будет препятствовать Союзу или отдельным его членам принять какое-либо участие на стороне Австрии, — чтобы затем, во время мирных переговоров, получить за э т и старания свое вознаграждение в северно-германской низменности*» (там же, стр. 19).

Итак, facit [итог]: В предстоящем крестовом походе Бонапарта против Австрии Англия *останется нейтральной*, Россия будет действовать *враждебно* против Австрии, Пруссия будет сдерживать задорных членов Союза, и Европа постарается локализовать войну. Луи Бонапарт будет вести теперь итальянскую войну, как прежде русскую кампанию, с верховного соизволения, в качестве тайного, так сказать, генерала европейской коалиции. К чему же тогда фогтовский памфлет? Раз Фогт знает, что Англия, Россия и Пруссия будут действовать против Австрии, то что заставляет его писать *в пользу Бонапарта*? Но, повидимому, — помимо старого французоедства, — вместе с «впавшим в детство отцом Арндтом и тенью ничтожного Яна во главе» (там же, стр. 121), «немецкий народ» был охвачен

¹ Sine studio означает: «без пристрастия»; в противовес фогтовским «Studien» подчеркивает их пристрастие, — игра слов. *Ред.*

своего рода национальным движением, которое эхом откликнулось в разных «палатах и газетах», «меж тем как правительства только медленно и не без сопротивления включались в господствующее течение» (там же, стр. 114). Повидимому, «уверенность в грозящей опасности» исторгла у немецкого «народа» «клич к совместным мероприятиям» (там же). Французский «*Moniteur*» (см., между прочим, номер от 15 марта 1859 г.) смотрел на это немецкое движение с «изумлением и огорчением».

«В палатах и в печати некоторых государств немецкого Союза проповедуется, — восклицает он, — нечто вроде крестового похода против Франции. Ее обвиняют в честолюбивых планах, которые она отвергла, в подготовке к завоеваниям, в которых она не нуждается» и т. д. В ответ на эти «клеветнические обвинения» «*Moniteur*» показывает, что выступление «императора» в итальянском вопросе должно, «наоборот, внушить немецкой нации самую глубокую уверенность» в том, что немецкое единство и национальность в известной мере заветная мысль декабристской Франции и т. д. Однако «*Moniteur*» сознается (см. 10 апреля 1859 г.), что известные немецкие опасения, повидимому, могли быть «провоцированы» некоторыми парижскими памфлетами, в которых Луи Бонапарт предъявляет к самому себе требование предоставить своему народу «долгожданный случай» «pour s'étendre majestueusement des Alpes au Rhin» [«величественно раскинуться от Альп до Рейна»]. «Но, — говорит «*Moniteur*», — Германия забывает, что Франция находится под эгидой законодательства, не разрешающего никакого предварительного контроля по отношению к правительству». Однако эти и подобные заявления «*Moniteur*», как было доложено графу Мамсбри [Malmesbury] (см. Blue Book: On the Affairs of Italy. January to March 1859 [Синяя книга, Итальянские дела, январь — март 1859 г.], вызвали действие, как раз противоположное тому, которое имелось в виду. Но того, чего не добился «*Moniteur*», добился, может быть, *Карл Фогт*. Его «Исследования» — не что иное, как переведенная на немецкий язык *компиляция* статей «*Moniteur*», памфлетов, изданных Дантю, и декабристских карт будущего.

* * *

Болтовня *Фогта* насчет *Англии* представляет лишь тот интерес, что наглядно обнаруживает характер его «*Исследований*». В согласии со своими французскими оригинальными источниками он превращает английского адмирала сэра Чарлза Нэпира в «лорда» Нэпира («*Исследования*», стр. 4). Литературные зуавы декабризма знают из

театра Porte St. Martin, что каждый знатный англичанин по меньшей мере лорд.

«С Австрией, — рассказывает *Фогт*, — Англия никогда не могла быть более или менее продолжительное время в ладу. Если *минутная* общность интересов на некоторое время и связывала их, то непосредственно за этим политическая необходимость всегда вновь разделяла. С Пруссией же, наоборот, Англия постоянно вступала в очень тесную связь» и т. д. (там же, стр. 2).

На самом деле! Совместная борьба Англии и Австрии против Людовика XIV продолжается, с незначительными перерывами, от 1689 до 1713 г., т. е. почти четверть столетия. В войне за австрийское наследство Англия борется почти шесть лет вместе с Австрией против Пруссии и Франции. Лишь в семилетней войне Англия вступает в союз с Пруссией против Австрии и Франции, но уже в 1760 г. лорд Бьют изменяет Фридриху Великому, предлагая сначала русскому министру Голицыну, а затем австрийскому министру Кауницу произвести «раздел Пруссии». В 1790 г. Англия заключает с Пруссией союз против России и Австрии, но он распадается в том же году. Во время антиякобинской войны Пруссия, несмотря на субсидии Питта, заключает Базельский договор и выходит из европейской коалиции. Наоборот, Австрия, подстрекаемая Англией, с небольшими перерывами продолжает борьбу от 1793 до 1809 г. Едва был устранен Наполеон, как Англия, еще во время Венского конгресса, заключает тотчас же с Австрией и Францией тайный договор (9 февраля 1815 г.) против России и Пруссии. В 1821 г. Меттерних и Кастри заключили в Ганновере новое соглашение против России. Поэтому, в то время как сами британцы — историки и парламентские ораторы — говорят об Австрии преимущественно как об «ancient ally» [«старом союзнике»], *Фогт* открывает в своих вышедших у Дантю французских оригинальных памфлетах, что Австрия и Англия, если не считать «минутной общности», всегда расходились, Англия же и Пруссия, напротив, всегда объединялись, поэтому-то лорд *Линдхорст* во время Крымской кампании и воскликнул в палате лордов по адресу Пруссии: «Quem tu, Romane, caveto!» [«Берегись ее, Римлянин!»] Протестантская Англия питает антипатии к католической Австрии, либеральная Англия — к консервативной Австрии, фритредерская Англия — к протекционистской Австрии, платежеспособная Англия — к обанкротившейся Австрии. Но патетический элемент всегда оставался чуждым английской истории. Лорд *Пальмерстон* во время своего 30-летнего управления Англией всегда при случае прикрашивает свое вассальное положение по отношению к России проявлением

антипатий по отношению к Австрии. Из «антипатии» к Австрии он в 1848 г. отказался, например, от предложенного Австрией и одобренного Францией и Пьемонтом посредничества Англии в итальянских делах на условиях, согласно которым Австрия отходила до линии Эча и Вероны, Ломбардия, если бы она этого захотела, присоединилась бы к Пьемонту, Парма и Модена достались бы Ломбардии, а Венеция образовала бы, под управлением австрийского эрцгерцога, независимое итальянское государство со своей собственной конституцией (см. *Blue Book on the affairs on Italy. Part II. July 1849, No 377, 478* [Синяя книга по итальянским делам, часть II, июль 1849 г., № 377, 478]). Условия эти, во всяком случае, были благоприятнее условий Виллафранкского мира. После того как Радецкий наголову разбил итальянцев, Пальмерстон сам предложил отвергнутые им ранее условия. Когда же интересы России потребовали противоположного поведения во время венгерской войны за независимость, Пальмерстон, несмотря на свою «антипатию» к Австрии, отказал венгерцам в помощи, о которой они просили его, опираясь на договор 1811 г.; он отказался даже от всякого протеста против русской интервенции, потому что «политическая независимость и свобода Европы связаны с сохранением и целостью Австрии как европейской великой державы». (Заседание Палаты общин, 21 июля 1849 г.)

Фогт далее рассказывает:

«Интересы Соединенного королевства... повсюду враждебно противостоят им (интересам Австрии)» (там же, стр. 2).

Это «повсюду» немедленно превращается в Средиземное море.

«Англия хочет во что бы то ни стало утвердить свое влияние в Средиземном море и в его прибрежных странах. Неаполь и Сицилия, Мальта и Ионические острова, Сирия и Египет — опорные пункты политики, направленной в сторону *Ост-Индии*; повсюду в этих пунктах Австрия ставила ей *сильнейшие* препятствия» (там же).

Чему только не верит Фогт в изданных у Дантю в Париже декабристских оригинальных памфлетах! Англичане до сих пор воображали, что они боролись за Мальту и Ионические острова то с русскими, то с французами, но с австрийцами никогда. Франция, а не Австрия, отправляла в свое время экспедицию в Египет и в настоящее время укрепляется на Суэцком перешейке; Франция, а не Австрия, сделала завоевания на северном берегу Африки и, в союзе с Испанией, пыталась отобрать у бриттов Гибралтар; июльский договор 1840 г., касавшийся Египта и Сирии, Англия заключила против Франции, но с Австрией; в «направленной в сторону

Ост-Индии политике» Англия натывается повсюду на «сильнейшие препятствия» со стороны России, а не Австрии; в единственно серьезном спорном вопросе между Англией и Неаполем, в вопросе о сере в 1840 г., монополия *французского*, а не австрийского общества на торговлю сицилийской серой послужила поводом для трений; наконец, по ту сторону канала говорят при случае о превращении Средиземного моря в «*las français*» [«французское озеро»], но никогда не говорят о превращении его в «*las autrichien*» [«австрийское озеро»]. Но здесь нужно принять во внимание важное обстоятельство.

В 1858 г. в Лондоне появилась карта Европы под названием «*l'Europe en 1860*» [«Европа в 1860 г.»]. Карта эта, изданная французским посольством и содержащая некоторые для 1858 г. пророческие указания (например, Ломбардо-Венеция присоединена к Пьемонту, а Марокко к Испании), по-новому изображает политическую географию всей Европы, за единственным исключением Франции, видимо остающейся в своих старых границах. Территории, предназначавшиеся для нее, раздаются со скрытой иронией невероятным владельцам. Так, например, *Египет* достается *Австрии*, а в примечаниях на полях карты указывается: «*François Joseph I, l'Empereur d'Autriche et d'Egypte*» [«Франц-Иосиф I, император австрийский и египетский»].

У Фогта перед глазами, в качестве декабристского компаса, лежала карта «*L'Europe en 1860*». Отсюда его конфликт между Англией и Австрией из-за *Египта* и *Сирии*. Фогт пророчествует, что этот конфликт «закончился бы уничтожением одной из враждующих держав», *если бы*, как он еще во-время спохватывается, «*если бы Австрия обладала военным флотом*» (там же, стр. 2). Но кульминационного пункта своей своеобразной исторической учености «Исследования» достигают в следующем месте:

«Когда Наполеон I в свое время пытался вызвать банкротство *Английского банка*, последний в течение одного дня вышел из затруднения тем, что стал отсчитывать деньги, а не взвешивать их, как до того делал обыкновенно; австрийская государственная касса 365 дней в году находится в подобном, даже еще в гораздо худшем, положении» (там же, стр. 43).

Как известно, Банк Англии («Английский банк» — это тоже фогтовский фантом) приостановил платежи наличными деньгами с февраля 1797 г. до 1821 г.; за все эти 24 года английские банкноты вообще не подлежали размену на металлические деньги, будь то на вес или на счет. Когда размен на металлические деньги был прекращен, во Франции никакого Наполеона I еще не было (хотя генерал Бона-

парт проводил тогда свою первую итальянскую кампанию); а когда на Threadneedle Street возобновился размен банкнот, то Наполеона уже не было в Европе. Такого рода «Исследования» побивают даже *ля-герроньеровское* завоевание Тироля «императором» Австрии.

* * *

Госпожа Крюденер, мать Священного союза, проводила различие между добрым началом, «*белым ангелом Севера*» (Александром I), и злым началом, «*черным ангелом Юга*» (Наполеоном I). Фогт, нареченный отец нового Священного союза, превращает обоих — царя и цезаря — Александра II и Наполеона III — в «*белых ангелов*». Оба — предназначенные судьбой освободители Европы.

Пьемонт, говорит Фогт, «*заслужил д а ж е уважение России*» (там же, стр. 11).

Даже заслужил уважение России. Что же больше можно сказать о государстве? Особенно после того, как Пьемонт уступил России военную гавань Виллафранка и как тот же *Фогт* предостерегал по поводу покупки Пруссией залива Яде: «военная гавань в чужой стране, без органической связи с владеющим государством, это такая смешная нелепость, что она приобретает смысл лишь в том случае, если в ней видят целевой пункт дальнейших устремлений, поднятый флажок, по которому визируется направляющая линия» («Исследования», стр. 15). Как известно, уже Екатерина II старалась приобрести для России военные гавани в Средиземном море.

Нежная предупредительность к «белому ангелу» Севера приводит *Фогта* к чрезмерно грубому нарушению «природной скромности», поскольку она еще имеется в его первоисточниках от Дантю. В «*La vraie question, France — Italie — Autriche*», Paris 1859 [«Сущность вопроса, Франция — Италия — Австрия», Париж 1859] (у Дантю) он прочел на стр. 20:

«Впрочем, на каком основании австрийское правительство станет ссылаться на ненарушимость договоров 1815 г., когда оно само нарушило их *захватом Кракова*, независимость которого была гарантирована этими договорами?» *

Фогт переводит свой французский оригинал на немецкий язык следующим образом:

«Странно слышать подобные речи из уст *единственного правительства*, которое *до сих пор нагло нарушало договоры*; в мирное время,

* «De quel droit d'ailleurs, le gouvernement autrichien viendrait-il invoquer l'inviolabilité de ceux (traités) de 1815, lui qui les a violés en confisquant Cracovie, dont ces traités garantissaient l'indépendance?»

без всякого повода, оно протянуло свои кощунственные руки к гарантированной договорами *Краковской республики и без долгих проволочек* включило ее в состав империи» (там же, стр. 58).

Разумеется, Николай уничтожил конституцию и независимость королевства Польского, гарантированные договорами 1815 г., из «уважения» к договорам 1815 года. Не меньшее уважение к неприкосновенности *Кракова* проявила Россия, заняв в 1831 г. этот вольный город московскими войсками. В 1836 г. Краков был снова занят русскими, австрийцами и пруссаками; с ним обошлись как с завоеванной страной, и еще в 1840 г. он, ссылаясь на договоры 1815 г., тщетно апеллировал к Англии и Франции. Наконец, 22 февраля 1846 г. русские, австрийцы и пруссаки снова заняли Краков, чтобы присоединить его к Австрии. Нарушение договоров было совершено *тремя северными державами*, и австрийский захват 1846 г. был только заключительным словом русского вторжения 1831 года. Из деликатности к «белому ангелу Севера» Фогт забывает о захвате Польши и извращает историю захвата Кракова *.

То обстоятельство, что *Россия* «неизменно враждебна Австрии и симпатизирует Франции», не оставляет у Фогта никаких сомнений насчет народно-освободительных тенденций Луи Бонапарта, равно как и то обстоятельство, что «его» (Луи Бонапарта) «политика в настоящее время теснейшим образом связана с политикой России» (стр. 30), не оставляет у него никаких сомнений насчет освободительных тенденций Александра II.

Поэтому на святую Русь на Востоке следует смотреть как на такого же «друга освободительных стремлений» и «народного и национального развития», как на декабристскую Францию на Западе. Этот лозунг был дан всем агентам переворота 2 декабря. «Россия, — читал *Фогт* в вышедшей у Дантю книге «*La Foi des Traités, les Puissances Signataires et l'Empereur Napoléon III*», Paris 1859 [«Обязательность договоров, державы, их подписавшие, и император Наполеон III», Париж 1859], — «Россия принадлежит к семье славян, одной из избранных рас... Удивлялись рыцарскому согласию, внешне возникшему между Францией и Россией. Нет ничего естественнее: *единство принципов, согласованность цели*, подчинение *закону священного союза правительств и народов* не для того, чтобы действовать обманом и принуждением, а для того, чтобы напра-

* Пальмерстон, одурачивший Европу своим смехотворным протестом, с 1831 г. принимал деятельнейшее участие в интриге против Кракова. (См. мой памфлет «Palmerston and Poland» London 1853 [«Пальмерстон и Польша», Лондон 1853].)

влять движение наций по божественному пути. От искреннейшей сердечности (между Луи-Филиппом и Англией была только *entente cordiale* [сердечное согласие], но между Луи Бонапартом и Россией царит la *cordialité la plus parfaite* [самая искренняя сердечность]) получились *благотворнейшие* результаты: железные дороги, *освобождение крепостных*, торговые станции в Средиземном море» и т. д. *.

Фогт подхватывает «освобождение крепостных» и намекает, что «данный теперь толчок... должен превратить Россию скорее в друга, чем во врага освободительных стремлений» (там же, стр. 10).

У него, как и у его источника от Дантю, толчок для так называемого освобождения крепостных исходит от Луи Бонапарта; с этой целью он превращает послужившую таким толчком англо-турецко-франко-русскую войну во «*французскую войну*» (там же, стр. 10).

Как известно, призыв к освобождению крепостных впервые громко и настойчиво прозвучал при Александре I. Царь Николай всю свою жизнь занимался вопросом об освобождении крепостных; с этой целью он в 1838 г. учредил министерство государственных имуществ, в 1843 г. предписал ему предпринять подготовительные шаги, а в 1847 г. издал даже благоприятные для крестьян законы об отчуждении дворянских земель, и только в 1848 г. страх перед революцией заставил его снова отменить их. Поэтому, если вопрос об освобождении крепостных при «благожелательном царе», как Фогт любезно называет Александра II, очень сильно продвинулся вперед, то ясно, что он этим обязан экономическому развитию, над которым даже царь не властен. Кроме того, освобождение крепостных, *по проектам русского правительства*, в сотни раз увеличило бы агрессивность России. Освобождение имеет целью завершение самодержавия уничтожением преград, которые до сих пор перед **большим** самодержцем стояли в лице многочисленных, опиравшихся на крепостничество малых самодержцев из русского дворянства и в лице самоуправляющихся крестьянских общин, материальная основа которых, общая собственность на землю, должна быть уничтожена **так** называемым освобождением.

* «La Russie est de la famille des Slaves, race d'élite... On s'est étonné de l'accord chevaleresque survenue soudainement entre la France et la Russie. Rien de plus naturel: accord des principes, unanimité du but... *soumission à la loi de l'alliance sainte des gouvernements et des peuples*, non pour leurrer et contraindre, mais pour guider et aider la *marche divine* des nations. De la cordialité la plus parfaite sont sorties les plus heureux effets: chemins de fer, *affranchissement des serfs*, stations commerciales dans la Méditerranée» etc. (p. 33.).

Однако русские крепостные понимают освобождение иначе, чем правительство, а русское дворянство также по-иному. Поэтому «благожелательный царь» открыл, что подлинное освобождение крепостных несовместимо с его самодержавием, подобно тому как благожелательный папа Пий IX открыл в свое время, что освобождение Италии несовместимо с условиями существования папства. «Благожелательный царь» видит в завоевательной войне и в проведении традиционной внешней политики России, которая, по замечанию русского историка Карамзина, «неизменна», единственное средство отсрочить наступление революции внутри. Князь Долгоруков в своей книге «La vérité sur la Russie» [«Правда о России», 1860 г.] критически разобрал и уничтожил усердно распространявшиеся наемными русскими перьями с 1856 г. по всей Европе, громко провозглашенные в 1859 г. героями декабря и благоговейно повторенные Фогтом в его «Исследованиях» лживые рассказы о наступившем при Александре II тысячелетнем царстве.

Еще до начала итальянской войны союз, заключенный — согласно *Фогту*, только в целях освобождения народностей — между «белым царем» и «рыцарем декабря», осуществил свою миссию в дунайских княжествах, где единство и независимость румынской национальности были закреплены избранием полковника Кузы в господари Молдавии и Валахии. «Австрия протестует руками и ногами, *Франция и Россия выражают одобрение*» (там же, стр. 65).

В докладной записке (перепечатана в «Preussisches Wochenblatt», 1855 г.), составленной в 1837 г. русским кабинетом для теперешнего царя, читаем: «Россия не любит *немедленно* присоединять к себе государства с чужеродными элементами... Во всяком случае, представляется более удобным государства, которые *решено* приобрести, оставлять на некоторое время под управлением особых, но совершенно зависимых правителей, как мы это сделали в Молдавии и Валахии и т. д.»... Прежде чем Россия присоединила Крым, она провозгласила его *независимость*.

В русском манифесте от 11 декабря 1814 г. мы читаем, между прочим, следующее: «Император Александр, ваш защитник, обращается к вам, поляки. Вооружитесь сами для защиты своего отечества и для сохранения своей *политической независимости*».

А Дунайские княжества! Со времени вступления армии Петра Великого в Дунайские княжества Россия заботилась о их *независимости*. На конгрессе (1737 г.) в Немирове императрица Анна потребовала от султана независимости Дунайских княжеств под русским протекторатом. Екатерина II на Фокшанском конгрессе (1772 г.)

настаивала на независимости княжеств *под европейским протекторатом*. Эти домогательства продолжались и при Александре I, который реализовал их, превратив Бессарабию в русскую провинцию (Бухарестский мир в 1812 г.). Николай даже осыпал румын через Киселева действующим еще поныне «*Règlement Organique*» [«Органическим статутом»], установившим отвратительнейшее крепостничество при ликовании всей Европы по поводу этого «кодекса свободы». Александр II только на шаг продвинул полутора-вековую политику своих предшественников *quasi*-объединением Дунайских княжеств под управлением Кузы. *Фогт* же открыл, что, благодаря этому объединению под главенством русского вассала, «княжества станут оплотом против движения России на юг» (там же, стр. 64).

Так как Россия приветствовала избрание Кузы, то ясно, как день, что благожелательный царь не пожалел сил, чтобы закрыть себе «путь на Юг», хотя «Константинополь остается всегдашней целью русской политики» (там же, стр. 91).

Мысль выставить Россию защитницей либерализма и национальных стремлений не нова. Целая толпа французских и немецких просветителей прославляли Екатерину II как знаменосца прогресса. «Благородный» Александр I («*Le grec du Bas Empire*» [византийский жулик], как неблагородно назвал его Наполеон) разыгрывал в свое время роль героя либерализма во всей Европе. Разве он не осыпал Финляндию благами русской цивилизации? Разве он не наделил, в своей великодушии, Францию, наряду с конституцией и *русским* премьер-министром, герцогом Ришелье? Разве не был он тайным вождем «Гетерии»¹, хотя одновременно с этим на Веронском конгрессе, через продажного Шатобриана, заставил Людовика XVIII выступить в поход против испанских мятежников? Разве он не втравил Фердинанда VII, через его духовника, в экспедицию против восставших испано-американских колоний, пообещав в то же время президенту Северо-Американских Соединенных Штатов свою поддержку против всякой интервенции европейских держав на американском материке? Разве он не послал в Валахию Ипсиланти в качестве «вождя священной дружины эллинов» и через того же Ипсиланти не предал эту дружину и коварно не убил Владимиреско, вождя валахских мятежников? Николая также прославляли до 1830 г. на всех языках, в стихах и прозе, в качестве героя-освободителя национальностей. Когда он в 1828—1829 гг. начал войну против

¹ Тайное греческое общество для борьбы против турецкого господства в Греции. *Ред.*

Махмуда II для освобождения *греков* — как раз после того, как Махмуд отказался пропустить русскую армию для подавления греческого восстания, — Пальмерстон заявил в английском парламенте, что враги России-освободительницы — неизбежные «друзья» величайших всемирных чудовищ, Дон Мигеля, Австрии и султана. Разве Николай, в своей отеческой заботливости о греках, не дал им в президенты русского генерала, графа Каподистрию? Но греки не были французами и убили благородного Каподистрию. Хотя Николай, со времени взрыва июльской революции 1830 г., играл главным образом роль покровителя легитимистов, но он ни на минуту не переставал оказывать содействие «освобождению национальностей». Достаточно нескольких примеров. Конституционной революцией в *Греции* в сентябре 1843 г. руководил Катакази, русский посланник в Афинах, прежде ответственный главный инспектор над адмиралом Гейденом во время наваринской катастрофы. Центром *болгарского* восстания 1848 г. было русское консульство в Бухаресте. Там русский генерал Дюгамель принял весной 1842 г. болгарскую депутацию, которой изложил план всеобщего восстания. Сербия должна была служить резервом восстания, а генерал Киселев стать господаром Валахии. Во время *сербского* восстания (1843 г.) Россия через посольство в Константинополе побуждала Турцию к насильственным мероприятиям против сербов, чтобы потом под этим предлогом апеллировать к симпатиям и фанатизму Европы против турок. Отнюдь не была исключена также и *Италия* из освободительных планов. «La jeune Italie», бывшая некоторое время парижским органом мадзинистов, рассказывает в одном из *ноябрьских* номеров 1843 г.: «Недавние беспорядки в Романье и движение в Греции были в большей или меньшей степени связаны между собой... Итальянское движение потерпело неудачу, потому что подлинно демократическая партия отказалась примкнуть к нему. *Республиканцы* не хотели *поддерживать движение*, созданное *Россией*. Все было подготовлено для всеобщего восстания в Италии. Движение должно было начаться в Неаполе, где ожидали, что часть армии встанет во главе его или же непосредственно присоединится к патриотам. Вслед за начавшейся в Неаполе революцией должны были подняться Ломбардия, Пьемонт и Романья; должно было быть основано *итальянское государство* под управлением герцога Лейхтенбергского, сына Евгения Богарне и зятя царя. *«Молодая Италия»* расстроила этот план». «Times» от 20 ноября 1843 г. замечает по поводу этого сообщения «Jeune Italie»: «Если бы эта великая цель — основание итальянского государства с русским принцем во главе — могла быть осуществлена, тем лучше; но

любой взрыв в Италии должен был дать другие, более непосредственные, хотя и не столь крупные, выгоды, вызывая тревогу у Австрии и отвлекая ее внимание от грозных (fearful) планов России на Дунае».

После безуспешного обращения в 1843 г. к «Молодой Италии» Николай в марте 1844 г. послал Бутенева в Рим. Бутенев предложил папе от имени царя уступить Австрии русскую Польшу в обмен на Ломбардию, которая должна была образовать северно-итальянское королевство с герцогом Лейхтенбергским во главе. «Tablet» от апреля 1844 г., бывший тогда английским органом при римской курии, замечает по поводу этого предложения: «Приманка для римского двора в этом прекрасном плане заключалась в том, что Польша попадала в католические руки, в то время как Ломбардия попрежнему оставалась под управлением католической династии. Но ветераны римской дипломатии понимали, что в то время, когда Австрия с трудом может сохранять свои собственные владения и, по всем вероятностям, рано или поздно должна будет уступить свои славянские провинции, передача Польши Австрии — если бы даже это предлагалось серьезно — была бы только ссудой, подлежавшей последующему возврату, между тем как Северная Италия с герцогом Лейхтенбергским действительно подпала бы под протекторат России, а вскоре неизбежно и под русское владычество. И горячо рекомендованный план был пока отложен».

Так писал «Tablet» в 1844 году.

Единственный момент, оправдывавший государственное существование Австрии с середины XVIII столетия, ее противодействие успехам России в Восточной Европе — противодействие беспомощное, непоследовательное, трусливое, но упорное — дает повод Фогту сделать открытие, что «Австрия — очаг всяких раздоров на Востоке» (там же, стр. 561). С «какой-то детской наивностью», которая так мило идет к его жирной наружности, он объясняет союз России с Францией против Австрии — помимо освободительных тенденций «благожелательного царя» — *неблагодарностью* Австрии, получившей во время венгерской революции услуги от Николая. «Даже во время Крымской войны Австрия дошла до последней границы вооруженного, враждебного нейтралитета. Само собой разумеется, что это поведение, к тому же отмеченное печатью *фальши и коварства*, должно было страшно озлобить русское правительство против Австрии и толкнуть его в сторону Франции» (там же, стр. 10, 11). Россия, по Фогту, ведет сентиментальную политику. *Благодарность*, выказанная Австрией царю за счет Германии во время Варшавского

конгресса 1850 г. и в походе против Шлезвиг-Гольштейнии, еще не удовлетворяет благодарного *Фогта*.

Русский дипломат *Поццо ди Борго* в своей знаменитой депеше из Парижа в декабре 1825 г., перечислив интриги Австрии против русских планов интервенции на Востоке, говорит: «Поэтому наша политика повелевает нам в грозном виде предстать пред этим государством (Австрией) и своими приготовлениями показать ему, что если оно осмелится сделать какое-нибудь движение против нас, то над его головой разразится самая страшная буря, которую оно когда-либо переживало». Пригрозив Австрии войной извне и революцией изнутри и предложив в качестве возможного мирного исхода захват выгодных провинций Турции, а Пруссию изобразив просто в виде подчиненного союзника России, Поццо продолжает: «Если бы венский кабинет признал наши благие цели и намерения, то давно был бы выполнен план императорского кабинета, — план, имеющий в виду не только завладение Дунайскими княжествами и Константинополем, но и изгнание турок из Европы». Как известно, в 1830 г. между Николаем и Карлом X был заключен тайный договор на следующих условиях: Франция разрешает России завладеть Константинополем и в качестве компенсации получает рейнские провинции и Бельгию; Пруссия вознаграждается Ганновером и Саксонией; Австрия получает часть турецких владений на Дунае. Тот же план, по инициативе России, был при Луи-Филиппе снова предложен Моле петербургскому кабинету. Вскоре после этого Бруннов отправился с этим документом в Лондон, где он был показан английскому правительству как доказательство предательства Франции и был использован для образования антифранцузской коалиции 1840 года.

Посмотрим теперь, как *должна была* Россия, в согласии с Францией, использовать итальянскую войну, по мысли инспирированного парижскими первоисточниками Фогта. «Национальный» состав России, в частности «польская национальность», казалось, должны были бы представить некоторые затруднения человеку, «путеводной звездой» которого служит «принцип национальности», однако: «принцип национальности мы ставим высоко, но еще выше для нас принцип свободного самоопределения» (там же, стр. 12).

Захватив по договорам 1815 г. очень большую часть *Польши*, Россия настолько продвинулась на запад, вклинившись не только между Австрией и Пруссией, но и между Восточной Пруссией и Силезией, что уже тогда прусские офицеры (например, Гнейзенау) указывали на недопустимость подобных пограничных отношений с чрезвычайно могущественным соседом. Но только тогда, когда усмире-

ние поляков в 1831 г. отдало эту область всецело в распоряжение русских, обнаружилось настоящее значение этого клина. Необходимость держать в покорности Польшу служила только предлогом для возведения мощных укреплений у Варшавы, Модлина, Ивангорода. Действительной их целью было полное стратегическое господство над областью Вислы, создание базы для наступления на север, юг и запад. Даже Гакстгаузен, при всех своих симпатиях к православному царю и всему русскому, увидел здесь вполне реальную опасность и угрозу для Германии. Укрепленная позиция русских на Висле представляет большую угрозу для Германии, чем все французские крепости, вместе взятые, особенно с того момента, когда прекратится национальное сопротивление Польши, и Россия сумеет распоряжаться военной силой Польши как своей собственной агрессивной силой. *Фогт* поэтому успокаивает Германию тем, что *Польша — русская* по свободному самоопределению.

«Несомненно, — говорит он, — несомненно в результате напряженных усилий русской народной партии пропасть, зиявшая *между Польшей и Россией*, стала значительно меньше, и, может быть, достаточно небольшого толчка, чтобы совсем засыпать ее» (там же, стр. 12). Этот небольшой толчок должна была дать итальянская война. (Но во время этой войны Александр II убедился, что Польша еще не стоит на высоте *Фогта*.) Растворившаяся на основе «свободного самоопределения» в России *Польша* в качестве центрального тела притянет по закону тяготения томящиеся под чужеземным господством отторгнутые части бывшего польского государства. Чтобы этот процесс притяжения совершался легче, *Фогт* советует Пруссии воспользоваться удобным моментом и избавиться от «славянского придатка» (там же, стр. 17), т. е. от *Познани* (стр. 97) и, вероятно, также и от *Западной Пруссии*, так как только Восточную Пруссию считают «чисто немецкой землей». Отторгнутые от Пруссии части, разумеется, сейчас же сольются с поглощенным Россией центральным телом, а «чисто немецкая земля» — Восточная Пруссия — превратится в русское «enclave»¹. Что касается, с другой стороны, *Галиции*, которая на карте «L'Europe en 1860» [«Европа в 1860 г.»] также включена в Россию, то ведь отторжение ее от Австрии составляло непосредственную цель войны, преследовавшей освобождение Германии от не-германских владений Австрии. *Фогт* вспоминает, что «до 1848 г. в Галиции чаще встречался портрет русского царя, чем австрийского императора» (там же, стр. 12) и что «при необыкновенном

¹ Enclave — область, окруженная чужими владениями. *Ред.*

искусстве России в ведении такого рода политики у Австрии могут быть серьезные основания к тревоге» (там же).

Но само собою разумеется, что для избавления от «внутреннего врага» Германия должна спокойно позволить русским «продвинуть к границе войска» (стр. 13), которые поддерживали бы эту политику. В то время как Пруссия сама отделяет свои польские провинции, Россия, воспользовавшись итальянской войной, должна отторгнуть от Австрии Галицию, как уже в 1809 г. Александр I получил часть ее в качестве платы только за свою театральную поддержку Наполеона I. Известно, что Россия отчасти от Наполеона I, отчасти от Венского конгресса с успехом добилась части польских земель, первоначально доставшихся Пруссии и Австрии. В 1859 г. наступил, по мнению *Фогта*, момент объединить всю Польшу с Россией. Вместо *освобождения польской народности* от русских, австрийцев и пруссаков *Фогт* требует *растворения и уничтожения всего прежнего польского государства в недрах России*. *Finis Poloniae!* [Конец Польши!] Эта «русская» идея о «восстановлении Польши», циркулировавшая после смерти царя Николая по всей Европе, была разоблачена уже в марте 1855 г. *Давидом Уркхартом* в памфлете «*The new hope of Poland*» [«Новая надежда Польши»].

Но *Фогт* еще недостаточно старался для России.

«Необычайная предупредительность, — рассказывает этот *любезный собеседник*, — чуть ли не братское обхождение русских с венгерскими революционерами слишком резко выделялось на фоне поведения австрийцев, чтобы не оказать своего действия. Разгромив партию (*nota bene*: Россия, по *Фогту*, разгромила не Венгрию, а партию), но обращаясь с ней мягко и вежливо, Россия создала почву для общественного мнения, которое можно примерно выразить так: из двух зол приходится выбирать меньшее, и в данном случае Россия не большее зло» (там же, стр. 12, 13).

С какой «необыкновенной предупредительностью, мягкостью и вежливостью», даже «братскими чувствами», плон-плонковский Фальстаф вводит русских в Венгрию, становясь «каналом» иллюзии, о которую разбилась венгерская революция 1849 года! Это была партия *Гергея*, которая распространяла тогда веру в русского князя как в будущего короля Венгрии и этой верой сломила силу сопротивления венгерской революции *.

* «Несчастьем венгров», — говорит польский полковник Лапинский, дравшийся против русских сперва, до сдачи Коморна, в венгерской революционной армии, а затем в Черкесии, — несчастьем венгров было то, что они не знали русских» (*Theophil Lapinski, Feldzug der ungarischen Hauptarmee im Jahr*

Не имея особенной опоры ни в одной национальности, Габсбурги до 1848 г., естественно, основывали свое господство над Венгрией на господствующей национальности — на *мадьярах*. Между прочим, Меттерних был вообще величайшим охранителем национальностей. Он пользовался одной национальностью во зло другой, но он ими для этой цели пользовался. Он их поэтому сохранял. Достаточно сравнить Познань и Галицию. После революции 1848—1849 гг. габсбургская династия, при помощи славян разбившая мадьяр и немцев, пыталась, подражая Иосифу II, насильственно придать немецкому элементу господствующее значение в Венгрии. Из страха перед Россией Габсбурги не осмеливались броситься в объятия своим спасителям, славянам. Вся их государственная реакция в Венгрии была направлена больше против их спасителей, славян, чем против их побежденных врагов, мадьяр. В борьбе со своими собственными спасителями австрийская реакция, как это показал *Семере* в своем памфлете «Hungary 1848—1860», London [«Венгрия в 1848—1860 гг.», Лондон], гнала славян обратно под мадьярские знамена. Австрийское господство над Венгрией и господство мадьяр в Венгрии совпадали между собой как *до*, так и *после* 1848 года. Совсем другое дело Россия, независимо от того, господствует ли она в Венгрии непосредственно или посредством. Если считать все родственные ей по происхождению и по религии элементы, то Россия имеет за собой *не-мадьярское большинство* населения. Мадьярская раса уступает численно родственным России по происхождению славянам и родственным ей по религии валахам. Поэтому русское господство в Венгрии равносильно *гибели венгерской национальности*, т. е. исторически связанной с господством мадьяр Венгрии *.

1849. Hamburg». 1859, S. 216 [Т. Лапинский, Поход венгерской главной армии в 1849 г., Гамбург 1859 г.]. «Венский кабинет был всецело в руках русских... по их совету были убиты главари... всяческими способами снискивая себе симпатии, русские руководили с таким расчетом Австрией, чтобы сделать ее более ненавистной, чем она когда-либо была» (там же, стр. 188, 189).

* Генерал *Мориц Перцель*, прославившийся в венгерской революционной войне, еще во время итальянской кампании отделился от группировавшихся вокруг Кошута в Турине венгерских офицеров, разъяснив в публичном заявлении мотивы своего ухода: с одной стороны, Кошут, ставший каким-то бонапартистским пугалом, а с другой, — перспектива *русского* будущего Венгрии. В ответе (датированном *Сент-Элье, 19 апреля 1860 г.*) на одно из моих писем, где я просил уточнить его заявления, он, между прочим пишет: «Я никогда не стану помогать вырывать Венгрию из когтей двуглавого орла только для того, чтобы передать ее потом в *смертоносные объятия* северного медведя».

Фогт предоставляет *полякам* в порядке «свободного самоопределения» раствориться в *России*, а *венгерцам*, в порядке подчинения русскому господству, погибнуть в *славянстве* *.

Но *Фогт* все еще мало постарался для России.

Среди «вненемецких провинций» Австрии, за которые немецкий Союз не «обнажит меча» против Франции и России, «стоящей всецело на стороне Франции», находились не только Галиция, Венгрия, Италия, но и *Богемия с Моравией*. «Россия, — говорит Фогт, — представляет тот опорный пункт, вокруг которого все более и более стремятся сосредоточиваться славянские народности» (там же, стр. 91). Богемия и Моравия принадлежат к «славянским народностям». Подобно тому как Московия развернулась в Россию, так Россия должна развернуться в Панславонию. «Имея чехов под боком, мы не устоим ни перед каким врагом» (там же, стр. 134). Мы, т. е. Германия, должны стараться избавиться от чехов, т. е. Богемии и Моравии. «Никакой гарантии для вненемецких владений государей!» (там же, стр. 133). «Никаких вненемецких провинций больше в Союзе» (там же), а только немецкие провинции во Франции! Поэтому нужно «предоставить свободу действий не только теперешней французской империи, пока она не посягает на территорию германского союза» (стр. 9,

* *Кошут* никогда не заблуждался насчет правильности развитых выше соображений. Он знал, что *Австрия* может жестоко обращаться с Венгрией, но не способна уничтожить ее. «Император Иосиф II, — пишет он великому визирю Решид-паше из Кутаи 15 февраля 1851 г., — единственный гениальный человек из дома Габсбургов, истощил все исключительные ресурсы своего редкого ума и популярных тогда еще представлений о мощи его династии, чтобы германизировать Венгрию и растворить ее в объединенном государстве, но Венгрия вышла из борьбы с обновленными жизненными силами... В последнюю революцию Австрия поднялась из праха лишь для того, чтобы упасть на колени перед царем, своим господином, который никогда не оказывает помощи, а всегда эту помощь *продает*. И дорого Австрия должна была заплатить за эту помощь». («Correspondence of Kossuth», p. 33 [«Переписка Кошута»]). В том же письме он, с другой стороны, пишет, что, только объединившись, Турция и Венгрия могут разрушить *панславистские козни* России. Он писал Давиду Уркарту из Кутаи 17 января 1851 г.: «*We must crush Russia, my dear Sir! and, headed by you, we will! I have not only the resolution of will, but also that of hope! and this is no vain word, my dear Sir, no sanguine fascination; it is the word of a man, who is wont duly to calculate every chance: of a man though very weak in faculties, not to be shaken in perseverance and resolution etc.*» (I. c., стр. 39). [«Мы должны сокрушить Россию, дорогой друг! и под Вашим руководством мы ее сокрушим. Я не только исполнен решимости, но и надежды! — и это не пустая фраза, дорогой друг, не фантазия сангвиника; это — слово человека, привыкшего тщательно взвешивать все шансы; человека, хотя и очень слабых способностей, но непоколебимого, выдержанного и решительного и т. д.).

предисловие), но и *России*, пока она посягает только на «*вненемецкие провинции в Союзе*». Россия будет содействовать развитию «единства» и «национальности» Германии, посылая войска в «славянские придатки» Австрии, составляющие объект ее «интриг». В то время как Австрия будет занята в Италии Луи Бонапартом, а Пруссия будет держать в ножнах союзный немецкий меч, «благожелательный царь» будет тайно поддерживать деньгами, оружием и аммуницией революции в *Моравии* и *Богемии* (там же, стр. 11).

А с «чехами под боком мы ни перед каким врагом не устоим»!

Как великодушно со стороны «благожелательного царя», что он освобождает нас от Богемии и Моравии с их чехами, которые, разумеется, «в качестве славянских народностей, должны группироваться вокруг России».

Но посмотрим, как наш имперский Фогт, включая Богемию и Моравию в Россию, защищает немецкую восточную границу. Богемия становится русской! Но Богемия лежит посреди Германии, отделенная от русской Польши Силезией, а от руссифицированной *Фогтом* Галиции и Венгрии — руссифицированной Фогтом Моравией. Таким образом, Россия получает часть территории германского Союза длиной в 50, а шириной в 25 — 35 немецких миль. Она продвинет свою западную границу на целых 65 немецких миль к западу. Но так как от Эгера до Лаутербурга в Эльзасе по прямой линии только 45 немецких миль, то французским клином, с одной стороны, а еще более русским клином, Северная Германия была бы совершенно отрезана от южной, и *раздел Германии был бы готов*. Прямая дорога из Вены в Берлин — и даже из Мюнхена в Берлин — проходила бы *через Россию*. Дрезден, Нюрнберг, Регенбург, Линц были бы нашими пограничными с Россией городами; наше положение на юге относительно славян было бы по меньшей мере таким, как до Карла Великого (в то время как на западе Фогт не позволяет нам отступить до Людовика XV), и мы могли бы вычеркнуть тысячу лет из нашей истории.

Для чего послужила Польша, еще больше может послужить Богемия. Достаточно превратить Прагу в укрепленный лагерь и возвести вспомогательные укрепления у впадения Молдавы и Эгера в Эльбу, — и русская армия в Богемии может спокойно ожидать уже порознь приближающиеся немецкие армии из Баварии, Австрии, Бранденбурга, чтобы более сильные встретить крепостями, а более слабые разбить поодиночке.

Посмотрим на лингвистическую карту Центральной Европы — возьмем, например, славянский авторитет, *slovansky zemêvid* Шафарика. Здесь граница славянских языков тянется от померанского

побережья у Штольпа через Цастров к югу от Ходциены у Нетцы и затем идет к западу до Мезерица. Отсюда она круто поворачивает к юго-западу. Здесь массивный немецкий силезский клин врезается глубоко между Польшей и Богемией. В Моравии и Богемии снова славянский язык продвигается далеко на запад; правда, в него врезаются со всех сторон немецкие элементы, и он усажен немецкими городами и островками немецкого языка, да и на севере вся нижняя Висла и лучшая часть Восточной и Западной Пруссии—немецкие и выдвигаются вперед неблагоприятно для Польши. Между самым западным пунктом польского языка и самым северным пунктом богемского языка тянется вендско-лужицкий остров посреди немецкой (языковой) области и при этом почти отрывает Силезию.

Для русского панслависта *Фогта*, имеющего в своем распоряжении Богемию, не может быть даже вопроса, где проходит естественная граница славянского государства. От Мезерица она идет прямо на Либерозе и Люббе, затем к югу от пересечения Эльбой богемских пограничных гор и следует далее к западной и южной границе Богемии и Моравии. Далее к востоку идет славянский элемент; несколько немецких и иных земель, вкрапленных в славянскую область, не могут долее препятствовать развитию великого славянского целого; они и без того не имеют права существовать там, где они находятся. Раз взята такая «панславистская установка», то само собою разумеется, что и на юге необходимо аналогичное исправление границ. Здесь также незванный немецкий клин въехал между северными и южными славянами и занял Дунайскую долину и Штирийские Альпы. *Фогт* не может допустить этого клина и вполне последовательно присоединяет к России Австрию, Зальцбург, Штирию и немецкие части Каринтии. Что при этом установлении славяно-русского государства на испытаннейших началах «принципа национальностей» России перепадают еще несколько мадьяр и румын вместе с различными турками (ведь «благожелательный царь», покоряющий Черкесию и истребляющий крымских татар, также ведь работает во славу «принципа национальностей»!) в наказание за то, что они вклинились между северными и южными славянами, это *Фогт* разъяснил уже в пику Австрии.

Мы, немцы, при этой операции ничего не теряем, кроме Восточной и Западной Пруссии, Силезии, части Бранденбурга и Саксонии, всей Богемии, Моравии и остальной Австрии, исключая Тироля (часть которого, по «принципу национальностей», достается Италии), — ничего, кроме этого, и нашего национального существования в придачу!

Но остановимся пока на вопросе, почему Галиции, Богемии и Моравии быть *русскими*!

При таком положении вещей Немецкая Австрия, Юго-западная Германия и Северная Германия никогда не могли бы действовать совместно, разве только — и это было бы неизбежно — *под русской гегемонией*.

Фогт заставляет нас, немцев, петь то, что распевали в 1815 г. его парижане:

Vive *Alexandre*,
Vive le *roi des rois*,
Sans rien *prétendre*,
Il nous donne *des lois*.
[Александр царь — ура!
Он король над королями
И, законы нам даря,
Не грозит цепями.]

Итак, *фогтовский* «принцип национальностей», который он в 1859 г. хотел осуществить путем союза между «белым ангелом Севера» и «белым ангелом Юга», должен был, по его *собственному* мнению, выразиться прежде всего в растворении польской национальности, гибели мадьярской и исчезновении немецкой — в *недрах русской национальности*.

Я на этот раз не упоминал его первоисточников, памфлетов Дантю, я приберегал одну *единственную* убедительную цитату в доказательство того, как во всем, на что он здесь наполовину намекает и что наполовину выбалтывает, выполняется лозунг, данный из Тюильри. В номере «*Pensiero ed Azione*» от 2—16 мая 1859 г., в котором *Мадзини* предсказывает происшедшие потом события, он замечает, между прочим, что первый пункт заключенного между Александром II и Луи Бонапартом союза гласил: «*abbandono assoluto della Polonia*» (полный отказ от Польши со стороны Франции, что *Фогт* переводит через «окончательное заполнение пропасти, зияющей между Польшей и Россией»). «*Che la guerra si prolunghi e assuma... proporzioni europee, l'insurrezione delle provincie oggi turche preparata di lunga mano e quelle dell' Ungheria, daranno campo all' Alleanza di rivelarsi... Principi russi governerebbero le provincie che surgerebbero sulle rovine dell' Impero Turco e dell' Austria... Constantino di Russia è già proposto ai malcontenti ungheresi*». (См. «*Pensiero ed Azione*» от 2—16 мая 1859 г.) [«Если же война затянется и примет европейские размеры, то подготовляемое уже издавна восстание теперешних турецких провинций и Венгрии даст союзу повод снять с себя маску... Во

главе государств, которые образуются на развалинах Турции и Австрии, встанут русские князья... Великий князь Константин уже был предложен венгерским оппозиционерам.]

* * *

Но *руссифильство Фогта* — только второстепенного порядка. В этом пункте он только следует данному из Тюильри лозунгу, старается подготовить Германию к маневрам, о которых сталкивались между собой Александр II и Луи Бонапарт на случай известного оборота войны с Австрией, и на деле только рабски повторяет панславистские фразы своего парижского первоисточника. Собственно его дело — петь «Песнь о Людвиге»:

Einan kùning wèiz ih, hèizit hêr Hlûdowig
ther gêrno Gôde (i. e. den Nationalitäten) dionôt.

[Короля, я знаю, Хлудвиком зовется;

богу (т. е. национальностям) очень ревностно он служит.]

Мы слышали раньше, как *Фогт* восхвалял Сардинию за то, что она *«заслужила даже уважение России»*. Теперь параллель. «Об Австрии, — говорит он, — в заявлениях (Пруссии) нет речи... Такой же характер имели бы заявления в случае перспективы войны между Северной Америкой и Кохинхиной. Но преимущественно подчеркиваются немецкое призвание Пруссии, немецкие обязанности, старая Пруссия. Поэтому Франция (а по данному им на стр. 27 разъяснению о Франции: «Франция резюмируется теперь только в особе своего властелина») *расточает похвалы через «Moniteur» и другие органы печати*. Австрия неистовствует» («Исследования», стр. 18).

«Что Пруссия правильно понимает свое *«немецкое призвание»*, следует из *расточаемых* по ее адресу Луи Бонапартом через «Moniteur» и остальную декабристскую печать *похвал*. Какая спокойная наглость! Вспомним, как у Фогта из деликатности к «белому ангелу Севера» одна Австрия нарушает договоры 1815 г. и одна захватывает Краков. Такую же дружескую услугу он оказывает теперь «белому ангелу Юга».

«Это церковное государство, в отношении республики которого (республика церковного государства!) *Кавеньяк*, представитель доктринерской республиканской партии и военное подобие Гагерна (тоже параллель!), совершил гнусное *народоубийство* (совершить народоубийство в отношении республики государства!), которое, однако, не помогло ему на выборах в президенты» (там же, стр. 63).

Итак, *Кавеньяк*, а не *Луи Бонапарт*, совершил «гнусное народо-

убийство» в отношении *римской республики*. Кавеньяк действительно послал в ноябре 1848 г. военную эскадру в Чивита-Веккию для личной охраны папы. Но лишь в следующем году, лишь через много месяцев после того, как Кавеньяк уже покинул пост президента, лишь 9 февраля 1849 г. была отменена светская власть папы и *была провозглашена республика в Риме*, и Кавеньяк не мог уничтожить республику, не существовавшую в его правление. Луи Бонапарт послал 22 апреля 1849 г. генерала Удино с 14 000 человек в Чивита-Веккию, выманив у Национального собрания необходимые для экспедиции против Рима деньги после неоднократных торжественных заверений, что он имеет в виду лишь помешать предполагаемому Австрией вторжению в Римскую область. Как известно, началом парижской катастрофы 13 июля 1849 г. послужило решение Ледрю Роллена и Горы отомстить за «гнусное народоубийство» в Римской республике и в то же время «гнусное нарушение французской конституции» и «гнусное нарушение постановления Национального собрания» *путем привлечения к законной ответственности виновника* всех этих гнусных деяний *Луи Бонапарта*. Мы видим, как «гнусно», как нагло фальсифицирует историю презренный сикофант государственного переворота *Карл Фогт*, чтобы поставить вне всяких подозрений призывание «Хлудовика» быть освободителем национальностей вообще и Италии в частности.

Фогт вспоминает из «*Neue Rheinische Zeitung*», что во Франции класс мелких крестьян вместе с классом люмпен-пролетариата образует единственную основу *bas empire* [поздней империи]. Он это преподносит в следующем виде:

«У теперешней империи нет сторонников среди интеллигенции, нет единомышленников среди французской буржуазии; за ней *стоят* только две массы, армия и сельский пролетариат, *не умеющий ни читать, ни писать*. Но они составляют $\frac{9}{10}$ населения, заключая в себе мощно организованное орудие, которым можно сокрушить сопротивление, и *толпу илотов ипотечной задолженности*, ничего не имеющих, кроме *избирательного бюллетеня*» (стр. 25).

Внегородское население Франции, включая и армию, едва составляет $\frac{2}{3}$ всего населения. *Фогт* превращает неполные $\frac{2}{3}$ в $\frac{9}{10}$. Все внегородское французское население, из которого примерно $\frac{1}{5}$ состоит из зажиточных собственников и еще $\frac{1}{5}$ из безземельных, он превращает вместе и в отдельности в мелких крестьян, «илотов ипотечной задолженности». Наконец, он упраздняет во Франции, вне городов, всякое умение читать и писать. Как прежде историю, он фальсифицирует теперь статистику, чтобы расширить

пьедестал для своего героя. Теперь на этот пьедестал ставится сам герой.

«Франция фактически резюмируется теперь исключительно только в особе своего властелина, о котором Массон (тоже авторитет) сказал, что «он обладает в крупном масштабе способностями государственного деятеля и монарха, непоколебимой волей, верным тактом, твердой решимостью, сильным сердцем, возвышенным, смелым умом и исключительной смелостью» (там же, стр. 27).

Wie saeclliche stât im an
allez daz, daz êr begât!
wie gâr sîn lîp ze wunsche stât!
wie gënt im so geliche inein
die finen keiserlichen bein».

(Tristan.)

[Во всех движениях его
Найдется ли какой изъян?
Его изящный, тонкий стан
И стройность аугустейших ног
Кто б описать словами мог?

(Tristan.)]

Фогт вырывает у своего Массона кадило, чтобы самому размахивать им. К массоновскому каталогу добродетелей он присоединяет: «холодную расчетливость», «мощную способность комбинировать», «мудрость змия», «упорное терпение» (стр. 28) и затем лепечет, как Тацит передней: «*Происхождение этой власти — ужас*», что, во всяком случае, — бессмыслица. Он должен шутовскую фигуру своего героя мелодраматически представить великим человеком, и вот «Napoléon le Petit» [«Маленький Наполеон»] превращается в этого «рокового человека» (там же, стр. 38).

«Если текущие обстоятельства,—воскликает Фогт,— и ведут к перемене (как скромно, к перемене!) в его (рокового человека) правлении, то мы, со своей стороны, не преминем выразить горячее пожелание успеха, хотя в настоящий момент перед нами нет такой перспективы» (там же, стр. 29). Насколько серьезны виды этого теплого малого с его затаенным пожеланием успеха, видно из следующего:

«Но внутреннее положение при продолжающемся мире будет поэтому с каждым днем становиться все более неустойчивым, так как французская армия гораздо теснее связана с партиями интеллигенции, чем, например, в немецких государствах, в Пруссии и Австрии; именно эти партии находят отклик среди офицерства, и, таким образом, в один пре-

красный день *единственная опора* власти может ускользнуть из рук императора» (стр. 27).

Итак, «*внутреннее положение*» становилось при «*п р о д о л ж а ю щ е м с я м и р е с к а ж д ы м д н е м в с е б о л е е ш а т к и м*». Поэтому Фогт должен был постараться облегчить Луи Бонапарту *нарушение мира*. Армия, «единственная активная опора» его «власти», угрожала «ускользнуть» у него из рук. Поэтому Фогт доказывал, что задача Европы заключается в том, чтобы снова привязать «французскую армию» к Луи Бонапарту при помощи «локализованной» итальянской войны. Действительно, в конце 1858 г. роль Баденге, как непочтительно называют парижане «племянника своего дяди», казалось, должна была притти к ужасному концу. Всеобщий торговый кризис 1857—1858 гг. парализовал французскую промышленность*. Маневры правительства помешать обострению кризиса придали ему хроническую форму, так что застой во французской торговле затянулся до начала итальянской войны. С другой стороны, хлебные цены в 1857—1859 гг. упали так низко, что на различных *congrès agricoles* [сельскохозяйственных съездах] стали громко раздаваться жалобы, что французское земледелие при низких ценах на хлеб и при высоких налогах становится невозможным. Смехотворная попытка Луи Бонапарта искусственно поднять хлебные цены путем указа, предписывающего пекарям во всей Франции завести хлебные амбары, выдавала только беспомощное замешательство его правительства.

Внешняя политика режима государственного переворота показала только ряд неудачных попыток разыгрывать Наполеона — одни только наскоки, постоянно оканчивавшиеся официальным отступлением. Такова его интрига против Американских Соединенных Штатов, маневр с целью возобновить торговлю невольниками, мелодраматические угрозы по адресу Англии. Наглые выходки, которые позволял себе тогда Луи Бонапарт по отношению к Швейцарии, Сардинии, Португалии и Бельгии — хотя в Бельгии он не мог даже помешать укреплению Антверпена, — еще ярче подчеркивали его фиаско перед великими державами. В английском парламенте «*Napoléon le Petit*» [«Маленький Наполеон»] стало ходячим словечком, а «*Times*» в заключительных статьях за 1858 г. в насмешку переименовал «железного человека» в «гуттаперчевого человека». Между тем, гранаты

* На самом деле именно промышленное процветание и поддерживало так долго режим Луи Бонапарта. Вследствие новых открытий золота в Австралии и Калифорнии и их влияния на мировой рынок французский экспорт более чем удвоился и достиг неслыханного размаха. Вообще февральская революция в последнем счете разбилась о Калифорнию и Австралию.

Орсини, точно молнией, осветили внутреннее положение Франции. Оказалось, что режим Луи Бонапарта все так же еще непрочен, как и в первые дни государственного переворота. «*Lois de sûreté publique*» [законы общественной безопасности] изобличали всю его изолированность. Ему пришлось переуступить власть своим собственным генералам. Неслыханное дело — Франция была разделена, по испанской традиции, на пять генерал-губернаторств. С учреждением регентства Пелисье был фактически признан высшей властью Франции. Между тем возобновленный *terreur* [террор] не внушал страха. Не страшным, а только смешным казался голландский племянник Аустерлицкой битвы. Монталамбер мог разыгрывать в Париже Хемдена [Hampton], Беррье и Дюфор выбалтывать в своих судебных речах надежды буржуазии, Прудон в Брюсселе прокламировать луи-филиппизм с *acte additionnel* [дополнительным актом], между тем как сам Луи Бонапарт разбалтывал перед всей Европой о растущей мощи Марианны. Во время шалонского восстания офицеры, услышав о провозглашении республики в Париже, вместо того, чтобы броситься на мятежников, сперва предупредительно справились в префектуре, действительно ли провозглашена в Париже республика, — убедительное доказательство, что даже армия рассматривала реставрированную империю как пантомиму, заключительная сцена которой приближается. Скандальные дуэли заносчивых офицеров в Париже одновременно со скандальными биржевыми крахами, которыми были скомпрометированы главари банды 10 декабря! Падение в Англии кабинета Пальмерстона из-за союза с Луи Бонапартом! Наконец, государственная казна, которую можно было восполнить только в порядке экстраординарных мер! — Таково было положение *bas empire* [поздней империи] в конце 1858 года. Падала поддельно-мишурная империя, смехотворный фарс наполеоновской империи должен был кончиться *внутри* границ, установленных договорами 1815 года. Но для этого требовалась *локализованная война*. Одной перспективы войны с Европой было бы тогда достаточно, чтобы вызвать взрыв во Франции. Всякий ребенок понимал, что сказал Хорсман в английском парламенте: «Мы знаем, что Франция будет поддерживать своего императора, пока наши колебания обеспечивают успех его внешней политике, но мы имеем основания думать, что она его покинет, как только мы окажем ему решительное противодействие». Все склонялось к тому, чтобы *локализовать* войну, т. е. вести ее с верховного разрешения Европы. Самое Францию нужно было рядом лицемерных мирных переговоров и их повторных неудач постепенно подготовить к войне. Но и здесь Луи Бонапарт попал в

просак. Английский посол в Париже лорд Каули отправился в Вену с предложениями, составленными Луи Бонапартом и одобренными английским кабинетом (Дерби). Там (см. цитированную выше Blue Book [Синюю книгу]) эти предложения, под давлением Англии, были неожиданно приняты. Не успел Каули вернуться в Лондон с сообщением о мирном разрешении, как тут же неожиданно пришло известие, что Луи Бонапарт отказался от своих собственных предложений и согласился на предложенный Россией конгресс для принятия мер против Австрии. Только благодаря вмешательству России война стала возможна. Если бы Россия не нуждалась больше в Луи Бонапарте для выполнения своих планов — для того ли, чтобы *провести их совместно с Францией*, или для того, чтобы *с помощью французских ударов превратить Австрию и Пруссию в свои безвольные орудия*, — Луи Бонапарт был бы низложен уже тогда. Но, несмотря на тайную поддержку России, несмотря на обещания Пальмерстона, который одобрил в Компьене пломбьерский заговор, все зависело от поведения Германии, так как, с одной стороны, в Англии у власти еще было министерство ториев, с другой же стороны, в перспективе европейской войны, тогдашнее глухое недовольство Франции бонапартистским режимом могло быть доведено до взрыва.

Сам Фогт выбалтывает, что он запел свою «Песнь о Людвиге» не из сочувствия к Италии и не из страха перед трусливым, консервативным, столь же беспомощным, как и грубым деспотизмом Австрии. Более того, если бы, по его мнению, Австрия — которая, кстати сказать, была *вынуждена* начать военные действия — даже немедленно победила в Италии, то *«во всяком случае во Франции вспыхнула бы революция, рухнула бы империя, и новое будущее предстало бы перед страной»* (там же, стр. 131). Он думал, что, «в конце концов, австрийские войска не устояли бы перед освобожденными силами французского народа» (там же), что «победоносное австрийское оружие в революции Франции, Италии и Бельгии само создало бы себе противника, которым оно, наверное, было бы уничтожено». Но Фогту было важно не Италию освободить от Австрии, а Францию подчинить Луи Бонапарту.

Нужно ли еще больше доказывать, что Фогт был лишь одним из бесчисленных рупоров, которыми шутовской чревоушатель из Тюильри пользовался для вещания на чужих языках?

Надо вспомнить, что в тот момент, когда Луи Бонапарт впервые открыл свое призвание к освобождению национальностей вообще и Италии в частности, во Франции разыгрывалась небывалая в ее

истории драма. Вся Европа поражалась упорной настойчивости, с которой она отвергала «les idées napoléoniennes» [«наполеоновские идеи»]. Энтузиазм, с которым приветствовали заверения Морни о мире даже «chiens savants» [«ученые собаки»] Законодательного корпуса; недовольный тон «Moniteur», каким он школил нацию то по поводу того, что она погрязла в материальные интересы, то за недостаток патриотической энергии и за сомнения в политической мудрости и талантах Баденге как полководца; успокоительные официальные messages [послания] ко всем торговым палатам Франции; императорское заверение, что «étudier une question n'est pas la créer» [«изучать вопрос не значит его создавать»], — все это еще свежо в памяти всех. Английская печать, пораженная этой необычной драмой, была полна благомыслящим вздором о пацифистском перерождении характера французов, биржа трактовала вопрос, быть или не быть войне, как дуэли между Луи Бонапартом, желавшим войны, и народом, не желавшим ее, и держали пари о том, кто победит, нация или «племянник своего дяди». Для изображения тогдашнего положения я приведу лишь несколько мест из «London Economist», который, в качестве органа Сити, провозвестника итальянской войны и детища Вильсона (недавно умершего канцлера казначейства Индии и орудия Пальмерстона), пользовался большим весом: «Встревоженное вызванным им колоссальным возбуждением, французское правительство прибегло теперь к системе успокоения» («Economist», 15 января 1859 года). В номере от 22 января 1859 г., в статье, озаглавленной: «*Практические границы императорской власти во Франции*», «Economist» говорит:

«Будут ли выполнены планы императора насчет войны в Италии или нет, но *одно*, по крайней мере, бесспорно — его планы натолкнулись на сильное и, повидимому, неожиданное сопротивление в настроениях французского народа, который оказал им ледяной прием, не проявил к ним какой бы то ни было симпатии... Он предлагает войну, а французский народ проявляет лишь тревогу и недовольство, государственные бумаги падают, страх перед сборщиком податей гасит всякую искру воинственного и политического энтузиазма, коммерческая часть нации охвачена паникой, сельские округа недовольны и безмолвствуют в страхе перед новыми наборами и новыми поборами; политические круги, которые оказывали самую сильную поддержку императорскому режиму, как *pis aller* [крайнее средство] против анархии, по тем же самым основаниям высказываются против войны; словом, ясно, что Луи Бонапарт неожиданно для себя обнаружил во всех классах населения широкую и глубокую оппозицию про-

тив войны, даже войны за Италию, оппозицию, о которой он не подозревал» *.

Впритовес этим народным настроениям была выпущена та часть памфлетов Дантю, которая «именем народа» требовала от «императора» «помочь, наконец, Франции величественно расширить ее границы от Альп до Рейна» и не ставить больше препятствий «воинственному духу» и «стремлению народа к освобождению национальностей». Фогт в одну дудку играет с проститутками декабря. В тот самый момент, когда в Европе вызывает удивление настойчивое стремление к миру со стороны Франции, Фогт делает открытие, что *«теперь подвижный народ (французы), повидимому, обуреваем воинственными настроениями»* (стр. 29, 30) и что Хлудовик только следует «господствующим течениям», стремящимся именно к «независимости национальностей» (стр. 31). Разумеется, он *ни слову* не верил из того, что писал. В своей *«Программе»*, призывавшей демократов к сотрудничеству в его бонапартистской пропаганде, он подробно рассказывает, что итальянская война *непопулярна* во Франции. *«На первое время я не вижу никакой опасности для Рейна; но она может наступить впоследствии, война там или в Англии может сделать Наполеона очень популярным, война же в Италии не обладает этой популярностью»* (стр. 34 «Главной книги», документы) **.

Если одна часть издававшихся у Дантю оригинальных памфлетов старалась вывести французский народ из его «мирно-летаргического состояния» традиционными завоевательными фантомами и вложить в уста нации частные желания Луи Бонапарта, то задачей другой части, с «Moniteur» во главе, было убедить прежде всего Германию, что император питает отвращение к приобретению земель

* Лорд Челси, заменявший в Париже лорда Каули в его отсутствие, пишет: «The official disavowal (в «Moniteur» от 4 марта 1859 г.) of all warlike intentions on the part of the Emperor, this Imperial message of peace, has been received by all classes of Paris with feelings of what may be called exultation» (№ 88 Синей книги об итальянских делах, январь — май 1859 г.) [Официальный отказ от каких бы то ни было воинственных намерений со стороны императора, это мирное послание императора было воспринято всеми классами с необычайным энтузиазмом].

** *Nota bene.* В своих *«Исследованиях»* он, вместе с «Moniteur» и своими первоисточниками, памфлетами Дантю, повторяет, «что своеобразный каприз судьбы заставляет этого человека (Луи Бонапарта) выступить в первых рядах в качестве *освободителя национальностей*» (стр. 35), что «следует оказывать *содействие* этой политике, пока она держится в рамках освобождения национальностей», и «ждать, пока *это освобождение последует через этого рокового человека*» (стр. 36). В *Программе* же к господам демократам мы, наоборот, читаем: «Мы можем и должны *предостерегать от помощи такого человека*» (стр. 34 «Главной книги», документы).

и что его идеальное призвание — быть мессией — освободителем национальностей. Доказательства бескорыстия его политики, с одной стороны, и его стремления к освобождению национальностей, — с другой, легко запомнить, так как они постоянно повторяются и всегда вертятся вокруг двух основных пунктов. Доказательство бескорыстия декабристской политики — *Крымская война*; доказательство стремления к освобождению национальностей — *полковник Куза и румынская национальность*. Тон здесь непосредственно задавал «Moniteur» (см. «Moniteur» от 15 марта 1859 г. о *Крымской войне*). «Moniteur» от 10 апреля 1859 г. пишет о *румынской национальности* следующее: «Она (Франция) желает, чтобы в Германии, как и в Италии, признанные договорами национальности сохранились и даже усилились. Что же касается *Дунайских княжеств*, то он (император) взял на себя труд содействовать торжеству законных желаний этих провинций, чтобы и в этой части Европы обеспечить порядок, основанный на национальных интересах». См. также появившийся в начале 1859 г. у Дантю памфлет: «Napoléon III et la Question Roumaine» [«Наполеон III и румынский вопрос»]. Относительно *Крымской войны*: «Наконец, каких компенсаций потребовала Франция за пролитую ею кровь и за потраченные ею исключительно в европейских интересах миллионы на Востоке?» (стр. 13 «La vraie question» [«Сущность вопроса»], Париж, Дантю, 1859 г.). Эту разработанную на бесконечные лады в Париже тему Фогт изложил на немецком языке так удачно, что Э. Абу, болтливая сорока бонапартизма, повидимому, перевел на французский язык немецкий перевод Фогта. См. «La Prusse en 1860» [«Пруссия в 1860 году»]. И здесь нас снова преследует *Крымская кампания и румынская национальность под управлением полковника Кузы*.

«Но одно, во всяком случае, мы знаем», — повторяет Фогт за «Moniteur» и памфлетами Дантю, — что Франция не завоевала и пяди земли (в Крыму) и что дядя после *победоносного похода* не удовлетворялся бы тощим результатом установленного превосходства в военном искусстве» («Исследования», стр. 33). «Здесь обнаруживается *существенное* отличие от старой наполеоновской политики» * (там же).

* Даже фразеологию освобождения национальностей «Napoléon le Petit» [Маленький Наполеон] скопировал у настоящего Наполеона. Например, в мае 1809 г. Наполеон выпустил из Шенбрунна прокламацию к *венгерцам*, в которой между прочим сказано: «Венгерцы! Настал момент для восстановления вашей *независимости*... Я ничего не требую от вас. Я желаю только видеть вас *свободным и независимым народом*. Ваша связь с Австрией была вашим проклятием и т. д.». 16 мая 1797 г. Бонапарт заключил с Венецианской республикой договор, первый пункт которого гласил: «Впредь между Францией и Венецианской республикой

Как будто Фотт обязан нам доказывать, что «Napoléon le Petit» не настоящий Наполеон! Фотт мог бы с тем же правом предсказать в 1851 г., что племянник — которому нечего было противопоставить первой итальянской кампании и египетской экспедиции, кроме своей страсбургской авантюры, экспедиции в Булонь и шутовского парада в Сатори, — никогда не станет подражать 18 брюмера и тем менее когда-либо наденет на себя императорскую корону. Тут было, однако, «существенное отличие от старой наполеоновской политики». Вести войну против европейской коалиции и вести ее с разрешения европейской коалиции — таково было другое отличие.

«Славная Крымская кампания», в которой объединенные силы Франции, Англии, Турции и Сардинии после двух лет «завоевали» половину русской крепости, потеряв взамен ее в пользу России целую

должны царить мир и доброе согласие». Цели, которые он преследовал этим миром, он раскрыл французской директории три дня спустя тайной депешей, начинавшейся словами: «Вместе с этим вы получите договор, заключенный мной с республикой Венеции, в силу которого генерал Барага д'Илье, во главе 16 000 солдат, занял город. Этим миром я преследовал разные цели». В качестве последней цели он приводит: «заглушить все разговоры, какие могут возникнуть в Европе, так как теперь может казаться, что занятие нами Венеции — временная операция, которой усердно добивались *сами венецианцы*». Еще два дня спустя, 26 мая, Бонапарт писал муниципалитету Венеции: «Заключенный в Милане договор может быть пока подписан муниципалитетом, тайные пункты — тремя его членами. Я всегда буду делать все, что будет в моих силах, чтобы дать вам доказательство моего желания укрепить *ваши свободы* и увидеть, наконец, как несчастная Италия, свободная и независимая от всех чужестранцев, займет на мировой арене подобающее ей место». Несколько дней спустя он пишет генералу Барага д'Илье: «По получении сего заявите к временному правительству Венеции и объясните ему, что в согласии с принципами, соединяющими теперь республики Францию и Венецию, и в интересах защиты, которую Французская республика оказывает Венецианской, необходимо, чтобы флот республики был поставлен на внушающую уважение высоту. *Под этим предлогом* вы завладеете всем, не забывая в то же время жить в добром согласии с венецианцами и завербовать на нашу службу всех матросов республики, неизменно, однако, *выступая от имени Венеции*. Короче, вы должны устроить так, чтобы перевезти из гавани Венеции в Тулон весь флот и его запасы. По тайному пункту договора венецианцы обязаны доставить Французской республике для тулонского флота снаряжения на сумму в 3 миллиона, но *я имею намерение* завладеть в интересах Французской республики *всеми* венецианскими судами и *всем* их морским снаряжением для нужд Тулона. (См. «Correspondence secrète et confidentielle de Napoléon». 7 томов, Париж 1817 [Тайная и конфиденциальная корреспонденция Наполеона]). Эти приказы были в точности выполнены; а когда Венеция была ограблена и лишена *всех* своих военных и морских средств, Наполеон без малейших колебаний передал своего нового союзника, *освобожденную Венецианскую республику*, которую он торжественно поклялся защищать при всякой опасности, под *деспотическое* иго Австрии.

турецкую крепость (Карс), и после которой при заключении мира на Парижском конгрессе пришлось скромно «просить» у неприятеля «разрешения» беспрепятственно переправить свои войска домой, — эта кампания действительно была всем, чем угодно, но только не «наполеоновской». Славной она была вообще только в романе *Базанкура*. Но Крымская война многое показала. Луи Бонапарт *предал* мнимого союзника (Турцию), чтобы добиться союза с мнимым врагом. В качестве первого результата Парижского мира была принесена в жертву «черкесская национальность» и истреблены русскими крымские татары, а также убиты национальные надежды, которые Польша и Швеция возлагали на крестовый поход Западной Европы против России. И другая мораль вытекала из Крымской войны: Луи Бонапарту не нужно было вести *второй Крымской войны*, не нужно было терять старую армию и входить в новые государственные долги в обмен на сознание, что Франция достаточно богата «*de payer sa propre gloire*» [чтобы оплачивать свою собственную славу], что имя Луи-Наполеона фигурирует в европейском договоре, что «консервативная и династическая печать Европы» единодушно признает «августейшие доблести, мудрость и умеренность императора», как громко оценивает его заслуги *Фогт* (там же, стр. 32), и что вся Европа воздавала ему тогда все *honneurs* [почести] подлинного Наполеона под определенным условием, чтобы Луи Бонапарт по примеру Луи-Филиппа надлежащим образом держался в «границах практического разума», т. е. в границах договоров 1815 г., не забывая ни на минуту тонкой черты, отделяющей арлекина от изображаемого им героя. Политические комбинации, государи и состояние общества, вообще давшие возможность шефу декабристской банды разыгрывать роль Наполеона сперва во Франции, а затем и за ее пределами, действительно свойственны *его* эпохе, но неуместны в летописях Великой французской революции.

«Но факт, во всяком случае, тот, что теперешняя французская политика на Востоке отвечала стремлениям одной национальности (*румынской*) к объединению» (*Исследования*», стр. 34 — 35).

Куза, как уже упомянуто, держит место вакантным для русского губернатора или для русского вассала. На карте «Европа в 1860 г.» в качестве вассала фигурирует великий герцог Мекленбургский. Россия, разумеется, предоставила Луи Бонапарту всю честь (*honneurs*) *этого* румынского освобождения, сама же получила все его выгоды. На пути дальнейших благожелательных намерений стояла Австрия. Поэтому итальянская война должна была *превратить Австрию из препятствия в орудие*.

Уже в 1858 г. тюильрийский чревоушитель наигрывал «румынскую национальность» на своих бесчисленных свистульках. *Фогтовский* авторитет, *Кошут*, мог поэтому уже 20 ноября 1858 г. ответить на лекции в Глазго: «Валахия и Молдавия получают конституцию, содданную в дебрях тайной дипломатии... В действительности же она не больше, не меньше, как хартия для России, предоставляющая ей свободно распоряжаться Дунайскими княжествами». («It is in reality no more nor less than a charter granted to Russia for the purpose of disposing of the Principalities».)

Таким образом, Луи Бонапарт злоупотреблял «принципом национальностей» в Дунайских княжествах, чтобы замаскировать их передачу России, как злоупотребляло принципом национальностей в 1848—1849 гг. *австрийское правительство*, чтобы с помощью сербов, словаков, кроатов, валахов и т. д. задуть мадьярскую и немецкую революцию.

Румынский народ, — а о нем заботятся одновременно русский консул в Бухаресте и, в своих интересах, молдаво-валахская боярская сволочь, большинство которой вовсе не румыны, а пестрая мозаика из слетевшихся из чужих стран авантюристов, своего рода восточная декабристская банда, — румынский народ попрежнему томится под игом ужаснейшего крепостного права, какое *только русские* могли при помощи «*Règlement organique*» [«Органического статута»] организовать и только восточный *demi-monde* [полусвет] мог поддерживать.

Чтобы украсить мудрость, заимствованную из первоисточников Дантю, собственным красноречием, *Фогт* говорит:

«У Австрии было уже более чем достаточно забот с одним Пьемонтом на юге, второго на востоке ей не нужно» (там же, стр. 64).

Пьемонт захватывает *итальянские* земли. Следовательно, Дунайские княжества — наименее воинственная область Турции — будут захватывать румынские земли, т. е. отнимут у России Бессарабию, а Семиградье, Темешварский банат и Буковину — у Австрии? *Фогт* забывает не только о «благожелательном царе». Он забывает, что в 1848 — 1849 гг. *Венгрия*, повидимому, вовсе не склонна была позволить отобрать у нее эти более или менее румынские земли, обнаженным мечом ответив на их «страдальческий вопль», и что, наоборот, *Австрия* пустила в ход *против Венгрии* эту «пропаганду принципа национальностей».

Но в полном блеске историческая ученость *фогтовских* «Исследований» вновь раскрывается, когда он наполовину по памяти из бегло прочитанного злободневного памфлета с большим хладнокровием

выводит «горестное состояние княжеств... из разлагающего яда *греков и фанариотов*» (там же, стр. 63).

Он даже не подозревает, что *фанариоты* (от названия одной части города Константинополя) — те же *греки*, которые с начала XVIII века под охраной русских населяли Дунайские княжества. Это частью — эпигоны тех константинопольских *лимонджиси* (продавцов лимонада), которые теперь по русскому заказу играют «румынскую национальность».

* * *

В то время как белый ангел Севера продвигается с Востока и уничтожает национальности во славу славянской расы, белый ангел Юга, в качестве знаменосца принципа национальностей, наступает с противоположной стороны, и «нужно *обождать, пока* свершится освобождение национальностей этим роковым человеком» («Исследования», стр. 36). Какую же роль отводит *Германии* имперский Фогт, отнюдь не «собиратель имперской земли», во время этих «в теснейшем союзе» комбинированных операций обоих ангелов и «обоих величайших внешних врагов германского единства»? («Исследования», 2-е изд., послесловие, стр. 154).

«Самому близорукому человеку, — говорит Фогт, — *должно было* теперь стать ясным, что существует соглашение между прусским правительством и императорским правительством Франции; что Пруссия не обнажит меча для защиты *вне немецких областей Австрии* (включая конечно, Богемию и Моравию); что она согласится на все мероприятия, необходимые для защиты территории Союза (за исключением «вне немецких» областей), но во всем прочем будет препятствовать всякому участию Союза или отдельных его членов на стороне Австрии, чтобы затем, во время мирных переговоров, *получить за эти труды вознаграждение в северо-германской низменности*» (там же, 1-е изд., стр. 18, 19).

Раззвонив во все колокола еще до фактического начала войны с Австрией доверенный ему из Тюильри секрет, что Пруссия действует в «тайном *согласии*» с «внешним врагом *Германии*», от которого получит за это «вознаграждение в северо-германской низменности», Фогт, разумеется, оказал Пруссии огромную услугу в достижении ее мнимых целей. Он вызвал подозрения у прочих немецких правительств как против нейтралистских стремлений Пруссии в начале войны, так и против ее приготовлений и притязаний на гегемонию в самом ходе военных действий. «Каков бы ни был путь, — говорит Фогт, — который должна выбрать в теперешний кризис Германия, но нет ни-

какого сомнения, что, рассматриваемая как целое, она должна энергично итти определенным путем, между тем как теперь злополучный сейм и т. д.» (там же, стр. 96). Распространение взгляда, будто Пруссия идет рука об руку с «внешним врагом» и этот путь ведет к поглощению северной низменности, должно восстановить недостающее сейму единство. В частности, обращается внимание *Саксонии* на то, что Пруссия однажды уже «лишила ее некоторых лучших провинций» (там же, стр. 92). Разоблачается «покупка залива Яде» (там же, стр. 15). «Ценой содействия Пруссии (в турецкую войну) должна была служить *Гольштиния*, когда пресловутая кража депеши придавала совсем другой оборот переговорам» (там же, стр. 15). «Мекленбург, Ганновер, Ольденбург, Гольштиния и другие к ним примыкающие... братские немецкие государства представляют приманку, на которую» — да еще «при всяком случае» — «Пруссия жадно набрасывается» (там же, стр. 14, 15); на эту приманку, как выдает Фогт, она была в данном случае Луи Бонапартом поймана на удочку. С одной стороны, Пруссия, в тайном «согласии» с Луи Бонапартом, «получит» и должна «получить за счет своих немецких братьев побережья Северного и Балтийского морей» (там же, стр. 14). С другой же стороны, Пруссия получит «лишь тогда *естественную границу*, когда *водораздел* Рудных и Сосновых гор будет продолжен по Белому Майну и линии Майна до Майнца» (там же, стр. 93). Естественные границы посреди Германии! И притом образованные *водоразделом, проходящим по реке!* Подобного рода открытия в области физической географии — к которым надо отнести еще «выступающий наружу» канал (см. «Главную книгу») — ставят «округленную натуру» на одну высоту с А. фон-Гумбольдтом. Проповедуя, таким образом, Германскому союзу доверие к гегемонии Пруссии, Фогт, неудовлетворенный «старым соперничеством Пруссии и Австрии в немецкой и т. д. области», открыл еще между обеими соперничество, которое «так часто имело место во *внеевропейской* области» (там же, стр. 20). Эта *внеевропейская* область находится, очевидно, на луне.

В действительности Фогт просто излагает своими словами изданную *французским* правительством в 1858 г. карту «L'Europe en 1860» [«Европа в 1860 году»]. На этой карте Ганновер, Мекленбург, Брауншвейг, Гольштиния, Кургессен, вместе с различными Вальдеками, Ангальтами, Липпе и т. д., присоединены к Пруссии, между тем как «l'Empereur des Français conserve ses (!) limites actuelles», император французов сохраняет свои (!) старые границы. «Пруссия до Майна» — в то же время лозунг русской дипломатии (см., например, упомянутую уже докладную записку от 1837 года). Прусской

•

Северной Германии противостояла бы австрийская Южная Германия, отделенная от нее границами, традицией, вероисповеданием, наречиями и племенными различиями; упрощением германских противоречий был бы завершен ее *разрыв на две части*, и была бы провозглашена, таким образом, перманентная Тридцатилетняя война.

Итак, согласно первому изданию «Исследований», Пруссия должна была получить такое «вознаграждение» за «усилия» удержать во время войны в ножнах немецкий союзный меч. В фогтовских «Исследованиях», как и на французской карте «L'Europe en 1860» [«Европа в 1860 г.»] не Луи Бонапарт, а Пруссия предъявляет претензии и добивается расширения своей области и естественных границ французской войной с Австрией.

Но лишь в послесловии ко второму изданию своих «Исследований», вышедшему во время австро-французской войны, Фогт раскрывает настоящую миссию Пруссии. Она должна начать «Гражданскую войну» (см. 2-е издание, стр. 152) для создания «единой центральной власти» (стр. 158), для включения Германии в прусскую монархию. В то время как Россия будет надвигаться с востока и Австрия будет связана Луи Бонапартом в Италии, Пруссия должна начать *династическую «гражданскую войну»* в Германии. Фогт гарантирует принцу-регенту, что «разгоревшаяся теперь» в Италии «война займет, по крайней мере, 1859 год», «между тем как объединение Германии, если проводить его быстро и решительно, потребует *меньше недель*, чем итальянская кампания месяцев» (там же, стр. 155). Гражданская война в Германии продлится лишь недели! Не говоря об австрийских войсках, которые, продолжая войну в Италии или прекратив ее, немедленно двинулись бы против Пруссии, последняя, как рассказывает сам Фогт, встретила бы сопротивление со стороны «Баварии..., находящейся всецело под австрийским влиянием» («Исследования», стр. 90, 1-е изд.), со стороны Саксонии, которой угрожала бы опасность в первую голову и у которой не было бы уже никаких оснований насиловать свои «симпатии к Австрии» (там же, стр. 93), со стороны «Вюртемберга, Гессен-Дармштадта и Ганновера» (там же, стр. 94), короче говоря — со стороны «*девяти десятых*» (там же, стр. 16) «германских правительств». И эти правительства, как доказывает далее Фогт, не оказались бы без поддержки в такой *династической «гражданской войне»*, к тому же затеянной Пруссией в момент, когда Германии угрожают «оба величайших внешних ее врага». «Двор (в Бадене), — говорит Фогт, — пойдет за Пруссией, но народ — в этом не может быть никаких сомнений — наверное не разделяет этих симпатий царствующего дома. Брейзгау, как и Верхняя Швабия, узами сим-

патии и вероисповедания и старыми воспоминаниями все еще привязан к ближней Австрии, к которой некогда принадлежал, к императору и империи, и гораздо крепче, чем этого можно было ожидать после столь длительной самостоятельности» (там же, стр. 93, 94). «За исключением Мекленбурга» и, «может быть», Кургессена, в *Северной Германии* царит недоверие к теории растворения, и уступки Пруссии делаются крайне неохотно. Инстинктивное *чувство антипатии, даже ненависти*, которую питает *Южная Германия* к Пруссии... даже это чувство не могли подавить или заглушить все шумные крики императорской партии. Оно живо в народе, и ни одно правительство, даже баденское, не может долго противостоять ему. *Истинными симпатиями Пруссия, таким образом, нигде не пользуется, ни у немецкого народа, ни у правительств Германского союза*» (там же, стр. 21). Так говорит Фогт. И именно поэтому, согласно тому же Фогту, *династическая «гражданская война»*, затеянная Пруссией в «тайном согласии» с «обоими величайшими внешними врагами Германии», продолжалась бы только «недели». Но это еще не все. «Старо-Пруссия идет рука об руку с правительством, а *Рейнская провинция и Вестфалия* — с католической Австрией. Если там народному движению не удастся заставить правительство перейти на сторону Австрии, то ближайшим следствием будет новое углубление пропасти между обеими частями монархии» (там же, стр. 20). Если, по Фогту, простой нейтралитет Пруссии по отношению к Австрии уже углублял пропасть между Рейнской областью, Вестфалией и Старо-Пруссией, то, по тому же Фогту, «гражданская война», которую Пруссия начала бы с целью исключить Австрию из Германии, естественно, должна была бы совсем оторвать Рейнскую область и Вестфалию от Пруссии. «Но что этим ультрамонтамам до Германии?» (там же, стр. 119) или, как он собственно думает, что Германии до этих ультрамонтамов? *Рейнская провинция, Вестфалия*, это — ультрамонтанские, «*римско-католические*», а не «*истинно немецкие*» земли. Они поэтому не в меньшей степени, чем Богемия и Моравия, подлежат исключению из союзной области. И этот процесс исключения должна ускорить рекомендованная Фогтом Пруссии *династическая «гражданская война»*. В действительности *французское* правительство в изданной им в 1858 г. карте «L'Europe en 1860» [«Европа в 1860 г.», служившей компасом Фогту в его «Исследованиях», присоединило Египет к Австрии, а рейнские провинции, как земли «*католической национальности*», к *Бельгии* — ироническая формула для аннексии Бельгии вместе с Рейнской провинцией к Франции. То обстоятельство, что Фогт идет дальше, чем французская

правительственная карта, и в придачу отдает и католическую Вестфалию, объясняется «научными отношениями» беглого имперского регента к Плон-Плону, сыну вестфальского экс-короля.

Резюмируем: с одной стороны, Луи Бонапарт позволит России протянуть руки через Познань в Богемию и через Венгрию к Турции, а с другой стороны, он сам силой оружия создаст на границе Франции единую независимую Италию и все — pour le roi de Prusse [за чьи-то прекрасные глаза]; все только для того, чтобы предоставить Пруссии возможность гражданской войной подчинить себе Германию, а «рейнские провинции навсегда обезопасить от Франции» (там же, стр. 121).

«Но вот говорят, что территории Союза угрожает опасность со стороны наследственного врага, что собственно цель его — Рейн. Так пусть же защищают Рейн, пусть защищают территорию Союза» (там же, стр. 105) и пусть именно защищают территорию Союза, уступая Богемию и Моравию России, а Рейн пусть защищают, начиная германскую «гражданскую войну», имеющую, между прочим, целью оторвать рейнские провинции и Вестфалию от Пруссии. «Но вот говорят, что Луи-Наполеон... желает утолить наполеоновскую жажду завоеваний каким-то образом! Мы этому не верим, перед нами пример Крымской кампании!» (там же, стр. 129). Кроме своего неверия в наполеоновскую жажду завоеваний и своей веры в Крымскую кампанию, у *Фогта in petto* [на уме] еще другой аргумент. Австрийцы и французы в Италии, как кошки в Килькенни, будут так долго между собой драться, что от них останутся одни хвосты. «Это будет война страшно кровавая, упорная, может быть, даже с сомнительным исходом» (там же, стр. 127, 128). «Только напрягая до последней крайности свои силы, Франция вместе с Пьемонтом одержит победу, но пройдут десятилетия, прежде чем она восстановит затраченные силы» (там же, стр. 129). Эта перспектива *продолжительности* итальянской войны бьет его противников. Но метод, каким *Фогт* умеет продлить сопротивление Австрии французскому оружию в Италии и парализовать агрессивную силу Франции, действительно довольно оригинален. С одной стороны, французы получают *carte blanche* [свободу действий] в Италии; с другой стороны, «благожелательному царю» дозволяется маневрами в Венгрии, Германии, Моравии и Богемии, революционными интригами внутри страны и военными демонстрациями на ее границах «приковать значительную часть австрийских военных сил к тем частям монархии, которые подвержены нападению русской армии или доступны русским интригам» (там же, стр. 111). И, наконец, одновременно начатой со стороны Пруссии династи-

ческой «гражданской войной» в Германии Австрия будет вынуждена оттянуть из Италии свои главные силы для сохранения своих немецких владений. При таких условиях Франц-Иосиф и Луи Бонапарт не заключат, разумеется, мира в Кампо-Формио, а... «оба истекут кровью в Италии».

Австрия не сделает уступок «благожелательному царю» на Востоке и не примет давно предлагаемого возмещения в Сербии и Боснии, не гарантирует Франции рейнских провинций и не нападет на Пруссию в союзе с Россией и Францией. Ни за что! Она упорно будет «истекать кровью в Италии». Но во всяком случае фогтовский «роковой человек» отвергнет с нравственным негодованием подобное возмещение на Рейне. Фогт знает, что «внешняя политика теперешней империи руководствуется только одним принципом, принципом самосохранения» (там же, стр. 31). Он знает, что Луи Бонапарт «преследует только одну единственную идею — именно сохранить за собой эту власть над Францией» (там же, стр. 29). Он знает, что «итальянская война не создаст ему популярности во Франции», между тем как приобретение рейнских провинций сделает «популярными» и его, и его династию. Он говорит: «рейнские провинции — действительно любимая мечта французского шовиниста, и, может быть, если вникнуть поглубже, то найдется только небольшое меньшинство населения, которое не питает в душе этого желания» (там же, стр. 121). С другой стороны, «проницательные люди во Франции», а потому, конечно, и фогтовский «мудрый, аки змий, роковой человек», знают, «что только до тех пор есть надежда на осуществление этого (именно приобретения Францией естественной рейнской границы), пока в Германии 34 разных правительства. Пусть только возникнет подлинная Германия с едиными интересами и прочной организацией, — и рейнская граница будет обеспечена навсегда» (там же, стр. 121). Именно поэтому Луи Бонапарт, предложивший в Виллафранке австрийскому императору Ломбардию взамен гарантии рейнских провинций (см. заявление Кинглэйка в палате общин от 12 июля 1860 г.), должен был бы с негодованием отвергнуть рейнские провинции, предложенные ему Австрией за французскую помощь против Пруссии.

И фогтовские первоисточники в изданиях *Дантю* не только были исполнены восторженных чувств по поводу объединения Германии под руководством Пруссии*, — они в напыщенно-добродетельном тоне

* «La Prusse est l'espoir d'Allemagne.. l'esprit allemand a son centre à Berlin... l'esprit allemand cherche l'unité de son corps, la vérité de la Confédération. C'est par cet entraînement que s'élève la Prusse... D'où vient-il que, lorsque l'Italie réclame l'intégrité, l'unité nationale, ce que l'Allemagne désire, celle-ci favorise

отвергали даже намеки, выражавшие какие-либо притязания на рейнские провинции: «Рейн! Что такое Рейн? Граница. Но границы скоро станут анахронизмами» (стр. 36, «La Foi des Traités etc.» Paris 1859) [«Обязательность договоров и т. д.»] *. В тысячелетнем царстве, которое предстоит создать Баденге на основе принципа национальностей, кто же станет говорить о рейнской границе, вообще о границах? «Обусловливает ли Франция вознаграждение за жертвы, которые она готова принести в интересах справедливости, законного европейского равновесия? Разве она требует левого берега Рейна? Разве она предъявляет хотя бы даже претензии на Савойю и Ниццу?» («La vraie Question etc.», Paris 1859, p. 13 ** [«Сущность вопроса и пр.»]). Отказ Франции от Савойи и Ниццы, как доказательство ее отказа от Рейна! Этого Фогт не перевел на немецкий язык.

Если до начала войны Луи Бонапарт не мог заманить Пруссию на соглашение, то для него имело решающее значение заставить немецкий союз, по крайней мере, поверить, что он ее заманил. Веру эту Фогт старается распространить в первом издании своих «Исследований». Во время войны Луи Бонапарту было еще важнее склонить Пруссию сделать шаги, которые дали бы Австрии действительное или мнимое доказательство такого соглашения. Поэтому во втором издании «Исследований», появившемся во время войны, Фогт в особом послесловии призывает Пруссию завоевать Германию и начать династическую «гражданскую войну»; при этом в тексте книги он доказывает, что война будет «кровавой, упорной, может быть, с сомни-

l'Autriche, négation vivante de toute nationalité?.. C'est que la Prusse n'est pas encore la tête; c'est que la tête est l'Autriche qui, pesant avec ces forces hétérogènes sur l'Allemagne politique, l'entraîne à des contradictions avec l'Allemagne véritable» («La Foi des Traités etc.», p. 34). [«Пруссия — надежда Германии... немецкий дух имеет свой центр в Берлине... немецкий дух стремится к единству своего тела, к истинной конфедерации. Воодушевленная этим стремлением, поднимается Пруссия... Почему же, когда Италия провозглашает неделимость, национальное единство, к которому стремится и Германия, последняя стоит на стороне Австрии, воплощенного отрицания всякой национальности?.. Потому, что во главе не Пруссия; потому, что во главе Австрия, которая, тяготея своими разнородными силами над политической Германией, вовлекает ее в противоречия с истинной Германией» («Обязательность договоров и т. д.», стр. 34)].

* «Le Rhin!.. Qu'est ce que le Rhin? Une frontière. Les frontières seront bientôt des anachronismes» (там же, стр. 36).

** «La France stipule-t-elle des dédommagements pour les sacrifices qu'elle prête à faire dans un but d'équité, de juste influence et dans l'intérêt de l'équilibre européen? Demande-t-elle la rive gauche du Rhin? Elève-t-elle même des prétentions sur la Savoie et sur le Comté de Nice?» (p. 13. «La vraie Question etc.» [«Сущность вопроса и пр.»]).

тельным исходом» и будет стоять, по меньшей мере, Рейнской области и Вестфалии, а в послесловии к этой же самой книге он торжественно заявляет, что она отнимет «всего несколько недель». Но голос Фогта — не голос сирены. Поэтому Луи Бонапарт, поддерживаемый в своей мошеннической проделке bottle-holder'ом [секундантом в боксе] Пальмерстоном, должен был в Виллафранке изложить Францу-Иосифу *сфабрикованные им самим прусские предложения*; скромные претензии Пруссии на военное руководство Германией должны были служить Австрии предлогом для заключения мира *, за который Луи Бонапарт должен был оправдываться перед Францией тем, что итальянская война грозила превратиться во всеобщую, способную «создать германское единство, тогда как всегдашней целью французской политики, начиная с Франсиска I, было всячески препятствовать осуществлению этого единства» **.

После того как Франция итальянской войной приобрела Савойю и Ниццу, а вместе с ними и позицию, которая в случае войны на Рейне имеет большее значение, чем целая армия, «германское единство под прусской гегемонией» и «уступка Франции левого берега Рейна» стали обратимыми величинами в исчислении вероятностей героев 2 декабря. Изданная в 1858 г. карта «L'Europe en 1860» [«Европа в 1860 г.»] была разъяснена изданной в 1860 г. картой «L'Europe pacifiée» [«Умиротворенная Европа»], где Египет уже не достается Австрии, а Рейнская провинция и Бельгия присоединены к Франции в возмещение за переданную Пруссии *«северную низменность»* ***.

* Через несколько дней после заключения виллафранкского мира в «Ragner Zeitung» появилось следующее официальное разъяснение: «Этот протест (протест Пруссии, желающей взять на себя верховное командование союзной армией *под союзным контролем*) ясно доказывает, что Пруссия стремится к гегемонии в Германии и, следовательно, к исключению Австрии из Германии. Так как вероломная Ломбардия представляет бесконечно меньшую ценность, чем сохранение нашего положения в Германии, то мы отказались от нее, чтобы заключить мир, ставший для нас, *ввиду позиции Пруссии*, настоятельной необходимостью».

** Парижский «Galignani's Messenger», который лишь в исключительных случаях и только по особому официальному поручению дает руководящие статьи, говорит в номере от 21 июля 1859 г.: «To give another province to the King of Piedmont, it would not only have been necessary to support a war against two-thirds of Europe, but German unity would have been realised and a work thus accomplished, which ever since the time of Francis I it has been the object of French policy to prevent».

*** Специальный листок Плон-Плона «Opinion Nationale» говорит в статье от 5 июля 1860 г.: «Время предъявления требований, опирающихся на силу, прошло. Для этого император обладает слишком тонким тактом, слишком пра-

Наконец, в Этьенне Персиньи официально заявил, что в «интересах европейского равновесия» всякая дальнейшая централизация Германии неизбежно вызывает продвижение французов к Рейну *. Но никогда еще — ни до итальянской войны, ни после нее — шутовской чревоушатель из Тюильри не говорил более бесстыдно, чем в рупор беглого имперского регента.

* * *

Фогт, «ново-швейцарец, гражданин кантона Берна и женеvский советник» (там же, предисловие), начинает *швейцарскую* часть своих «Исследований» прологом (там же, стр. 37 — 39), в котором предлагает Швейцарии *выразить свой восторг* по поводу замены Луи-Филиппа Луи Бонапартом. Правда, Луи Бонапарт потребовал от Союзного совета «мер против печати», но «в этом отношении у всех Наполеонидов, повидимому, очень чувствительная кожа» (там же, стр. 36). Накожная болезнь, не более, и так прилипла к фамилии, что передается не только с фамильной кровью, но и — *teste Louis Bonaparte* [тому свидетель Луи Бонапарт] — с одним фамильным именем. Конечно, «преследование невинных людей в Женеве, которое

вильным чутьем общественного мнения... Но разве Пруссия обязалась никогда не думать о *германском единстве*? Может ли она ручаться, что никогда не взглянет с вожделением на Ганновер, Саксонию, Брауншвейг, Гессен, Ольденбург и Мекленбург? Сегодня государи заключают друг друга в объятия и, наверно, искренно. Но кто знает, чего потребует от них народ через несколько лет? И если Германия, под давлением общественного мнения, *объединится*, то будет ли справедливо, будет ли разумно не разрешить Франции *расширить свои владения за счет своих соседей*?.. Если немцы сочтут необходимым изменить свою старую политическую конституцию и поставить на место беспомощного Союза сильное централизованное правительство, то мы не можем не признать *права Франции требовать от Германии возмещений и гарантий*». •

* Императорский Pecksniff [лицемер] превзошел самого себя в памфлете Дантю: «La Politique anglaise», Paris 1860 [«Английская политика», Париж 1860]. Именно, по мысли автора, надо украсть несколько миллионов немцев и бельгийцев, чтобы улучшить моральный облик Франции, южные элементы которой нуждаются в большей примеси солидности северян. После рассуждений о том, что Франция из политических и военных соображений нуждается в *границах, дарованных ей самой природой*, говорится далее: «Эта аннексия (рейнских провинций и Бельгии) необходима еще и в силу другого соображения. Франция любит и требует разумной свободы (*une sage liberté*), а южный элемент занимает большое место в ее общественных учреждениях. У этого элемента чудесные качества..., но ему не хватает выдержки и твердости. Он нуждается в терпеливой настойчивости, в холодной и непреклонной решимости наших северных братьев. Поэтому предназначенные нам провидением границы столь же необходимы для нашей свободы, как и для нашей независимости».

производил Союзный совет *по императорскому приказу* против бедняг, вся вина которых заключалась в том, что они были итальянцы; учреждение консульств, притеснение печати, всякого рода бессмысленные полицейские мероприятия и, наконец, переговоры об уступке Даппенталя в значительной мере стерли в Швейцарии воспоминание об *услугах, действительно оказанных императором в невшательском деле*, и притом оказанных той партией, которая теперь наиболее ожесточенно выступает против него» (там же, стр. 37, 38). Великодушный император, неблагодарная партия! Невшательское выступление императора отнюдь не было прецедентом к нарушению договоров 1815 г., к унижению Пруссии, к протекторату над Швейцарией. Ему, в качестве «новошвейцарца, гражданина кантона Тургау и оберштрасского артиллерийского капитана», полагалось *«оказать действительные услуги»* Швейцарии. Неблагодарность, за которую *Фогт* в марте 1859 г. упрекал антибонапартистскую партию в Швейцарии, была брошена как обвинение всей Швейцарии другим прислужником императора, Тувенелем, в июне 1860 года. В «Times» от 30 июня 1860 г. мы читаем: «Несколько дней назад в министерстве иностранных дел в Париже произошла встреча между д-ром Керном и Тувенелем в присутствии лорда Каули. Тувенель заявил почтенному представителю Швейцарии, что колебания и протесты союзного правительства оскорбительны, поскольку в них, повидимому, содержится недоверие к правительству его императорского величества. Такое поведение есть грубая неблагодарность, если принять во внимание *услуги (services), оказанные (rendered)* Союзу императором Наполеоном во многих случаях и особенно при заключении *невшательского договора*. Но как бы то ни было, раз Швейцария была настолько *слепая*, чтобы не доверять своему благодетелю, то она сама должна и отвечать за последствия». А ведь *Фогт* уже в марте 1859 г. пытался снять бельмо у *слепой* антибонапартистской партии в Швейцарии. С одной стороны, он указывает на «действительные услуги», «оказанные императором». С другой же стороны, «огорчения, причиняемые императором», теряются и совершенно бледнеют перед неприятностями, пережитыми при Луи-Филиппе (там же, стр. 39). Например: в 1858 г. Союзный совет изгоняет «по императорскому приказу бедняг, вся вина которых заключалась в том, что они итальянцы» (стр. 37); в 1838 г., несмотря на угрозы Луи-Филиппа, он отказывается изгнать Луи Бонапарта, вся вина которого заключалась только в том, что он конспирировал в Швейцарии против короля Луи-Филиппа. В 1846 г. Швейцария, несмотря на «бряцание» Луи-Филиппа «оружием», решается на войну с

Зондербундом; по адресу мирного короля это означало, что его угрозы не страшны; в 1858 г. она только чуть-чуть жеманится, когда Луи Бонапарт щупает Даппенталь. «Луи-Филипп, — говорит сам Фогт, — влачил в Европе жалкое существование; его третируют все, даже мелкие легитимные правители за то, что он не осмеливался вести сильную внешнюю политику» (там же, стр. 31). Но *«императорская политика по отношению к Швейцарии, без сомнения, — политика могущественного соседа, который знает, что в конце концов может добиться всего, чего захочет»* (там же, стр. 37). *Итак, — заключает Фогт с логикой Grandguillot [Грангильо], — «с чисто швейцарской точки зрения можно только испытывать величайшую радость»* (стр. 39) по поводу перемены, давшей Швейцарии вместо всеми третируемого Луи-Филиппа «могущественного соседа», «который знает, что по отношению к ней он может все, чего захочет».

За этим прологом, подготовляющим необходимое настроение, следует немецкий перевод ноты Союзного совета от 14 марта 1859 г., и, что удивительно, Фогт хвалит эту ноту, хотя Союзный совет ссылается в ней на договоры 1815 г. и хотя ссылку на них тот же Фогт считает «лицемерием». «Убирайтесь со своим лицемерием!» (там же, стр. 112) *.

Фогт далее исследует, «с какой стороны произойдет первое нападение на нейтралитет Швейцарии?» (там же, стр. 84), и приводит лишнее доказательство, что французская армия, которой на этот раз нет нужды завоевывать Пьемонт, не пойдет ни через Симплон, ни через большой Бернар. Одновременно он открывает несуществующую дорогу «через Мон-Сени, через Фенестреллу по долине Стурь» (там же, стр. 84). Она зовется, собственно, долиной Доры. Итак, со стороны Франции опасность Швейцарии не угрожает. «Не столь спокойно можно ждать бережного отношения к швейцарскому нейтралитету со стороны Австрии, и различные факты даже показывают, что последняя имеет в виду нарушить этот нейтралитет, если представится для этого удобный случай» (там же, стр. 85). «Многозначи-

* В действительности не «договоры» охраняли нейтралитет Швейцарии, а взаимно парализуемые интересы различных пограничных держав. «Швейцарцы, — пишет английский поверенный в делах в Берне капитан Гаррис лорду Джону Росселю после беседы с президентом Союза Фрей-Эрöse, — швейцарцы понимают, что... события последнего времени существенно изменили относительный удельный вес пограничных держав, так как после вильгельмского договора Пруссия равнодушна, Австрия парализована, а Франция несравненно сильнее, чем раньше».

тельным в этом отношении представляется сосредоточение *армейского корпуса в Брегенце и Фельдкирхе* (там же, стр. 86). Здесь красная нить, которая проходит через «Исследования», выступает наружу и приводит прямым путем из Женевы в Париж.

Именно, опубликованная кабинетом Дерби Синяя книга об итальянских делах (январь — май 1859 г.) рассказывает, что слух о «сосредоточении австрийского армейского корпуса у Брегенцы и Фельдкирха» умышленно распространялся бонапартистскими агентами в Швейцарии, но был лишен всякого фактического основания (№ 74 цитированной Синей книги, письмо капитана Гарриса лорду Мамсбри (Malmesbury) из Берна от 24 марта 1859 года). Гумбольдт-Фогт и в данном случае делает открытие, что в Брегенце и Фельдкирхе «находишься в непосредственной близости рейнской долины, в которую ведут *три* больших альпийских прохода с проезжими дорогами, именно *Via mala*, Шплуген и Бернар; последний — к Тессину, а оба первых — к озеру Комо» (там же, стр. 86). В действительности *Via mala* ведет, во-первых, через Шплуген, во-вторых, через Бернар и, в-третьих, никуда больше.

После всей этой полониевской болтовни, которая должна была отвлечь подозрение Швейцарии с западной границы на восточную, «округленная натура» подкатывается, наконец, к своей настоящей задаче.

«Швейцария, — говорит Фогт, — имеет полное *право решительно отвергнуть* обязательство не разрешать пользоваться этой железнодорожной линией (из Кюло на Э и Шамбери) для воинских поездов, ограничиваясь при случае использованием нейтральной области лишь когда этого потребует защита собственной территории» (там же, стр. 89). И он уверяет Союзный совет, что «вся Швейцария, как один человек, будет стоять за эту политику, *намеченную в его [Совета] ноте от 14 марта*».

Фогт публикует свои «Исследования» в конце марта. Но только 24 апреля Луи Бонапарт использовал названную железнодорожную линию для воинских поездов, войну же объявил еще позже. Посвященный в подробности бонапартистского военного плана, Фогт поэтому знал точно, «с *какой стороны последует покушение на нейтралитет Швейцарии*». Он имел определенное поручение убедить ее стерпеть первое нарушение нейтралитета, логическое следствие которого — аннексия нейтрализованной Савойской области декабристской монархией. Похлопывая Союзный совет по плечу, он приписывает ноте от 14 марта смысл, который она *должна была* иметь с бонапартистской точки зрения. Союзный совет говорит в своей ноте, что

Швейцария исполнит «одинаково и лояльно по отношению ко всем» свою вытекающую из договоров «миссию» нейтралитета. Он цитирует, далее, договорный пункт, по которому «*никакие войска какой-либо другой державы не могут оставаться или проходить там*» (в нейтрализованной Савойской области). Он ни одним словом не упоминает о том, что французам разрешается использовать железную дорогу, проходящую через нейтрализованную область. Условно, в качестве «меры для охраны и защиты своей территории», он оставляет за федерацией право «занять войсками» нейтрализованную область. Что Фогт здесь умышленно и по высокому поручению *извращает* содержание ноты Совета, доказывает не только текст ее, но и заявление лорда *Мамсбри* (Malmesbury) — тогдашнего английского министра иностранных дел — в заседании палаты лордов от 23 апреля 1860 года. «Когда французские войска, — сказал *Мамсбри*, — собирались (месяц слишком спустя *после* ноты Совета от 14 марта) пройти в Сардинию через Савойю, швейцарское правительство, верное нейтралитету, на котором основывается независимость Швейцарии, прежде всего заявило, что эти войска не имеют права проходить чрез нейтрализованную область» *. Какими соображениями Наполеон и связанная с ним швейцарская партия пытались рассеять сомнения Союзного совета? Фогт, знавший уже в конце марта 1859 г., что французские воинские поезда в конце апреля 1859 г. нарушат нейтралитет нейтрализованной области, естественно, предвосхищает уже в конце марта ту фразу, которой Луи Бонапарт в конце апреля скрасит свое насилие. Он выражает сомнение в принадлежности «нейтрализованной области головного участка железнодорожной линии из Кюло на Э и Шамбери» (там же, стр. 89) и доказывает, что «установление нейтрализованной области отнюдь не имело целью прекратить сношения между Францией и Шамбери»¹ и что, следовательно, названная железнодорожная линия морально минует нейтрализованную область **.

* «When the French troops were about to march through Savoy into Sardinia, the Swiss Government, true to the neutrality upon which depends its independence, at first objected that these troops had no right to pass through the neutralised territory».

** Что железнодорожная линия входит в нейтрализованную область, определенно признано в ноте, отправленной союзным президентом Штемпли и канцлером Шиссом 18 ноября 1859 г. капитану Гаррису. Там говорится: «Il pourrait être aussi question d'un autre point qui concerne la neutralité de la Savoie... nous voulons parler du chemin-de-fer dernièrement construit de Culoz à Chambéry, à l'égard duquel on peut se demander s'il devait *continuer à faire partie du territoire neutralisé*». [«Может возникнуть вопрос о другом пункте, касающемся нейтралитета

Послушаем, с другой стороны, лорда *Мамсбри* [Malmesbury]. «Позже, в связи с высказанным соображением, что рассматриваемая железнодорожная линия не затрагивает нейтрализованной части Савойи, швейцарское правительство отказалось от своих возражений и разрешило французским войскам передвижение по ней. Я думаю, что, поступая так, оно совершило ошибку (I think that they were wrong in doing so). Мы считали соблюдение нейтралитета этой области столь важным с точки зрения интересов Европы..., что 28 апреля 1859 г. послали французскому двору протест против передвижения этих войск в Сардинию». Этот протест послужил Пальмерстону предлогом обвинить Мамсбри в «австрийских» симпатиях, так как он «без всякой нужды оскорбил французское правительство» (had uselessly offended the French government), совсем как Фогт в «Главной книге» (стр. 183) обвиняет газету «Volk» в том, что она «всячески старалась» — разумеется в угоду Австрии, — «создавать затруднения для Швейцарии... Достаточно прочесть статью «Volk» о нейтралитете и прохождении французскими войсками Савойи, чтобы бросились в глаза эти тенденции, общие этой газете с «Allgemeine Zeitung» *.

«Бросается в глаза», что весь отдел фогтовских «Исследований», касающийся Швейцарии, имеет своей исключительной задачей оправдание *первого нарушения швейцарской нейтральной области* его «роковым человеком». Это был первый шаг к аннексии Савойи, а затем и французской Швейцарии. Судьба Швейцарии зависела от энергии, с которой она выступила против этого первого шага и защищала свои права, пытаясь в решительный момент сделать из них общеевропейский вопрос; в это время симпатии английского правительства были обеспечены Швейцарии, и Луи Бонапарт, только начавший свою локализованную войну, не осмелился бы бросить ей вызов. Официально взяв на себя обязательства, английское правительство

Савойи... мы имеем в виду недавно построенную железную дорогу из Кюло на Шамбери, о которой может быть поставлен вопрос, *продолжает ли она составлять часть нейтрализованной территории*»].

* Фогт упрекает в частности газету «Volk» в том, что она старалась «втянуть федерацию в конфликт с могущественными соседними державами». Когда аннексия Савойи была фактически произведена, бонапартистский листок «Eidgenössische Zeitung» обвинял официальный «Bund» в том, что «его взгляды на Савойю и Францию — слабый отголосок той политики, которая уже с 1848 г. хотела впутать Швейцарию в европейскую борьбу» (см. «Bund», Берн, 12 марта 1860 г. № 71). У бонапартистских перьев, как мы видим, фразы уже заранее подготовлены.

не могло уже отступиться *. *Отсюда* необычайные старания «ново-швейцарца, гражданина кантона Берна и женеvского советника» затуманить дело, а *разрешение* французским войскам пройти через нейтрализованную область представить как *п р а в о*, подлежащее реализации, как мужественную демонстрацию против Австрии. Ведь спас же он Швейцарию от Катилины-Шерваля!

Повторяя и подкрепляя возражения своих первоисточников, памфлетов Дантю, против вожделений, устремленных на рейнскую границу, Фогт избегает *всякого* намека на содержащийся в *тех же памфлетах* отказ от Савойи и Ниццы. Даже названий Савойи и Ниццы нет в его «Исследованиях». Между тем уже в феврале 1859 г. савойские депутаты протестовали в Турине против итальянской войны, так как аннексия Савойи декабристской монархией была ценой заключения союза с Францией. Этот протест не дошел до ушей Фогта. Точно так же не дошли до него отлично известные всей остальной эмиграции условия договора, заключенного в августе 1858 г. в Пломбьере между Луи Бонапартом и Кавуром (опубликованы в одном из первых номеров «Volk»). Мадзини в упомянутом уже номере «Pensiero ed Azione» (2 — 16 мая 1859 г.) буквально предсказал: «Но если Австрия будет разбита в самом начале войны и повторит условия, которые она предлагала в 1848 г. английскому правительству, — именно отказ от Ломбардии при условии сохранения за ней Венеции, — то мир будет заключен. Будут, вероятно, выполнены условия только по расширению владений сардинской монархии и *уступке Франции Савойи и Ниццы*» **.

Мадзини опубликовал свое предсказание в середине мая 1859 г., Фогт выпустил второе издание своих «Исследований» в середине июня 1859 г., но ни звука о Савойе и Ницце. Еще до Мадзини и до савойских депутатов, уже в *октябре 1858 г.*, полтора месяца спустя после пломбьерского заговора, президент Швейцарского союза со-

* Had those provinces (Chablais and Faucigny) been occupied by the Federal troops... there can be little doubt they would have remained in them up to this moment (p. 20. *L. Oliphant*, Universal Suffrage and Napoléon III. London 1860) [Если бы эти провинции (Шаблэ и Фосиньи) заняли федеральные войска, то они, без сомнения, остались бы там до сих пор. См. *Л. Олифант*, Всеобщее голосование и Наполеон III. Лондон 1860.]

** «Madove l'Austria, disfatta in sulle prime, affacciasse proposte equali, a quelle ch'essa affacciò per breve tempo nel 1848 al Governo Inglese, abbandono della Lombardia a pattò di serbare il Veneto, la pace... sarebbe accettato: le sole condizioni dell' ingrandimento della Monarchia Sarda e della cessione della Savoia e di Nizza alla Francia, riceverebbero esecuzione».

общал в специальной депеше английскому кабинету, что «он имеет основания думать, что между Луи Бонапартом и Кавуром заключено условное соглашение об уступке Савойи» *. В начале июня 1859 г. президент Союза сообщил снова английскому поверенному в делах в Берне свои опасения о предстоящей аннексии Савойи и Ниццы **. До *Фогта*, этого спасителя швейцарцев по специальности, не дошло ни одной весточки ни о протесте савойских депутатов, ни о разоблачениях Мадзини, ни о продолжавшихся с декабря 1858 до июня 1859 г. опасениях швейцарского союзного правительства. Как мы увидим впоследствии, *даже в марте 1860 г.*, когда пломбьерский секрет обошел все улицы Европы, он как-то миновал *Фогта*. Эпиграф: «молчание — добродетель рабов» украшает «Исследования», вероятно в связи с их умолчанием об угрожающей аннексии. *Один* намек все же в них содержится: «Но допустим, — говорит *Фогт*, — что свершилось бы *невероятное* и что цена победы была бы оплачена итальянскими землями, на юге или на севере... *Право, с узкой, чисто немецкой точки зрения... можно искренно пожелать*, чтобы французский волк поживился итальянской костью» (там же, стр. 129 — 130). Итальянская область к северу, это, естественно, — Ницца и Савойя. После того как ново-швейцарец, гражданин кантона Берна и женеvский советник призывал Швейцарию «с *чисто швейцарской точки зрения*» (там же, стр. 39) «*испытывать величайшую радость*» по поводу соседства Луи Бонапарта, беглому имперскому регенту внезапно приходит в голову, что «с *узкой, чисто немецкой точки зрения* он может искренно пожелать», чтобы французский волк «поживился костью из Ниццы и Савойи», а *следовательно, и французской Швейцарии* ***.

* * *

Несколько времени тому назад в Париже вышел памфлет «Napoléon III» [«Наполеон III»], не «Napoléon III et l'Italie» [«Наполеон III и Италия»] или «Napoléon III et la question Roumaine»

* В своей упомянутой выше речи лорд *Мамсбри* говорит: «There is a despatch now in the Foreign Office, dated as long back as October 1858 ... from the President of the Swiss Republic, stating that he had reason to believe that some additional agreement had been come to between the Emperor of the French and Count Cavour with respect to Savoy».

** См. № 1 первой Синей книги «On the proposed annexation of Savoy etc.».

*** *Фогтовское* пожелание «с узкой, чисто немецкой точки зрения» загнать «французскому волку» в глотку итальянскую «кость», чтобы волк страдал от несварения желудка, будет, несомненно, осуществляться во все растущем масштабе. В официозной «Revue Contemporaine» от 15 октября 1860 г. — заметим мимохо-

[«Наполеон III и румынский вопрос»], или «Napoléon III et la Prusse» [«Наполеон III и Пруссия»], а «Napoléon III» просто, простой Наполеон III. Это — полный гипербол панегирик Наполеона III по адресу Наполеона III. Этот памфлет был переведен одним *арабом*, по имени Да-Да, на его родной язык. В послесловии к памфлету опьяненный Да-Да не может больше сдерживать своего энтузиазма и изливается потоками пламенных стихов. Но в предисловии Да-Да еще достаточно трезв, чтобы сознаться, что его работа составлена по приказу местных алжирских властей и предназначена для распространения среди арабских племен по ту сторону алжирской границы для того, чтобы «идея единства и национальности под руководством общего вождя овладела их фантазией». Этот общий вожь, который должен создать «единство арабской национальности», как выдает Да-Да, — не кто иной, как «благодетельное солнце, слава небосвода — император Наполеон III». Хотя Фогт и не пишет стихами ¹, — он не кто иной, как *немецкий* Да-Да.

Назвав «Исследованиями» свое переложение на немецкий язык излучаемых благодетельным солнцем и славой небосвода *статей* «*Moniteur*», *памфлетов Дантю и карт вновь переделенной Европы*, Да-Да Фогт сострил удачнее, чем когда-либо за всю свою веселую жизнь. Это даже лучше, чем имперское регентство, имперские пирушки и им самим сочиненные имперские заграничные паспорта. Тот факт, что «образованный» немецкий бюргер считает добросовестными (*bona fide*) «Исследования», в которых Австрия борется с Англией за *Египет*, Австрия и Пруссия препираются из-за *внеевропейских* земель, Наполеон I заставляет Английский банк взвешивать свое золото вместо того, чтобы считать его, греки и фанариоты оказываются различными народами, из Мон-Сени идет дорога через Фенестреллу по долине Стуры и т. д., — этот факт показывает только, под каким высоким давлением находился в течение десяти лет реакции его либеральный череп.

дом, *специально покровительствующей Фогту*, — помещена корреспонденция из Турина от 8 октября, где, между прочим, говорится: «*Генуя и Сардиния* были бы законной ценой новой (французской) войны за единство Италии. Я прибавлю, что обладание Генуей было бы необходимым орудием нашего влияния на полуостров и единственным действительным средством помешать морской державе, образованию которой мы содействовали, в один прекрасный день уйти от нас и заключить какой-нибудь новый союз. *Лишь наступив коленом Италии на грудь, мы сможем обеспечить себе ее верность. Австрия, хороший судья в этом деле, отлично это знает. Наш нажим будет менее груб, но лучше, чем австрийский — в этом единственное отличие.*»

¹ Ungereimt — значит также вздор, чепуха. *Ред.*

Но, странным образом, тот же самый толстокожий либеральный немец, который приветствовал фогтовский грубо утрированный перевод оригинальных декабристских памфлетов на немецкий язык, в бешенстве вскочил со своего покойного кресла, когда Эдмон Абу, в своем памфлете «*La Prusse en 1860*» [«Пруссия в 1860 г.»] первоначально «*Napoléon III et la Prusse*» [«Наполеон III и Пруссия»] с мудрой осторожностью *перевел* компиляцию Да-Да снова на французский язык. Заметим мимоходом, что эта болтливая сорока бонапартизма не лишена лукавства. Так, например, чтобы доказать симпатии Бонапарта к Германии, Абу указывает, что декабрьская монархия сваливает в одну кучу Да-Да Фогта с Гумбольдтом, как и Лазарильо Гаклендера с Гете. Во всяком случае, эта комбинация Фогт-Гаклендер показывает со стороны Абу более глубокое изучение своего предмета, чем это можно найти в «Исследованиях» немецкого Да-Да.

IX. АГЕНТУРА.

So muosens alle striten,
in vil angestlichen ziten
wart gescheiden doch her dan
... der *Vogt* da von Bërne.

(*Klage.*)

[В лихое это время
Борьба велася всеми,
И вот в борьбу вмешался
... из Берна *Фогт*.

(*Плач.*)] *

В одной программе, датированной Да-Да Фогтом с крайней безмятежностью *первым апреля*, именно 1 апреля 1859 г., он обратился к демократам различной окраски с предложением сотрудничать в газете, которая должна была выходить в Женеве и пропагандировать декабристско-русские взгляды его «Исследований». При всей подобающей осторожности, с какой программа, естественно, была составлена, на попоне из пропускной бумаги остались следы лошадиных копыт. Однако не будем на этом останавливаться.

В конце программы Фогт просит своих адресатов указать «единомышленников», которые «были бы готовы работать в этом духе в открытых для них газетах и журналах». На центральном празднестве в Лозанне он заявил, что составил программу и приглашает *тех, которые захотели бы ей следовать*, за соответственный гонорар работать в органах печати, предоставленных в их распоряжение» (стр. 17, «Центральное празднество и т. д.»). Наконец, в одном письме к доктору *Ленингу* мы читаем: «Можешь ли ты связать меня с *людьми*,

* *Гартман*, наоборот, заставляет в *Ивее* *Фогта* сказать, намекая, очевидно, на его разногласие с бернскими колпаками:

von Bèrn mac wol heizen ich,
wand ich dâ niht ze schaffen hân.

[Мне, хоть прозван бернцем,
До Берна дела нет.]

Не следует смешивать этого *Гартмана* с другом Фогта, лирическим парламентским слезняком того же имени.

которые могли бы из Франкфурта обрабатывать газеты и журналы в этом духе? Я готов прилично оплачивать их за работы, оттиски которых будут мне присылаться» («Главная книга», документы, стр. 36).

Единомышленники программы становятся на центральном празднестве в Лозанне *«теми, которые»*, а «те, которые» превращаются в письмо к доктору Ленингу в *«людей»*, людей *sans phrases* [просто людей]. Фогту, генеральному казначею и генеральному ревизору немецкой печати, «предоставлены в распоряжение фонды» (там же, стр. 36) для оплаты не только статей в «газетах и журналах», но и «брошюр» (там же). Ясно, что поставленная на такую ногу агентура требует значительных «фондов».

er sante nach allen den hêrren
die in diusken richen wâren;
êr clagete in allen sin nôt;
unde hôt in ouch sin golt rôt.

(*Kaiserchronik.*)

[Отправил он гонцов ко всем
Князьям земель немецких,
Всем о беде своей сказал,
А также злато предлагал.

(*Имперская хроника.*)

Для какой же цели газеты, журналы, брошюры должны *«теми, которые»* «обрабатываться», Фогту «посылаться» и им «прилично» оплачиваться? «Речь идет об Италии», не более; ведь, чтобы отвратить опасность на Рейне, Фогту «представляется выгодным дать Луи Бонапарту истекать кровью в Италии» (там же, стр. 34, *Программа*). Нет, «речь идет не об Италии» (письмо доктору Ленингу, там же, стр. 36). «Речь идет о Венгрии» (письмо г. Г. в Н., там же). Нет, речь идет не о Венгрии. «Речь идет... о вещах, о которых я не могу сообщить» (там же, документы, стр. 36).

Столь же, как и вещь, о которой идет речь, противоречивы и источники, откуда текут приличные «фонды». Это «отдаленный уголок французской Швейцарии» («Главная книга», стр. 210). Нет, «это венгерские женщины с Запада» (письмо к Карлу Блинду, приложение к № 44 «Allgemeine Zeitung» от 13 февраля 1860 г.). Наоборот, это *masculini* [мужчины] «из кругов немецкой и особенно австрийской полиции» (стр. 17, «Центральное празднество и т. д.»). Столь же, как «источники» и «цели», хамелеонообразны и размеры его фондов. Это «несколько франков» («Главная книга», стр. 110). Это «мелкие фонды» (стр. 17, «Центральное празднество и т. д.»). Это суммы, достаточные для приличной оплаты людей, которые по-фогтовски

станут работать в немецкой печати и писать брошюры. Наконец, двусмысленный характер носит, кроме того, и способ образования этих фондов. Фогт *«сколотил их с большим трудом»* («Главная книга», стр. 210). Нет, они «предоставлены в его распоряжение» (там же, документы, стр. 36).

«Если я не ошибаюсь, — говорит «округленная натура», — то *«подкупать»* значит склонять кого-либо деньгами или предоставлением иных выгод к поступкам или высказываниям, противоречащим его убеждениям» (там же, стр. 217). Но человек, убеждениям которого соответствует *продаваться*, не может быть *подкуплен*, и тот, убеждениям которого это противоречит, также не может быть подкуплен. Если отдел иностранной печати французского министерства предлагает, например, швейцарским газетам за полцены, за четверть цены и даже даром выходящую ежедневно и стоящую 250 фр. «Парижскую литографированную корреспонденцию», обращая внимание «благочестивых редакций» на то, что они могут рассчитывать на ежемесячную дополнительную и все возрастающую сумму в 50, 100 и 150 фр. «в зависимости от успеха», то это ни в каком случае не подкуп. Редакции, убеждениям которых противоречит ежедневная «корреспонденция» и месячное приложение к ней, никто не принуждает принимать ни того, ни другого. И разве «подкуплены» Гранье де-Кассаньяк, или Ля-Герроньер, или Абу, или Грангильо, или Бюлье, или Журдан из «*Siècle*», или Мартен и Бонифас из «*Constitutionnel*», или Рошэ Да-Да-Альбер? Разве им приходилось когда-нибудь в жизни столкнуться с подлежащим оплате поступком или высказыванием, которые противоречили бы убеждениям этих господ? Или разве, например, Фогт подкупил агента раньше враждебного ему швейцарского листка, безвозмездно предоставив в его распоряжение несколько сот экземпляров своих «Исследований»? Во всяком случае странно это фогтовское предложение публицистам работать в духе их убеждений в предоставленных в их распоряжение органах печати и получать гонорар за эту работу через орган Фогта в Женеве. Что Фогт смешивает гонорар, выплачиваемый известной газетой своим сотрудникам, с тайными субсидиями, предлагаемыми из анонимной кассы каким-то третьим субъектом корреспондентам совершенно чуждых ему газет и даже печати целой страны, — это *quid pro quo* [путаница] показывает, как глубоко «вработался» немецкий Да-Да в мораль 2 декабря.

«У источника сидел мальчик...» Но у какого источника?

Вместо намеченного Фогтом еженедельника «*Die neue Schweiz*» впоследствии в Женеве стала выходить «*Neue Schweizer Zeitung*»,

основанная старым приятелем Да-Да, А. Брассом. И вот в одно прохладное ноябрьское утро Брасс заявил, к изумлению всей Женевы, что «в письме к Фогту он отверг *французское кормовое корыто*, которое хотел подставить ему Фогт». В то же время он заявил о своей готовности ответить на суде за это заявление («Neue Schweizer Zeitung» от 12 ноября 1859 года). А петух или, вернее, каплун, до сих пор так весело кукарекавший, замолк, после того как его потрепали на его собственной навозной куче. В самой Женеве одним из «известных» своих друзей «ново-швейцарец, гражданин кантона Берна и женеvский советник» был публично обвинен в *попытке подкупа французскими деньгами*. И женеvский советник молчал.

Пусть не думают, что Фогт мог игнорировать «Neue Schweizer Zeitung». Обвинение против него появилось, как я сказал, в номере от 12 ноября 1859 года. Вскоре после того в этой же самой газете появилась пикантная характеристика Плон-Плона, и «Revue de Genève», орган женеvского диктатора *Джемса Фази*, тотчас же откликнулась на это протестующей передовицей в четыре столбца («Revue de Genève» от 6 декабря 1859 года). Она протестовала «au nom du radicalisme genevois», во имя женеvского радикализма. Такое значение придавал сам Джемс Фази «Neue Schweizer Zeitung». В передовице из четырех столбцов «Revue de Genève» нельзя было не распознать руки Фогта. Брасса в ней до известной степени оправдывают; не он виноват в посягательстве на Плон-Плона, его ввели в заблуждение. По чисто фогтовскому способу *corpus delicti* [улика] взваливается на того самого Л. Гефнера, которого Фогт и в «Главной книге» (стр. 188) подозревает в писании «скандальных сплетен об императоре и принце Наполеоне»; имеется и неизбежный у Фогта намек на «пресловутого баденского экс-лейтенанта Клосмана» как бернского корреспондента «Allgemeine Zeitung» (ср. «Главную книгу», стр. 198). Остановимся коротко на протесте, опубликованном «во имя женеvского радикализма» и для спасения чести Плон-Плона господином и слугой, *Джемсом Фази и Карлом Фогтом*, 6 декабря 1859 г. в «Revue de Genève».

Брасса обвиняют в том, что он пытается «подкрепить свое немецкое мнение о Франции оскорблением принца из дома Бонапартов». *Плон-Плон*, как уже давно знают в Женеве, либерал чистейшей воды, который в период своего изгнания великодушно отказался «играть роль при штутгартском и даже петербургском дворах». Просто смешно приписывать ему мысль об образовании где-то маленького государства, какого-то этрусского королевства, как это делает оскорбительная статья из «Neue Schweizer Zeitung». «Принц Наполеон, в твердом сознании своего *г е н я* и своих *талантов*, ставит себя гораздо выше

этих жалких маленьких тронов». Он скорее предпочитает во Франции, «этом центре высокой цивилизации и всеобщей инициативы», играть роль маркиза Позы при дворе своего светлейшего кузена «в качестве принца-гражданина» (*prince-citoyen*). «Кузен уважает и любит его, что бы там ни говорили». Но принц не только бонапартовский маркиз Поза, он — «бескорыстный друг» Италии, Швейцарии, — словом, национальностей. «Принц Наполеон, как и император, — крупный экономист... Нет сомнения, что если во Франции восторжествуют когда-нибудь принципы здоровой политической экономии, то при большом участии принца Наполеона». Он был и остался «сторонником совершенно неограниченной свободы печати», противником всяких предупредительных полицейских мер, носителем «идей свободы в широчайшем смысле слова как в теории, так и на практике». Если уши императора бывают под дурным влиянием глухи к советам этой Эгерии, то принц удаляется с достоинством, но «без ропота». Не что иное, как «его заслуги», вызвали клеветнические нападки на него в Европе». «Враги Франции боятся его потому, что он опирается на революционную поддержку народов Европы, стремясь вернуть им их национальность и их свободу». Итак, непризнанный гений, маркиз Поза, Эгерия, экономист, защитник угнетенных национальностей, демократ чистейшей воды и — мыслимо ли считать это возможным? — Плон-Плон «*est habile comme général et brave comme tout officier français*» [искусен, как генерал, и храбр, как всякий французский офицер]. «Он доказал это в Крымскую кампанию во время битвы при Альме и после нее». А в итальянскую кампанию он «отлично организовал свой 50-тысячный корпус» (известный *corps de touristes* [корпус туристов], я чуть было не сказал *corps de ballet* [кордебалет]) «и в короткое время совершил тяжелый переход через гористую местность, причем войска его не терпели ни в чем недостатка». Как известно, французские солдаты в Крыму называли боязнь пушечных выстрелов *la maladie Plon-Plonienne* [болезнью Плон-Плона], и, вероятно, Плон-Плон покинул полуостров лишь из-за возраставшего недостатка жизненных припасов. «Мы показали его» — именно Плон-Плона, — торжествуя заканчивает «*Revue de Genève*», — «таким, каков он есть». Ура генералу Плон-Плону!

Ничего поэтому нет удивительного, если Фогт говорит, что получил свою походную кассу из «демократических рук». Плон-Плон, этот *prince rouge* [красный принц] — идеал Фогта и Фази, так сказать, заколдованный принц европейской демократии. Фогт не мог получить своих денег из более чистых демократических рук, чем из рук Плон-Плона. Если даже часть прямо переданных августейшим

кузеном Плон-Плона Кошуту денег попала через венгерские руки в руки Фогта, то их «происхождение ужасно». Но из рук Плон-Плона! Даже те деньги, которые *Фогт* получил во время невшательского дела от графини К..., подруги Клапки, могли притти из более нежных рук, но не из более чистых и более демократических. Plon-Plon est voluptueux comme Heliogabale, lâche comme Ivan III et faux comme un vrai Bonaparte [Плон-Плон сластолюбив, как Гелиогабал, труслив, как Иван III, и лжив, как настоящий Бонапарт], — говорит известный французский писатель. Худшее из того, что содеял Плон-Плон, было то, что он произвел своего кузена в *homme sérieux* [серьезного человека]. Виктор Гюго мог сказать о Луи Бонапарт: *n'est pas monstre qui veut* [мало одного желания быть чудовищем], но с тех пор, как Луи Бонапарт открыл Плон-Плона, на господине из Тюильри сосредоточилась деловая, а на субъекте из Пале-Рояля шутовская сторона имперской головы Януса. Фальшивый Бонапарт, племянник своего дяди, но не сын своего отца, казался настоящим по сравнению с этим настоящим Бонапартом, так что французы все еще говорят: *l'autre est plus sûr* [скорее другой настоящий]. Плон-Плон одновременно и Дон-Кихот, и Гудибрас *Bas Empire* [поздней империи]. Гамлет находил странным, что, может быть, праху Александра предопределено служить затычкой пивной бочки. Что сказал бы Гамлет, увидев сгнившую голову Наполеона на плечах Плон-Плона! *

Получив основной фонд своей походной кассы «из французского кормового корыта», *Фогт*, чтобы замаскировать корыто, для вида попутно устраивал сборы «нескольких франков» среди более или менее демократических друзей. Так просто разрешаются противоречия, связанные с источником, количеством и способом образования его фондов.

Фогтовская агентура не ограничивалась «Исследованиями», «Программой» и вербовочным бюро. На *лозаннском «центрально-празднестве»* он возвестил немецким рабочим в Швейцарии миссию Луи Бонапарта по освобождению национальностей, — разумеется, с более радикальной точки зрения, чем в «Исследованиях», предназначенных для либерального немецкого филистера. В то время как здесь («Исследования»), он, путем глубокого проникновения в

* Фогт, как он рассказывает, должен был уже в 1852 г. предпринять научное путешествие (шествие Бахуса?) с Плон-Плоном, которому один «продвинутой» энтузиазмом рекомендовал его за его «*mais do que promettia a força humana*» [«более изумительные, чем можно ожидать от человеческих сил»] «естественно-научные изыскания» («Главная книга», документы, стр. 24).

отношения между «материей и силой», пришел к убеждению, что нельзя и думать о «потрясении и уничтожении существующих правительств в Германии» («Исследования», предисловие, стр. VII), и убеждал «немецкого буржуа» (там же, стр. 128) «принять близко к сердцу», что бонапартистское «освобождение» Италии защищает «от революции» в Германии, он немецким рабочим, наоборот, разъясняет, что «Австрия — *единственный опорный пункт* для дальнейшего их (немецких государей) существования» («Центральное празднество и т. д.», стр. 11). «Я только что сказал вам, — говорит он, — что по отношению к загранице Германии не существует, что ее нужно только создать, и, по моему убеждению, она может быть создана только в *виде союза республик*, наподобие швейцарской федерации» (там же, стр. 10). Он это сказал 26 июня 1859 г., между тем как еще 5 июня, в послесловии ко 2-му изданию «Исследований», он умоляет принца-регента Пруссии силой оружия и династической гражданской войной подчинить Германию дому Гогенцоллернов. Монархическая централизация силой оружия, разумеется, кратчайший путь к федеративной республике «наподобие швейцарской федерации». Он развивает далее теорию о «*внешнем враге*» — Франции, — к которому должна примкнуть Германия против «*внутреннего врага*» — Австрии. «Если бы я, — восклицал он, — должен был выбирать между чортом (Габсбургом) и его бабушкой (Луи Бонапартом), *то я выбрал бы последнюю*; она старая женщина и умрет». Этот прямой призыв к Германии из ненависти к Австрии броситься в объятия декабристской Франции показался ему, однако, слишком компрометирующим для читающей публики, и поэтому в *напечатанной* речи он изменен уже следующим образом: «И если речь идет о том, чтобы в борьбе между чортом и его бабушкой встать на чью-либо сторону, то мы предпочитаем, *чтобы оба перебили и пожрали друг друга*, избавив нас от этого труда» («Центральное празднество», стр. 13). Наконец, в то время как в «Исследованиях» он поднимает на щит Луи Бонапарта как крестьянского и солдатского императора, он на этот раз, перед рабочей аудиторией, заявляет, что «*именно парижские рабочие в своем подавляющем большинстве* перешли теперь на сторону Луи Бонапарта». Французские рабочие якобы думают, что Луи Бонапарт делает «*все, что должна была бы делать республика, предоставляя работу пролетариям, разоряя буржуазию* и т. д.» («Центральное празднество», стр. 9). Итак, Луи Бонапарт — *рабочий диктатор*, и в качестве рабочего диктатора его прославляет пред немецкими рабочими в Швейцарии тот самый Фогт, который в «Главной книге» вскипает от буржуазного негодования при одном только слове «рабочая диктатура»!

Парижская программа, предписывавшая декабристским агентам в Швейцарии план действий по вопросу об аннексии Савойи, состояла из трех пунктов: 1) по возможности дольше игнорировать слухи об угрожающей опасности, а, в случае необходимости, объявлять их австрийской выдумкой; 2) в дальнейшей стадии распространять мнение, что Луи Бонапарт собирается захватить нейтрализованную область в Швейцарии, и, наконец, 3) после аннексии Савойи указывать на нее как на предлог для *союза Швейцарии с Францией*, т. е. для осуществления ее добровольного подчинения бонапартистскому протекторату. Мы увидим, как верно следовали этой программе господин и слуга, *Джесмс Фази* и *Карл Фогт*, женеvский диктатор и его креатура — женеvский советник.

Мы уже знаем, что Фогт в «Исследованиях» избегал малейшего намека на идею, ради которой его роковой человек пошел на войну. То же молчание на центральном празднестве в Лозанне, в Национальном совете, на празднестве в честь Шиллера и Роберта Блюма, в бильском «Коммивояжере», наконец в «Главной книге». И, тем не менее, «идея» — более раннего происхождения, чем *пломбьерский* заговор. Уже в *декабре 1851 г.*, несколько дней спустя после государственного переворота, можно было прочесть в «*Patriote Savoisien*»: «В передних Елисейского дворца уже распределяют между собой чиновничьи посты в Савойе. Бонапартистские газеты весьма мило подшучивают по этому поводу» *. 6 декабря 1851 г. Фази уже видел, что Женева достается декабристской монархии **.

1 июля 1859 г. *Штемплфи*, тогда президент Союза, имел беседу с английским поверенным в делах в Берне капитаном Гаррисом. Он повторил свое опасение, что в случае расширения сардинского господства в Италии неизбежна аннексия Савойи Францией, и подчеркивал, что аннексия, в частности северной Савойи, совершенно *обнажает* один из флангов Швейцарии и вскоре повлечет за собою потерю Женеvы (см. первую Blue Book: «On the proposed annexation of Savoy and Nice», No. I [Синяя книга: «О предполагаемой аннексии Савойи и Ниццы», № 1]). Гаррис сообщил об этом Мамсбри [Malmesbury],

* «On se partage déjà les places... de la Savoie dans les antichambres de l'Elysée. Ses journaux plaisantent même assez agréablement la-dessus».

** «Peut-être le citoyen Thurgovien que nous avons si bien défendu contre les menaces de Louis Philippe, nous fera-t-il la grâce de vouloir bien se constituer comme médiateur et reprendre de nous Genève» («Revue de Genève» от 6 декабря 1851 г.) [«Быть может, гражданин из Тургау, которого мы так хорошо защищали от угроз Луи-Филиппа, будет так любезен и выступит посредником, чтобы принять от нас Женеvу»].

который, со своей стороны, поручил лорду Каули в Париже потребовать у Валуевского разъяснений о намерениях императора. Валуевский нисколько не отрицал, что «вопрос об аннексии не раз обсуждался между Францией и Сардинией и что император придерживается того мнения, что если Сардиния расширится до размеров италийского королевства, то есть основания ожидать, что она, со своей стороны, сделает территориальные уступки Франции» (№ IV, там же). Ответ Валуевского датирован 4 июля 1859 г. и предшествовал, таким образом, Виллафранкскому миру. В августе 1859 г. в Париже появился памфлет Пететэна, в котором Европа подготавливалась к аннексии Савойи. В августе же, после летней сессии швейцарского Национального собрания, Фогт пополз в Париж за инструкциями к Плон-Плону. Чтобы замести следы, он поручил своим собутыльникам, Раникелю и К^о, распространить в Женеве слух, будто он уехал на курорт на Фирвальдштетское озеро.

zè Pâris lèbt er mangeln tac,
vil kleiner wisheit er enpflic,
sîn zerung was unmâzen grôz; ...
ist êr ein esel und ein guoch
daz sêlb ist êr zuo Pâris ouch.

[В Париже долго прожил он,
Но даже там не стал умен,
А только ел за семерых.
Как был обжорой и ослом,
Так и остался он при том.]

В сентябре 1859 г. швейцарский Союзный совет увидел, что опасность аннексий все приближается (там же, № VI); 12 ноября он решил послать великим державам составленный в этом духе меморандум, а 18 ноября президент Штемплфи и канцлер Шисс вручили официальную ноту английскому поверенному в делах в Берне (там же, № IX). Вернувшись в октябре из своей неудачной поездки в Тоскану, где он напрасно агитировал в пользу этрусского королевства Плон-Плона, *Джеймс Фази* выступил теперь против слухов об аннексии по своему обыкновению с гневной аффектацией и шумной бранью: ни во Франции, ни в Сардинии никто якобы и не думает об аннексии. По мере того как приближалась опасность, росло доверие «*Revue de Genève*», у которой в ноябре и декабре 1859 г. культ наполеонидов (см., например, цитированную выше статью о Плон-Плоне) дошел до корибантского неистовства¹.

¹ Корибанты — мифические жрецы богини Кибелы или фригийской Реи, в диком воодушевлении, с музыкой и танцами отправлявшие служение. *Ред.*

С 1860 г. мы вступаем во вторую аннексионистскую фазу.

Не в декабристских интересах уже было игнорировать и отрицать. Дело шло теперь, наоборот, о том, чтобы соблазнить Швейцарию в пользу аннексии и поставить ее в ложное положение. Надо было исполнить второй пункт тюильрийской программы и, следовательно, как можно громче возвестить о предполагаемой передаче нейтральной области Швейцарии. Швейцарские декабристы в этом деле, разумеется, были поддержаны одновременными маневрами в Париже. Так, в начале января 1860 г. министр внутренних дел *Барош* заявил швейцарскому посланнику доктору *Керну*, что «если произойдет перемена владельцев Савойи, то Швейцария одновременно, в согласии с договорами 1815 г., должна будет получить хорошую линию обороны» (см. цитированную Синюю книгу, № XIII). Еще 2 февраля 1860 г., в тот самый день, когда *Тувенель* заявил английскому послу, лорду Каули, о «возможности» аннексии Савойи и Ниццы, он одновременно сказал ему, что «французское правительство считает само собою разумеющимся, что при таких обстоятельствах округа Шабле и Фосиньи должны *навсегда* отойти к Швейцарии» (там же, № XXVII).

Распространение этой иллюзии должно было не только склонить Швейцарию к аннексии Савойи декабристской империей, но и ослабить силу ее позднейшего протеста против аннексии и скомпрометировать ее в глазах Европы как соучастницу героев декабря, хотя и обманутую. Президент союза с 1860 г. *Фрей-Эрозе* не попал в эту ловушку, а, наоборот, заявил капитану Гаррису свои сомнения насчет проблематических выгод включения в Швейцарию нейтрализованной области. Со своей стороны, *Гаррис* предостерег союзное правительство против бонапартистской интриги, чтобы «Швейцария не казалась державой, также питающей аннексионистские вожделения и стремящейся к расширению своей территории» (там же, № XV). Наоборот, английский посол в Турине *сэр Джамс Гудсон* писал после продолжительной беседы с *Кавуром* лорду Джону Росселю: «У меня есть серьезные основания думать, что Швейцария также жаждет аннектировать часть Савойской области. Следовательно, не нужно себе строить никаких иллюзий, и если Франция порицается за аннексионистские вожделения, то и Швейцария не менее повинна в том же... Так как, ввиду такого двойного натиска, этот вопрос осложняется, то позицию Сардинии можно скорее извинить» (там же, № XXXIV). Наконец, когда Луи Бонапарт сбросил маску, Тувенель без всякого стеснения раскрыл секрет лозунга об аннексии Швейцарией нейтральной области. В депеше к французскому посланнику

в Берне он открыто издевается над протестом Швейцарии против аннексии Савойи Францией — и на каком основании? На основании навязанного Швейцарии из Парижа «плана раздела Савойи» (см. депешу Тувенеля от 13 марта 1860 года).

Какое же участие приняли в этих интригах швейцарские агенты декабря? *Джеймс Фази* первый изображает в январе 1860 г. английскому поверенному в делах в Берне аннексию Швейцарией Шабле и Фосиньи не как обещание Луи Бонапарта, а как собственное желание Швейцарии и жителей нейтрализованных округов (там же, № XXIII). *Фогт*, до того никогда не подозревавший даже о возможности аннексии Савойи Францией, вдруг оказывается исполненным пророческим духом, и «*Times*», со дня своего основания никогда не упоминавший имени Фогта, вдруг сообщает в корреспонденции от 30 января: «Швейцарский профессор Фогт утверждает, что он осведомлен, будто Франция готова закрепить за Швейцарией нейтральные области Савойи — Фосиньи, Шабле и Женевское графство, если Союзный совет республики предоставит Франции свободное пользование Симплонем» («*Times*», 3 февраля 1860 г.). Мало того! В конце января 1860 г. Джеймс Фази уверяет английского поверенного в делах в Берне, что *Кавур*, с которым он месяца два назад имел продолжительную беседу в Женеве, с бешенством говорит о территориальной уступке Франции (см. цитированную Синюю книгу, № XXXIII). В то время как Фази в беседе с англичанами, таким образом, ссылается на Кавура, Кавур оправдывается перед Англией ссылками на аннексионистские вождедения этого самого Фази (там же, № XXXIII). И, наконец, швейцарский посол в Турине *Турт* еще 9 февраля 1860 г. прибежал самолично к английскому послу Гудсону, чтобы уверить его, что «между Сардинией и Францией не существует никакого соглашения насчет уступки Савойи и что Сардиния совершенно не склонна обменять ее или уступить Франции» (там же).

Но решительная минута приближалась. Парижская «*Patrie*» от 25 января 1860 г. подготовляла к аннексии Савойи в статье «*Les vœux de la Savoie*» [«Требования Савойи»]. В другой ее статье от 27 января «*Le comté de Nice*» [«Графство Ницца»] в декабристской стилизации уже показалась тень грядущей аннексии Ниццы. 2 февраля 1860 г. Тувенель сообщил английскому посланнику Каули, что еще до войны между Францией и Сардинией произошло соглашение о «возможности» аннексии Савойи и Ниццы. Но официальная нота о *действительном* решении Франции аннектировать Савойю и Ниццу была сообщена лорду Каули лишь 5 февраля (см. речь лорда Каули

в палате лордов от 25 апреля 1860 г.), а доктору Керну лишь 6 февраля, причем обоим, английскому и швейцарскому посланникам, определенно было заявлено, что нейтрализованная область должна быть уступлена Швейцарии. До этих официальных заявлений *Джемсу Фази* сообщили из Тюильри, что по тайному договору Сардиния *уже* уступила Савойю и Ниццу Франции и что в договоре не содержится *никакой оговорки в пользу Швейцарии*. До официальных заявлений Тувенеля лорду Каули и доктору Керну *Фази* должен был подсахарить императорскую пилюлю и преподнести ее своим же-невским подданным. Поэтому 3 февраля по его поручению слепо преданный ему *Джон Перье* устроил в помещении Народного клуба в Женеве митинг, на котором он якобы случайно очутился, под предлогом, будто «он только что услышал (*je viens d'entendre*), что говорят о договоре, заключенном между Францией и Сардинией об уступке Савойи. К сожалению, такой договор был подписан 27 января сардинским правительством; но из этого *положительного факта* еще не следует заключать, что наша безопасность действительно находится под угрозой... Правда, в договоре нет никакой оговорки о наших правах на нейтрализованную Сардинскую область; но мы не знаем, не имеют ли в виду такую оговорку договаривающиеся стороны?.. Возможно, что она считается сама собою разумеющейся (*sous entendu comme allant de soi*)... Мы не должны только преждевременно проявлять недоверие... Мы должны руководствоваться *своими симпатиями* (к империи государственного переворота)... и воздерживаться от всяких враждебных заявлений» (см. «полную доверия» речь Фази, своего рода шедевр демагогии, в «*Revue de Genève*» от 3 февраля 1860 года). Английский поверенный в делах в Берне нашел пророческие сведения Фази слишком важными, чтобы депешей не поставить о них в известность лорда Джона Росселя.

Официальный договор о передаче Франции Савойи и Ниццы должен был быть заключен 24 марта 1860 года. Нельзя было поэтому терять ни минуты. Надо было еще до официального оповещения об аннексии Савойи официально констатировать швейцарский патриотизм женевских декабристов. Поэтому в начале марта синьор *Фогт*, сопровождаемый генералом *Клаккой*, — который, может быть, действовал *de bonne foi* [вполне добросовестно], — поехал в Париж, чтобы оказать *свое* влияние на Эгерию Пале-Рояля, непризнанного гения Плон-Плона, и на глазах всей Швейцарии бросить *свой личный вес* на чашу весов в пользу присоединения нейтрализованной области к Швейцарии. Из-за лукулловского стола Плон-Плона, — в гастрономии, как известно, Плон-Плон может соперничать с Лукуллом и

Камбасересом, и если бы восстал из мертвых сам Брилья-Саварен, он должен был бы только удивляться *гению, политической экономии, либеральным идеям, таланту полководца и личной храбрости* Плон-Плона в этой области, — из-за лукулловского стола Плон-Плона, в который он храбро врезался в качестве «приятного собеседника», Фальстаф-Фогт взывал к храбрости Швейцарии (см. его парижское послание в бильском «Коммивояжере» от 8 марта 1860 г., Приложение). Швейцария должна показать, что «ее милиция служит не только для парадов и для игры в солдатики». «Уступка нейтрализованной области в пользу Швейцарии» — иллюзия. «Передача Франции Шабле и Фосиньи, это лишь — *первый шаг*, за которым последуют другие». «*На двух ходулях, национальности и естественных границах*, можно добраться с Женевского озера до Аара и, под конец, до Боденского озера и Рейна, — если только ноги достаточно крепки». Но Фальстаф-Фогт — и в этом вся соль — *все еще не верит тому*, что сам французский министр Тувенель поведал официально уже месяц назад и что знает вся Европа, — именно, что уступка Савойи и Ниццы была обусловлена *еще в августе 1858 г. в Пломбьере* как цена французского вмешательства против Австрии. Его «роковой человек» только теперь, под влиянием попов и против собственной воли, попал в объятия шовинизма и насильственно был вынужден захватить нейтрализованную область. «Очевидно, — лепечет в замешательстве наш апологет, — очевидно в руководящих кругах *и с к а л и* противовеса против *все растущего клерикального движения* и решили, что нашли его в так называемом шовинизме, — в глупейшем национализме, который ничего не знает, кроме захвата *к л о ч к а (!)* земли».

После того как Фогт, опьяненный испарениями плон-плоновской кухни, обнаружил такое мужество в бильском «Коммивояжере», он, вскоре по возвращении из Парижа, стал в том же органе рассказывать басни об абсолютных симпатиях жителей Ниццы к французам, и у него из-за этого произошло неприятное столкновение с *Веици Рускалла*, одним из главных представителей итальянского национального общества и автором брошюры «La Nazionalità di Nizza» [«Национальность Ниццы»]. А когда этот же герой, разыгрывавший из-за стола Плон-Плона роль Винкельрида, заговорил в бернском Национальном совете, то воинственные трубные звуки превратились в дипломатическое насвистывание на флейте, рекомендовавшее спокойное продолжение переговоров *со всегда симпатизировавшим Швейцарии императором* и особенно настоятельно предостерегавшее от *союза с Востоком*. Союзный президент *Фрей-*

Эрозе сделал в своей речи какие-то странные намеки по адресу *Фогта*, получившего, с другой стороны, удовлетворение в похвальном отзыве о его речи со стороны «Nouvelliste Vaudois». «Nouvel-
liste vaudois» — орган гг. Бланшнэ, Деларага и других ваадтских магнатов, одним словом — орган Западной швейцарской железной дороги, подобно тому как «Neue Züricher Zeitung» — орган цюрихского бонапартизма и Северо-восточной железной дороги. Для характеристики патронов «Nouvelliste Vaudois» достаточно указать, что в связи с известным спором об Оронской железной дороге пятеро ваадтских правительственных советников были неоднократно и безнаказанно обвиняемы печатью противной стороны в том, что каждый из них получил в подарок от парижского Crédit Mobilier — главного акционера Швейцарской западной железной дороги — по 10 000 франков (по 20 акций).

Через несколько дней после того, как *Фогт*, в сопровождении Клапки, поехал к Эгерии Пале-Рояля, *Джеймс Фази*, в сопровождении *Джона Перье*, поехал к сфинксу из Тюильри. Как известно, Луи Бонапарту нравится роль сфинкса, и он оплачивает своих собственных Эдипов, подобно тому как прежние короли Франции оплачивали своих придворных шутов. *Фази* в Тюильри встал между Швейцарией и сфинксом. *Джон Перье*, как сказано, был его спутником. Этот Джон — тень Джеймса; он делает все, чего тот хочет, и ничего не делает, чего тот не хочет; он живет им и для него; он стал благодаря ему членом Женевского большого совета; он устраивает все празднества, приготовляет все тосты, он его Лепорелло и его Фиален. Оба вернулись в Женеву ни с чем, поскольку дело шло об интересах Швейцарии, и с огромным успехом, поскольку дело шло об угрожавшей положению *Фази* опасности. *Фази* гремел на публичных выступлениях, что теперь у него повязка упала с глаз, что впредь он будет так же ненавидеть Луи Бонапарта, как до сих пор любил его. Странная любовь, девятилетняя любовь республиканца *Фази* к убийце двух республик! *Фази* разыгрывал роль обманутого патриота с такой виртуозностью, что вся Женева утопала в фазиевском энтузиазме, и потеря фазиевых иллюзий стала ощущаться чуть ли не более болезненно, чем потеря нейтрализованной области. Даже Теодор де-Соссюр, многолетний противник *Фази*, глава оппозиционной аристократической партии, признал, что невозможно больше сомневаться в швейцарском патриотизме *Фази*.

Сопровождаемый столь заслуженными народными овациями, женевский тиран поспешил отправиться в бернский Национальный совет. Вскоре после его отъезда его наперсник, его парижский спутник,

словом — его собственный *Джон Перье*, предпринял особого рода поход аргонавтов. Банда женевских пьяниц (так, по крайней мере, назвал их *лондонский «Times»*), набранных из общества «Fruitiers» [зеленщиков], демократической лейб-гвардии Фази, отплыла, под начальством *Перье*, без оружия в *Тонон*, чтобы в этом пункте нейтрализованной области произвести *антифранцузскую* демонстрацию. В чем состояла или должна была состоять эта демонстрация, должны ли были аргонавты добыть золотую шкуру или расстаться с собственной шкурой, — этого не может до сих пор сказать никто, так как никакой Орфей не сопровождал похода аргонавтов *Перье* и никакой Аполлоний не воспел его. Дело шло, повидимому, о своего рода символическом завладении нейтрализованной областью со стороны Швейцарии, представленной *Джоном Перье* и его бандой. Действительной же Швейцарии достались только бесконечные хлопоты с дипломатическими извинениями, заверениями в лояльности, изъяснениями негодования по поводу символического захвата *Джоном Перье* *Тонона*, так что Луи Бонапарт показался даже великодушным, когда ограничился только фактическим захватом *Тонона* и прочей нейтрализованной области.

Джон Перье, в карманах которого оказалось несколько тысяч франков, был арестован в Женеве. По оговору *Перье* был арестован также государственный вице-канцлер и редактор «*Revue de Genève*» *Дюкоммен*, молодой человек без собственных средств, зависящий в занимаемых им обоих выше названных местах от президента государственного совета и хозяина «*Revue*», *Джемса Фази*. Он сознался, что дал *Перье* деньги, позаимствовав их из кассы, предназначавшейся для создания одного добровольческого корпуса, — кассы, существование которой оставалось до того неизвестным женевским радикалам. Судебное следствие закончилось освобождением сперва *Дюкоммена*, потом *Перье*.

24 марта Ницца и Савойя вместе с нейтрализованной областью были официально уступлены Виктором Эммануилом Бонапарту. 29 — 30 марта *Джон Перье*, вернувшийся вместе с *Фази* из Парижа в Женеву, предпринял свой поход аргонавтов, эту шутовскую демонстрацию, которая как раз в решительный момент испортила возможность всякой серьезной демонстрации. *Джемс Фази* уверял в Берне, что «он ровно ничего не знает о происшествии» *. В экс-нейтральной

* Сознание, что после аннексии северной Савойи Женеве оказалась включенной во французскую территорию, а также укрепление французами тононской гавани, как известно, сильно подняло в последнее время антидека-

области *Лети* хвалился, что если бы швейцарцы действительно произвели нападение, то его император тотчас же двинул бы против Женевы три дивизии. Наконец, Фогт совсем не был посвящен в тайну экспедиции аргонавтов, так как за несколько дней до нее он профилактически *донес женевской полиции* — но по ложному следу — на затеваемое из Женевы столкновение, которое должно было произойти на границе Савойи. По этому поводу передо мной лежит письмо живущего в Женеве эмигранта (бывшего прежде приятелем Фогта) к живущему в Лондоне эмигранту. Там, между прочим, сказано:

Фогт распространял слухи, будто я беспрестанно катаюсь между западной Швейцарией и Савойей с целью вызвать революцию во вред Швейцарии и к выгоде враждебных Швейцарии держав. Это было за несколько дней до истории *Перье*, о которой Фогт, наверное, знал, я же — так же мало, как Вы. Он, очевидно, пытался навести следы на меня, чтобы меня погубить. По счастью, *он донес на меня так же и директору полиции Дюи*, который приказал меня позвать и был не мало поражен, когда я, при первом же вопросе, со смехом прервал его: «Ага! известно, фогтовская интрига!» Он попросил более подробных сведений о моих отношениях к *Фогту*. Мои заявления были одновременно поддержаны одним правительственным секретарем, членом «Гельвеции», который на следующий день поехал в Берн на центральное собрание и здесь выразил брату Фогта свое неудовольствие по поводу поведения Карла. На это Густав лаконически ответил, что он давно уже заметил из писем, как обстоит дело с его политикой.

Если сперва молчание, отрицание и проповедь доверия к Луи Бонапарту должны были отвлечь внимание Швейцарии от опасности, если затем крики о предполагаемом включении Фосиньи, Шабле и Женевского графства в Швейцарии должны были популяризировать мысль об аннексии Савойи Францией, если, наконец, тононский фарс должен был сломить всякое серьезное сопротивление, то теперь, согласно парижской программе, последовавшая в действительности аннексия и ставшая очевидной самая опасность должны были

бристские настроения старой республики. Но подлинные выражения этого народного настроения часто сопровождаются фальшивыми, которые проявляются по заказу из Парижа и отчасти даже французскими полицейскими агентами. Так, например, в «Saturday Review» от 22 сентября 1860 г. читаем: «Одна компания «швейцарцев» позволила себе в Тононе грубые оскорбления против империи, когда какой-то неловкий жандарм, в пылу официального рвения, арестовал их и потребовал предъявления паспортов». Швейцарцы оказались французами, бумаги которых были в полном порядке... Но больше всего в связи с этими искусственными столкновениями вызывает на размышление тот факт, что в одном из наиболее ранних и сомнительных из них *оказался сильно замешанным один близкий приверженец Фази* (друг Перье). («The gravest fact relating to these artificial collisions is, that in one the earliest and the worst of them a close adherent of Mr. Fazy was prominently implicated»).

в конечном счете служить мотивами для добровольного разоружения Швейцарии, т. е. для *ее союза с декабристской монархией*.

Задача была настолько деликатна, что только сам *Джемс Фази* мог взяться за ее решение. Его слуга *Фогт* мог предупреждать против *союза с Востоком*, но только сам Фази был в состоянии защищать *союз с Западом*. На его необходимость он впервые намекнул в «*Revue de Genève*». 18 апреля 1860 г. в Женеве циркулировали выдержки из одного лондонского письма, в котором, между прочим, говорилось:

Рекомендуйте вашим влиятельным согражданам остерегаться советов *Джемса Фази*, который может предложить Швейцарии *отказаться от своего нейтралитета*. Весьма вероятно, что этот совет исходит от самого *французского правительства*, услужливым агентом которого до сих пор состоит *Джемс Фази*... Теперь он занимает позицию доброго швейцарца, борющегося с планами Франции, но одно всегда хорошо осведомленное лицо уверяет меня, что это — уловка. Лишь только Швейцария заявит, что она не хочет и не может остаться *нейтральной*, французское правительство примет это к сведению и навяжет ей союз, как во времена первой империи.

В ответ на это *Фази* напечатал в «*Revue de Genève*»:

«В тот день, когда Савойя будет присоединена к Франции, нейтралитет Швейцарии падет сам собой, и такой совет со стороны Фази был бы, таким образом, излишним».

Три месяца спустя, 10 июля, *Джемс Фази* произнес в швейцарском Национальном совете речь «с неистовыми проклятиями, сжимая кулаки против бонапартистских денежных тузов и баронов Союза — он обвинял их как *le gouvernement souterrain* [подпольное правительство] — он шел в бонапартистский лагерь». И хотя он как будто резче всего обрушивался на цюрих-ваадтскую, официально французскую партию, она тем не менее не мешала ему бушевать. «Европа, в особенности Германия, покинула Швейцарию. В силу этого нейтралитет стал невозможен; Швейцария должна искать с о ю з о в, но где?» Затем этот старый демагог бормочет что-то о «близкой родственной Франции, которая когда-нибудь поймет и исправит свою несправедливость и, может быть, станет еще республикой и т. д. Но новую политику должны начать не изжившие себя денежные тузы и бароны Союза, ее должна проводить Гельвеция, народ. Подождите, ближайшие выборы научат вас. Присутствие федеральных войск в Женеве можно только приветствовать. Но если их присутствие должно выражать хоть малейшее сомнение в теперешнем строе Женевы, то не нужно их. Женеве сама найдет в себе помощь и защиту».

Таким образом, 10 июля *Джемс Фази* проводил в Национальном

совете то, на что он намекал в «Revue de Genève» от 18 апреля, — «новую политику», союз Швейцарии с Францией, т. е. аннексию Швейцарии Францией. Хорошо осведомленные швейцарцы считали преждевременным это приподнимание антибонапартистской маски, которую Фази носил со времени своего возвращения из Тюильри. Однако именно Фази обладает исключительной, напоминающей почти Пальмерстона, виртуозностью в искусстве преднамеренной нескромности.

Пользующиеся наиболее дурной репутацией представители «gouvernement souterrain» [«подпольного правительства»] внесли, как известно, в Национальный совет вотум порицания Штемпли, который, как президент Союза, верно понял положение и одно время принял правильное решение занять нейтрализованную область федеральными войсками и обезопасить ее от французских посягательств. Вотум порицания был отвергнут подавляющим большинством голосов, но среди них не было голоса Фогта. «Для Карла Фогта, — писали мне тогда из Швейцарии, — весьма характерно, что его не было при обсуждении в Национальном совете вотума порицания союзн. през. Штемпли. В качестве представителя кантона Женевы, над которым нависла угроза со стороны Бонапарта, Фогт должен был бы голосовать за Штемпли, энергичного защитника интересов этого кантона. Кроме того, он лично с ним в приятельских отношениях и обязан ему благодарностью. Отец Фогта и два его брата служат чиновниками в Бернском кантоне; третьему брату Штемпли помог недавно занять хорошо оплачиваемое место старшего федерального статистика. При таких отношениях нельзя было во время поименного голосования выступить против друга, благодетеля и популярного человека. Но, с другой стороны, еще менее способен был плон-плонист приветствовать политику, не на жизнь, а на смерть борющуюся с агрессивными планами бонапартизма. Отсюда необходимость убежать и спрятать голову, но широкий зад все же виден и получает удары: такова обычная стратегема и земная судьба современного Фальстафа».

Данный из Тюильри и повторенный так громогласно Джемсом Фази в «Revue de Genève», а его лакеем Фогтом в бильском «Коммивояжере», в «Исследованиях», в «Главной книге» и т. д. пароль «австрофильства» обрушился, наконец, обратно на голову самой Швейцарии. Приблизительно в середине апреля на всех стенах Милана появился плакат: «Спор между Наполеоном и Швейцарией». В нем говорилось:

«Савойя представляла, повидимому, лакомый кусок для Швейцарии, и, подстрекаемая Австрией, она поспешила встать на пути

Наполеону III в деле, которое касалось только Италии и Франции... Англия и северные великие державы, *за исключением Австрии*, не делают ни малейших возражений против аннексии Савойи; *только Швейцария, подстрекаемая Австрией*, стремящейся разжигать беспокойство и волнения во всех объединенных владениях Сардинии, наложила свое veto... *Швейцария — аномальное государство*, которое не может долго сопротивляться натиску великого принципа национальностей. Немцы, французы, итальянцы не способны подчиняться одним и тем же законам. Если Швейцария это знает, то пусть она вспомнит, что в кантоне Тессина говорят на языке Фосколо и Джюсти, пусть она не забывает, что значительная часть ее причисляет себя к великой и великодушной, так называемой *французской нации*. Швейцария вообще, повидимому, *австрийская выдумка*.

В то время как сам Фогт так усердно занимался спасением *Швейцарии* от когтей *Австрии*, он поручил одному из своих любезнейших сообщников, болтливому швабу и хвастливому члену парламентского охвостья, *Карлу Майеру из Эслингена*, в настоящее время владельцу ювелирной фабрики, заботу о спасении *Германии*. При освящении знамени невшательского немецкого рабочего общества, которое праздновалось в кабачке «Короны» в Сен-Блезе, оратор — член парламентского охвостья и ювелир *Карл Майер из Эслингена* — приглашал Германию «*пропустить* французов только через Рейн, так как иначе в Германии никогда не станет лучше». Два депутата от женевского рабочего общества, вернувшись после нового года (1860 г.) с этого праздника освящения, рассказали об этом инциденте. После того как сообщение их было подтверждено депутатами различных других западно-швейцарских обществ, женевское общество обратилось ко всем другим с циркулярным письмом, предостерегая против бонапартистских интриг, ведущихся среди немецких рабочих в Швейцарии.

«Согласно воспоминанию о первой империи», — я цитирую по лежащим передо мной мемуарам, — «когда даже некоторые немцы старались содействовать мировому владычеству Наполеона, в надежде, что империя-колосс не переживет падения своего повелителя и что из распадающихся провинций франкской империи, по крайней мере, образуется единая Германия, которая тогда легче сумеет завоевать себе свободу, — в то время называли политическим шарлатанством, когда из живого организма высасывали всю кровь, в надежде на чудесное появление у него новой здоровой крови, и встречало осуждение, когда у великого народа отрицали силу для самопомощи, право на самоопределение; наконец, указывали, что

ожидаемый мессия Германии уже показал в Италии, что *он* понимает под освобождением национальностей и т. д. и т. д. Циркулярное письмо, как в нем было указано, обращалось лишь к тем немцам, которые для хорошей цели выбирали неправильные средства; однако отказывалось иметь дело с *п р о д а ж н ы м и п у б л и ц и с т а м и и т щ е с л а в н ы м и б ы в ш и м и л ю д ь м и*.

В то же время в «Aargauer Nachrichten, органе Гельвеции», бичевали «логику, согласно которой надо впустить ежа в кротовью нору, чтобы его можно было скорее поймать и вновь выбросить; по этой безукоризненной логике, следует предоставить полную свободу Эфиальтам, чтобы могли появиться Леониды. *И з в е с т н ы й п р о ф е с с о р* действует как поставленный на голову герцог Ульрих Вюртембергский; тот пытался вернуться из изгнания на родину при помощи крестьянского башмака после того, как дворянский сапог его знать больше не хотел; а *э т о т п р о ф е с с о р* испортил отношения с башмаком и поэтому завязывает их с сапогом и т. д.».

Это обвинение против *профессора Фогта* важно тем, что появилось в органе «Гельвеции». Зато более радушный прием встретил он в «Espérance», газете, основанной в 1859 г. в Женеве в большом формате и на большие деньги из французской государственной кассы. Задачей «Espérance» была, в частности, проповедь аннексии Савойи и Рейнской области, а вообще — прославление мессианского призвания Луи Бонапарта как освободителя национальностей. Всей Женеве известно, что *Фогт* был одним из завсегдатаев (habitué) редакции «Espérance» и одним из деятельнейших ее сотрудников. До меня дошли подробности, не оставляющие в этом *никакого сомнения*. То, на что *Фогт* намекает в своих «Исследованиях», именно, что он поручил публично возвестить в Невшателе своему сообщнику, болтливому швабу, члену парламентского охвостья и ювелиру *Карлу Майеру из Эслингена*, развито более подробно в «Espérance». Так, например, в номере ее от 25 марта 1860 г. сказано:

«Если единственная надежда немецких патриотов основана на войне с Францией, то какое основание у них ослаблять правительство этой страны и мешать ему добиваться своих *естественных границ*? Немецкий народ, может быть, не склонен разделять эту ненависть к Франции? Как бы то ни было, *существуют очень искренние немецкие патриоты и даже среди прогрессивнейших немцевких демократов* (именно имперский Фогт, Раникель, Карл Майер из Эслингена и tutti quanti [прочие]), *которые не видят большой беды в потере левого берега Рейна и которые, наоборот, убеждены, что только после утраты его начнется*

политическая жизнь Германии, возрожденной Германии, опирающейся на союз с европейским Западом и растворяющейся в его цивилизации*. Столь точно осведомленная Фогтом о взглядах прогрессивнейшей немецкой демократии, «Espérance» заявляет в передовице от 30 мая: «Плебисцит на левом берегу Рейна скоро покажет, что все там настроены в пользу Франции».

Швейцарский сатирический листок «Postheiri» стал теперь осыпать злыми остротами «Espérance», эту «чахлую клячу», которая под легкими лаврами Бахуса Плон-Плона должна таскать на себе еще «тяжелое брюхо» его Силена.

С какою точностью проводились декабристские маневры в печати, видно из следующего случая. 30 мая «Espérance» в Женеве путем плебисцита отдавала левый берег Рейна декабристской Франции; 31 мая Луи Журдан в Париже в «Siècle» начал свою окопную борьбу за аннексию Рейна, а в начале июня «Propagateur du Nord et du Pas de Calais» направил свою тяжелую артиллерию на Бельгию. Несколько ранее женевского рупора Эдмон Абу заявил в «Opinion Nationale», что укрупнение Сардинии заставило императора «de prendre la Savoie... c. à d. nous fermons notre porte» [«взять Савойю, другими словами мы закрываем свои ворота»], и если, продолжал он, в Германии объединительные стремления приведут к подобному же увеличению Пруссии, то «alors nous aurions à veiller à notre sûreté, à prendre la rive gauche du Rhin, c. à d. nous fermerions notre porte» [«тогда мы должны будем позаботиться о нашей безопасности, взять левый берег Рейна, другими словами — мы запрем наши ворота»]. По пятам за этим легкомысленным привратником следовал неуклюжий буйвол А. А. — корреспондент газеты «Indépendance Belge», своего рода Жозеф Прюдом и специальная пифия поселившегося в Тюильри «Providence» [«провидения»]. Между тем «Espérance», в своеобразном одушевлении немецким единством и в своих негодующих обличениях против продавшихся Австрии немецких антидекабристов, поднялась до такой головокружительной высоты, что Джемс

* «Si la seule espérance des patriotes allemands est fondée sur une guerre avec la France, quelle raison peuvent-ils avoir de chercher à affaiblir le gouvernement de ce pays et l'empêcher de former ses frontières naturelles? Serait-il que le peuple en Allemagne est loin de partager cette haine de la France? Quoi qu'il en soit, il y a des patriotes allemands très sincères, et notamment parmi les démocrates les plus avancés, qui ne voient pas grand malheur dans la perte de la rive gauche du Rhin, qui sont, au contraire, convaincus que c'est après cette perte seulement que commencera la vie politique d'une Allemagne régénérée, appuyée sur l'alliance et se confondante avec la civilisation de l'Occident européen» («L'Espérance», 25 Mars 1860).

Фази, из некоторых дипломатических видов и к тому же собираясь превратить свою «*Revue de Genève*» в «*Nation Suisse*», соизволил с великодушной снисходительностью заявить в «*Revue*», что можно выступать против бонапартизма и не будучи австрийцем.

Карлу Фогту — немецкому Да-Да, владельцу декабристского вербовочного бюро для немецкой печати, подручному агенту *Фази*, «приятному собеседнику» в Пале-Рояле, *Фальстафу* Плон-Плона, другу Раникеля, суфлеру бильского «Коммивояжера», сотруднику «*Espérance*», протеже Эдмона Абу, певцу Лаузиады — предстояло, однако, опуститься еще на одну ступень ниже. Ему предстояло появиться в Париже, перед лицом всего совета, в «*Revue Contemporaine*», рука об руку с *Monsieur Edouard Simon*. Посмотрим же, что такое «*Revue Contemporaine*» и кто такой *Monsieur Edouard Simon*. «*Revue Contemporaine*» была вначале официальной декабристской «*Revue*», в полную противоположность «*Revue des deux Mondes*», в которой писали изящные перья, люди из «*Journal des Débats*», орлеанисты, фузионисты [объединенцы], именно профессора из Collège de France и члены Академии. Так как эту последнюю официальную публику нельзя было прямо прикомандировать к «*Revue Contemporaine*», то их попытались откомандировать от «*Revue des deux Mondes*», чтобы таким обходным путем оттеснить к декабристской «*Revue*». Но этот ход не имел надлежащего успеха. Собственники «*Revue Contemporaine*» нашли даже невозможным иметь дело с редакционным комитетом, навязанным им Ля-Герроньером. Так как чревоушатель из Тюильри нуждался в разнообразно настроенных рупорах, то «*Revue Contemporaine*» превратилась в *официозную* «*Revue*», а «*Revue Européenne*» с навязанным Ля-Герроньером редакционным комитетом стала *официальной* «*Revue*».

Теперь о *Monsieur Edouard Simon*. По происхождению это — рейнско-прусский еврей, по имени *Эдуард Симон*, который вечно строит комичнейшие гримасы, чтобы сойти за француза по специальности; но на беду его стиль каждую минуту выдает переведенного на французский язык рейнско-прусского еврея.

Вскоре после шиллеровских торжеств (ноябрь 1859 г.) я встретил у одного лондонского знакомого, давно живущего в Париже, весьма почтенного купца, который подробно рассказывал о парижских шиллеровских торжествах, шиллеровских обществах и т. д. Я прервал его вопросом, как немецкие общества и собрания в Париже устраиваются с декабристской полицией?

«Разумеется, — ответил он мне с иронической улыбкой, — ни одного собрания и ни одного общества без шпиона. Во избежание всяких

околичностей мы придерживаемся раз навсегда установленной простой тактики — *probatum est* [проверено на опыте]: — мы привлекаем известного нам шпиона и выбираем его в комитет. В подобных случаях для нас был всегда как находка наш *Edouard Simon*. Вы знаете, что Ля-Герроньер, бывший лакей Ламартина и заготовитель бутербродов у Эмиля де-Жирандена, теперь — фаворитка императора, его тайный стилист и в то же время старший цензор французской печати. А *Edouard Simon* — комнатная собачка Ля-Герроньера и, — прибавил он, особенным образом сморщив нос, — довольно зловонная шавка. *Edouard Simon* — и вы это ему не вмените, конечно, в вину — не хотел работать *pour le roi de Prusse* [даром]. Он находил, что, прикнув к декабристской системе, он оказывает неисчислимые услуги себе самому и цивилизации. Это парень небольшого ума и нечистоплотного характера, но не без способностей в некоторых областях второстепенной интриги. Ля-Герроньер прикомандировал своего *Edouard Simon* к «*Patrie*» в качестве одного из авторов руководящих статей. Это подтверждало такт тайного стилиста. Владелец «*Patrie*», банкир *Делямаре* — надменный, упрямый бульдог *parvenu* [выскочка], который в своей конторе не терпит около себя никого, кроме низкопоклонных креатур. Тут наш *Edouard Simon*, который, несмотря на свой крысиный яд, может быть мягким, как ангорская кошка, как раз и пришелся к месту. Во времена республики «*Patrie*», как вы знаете, была одним из бесстыднейших органов «улицы *Poitiers*»¹. Со времени декабрьского переворота она препируется с «*Pays*» и с «*Constitutionnel*» за честь быть полуофициальным органом Тюильри и особенно усердствует с тех пор, как подан сигнал, в вопросе об аннексии. Вы, конечно, знаете нищих, разыгрывающих на улице эпилептиков, чтобы выманить у прохожего несколько су. «*Patrie*» действительно досталась честь первой возвестить о предстоящей аннексии Савойи и Ниццы. Едва последовала аннексия, как она увеличила свой формат, так как, по наивному заявлению господина Делямарра, «*La Savoie et le Comté de Nice ayant été annexés à la France, la conséquence naturelle est l'agrandissement de la Patrie*» [«Естественное следствие присоединения Савойи и Ниццы — увеличение отечества»]. Кто не вспомнит при этом остроты парижского циника, который на вопрос «*Qu'est-ce que la Patrie?*» [«Что такое отечество?»] — сразу ответил: «*Journal du soir*» [«Вечерняя газета»]. Какое же предстоит увеличение формата «*Patrie*» и заработка господина *Edouard Simon* в случае присоединения рейнских провинций! В политико-

¹ Улица *Poitiers* была центром бонапартистской пропаганды. *Ред.*

экономическом отношении «Patrie» видит спасение Франции в уничтожении Tourniquet de la Bourse [рогатки для биржи], отчего снова должны подняться до желанной высоты дела на бирже, а, значит, и во всей стране. И *Edouard Simon* мечтает об уничтожении Tourniquet de la Bourse. Но наш *Edouard Simon* не только передовик «Patrie» и комнатная собачка Ля-Герроньера. Он преданнейший друг и доноситель нового *Иерусалима*, alias [то же] префектуры полиции, в частности г. Палестрины. Словом, господа, — закончил рассказчик, — от комитета, имеющего в своей среде *Edouard Simon*, уже по одному этому отдает самым густым полицейским ароматом». И г.... засмеялся при этом каким-то особенным резким смехом, как будто *odeur de mauvais lieu* [запах дурного места] и *monsieur Edouard Simon* имели еще какую-то совершенно невыразимую тайную связь.

Кинглэйк обратил внимание палаты общин на милое смешение иностранной политики, полиции и прессы, характерное для агентов декабризма. (Заседание палаты общин от 12 июля 1860 г.) *Monsieur Edouard Simon* — фогтовского *Эдуарда* с ароматом (ruchbar)¹ — не следует, разумеется, смешивать с фогтовской нежной *Кунигундой*, alias [иначе] *Людвигом Симоном из Трира* * — *Monsieur Edouard Simon*, комнатная собачка Ля-Герроньера, пудель Делямарра, шпик Палестрины и дворовая собака для всех, принадлежит, очевидно, если не к сливкам, то, во всяком случае, к лимбургскому сыру 10 декабря, ко второму кругу, где

s'annida

Ipcrisia, lusinghe, e chi affatura,
Falsità, ladroneccio, e simonia,
Ruffian, baratti, e simile lordura

[пребывают

Лжецы, ханжи и те, что чары ткут
Разбоя, сводничества, симонии
И всякой прочей мерзости приют.]

За много недель до появления «Главной книги» *Карл Фогт* поручил *Edouard Simon* дать отзыв о ней во французской печати. *Edouard Simon* годился для double emploi [двойственного ампула]: во-первых, он частным образом изложил содержание «Главной книги»

¹Ruchbar — значит известный и пахнущий (Ruchgeruch). *Ред.*

* Через посредство нежной Кунигунды кое-что фогтовское против меня появилось в газетке моего родного города Трира. Между прочим, там говорилось о моей «плотской близости» ко «Всеобщей» («Allgemeine»). Какая ассоциация идей для целомудренной Кунигунды! Very shocking indeed! [Крайне шокирующее заявление!].

Ля-Герроньеру и в связи с этим был прикомандирован своим патроном к «Revue Contemporaine». Тщетно редакция «Revue Contemporaine» смиреннейше просила, чтобы *Edouard Simon*, по крайней мере, появлялся на ее столбах анонимно. Ля-Герроньер был неумолим. *Edouard Simon* дебютировал в «Revue Contemporaine» от 15 февраля 1860 г. за подписью *Edouard Simon* со статьей о своем друге *Фогте* под заглавием: «Un Tableau de Moeurs Politiques de l'Allemagne. Le Procès de M. Vogt avec la Gazette d'Augsbourg» [«Картина политических нравов в Германии. Процесс г. Фогта с «Аугсбургской Газетой»].

«Романец» *Edouard Simon* не думает, что для того, «чтобы быть добрым французом, он обязан поносить благородную германскую расу» («Revue Contemporaine», стр. 536), но в качестве «добротного француза» и «прирожденного романца» он должен, по меньшей мере, обнаруживать природное невежество в немецких делах. Так, между прочим, он говорит о своем *Карле Фогте*: «Он был одним из *трех регентов* эфемерной империи*». *Monsieur Edouard Simon*, разумеется, не догадывается, что империя *in partibus* [за границей] стонала под управлением *пентархии*, и «в качестве француза» воображает, что трем святым королям в Кельне соответствовали — хотя бы ради симметрии — три парламентских имперских регента в Штутгарте. Остроты «друга» Фогта в его «Главной книге» «на французский вкус часто заходят слишком далеко»**. Француз *Edouard* это исправит и «постарается выбрать»***. «Друг» *Фогт* от рождения любит «яркие цвета» и «в отношении языка не особенно-то ужтонок»****. Ну конечно! Ведь «друг» Фогт только аннектированный немец, как Да-Да аннектированный араб, между тем как *Edouard Simon* от природы «добрый француз» и коренной «романец». Заходили ли когда-нибудь Оргес и Дичель так далеко в своей клевете на «романскую расу»?

Monsieur Edouard Simon развлекает свое начальство, изображая перед парижской публикой одного из «трех» немецких святых королей охвостья — и притом с согласия и по поручению этого немецкого святого короля охвостья — в виде добровольного пленника, идущего за триумфальной колесницей империалистического квазимодо. «Мы видим, — говорит *Edouard Simon* после цитаты из «Главной книги», — что *Фогт* мало интересовался вопросом, откуда

* «Il fut un des trois régents de l'empire éphémère» (l. c., p. 548).

** «Il dépasserait le but au goût des Français» (l. c., p. 519).

*** «Nous nous efforcerons de choisir» (l. c.).

**** «M. Vogt aime beaucoup les couleurs tranchantes, et il n'est pas précisément un gourmet en matière de langage» (l. c., p. 530).

приходила для объединения Германии помощь, лишь бы она вообще приходила; *французская империя представлялась ему даже особенно пригодной для ускорения желанного решения вопроса. Может быть, Фогт в этом случае дешево (!) расценил свою прежнюю деятельность*, и его старым коллегам, заседавшим вместе с ним на крайней левой Франкфуртского парламента, должно казаться странным, что этот яростный противник всякой единой власти, этот пламенный сторонник анархии, *выражает столь живое сочувствие государю, который победил анархию во Франции*»*.

С не-«решительной» левой *Edouard* пересаживает «беглого имперского регента» на крайнюю левую Франкфуртского парламента. Человек, голосовавший за «наследственного германского императора», превращается в «яростного противника всякой единой власти», а центрально-мартовец, проповедывавший среди пестрых кабацких партий во Франкфурте необходимость «порядка» во что бы то ни стало, становится «пламенным сторонником анархии». Все это для того, чтобы должным образом выпукло подчеркнуть улов, доставшийся режиму 10 декабря в лице «беглого имперского регента». Тем более ценны «*столь живые симпатии Фогта к человеку, «который победил анархию во Франции», тем дороже его теперешнее понимание, что «французская империя особенно пригодна для создания германского единства», и тем понятнее сделанный с ловкостью медведя «другом» Simon* намек, что «друг» *Фогт «может быть слишком дешево [de bon marché] расценил свою прежнюю деятельность» и что, значит, герой декабрьского переворота, во всяком случае, заплатил за нее не «слишком дорого». И чтобы в высоком месте не оставить никакого сомнения, что «друг» Фогт теперь столь же благонадежен, как и «друг» Simon, Monsieur Edouard Simon, ухмыляясь, потирая руки и подмигивая левым глазом, рассказывает, что Фогт в своем стремлении к порядку, «если он правильно понимает Фогта, даже осведомлял эсневские власти об интригах революционеров», собьем как Monsieur Edouard Simon «осведомлял» Палестрину и Ля-Герроньера.*

* «On le voit, M. Vogt se souciait peu d'où vint le secours en faveur de l'unité allemande, pourvu qu'il vint; l'empire français lui semblait même singulièrement propre à hâter le dénouement qu'il désire. Peut-être en cela M. Vogt faisait-il bon marché de ses antécédents, et il dut paraître étrange, à ses anciens collègues qui siégeaient avec lui à l'extrême gauche dans le Parlement de Francfort de voir ce fougueux antagoniste de tout pouvoir unique, ce fervent zéléteur de l'anarchie manifester de si vives sympathies envers le souverain qui l'a vaincue en France» (l. c., p. 518).

Всем известно, что Абу и Журдан, и Гранье де-Кассаньяк, и Бонифас, и д-р Гофман, что монахи из «Espérance», рыцари из «Nationalités», раздувательные мехи из «Opinion Nationale», построчные писаки из «Indépendance», «Morning Chronicle», «Nouvelliste Vaudois» и т. д., что Ля-Герроньеры и Симоны, стилисты, цивилизационисты, декабристы, плон-плонисты, дантюисты и дантисты, — что все они вместе и порознь черпают свое вдохновение из одной и той же августейшей *кассы*. Таким образом, Да-Да-Фогт не одинокий, борющийся на свой страх партизан, а субсидирован, доктринирован, сбригадирован, сканальирован, с Эдуардом Симоном сложен, к Плон-Плону приложен, вместе пойман и вместе повешен. Спрашивается: *оплачивают ли Карла Фогта за его агентурную деятельность?*

«Если я не ошибаюсь, то подкупать значит склонять кого-нибудь деньгами или предоставлением иных выгод к поступкам или высказываниям, противоречащим его *убеждениям*» («Главная книга», стр. 217). А плон-плонизм — убеждение *Фогта*. Таким образом, если его даже *оплачивают* наличными, то он ни в коем случае не *подкуплен*. Но чеканка монеты не может быть разнообразнее, чем способ оплаты.

Кто знает, не обещал ли Плон-Плон своему Фальстафу комендатуру мышиной башни у Бингенской щели или же назначение в члены-корреспонденты Академии, после того как Абу уже в своем памфлете «La Prusse en 1860» [«Пруссия в 1860 г.»] заставляет французских натуралистов спорить о чести *одновременно* переписываться с живым *Фогтом* и с мертвым *Дифенбахом*? Или имеется в виду восстановление его в качестве имперского регента?

Я знаю, во всяком случае, что молва объясняет вещи более прозаическим образом. Так, говорят, «вместе с поворотом в ходе дел с 1859 г.» произошел поворот и в делах «приятного собеседника» (бывшего незадолго перед тем одним из главарей радикально съеденного и попавшего под уголовное следствие акционерного общества), и осмотрительные друзья пытались объяснить это тем, что одно итальянское акционерное горно-промышленное общество, из благодарности за «минералогические» заслуги Фогта, сделало ему крупный подарок в акциях, которые он реализовал (*versilbert*)¹ во время своего первого пребывания в Париже. Сведующие люди из Швейцарии и из Франции, совершенно незнакомые друг с другом, писали мне почти одновременно, что «приятный собеседник» имеет связанную

¹ Versilbern значит серебрить, реализовать и дать взятку. *Рсд.*

с известными доходами должность по верховному надвору за помещением «La Bergerie» у Ниона (в Ваадте), вдовьей резиденцией, купленной Плон-Плоном для Ифигении из Турина. Мне известно письмо, в котором один «ново-швейцарец», бывший в близких отношениях с *Фогтом* уже значительно позже «поворота 1859 г.», *назвал* в начале 1860 г. некоему П. Б. Б., 78, Fenchurchstreet, London, *очень крупную сумму*, которую его экс-приятель получил из центральной кассы в Париже не *взяткой*, а *авансом*.

Такие и еще худшие слухи проникли в Лондон, но я, со своей стороны, ни гроша не дам за них. Я скорее верю на слово *Фогту*, когда он говорит, что

«никому нет дела до того, откуда я (*Фогт*) беру деньги. Я и *впредь буду стараться добывать себе средства*, необходимые для достижения моих политических целей, и я и *впредь*, в сознании своего доброго дела, буду брать их там, где я их сумею получить» («Главная книга», стр. 226), следовательно также и из парижской центральной кассы.

Политические цели! «Nugaris, cum tibi, Calve,
Pinguis aqualiculus propenso sesquipede extet».

[Пустое болтаешь ты, Кальв,
Фута на два у тебя отросло разжиревшее брюхо.]

Доброе дело! Это — немецко-идеалистическое выражение для того, что грубо-материалистический англичанин называет «the good things of this world» [блага мира сего].

Что бы ни думал об этом д-р медицины *Шайбле*, почему не поверить на-слово *Фогту*, когда он в той же самой «Главной книге», в заключение своих *охотничьих историй* о серной банде и т. д., столь же торжественно заявляет:

«Здесь заканчивается этот отдел одного периода *современной истории*. Я сообщаю здесь не пустые фантазии, это — *достоверные факты!*» («Главная книга», стр. 182).

Почему же его *агентура* не должна быть столь же *достоверной*, как и рассказываемые в «Главной книге» *факты?*

Я, со своей стороны, твердо и непреклонно верю, что, в отличие от всех прочих пишущих, агитирующих, политизирующих, конспирирующих, пропагандирующих, рекламирующих, плон-плонирующих, комплотирующих¹ и компрометирующих себя сочленов *декабристской банды*, единственно только *Фогт*, исключительно он

¹ — устраивающих заговоры. *Ред.*

один, смотрит на своего императора как на «l'homme qu'on aime pour lui même» [«на человека, которого любят ради его самого»].

«Swertz nicht geloubt, der sündet» [«Кто не верит, тот грешит»], как говорит Вольфрам фон-Эшенбах, или же «кто не верит, тот заблуждается», как поется в современной песне.

Х. ПАТРОНЫ И СООБЩНИКИ¹.

Principibus placuisse viris non ultima laus est.

[Тем, кто стоит над тобой, угодить — не великая доблесть.]

В качестве поручителей за свое «good behaviour» [«хорошее поведение»] экс-имперский Фогт выставляет «Кошута» и «двух других мужей — *Фази*, создателя Женевы, и *Клапку*, защитника Коморна», которых он «с гордостью называет своими друзьями» («Главная книга», стр. 213). Я называю их его *патронами*.

После битвы при Коморне (2 июля 1849 г.) *Гергей* узурпировал верховное командование над венгерской армией, вопреки приказу венгерского правительства, сместившего его. «Если бы во главе правительства стоял энергичный человек, — пишет полковник *Лапинский*, продолжавший еще быть в этой своей работе приверженцем *Кошута*, — то уже тогда был бы положен конец всем интригам *Гергея*. *Кошуту* стоило только явиться в лагерь и сказать несколько слов армии, и вся популярность *Гергея* не спасла бы его от падения... Но *Кошут* не явился. У него нехватило силы выступить открыто против *Гергея* и, тайком интригуя против генерала, он публично пытался оправдать его поступок» (стр. 125, 186. Th. Lapinski, «Feldzug der ungarischen Hauptarmee u. s. w.» [Т. Лапинский, «Поход венгерской главной армии и т. д.».]. О преднамеренном предательстве *Гергея* *Кошуту*, по его собственному признанию, некоторое время спустя формально донес генерал *Гуйон* (см. David Urquhart, «Visit to the Hungarian Exiles at Kutayah» [Давид Уркарт, «Посещение венгерских эмигрантов в Кутайе»]. «Кошут, правда, сказал в одной прекрасной речи в Сегедине, что если бы он знал о каком-нибудь предателе, то убил бы его собственными руками, причем он, может быть, имел в виду *Гергея*. Но он не только не исполнил этой несколько театральной угрозы, но ни одному из своих министров ни разу даже не назвал человека, которого он подозревал; и в то время как с некоторыми из них он строил жалкие планы против *Гергея*, он всегда с величайшим уважением говорил о нем и

¹ Mitstrolche.

даже писал ему нежнейшие письма. Пусть поймет, кто хочет, но я не понимаю, как можно видеть спасение отечества в падении только одного опасного человека, пытаться дрожащей рукой его убрать и в то же время поддерживать его другой рукой, создавая ему своим доверием приверженцев и почитателей и передавая ему таким путем в руки всю власть. В то время как Кошут был таким жалким в своих действиях то в пользу Гергея, то против него, Гергей, более последовательный и твердый, чем он, выполнял свой черный план» (Т. Лапинский, там же, стр. 163 — 164). 11 августа 1849 г. Кошут, по приказанию Гергея, издал, якобы из крепости Арад, официальный манифест об отказе от власти, в котором он передавал Гергею «высшую гражданскую и военную правительственную власть» и заявлял: «После неудачной борьбы, которой господь в последние дни покарал нацию, не осталось уже надежды, что мы с расчетом на успех сумеем еще продолжать самооборону против обеих объединившихся великих держав». Объявив во вступлении дело Венгрии безнадежно погибшим, и притом вследствие кары господней, Кошут в дальнейшем тексте манифеста возлагает на Гергея «ответственность перед богом за надлежащее использование для спасения» Венгрии врученной ему Кошуту власти. Он достаточно доверял Гергею, чтобы вручить ему Венгрию, но слишком мало, чтобы поручить ему свою собственную особу. Его личное недоверие к Гергею было настолько велико, что свое прибытие на турецкую территорию он ловко приурочил к моменту получения Гергеем его манифеста об отказе от власти. Поэтому его манифест и заканчивается словами: «Если смерть моя может послужить отечеству, то я с радостью принесу в жертву свою жизнь». На алтарь отечества он, однако, передал в руки Гергея лишь государственную власть, титул которой он тотчас же снова узурпировал под защитой турок.

В Кутайе его превосходительство *gouverneur in partibus* [правитель в изгнании] получил первую Синюю книгу о венгерской катастрофе, представленную Пальмерстоном парламенту. Изучение этих дипломатических документов убедило его, — писал он Д. Уркарту, — что «Россия в каждом кабинете имеет своего шпиона, даже более того — своего агента» и что Пальмерстон предал, в интересах России, dear Hungary [дорогую Венгрию] *. Между тем, первое

* Кошут не понимал тогда, как разыгрываемая Пальмерстоном роль врага России «может» обмануть человека, обладающего здравым смыслом. «How could a man of any intellect for a single moment believe that the Minister who allowed Russia's intervention in Hungary, would give the word of attack against her?» (Письмо из Кутайи от 17 декабря 1850 г. «Correspondence of Kossuth»).

публичное слово, которое он произнес, вступив на английскую землю в Соутгэмптоне, было: «Palmerston, the dear friend of my bosom!» [«Пальмерстон, мой дорогой, сердечный друг!»]

По окончании своего интернирования в Турции Кошут отплыл в Англию. По дороге туда, у Марселя, — где ему, однако, не разрешено было высадиться, — он выпустил манифест, написанный в духе и в стиле французской социалдемократии. В Англии он немедленно же *отрекся* от «этого нового социалдемократического учения, которое — правильно или неправильно — считают непримиримым с существующим порядком и неприкосновенностью собственности. У Венгрии нет ни основания, ни желания связываться с этими учениями, хотя бы по той весьма простой причине, что в Венгрии нет для них ни условий, ни малейшего повода» (ср. с этим письмо из Марселя). Во время первых двух недель своего пребывания в Англии он менял свой символ веры столько же раз, сколько давал аудиенций — всем и повсюду. Граф *Казимир Баттъяни* так мотивировал свой тогдашний публичный разрыв с Кошутом:

«На этот шаг меня толкнули не только *bevue*s [ошибки], сделанные Кошутом за время его двухнедельного пребывания на свободе, но и весь накопившийся у меня опыт, все то, что я видел, терпел, допускал, выносил — и как Вы помните — прикрывал и маскировал, сперва в Венгрии, потом в изгнании, словом — составленное мною убеждение об этом человеке... Позвольте мне заметить, что прошлые или будущие заявления Кошута в Соутгэмптоне, Уисбиче или Лондоне, словом — в Англии, оставляют в силе все, что он сказал в Марселе. В стране «молодого великана» (Америка), он опять-таки заговорит на иной лад, так как, будучи во всем бессовестным (*unscrupulous*) и сгибаясь, точно тростинка, при каждом сильном дуновении ветра, он *sans gêne* [не стесняясь] отказывается от своих собственных слов и без всяких колебаний прикрывается именами великих покойников, которых он погубил, как, например, именем моего бедного кузена Людвиг Баттъяни... Я не боюсь заявить, что еще раньше, чем Кошут покинет Англию, Вы будете иметь достаточно оснований сожалеть о почестях, так расточительно создаваемых Вами столь недостойному человеку» («Correspondence of Kossuth», letter of Count Batthyani to Mr. Urquhart, Paris, 29 Oct. 1851). [«Переписка Кошута», письмо графа Баттъяни к Уркарту», Париж, 29 октября, 1851 года].

Гастроли Кошута в Соединенных Штатах, где на севере он говорил *против* невольничества, а на юге *за* него, оставили после себя чудовищное разочарование и 300 бранных останков речей. Не останавливаясь подробнее на этом странном эпизоде, замечу лишь, что он горячо рекомендовал *немцам* в *Соединенных Штатах*, и в частности *немецкой эмиграции*, союз между Германией, Венгрией и Италией, *исключая Францию* (не только правительство государственного

переворота, но и самое Францию, даже французскую эмиграцию и представляемые ею французские партии). Вскоре после своего возвращения в Лондон он пытался через посредство какого-то подозрительного субъекта, графа Сирмая, и полковника Киша в Париже завязать сношения с *Луи Бонапартом*. (См. мое письмо в «New-York Tribune» от 28 сентября 1852 г. и мое заявление там же от 16 ноября 1852 года.)

Во время мадзиниевского *émeute* (мятежа) в Милане в 1853 г. на стенах этого города появилась прокламация к стоявшему там гарнизону венгерских войск; прокламация призывала их примкнуть к итальянским повстанцам и была подписана: *Людвиг Кошут*. Едва лишь до Лондона дошло известие о поражении мятежников, как Кошут поспешил заявить в «Times» и в других английских газетах, что эта прокламация — *поддельная* и, таким образом, публично опроверг заявление своего друга Мадзини. И, тем не менее, прокламация была *подлинной*. Мадзини получил ее от Кошута, имел ее рукопись, написанную собственноручно Кошутом, и действовал в согласии с последним. Убеденный, что падение австрийского самовластия в Италии возможно лишь при объединенных действиях Италии и Венгрии, Мадзини пытался сначала заменить Кошута более надежным венгерским вождем; но когда из-за раскола в венгерской эмиграции попытка эта потерпела неудачу, он простил своего неверного союзника и великодушно отказался от его разоблачения, которое уничтожило бы его в глазах общественного мнения Англии.

К тому же 1853 г. относится, как известно, начало военных действий между Россией и Турцией. 17 декабря 1850 г. Кошут писал из Кутайи Давиду Уркарту: «Без турецкой верховной власти Турция перестанет существовать. А при настоящем положении вещей *Турция действительно необходима для мировой свободы*». В письме к великому визирю *Решиду-паше* от 15 февраля 1851 г. его туркофильство проявляется еще более пылко. В высокопарных фразах предлагает он турецкому правительству свои услуги. Во время своей поездки по *Соединенным Штатам* он писал 22 января 1852 г. Д. Уркарту: «Не согласитесь ли Вы, — ведь никто лучше Вас не понимает, что интересы Турции и Венгрии тождественны, — защищать мое дело в Константинополе? Во время моего пребывания в Турции Порта не знала, кто я такой; мой прием в Англии и Америке и положение, созданное мне удачей — я готов даже сказать: провидением, — должны показать Порте, что я искренний и, может быть, не лишенный влияния друг Турции и ее будущего». 5 ноября 1853 г. он письменно предлагал *Кроосхею* (уркартисту) отправиться, в качестве

союзника турок, в Константинополь, но «не с пустыми руками» («not with empty hands»), и поэтому просил Кроосхей раздобыть ему денег «путем конфиденциальных обращений к таким либеральным лицам, которые могли бы легко оказать просимую им помощь». В этом письме он говорит: «Я ненавижу, презираю искусство делать революцию» («I hate and despise the artifice of making revolutions»). Но в то время как перед уркартистами он изливался в ненависти к революции и в любви к туркам, он вместе с Мадзини выпускал манифесты, в которых требовалось изгнание турок из Европы и превращение Турции в своего рода «восточную Швейцарию», а равно подписывал воззвания так называемого Центрального комитета европейской демократии, призывавшие к революции вообще.

Так как Кошут уже к концу 1853 г. бесцельно растратил деньги, собранные им в 1852 г. в Америке путем декламаций от имени Венгрии, и так как Кроосхей не откликнулся на его просьбы, то правитель отказался от плана рыцарского визита в Константинополь, послав, однако, туда с лучшими рекомендациями своего агента, полковника *Иоганна Бандю* *

* Я сам познакомился в 1850 г. в Лондоне с *Бандей* и его тогдашним приятелем, теперь *генералом* Тюрром. Подозрения, вызванные во мне его плутнями со всевозможными партиями — орлеанистами, бонапартистами и т. д. — и его сношениями с полицейскими всех «национальностей», он рассеял простым способом, предъявив мне изготовленный собственноручно *Кошутом* патент, в котором он, бывший уже ранее временным президентом полиции в Коморне под начальством Клапки, назначался теперь президентом полиции in partibus [за границей]. В качестве тайного начальника полиции на службе революции он, естественно, должен был иметь «открытый» вход к полиции, находящейся на службе правительств. Летом 1852 г. я открыл, что он утаил рукопись, которую я передал ему для одного берлинского книгоиздателя, и доставил ее одному из немецких правительств. После того как я написал об этом эпизоде и о других давно бросавшихся мне в глаза особенностях этого человека одному венгерцу в Париже и загадка Банди, благодаря вмешательству третьей вполне осведомленной особы, была вполне решена, я в начале 1853 г. послал за своею подписью публичное разоблачение его в «New York Criminalzeitung». Бандя в оправдательном письме, находящемся еще в моих руках, указывал на то, что я меньше всего имею оснований считать его шпионом, так как он всегда (и это была правда) избегал говорить со мной о моих собственных партийных делах. Хотя Кошут и его сторонники не дали тогда погибнуть Банде, все же мое разоблачение его в «Criminalzeitung» стало мешать его дальнейшим действиям в Лондоне, и он тем скорее ухватился за случай, предоставленный ему восточной неразберихой для использования своих талантов на другом поприще. Вскоре после заключения Парижского мира (1856 г.) я прочел в английских газетах, что некий *Махмет-бей*, полковник турецкой службы, известный прежде, как христианин, под именем Иоганна Банди, отплыл с отрядом польских

20 января 1858 г. в Черкесии заседал военный суд, который единогласно приговорил к смерти «*Махмета-бея*, бывшего *Иоганна Бандю д'Глорфалоа*, уличенного, на основании собственного признания и свидетельских показаний, в государственной измене и в тайной переписке с врагом (русским генералом Филипсоном)», что нисколько не помешало ему спокойно проживать до последнего момента в Константинополе. В представленном военному суду письменном признании *Бандя* между прочим говорит: «Моя политическая деятельность была целиком предписана мне вождем моей страны *Людвигом Кошутом*... Снабженный рекомендательным письмом от моего политического вождя, я прибыл 22 декабря 1853 г. в Константинополь». Он стал затем, как сам рассказывает, мусульманином и поступил на турецкую службу в чине полковника. «Мои (исходящие от Кошута) инструкции настойчиво рекомендовали мне тем или иным способом присоединиться к тем войсковым частям, которым будут поручены операции на черкесском берегу». Там он должен был стараться воспрепятствовать участию черкесов в войне с Россией. Он успешно исполнил свое поручение и к концу войны послал из Константинополя «Кошуту подробный отчет о положении Черкесии». Перед своей второй, предпринятой совместно с поляками, экспедицией в Черкесию он получил от Кошута приказание действовать

эмигрантов из Константинополя в Черкесию, где он фигурировал в качестве начальника генерального штаба Сефер-паши и, до известной степени, в качестве «Симона Боливара» черкесов. В лондонской «Free Press», в большом количестве расходящейся в Константинополе, я указал на прошлое этого освободителя. 20 января 1858 г. Бандя, как указывается в тексте, был приговорен военным судом польского легиона в Адерби под начальством полковника Т. Лапинского к смертной казни за сознательную измену Черкесии. Так как Бандя был турецким полковником, то Сефер-паша счел исполнение этого приговора несовместимым с уважением к Высокой Порте и поэтому переправил осужденного в Трапезунд, откуда тот, вновь освобожденный, вскоре прибыл в Константинополь. Между тем венгерская эмиграция в Константинополе горячо вступилась за Бандю против польской партии. Охраняемый русским посольством от Дивана (который, к тому же, должен был содержать его, как «полковника», вместе с его гаремом), защищаемый предвзятым мнением своих земляков против поляков, Бандя хладнокровно опубликовал самоопологию в «Journal de Constantinople». Но прибытие черкесской депутации положило конец этой истории. Венгерская эмиграция официально отступилась от своего подзащитного, хотя и de très mauvaise grâce [с большим неудовольствием]. Все бумаги военного суда в Адерби, среди них и признание Банди, а также обмененные впоследствии в Константинополе документы, были пересланы тамошней польской эмиграцией в Лондон, где выдержки из них появились во «Free Press» (май 1858 г.). Более подробно эти документы были опубликованы мной в «New-York Tribune» от 16 июня 1858 года.

совместно с определенно указанными ему венгерцами, между прочим, генералом Штейном (Ферад-пашой). *«Капитан Франкини, — говорит он, — военный секретарь русского посла, присутствовал при различных наших совещаниях. Целью их было склонить Черкесию мирным, медленным, но верным путем в пользу России. Прежде чем экспедиция покинула Константинополь (в середине февраля 1857 г.), я получил письма и инструкции от Кошута, одобрявшего мой план действий».* В Черкесии предательство Банди было раскрыто благодаря перехваченному письму его к генералу Филипсону, *«Согласно моей инструкции, — говорит Бандя, — я должен был завязать сношения с русским генералом. Я долго не решался на это, но, наконец, я получил столь определенные приказания, что не посмел больше колебаться».*

Процесс в военном суде в Адерби и в особенности признания Банди вызвали сенсацию в Константинополе, Лондоне и Нью-Йорке. От Кошута неоднократно и настойчиво, между прочим и из Венгрии, требовали публичного объяснения, однако напрасно. О миссии Банди в Черкесии он до настоящего момента хранит трусливое молчание.

Осенью 1858 г. Кошут торговал в Англии и Шотландии лекциями по дешевым ценам против австрийского конкордата и Луи Бонапарта. С каким пламенным фанатизмом он предостерегал тогда англичан от предательских планов Луи Бонапарта, которого он называл тайным союзником России, можно увидеть, например, из *«Glasgow Sentinel»* (20 ноября 1858 г.). Когда Луи Бонапарт в начале 1859 г. раскрыл свои итальянские планы, Кошут разоблачил его в мадзиниевском *«Pensiero ed Azione»* и предостерегал всех истинных республиканцев-итальянцев, венгерцев, даже немцев, убеждая их не дать себя использовать в качестве орудия империалистическому квазимодо. В феврале 1859 г. Кошут стал уверять, что полковник Киш, граф Телеки и генерал Клапка, довольно давно уже принадлежавшие к красной камарилье Пале-Рояля, разработали с Плон-Плоном заговорщические планы восстания в Венгрии. Кошут пригрозил начать публичную полемику в английской печати, если его не допустят в «тайный союз». Плон-Плон был более чем готов раскрыть ему двери конклава. С английским паспортом под именем мистера Бронуа Кошут поехал в начале мая в Париж, поспешил в Пале-Рояль и подробно изложил Плон-Плону свой план восстания в Венгрии. Вечером 3 мая красный принц в собственной карете проводил экс-правителя в Тюильри, чтобы представить его там спасителю общества. Во время этой встречи с Луи Бонапартом столь красноречивый в других случаях язык изменил Кошуту,

так что Плон-Плон должен был взять слово и изложить в известной мере своему кузену программу Кошута. Кошут впоследствии признательно удостоверил почти дословную точность передачи Плон-Плона. Внимательно выслушав доводы своего кузена, Луи Бонапарт заявил, что принять предложения Кошута ему мешает только одно препятствие — республиканские принципы и республиканские связи Кошута. В ответ на это экс-правитель весьма торжественно отрекся от республиканских убеждений, заверяя, что он и теперь не республиканец, и никогда раньше им не был, что только политическая необходимость и исключительное сцепление обстоятельств заставили его вступить в союз с республиканской партией европейской эмиграции. В доказательство своего антиреспубликанизма он предложил Плон-Плону от имени своей страны венгерскую корону. Корона эта тогда еще не была упразднена. Кошут также не обладал нотариальными полномочиями для ее продажи с молотка. Но кто следил с некоторым вниманием за его выступлениями за границей, знает, что он давно привык говорить о своей «*dear Hungary*» [«дорогой Венгрии»], как провинциальный юнкер говорит о своем поместье*.

Его отрицание своего республиканизма я считаю искренним. Цивильный лист в 300 000 флоринов, потребованный им в Пеште для поддержания блеска исполнительной власти; передача своей собственной сестре патронажа над больницами, состоявшего в ведении австрийской эрцгерцогини; попытка присвоить нескольким полкам имя Кошута; его желание создать камарилью; упорство, с каким он цеплялся на чужбине за титул правителя, от которого он отказался в минуту опасности; все его дальнейшее поведение, которое было больше к лицу претенденту на престол, чем изгнаннику, — все это указывает на тенденции, чуждые республиканизму.

После сцены устранения подозрений в республиканизме Кошут получил, в порядке договора, три миллиона франков в свое распоряжение. В этом договоре, как таковом, ничего зазорного не было; для военной организации венгерских эмигрантов нужны были деньги, и почему бы правителю было не брать от своих новых союзников субсидии с таким же правом, с каким все деспотические государства Европы получали субсидии от Англии во время антиякобинской войны? Авансом на личные издержки Кошут тут же получил 50 000 фр.

* Неудивительно, что подобные вещи выплывают на свет, особенно, если иметь в виду, что здесь участвовали, по меньшей мере, две словоохотливые стороны. Факты эти были, между прочим, опубликованы в английских газетах во время пребывания Кошута в Лондоне (поздней осенью 1859 года.).

и, кроме того, выговорил себе известные денежные выгоды, своего рода страховую премию на случай преждевременного прекращения войны. Финансовая прозорливость и мелодраматическая чувствительность нисколько одна другую не исключают. Ведь Кошут уже во время венгерской революции — как это должен знать его бывший министр финансов Душек — благоразумно позаботился, чтобы его содержание выплачивалось ему не в коштутовских денежных знаках, а в серебре или в австрийских банкнотах.

Прежде чем Кошут покинул Тюильри, было условлено, что он начнет в Англии кампанию нейтралитета для нейтрализации мнимых «австрофильских тенденций» министерства Дэрби. Известно, с каким успехом он мог исполнить эту предварительную часть договора благодаря добровольной поддержке со стороны манчестерской школы и вигов. Серия лекций от Mansionhouse в Лондоне до Freetrade-Hall в Манчестере составляла как бы антитезу к его англо-шотландскому турне осенью 1858 г., когда он продавал, взимая по шиллингу с человека, свою ненависть к Бонапарту и Шербургу, как к «the standing menace to England» [«постоянной угрозе Англии»].

Значительнейшая часть венгерской эмиграции в Европе с конца 1852 г. отвернулась от Кошута, но перспектива нападения на Адриатическое побережье с французской помощью привлекла к нему снова большую ее часть. Его переговоры с военной частью вновь привлеченных сторонников не лишены были декабристского привкуса. Чтобы иметь возможность лучше оплачивать их французскими деньгами, он повышал их в чинах, производя, например, лейтенантов в майоры. Каждый получал сперва путевые издержки до Турина, затем богатую военную форму (форма майора обходилась приблизительно в 150 ф. ст.) и, наконец, жалованье за шесть месяцев вперед с обещанием годичной пенсии по заключении мира. Но вообще жалованье не было слишком высоким: 10 000 фр. главнокомандующему (Клапке), 6 000 фр. — генералам, 5 000 — бригадным командирам, 4 000 — полковникам, 3 000 — майорам и т. д. Собравшиеся в Турине венгерские военные части состояли почти исключительно из офицеров, без рядовых, и по этому поводу мне приходилось неоднократно выслушивать горькие жалобы со стороны «низов» венгерской эмиграции.

Генерал Мориц Перцель, разглядевший эту дипломатическую игру, как было уже упомянуто, отказался от участия и публично заявил об этом. *Клапка*, несмотря на контрприказание Луи Бонапарта, настаивал на высадке у Фиуме, но *Кошут* удерживал венгерский эмигрантский корпус в предписанных ему директором театра сценических границах.

Лишь только в Турин пришло известие о заключении Виллафранкского мира, как Кошут, боясь, что его выдадут Австрии, сломя голову и тайно, за спиной своих воинских частей, помчался в Женеву. Ни Франц-Иосиф, ни Бонапарт, ни кто другой не вызывал к себе столько ненависти в венгерском лагере в Турине, как Людвиг Кошут, и только комизм его последней выходки заставил критику до известной степени молчать. По возвращении в Лондон Кошут обнаружил письмо к своему ручному слону, некоему Мак-Адаму в Глазго, в котором заявлял, что считает себя разочарованным, но не обманутым, и заканчивал трогательным обращением, что ему негде преклонить голову, и все адресованные ему письма просил направлять на квартиру его приятеля Ф. Пульского, давшего приют изгнаннику. Более чем с англо-саксонской грубостью лондонская печать предложила Кошуту нанять себе дом в Лондоне на бонапартистские субсидии; это убедило его, что на некоторое время его роль в Англии сыграна.

Кроме ораторского таланта, Кошут обладает великим талантом молчать, когда аудитория обнаруживает определенно недоброжелательное к нему отношение или же когда ему нечего сказать в свою защиту. Как солнцу, ему не чужды затмения. Что он хоть раз в жизни сумел быть последовательным, доказало его последнее письмо к Гарибальди, где он предостерегал последнего от нападения на Рим, чтобы не задеть чести императора французов, эту «единственную опору угнетенных национальностей».

Как Альберони в первую половину XVIII века называли «колоссальным кардиналом», так Кошута можно назвать «колоссальным *Лангеншварцем*»¹. По существу он — импровизатор, получающий свои впечатления каждый раз от слушающей его аудитории, а не творец, навязывающий миру свои идеи. Как Блонден танцует на своем канате, так Кошут — на своем языке. Оторванный от атмосферы своего народа, он неизбежно должен был вырождаться в виртуоза и впасть в пороки виртуозов. Характеризующая импровизатора неосновательность мышления неизбежно находит свое отражение в двусмысленных поступках. Если Кошут был некогда золотой арфой, на которой шумно играл народный ураган, то теперь он только дионисово ухо², передающее шопоты в таинственных покоях Палатинского двора и Тюильри.

Было бы совершенно несправедливо на один уровень с Кошутым ставить второго патрона Фогта, генерала Клапка. Клапка был одним

¹ Известный немецкий импровизатор первой половины XIX века. *Ред.*

² Дионисово ухо — вид морских раковин, резонирующих шуму. *Ред.*

из лучших венгерских революционных генералов. Он, как большинство офицеров, собравшихся в 1859 г. в Турине, смотрит на Луи Бонапарта примерно так, как Франц Ракоци смотрел на Людовика XIV. Для них Луи Бонапарт представляет военную мощь Франции, которая может послужить на пользу Венгрии, но никогда — уже в силу одних географических условий — не может быть опасной для нее*. Но почему же Фогт ссылается на Клапку? Клапка никогда не отрицал, что он принадлежит к красной камарилье Плон-Плона. Чтобы из «друга» Клапки сделать поручителя за «друга» Фогта? Клапка не обладает особенным талантом в выборе своих друзей. Одним из его близких друзей в Коморне был полковник *Ассерман*. Послушаем об этом полковнике Ассермане полковника Лапинского, служившего под начальством Клапки до сдачи Коморна и отличившегося потом в Черкесии своей борьбой против русских.

«Вилагошская измена, — говорит Лапинский, — вызвала сильнейший испуг среди находившихся в Коморне и ничего не делавших многочисленных штабных офицеров... Эти надушенные господа с вышитыми золотом воротниками, из которых многие не умели держать ружья в руках и не способны были командовать и тремя солдатами, бегали в панике друг к другу, придумывая способы любой ценой спасти свою шкуру. Отделившись под всевозможными предлогами от главной армии, чтобы в уютной безопасности неприступной крепости сидеть без всякого дела и только ежемесячно расписываться в правильном получении жалованья, они пришли в ужас от мысли, что придется защищаться не на жизнь, а на смерть... Эти негодяи лгали генералу, рисуя ему страшные картины внутренних беспорядков, бунтов и пр., чтобы склонить его как можно скорее сдать крепость при условии сохранить их жизнь и собственность.

* Хотя я и понимаю такую точку зрения со стороны Клапки, но я был неприятно поражен, найдя подобные же настроения в цитированном выше произведении Семере, и я откровенно сообщил ему свой взгляд по этому вопросу. Еще менее понимаю я его последнее заявление об австрийских уступках. Я знаю, что в общественных делах Семере не способен действовать по мотивам частного характера, и он имел весьма веские основания для своего заявления, что венгерцы могут собственными силами справиться в Пеште, использовав Вену, что всякое восстание в Венгрии, вызванное извне, в особенности с помощью французов, неизбежно повлечет за собой вмешательство России в венгерские дела, безразлично, за Австрию или против нее; наконец, что автономия, данная Трансильвании, Словакии и Кроации, а также и Воеводине, обеспечит в данный момент, как и в 1848 — 1849 гг. венскому кабинету содействие этих «национальностей» против мадьяр. Все это верно, но все это можно было бы сказать иначе, не давая повода думать, что признаешь венгерскую конституцию в изуродованном в Вене издании «*in usum delphini*» [«в процензурованном виде»].

Последнее условие многие особенно близко принимали к сердцу, так как все их помыслы во время революции были направлены только на то, чтобы разбогатеть; кое-кому это и удалось. Отдельным лицам такое обогащение удавалось очень легко, так как многие отчитывались в полученных суммах не раньше, чем через полгода. Это создавало благоприятные условия для плутней и обмана, и иные, вероятно, запустили руки в кассу гораздо глубже, нежели способны были возместить... Перемирие было заключено; как же теперь его использовали? Из находившихся в крепости припасов, которых достаточно было *на целый год*, большое количество без всякой необходимости было вывезено в окружающие деревни, откуда, однако, не было ввезено никакого провианта; было даже оставлено в ближайших деревнях сено и овес у крестьян, которые умоляли эти корма у них купить; несколько недель спустя казачьи лошади поедали крестьянское достояние, в то время как мы в крепости жаловались на недостаток фуража. Значительная часть находившегося в крепости убойного скота была продана за город под тем предлогом, что для него нет достаточно корма. *Полковник Ассерман*, вероятно, не знал, что из мяса можно сделать солонину. Значительная часть зерна была также продана под тем предлогом, что оно становится затхлым; это делали открыто, еще больше тайно. В таком окружении, которое состояло из Ассермана и подобных ему субъектов, Клапка, естественно, должен был отказываться от всякой хорошей мысли, приходившей ему в голову; они умели настоять на этом...» (Lapinski, там же, стр. 49).

Мемуары Гергея и Клапки одинаково убедительно свидетельствуют об отсутствии у Клапки твердого характера и политической проницательности. Все совершенные им во время защиты Коморна ошибки вытекают из этого основного порока. «Если бы у Клапки, при его познаниях и патриотизме, была *еще собственная твердая воля* и если бы он действовал по собственному разумению, а не по внушению окружавших его тупоумных и трусливых людей, то защита Коморна блеснула бы в истории, как метеор» (там же, стр. 209).

3 августа Клапка одержал блестящую победу над осаждавшим Коморн австрийским корпусом, совершенно разгромил его и надолго сделал небоеспособным. Вслед за тем он взял Рааб и мог взять без труда даже Вену, но бесцельно и в бездействии пробыл восемь дней в Раабе и вернулся затем в Коморн, где его ждало письмо от Гергея и известие, что он сложил оружие. Неприятель просил о перемирии, чтобы сконцентрировать у Коморна разгромленный австрийский корпус и продвигавшихся с Римы-Изомбата русских, а

затем преспокойно окружить крепость. Вместо того, чтобы напасть на собиравшиеся только вражеские силы и разбить их порознь, Клапка стал опять беспомощно колебаться, но все же отказывал австрийским и русским парламентам в перемирии. Тогда, — рассказывает Лапинский, — «22 августа в Коморн прибыл адъютант императора Николая... *Вы ведь не откажете нам, генерал, в двухнедельном перемирии*, сказал русский Мефистофель медоточивым голосом; *всемилоштивейший мой повелитель, его величество, просит Вас об этом!* Это подействовало, как сильный яд. Что, несмотря на все усилия, не удавалось австрийским и русским парламентам, того добился продувной адъютант немногими словами. Клапка не мог устоять перед его комплиментами и подписал двухнедельное перемирие. С этого дня и начинается падение Коморна». Самое перемирие, как уже было упомянуто, *Клапка* использовал через *полковника Ассермана*, чтобы в *две недели* убрать из крепости собранный в ней *годовой провиант*. По истечении перемирия Граббе стал окружать Коморн со стороны Ваага, в то время как австрийцы, постепенно увеличившие свою армию до 40 000 человек, расположились на правом берегу Дуная. Гарнизон Коморна был деморализован праздной жизнью за окопами и стенами города. Клапка не предпринял ни одной вылазки против русского корпуса, еще не участвовавшего ни в одном сражении и насчитывавшего только 19 000 человек. Неприятелю ни на минуту не помешали в его подготовительных работах к осаде города. Со дня подписания перемирия Клапка фактически подготовлял все не для обороны, а для капитуляции. Вся развиваемая им энергия была полицейского характера и направлена была против храбрых офицеров, которые противились капитуляции. «Последнее время, — говорит *Лапинский*, — стало опасным говорить что-либо об австрийцах, ввиду возможного ареста». Наконец, 27 сентября произошла капитуляция. «Если принять во внимание наличные силы, отчаянное положение страны, возлагавшей свои последние надежды на Коморн, общее положение в Европе и бессилие Австрии, которая принесла бы величайшие жертвы ради Коморна, то *условия капитуляции были исключительно жалкие*». Они «помогали лишь скорее удрать из Коморна за границу», но не выговаривали никаких гарантий ни для Венгрии, ни даже для находившихся в руках австрийцев революционных генералов. К тому же они были в чрезвычайной спешности составлены так неясно и двусмысленно, что впоследствии облегчили Гайнау их нарушение.

Таков *Клапка*. Если Фогт лишен «характера», то уж менее всего мог бы его снабдить этим продуктом Клапка.

Третий патрон — *«Джеймс Фази, воссоздатель Женевы»*, как отзывается о нем его придворный шут Фогт. Нижеследующие письма *Иоганна Филиппа Беккера*, обращенные к тому же адресату, как и его вышеприведенное письмо, содержат в себе слишком удачную характеристику Фази, чтобы портить ее добавлениями. Поэтому ограничусь лишь предварительным замечанием. Отвратительнейшая черта фогтовских так называемых «Исследований», это — ханжеский, лютеранский, даже кальвинистский ужас перед *«ультрамонтанской партией»*. Так, например, он преподносит Германии пошлую альтернативу протянуть руку Луи Бонапарту или же подпасть под власть австрийского конкордата, и «уж лучше, право, второй раз пережить период национального унижения» («Исследования», стр. 52). Гнусавым пуританским голосом он негодуяюще вопит против «ультрамонтанской партии, этого чудовища, этого наследственного врага всего человечества, высасывающего кровь» (там же, стр. 120). Он, очевидно, никогда не слышал о том, о чем поведал даже Дюпен старший в декабристском сенате, а именно, что «при Луи Бонапарте конгрегации, ассоциации и всякого рода учреждения, подчиненные непосредственно иезуитскому ордену, стали многочисленнее, чем при ancien régime [старом порядке], и что декабристское законодательство и администрация систематически отменяли все государственные ограничения, которые ставились ультрамонтанской пропаганде правительственными органами даже до 1789 года». Но что Фогт безусловно знает, это — что господство его местного Бонапарта, *Джеймса Фази*, держится на многолетнем союзе между так называемой радикальной и ультрамонтанской партиями. Когда Венский конгресс включил Женеву, старую резиденцию кальвинизма, в швейцарскую федерацию, то он присоединил к ее территории, вместе с некоторыми савойскими округами, католическое сельское население и сливки ультрамонтанского поповства. Союз с «этим наследственным врагом человечества, с этим чудовищем», и сделал из *Фази диктатора Женевы*, а из *Фогта — советника Фази*. Это предварительно.

Париж, 2 июля 1850 г.

Друг Р...!

Наконец я должен удовлетворить Вашу просьбу и написать Вам свое мнение о господине Джеймсе Фази...

Как государственные науки бесполезны без искусства применения их к жизни, так и искусство в государственных делах бесплодно, если оно не основывается на науке и философском мышлении. Одна наука не даст так называемому государственному мужу житейского опыта, и его неспособность очень скоро обнаружится. Наоборот, человек с односторонним искусством государственного деятеля легче может скрывать недостаток знаний и умственного твор-

чества, скорее сойдет за практического государственного деятеля и будет иметь на своей стороне широкую массу обывателей. Будет ли народ под управлением такого мужа в культурном отношении прогрессировать и создаются ли гарантии для беспрепятственного дальнейшего развития, не в состоянии судить слепо восторгающаяся им масса. Особенно, если по внешнему виду все идет хорошо и успешно и все делается во имя свободы и цивилизации!

В лице нашего *Дюжеса Фази* Вы имеете превосходный экземпляр этого «вида» (species) артистов в государственных делах. Этот ловкий человек обнаруживает не одно государственное искусство, а целый ряд государственных искусств, он процеливает всякого рода кунштуки и *tours de force* [трюки] всякий раз, когда этого требует «общественное благо», но с привычным благоразумием остерегается всякого сальто-мортале. Это мастер по закулисному распределению ролей, ловкий режиссер и суфлер, виртуозный комедиант до *plus ultra* [сверх всякой меры]. Можно было бы высоко ценить его «твердый характер», который не останавливается ни перед какими средствами, ведущими его к цели, если бы источником этой твердости не были его грязные цели. Но достаточно знать беспринципность и беззастенчивость этого человека, чтобы менее удивляться его остроумию в выборе средств и ловкости, с какой он их применяет. Все хорошее, происходящее или возникающее в жизни управляемого им народа, нагло прибирается этим артистом в государственных делах к рукам и потом преподносится от его имени толпе, которая слепо верит, что все сделано «папашей Фази» или произошло только благодаря ему. Так же ловко умудряется он свою инициативу во всем плохом и непопулярном сваливать с себя на чужую голову. В своем правительстве он не терпит людей самостоятельных; когда ему угодно, он дезавуирует своих коллег, и они же должны с ним разделить ответственность за его неудачные шаги. Терпя *à discrétion* [без возражений] от его деспотической грубости, они всегда должны быть готовы стать козлами отпущения для блага народа и во славу своего президента. Подобно коронованному владыке, который при всяком мероприятии — как бы оно ни было необходимо для блага народа — справляется, — прежде чем его величество «соизволит», — не повредит ли оно династии, так и папаша Фази спрашивает себя по поводу всякого дела: «не грозит ли оно прочности моего президентского кресла?». Поэтому наш герой всегда приравнивает свою политику к обстоятельствам текущего момента, от случая к случаю: сегодня он процеливает какую-нибудь комедию в Правительственном совете, завтра какой-нибудь жонглерский фокус в Большом совете, а послезавтра производит трескучий эффект речью на народном собрании, и искусно обласканная им толпа, в свою очередь любящая господина бога, которого она может видеть и слышать, под действием его искусной лести становится доверчивой и верит, что шипят яйца на горячей сковородке, когда проливной дождь стучит по крыше. Я не хочу этим сказать, будто женевцы неразвиты и глупы; напротив, я убежден, что редко где можно найти более оживленную общественную жизнь, более могучее стремление к развитию гражданской свободы, чем здесь, на берегах Женевского озера. В дальнейшем я еще вернусь к вопросу, как это Фази удавалось так часто обеспечить себе большинство голосов.

Все, что за последние 15 лет было сделано в Женеве энергичным поколением, Фази через своих лакеев и поклонников приписывает своему управлению. Так, например, ему приписывается срытие укреплений, грандиозное расширение и украшение столицы кантона. Между тем, всякое правительство, в том

числе и правительство Фази, было бы безжалостно сметено, если бы оно вадумало как-нибудь воспротивиться настойчивому желанию населения скрыть бесполезные укрепления и увеличить размеры города, который вследствие крайней скученности людских масс становился все более и более антисанитарным. Таким образом, вопрос этот стал для Фази вопросом существования, и он — по заслугам ему и честь — энергично принялся и многое помог к общему удовольствию довести до конца. То, что создано сильнейшей потребностью времени при энергичном содействии целого поколения, не может отдельный человек, не одержимый безмерным самомнением, приписывать своей инициативе и своему творчеству. Только все общество творит нечто цельное — да и то лишь относительно, — а каждый отдельный член его вносит сюда лишь большую или меньшую долю соответственно своему положению и силам. Слепая вера в авторитеты — особый вид суеверия и вредна для нормального развития.

Я прекрасно знаю, что наш Фази ничем не отличается от прочих сынов человеческих; что он делает лишь то, что не может оставить, и оставляет лишь то, что не может сделать; что он, как и весь животный мир, в стремлении к абсолютному выявлению своей индивидуальности, удовлетворяет свои потребности. От него так же нельзя требовать быть иным, как нельзя требовать от кошки, чтобы она добровольно бросилась в воду, или от лошади, чтобы она вскарабкалась на дерево. Он не был бы в этом случае Фази, а если бы он не был Фази, то он был бы, может быть, Луи Бонапартом или чем-нибудь в этом роде. Если, пользуясь своим авторитетом, водить народ на помочах, слепить ему глаза фокусами, не содействуя прогрессу его духовной и нравственной культуры, и следы своего существования закреплять лишь развращением общества, если это — величие, то, несомненно, и Фази велик и, не без основания, может служить предметом зависти для более могущественных тиранов.

Среди противоречий наш герой на редкость умеет лавировать, и из них сделан его волшебный компас, по которому он правит своим государственным суденышком. В одном случае радикализм доставляет ему экипаж, а ультрамонтанство — груз, в другом случае — наоборот, как нужно для вящего удобства кормчего. Государственная машина поэтому в постоянном движении, подобно маятнику часов, раскачивается взад и вперед. Чудесный результат! Радикалы клянутся, что дела идут вперед, ультрамонтаны веруют, что они идут назад. И то и другое верно; обе стороны блаженны в своей вере, а Фази, как господь бог, остается у руля.

Дорогой друг, удовольствуйтесь на сей раз этими строками.

С сердечным приветом

Ваш *Иог. Фил. Беккер.*

Париж, 20 июля 1860 г.

Дорогой Р...!

Итак, вы думаете, что я сгустил краски в своем портрете Фази. Нисколько, дорогой друг! Впрочем, человек не может думать и судить о вещах и людях, как он хочет, а думает так, как логически должен в меру своего понимания и внутреннего опыта. Кто о подобных вещах говорит иначе, чем думает, и поступает иначе, чем говорит, тот не верен самому себе и мерзавец.

Фази, получивший первоначальное воспитание в одном гернгутеровском заведении в Нейвиде и хорошо говорящий по-немецки, кажется, и теперь еще, в 65 лет, судит о Германии и немецком народе по впечатлениям от этого образцо-

вого учреждения. Все немецкое, даже из немецкой Швейцарии, ему не по вкусу и лишь в исключительных случаях пользуется его благоволением. В качестве прирожденного женева и благодаря длительному пребыванию в свободных Штатах Северной Америки он отлично познакомился с республиканскими учреждениями, средствами агитации и в особенности с изворотами родственной его натуре интриги. Он больше демагог, чем демократ, и его главное государственное правило и его девиз — *laissez aller et laissez faire* [предоставьте события их свободному течению] — были бы не так плохи, если бы он мог удержаться и не совал своих рук всюду, где общество хочет создать что-нибудь и не милостью государства, не совал бы рук, чтобы либо добиться успеха ради своей славы, либо, если это невозможно, помешать начинанию, как это было, например, с Банком взаимного кредита, который был запроектирован Майером и другими, и с учреждением промышленного музея. Во время женева революции 1846 г. Джеймс руководствовался афоризмом: вдали от выстрелов воин доживает до старости, и поэтому больше думал о путях к бегству, чем о путях к победе. Он уже готовился тайком покинуть Женеву, когда Альберт Галеер, душа всего движения, последним усилием решил бой, который долго шел с переменным счастьем, и сообщил ему о полной победе. Галеер, для которого дело было все, а собственная слава — ничто, и который — тогда, по крайней мере, — твердо верил в искреннюю любовь Фази к народу, не без удовлетворения смотрел, как во-время спасенный от чрезмерно торопливого бегства герой держался победителем на устроенном тотчас после победы народном собрании. Галеер непосредственно по окончании революции не мог рассчитывать получить место в правительстве, потому что был не женецем, а гражданином кантона Берна и по тогдашним федеральным законам не мог ни избирать, ни быть избранным. Правда, вскоре ему было даровано право гражданства, и тогда он был выбран в Большой совет и получил место переводчика государственных актов. Будучи притягательным центром для энергичной женева молодежи, он стал твердой опорой радикального правительства. Благодаря ему все более приобретал уважение масс и Фази. Пользуясь фразеологией французского радикализма, которую он усвоил в качестве сотрудника «National» в Париже во времена Луи-Филиппа, Джеймс Фази агитировал вдоволь, маскируя в печати и на трибуне свои настоящие помыслы. Однако, несмотря на свое демагогическое искусство, он уже по истечении года был в различных кругах серьезно обвинен в тайных сношениях с главарями ультрамонтанства, а вскоре за этим и в франкофильстве. В немецкой Швейцарии, где о вещах судят спокойнее и хладнокровнее, скоро, повидимому, раскрыли его интриги. В конце 1847 г., по окончании войны с Зондербундом, Джеймс Фази пришел в канцелярию военного департамента, чтобы отдать визит генералу Оксенбейну; в канцелярии был лишь я один; Оксенбейн с прочими офицерами пошли в госпитали навестить раненых. Когда я доложил Оксенбейну по его возвращении о визите Фази, он с выражением презрения произнес: «Ах, этот фальшивый лицемер!» Бывший президент швейцарского Союза и бернского правительства генерал Оксенбейн, уже несколько лет получающий в Швейцарии пенсию от французского императора, теперь, может быть, питает лучшие чувства к своему старому коллеге. Во всяком случае, замечательно, что Фази еще ни разу не был избран швейцарским Национальным собранием в Союзный совет, хотя он и его друзья усиленно этого добивались, тем более, что в этом собрании господствует фанатически проводимая тенденция обеспечивать важнейшим кантонам поочередное представительство

в центральном правительстве. В отношении союзного правительства, в котором Фази никакой властью не пользовался, но которое, тем не менее, ограничивало удобный для него кантональный суверенитет, он всегда проявлял непокорность и, где мог, вставлял ему палки в колеса.

Когда в начале 1849 г. союзная полиция решила преследовать меня за организацию сицилийского легиона, я отправился в Женеву, где Фази сказал мне, что я могу сколько угодно заниматься организацией и не обращать внимания на Союзный совет. Я отлично знаю, что Фази легко жертвует всяким человеком, если ему это нужно, даже тогда, когда на стороне этой жертвы стоит закон; я это лично испытал впоследствии в одном случае, — материал слишком обширный для письма; об этом могут рассказать союзные комиссары — доктор Керн и Трог.

В делах с эмигрантами он, под предлогом гуманности, проявлял строптивость в отношении мероприятий Союзного совета, однако беспощадно и грубо преследовал лично неудобных ему эмигрантов. Особенно безжалостно преследовал он выдающихся лиц, близко стоявших к Галееру, в котором он видел будущего соперника. Мадзини должен был бояться его больше, чем союзной полиции. Долговязый Гейнцен был ему невыносим и должен был вскоре покинуть кантон: «он так тяжело ступает, точно земля принадлежит ему», — таков был единственный довод для его высылки, который Фази наивно приводил. Струве был без всякого приказа Союзного совета арестован на прогулке со своей женой и выслан в качестве *русского* шпиона в кантон Ваадт. Галеер во-время поспешил к Фази, чтобы убедить его в ошибке. Между ними завязался долгий спор; Фази воображает, что он кажется тем правдивее, чем громче он кричит и чем более возмущенным он представляется. Струве должен был оставаться русским шпионом. Если память мне не изменяет, эта сцена произошла в *Hôtel des Bergues* у русского эмигранта Герцена, у которого охотно обедал женевский президент. Во всяком случае, этот господин не принимал никакого участия в неблагоприятном заподозревании Струве. Несомненно, Фази больше руссофил, чем Струве; я слышал, как однажды, во время речи на одном празднестве, он сказал: «Произведения Жан Жака Руссо больше читают и лучше понимают в России, чем в Германии». Правда, он этим хотел, главным образом, уязвить немецких приятелей Галеера и немцев вообще.

Галеер, который до этого в политических вопросах шел нога в ногу с Фази и которого я встретил непосредственно после его стычки с последним по поводу Струве, сказал мне огорченно: «С Фази все покончено; откровенно заявляю: не могу больше иметь с ним дела; это подлинный политический монстр, настоящее животное по своим страстям; продолжать работать с ним совместно — значит помогать изнутри губить народное дело. Только когда противопоставишь ему решительную свободомыслящую оппозиционную партию, он, чтобы спасти свое положение, бывает вынужден держать высоко знамя радикализма. Пока он будет иметь против себя только старую аристократию, дела будут идти все хуже; он давно уже заигрывает с ультрамонтанами и имеет возможность действовать по своему усмотрению. Впрочем, он вовсе не швейцарец по образу мыслей и охотнее обращает свои взоры в сторону Парижа, чем в сторону Берна. Я уже давно имел достаточно поводов порвать с ним; только привычка мешала этому, потому что я долгое время видел в нем дельного человека. Лишь беспрестанная внутренняя борьба и сегодняшнее столкновение по внешнему поводу помогли мне покончить с ним счеты».

Вокруг Галеера группировались все более независимые люди, в частности группа лиц, принадлежавших к молодой политико-экономической школе; «объединенные» таким образом решительные радикальные и социалистические элементы скоро стали называть демократической партией. Радикализм отныне — за редкими исключениями — состоял в сознательном и бессознательном раболепстве перед Фази, который нашел теперь свое настоящее большинство в присоединенных с 1815 г. к Женеве католических сельских районах Савойи. Все- сильные там попы, ультрамонтаны, заключили союз с этим «радикализмом», детищем Фази. Галеера самым низким образом оклеветали, подвергли преследованию и лишили места. Молодая демократическая партия не могла еще выставить к предстоявшим выборам своего собственного списка наряду с аристократической и объединенной старорадикальной и ультрамонтанской партиями. И хотя Джемс Фази отказался включить в свой список несколько демократических имен, все же Галеер и его единомышленники отклонили все предложения аристократической партии и решили на этот раз голосовать за список Фази и ждать своей победы от будущего. Если бы Фази искренно думал о прогрессе и серьезном развитии страны, то он не цеплялся бы за мерзкое охвостье вечно зирающихся назад ультрамонтанов. Для достижения большего успеха в своих инсинуациях и гонениях на Галеера оруженосцы его превосходительства, «радикального» президента, основали особый пасквильный листок «Revue de Genève», чтобы их хитроумному духовному вождю не нужно было мараить своими ябедами свой «Moniteur»; тем обильнее стали появляться они в органе его молодцов, которых он мог в любой момент дезавуировать... Слабый здоровьем Галеер не выдержал этой низкой травли и умер в том же году (1852), 33 лет от роду. Как часто мне приходилось слышать в Женеве: *«Наш добрый благородный Галеер пал жертвой беспощадной мести нашего иезуитского тирана!»*... На следующих выборах друзья Галеера приняли предложение аристократии о союзе тем охотнее, что последняя готова была довольствоваться падением Фази и очень скромной долей власти. Принципиальный Галеер отказался бы, вероятно, и теперь от этого союза; но, говорили его партийные единомышленники, ведь показал же нам Фази прекрасный пример своего союза с ультрамонтанами; почему же мы должны стыдиться приличного охвостья аристократии, если Фази не стыдится неприличного охвостья ультрамонтанов? Почему бы нам не идти вперед с образованной аристократией так же хорошо, как обещает идти Фази в союзе с невежественным ультрамонтанством?

Таким образом, на выборах (кажется, это было в ноябре 1853 г.), на которых многие радикалы, в том числе и товарищи Фази по правительству, перешли к демократам, наш герой 1846 г. подавляющим большинством был сброшен с президентского кресла. Растерянность обремененного долгами экс-президента была необычайно велика. В связи с этим я должен остановиться на некоторых подробностях его жизни.

Проматавший в кутежах и любовных похождениях еще до своего вступления в правительство значительное наследство, по шею в долгах и безжалостно преследуемый кредиторами, Джемс Фази постарался, сделавшись президентом, как можно скорее отменить закон об аресте за долги, — конечно, «в интересах личной свободы». Так, в 1856 г. один замученный долгами женевец сказал мне: «Хорошо, что мы выбрали в президенты обремененного долгами человека: если не долги, то, по крайней мере, долговую тюрьму он отменил».

Но в начале 1850-х годов материальное положение Фази оказалось очень стесненным, так что «благодарный народ» должен был поспешить ему на помощь и выделить в подарок под застройку большой участок земли из освободившейся после срытия укреплений. И правильно. Ведь он помог убрать с этой площади укрепления: почему же ему не позволить было себе «аннектировать» клочок земли, когда и более крупные владетельные персоны без всяких колебаний так поступают? Теперь Фази оказался в состоянии продать много крупных участков для постройки домов и выстроить себе самому большой красивый дом. Но на беду он снова запутался в долгах и не мог уплатить занятым у него на постройку рабочим. В начале 1855 г. столяр, которому он должен был несколько тысяч франков, на улице кричал ему: «Уплати мне, негодяй, мне нужно хлеба купить детям!» При таких-то стесненных обстоятельствах он лишился президентского места, а в довершение всего на него обрушилась еще большая беда. Прекратило платежи радикальное кредитное учреждение Caisse d'Escompte [Учетная контора]. Друзья Фази, работавшие в этом учреждении и так же отягощенные долгами, — вопреки уставу — выдали ему и себе ссуды, превышавшие средства банка. Директор банка, сидящий еще и теперь в тюрьме, позволил себе — «дурные примеры портят добрые нравы» — еще большие позаймствования из кассы. Таким образом, Caisse d'Escompte была накануне банкротства. Сбережения сотен бережливых рабочих семейств грозила опасность. Нужно было помочь делу советом и делом во что бы то ни стало, иначе «фаизм» был бы развеем дефицитом, как мякина ветром. Разумеется, при наличных обстоятельствах нельзя было, раздобыть денег для самой Caisse d'Escompte. Но как раз тогда в Женеве зарождалось новое кредитное учреждение, Banque générale Suisse [Главный швейцарский банк]. Надо было достать этому банку значительные суммы, чтобы он, со своей стороны, мог спасти Caisse d'Escompte от отлива денег, а Фази от прилива долгов. Фази должен был стать спасителем, чтобы быть спасенным. В случае удачи ему гарантировали приличное вознаграждение в виде определенного процента, а для Caisse d'Escompte — спасительный вспомогательный капитал. С этой целью Фази отправился pro domo [ради самого себя] и ради Banque générale Suisse в *Париж*, где ему после многонедельного пребывания и — как передавала молва — при *милостивом содействии «августейшего»* удалось раздобыть у Crédit Mobilier спасительный фонд во много миллионов франков. Как раз тогда шли приготовления к новым правительственным выборам (ноябрь 1855 г.); поэтому спаситель еще до своего прибытия в Женеву написал, что в ближайшее время привезет с собой большие миллионы. Это было целительным пластырем для израненных сердец акционеров Caisse d'Escompte и чудодейственным факелом для ультрамонтански-радикальных избирателей. На одной тогдашней карикатуре он с большим сходством был изображен в виде колоссального, нагруженного золотыми мешками лебедя, приплывающего по озеру в женевскую гавань. Один шутник рассказывал мне тогда, что за стаканом пива ему сообщили, будто Фази привез с собой 50 миллионов франков, за вином — 100, а за абсентом — 200 миллионов. Репутация чудотворной силы папаша Фази была снова вполне восстановлена в глазах его детей. Демократы, уверенные в победе на выборах, не сделали никаких особых усилий. Образовавшееся с недавнего времени общество молодых силачей — *les fruitiers* [зеленщики] — вело себя совершенно, как лейб-гвардия Фази, грубейшим образом терроризовало избирателей, и кумир их снова уселся в президентское кресло.

Но на этот раз ясно и недвусмысленно обнаружилось, что ультрамонтаны не даром посылали своих многочисленных избирателей, что они также хотят платы за победу. В один прекрасный день изгнанный из Швейцарии после войны с Зондербундом епископ фрейбургский Марильи, вечный склочник и смутьян, приехал с высокого соизволения Фази из Франции обратно в Женеву и начал служить «святые» мессы. По всему городу пронесся крик недовольства, скоро нашедший отклик во всей Швейцарии. Это показалось чрезмерным даже самым слепым радикалам, самым преданным fruitiers. Тотчас же состоялось народное собрание, на котором был вынесен вотум недоверия президенту. Его коллега, правительственный советник Турт, хотя также один из молодцов Фази и его ученик, возымел рискованное желание эмансипироваться и стал беспощадно громить своего господина и патрона. Но Фази уехал еще до появления епископа, как всегда поступал в тех случаях, когда готовил своим коллегам кашу, которую они должны были одни расхлебывать. Марильи, разумеется, должен был немедленно покинуть Женеву и Швейцарию. А папаша Фази, устроив предварительно головомойку своим мятежным детям, написал из Берна, что его не понимая, что правительство совершило оплошность, что он действовал только в «интересах религиозной свободы», разрешив епископу просто лишь посетить город. Когда первая буря улеглась, тяжело оскорбленный папаша Фази вернулся. Несколькими изречениями оракула, которые годятся на все случаи жизни и потому кажутся всегда истинными, ему тем легче удалось восстановить свой потрясенный авторитет и веру в свою чистую любовь к свободе и отечеству, что его коллеги имели любезность взять на себя главную вину. Фази же добился своей цели, показав своим друзьям ультрамонтамам, что *он всегда готов сделать для них все, что ему только возможно*. За последние годы Джемс Фази стал очень богатым человеком. Не только Vanque générale Suisse обеспечил ему в известной доле пожизненное участие в прибылях, но, в качестве правительственного президента, он на железнодорожном строительстве своего кантона и т. д. не забывал и своих собственных интересов. В его большом красивом доме (отель Фази на набережной Монблана) вращается в Cercle des Etrangers [клуб иностранцев] весь шикарный свет. А с тех пор, как Пьемонт нашел, что с его государственной моралью несовместимы «игорные притоны» савойских курортов, сострадательный президент женевской республики дал приют одному такому притону, как изгнаннику, в своих просторных залах. Да здравствует свобода! Laissez aller et laissez faire! Allez chez moi et faites votre jeu! [Предоставьте все своему течению! Идите ко мне и играйте!]

Чего ж тебе еще, мой дружок?

Твой Иоганн Филипп Беккер.

От патронов Фогта я спускаюсь к его сообщникам.

Peace and goodwill to this fair meeting,
I come not with hostility, but greeting.

[Любовь и мир сидящим в зале этом,
Пришел я не с враждою, а с приветом.]

Первой в ряду, из участников которого я упомяну лишь о некоторых наиболее выдающихся фигурах, нас встречает *берлинская* «Nationalzeitung» под командой *Ф. Цабеля*. Если сравнить

подсказанную Эдуарду Симону самим Фогтом рецензию на «Главную книгу» в «Revue Contemporaine» с соответствующими статьями «Nationalzeitung», «Breslauer Zeitung» и т. д., то можно подумать, что «округленная натура» изготовила две программы — одну для обработки итальянской, а другую для обработки аугсбургской кампании. Что же, в самом деле, заставило *Ф. Цабеля*, этого обычно столь скучного и осторожного прониру и жирного толстяка из «Nationalzeitung», пуститься во все тяжкие и перелagать уличные песенки Фогта на язык передовиц?

Первое подробное указание на «Nationalzeitung» встречается в № 205 «Neue Rheinische Zeitung» от 26 января 1849 г. в статье, начинающейся словами: «*Указатель дороги на Шильду*». Но рука указателя на дорожном столбе слишком длинная, чтобы отпечатать ее здесь. В статье «Neue Rheinische Zeitung» № 224 от 17 февраля 1849 г. мы читаем:

«Берлинская «Nationalzeitung» — *тяжеловесно-содержательное выражение бессодержательности*. Вот несколько новых образчиков. Дело идет о прусской циркулярной ноте... Хотя, и но! Быть в состоянии и хотеть, и казаться! Находить и хотеть, чтобы прусское правительство хотело! Каждая фраза, точно каторжник, несет на ногах огромную тяжесть и безмерно тяжела. Каждое «если», каждое «хотя», каждое «но», это — воплощенный *Dr. utriusque juris* [доктор обоих прав]. А если вы тщательно развернете всю эту христианско-германскую пухлую ветошь, все это бумажное отрепье, в которое «Nationalzeitung» заботливо заворачивает свою мудрость, то что останется?.. *Политиканская болтовня* — черным по белому, как берлинская передовица, во всем своем блеске... «Nationalzeitung», очевидно, печатается для *мыслящих читателей*, как «Всемирная история» Роттека. У французов имеется удачное выражение для такого рода чисто словесного мышления: «Je n'aime pas les épinards et j'en suis bien aise; car si je les aimais, j'en mangerais beaucoup, et je ne peux pas les souffrir». [«Я не люблю шпината, и это очень хорошо; *если бы* я его любил, то ел бы его много, а я его не выношу»]. «Nationalzeitung» желает счастья Пруссии, а потому... и нового министерства. Но чего она желает при всяких обстоятельствах, это — *министерства*. Только насчет этого у патронов «Nationalzeitung» имеется полная ясность и осознанная решимость».

В № 296 «Neue Rheinische Zeitung» мы читаем:

«*Берлин, 8 мая 1849 г.*... «Интересно наблюдать позицию, занятую берлинской печатью по отношению к саксонской революции. «Nationalzeitung» знает только одно чувство — страх запрещения».

Но страх — жизненный элексир, как это доказала «Nationalzeitung» за десятилетнее правление Мантейфеля.

Nationalzeitung подтвердила правильность слов Попа:

Still her old empire to restore she tries,
For born a goddess Dulness never dies*.

[Ведь глупость, вечной будучи богиней,
За власть свою, как встарь, стоит и ныне.]

Но царство dulness у Попа отличается от царства «Nationalzeitung» тем, что: «Теперь там правит Дунс второй, как прежде правил первый», между тем как здесь все еще правит старый Дунс, Dunc the first¹.

За «Nationalzeitung» по пятам следует «Breslauer Zeitung», мечтающая теперь о гогенцоллерновском министерстве, как прежде мечтала о министерстве Мантейфеля. В начале 1860 г. я получил следующее письмо:

Бреславль, 27 февраля 1860 г.

Дорогой Маркс!

Я прочел в «Volkszeitung» твой адрес и твое заявление против «Nationalzeitung». Появилась и в «Breslauer Ztg.» за подписью ее *ежедневного* сотрудника Д-ра Штейна такая же статья, как и в «Nat. Ztg». Это тот самый д-р Штейн, который сидел в берлинском Национальном собрании вместе с д'Эстером на крайней левой и внес известное предложение против офицеров прусской армии. Этот великий Штейн, обладающий малым телом², был отстранен от своей преподавательской деятельности. Со времени существования нового министерства он поставил себе задачу агитировать за него, — не только в прошлом году во время выборов, но и теперь, — чтобы объединить силезскую демократию с конституционалистами. Несмотря на это, теперешнее министерство отклонило — и не раз, а много раз — его ходатайство о разрешении ему частного преподавания. Ушедшее в отставку министерство молча терпело его преподавательскую деятельность, теперешнее же запретило ее как противозаконную. Он поехал за получением разрешения в Берлин, но безуспешно, как ты можешь подробно узнать из того самого номера «Volkszeitung», где помещено твое заявление. Д-р Штейн теперь вывел в *Бреславльском клубе* в шутовской процессии

* Невозможно дать в переводе слово dulness. Оно означает больше, чем скука, это — возведенная в принцип ennui [скука], усыпляющая безжизненность, отупевшая ограниченность. В качестве свойства стиля dulness есть то, что «Neue Rheinische Zeitung» называет «тяжеловесно-содержательным выражением бессодержательности».

¹ Сатирическая поэма Попа «Dunciade» изображает современных ему поэтов в царстве Dulness. Дунс — дурак, болван, невежда; Dunc the first — можно перевести: «Болван первый». *Ред.*

² Здесь начинается игра слов с фамилией Штейн (Stein по-немецки — камень). *Ред.*

серную банду. Несмотря на это, д-р Штейн, Шлеган, Земрау и их компаньоны из конституционалистов должны терпеть одно унижение за другим; но ведь этот сорт людей не позволяет сомневаться в их патриотизме. Что скажешь ты об этой милой компании?

Что могу я сказать о своем коллеге Штейне? Он был действительно моим коллегой. Дело в том, что я целых полгода (в 1855 г.) корреспондировал в «Neue Oderzeitung» — единственную немецкую газету, в которую я писал во время своего пребывания за границей. Очевидно, у Штейна каменное сердце, которого не может смягчить даже отказ в разрешении частного преподавания. «Neue Rh. Zeitung» долго обрубала этого Штейна [камень], чтобы вырубить из него бюст. Так, например, в № 225 мы читаем:

«Кельн, 16 февраля 1849 года... Что касается в частности Штейна, то мы вспоминаем время, когда он выступал как фанатик-конституционалист против республиканцев, *формально доносил на представителей рабочего класса* в «Schlesische Zeitung» и *убедил доносить* одного родственного ему по духу школьного учителя, теперь члена «Общества законного порядка». Жалкой, как и собрание соглашателей, была так называемая демократическая фракция этого собрания. Можно было предвидеть, что теперь эти господа, чтобы быть *переизбранными*, признают *октроированную конституцию*. Для их позиции еще более характерно, что они *после* отрицают в демократических клубах то, что утверждали *до* выборов на избирательных собраниях. Эта мелкотравчатая либеральная хитрость никогда не была дипломатией настоящих революционеров.

Что «Rheinische Zeitung» обрубала Штейна не напрасно — он доказал, когда Мантейфель разоктроировал октроированную палату. Д-р Юлиус Штейн заявил тогда в «Главном демократическом обществе Бреславля»: «Мы (крайняя берлинская левая) с самого начала считали немецкое дело погибшим... *Теперь* следует признать, что *немецкое единство невозможно, пока существуют немецкие князья*» («Neue Rh. Ztg.» № 295).

Действительно, душураздирающий, камнеразмягчающий факт: этот самый Штейн [камень], хотя уж не камень преткновения больше, однако Шверин неизменно отбрасывает его, не желая воспользоваться им как... строительным камнем.

Не знаю, видели ли мои читатели когда-нибудь журнал «Punch» — я имею в виду лондонский «Kladderadatsch». На титульном листе изображен сидящим Понч¹, против него стоит его пес Тоби с очень кис-

¹ «Понч» («Punch» — «петрушка») — название лондонского сатирического журнала; «Кладдерадач» — берлинский сатирический журнал. *Ред.*

лым видом, с пером за ухом: и то и другое — знаки прирожденного построчного писаки. Если позволительно сравнивать малое с большим, то Фогта можно было бы сравнить с Пончем, с Пончем, растерявшим свои остроты, — что произошло с ним в 1846 г. вместе с отменой хлебных законов. Но его товарища, пса Тоби, можно сравнить с самим собой или же с *Эдуардом Мейеном*. Эдуард Мейен, если он действительно когда-нибудь умрет, не нуждается в пифагорейском переселении душ. Об этом позаботился уже при его жизни Тоби. Я вовсе не хочу утверждать, что Эдуард Мейен служил моделью художнику при составлении им виньетки титульного листа. Но, во всяком случае, в жизни я никогда не видел большего сходства между человеком и псом. Впрочем, ничего удивительного. Э. Мейен от природы — построчный писака, а построчный писака от природы — Тоби. Э. Мейен всегда любил посвящать назойливую благодать своего проворного пера готовым партийно-организационно-литературно-издательским учреждениям. Пожалованная сверху программа избавляет от труда самостоятельного мышления, чувство связи с более или менее организованной массой заглушает сознание собственного несовершенства, а мысль о существовании походной кассы преодолевает на время даже профессиональную угрюмость Тоби. Так мы находим Эдуарда Мейена в свое время примазавшимся к злополучному демократическому центральному комитету, этому пустому ореху, выросшему в 1848 г. из немецкого демократического собрания во Франкфурте-на-Майне. В лондонском изгнании он был деятельнейшим изготовителем литографированных летучих листов, куда были отчасти ухлопаны деньги кинкелевского займа для фабрикации революции; это, конечно, несколько не помешало тому же самому Эдуарду Мейену перекочевать со всеми своими пожитками в лагерь принца-регента, хныкать об амнистии и выклянчить себе позволение из Вандсбека терзать «Hamburger Freischütz» статьями по иностранной политике. Фогт, вербовавший «тех, которые», — людей, готовых «следовать его программе» и поставлять ему статьи, — к тому же размахивавший перед их глазами туго набитой походной мошной, во-время подоспел для нашего Эдуарда Мейена, бегавшего тогда как раз без хозяина, так как по трудному времени никто не хотел платить собачьего налога. И какой яростный лай поднял Тоби при известии, что я собираюсь подорвать кредит фогтовского партийно-литературного предприятия и лишить заработка строчивших для него мопсов! *Quelle horreur!* [Какой ужас!] Фогт преподавал своему Эдуарду Мейену столь же подробные указания об обязательной обработке его «Главной

книги», как и своему Эдуарду Симону, и Эдуард Мейен действительно напшиговал целых пять номеров «Freischütz» (№ 17—21, 1860 г.) неудобоваримой болтовней из «Главной книги». Но какая разница! В то время как Эдуард Симон исправляет оригинал, Эдуард Мейен искажает его. Элементарная способность, необходимая для объективного восприятия известного материала, заключается несомненно в умении *писать* печатную вещь, но наш Эдуард Мейен совершенно неспособен списать правильно и строчки. В характере Тоби недостает даже необходимой для списывания силы. Послушаем:

«Freischütz» № 17: «Газета (Allgemeine Zeitung)... теперь уличена в том, что она... также... пользовалась содействием революционной партии, которую Фогт клеймит как *серную банду немецких республиканцев*». Где и когда плетет Фогт о серной банде немецких республиканцев?

«Freischütz» № 18: «Либкнехт выставил в «Allgemeine Zeitung» обвинение против Фогта, повторив там нападки, состряпанные Бискампом в лондонском «Volk»; но все свое значение эти нападки приобрели лишь тогда, когда Маркс переслал в «Allgemeine Zeitung» появившийся в Лондоне памфлет, авторство которого он приписал Блинду».

Фогт лгал смело и много. Но уже его адвокат Герман запретил ему ссылаться на ложь, будто *ненапечатанная* в «Allgemeine Zeitung» статья Бискампа была «повторена» в ней Либкнехтом. И Фогту не приходит в голову сказать, будто я переслал в «Allgemeine Zeitung» памфлет «Предостережение». Он, наоборот, определенно заявляет: «Клеветнический памфлет переслал в «Allgemeine Zeitung»... Либкнехт» («Главная книга», стр. 167).

«Freischütz» № 19: «Блинд положительно отрекся от авторства памфлета, а типограф засвидетельствовал, что он не Блиндом был *передан* ему для напечатания. Но твердо установлено, что пасквиль тотчас же был перепечатан тем же самым набором в «Volk», что Маркс позаботился об опубликовании его в «Allgemeine Zeitung» и т. д.».

Фогт в «Главной книге» перепечатывает, с одной стороны, заявление Фиделио Холлингера, в котором последний свидетельствует, что памфлет *не набирался* в его типографии, а, с другой стороны, мое контр-заявление, что первоначальный набор стоял *еще* неразобраным у Холлингера, когда памфлет был снова напечатан в «Volk». И что за сумбур получается из всего этого улопудучного Тоби!

«Freischütz» № 19: «Что касается лиц (будто бы говорили Энгельс и я в письме Техова), то это чисто рассудочные люди, не

знающие никакой национальности». Никакой *сентиментальности*, милейший Тоби, «никакой сентиментальности» — пишет Техов у Фогта.

«Freischütz» № 20: «Маркс... допустил, чтобы дуэлянты отправились стреляться в *Остенде*. Техов служил секундантом Виллиху и т. д. Техов после этого инцидента разошелся с Марксом и его союзом».

Эдуард Мейен не довольствуется тем, что читает *Остенде* вместо *Антверпена*. Он, вероятно, слышал в Лондоне рассказ о том французе, который жаловался в Вестенде, что англичане пишут Лондон, а произносят Константинополь. Техова, который видел меня в период отправления своего письма всего один раз в своей жизни и к тому же определенно пишет, что вначале он хотел *присоединиться* ко мне и к моему союзу, Эдуард Мейен заставляет *отказаться* от меня и моего союза, к которому он никогда не принадлежал.

«Freischütz» № 21: «Этим инцидентом (центральным рабочим празднеством в Лозанне) и объясняются яростные нападки, которым подвергся Фогт в лондонском «Volk»».

Сам Фогт определяет в «Главной книге» дату «яростных нападков» на него в «Volk» — 14 мая 1859 г. (памфлет появился в «Volk» 18 июня 1859 г.): Лозаннское же центральное празднество происходило 26 и 27 июня 1859 г., т. е. много времени *спустя* после вызванных им, согласно Мейену, «яростных нападков».

Но достаточно и этих избранных отрывков Тоби. Ничего удивительного, что Тоби, прочитав в книге Фогта все, чего там вовсе нет, вычитал там, между прочим: «Книга Фогта будет причислена к самым смелым, остроумным и полезным полемическим произведениям нашей литературы» («Freischütz» № 17).

А теперь представьте себе этого злополучного Тоби, неспособного правильно списать и двух печатных строк, представьте себе этого Тоби, осужденного из своего Вандсбека ежедневно читать книгу всемирной истории, извлекать из нее ежечасно события дня, лишь бегло намеченные неясными начальными буквами, и фотографировать в «Freischütz» в натуральную величину dissolving views [туманные картины] настоящего! Несчастный вандсбекский апостол! Счастливый гамбургский читатель «Freischütz»!

Несколько дней тому назад в лондонском «Times» была помещена облетевшая всю английскую печать заметка под заголовком: «A man shot by a dog» [«Человек, застреленный собакой»]. Повидимому, Тоби умеет стрелять, и поэтому нет ничего удивительного, если Эдуард Мейен поет в «Freischütz»: «Стрелком у регента на службе я».

«Kölnische Zeitung» ограничилась несколькими злостными замечаниями и мелкими инсинуациями в пользу Фогта. Восемь дней спустя после выхода «Главной книги» она на своих столбцах пустила слух, будто книга уже разошлась, — вероятно, для того, чтобы самой не пришлось разойтись с фактами по ее поводу. Сколько, однако, юмора в жизни!

Мог ли я в 1848 — 1849 гг., когда издавалась «Neue Rheinische Zeitung» и мы ежедневно ломали копыя с нашей кельнской соседкой из-за Польши, Венгрии и Италии, мог ли я тогда подозревать, что в 1859 г. та же «Kölnische Zeitung» предстанет перед нами в роли рыцаря принципа национальности, а из простого *Ю з е п н а Д ю м о н а* вылупится синьор Джузеппе дель-Монте! Но в то время еще не было никакого Луи Бонапарта, который ниспослал бы национальностям высшую нравственно-либеральную благодать, а «Kölnische Zeitung» никогда не забудет, что Луи Бонапарт спас общество. С какой яростью она нападала тогда на *Австрию*, покажет нам «Neue Rheinische Zeitung» № 144.

«Кельн, 15 ноября (1848 г.). В момент, когда по всей Германии пронесся крик негодования при известии, что какой-то Виндишгрец, кровавый слуга австрийских бандитов, осмелился приказать застрелить, как собаку, депутата *Р о б е р т а Б л ю м а*, в такой момент своевременно остановиться на двух немецких газетах, из которых одна с редким вероломством старалась опозорить последние дни покойного, а другая в самую могилу провожает его своим нелепым кретинизмом. Мы говорим о «Kölnische Zeitung» и о «Rheinische Volkshalle» (в просторечии Narrhalle) [зал дураков]... В № 262 «Kölnische Zeitung» писала: «22 октября *восторженные возмездия* демократической партии покинули Вену; в том числе и... *Р о б е р т Б л ю м*». «Kölnische Zeitung» сообщила это известие без дальнейших прибавлений, но зато жирным шрифтом напечатала выпад против Блюма, чтобы тем лучше запечатлеть его в памяти своих читателей. В позднейших номерах «Kölnische Zeitung» сделала еще лучше, она не постеснялась даже перепечатать у себя статьи самого черно-желтого листка камарильи, сообщения органа эрцгерцогини Софии, подлейшей из всех австрийских газет... (далее, между прочим, цитируется): «Роберт Блюм не пожал лавров в Вене..., в актовом зале он говорил о внутреннем враге, робости, недостатке мужества и выдержки; но если, кроме этого внутреннего врага, существуют *также и другие* враги — он надеется, что их не существует, — или если в городе еще имеются люди, предпочитающие победу военщины победе *свободы*, то борьба не на живот, а на смерть со стоящими перед горо-

дом полчищами должна обратиться и против них»... «В речи Блюма слышится безумие сентябриста¹; если Блюм произнес эти слова, то он, — говорим это без обиняков, — *обесчестил себя*». Так пишет «Kölnische Zeitung».

Через искусно скрытую сеть труб все отхожие места Лондона спускают свои физические нечистоты в Темзу. Точно так же мировая столица спускает все свои социальные нечистоты через систему гусиных перьев в «одну большую бумажную центральную клоаку — «Daily Telegraph». Либих справедливо указывает на бессмысленное расточительство, которое лишает воды Темзы их чистоты и Англию ее навоза. Но *Леви*, собственник бумажной центральной клоаки, знает не только химию, но и алхимию. Превратив социальные нечистоты Лондона в газетные статьи, он превращает затем газетные статьи в медь и, наконец, медь в золото. На воротах, ведущих к центральной бумажной клоаке, написаны *di colore oscuro* [черным цветом] слова: «hic... quisquam faxit oletum!» или, как образно перевел это *Байрон*: «Wanderer stop and — piss!»

Леви, подобно Аввакуму, *est capable de tout* [все может]. Он может написать передовицу в три столбца по поводу какого-нибудь случая изнасилования. В начале этого года он угощал свою многочисленную публику, гурманов, зловонным рагу, умело составленным из столь отвратительных, грязных подробностей одного судебного дела, что они заставили судью очистить судебный зал от женщин и детей. К несчастью, *Леви*, в качестве перца для рагу, припел имя одной совершенно невинной особы. Возбужденное против него дело о клевете закончилось осуждением его английским судом и публичным позором для издаваемого им органа. Процессы о клевете, — подобно, впрочем, всем процессам, — в Англии, как известно, бессовестно дороги и составляют, до известной степени, привилегию *coffre fort* [туго набитого кошелька]. Но вскоре какая-то компания безработных адвокатов в Сити открыла, что *Леви* — очень выгодная дичь; они объединились и в целях спекуляции стали предлагать безвозмездно свои услуги всякому, кто хотел бы начать против *Леви* дело о клевете. Самому *Леви* пришлось поэтому громко жаловаться в своей газете, что появился новый вид шантажных дел, обвинения *Леви* в клевете. С тех пор привлекать к суду *Леви* стало предосудительным. Это вызывает двусмысленные толки; подобно тому как на стенах Лондона можно прочесть: *Commit no nuisance* [Здесь

¹ Здесь имеется в виду народный самосуд над содержащимися в тюрьмах контрреволюционерами в сентябре 1792 г. в Париже (сентябрьские убийства). *Ред.*

воспрещается бросать нечистоты], так на дверях английских судов можно прочесть: *Commit Levy*.

Политики называют «*Daily Telegraph*» «бульварным листком Пальмерстона», но левиевская навозная телега загружается политикой вообще лишь в качестве балласта. «*Saturday Review*» метко характеризовала его копеечную газету: «*cheap and nasty* [дешево и гнило]». «Роковой симптом, — замечает она, между прочим, — в том, что он решительно предпочитает грязь опрятности; при всяких обстоятельствах он охотно откажется от самого важного сообщения, чтобы дать место грязной статейке».

Но и у Леви есть своя собственная *pruderie* [щепетильность]. Так, например, он порицает безнравственность театров и, второй цензор Катон, нападает на балерин за их одевание, которое начинается слишком поздно и кончается слишком рано. Из-за таких приступов добродетели Леви попадает из огня в полымя. О логика! — восклицает лондонский театральный журнал «*Player*», о логика, где краска стыда у тебя? Как должен был плут (*the rogue*) смеяться себе в бороду!.. «*Telegraph*» в роли проповедника пристойности для женских театральных костюмов! Святой Юпитер, что будет дальше? По меньшей мере, надо ждать землетрясений и комет. Приличие! «*I thank thee jew for teaching me that word*» [«Благодарю, ну-дей, что ты научил меня этому слову»]. И «*Player*», как Гамлет Офелии, рекомендует Леви удалиться в монастырь, и притом в женский. *Get thee to a nunnery, Levy!*» [«Уйди в женский монастырь, Леви!»] Леви в женском монастыре! Может быть, «*nunnery*» опечатка вместо *Nonaria*, и следует читать: «Уйди к Нонарии, Леви», и в этом случае каждый будет

«*multum gaudere paratus,*
Si Cinico (цинику Леви) barbam petulans Nonaria vellat.»

[... готов от души посмеяться,
Если Нонария дергать за бороду Циника (т. е. циника Леви) станет.]

«*Weekly Mail*» утверждала, что хотя Леви и не делает для своих читателей «X» из «U», но зато пишет «Y» вместо «I», и действительно, среди 22 000 левитов, которых Моисей насчитывал в пустыне, не было ни одного Леви (*Levi*), который писал бы свое имя через Y (*Levy*). Подобно тому как *Edouard Simon* хочет во что бы то ни стало причислить себя к романской расе, так Леви жаждет быть членом англо-саксонской расы. Поэтому он, по крайней мере раз в месяц, нападает на неанглийскую политику Дизраэли, так как Дизраэли, эта «азиатская загадка» (*the Asiatic mystery*), не происходит, по-

добно «Telegraph», от англо-саксонской расы. Но какой смысл Леви нападать на д'Израэли и писать Y вместо I, когда мать-природа уставными буквами вписала ему посредине физиономии его родословную? Нос таинственного незнакомца Слоукенбергиуса (см. Тристрам Шенди), раздобывшего себе finest nose [великолепный нос] с promontory of noses [мыса носов], послужил в Страсбурге темой для беседы только на неделю, между тем как нос Леви — тема для бесед лондонского Сити на год. Один греческий эпиграмматик описывает нос некоего Кастора, служивший ему для всевозможных целей: в качестве лопаты, трубы, серпа, якоря и т. д. Он заканчивает свое описание словами:

«Ὅπως εὐχρήστω σκεῖνος Κάστωρ τετάρχῃ,
 Πῶνα φέρων πάσης ἀρμενοῦ ἐργασίας».

[Вот как снабжен был на диво полезным орудием Кастор;
 Носом владел он, для всякого дела в хозяйстве пригодным.]

Но Кастор не угадал, для чего пользуется своим носом Леви. Английский поэт ближе к цели, когда он пишет:

And 'tis a miracle we may suppose.
 No nastiness offends his skilful nose.

[И вот, кто в этом чуда не признает,
 Зловонье чуткий нос не оскорбляет.]

Действительно, большое искусство носа Леви проявляется в любовном отношении к вонючим запахам, в умении за сотни миль разноухивать их и притягивать. Таким образом, нос Леви служит «Daily Telegraph» в качестве слоновьего хобота, щупальца, маяка и телеграфа. Можно поэтому без всякого преувеличения сказать, что Леви носом пишет свою газету.

Этот чистоплотный «Daily Telegraph» был, разумеется, *единственной* английской газетой, в которой могла и должна была появиться фогтовская Лаузиада. В газете Леви от 6 февраля 1860 г. появилась длинная, в два с половиной столбца, статья, озаглавленная «The Journalistic Auxiliaries of Austria» («Газетные пособия Австрии») и представлявшая в сущности простой перевод обеих передовиц берлинской «Nationalzeitung» на довольно зловонный английский язык. Для отвода глаз была пометка: «from an occasional correspondent. Frankfort on the Main, February 2» (от случайного корреспондента. Франкфурт-на-Майне, 2 февраля). Я, разумеется, знал, что единственный корреспондент «Telegraph» пребывает в Берлине, где нос Леви и открыл его с привычной виртуозностью.

Я поэтому запросил одного из своих друзей в Берлине, не может ли он назвать мне имя корреспондента левиевской газеты. Но мой друг, — человек, ученость которого признавал даже А. Гумбольдт, — упорно утверждал, что в Лондоне не существует никакого «Daily Telegraph» и что, следовательно, нет никакого корреспондента его в Берлине. При таких обстоятельствах мне пришлось обратиться к другому приятелю, жителю столицы на Шпрее. Мне ответили: берлинский корреспондент «Daily Telegraph» существует и называется — *Абель*. В этом я увидел злую мистификацию. Абель было, очевидно, простым сокращением Цабеля. То обстоятельство, что Цабель не пишет по-английски, не могло меня сбить с толку. Если Абель, в качестве Цабеля, редактирует «Nationalzeitung», не умея писать по-немецки, то почему же Цабелю, в качестве Абеля, не корреспондировать в «Telegraph», не умея писать по-английски? Итак, Цабель-Абель, Абель-Цабель? Как выпутаться из этого Вавилона (Babel)? Я еще раз сравнил мудрый берлинский орган с левиевским и открыл при этом в № 41 «Nationalzeitung» следующее место: «Либкнехт странным образом прибавляет: мы хотели заверить свои подписи в *магистрате (?)*». Это место с магистратом и вопросительным знаком Цабеля напоминает того шваба, который, «как только он сошел в Азии с морского судна, спросил: «нет ли здесь парня из Беббингена?»» В газете Леви не только нет всего этого места, но нет даже и вопросительного знака, откуда неопровержимо следует, что корреспондент Леви не разделяет взгляда Ф. Цабеля на то, что лондонские полицейские судьи или магистраты (magistrates) то же самое, что берлинский магистрат. Итак, Цабель не был Абелем и Абель не был Цабелем. Тем временем и другие мои берлинские знакомые услышали о моих поисках. Один из них написал мне: «Среди 22 000 Леви из четвертой книги Моисея имеется также один Абель, но он пишется Ави-хаил (Abihail)». Другой написал: «На этот раз Авель¹ убил Каина, а не Каин — Авеля». Таким образом я все больше и больше запутывался, пока, наконец, редактор одной лондонской газеты не уверил меня со свойственной англичанам суховатой серьезностью, что Абель отнюдь не миф, а некий берлинский литератор из евреев, по фамилии д-р *Карл Абель*. Этот милый юноша долгое время был при Штале и Герлахе ревностным холопом «Kreuzzeitung», но с переменой кабинета переменил, если не кожу, то окраску. Назойливое рение ренегата могло бы, по крайней мере, объяснить, почему берлинский корреспондент Леви считает, что свобода английской печати

¹ Abel — Авель. *Ред.*

для того только существует, чтобы он мог публично через ее посредство продавать в розницу свои восторги перед министерством Гогенцоллерна. Таким образом, можно гипотетически признать, что, кроме Леви в Лондоне, существует еще и Абель в Берлине — *par mobile fratrum* [знатная парочка братьев].

Абель доставляет свой товар Леви одновременно из всевозможных мест — из Берлина, Вены, Франкфурта-на-Майне, Стокгольма, Петербурга, Гонконга и т. д., что представляется еще бóльшим фокусом, чем де-местровское «*Voyage autour de ma chambre*» [Путешествие вокруг моей комнаты]. Но под каким бы местным знаком не писал Абель своему Леви, он пишет все же постоянно под зоо-диакальным знаком Рака. В отличие от эхтернахской процессии, где делают два шага вперед, а один назад, статьи Абеля делают один шаг вперед и два назад.

«No crab more active in the dirty dance,
Downward to climb, and backward to advance»

(*Роре.*)

[«Не мог бы рак резвей в грязи плясать,
Карабкаясь все вниз и порываясь вспять».

(*Пон.*)]

Абель обладает бесспорным талантом посвящать своего Леви в государственные тайны континента. В «*Kölnische Zeitung*» появляется, например, какая-нибудь передовица, — скажем о русских финансах, — заимствованная, допустим, из «*Baltische Monatsschrift*». Абель пропускает месяц, а затем вдруг шлет напечатанную в «*Kölnische Zeitung*» статью из Петербурга в Лондон, причем дает, конечно, понять, что, если не сам царь и, может быть, также не русский министр финансов, то, во всяком случае, один из директоров Государственного банка сообщил ему *entre deux cigares* [между двух сигар] статистическую тайну, и, ликуя, восклицает: «*I am in a position to state etc.*» [«Я в состоянии сообщить и т. д.»]. Или официальная «*Preussische Zeitung*» выпускает министерское шупальце и касается, скажем, не имеющих официального значения идей фон-Шлейница по кургессенскому вопросу. На этот раз Абель уже не ждет ни минуты, а пишет — и уже открыто и в тот же самый день — своему Леви о кургессенском вопросе. Через неделю он корреспондирует: «*Preussische Zeitung*», орган министерства, поместила следующую статью о кургессенском вопросе и «*I owe to myself*» [Я считаю своей обязанностью] обратить внимание на то, что еще неделю назад и т. д. Или же он переводит какую-нибудь статью из «*Allgemeine Zeitung*», датируя ее, скажем, Стокгольмом. Затем следует неизбежная фраза:

«I must warn your readers» [«Я должен предостеречь ваших читателей»] не от списанной, а от какой-нибудь несписанной статьи из «Allgemeine Zeitung». Когда же Абелю приходится говорить о «Kreuzzeitung», то он крестится, чтобы не быть узанным.

Что касается абелевского стиля, то его символически можно было бы представить как копию стилей Штерна Гешейдта, Исидора Берлинерблау и Якова Визенрицлера.

С разрешения Абеля маленькое отступление. Оригинал, Штерн Гешейдт, — другой соратник Фогта, некий *Л. Бамбергер*, в 1848 г. редактор одного захолустного листка в Майнце, а теперь «на полном содержании» породнившийся с Парижем *loup garou* [оборотень] и *декабристский демократ* «в простейшем смысле слова». Чтобы понять этот «простой смысл», надо знать тарабарский язык парижской биржевой синагоги. «Простая» демократия Штерна Гешейдта — то же самое, что Исаак Перейр называет «la démocratisation du crédit», демократизацией кредита, которая состоит в том, что уже не отдельные круги нации, а всю нацию превращают в игровой притон, чтобы надуть ее *en masse* [оптом]. Если при Луи-Филиппе олигархический биржевой волк бесцеремонно охотился только за накопленным в руках высшей буржуазии национальным богатством, то под эгидой Луи Бонапарта все представляет *fish* [рыбу] для демократического биржевого волка, который вместе с римским императором восклицает: *non olet* [не пахнет], а вместе со Штерном Гешейдтом Бамбергером прибавляет: «*масса должна это сделать*». Такова демократия Штерна Гешейдта в ее великой «простоте». Штерн Гешейдт Бамбергер недавно стал известен под именем: «*Ура, в Италию!*» Во время кампании за имперскую конституцию он, наоборот, прислушивался к кличу: «Прочь из Кирхгеймбоганда!» Удравший из Кирхгеймбоганда и водивший за нос рейн-пфальцский добровольческий корпус Штерн Гешейдт Бамбергер, о героических подвигах которого мне доверили ценную рукопись, был слишком смышлен [*gescheidt*], чтобы не почуять, что пропитанная кровью наносная мусорная земля декабря окажется золотоносной рудой для смышленных [*gescheidt*] кладоискателей. Он поэтому отправился в Париж, где, по прекрасному выражению его друга Исидора Берлинерблау, *alias* [иначе] *Г. Б. Оппенгейма*, «чувствуешь себя свободнее, чем знаешь». Завертелся Штерн Гешейдт, у которого в 1858 г. началась «заминка в обращении» (см. статистическую таблицу *Banque de France* о денежном обращении 1858 — 1859 г.), когда мусорная земля декабря вдруг начала переливать яркими красками возвышенных идей. Столь же ловкий (*gescheidt*), как и ярко-демократический,

Штерн Гешейдт понял, что парижский потоп может унести не только мусорную землю декабря, но и Про [доходные статьи] его «Главной книги», оставив только Contra [расходные статьи]. Штерн Гешейдт Бамбергер увеличил, как известно, число греческих муз, прибавив к ним десятую, еврейскую музу, «музу времени», как он называет бюллетень биржевых курсов.

Но вернемся к Абелю. Стиль Абеля насквозь пропитан необходимым для бумажной клоаки мировой столицы — «Daily Telegraph» — *odor specificus* [специфическим запахом]. Когда Леви бывает очень тронут ароматом абелевской корреспонденции, абелевской ученостью и предприимчивым усердием, с которым Абель пишет одновременно с двадцати различных широт, в такие минуты глубокой растроганности Леви называет Абеля интимно-нежно своим «industrious bug» [«трудолюбивым клопом»].

Уже поэтическая справедливость требует, чтобы «округленная натура» не осталась в конце комедии вместе с Абелем в лондонском навозе. Но кто вытащит его из навоза? Кому же быть спасителем? Спасителем быть приходится грязному распутнику (Mistfinke), именно *барону фон-Финке*, дворянину из красной земли¹, рыцарю веселого образа, *chevalier sans peur et sans reproche* [рыцарю без страха и упрека].

Как было сказано ранее, «Neue Rheinische Zeitung» уже в 1848 г. выявила тождество противоречий Фогта и Финке, и Фогт сам предчувствовал это в 1859 г., когда писал в своих «Исследованиях»: «Фон-Финке, в качестве апостола новой государственной свободы... положительно попадает в *область смешного*» (там же стр. 21), — значит, в область Фогта. Но 1 марта 1860 г. Финке открыто произнес слово примирения, «иллюстрируя», как выражается Иог. Филипп Беккер, «скромную прусскую палату *серной бандой*». Ровно за год до того он рекомендовал той же самой палате памфлет «По и Рейн», серное происхождение которого он, не обладая носом Леви, не мог, разумеется, почуять. Когда же Финке стал, подобно Фогту, разыгрывать итальянца, когда Финке, подобно Фогту, стал поносить Польшу, когда Финке, подобно Фогту, стал требовать расчленения Германии, то братья-враги навсегда заключили друг друга в объятия.

Известно, что одноименные полюсы взаимно отталкиваются. Таким же точно образом долгое время взаимно отталкивались Фогт и Финке. Оба страдают словесным слюнотечением, и поэтому каждому из них казалось, что другой не дает ему говорить.

¹ Красная земля — Вестфалия. Ред.

Фогт, по свидетельству Раникеля, — великий зоолог, точно так же, как и Финке, что доказывает его свиноводство в Иккерне.

В испанских драмах на каждого героя приходится по два шута. Даже при святом Киприане — этом испанском Фаусте — имеются в пьесе Кальдерона Москон и Кларин. Точно так же во Франкфуртском парламенте реакционный генерал фон-Радовиц имел при себе двух комических адъютантов, своего арлекина Лихновского и своего клоуна Финке. Фогт же, этот либеральный противоклоун, должен был делать все один, что, разумеется, озлобляло его против Финке, так как Яков Венедей годился только для сентиментальной части роли Панталоне. Финке любил иногда снимать свой дурацкий колпак. Так, например, в заседании парламента 21 июня 1848 г. он заявил, что «ему иногда кажется, будто он находится скорее в театре, чем в подобном собрании». А во время празднества, устроенного франкфуртскими парламентскими ториями, он гастролировал в качестве *князя дураков* и, сидя на бочке, распевал:

Ich bin der Fürst von Thoren¹
Zum saufen auserkoren,

[Над глушцами от дворянства
Избран князем я для пьянства.]

Это также было обидно его противнику. К тому же Фогт и Финке не могли запугать друг друга и поэтому считали совершенно безопасным нападать друг на друга. Фальстаф-Фогт знал цену рыцарю без страха и упрека, и *vice versa* [наоборот]. Вестфальский Баяр в свое время занимался в университете юридическими науками, меньше — римским *Corpus juris*; красноземельные предки, рассуждал он, не даром побили Вара. Тем усерднее приналег он на тевтонское право, особенно же на *буршееский кодекс*, почву которого он исследовал по всем направлениям и прославил под именем *правовой почвы*. Под влиянием такого казуистически-глубокого изучения буршеевского кодекса он и впоследствии при всякой дуэли наталкивался на какой-нибудь дунс-скотовский² волос, который в решительный момент становился непреодолимой преградой между рыцарем и кровопролитием, как обнаруженный на брачном ложе меч между принцессой и *locum tenens* [заместителем мужа]. Эта казуистическая придирчивость появлялась всегда, с правильностью периодической лихорадки, начиная с истории с судейским ассесором Бендой во время объединен-

¹ Thoren — тории, игра слов. *Ред.*

² т. е. на малейший предлог для казуистики (Дунс Скот — теолог и философ-схоластик). *Ред.*

ного ландтага 1847 г. и кончая обратившей на себя не меньшее внимание историей с прусским военным министром в палате депутатов в 1860 году. Мы видим, таким образом, какую напраслину возвели недавно на нашего рыцаря, обвиняя его, будто он потерял свою правовую почву. Не его вина, что его правовая почва вся состоит из ловушек. Более того, так как буршевский кодекс годится только для юридических дебатов высшего порядка, то наш остроумный юнкер заменяет его в повседневной парламентской практике *палочным кодексом*.

Во франкфуртском болоте Финке в бешенстве обозвал однажды своего противника Фогта *«министром будущего»*. Когда же в Иккерне он узнал, что Фогт, помня изречение:

Nem Dich eines Aemptleins an,
So heisst das Jahr durch Herr fortan

[Раздобудь себе лишь чин,
И вот ты на год господин],

стал не только имперским регентом, но и министром иностранных дел *in partibus* [в изгнании], то это его взорвало, и он стал недовольно ворчать о непризнанных притязаниях на повышение по старшинству. Ведь уже в Соединенном ландтаге 1847 г. Финке оппозиционно выступал против министерства в качестве фрондера и против буржуазной оппозиции в качестве представителя дворянства. Поэтому, когда вспыхнула мартовская революция, он считал себя более всех других предопределенным для спасения короны. Но министрами настоящего стали его противники, он же получил пост *«министра будущего»*, каковой пост с неизменным успехом занимал до сих пор.

Из мести он отряхнул берлинский прах со своих ног и отправился во Франкфурт, в церковь св. Павла, где уселся на крайней правой, чтобы скандалить здесь, в качестве клоуна, клакера и забияки генерала Радовица.

Этот Финк¹ был фанатически преданным австрийцем, пока это встречало одобрение в глазах начальства. Точно одержимый, гремел он против *национальностей*. «На левой стороне, в зависимости от ряда, увлекаются всевозможными национальностями—итальянцами, поляками, — а теперь даже мадьярами» (заседание 23 октября 1848 г.). Три рыцаря — Финке, Лихновский и Арним — вели музыкальное трио:

¹ Fink (вместо Vincke) — зяблик, вьюнок, гуляка, бабник. *Ред.*

Es brüllt der Ochs, es f... die Kuh,
es spielt der Esel den Bass dazu

[П... корова, бык ревет
И басом в тон осел поет.]

с такой виртуозностью против ораторов, говоривших в пользу Польши (заседание 5 июня 1848 г.), что даже колокольчик председателя выбился из сил, а когда Радовиц, исходя из военно-географических соображений, потребовал для Германской империи Минчио (заседание 15 августа 1848 г.), Финке — на потеху всей галлерее и к тайному восхищению Фогта — стал на голову и зааплодировал ногами. Главный клакер по резолюциям, которыми франкфуртское лягушечье болото приложило печать немецкой народной воли к династическому порабощению Польши, Венгрии и Италии, юнкер из красной земли возопил еще радостнее, когда пришлось пожертвовать притязаниями немецкой нации в позорном перемирии в Мальмэ. Чтобы обеспечить большинство для ратификации перемирия, дипломатические и другие зрители пробрались с галлерей на скамьи правых. Обман был обнаружен, и Раво потребовал нового голосования. Против него яростно выступил наш Финк, доказывая, что важно не кто голосует, а что голосуют (заседание 16 сентября 1848 г.). Во время франкфуртского сентябрьского восстания, вызванного ратификацией перемирия в Мальмэ, вестфальский Баяр бесследно исчез, чтобы, с объявлением осадного положения, выпадами свирепейшего реакционера отомстить за свой страх, которого никто не мог возместить ему.

Не довольствуясь своими выходками против поляков, итальянцев и венгерцев, он предложил выбрать в президенты временного центрального правительства австрийского эрцгерцога Иоганна (заседание 21 июня 1848 г.), но под покорнейшим условием, чтобы габсбургская исполнительная власть германского парламента не приводила в исполнение, не публиковала и вообще не принимала во внимание его плебейских резолюций. Он вышел из себя от бешенства, когда его товарищи из большинства, ради одного лишь разнообразия, голосовали за то, чтобы правитель империи — по крайней мере, в вопросах войны и мира и по договорам с иностранными державами — соизволял добиваться предварительного соглашения с парламентом (заседание 30 июня 1848 года). А ораторский пыл, с каким наш Финк старался вырвать у немецкого парламента вотум одобрения имперскому министру Шмерлингу и К⁰ в награду за их и правителя империи соучастие в подлом кровавом венском предательстве (заседание 24 октября 1848 г.), победоносно опровергая клевету Фишарта;

O wie erkältet Mäuler,
Sind Westfeling Mäuler!

[О, как бездушны морды,
Земли Вестфальской морды!]

Финке был по-соседски так дружественно настроен по отношению к Габсбургам, когда вдруг над парламентской Сахарой поднялась фата-моргана Малой Германии, и нашему юнкеру померещилось, что он уже увидел под мышкой пожизненный министерский портфель с зябликом (Fink). Так как у стен церкви св. Павла были необыкновенно длинные уши, то он мог льстить себя надеждой, что шум его парламентских излияний в лойяльности и преданности династии Гогенцоллернов будет благосклонно воспринят в Берлине. Разве он не заявил 21 июня 1848 г. при переполненной церкви св. Павла: «Я послан своими избирателями не только для того, чтобы представлять права народа, но и права князей. Я всегда восхищаюсь словами великого курфюрста, который однажды назвал нас, жителей Марки, своими покорнейшими и вернейшими подданными. И мы в Марке гордимся этим». И Баяр из Марки перешел от фраз к действиям в той знаменитой ораторской битве, в которой он заслужил себе рыцарские шпоры (заседание 7 и 8 августа 1848 года). Так, когда Brentano, в связи с испрашиваемой амнистией для Фридриха Геккера, с высоты трибуны сделал какое-то двусмысленное замечание об одном из принцев гогенцоллерновского дома, с Финком случился припадок настоящего собачьего бешенства лойяльности. Ринувшись со своего места на Brentano, он крикнул: «Долой, каналья!» и стал стаскивать его с трибуны. Но Brentano устоял на своем месте. Спустя некоторое время юнкер снова кинулся на него и бросил ему — разумеется, имея в виду последующее зрелое размышление над мыслимыми возможностями своей правовой почвы — в знак вызова свою рыцарскую перчатку, которую Brentano поднял со словами: «За стенами церкви вы можете мне сказать все, что вам угодно; здесь же оставьте меня, не то я дам вам пощечину». Юнкер порывлся в своем ораторском колчане и метнул оттуда еще несколько ругательств по адресу левой, пока Рейхардт не крикнул ему: «Фон-Финке, вы — негодяй!» (заседание 8 августа 1848 г.). Дебаты о конфликте между министерством Бранденбурга и берлинским соглашательским собранием Финк пытался устранить предложением простого перехода к порядку дня. «Со времени победоносного вступления Врангеля в Берлин, — сказал он, — воцарилось спокойствие, бумаги поднялись..., берлинское собрание не имеет права выпускать воззвания к народу и т. д.». Едва были разогнаны соглашатели, как наш рыцарь

без страха и упрека еще яростней набросился на них. «Для республики, — был он в заседании 15 октября 1848 г., — нам нехватает подготовительного политического воспитания; это нам показали представители бывшего берлинского собрания, которые принимали резолюции, вытекавшие из низкого личного честолюбия». Разразившуюся после этого бурю он пытался успокоить заявлением, что «готов защищать, *как рыцарь*, свой взгляд против всякого», но, прибавил предусмотрительный рыцарь, «он не имеет в виду никого из данного собрания, а только членов разогнанного берлинского собрания».

Так гордо прозвучал вызов Баяра из Марки всему воинству разогнанных соглашателей. Один из разогнанных услышал вызов, собрался с силами и добился действительно неслыханного происшествия, заставив юнкера из красной земли явиться во плоти на поле битвы при Эйзенахе. Кровопролитие, казалось, стало неизбежным, когда наш Баяр в решительную минуту отыскал дунс-скотовскую юридическую увертку. Его противник назывался Георгом Юнгом, а законы чести повелевали нашему рыцарю без страха и упрека сражаться с драконом, но ни в коем случае не с тезкой победителя дракона. Эту навязчивую идею нельзя уже было выбить из головы Финке. Лучше, клялся он торжественно, лучше, подобно японскому даймию, он сам себе вспорот живот, чем тронет хоть волос у человека, который называется Георгом и к тому же еще слишком молод (*jung*) для поединка. Но тем более беззастенчиво упорный дуэлянт неистовствовал в церкви св. Павла против Темме и других нападавших на правительство лиц, сидевших в Мюнстере под крепкими тюремными запорами (заседание 9 декабря 1848 года). Если, в своем желании угодить высоким местам, он не пренебрегал никакими мелочами, то своим усердием и лойяльностью он перещеголял самого себя в своих колоссальных усилиях создать Малую Германию и большую прусскую корону. «Делатель королей» Уорик был ребенок в сравнении «с делателем императоров» Финке.

Баяр из Марки полагал, что от него уж не мало досталось неблагодарным мартовцам 1848 года. Когда деловое министерство пало, Финке исчез на время из церкви св. Павла и проявлял готовность быть использованным. То же самое повторилось, когда пало министерство фон-Пфуля. Но так как гора не шла к Магомету, то Магомет решил пойти к горе. Выбранный в каком-то гнилом местечке, рыцарь из красной земли вынырнул вдруг в Берлине в качестве депутата октроированной палаты, исполненный страстного желания получить награду, ожидавшую его за франкфуртские подвиги,

Кроме того, рыцарь прекрасно чувствовал себя при осадном положении, не лишавшим его никаких непарламентских свобод. Свист и насмешки, с которыми приветствовало его берлинское население, когда он, вместе с другими октроированными депутатами, ожидал перед замком приема в белом зале, он выслушивал с тем большим наслаждением, что Мантейфель осторожно намекнул ему, будто в высоком месте — хотя бы из-за того, чтобы иметь вакантным один министерский портфель за известную заслугу, — склоняются к принятию малогерманской короны из рук франкфуртских «делателей императоров». Упоенный этими сладкими надеждами, Финк пытался пока быть полезным кабинету в качестве его *dirty boy* [кухонного мальчишки]. По указанию «*Kreuzzeitung*» он составил проект адреса короне, бушевал против амнистии, соглашался принять октроированную конституцию только под условием, что она будет снова пересмотрена и очищена от всего мартовского «сильной государственной властью», поносил страдавших от осадного положения депутатов левой и т. д. и ожидал своего триумфа.

Катастрофа надвигалась. Франкфуртская депутация с предложением императорской короны прибыла в Берлин, и Финке 2 апреля (1849 г.) внес лояльнейшую поправку в проект поднесения императорской короны, за которую, в чистоте сердца, голосовал Мантейфель. Тотчас же по окончании заседания Финке, как безумный, ринулся в ближайшую лавку старьевщика, чтобы купить там собственноручно портфель, портфель с черной картонной крышкой, с красной бархатной отделкой и позолотой по краям. Полный блаженства, торжествуя и ухмыляясь, как фавн, сидел рыцарь веселого образа на следующее утро на своем кресле в центре, но вдруг раздалось: «Никогда, никогда, никогда». Губы Мантейфеля иронически подергивались, а наш бесстрашный юнкер, с побледневшими губами, дрожа, как электрический угорь, от внутреннего волнения, с диким видом делал знаки своим друзьям: «удержите меня, не то я натворю бед». Чтобы удержать его, «*Kreuzzeitung*», указаниям которой Финке робко следовал на протяжении многих месяцев и которая видела в нем крестного отца своего проекта адреса от палаты, поместила на следующий день статью под заголовком: «Отечество в опасности», где, между прочим, было сказано: «*Министерство остается*, и король отвечает господам Финке и компании, что им нечего беспокоиться о вещах, которые их не касаются». А обманутый рыцарь без страха и упрека трусил рысцой из Берлина в Иккерн с более длинным носом, чем какой имел когда-либо Леви, с носом, который можно наставить только... *министру будущего!*

Послетого как Цинциннат из Красной земли долгие годы томился над своей практической зоологией в Иккерне, он в одно прекрасное утро проснулся в Берлине в качестве официального главы оппозиции в прусской палате депутатов. Так как ему не повезло во Франкфурте с правыми речами, то в Берлине он заговорил по-левому. Нельзя было в точности установить, представлял ли он оппозицию доверия или доверие оппозиции. Во всяком случае он и здесь переиграл свою роль. Он вскоре оказался столь необходимым кабинету на скамьях оппозиции, что ему запрещено было покинуть ее. Так и остался *министром будущего* юнкер из Красной земли.

При таких-то обстоятельствах Финк потерял терпение и заключил свой знаменитый иккернский договор. *Фогт* обещал ему черным по белому: лишь только Плон-Плон завоюет на немецком материке первый парламентский остров Баратария, населит его Оппенгеймерами ¹ и назначит своего Фальстафа его регентом, тотчас же Фогт назначит вестфальского Баяра своим премьер-министром, вручит ему верховную судебную власть в вопросах дуэли, сделает его действительным тайным генерал-строителем шоссеиных путей *, произведет его, сверх того, в княжеское достоинство с титулом князя от Глупцов и, наконец, отчеканит на *жести* ², которая в островном фогтстве обращается вместо денег, пару сиамских близнецов — направо Фогта как плон-плоновского регента, налево Финке как министра Фогта, — и вокруг объемистой двойной фигуры будет извиваться окруженная виноградом надпись:

Maul zu Maul mit Dir
Fordr'ich mein Jahrhundert in die Schranken.

[С тобою рылом к рылу
На бой я вызываю современность.]

¹ В тексте — Sch-Oppenheimern — т. е. пьяницами. *Ред.*

* См. брошюру «Auch eine Charakteristik des liberalen Abgeordneten von Vincke und erbauliche Geschichte des Sprochhövel-Elberfelder Wegbaues. Hagen 1849» [«Тоже характеристика либерального депутата фон-Финке и поучительная история Шпрохгёфель-эльберфельдского дорожного строительства»].

² Blech — жечь, а также вздор. *Ред.*

XI. ПРОЦЕСС.

В конце января 1860 г. в Лондоне были получены два номера берлинской «Nationalzeitung» с двумя передовыми статьями, из которых одна была озаглавлена «Карл Фогт и «Allgemeine Zeitung» (№ 37), а другая: «Как фабрикуют радикальные памфлеты» (№ 41). Под этими различными заголовками **Ф. Цабель** выпустил обработанное in usum delphini [популярное] издание фогтовской «Главной книги». Последняя была получена в Лондоне значительно позже. Я решил тотчас же начать в Берлине против **Ф. Цабеля** дело о клевете.

Лишь в самых редких, исключительных случаях, — когда дело шло об интересах партии, как, например, в кельнском процессе коммунистов, — отвечал я на бесчисленные ругательства, которыми меня осыпали в течение десяти лет в немецкой и немецко-американской печати. По моему мнению, печать *имеет право оскорблять* писателей, политиков, актеров и других лиц, подвигающихся на общественной арене. Когда же я считал нападение заслуживающим внимания, то придерживался в подобных случаях девиза: Contre corsaire corsaire et demi [с разбойником по-разбойничьи].

Здесь дело обстояло иначе. **Цабель** обвинял меня в целом ряде *преступных и позорящих* деяний, обвинял перед публикой, склонной из партийных предрассудков верить самым нелепым вещам и, с другой стороны, — ввиду моего 11-летнего отсутствия из Германии, — не имевшей никакого критерия для суждения о моей личности. Не говоря уже о политических соображениях, я обязан был ради своей семьи, ради жены и детей, подвергнуть судебному разбирательству *позорящие* обвинения Цабеля.

Предъявленный мною иск по характеру своему, само собой разумеется, исключал возможность какой бы то ни было судебной комедии ошибок, вроде процесса Фогта против «Allgemeine Zeitung». Если бы у меня даже возникло фантастическое намерение апеллировать против Фогта к тому самому суду Фази, который уже приостановил, в интересах Фогта, одно уголовное дело, то были крайне важные моменты, которые можно было выяснить *только* в Пруссии, а не в

Женева; наоборот, единственное утверждение Цабеля, подкрепления которому он мог бы искать у Фогта, основывается на мнимых документах, которые Цабель был в состоянии представить так же легко в Берлине, как его друг Фогт в Женеве. Моя «жалоба» против Цабеля содержала в себе следующие пункты:

1) В № 37 «Nationalzeitung» от 22 января 1860 г., в статье, озаглавленной «Карл Фогт и «Allgemeine Zeitung», Цабель утверждает:

Фогт сообщает на стр. 136 и сл.: «Под именем серной банды или также бурстенгеймеров была известна среди эмиграции 1849 г. группа лиц, которые сначала жили в различных местах Швейцарии, Франции и Англии, постепенно собрались в Лондоне и в качестве своего видимого вождя почитали Маркса. Политическим принципом этой компании была «диктатура пролетариата»; этой иллюзией они вначале вводили в заблуждение не только отдельные лучшие элементы эмиграции, но и рабочих из добровольческого корпуса Виллиха. В среде эмигрантов они продолжали дело «Rheinische Zeitung», которая в 1849 г. отговаривала от всякого участия в движении и постоянно нападала на всех членов парламента якобы за то, что движение имеет своею целью только имперскую конституцию. Серная банда подчиняла своих приверженцев строжайшей дисциплине. Кто из них пытался каким-нибудь образом добиться успеха в буржуазном обществе, тот — уже в силу одного своего стремления стать независимым — сам по себе становился изменником революции, которая каждую минуту могла снова разразиться и поэтому должна была держать наготове своих солдат, чтобы послать их в бой. Путем распространения слухов, корреспонденций и т. д. вызывались ссоры, драки, дуэли в этой заботливо поддерживаемой компании бездельников. Всякий подозревал в другом шпиона и реакционера, недоверие было у всех против всех. Одним из главных занятий серной банды было так компрометировать проживавших в отечестве лиц, что они должны были платить деньги, чтобы банда хранила тайну и не компрометировала их. В Германию было послано не одно, а сотни писем, с угрозой разоблачить в причастности к тому или иному акту революции, если в определенный срок по указанному адресу не будет доставлена известная сумма. По принципу: «кто не безусловно с нами, тот против нас», всякого, выступавшего против этих интриг, не только компрометировали среди эмигрантов, но и «губили» в печати. «Пролетарии» заполняли столбцы реакционной печати Германии своими доносами на тех демократов, которые не признавали их; они стали союзниками тайной полиции во Франции и Германии. Для дальнейшей характеристики Фогт, между прочим, приводит длинное письмо бывшего лейтенанта Техова от 26 августа 1850 г., в котором описываются принципы, интриги, раздоры, борющиеся друг с другом тайные общества «пролетариев» и из которого можно видеть, как Маркс, с наполеоновским высокомерием и сознанием своего умственного превосходства, держит в ежовых рукавицах серную банду».

Для понимания дальнейшего следует здесь же заметить, что Цабель, который в приведенном отрывке заставляет якобы Фогта «сообщать», начинает для дальнейшей иллюстрации серной банды уже от собственного имени приводить одно за другим — процесс Шерваля в Париже, процесс коммунистов в Кельне, мою брошюру

об этом процессе, либкнехтовский революционный съезд в Муртене и, установленную мною связь между Либкнехтом и «Allgemeine Zeitung» Оли, «тоже канал серной банды», наконец, письмо Бискамп в «Allgemeine Zeitung» от 20 октября 1859 г. и затем заканчивает словами: «Неделю спустя после Бискамп Маркс также написал в «Allgemeine Zeitung», предлагая ей «судебный документ» против Фогта, о котором мы, может быть, поговорим еще в другой раз. *Таковы корреспонденты «Allgemeine Zeitung».*

Из всей этой передовицы № 1 я взял, в качестве объекта иска, только перепечатанный в виде первого пункта отрывок, и притом лишь следующие фразы оттуда:

Одним из главных занятий (управляемой *Марксом*) серной банды было так компрометировать проживавших в отечестве лиц, что они должны были платить деньги, чтобы банда хранила тайну и не компрометировала их. В Германию было послано не одно, а сотни писем, с угрозой разоблачить в причастности к тому или иному акту революции, если в определенный срок по указанному адресу не будет доставлена известная сумма.

Здесь я, разумеется, потребовал от Цабеля *доказательства истинности* его утверждений. В первом сообщении своему адвокату, юстицирату *Веберу* в Берлине, я писал, что требую от Цабеля не «сотен угрожающих писем», даже не одного письма, а хотя бы одной строки, уличающей кого-нибудь из моих партийных единомышленников в указываемом Цабелем позорном деянии. Ведь Цабелю достаточно обратиться к Фогту, чтобы немедленно получить дюжины таких «угрожающих писем». А если бы случайно Фогт не мог представить ни одной строки из сотен угрожающих писем, то он, во всяком случае, мог бы назвать несколько сот «лиц в отечестве», которые подвергались вышеуказанным вымогательствам. Так как эти лица находятся в «Германии», то они были во всяком случае более доступны берлинскому суду, чем женеvскому.

Итак, моя жалоба против Цабеля за его передовицу № 1 ограничивалась одним единственным пунктом — *политическим компрометированием проживающих в Германии лиц с целью вымогать деньги*. В то же время для опровержения других его утверждений передовицы № 1 я привел ряд фактов. Здесь я не требовал *доказательства истинности*, а *приводил доказательства лживости*.

Вопрос о серной банде или также о бюрстенгеймерах был достаточно разъяснен письмом *Иоганна Филиппа Беккера*. Для характеристики *Союза коммунистов* и моей причастности к нему можно было вызвать в Берлин, в качестве свидетеля, между прочим, *Г. Бюргерса* из Кельна, одного из осужденных по кельнскому процессу коммунистов, и взять с него на суде показание под присягой. Далее, *Фридрих*

Энгельс нашел среди своих бумаг датированное ноябрем 1852 г. письмо, *подлинность* которого подтверждалась почтовыми штемпелями Лондона и Манчестера и в котором я сообщал ему о последовавшем, по моему предложению, роспуске союза, а также и о содержащихся в резолюции о роспуске мотивах, — именно, что со времени ареста кельнских подсудимых всякая связь с континентом оборвалась и что подобное пропагандистское общество вообще теперь несвоевременно. Что касается бесстыдного утверждения Цабеля о моих связях «с тайной полицией в Германии и Франции», то оно якобы доказывалось отчасти кельнским процессом коммунистов, отчасти процессом Шерваля в Париже. К последнему я еще вернусь позже. По поводу же первого я послал своему защитнику свои вышедшие в 1853 г. «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов», обратив его внимание на то, что можно вызвать в Берлин, в качестве свидетеля, адвоката Шнейдера II из Кельна и взять с него под присягой показания о моем участии в деле раскрытия тогдашних полицейских гнусностей. Утверждению Цабеля, будто я и мои партийные единомышленники «заполняли столбцы реакционной печати доносами на тех демократов», которые «не признавали» нас, я противопоставил тот факт, что я *никогда* не писал из-за границы — ни прямо, ни косвенно — в германские газеты, за единственным исключением «*Neue Oder Zeitung*». На основании моих статей в этой газете — а, в случае необходимости, и показаний одного из ее редакторов, д-ра Эльснера, — можно будет доказать, что я *никогда* не считал стоящим труда упомянуть хотя бы *имя* того или другого «демократа». Что же касается корреспонденций *Либкнехта* в «*Allgemeine Zeitung*», то сотрудничество его в ней началось весной 1855 г., три года спустя после роспуска Союза и *без моего ведома*; кроме того, эти корреспонденции — как свидетельствуют годовые комплекты «*Allgemeine Zeitung*» — содержат соответствующее его партийной точке зрения изложение английской политики, но ни звука о «демократах». Если же Либкнехт в мое отсутствие из Лондона послал в «*Allgemeine Zeitung*» появившийся в Лондоне памфлет против «демократа» Фогта, то он имел на это полное право; он знал, что издателем этого памфлета был «демократ», которого сам «демократ» Фогт приглашал к участию в его «демократической» пропаганде и, следовательно, считал «демократом», равным ему самому. Смешная выдумка Цабеля превратить меня самого в «корреспондента «*Allgemeine Zeitung*» убедительно опровергается письмом, написанным мне *Оргесом* (см. приложение 10) за несколько дней до начала аугсбургского процесса, в котором он между прочим старается рассеять мои якобы «либеральные» предубеждения против

«Allgemeine Zeitung». Наконец, ложь Цабеля, будто «неделю спустя после Бискамп и Маркс написал в «Allgemeine Zeitung», отпадала сама собой, так как письмо Бискамп датировано 20 октября 1859 г., а некоторые препроводительные строки при пересланном мной Оргесу, по его просьбе, «документе» находились уже 24 октября 1859 г. на судейском столе в Аугсбурге и, значит, не могли быть написаны 29 октября 1859 г. в Лондоне.

В интересах судебного разбирательства я счел необходимым присоединить к приводимым аргументам некоторые документы, отбрасывающие на клеветника тот уродливо-гнусный свет, который «демократ» Цабель пытался бросить на мое положение в эмиграции и на мои «интриги» за границей.

Первоначально, с конца 1843 до начала 1845 г., я жил в Париже, пока меня не выслал Гизо. Для характеристики своего положения во французской революционной партии в свое пребывание в Париже я послал своему защитнику письмо *Флокона*, отменявшее от имени временного правительства 1848 г. распоряжение Гизо о моей высылке и приглашавшее меня вернуться из Бельгии во Францию (см. приложение 14). В Брюсселе я жил с начала 1845 до конца февраля 1848 г., когда Рожье выслал меня из Бельгии. Впоследствии бельгийские муниципальные власти сместили полицейского комиссара, арестовавшего, в связи с этой высылкой, мою жену и меня. В Брюсселе существовало международное демократическое общество, почетным председателем которого был старый генерал *Мелине*, спасший Антверпен от голландцев. Председателем его был адвокат *Жоттран*, бывший член бельгийского временного правительства; товарищем председателя для Польши был *Лелевель*, бывший член польского временного правительства; товарищем председателя для Франции был *Эмбер*, назначенный после февральской революции 1848 г. комендантом Тюильри, а товарищем председателя для Германии был я, избранный на этот пост на публичном собрании, состоявшем из членов немецкого рабочего общества и всей немецкой эмигрантской колонии в Брюсселе. Одно письмо Жоттрана ко мне из эпохи основания «*Neue Rheinische Zeitung*» (Жоттран принадлежит к так называемой американской школе республиканцев, т. е. к чуждому мне направлению) и несколько самих по себе незначащих строк моего друга Лелевеля достаточно показывали мое положение в демократической партии в Брюсселе. Я поэтому приложил их к документам защиты (см. приложение 14).

После того как весной 1849 г. я был выслан из Пруссии, а в конце лета 1849 г. из Франции, я отправился в Лондон, где, после роспуска

Союза (1852 г.) и после отъезда большинства моих друзей из Лондона, я живу в стороне от *всяких* легальных и нелегальных обществ и даже вообще от всякого общества, хотя — с разрешения «демократа» Цабеля — и позволяю себе время от времени читать бесплатные лекции по политической экономии избранному кругу рабочих. *Лондонское немецкое рабочее просветительное общество*, из которого я вышел 15 марта 1850 г., праздновало 6 февраля 1860 г. двадцатилетие своего существования; я был приглашен на это празднество, на котором была единогласно принята резолюция *«заклеймить как клевету»* утверждение Фогта, будто я «эксплоатировал» немецких рабочих вообще и живущих в Лондоне в частности. Тогдашний председатель рабочего общества Мюллер дал заверить эту резолюцию 1 марта 1860 г. в полицейском управлении Bow Street. Вместе с этим документом я послал своему адвокату письмо английского адвоката и вождя чартистской партии Эрнеста Джонса (см. приложение 14), в котором он выражает свое негодование по поводу «infamous articles» [«гнусных статей»] «Nationalzeitung» (Эрнест Джонс, родившийся и воспитывавшийся в Берлине, знает немецкий язык лучше, чем Цабель) и, между прочим, упоминает о моем многолетнем бесплатном сотрудничестве в лондонских органах чартистской партии. Я могу здесь упомянуть также, что когда в конце 1853 г. в Манчестере был рабочий конгресс, то только Луи Блан и я из членов лондонской эмиграции получили приглашение на него в качестве почетных членов.

Наконец, так как по уверениям честного Фогта я «живу потом рабочих», от которых я никогда не получил и не требовал ни сентима, а, по утверждению «демократа» Цабеля, политически «так компрометировал» «проживающих в отечестве лиц», что «они должны были платить деньги, чтобы банда хранила тайну и не компрометировала их», я попросил Чарлза А. Дана, managing editor [издателя] «New-York Tribune» — первой англо-американской газеты, насчитывающей 200 000 подписчиков и поэтому почти столь же распространенной, как бильский «Коммивояжер» или цабелевский орган демократии, — прислать письменное удостоверение о моем платном десятилетнем сотрудничестве в «Tribune», в «Cyclopaedia Americana» и т. д. Его лестное для меня письмо (см. приложение 14) было последним документом, которое я счел необходимым послать своему адвокату в противовес фогто-цабелевским вонючим снарядам № I.

2) В цабелевской статье № II «Как фабрикуют радикальные памфлеты» (№ 41 «Nationalzeitung» от 25 января 1860 г.) мы читаем:

Откуда или деньги для этой даром раздававшейся газеты (т. е. «Volk»), знают боги; что у Маркса и Бискампа нет лишних денег, знают люди.

Рассматриваемый изолированно, этот отрывок мог бы иметь значение искреннего выражения удивления, как если бы я, например, сказал: «Только богам известно, как некий толстяк, которого я в студенческие годы в Берлине знавал как материально и духовно беспризорного балбеса, — он был владельцем детского приюта, и его литературная деятельность до революции 1848 г. ограничивалась только несколькими анонимными работами для одного захолаустного беллетристического журналичка, — только боги знают, как выше-названный толстый болван превратился в главного редактора «*Nationalzeitung*», ее пайщика и «имеющего лишние деньги демократа». Люди же, прочитавшие известный роман Бальзака и изучившие эпоху Мантейфеля, могут об этом догадываться».

Но замечание Цабеля следует за его заявлением о моих сношениях с тайной полицией во Франции и Германии, о моем полицейски-заговорщическом шантажировании людей угрожающими письмами, примыкая к 3-му пункту — о «массовой фабрикации фальшивых ассигнаций», — и поэтому приобретает особенно злокозненный смысл. Надо было прозрачно намекнуть, что я доставлял «*Volk*» деньги каким-то бесчестным путем.

Для опровержения Цабеля на суде послужил раздобытый в Манчестере *affidavit* [показание под присягой] от 3 марта 1860 г., согласно которому все переданные мной в «*Volk*» деньги — за исключением некоторой суммы, уплаченной мной лично, — получились не «с той стороны канала», как думает Фогт, а из Манчестера, из кармана моих друзей (см. Аугсбургскую кампанию).

3) «Для характеристики» «тактики» «партии *«пролетариев» под главенством Маркса»* Ф. Цабель в статье № II, между прочим, рассказывает:

В таком виде в 1852 г. был затеян против швейцарских рабочих кружков постыднейший заговор с массовой фабрикацией фальшивых ассигнаций; подробности см. у Фогта и т. д.

Так Цабель обрабатывает утверждение Фогта об аванюре Шерваля, превращая меня в морального виновника и преступного соучастника «массовой фабрикации фальшивых ассигнаций». Собранный мной фактический материал для опровержения этого утверждения «демократа» Цабеля охватывал весь период от вступления Шерваля в «Союз коммунистов» до его бегства из Женевы в 1854 г. *Affidavit*, данное Карлом Шаппером 1 марта 1860 г. перед полицейским управлением Bow Street, свидетельствовало о том, что вступление Шерваля в Союз в Лондоне предшествовало моему вступлению туда, что, находясь в Париже, где он проживал с лета 1850 до весны 1852 г., он вступил

в сношения не со мной, а с враждебным мне контр-союзом Шаппера и Виллиха, что после своего мнимого побега из тюрьмы St. Pélagie и своего вторичного прибытия в Лондон (весной 1852 г.) он вступил в тогдашнее легальное *«Немецкое рабочее просветительное общество»*, к которому я не принадлежал уже с сентября 1850 г., пока, наконец, его не разоблачили, не объявили бесчестным и не выгнали. Далее, адвокат Шнейдер II из Кельна мог бы засвидетельствовать под присягой, что сделанные *во время* кельнского процесса коммунистов разоблачения относительно Шерваля, его отношения к прусской полиции в Лондоне и т. д. исходили от меня. Мои опубликованные в 1853 г. «Разоблачения» показывают, что по окончании процесса я публично изобличил его. Наконец, письмо Иоганна Филиппа Беккера сообщало сведения о женевском периоде жизни Шерваля.

4) После того как *«демократ»* Ф. Цабель в статье № II с логикой круглого дурака нагородил столько вздора по поводу направленного против Фогта памфлета «Предостережение» и всячески старался заподозрить достоверность присланного мной в *«Allgemeine Zeitung»* свидетельства Фегеле *о происхождении* памфлета, он заканчивает следующим образом:

Он (Блинд), очевидно, не член *узкого кружка партии Маркса*. Нам кажется, что *последнему* было не очень трудно сделать его козлом отпущения, а чтобы выставленное против Фогта обвинение имело вес, оно должно было исходить от какого-нибудь определенного лица, которое взяло бы на себя ответственность за него. *Кружок партии Маркса* очень легко мог взвалить на Блинда авторство памфлета вследствие того и после того, как он в *разговоре с Марксом* и в статье для «Free Press» высказался в аналогичном духе. *Воспользовавшись содержанием и формой заявления Блинда, можно было так сфабриковать памфлет, чтобы он выглядел как его изделие.* Каждый может, по желанию, считать автором памфлета Маркса или Блинда и т. д.

Цабель обвиняет меня здесь в том, что я *сфабриковал от имени Блинда* документ, памфлет «Предостережение», и что позже, послав в *«Allgemeine Zeitung»* ложное свидетельство, я указал на Блинда как на автора *сфабрикованного памфлета*. Судебное опровержение этих обвинений «демократа» Цабеля было столь же убийственно, как и просто. Оно состояло из цитированного выше письма Блинда к Либкнехту, статьи Блинда в «Free Press», обоих affidavit Вие и Фегеле (см. приложение 12 и 13) и печатного заявления д-ра мед. Шайбле.

Фогт, который, как известно, насмехается в своих «Исследованиях» над баварским правительством, возбудил преследование против *«Allgemeine Zeitung»* в конце августа 1859 года. Уже в сентябре *«Allgemeine Zeitung»* должна была хлопотать об отсрочке судебного дела,

но, несмотря на данную отсрочку, дело все-таки разбиралось 24 октября 1859 года. Если подобные вещи происходят в темном царстве, в Баварии, то чего же — не упоминая уже о поговорке «есте еще судья в Берлине» — можно было ожидать от светлого царства — П р у с с и и.

Мой адвокат юстицрат Вебер формулировал мою жалобу следующим образом:

Редактор «Nationalzeitung» д-р Цабель несколько раз оклеветал меня публично в статьях, помещенных в текущем году в №№ 37 и 41 этой газеты, и в частности обвинил меня: 1) в том, что я добываю и добывал деньги бесчестным и преступным путем; 2) в том, что я сфабриковал анонимный памфлет «Предостережение» и не только заведомо, вопреки истине, указал «Allgemeine Zeitung», как на его автора, на некоего Блинда, но и пытался представить доказательство этого с помощью документа, в ложном содержании которого я должен был быть убежден.

Юстицрат Вебер выбрал сначала *путь обжалования в порядке надзора*, т. е. сообщил о клевете Цабеля прокурорскому надзору, чтобы против Цабеля было возбуждено преследование в административном порядке. 18 апреля 1860 г. последовало нижеследующее «*постановление*»:

Подлинное д-ру Карлу Марксу через юстицрата Вебера с сообщением, что не усматривается *публичного интереса*, дающего повод для вмешательства (статья XII вводного к уголовному кодексу закона от 14 апреля 1851 года). Берлин, 18 апреля.

Прокурор королевского городского суда.

Подпись: *Липпе*.

Мой защитник апеллировал к верховному прокурору и 26 апреля 1860 г. получил следующее второе «*постановление*»:

Королевскому юстицрату Веберу как доверенному лицу д-ра Карла Маркса из Лондона, здесь. Вам, вместе с жалобой от 20 апреля касательно иска, учиненного д-ру Цабелю, возвращаются и приложенные к ней документы с замечанием, что единственным соображением, которым должен руководствоваться прокурорский надзор при использовании дискреционной власти, данной ему статьей XVI вводного к уголовному кодексу закона, служит вопрос, требуется ли возбуждение преследования каким-нибудь очевидным публичным интересом? В данном случае я должен, в согласии с королевским прокурором, ответить на этот вопрос отрицательно, почему и отказываю в Вашей жалобе. Берлин, 26 апреля 1860 г.

Верховный прокурор при королевском апелляционном суде.

Подпись: *Шварк*.

Оба эти отказа прокуроров *Липпе* и *Шварка* я нашел вполне правомерными. Во всех государствах на свете, а значит, и в прусском государстве, под публичным интересом понимается *правительственный интерес*. Прусское правительство не видело и не могло видеть «какого-либо очевидного публичного интереса» в возбуждении преследования против «демократа» Цабеля за клевету. Интерес заключался скорее в противоположном. К тому же прокурор не обладает правом судьи обсуждать; он обязан слепо следовать — даже против своих взглядов и убеждений — предписаниям своего начальства, в конечном счете *министра юстиции*. Поэтому я по существу вполне согласен с решениями гг. Липпе и Шварка, но сомневаюсь в юридической правильности ссылки Липпе на статью XII вводного к уголовному кодексу закона от 14 апреля 1851 года. Ни один пункт прусского законодательства не обязывает прокурорский надзор указывать мотивы, почему он *не* пользуется своим правом возбуждения преследования. В статье XII, на которую ссылается Липпе, кроме того, нет ни звука об этом. В таком случае зачем же на нее ссылаться?

Тогда мой адвокат прибегнул к *гражданскому порядку* иска, и я свободно вздохнул. Если у прусского правительства не было публичного интереса преследовать Ф. Цабеля, то тем более живой частный интерес самозащиты имел я. И теперь я выступил от своего собственного имени. Каков будет *приговор*, мне казалось неважным, только бы удалось привлечь Ф. Цабеля к публичному суду. Но представьте себе мое удивление! Обсуждался, как я узнал, не порядок судебного рассмотрения моего иска, а порядок рассмотрения вопроса, имею ли я *право вчинить иск* к Ф. Цабелю.

Я узнал, к своему ужасу, что, согласно прусскому судоустройству, всякий истец, прежде чем судья установит порядок рассмотрения иска, т. е. даст ему ход, должен так изложить свое дело судье, чтобы последний убедился, что вообще имеется *право иска*. При этом предварительном разборе документов судья может потребовать нового доказательного материала, или же установить часть старого материала, или же найти, что вообще нет *права иска*. Если судье угодно будет признать наличие права иска, то он дает ход иску, начинается состязательный процесс, и дело решается вынесением приговора. Если же судья отрицает право иска, то он отказывает истцу просто *per decretum*, в порядке распорядительного *постановления*. Такой порядок присущ не только делам об оскорблениях, а гражданскому процессу вообще. Поэтому может случиться, что иск по поводу оскорбления — как и всякий другой гражданский иск — будет

отвергнут всеми инстанциями путем подобного административного *постановления* и, значит, никогда не будет рассмотрен.

Надо признать, что законодательство, не признающее *права жалобы* частного лица в его собственных частных делах, нарушает элементарнейшие основные законы гражданского общества. Право жалобы превращается из само собою разумеющегося права самостоятельного частного лица в привилегию, раздаваемую государством через своих чиновников-судей. В каждом отдельном правовом споре государство становится между частным лицом и дверью суда как своей *частной собственностью* и по своему усмотрению открывает или закрывает ее. Сперва судья *постановляет* в качестве чиновника, чтобы потом *решать* в качестве судьи. Тот самый судья, который, не выслушав обвиняемого, без состязательного процесса предпринимает, имеется ли право жалобы, который, скажем, становится на сторону жалобщика, т. е. решает до некоторой степени в *пользу* правомерности жалобы, следовательно до некоторой степени против обвиняемого, — этот самый судья должен потом на самом процессе *беспристрастно решать* в пользу жалобщика или обвиняемого, т. е. должен перерешать свое собственное предварительное решение. *Б.* дал пощечину *А. А.* не может жаловаться на обидчика, прежде чем не выхлопочет разрешение на это у чиновника-судьи. *А.* отказывается возвратить *Б.* участок земли. *Б.* для защиты на суде своих собственных прав нуждается в предварительном разрешении, которое он может получить или не получить. *Б.* возводит публично в печати клевету на *А.*, а чиновник-судья, возможно, «постановляет» втихомолку, что *А.* не имеет права преследовать *Б.* Легко понять, к каким чудовищным несообразностям должен приводить такой порядок в чисто гражданском процессе. Что уж говорить о случаях клеветы в печати одних политических партий на другие! Во всех странах и даже в Пруссии судьи, как известно, такие же люди, как все. Недаром даже один из товарищей председателя королевского прусского верховного суда, д-р *Геце*, заявил в прусской палате господ, что смута 1848, 1849 и 1850 гг. произвела замешательство в прусской юриспруденции, которой потребовалось некоторое время для ориентировки. Кто поручится д-ру *Геце*, что он не просчитался во времени, необходимом для ориентировки! Что в Пруссии право жалобы — например, на клеветника — зависит от *предварительного «постановления»* чиновника, которого к тому же правительство может (см. временное распоряжение 10 июля 1849 г. и дисциплинарный закон 7 мая 1851 г.) наказать за так называемое «нарушение служебных обязанностей», сделав ему выговор, наложив на него денежный штраф,

переведа его против его воли на другое место или даже с позором уволив со службы в судебном учреждении — как умудриться все это, не скажу, объяснить англичанам, но хотя бы представить как нечто правдоподобное?

Дело в том, что я собираюсь написать английскую брошюру о своем casus contra F. Zabel [процесс против Ф. Цабеля]. Чего бы ни дал Эдмон Абу, когда он писал свою «Пруссию в 1860 г.», за указание, что нигде во всей прусской монархии не существует *права жалобы*, кроме Рейнской провинции, «облагодетельствованной» Кодексом Наполеона! *Страдать* от судов людям приходится повсюду, но лишь в немногих странах им запрещено *жаловаться*.

При таком положении вещей ясно, что *мой процесс* против Цабеля в прусском суде незаметно должен был превратиться в *мой процесс с прусскими судами* по поводу Цабеля. Но, оставив в стороне вопрос о теоретической красоте законодательства, бросим взгляд на практическую прелесть его применения.

8 июня 1860 г. королевский городской суд в Берлине вынес следующее постановление:

«Постановление о жалобе от 5 июня 1860 г. по делу об оскорблении Marx contra Zabel [Маркс против Цабеля]. М 38 de 1860.

1) В иске отказать за *отсутствием состава преступления*, так как обе инкриминируемые передовые статьи здешней «Nationalzeitung» излагают *только политическую позицию* «Augsburger Allgemeine Zeitung» и историю *возникновения анонимного памфлета «Предостережение»*, а содержащиеся в них заявления и утверждения, поскольку они высказываются самим автором и не состоят из простых и ясных фактов, не переступают границ дозволенной критики, а потому, на основании § 154 уголовного кодекса, не могут считаться наказуемыми, так как к тому же ни из формы этих заявлений, ни из обстоятельств, при которых они последовали, не явствует намерение оскорбить».

Берлин, 8 июня 1860 г.

Королевский городской суд, уголовное отделение.

Комиссия I по вопросам об оскорблениях.

М. П.

Итак, городской суд запрещает мне привлечь к суду Ф. Цабеля и избавляет его таким образом от неприятности отвечать за свою публичную клевету. А почему? «За отсутствием состава преступления». Прокуратура отказалась выступить в мою пользу против Цабеля за *отсутствием явного публичного интереса*. А городской суд запрещает мне самолично выступить против Цабеля за *отсутствием состава преступления*. А почему нет состава преступления?

Во-первых: «Потому что обе статьи «Nationalzeitung» касаются *только политической позиции* «Allgemeine Zeitung».

Так как Цабель предварительно обильно превратил меня в «корреспондента «Allgemeine Zeitung»», он имеет право сделать меня и

козлом отпущения в своей конкурентской сваре с «Allgemeine Zeitung», а я не имею даже права подавать жалобы на это «постановление» всеильного Цабеля! Серная банда, бюрстенгеймеры, complot franco-allemand [франко-немецкий заговор], революционный съезд в Муртене, кельнский процесс коммунистов, фабрикация ассигнаций в Женеве, «дело «Reinische Zeitung» и т. д., и т. д. — все это *касается т о л ь к о политической позиции «Allgemeine Zeitung».*

Во-вторых: Цабель не имел *«намерения оскорбить»*. Конечно, нет! Добрый малый имел только намерение политически и морально убить меня своей ложью¹.

Если «демократ» Ф. Цабель утверждает в «Nationalzeitung», что я массами изготовлял фальшивые ассигнации, фабриковал от имени третьих лиц документы, компрометировал проживающих в Германии людей, угрозой разоблачения вымогая у них деньги и т. д., — то, юридически говоря, Цабель имел при этом целью одно из двух: либо оклеветать меня, либо разоблачить. В первом случае Цабель подлежит наказанию по суду, во втором он обязан доказать на суде истинность своих утверждений. Какое мне дело до прочих намерений «демократа» Цабеля?

Цабель клеветает, но «без намерения оскорбить». Он лишает меня чести, подобно тому турку, который отрезал греку голову без намерения причинить ему боль.

Специфическое *«намерение»* Цабеля *«оскорбить»*, — если только по поводу гнусностей, облыжно приписываемых мне «демократом» Ф. Цабелем, можно говорить об «оскорблении» и «намерении оскорбить», — *злостное намерение доброго* Цабеля так и пышет из всех пор его статей № I и № II.

«Главная книга» Фогта, вместе с приложениями, содержит не менее 278 страниц. А Ф. Цабель, привыкший «to draw out the thread of his verbosity finer, than the stable of his argument» [«тоньше вытягивать нить своего многословия, чем нить своих аргументов»], размашистый Цабель, глупец Цабель умудряется из этих 278 страниц сотворить пять небольших газетных столбцов, не пропустив *ни одной* клеветы Фогта против меня и моей партии. Из самых грязных частей книги Ф. Цабель отбирает букеты, из не столь бьющих в нос — указатель содержания. Ф. Цабель, привыкший две мыслишки-молекулы растягивать на 278 страниц, сгущает 278 страниц в две передовицы без потери в этом процессе даже одного атома подлости. Ira facit poetam

¹ Вместо «todt legen» (уложить мертвым) — близкое по звучанию: «todt lügen» (обогатить до смерти, убить ложью) — игра слов. *Ред.*

[гнев делает поэтом]. Сколько же злости должно было быть, чтобы страдающую водянкой голову Цабеля точно волшебством превратить в гидравлический пресс с такой силой давления!

С другой стороны, злоба так затуманивает его взор, что он приписывает мне настоящую чудотворную силу, лишь бы только прибавить еще одну подлую инсинуацию.

Начав в первой статье с описания серной банды под моей командой и удачно превратив меня и моих партийных единомышленников в *«союзников тайной полиции во Франции и Германии»*, рассказав между прочим, что «эти люди» ненавидели Фогта, потому что он наперекор им постоянно спасал Швейцарию, Цабель продолжает: «Когда Фогт в прошлом году возбудил свое дело против *«Allgemeine Zeitung»*, последняя получила письмо из Лондона от другого сообщника, Бискампна... Бесстыднейшим образом автор этого письма предлагал свое перо в качестве второго корреспондента наряду с Либкнехтом. Неделю спустя после Бискампна Маркс так же написал в *«Allgemeine Zeitung»*, предлагая *«судебный документ»* как доказательство против Фогта, *«о котором (доказательстве, документе или Фогте?) мы, может быть, поговорим в другой раз»*. Это обещание Цабель дает 22 января, а 25 января он его уже выполняет в № 41 *«Nationalzeitung»*, где мы читаем: «Таким образом, Блинд отказывается быть автором памфлета; он становится им... впервые в письме Бискампна в *«Allgemeine Zeitung»*, датированном 24 октября... В целях дальнейшей защиты авторства Блинда Маркс пишет 29 октября в *«Allgemeine Zeitung»*».

Таким образом, Ф. Цабель приписывает мне не однажды, а дважды — сперва 22 января, а потом 25 января, имея три дня для размышления, — чудодейственную силу, дающую мне возможность написать в Лондоне 29 октября 1859 г. письмо, которое оказывается в окружном суде в Аугсбурге 24 октября 1859 г., и оба эти раза он приписывает мне эту чудодейственную силу для того, чтобы установить связь между посланным мной в *«Allgemeine Zeitung»* «документом» и зазорным письмом Бискампна в *«Allgemeine Zeitung»*, чтобы изобразить мое письмо как *redisequus* [шедшее по стопам] письма Бискампна. Что же, кроме злобы, самой оголтелой злобы, могло сделать этого Цабеля болваном, способным поверить в чудо?

Но, «продолжает свою защиту» *городской суд*, в статье Цабеля № II предметом обсуждения служит только история анонимного памфлета «Предостережение». Предметом? Следует сказать предлогом.

Эйзеле-Бейзеле, скрывшиеся на этот раз под именем «друзей отечества», послали, повидимому, в ноябре 1859 г. «Национальному

обществу» «открытое письмо», перепечатанное в реакционной «Neue Hannoversche Zeitung». «Открытое письмо» превысило меру цабельской «демократии», уравнивающей его львиное мужество против династии Габсбургов раболепием перед династией Гогенцоллернов. Для «Neue Preussische Zeitung» «открытое письмо» послужило поводом для отнюдь не оригинального открытия, что если демократия на чем-нибудь начинается, то она не кончается непременно на — **Ф. Цабеле** и его «органе демократии». Цабель рассвирепел и написал статью № II: «*Как фабрикуют радикальные памфлеты*». «Приглашая, — говорит наш тяжеловесный Цабель, — приглашая «Kreuzzeitung» просмотреть с нами историю возникновения памфлета («Предостережение»), руководствуясь сообщенными **Фогтом** документами и разъяснениями, мы надеемся добиться от нее, в конце концов, признания, что мы все-таки были правы, говоря восемь недель назад, что открытое письмо Национальному обществу годится для нее, а не для нас, что оно было составлено для ее столбцов, а не для наших». Таким образом, radicaliter [радикально] посвященный **Фогтом** в тайны радикализма, «демократ» Цабель собирается, со своей стороны, посвятить и «Kreuzzeitung» в тайну, «как фабрикуют радикальные памфлеты», или же, как выражается городской суд, «сделать предметом обсуждения т о л ь к о историю памфлета «Предостережение». Как же принимается за это дело Цабель?

Он начинает с «тактики» «партии пролетариев» *под началом Маркса*. Сперва он рассказывает, как «пролетарии *под началом Маркса*» от имени одного рабочего общества, но за его спиной, ведут переписку из Лондона с заграничными рабочими обществами, «скомпрометировать которые имеется в виду», пускают в ход «интриги», организуют тайный союз и т. д. и, наконец, фабрикуют «документы», «неизбежно навлекающие преследования полиции» против обществ..., «которые имеется в виду скомпрометировать». Итак, чтобы просветить «Kreuzzeitung» в том, «как фабрикуют радикальные памфлеты», Цабель объясняет сначала, как «партия «пролетариев» *под началом Маркса*» фабрикует полицейского характера «корреспонденции» и «произведения печати», а вовсе не «памфлеты». Чтобы рассказать, «как фабрикуют радикальные памфлеты», он рассказывает далее, как «пролетарии *под началом Маркса*» массами фабриковали в 1852 г. в Женеве *фальшивые ассигнации*, т. е. опять-таки не «радикальные памфлеты». Чтобы рассказывать, «как фабрикуют радикальные памфлеты», он сообщает, как «пролетарии *под началом Маркса*» прибегали в 1859 г. на лозаннском объединенном празднестве к враждебным Швейцарии и компрометирующим рабочие общества «маневрам»;

это также не «радикальные памфлеты»; оповещает, как «Бискамп и Маркс» на средства, источники которых только «богам» известны, стали выпускать «Volk», опять-таки не «радикальный памфлет», а еженедельную газету; и, после всего этого, он старается замолвить благожелательное словечко за незапятнанную чистоту фогтовского вербовочного бюро, которое опять-таки не было «радикальным памфлетом». Так заполняет он (из 3^{1/4}) 2 столбца статьи: *«Как фабрикуют радикальные памфлеты»*. Таким образом, для этих двух третей его статьи история анонимного памфлета служит только *предлогом*, чтобы взяться за фогтовские гнусности, о которых «друг» и соучастник *Ф. Цабель* не поведал еще под рубрикой: *«Политическая позиция «Allgemeine Zeitung»*. Лишь в самом конце Дунс I добирается до искусства «фабриковать радикальные памфлеты», именно до «истории» памфлета *«Предостережение»*.

Блинд отказывается быть автором памфлета; его впервые нагло называет таковым Бискамп в письме в «Allgemeine Zeitung» от 24 октября... Чтобы в дальнейшем отстаивать авторство Блинда, Маркс пишет 29 октября в «Allgemeine Zeitung»: «Я раздобыл прилагаемый документ, так как Блинд отказался поддержать заявления, сделанные им мне и другим».

Подлинность этого документа кажется Цабелю подозрительной, так как Либкнехт... «удивительным образом» прибавляет: «Мы хотели заверить подлинность наших подписей у магистрата (?)» (этот вопросительный знак стоит в тексте у Цабеля), — а Цабель раз навсегда решил не признавать никаких других магистратов, кроме берлинского. Цабель сообщает далее содержание заявления Фегеле, на основании которого Блинд послал в «Allgemeine Zeitung» свидетельства Холлингера и Вие в доказательство того, что *памфлет не был набран в типографии Холлингера*, а значит не был составлен Блиндом, и продолжает: «Всегда находчивый Маркс» отвечает в «Allgemeine Zeitung» 15 ноября». Цабель перечисляет различные пункты моего ответа. Маркс говорит то... Маркс говорит это... «к р о м е т о г о, Маркс ссылается». Значит, так как я «кроме того» ничего не говорю, то Цабель, конечно, сообщил своим читателям *все* пункты моего ответа? Тут виден Цабель! Он утаскивает, скрывает, *утаивает* решающий пункт моего ответа. В своем заявлении от 15 ноября я привожу под номерами ряд различных пунктов, т. е.: «1)..., 2)..., наконец, 3)». «...Случайно памфлет был перепечатан в «Volk» с набора, стоявшего еще в типографии Холлингера. Таким образом, можно было бы без всяких свидетельских показаний, путем простого сличения памфлета и его перепечатки в «Volk», доказать на суде, что памфлет был набран в типографии Холлингера». Это решает

все дело, сказал себе Цабель, этого не должны узнать мои читатели. И вот он убирает из моего ответа убедительнейшее место, приписывая мне зато подозрительную находчивость. Так Цабель рассказывает «историю памфлета», два раза умышленно фальсифицируя сперва хронологию, а затем содержание моего заявления от 15 ноября. Путем этой *двойной фальсификации* он приходит к заключению, что я «сфабриковал» памфлет, притом так, что он «выглядел как изделие» Блинда и что, следовательно, я вполне сознательно послал в «Allgemeine Zeitung» фальшивое свидетельство Фегеле. Обвинение в фабрикации документов «с намерением навязать ее третьему лицу» не «преступает», по мнению берлинского *городского суда*, «границ дозволенной критики» и еще менее содержит в себе «намерение оскорбить».

В конце своего рецепта «как фабрикуют радикальные памфлеты» Цабель вспоминает вдруг, что он не поведал еще об *одной* бесстыдной выдумке Фогта, и он живо за своей статьей № II наспех набрасывает такого рода заметку: «В 1850 г. «пролетариям» Германии была, если память не изменяет Фогту, разослана другая, составленная парламентским Вольфом, alias [он же] *казематным Вольфом*, циркулярная депеша, подsunутая *одновременно* в руки ганноверской полиции». Сообщив этот милый полицейский анекдот об одном из бывших редакторов «Neue Rheinische Zeitung», толстяк и демократ Цабель, ухмыляясь, раскланивается со своими читателями. Слова «alias [он же] казематный Вольф» принадлежат не Фогту, а Ф. Цабелю. Его силезские читатели должны были отлично знать, что речь идет об их земляке *В. Вольфе*, бывшем соредакторе «Neue Rheinische Zeitung». Как заботливо добрый Цабель старается до мелочей установить сношения «Neue Rheinische Zeitung» с полицией во Франции и Германии! Его силезцы могли бы, пожалуй, подумать, что речь идет о его, Цабеля, собственном *Б. Вольфе*, о его естественном начальнике (natural Superior), который, как известно, исправно телеграфирует всемирную историю в «тайном союзе» с известными фабрикантами лживых депеш — *Рейтером* в Лондоне и *Гавасом* в Париже. Известный тайный полицейский агент *Зигмунд Энглендер* — душа бюро Рейтера, а значит, одухотворяющее единство троицы *Б. Вольф-Рейтер-Гавас*.

Вопреки всему этому и вопреки намерению демократа Цабеля не оскорблять, берлинский *городской суд* заявляет, что в обеих статьях Цабеля все-таки «содержатся заявления и утверждения», которые «преступают границы дозволенной критики», значит, «наказуемы» и уже, во всяком случае, могут *стать объектом жалобы*. Так где же Цабель! Подать мне сюда Цабеля, чтобы он корчился от страха перед судом! Стоп! — восклицает *городской суд*. Сделанные в обеих статьях

«заявления и утверждения», говорит городской суд, *«поскольку они высказываются самим автором (Цабелем) и не состоят из одних цитат других лиц»*, не преступают «границ дозволенной критики», не «наказуемы», и поэтому Цабеля не только нельзя наказать, но и нельзя подать на него жалобы; «дело подлежит прекращению, издержки а conto [за счет] истца». Итак, клеветническая часть «заявлений и утверждений» Цабеля представляет «простые цитаты». *Voilà! [Посмотрим!]*

Из вводной части этого отдела вы помните, что мое обвинение в клевете основывается на четырех пунктах из обеих статей Цабеля. В пункте о денежных источниках «Volk» (второй из вышеприведенных пунктов жалобы) *сам Цабель не говорит*, что он цитирует, и действительно, он не цитирует:

Цабель («Nat. Z.» № 41)

«Откуда брались деньги, необходимые для широко раздававшейся газеты («Volk») знают боги; что у Маркса и Бискамп нет лишних денег, знают люди».

Фогт («Главная книга», стр. 212)

«Постоянный корреспондент «Allg. Ztg.» сотрудничает в этой газете («Volk»), основанной на неизвестные суммы, так как ни у Бискамп, ни у Маркса нет необходимых для этого средств (именно для того, чтобы основать на неизвестные суммы газету?»).

Во втором инкриминируемом месте (выше, пункт 4), где на меня взваливают фабрикацию одного документа от имени Блинда, Цабель даже *категорически* заявляет, что *он* говорит от *своего*, Цабеля, имени, а не от имени Фогта.

«*Н а м*» — как властелин в царстве Dulness [глупости]¹, Цабель пользуется, разумеется, pluralis majestatis [множественным числом августейших особ] — «*н а м* кажется, что последней (партии Маркса) было не очень-то трудно сделать его (Блинда) козлом отпущения...; воспользовавшись содержанием и формой заявления Блинда, можно было так *сфабриковать* памфлет, чтобы он *выглядел как его (Блинда) изделие*» («Nat. Ztg.», № 41).

Третье инкриминируемое мной место (выше, пункт 3) я должен сызнова «процитировать» целиком:

«Таким образом в 1852 г. против швейцарских рабочих обществ был затеян постыднейший заговор с массовой фабрикацией фальшивых ассигнаций (*подробности см. у Фогта*), заговор, который причинил бы швейцарским властям величайшие неприятности, если бы он не был вовремя раскрыт».

Разве это «*простая цитата*», как утверждает *городской суд*, и вообще цитата ли это? Это отчасти плагиат из Фогта, но *ни в коем случае не цитата*.

¹ См. примечание на стр. 455. *Ред.*

Прежде всего *сам Цабель* утверждает, что он не цитирует, а говорит от собственного имени, указывая в скобках своему читателю «подробности см. у Фогта». А теперь посмотрим это место. В Женеве знали, что *Шерваль* прибыл в Женеву *только весной 1853 г.*, что его «заговор» и бегство произошли *весной 1854 года*. Поэтому Фогт в Женеве не осмеливается говорить, что «заговор» был «затяян... в 1852 году». Эту ложь он предоставляет доброму Цабелю в Берлине. Далее Фогт говорит: «Сам Ньюджент (Шерваль) уже *готовил* для этой цели («фабрикации фальшивых банкнот и т. д.) различные каменные и медные клише» («Главная книга», стр. 174). Итак, различные каменные и медные клише *уже* были сделаны для изготовления фальшивых денег, но *еще* не были сфабрикованы банкноты и казначейские билеты. У *Цабеля*, напротив, уже произошла — и притом «массовая» — «фабрикация фальшивых ассигнаций». Фогт говорит, что согласно уставу «целью» заговора Шерваля была «борьба с деспотизмом его же собственными средствами, — именно массовой фабрикацией фальшивых банкнот и казначейских знаков» (там же). Цабель вычеркивает борьбу с деспотизмом, ограничиваясь только «массовой фабрикацией фальшивых ассигнаций». Итак, у Цабеля простое уголовное преступление, даже не прикрашенное перед членами «тайного союза» ложной ссылкой на политические цели. Так вообще Цабель «*и т и р у е т*» «Главную книгу». *Фогту* пришлось составлять из своих охотничьих историй «книгу». Поэтому он детализирует, плетет, делает кляксы, пачкает, красит, мажет, возится, развивает, запутывает, мотивирует, сочиняет, *fa del cul trompette* [зад в трубу превращает], — а душа Фальстафа так и просвечивает всюду сквозь мнимые факты, которые он бессознательно своим же собственным повествованием обращает в их первоначальное ничто. Цабель же, который должен был сжать книгу до размера двух передовиц и старался не пропустить ни одной подлости, отбрасывает все, кроме *carut mortuum* [остающегося осадка] каждого мнимого «факта», нанизывает рядами эти сухие кости клеветы одну за другой и потом с фарисейским усердием снова перебирает эти четки.

Для примера возьмем рассматриваемый нами случай. К открытому мною впервые факту, что Шерваль был тайным полицейским агентом и провокатором (*agent provocateur*) и состоял на жалованье у различных посольств, Фогт пристегивает свои выдумки. Вот что он между прочим пишет: «*Уже* были изготовлены для этой цели (для подделки денег) самим Ньюджентом (Шервалем) различные каменные и медные клише, *уже* были намечены легковверные члены тайного союза, которые должны были отправиться с пакетами этих (еще не

сфабрикованных) фальшивых банкнот во Францию, Швейцарию и Германию; но *уже последовали и доносы в полицию*, которыми постыдно опутаны были рабочие общества и т. д.» («Главная книга», стр. 175). Таким образом у *Фогта* Шерваль *уже доносит* полиции о своих собственных операциях, когда он еще *только* изготовил необходимые для гравирования фальшивых денег каменные и медные клише, до того, как достигнута цель его заговора, как имеется на лицо *corpus delicti* [состав преступления] и никто, кроме него самого, еще не скомпрометирован. Но фогтовский Шерваль спешит «постыдно втянуть в свой заговор» рабочие общества. *Иностранные посольства*, пользующиеся услугами Шерваля, так же глупы, как Шерваль, и так же поспешно «в секретных запросах обращают внимание федеральной полиции на то, что в рабочих обществах ведутся какие-то политические интриги и т. д.». В то же самое время эти простофили-посланники, не имеющие терпения дать созреть заговору, который по их же поручению высиживает Шерваль, и в своем детском нетерпении бесполезно компрометирующие своего агента, расставляют на «границах» жандармов, чтобы, — «если дело зашло так далеко», как они не дали ему зайти, — поймать шервалевских эмиссаров с «фальшивыми банкнотами», изготовлению которых они помешали, и «использовать эту историю для общей травли, в которой масса невинных должна была бы расплачиваться за проделки нескольких негодяев». Когда *Фогт* далее говорит: «план всего этого заговора *был плохо* обдуман», то каждый согласится с ним, что он был задуман *чрезвычайно глупо*, а когда Фогт хвастливо заканчивает: «не отрицаю, что я сделал все *существенное*, чтобы расстроить эти *дьявольские планы*», то всякий поймет *pointe* [соль] этого замечания и не преминет расхохотаться над нашим веселым малым. Сравним теперь с этим сухую, как летопись монаха, версию Цабеля! «Таким образом, в 1852 г. против швейцарских рабочих обществ был затеян постыднейший заговор с массовой фабрикацией фальшивых ассигнаций (подробности см. у Фогта), заговор, который причинил бы швейцарским властям величайшие неприятности, если бы он не был своевременно раскрыт». Здесь на протяжении всего одной только короткой фразы стиснута целая куча столь же сухих, сколь и позорных фактов: «постыднейший заговор» с датой 1852 г.; «массовая фабрикация фальшивых ассигнаций», т. е. обычное уголовное преступление; умышленное компрометирование «швейцарских рабочих обществ», т. е. предательство по отношению к собственной партии; «величайшие неприятности» в перспективе для «швейцарских властей», т. е. *agent provocateur* [provocatop] в интересах континентальных деспотов против Швейцарской республики; наконец, «свое-

временное открытие заговора». Здесь критика теряет все опорные пункты, имевшиеся в фогтовском изложении, — они просто припрятаны. Нужно верить или не верить. Таким же образом Цабель обрабатывает всю «Главную книгу», поскольку дело идет обо мне и моих партийных единомышленниках. *Гейне* прав, говоря, что ни один человек не опасен так, как взбесившийся осел.

Наконец, четвертый из инкриминируемых мной пунктов (выше, пункт 1), которым открываются в статье № I разоблачения о «серной банде», *Цабель* начинает следующими словами:

«Фогт сообщает на стр. 136 и сл.» Цабель не говорит здесь, резюмирует ли он или цитирует. Он остерегается употреблять кавычки. В действительности *он не цитирует*. Этого и следовало ожидать, так как Цабель сжимает 136, 137, 138, 139, 140 и 141 страницы «Главной книги» в 51 строку приблизительно по 48 букв каждая, не оставляет никаких пропусков, спрессовывает предложения одно с другим, точно голландские селедки, и к тому же находит на 51 строке место для собственного творчества. Там, где он встречает особенно грязное утверждение, он его берет в свой узелок почти в неизменном виде. Впрочем, эти выдержки он размещает вперемешку, не в порядке страниц «Главной книги», а так, как ему для его целей нужно. Голову одной фогтовской фразы он снабжает хвостом другой фразы. Иногда для составления *одного* предложения он пользуется словечками из дюжины фогтовских фраз. Там, где у Фогта стилистический мусор мешает ярко осветить клевету, там Цабель убирает этот мусор. *Фогт*, например, говорит: «Компрометировать соотечественников с таким расчетом, чтобы *они не противились шантажу* и должны были платить деньги». *Цабель* же говорит: «так компрометировать, что они должны были платить деньги». В других случаях Цабель изменяет то, что ему кажется *двусмысленным* в фогтовской путанице. Так, Фогт говорит, «...что они должны были платить деньги, чтобы банда хранила компрометирующую *их тайну*». *Цабель* же пишет: «чтобы банда хранила тайну и не компрометировала их». Наконец, *Цабель* вставляет целые фразы *собственного* изготовления, как, например: «Серная банда держала своих приверженцев в строжайшей дисциплине», и «они» — именно *«эти молодцы..., продолжавшие в эмиграции дело «Rheinische Zeitung», — «стали союзниками тайной полиции во Франции и Германии»*.

Итак, из четырех инкриминируемых мной мест три, *по словам самого же Цабеля, принадлежат Цабелю*, между тем как четвертое, якобы «цитата», хотя и перемешана с цитатами, *отнюдь не цитата*, и тем менее «простая цитата», как уверяет *городской суд*, и уже

менее всего цитата *«других лиц»*, во множественном числе, как утверждает тот же самый *городской суд*. Наоборот, во всех *«заявлениях и утверждениях»* Цабеля обо мне имеется *далеко не одна строчка*, которая содержит *«критику и суждения»* (*«дозволенные»* или *«недозволенные»*).

Но допустим, что *фактическая предпосылка городского суда* настолько же истинна, насколько она в действительности ложна; допустим, что *Цабель* только *цитировал* свои клеветнические заявления. Разве это обстоятельство действительно дает *городскому суду законное право запретить* мне подать жалобу на *Ф. Цабеля*? В *«постановлении»*, которое я сейчас приведу ниже, *к о р о л е в с к и й п р у с с к и й а п е л л я ц и о н н ы й с у д*, наоборот, разъясняет, что

в вопросе о составе преступления, согласно § 156 уголовного кодекса, *ни-ч т о не меняется* от того, окажутся ли приводимые в названных статьях факты *собственными утверждениями автора* или же *ц и т а т а м и* из утверждений третьих лиц.

Таким образом, цитата или не-цитата, но «демократ» Цабель ответственен за свои «утверждения». *Городской суд* уже *разъяснил*, что Цабель высказал обо мне «наказуемые» сами по себе утверждения, но *только* они представляют *ц и т а т ы и п о т о м у* стоят вне пределов досягаемости. Долой этот *юридически ложный* предлог!—воскликает *а п е л л я ц и о н н ы й с у д*. Итак, наконец, я могу поймать Цабеля, дверь суда раскроется, *Italiam, Italiam!* [в Италию, в Италию!]

Мой адвокат подал в *апелляционной суд* жалобу на постановление *городского суда* и получил 11 июля 1860 г. следующее *«решение»*:

В помещенных в номерах 37 и 41 «Nationalzeitung» от 22 и 25 января текущего года статьях под названиями «Карл Фогт и «Allgemeine Zeitung» и «Как фабрикуют радикальные памфлеты» невозможно найти клевету на истца, д-ра Карла Маркса из Лондона. Хотя в составе преступления, согласно § 156 уголовного кодекса, ничто не меняется от того, окажутся ли приводимые в названных статьях факты собственными утверждениями автора или утверждениями третьих лиц, все же нельзя препятствовать печати подвергать обсуждению и критике деятельность партий и их публицистические споры, поскольку в форме полемики не проглядывает *намерение оскорбить*, чего *нельзя предположить* в рассматриваемом случае.

В упомянутых статьях преимущественно освещены конфликт между д-ром Карлом Фогтом и «Augsburger Allgemeine Zeitung» по вопросу о вмешательстве в интересах итальянцев или в интересах австрийцев в связи с последней войной, участие в этом конфликте так называемой *немецкой эмиграции* в Лондоне, ставшей на сторону «Augsburger Allgemeine Zeitung», а также вообще *партийные раздоры* и интриги этих эмигрантов друг против друга.

Если в ходе этого изложения в круг рассматриваемых вопросов привлечены отношение *истца* к этим партиям и его частичное участие в их домога-

ствах, особенно его старания помочь «Augsburger Allgemeine Zeitung» в ее полемике с Фогтом предоставлением фактического материала, то соответствующие указания в обеих статьях находят в приводимых самим истцом в его жалобе фактах скорее подтверждение, чем опровержение, которого он добивается. И его утверждение, что он в оскорбительной для его чести форме идентифицирован с партийными интригами, которые в названных статьях резко клеймятся как эксцентрические, безобразные и бесчестные, — утверждение это нельзя признать обоснованным. В самом деле, если первая статья указывает на сообщение Фогта, что «эмиграция 1849 г. постепенно собралась в Лондоне и там в качестве видимого главы почитала Маркса», и из письма Техова заимствует: «можно видеть, как Маркс с наполеоновским высокомерием, в сознании своего умственного превосходства, держит в ежовых рукавицах серную банду», то здесь по существу только характеристика так называемой Фогтом «серной банды», а не выпад против Маркса, который, наоборот, изображается здесь как человек благоразумный и способный обуздать других; и менее всего статья связывает его с теми людьми, которые обвиняются в вымогательстве и доносительстве. Точно так же во второй статье нигде не говорится, что истец приписывал авторство памфлета «Предостережение» Блинду, будучи убежден в противном, и переслал в «Augsburger Allgemeine Zeitung» заведомо неверные свидетельства третьих лиц. Но что свидетельство наборщика Фегеле подвергалось оспариванию, это признает и сам истец в своей жалобе, приводя противоположные утверждения типографа Холлингера и наборщика Вие. Кроме того, по его собственным показаниям, автором памфлета признал себя впоследствии некий Шайбле, притом лишь после того, как появились обе статьи «Nationalzeitung».

Поэтому жалоба от 21-го прошлого месяца на официальное постановление королевского городского суда от 8-го того же месяца должна быть признана необоснованной, и настоящим в ней отказывается. За отказ в необоснованной жалобе следует внести немедленно — под страхом принудительного взыскания — 25 зильбергрошей в кассу сборов местного городского суда.

Берлин, 11 июля 1860 г.

Уголовный сенат королевского апелляционного суда. II отделение.

Гуттимидт. Шульце.

Д-ру фил. Карлу Марксу через юстицрата Вебера, здесь.

Когда я получил это «решение» от своего адвоката, я при первом чтении проглядел вступление и заключение и, ввиду своего незнакомства с прусским правом, решил, что предо мной копия возражения, посланного «демократом» Ф. Цабелем в апелляционный суд. То, что Цабель, — говорил я себе, — приводит о «взглядах (см. приложение 15) д-ра Карла Фогта и «Augsburger Allgemeine Zeitung» об интересах итальянцев и интересах австрийцев», попало в его plaidoyer [возражение], конечно, по ошибке из статьи, подготовлявшейся им для «Nationalzeitung».

Однако «демократ» Ф. Цабель ни одним звуком не обмолвился об этих взглядах и интересах в посвященных мне четырех столбцах

обеих его статей, в которых всего едва наберется шесть столбцов. Цабель говорит в своем *plaidoyer* [возражении], что я «помог аугсбургской *«Allgemeine Zeitung»* в ее *полемике* с Фогтом предоставлением фактического материала». *Процесс Фогта против «Allgemeine Zeitung»* он называет *полемикой «Allgemeine Zeitung» против Фогта*. Если бы процесс и полемика были тождественными вещами, то разве мне нужно было бы разрешение прокурора, городского суда, судебной палаты и т. д. для моей «полемики» с Цабелем? Но Цабель даже уверяет, будто «соответствующие указания» в обеих его статьях о моих отношениях к *«Allgemeine Zeitung»* находят в приводимых мной самим «фактах скорее *подтверждение*, чем опровержение, которого я добивался». *Скорее — чем?* Jus [право] знает только: или — или. Какие же это были «соответствующие указания» Цабеля? «Соответствующие указания» Цабеля в статье № I на мои отношения к *«Allgemeine Zeitung»* были:

1) Либкнехт сделался, в результате официально выданного ему мною свидетельства, корреспондентом *«Allgemeine Zeitung»*. В своей жалобе я уличал Цабеля во лжи, но считал лишним приводить другие «факты» об этой нелепице. 2) Цабель утверждает, что я послал 29 октября из Лондона в *«Allgemeine Zeitung»* «судебный документ», который 24 октября находился на столе аугсбургского окружного суда, и он нашел подтверждение этого «указания» в приводимых мной «фактах»! Из приводимых в моей жалобе фактов Цабель усмотрел, конечно, что — независимо от каких бы то ни было политических соображений — посылка мной документа, касающегося *происхождения* памфлета «Предостережение», стала необходимой, после того как Фогт еще до начала процесса пытался *публично* навязать мне авторство этого памфлета. 3) «Указание» Цабеля, будто я один из корреспондентов *«Allgemeine Zeitung»*, я опроверг подлинными документами. Цабелевская *статья* № II «Как фабрикуют радикальные памфлеты» содержала — как уже раньше указано — о моих отношениях к *«Allgemeine Zeitung»* лишь те «соответствующие указания», что я сам сфабриковал «Предостережение», приписал его Блинду и при помощи ложного свидетельства Фегеле пытался доказать, что это — стряпня Блинда. Нашли ли эти «соответствующие указания» в приведенных «в моей жалобе» фактах скорее подтверждение, чем опровержение, которого я добивался? Сам Цабель признается в обратном.

Мог ли Цабель знать, что Шайбле был автором памфлета «Предостережение»? Должен ли был Цабель верить, что «оспариваемое», по моему собственному указанию, свидетельство наборщика Фегеле верно? Но каким же образом я внушил Цабелю эту осведомленность

или эту веру? Моя жалоба имеет, «наоборот», отношение к «соответствующим указаниям» Цабеля, будто я так *«сфабриковал»* памфлет, чтобы он *«выглядел как его (Блинда) изделие»* и будто я пытался потом, при помощи свидетельства Фегеле, доказать авторство Блинда.

Наконец, я наткнулся на одно место в возражении Цабеля, которое показалось мне, по меньшей мере, интересным.

Если, — говорит он, — он (истец Маркс) утверждает, что его в *оскорбительной для его чести форме идентифицируют* с партийными интригами (серной банды), которые в названных статьях (передовых статьях Цабеля) резко клеймятся как *эксцентрические* или как *безобразные и бесчестные*, то утверждение это нельзя признать обоснованным... *Менее всего статья связывает его с теми людьми, которые обвиняются в вымогательстве и доносителстве.*

Цабель не принадлежит, очевидно, к тем римлянам, о которых сказано: *«memoriam quoque cum voce perdidimus»* [«вместе с языком мы потеряли и память»]. Память он потерял, но не язык. Цабель превращает не только серу, но и серную банду из кристаллического состояния в жидкое, а из жидкого в парообразное, чтобы красными парами затуманить мне голову. Серная банда, — утверждает он, — «партия», с «интригами» которой он никогда не *«идентифицировал»* меня и с «вымогательствами и доносителством» которой он никогда не связывал даже «связанных» со мной людей. Придется превратить серные пары в серный цвет.

В *статье* № I («Nationalzeitung», № 37, 1860 г.) Цабель начинает свои «соответствующие указания» о *серной банде* с того, что называет *«Маркса»* ее «видимым главой». Второй член серной банды, которого он, правда, «для дальнейшей характеристики ее» не называет, но которого отмечает, — Фридрих Энгельс. Он ссылается как раз на то письмо, где Техов рассказывает о своей встрече с Фр. Энгельсом, К. Шраммом и мной. На обоих последних Цабель указывает для иллюстрации «серной банды». Тут же он упоминает о *Шервале* как о лондонском эмиссаре. Затем очередь доходит до Либкнехта. «Этот Либкнехт, in nomine omni [как указывает самое имя], — один из раболепнейших ¹ приверженцев *Маркса*... Либкнехт немедленно по своем прибытии поступил на службу к *Марксу* и полностью удовлетворил своего хозяина». Вслед за Либкнехтом идет *«Оли»*, *«т а к ж е* канал серной банды». Наконец, «другой лондонский *молодец, Бискамп*». Все эти сообщения следуют одно за другим в передовице № I, но в конце передовицы № II упоминается еще один член серной

¹ Вторая часть фамилии Liebknecht — Knecht — означает «раб», «холоп». *Ред.*

банды, *В. Вольф* — «парламентский Вольф, alias [иначе] казематный Вольф», — которому поручено важное дело: «рассылать циркулярные депеши». Итак, согласно «соответствующим указаниям» Цабеля, *серная банда* состоит из: главы серной банды — Маркса, иллюстрации серной банды — Фр. Энгельса, лондонского эмиссара серной банды — Шерваля, одного из раболепнейших приверженцев Маркса — Либкнехта, *т а к ж е* канала серной банды — Оли, *«другого»* лондонского «молодца» — Бискампя, наконец, составителя депеш серной банды — Вольфа.

Составленная таким образом *серная банда* фигурирует у Цабеля на первых 51 строках под различными названиями: «серная банда или также бюрстенгеймеры», «молодцы, продолжавшие в эмиграции дело *Rheinische Zeitung*», «пролетарии» или, как говорится в статье № II, «партия пролетариев» под началом *Маркса*.

Таковы персонал и названия серной банды. *Организацию* ее Цабель дает в своих «соответствующих указаниях» коротко и метко. «*Маркс*» — «глава». Самая «серная банда» образует круг его «очень близких» приверженцев или, как говорит Цабель во второй статье, «узкий кружок партии Маркса». Цабель приводит даже признак, по которому можно узнать «узкий кружок партии Маркса». Член узкого кружка партии Маркса должен был хоть раз в своей жизни увидеть Бискампя. «Он, — говорит Цабель в статье № II, — он (Блинд) заявляет, что в жизни своей не видел Бискампя, — очевидно, он не член узкого кружка партии Маркса». Таким образом, «узкий кружок партии Маркса», или собственно серная банда, — своего рода *Pairie* [пэрство] партии, которую нужно отличать от третьей категории, от толпы «приверженцев» или от «этой заботливо поддерживаемой компании бездельников». Итак, вначале глава Маркс, затем собственно «серная банда» или «узкий кружок партии Маркса» и, наконец, толпа «приверженцев» или «компания бездельников». Серная банда, разделенная на эти три категории, живет в условиях чисто спартанской дисциплины. «Серная банда, — говорит Цабель, — применяла к своим приверженцам строжайшую дисциплину», в то время как, с другой стороны, «Маркс... держит в ежовых рукавицах серную банду». Само собой разумеется, что в столь хорошо организованной «банде» характеризующие ее «интриги», ее «основные занятия», подвиги, совершаемые ею как бандой, делаются по приказанию ее главы и действительно изображаются Цабелем как дела этого, держащего в ежовых рукавицах, главы. Каковы же были, так сказать, профессиональные занятия банды?

Одним из главных занятий серной банды было так компрометировать проживавших в отечестве лиц, что они должны были платить деньги, чтобы банда

хранила тайну и не компрометировала их. В Германию было послано не одно, а сотни писем с угрозой разоблачить в причастности к тому или иному акту революции, если к определенному сроку по указанному адресу не будет доставлена известная сумма... Всякого выступающего против *этих* интриг не только компрометировали среди эмигрантов, но и губили в печати. «Пролетарии» заполняли столбцы реакционной печати Германии *своими доносами* на тех демократов, которые не признавали их, они стали *союзниками* тайной полиции во Франции и Германии и т. д. («Nationalzeitung», № 37).

Начав эти «соответствующие указания» относительно серной банды замечанием, что я ее «видимый глава», перечислив «главные занятия» серной банды, т. е. вымогательство денег, доносы и т. д., Цабель заканчивает свое общее описание серной банды следующими словами:

...они стали союзниками тайной полиции во Франции и Германии. Для дальнейшей характеристики Фогт приводит письмо бывшего лейтенанта Техова от 20 августа 1850 г..., из которого можно видеть, как Маркс с наполеоновским высокомерием и сознанием своего умственного превосходства держит в ежовых рукавицах серную банду.

После того как Цабель в начале своего описания серной банды заставил «почитать» меня в качестве «видимого главы», его охватывает опасение, что читатель может подумать о существовании за видимым главой еще и невидимого или же что я, как Далай-лама, довольствуюсь «почитанием». Поэтому он превращает меня в конце своего описания (говоря уже *своими* словами, а не словами *Фогта*) из «видимого» только главы в главу с ежовыми рукавицами, из Далай-ламы в Наполеона «серной банды». Именно это он цитирует в своем plaidoyer [возражении] в *доказательство* того, что он не *идентифицировал* меня с «партийными интригами» серной банды, которые он резко клеймит «как *эксцентрические, безобразные и бесчестные*». Нет же, не совсем так! Он меня *идентифицировал*, но не в «оскорбительной для моей чести форме». Он, «наоборот», оказал мне *честь*, произведя меня в Наполеона вымогателей, шантажистов, шпионов (mouchards), провокаторов (agents provocateurs,) фальшивомонетчиков и т. д. Цабель заимствует, очевидно, свои понятия о чести из лексикона *декабристской банды*. Отсюда и этот эпитет — «наполеоновский». Но я и привлекаю его к суду как раз за эту *честь*, которую он оказал мне! Я *доказал* приведенными в моей жалобе «фактами», — настолько убедительно, что Цабель ни за что не хочет последовать моему приглашению явиться в суд, — я *доказал*, что все его «соответствующие указания» о серной банде — лживые выдумки Фогта, на которые Цабель только «указывает», чтобы *почитать* меня как Наполеона этой серной

банды. Но разве он не изображает меня человеком «благоразумным и обуздывающим» других? Разве я не держу у него банду в *дисциплине*? Он сам рассказывает, в чем заключалось обуздывание, превосходство, *дисциплина*.

Серная банда держала своих приверженцев в *строжайшей дисциплине*. Кто из них каким-нибудь образом пытался добиться обеспеченного положения, тот — уже в силу одного своего стремления стать независимым — был сам по себе изменником революции... Путем распространения слухов, корреспонденций и т. д. вызывались ссоры, драки, дуэли в этой заботливо поддерживаемой компании бездельников.

Но Цабель не ограничивается этим *общим описанием* «партийных интриг» серной банды, с которыми он меня с почтением «идентифицирует».

«Известный член партии Маркса» *Либкнехт*, «один из раболепнейших приверженцев Маркса, полностью удовлетворивший своего хозяина», умышленно компрометирует рабочих в Швейцарии «революционным съездом в Муртене», где он, лжуча, «предает их в руки» поджидающих «жандармов». Этому «некому Либкнехту приписывалось во время кельнского процесса составление фальшивой книги протоколов» (Цабель забывает, разумеется, сказать, что лживость этой выдумки Штибера была официально *доказана* еще во время разбирательства дела). *Вольф*, бывший соредактор «*Neue Rheinische Zeitung*», посылает из Лондона «циркулярную депешу пролетариям», которую он «одновременно подсовывает ганноверской полиции».

Изображая столь «заведомо» связанных со мной людей агентами тайной полиции, Цабель, с другой стороны, связывает меня с «известным» тайным полицейским агентом, *agent provocateur* [провокатором] и фальшивомонетчиком Шервалем. Непосредственно после общего описания серной банды «несколько человек», в том числе *Шерваль*, «в двойственной роли революционеров-совратителей рабочих и союзников тайной полиции» отправляются у него из Лондона в Париж и создают там «так называемый процесс коммунистов» и т. д.

В передовице № II он рассказывает далее:

«Таким образом в 1852 г. был затеян постыднейший заговор с массовой фабрикацией фальшивых ассигнаций (*п о д р о б н о с т и с м. у Ф о г т а*)» и т. д.

Если читатель «*Nationalzeitung*» последует настоящему приглашению Цабеля и *посмотрит подробности у Фогта*, то что он там найдет? Что Шерваль был послан мной в Женеву, затеял под моим непосредственным руководством «постыднейший заговор с фальшивыми ассигнациями» и т. д. Читатель, направленный Цабелем к Фогту,

найдет также: «Однако личные отношения Маркса в данном случае совершенно неважны, потому что, как уже было указано, *совершенно безразлично, делает ли что-нибудь Маркс сам или через какого-нибудь члена своей банды; он неограниченно управляет своими людьми*».

Но Цабель все еще недоволен своей работой. Его подмывало шепнуть в конце своих статей последнее словечко на ухо своему читателю. Он говорит:

Он (Блинд) заявляет, что никогда в своей жизни не видел Бискампя; очевидно, он не член *узкого кружка партии Маркса*. Нам кажется, что последнему (узкому кружку партии Маркса) не очень трудно было сделать его (Блинда) козлом отпущения. *Партия Маркса* могла очень легко взвалить на Блинда авторство памфлета, так как... он в разговоре с Марксом и в статье в «Free Press» высказался в аналогичном смысле; воспользовавшись содержанием и формой заявления Блинда, можно было так *сфабриковать памфлет*, чтобы он выглядел как его (Блинда) изделие.

Итак, значит, «партия Маркса» или «узкий кружок партии Маркса», alias [она же] *серная банда*, так «сфабриковала» памфлет, что он выглядел как изделие Блинда? Изложив эту гипотезу, Цабель сухо резюмирует смысл ее в следующих словах: «*Каждый может, по желанию, считать автором памфлета Маркса или Блинда*».

Итак, не партия Маркса или Блинд и не Блинд или тесный кружок партии Маркса *ulgo* [в просторечии] *серная банда*, а Блинд или Маркс, Маркс *sans phrases* [без оговорок]. Партия Маркса, узкий кружок партии Маркса, *серная банда* и т. д. были только пантеистическими названиями *Маркса*, особы Маркса. Цабель не только «идентифицирует» Маркса с «партией» *серной банды*, он *персонифицирует* *серную банду* в Марксе. И этот же Цабель осмеливается утверждать перед судебными инстанциями, что в своих статьях он не «идентифицирует» «истца» Маркса... «в оскорбительной для его чести форме» с «интригами» *серной банды*. Он бьет себя в грудь и клянется, что «*менее всего*» «связывал мою особу с теми людьми», которых он «обвиняет в вымогательстве и доноситељстве». Какую фигуру, думал я про себя, будет представлять Цабель на публичном заседании суда! Какую фигуру! С этим радостным восклицанием я еще раз взял в руки присланный мне моим адвокатом документ, снова прочел его; мне показалось, что в конце я увидел имена, вроде Мюллер и Шульце, но тут же убедился в своем заблуждении. То, что лежало предо мной, не было вовсе *plaidoyer* [возражением] Цабеля, а — «*решением*» *апелляционного суда* за подписью *Гутшмидта и Шульце*, решением, лишившим меня *права жалобы* на Цабеля и, сверх того, налагавшим на меня за мою «жалобу» штраф в 25 зильбергрошей,

которые надлежало немедленно уплатить в кассу сборов берлинского городского суда, во избежание принудительного взыскания. Я был действительно attonitus [ошеломлен]. Но изумление мое улеглось при повторном, зрелом прочтении *«решения»*.

Пример I.

Цабель печатает в передовице «Nationalzeitung» № 37, 1860 г.:

«Фогт сообщает на стр. 136 и сл.: Под именем серной банды или также бюрстенгеймеров была известна среди эмиграции 1849 г. группа людей, которые жили сначала в разных местах Швейцарии, Франции и Англии, а потом постепенно собрались в Лондоне и здесь в качестве своего видимого главы почитали Маркса».

Господа Гуттимидт и Шульце читают в передовице «Nationalzeitung» № 37, 1860 г.:

«В самом деле, если первая статья *указывает* на сообщение Фогта, что *эмиграция* 1849 г. постепенно собралась в Лондоне и там в качестве своего видимого главы почитала Маркса».

Цабель говорит: известная среди эмиграции 1849 г. *под именем серной банды или также бюрстенгеймеров группа лиц* и т. д. постепенно собралась в Лондоне и там меня почитала в качестве своего видимого главы. У *Гуттимидта* же и *Шульце* *Цабель* говорит: *эмиграция 1849 г. постепенно собралась в Лондоне* (что не верно, так как значительная часть эмиграции собралась в Париже, Нью-Йорке, Джерсее и т. д.) и почитала меня в качестве своего видимого главы, честь, которой мне не оказывали и *Цабель* и *Фогт* не приписывали. *Гуттимидт* и *Шульце* здесь не резюмируют, они *цитируют*, помещая в *кавычки*, *нигде* не напечатанную *Цабелем* фразу как его *указание* в первой статье «на сообщение Фогта». Очевидно, перед *Гуттимидтом* и *Шульце* находилось совершенно неизвестное мне и читающей публике *тайное издание* № 37 «Nationalzeitung». Этим объясняются все недоразумения.

Тайное издание № 37 «Nationalzeitung» отличается от общедоступного издания того же самого номера не только *разночтением* отдельных предложений. *Весь контекст* первой статьи в *общедоступном издании* не имеет — за исключением нескольких слов — ничего общего с контекстом в *тайном издании*.

Пример II.

Произведя меня в главу серной банды, Цабель печатает в № 37 «Nationalzeitung»:

«Эти молодцы (серная банда)... продолжали в эмиграции дело «Rheinische Zeitung». Одним из главных занятий

Гуттимидт и *Шульце* читают в № 37 «Nationalzeitung», после того как *Цабель* произвел меня в *главу эмиграции 1849 г.:*

«и если она (первая статья «Nat. Ztg.») говорит *далее* о письме Техова:

серной банды было такое компрометирование проживавших в отечестве лиц, что они должны были платить деньги... «Пролетарии» заполняли столбцы реакционной печати Германии своими доносами... они стали союзниками тайной полиции во Франции и Германии. Для *дальнейшей* характеристики (этой «серной банды» или «пролетариев») Фогт приводит... письмо Техова, в котором описываются принципы, *интриги* и т. д. «пролетариев» и в котором можно увидеть, как Маркс, с наполеоновским высокомерием и сознанием своего умственного превосходства, держит в ежовых рукавицах серную банду».

«в котором можно увидеть, как Маркс, с наполеоновским высокомерием и сознанием своего умственного превосходства, держит в ежовых рукавицах серную банду».

Если уж судьи обладают полномочиями предоставлять частным лицам право жалобы или лишать их его, то *Гутшмидт* и *Шульце* не только имели право, но были обязаны отказать мне в праве жалобы на Цабеля. Сообщенное ими *in puse* [вкратце] содержание статьи № 37 *тайного издания* «Nationalzeitung» совершенно исключает какой бы то ни было *corpus delicti* [состав преступления]. Действительно, что печатает Цабель в этом *тайном издании*? Во-первых, он оказывает мне незаслуженную честь, заставляя всю собравшуюся в Лондоне эмиграцию 1849 г. «почитать» меня в качестве своего «видимого главы». Неужели за это мне его «*привлекать к суду*»? А, во-вторых, он оказывает мне столь же незаслуженную честь, утверждая, что я «держу в ежовых рукавицах» какую-то вовсе не связанную со мной *серную банду*, как я, скажем, в 1848 — 1849 гг. держал в ежовых рукавицах Цабеля и К^о. И за это мне Цабеля «*привлекать к суду*»?

Какая получается путаница, когда законодательство разрешает судьям-чиновникам «*решать*», и притом в тайне, «*решать*», имеет ли или не имеет известное лицо право привлекать к суду другое лицо, например, за клевету в «Nationalzeitung». Истец *приносит свою жалобу* на основании распространенного, может быть, в 10 000 экземпляров общедоступного издания № 37 «Nationalzeitung», а судья *решает* на основании изготовленного для него одного тайного издания того же номера. Как мало обеспечено при такой процедуре даже одно только тождество вещественных доказательств!

Подчиняя право жалобы частного лица в каждом отдельном случае усмотрению судьи, прусское законодательство исходит из взгляда, что государство, как отеческая власть, должно опекать

и регулировать частную жизнь граждан — детей государства. Но даже с точки зрения прусского законодательства «решение» *апелляционного суда* кажется странным. Прусское законодательство хочет, очевидно, устранить возможность пустых жалоб. Если я правильно понимаю дух прусского законодательства и с достаточным основанием предполагаю, что оно не ставит себе целью систематический отказ в правосудии, то оно, очевидно, хочет пресечь поступление необоснованных жалоб и поэтому предоставляет судье право отклонять жалобу, но только если *prima facie* [уже на первый взгляд] *нет предмета жалобы*, если, следовательно, жалоба *prima facie* не обоснована. Применимо ли это к данному случаю? *Городской суд* признает, что статья Цабеля содержит в себе *фактически* «оскорбительные для чести» и потому «наказуемые» утверждения обо мне. Он защищает Цабеля против моей законной мести лишь потому, что Ф. Цабель «только цитировал» свои клеветнические утверждения. *Апелляционный суд* заявляет: цитированные или нецитированные, оскорбительные для чести утверждения, с точки зрения закона, одинаково наказуемы; однако он, со своей стороны, *отрицает*, что в передовицах Цабеля вообще содержатся оскорбительные для чести заявления о моей особе — цитированные или нецитированные. Таким образом, у *городского суда* и у *апелляционного суда* не только различные, но даже прямо *противоположные* взгляды на самый *состав преступления*. Один находит оскорбительные заявления обо мне там, где другой их не видит. Самое *противоречие* во взглядах судей на *состав преступления* убедительно доказывает, что здесь *prima facie* [уже на первый взгляд] *предмет* жалобы налицо. Если Папиниан и Ульпиан говорят: это напечатанное заявление оскорбительно для чести, а Муций Сцевола и Манилий Брут, наоборот, утверждают: это напечатанное заявление не оскорбительно для чести, то что подумает народ квиритов? Почему народу не думать, вместе с Ульпианом и Папинианом, что Цабель опубликовал в №№ 37 и 41 «Nationalzeitung» оскорбительные для моей чести заявления? Если я стану уверять народ квиритов, что Муций Сцевола и Манилий Брут дали мне тайное свидетельское показание, согласно которому «оскорбительные для чести» заявления и утверждения Цабеля нисколько не касаются меня, то народ квиритов пожмет плечами, как бы говоря: à d'autres! [говорите другим!]

Так как *апелляционный суд* решает в последней инстанции вопрос о *составе преступления*, т. е. в данном случае должен был решать в последней инстанции, содержится ли *по существу дела* в обеих статьях Цабеля оскорбление моей чести и имеется ли намерение ос-

корбить меня; так как *апелляционный суд* отрицает этот *состав преступления*, то для апелляции к *верховному суду* оставался открытым только вопрос, не основывается ли по *существу дела* решение апелляционного суда на *юридической ошибке*? Ведь *самый апелляционный суд по существу дела установил* в своем «решении», что Цабель приписывает *серной банде* «безобразные и бесчестные интриги», «доносительство и вымогательство денег», приписывает той самой серной банде, которую тот же Цабель в той же статье прямо характеризует как «*партию Маркса*» или «*узкий кружок партии Маркса*» с Марксом в качестве ее видимого и держащего ее в ежовых рукавицах «главы». Имел ли апелляционный суд *законное право* не усмотреть в этом оскорбления моей чести? Мой защитник юстицрат Вебер, в своей жалобе *верховному суду*, между прочим, замечает по этому поводу:

Правда, нигде прямо не сказано (Цабелем), что Маркс вымогал деньги, занимался доносительством и изготовлением фальшивых денег. Но разве нуждается в дальнейших пояснениях заявление, утверждающее: Маркс был главой партии, которая преследовала указанные преступные и безнравственные цели? Ни один человек в здравом рассудке и непредубежденный не будет в состоянии отрицать, что глава общества, цель и преимущественная деятельность которого посвящена совершению преступлений, не только одобряет махинации этого общества, но и сам распоряжается ими, руководит ими и пользуется плодами их; и глава этот, бесспорно, вдвойне ответствен, не только как участник, но и как идейный инициатор, даже если бы нельзя было уличить его ни в одном действии, доказывающем его непосредственное участие в выполнении определенного преступления. *Высказанный в оспариваемом решении (апелляционного суда) взгляд способен привести к тому, что доброе имя человека окажется беззащитным перед тем, кто захочет погубить его. Вместо того, чтобы ложно утверждать об А, что он совершил убийство, клеветнику достаточно будет только сказать, что т.м.то существует банда, занимающаяся убийствами, и что А — главарь этой банды. Взгляд апелляционного суда гарантирует этому клеветнику полную безнаказанность.* Правильно будет, если кара постигнет клеветника независимо от того, назовет ли он третье лицо, вопреки истине, разбойником или атаманом разбойников.

С точки зрения *здорового человеческого смысла* фактически налицо клевета. Имеется ли она с *точки зрения прусского законодательства*? Апелляционный суд говорит — нет, мой защитник говорит — да. Если апелляционный суд, вопреки мнению городского суда, решил, что *форма цитаты* не освобождает клеветника от преследования, то почему бы *верховному суду*, вопреки мнению судебной палаты, не решить, что *не освобождает* его от преследования и *формы солитера*? По поводу этого *юридического момента*, по поводу этой совершенной апелляционным судом в вопросе о составе

преступления *юридической ошибки* и апеллировал мой защитник к *верховному суду*, в известной мере к *Ареопагу*. *Верховный суд «решил»:*

I) В Вашей жалобе от 23 августа сего года на постановление уголовного сената королевского апелляционного суда в деле об оскорблении д-ра К. Маркса редактором «Nationalzeitung» д-ром Цабелем от 11 июля сего года, по рассмотрении соответствующих документов, как необоснованной, Вам отказывается. II) Королевский апелляционный суд не усмотрел в обеих инкриминируемых статьях «Nationalzeitung» объективного оскорбления чести истца и не нашел, чтобы при этом имелось намерение оскорбить последнего, и поэтому правильно отказал в разрешении направить жалобу об оскорблении. Вопрос же о том, имеется ли объективное оскорбление чести и существовало ли намерение оскорбить, требует по существу фактических определений, на которые можно подать жалобу в королевский верховный суд лишь тогда, когда в решении апелляционного судьи по этому пункту допущена юридическая ошибка. III) Но в данном случае таковой ошибки не было. IV) Издержки по этому постановлению в размере 25 зильбергрошей Вам надлежит внести в течение 8 дней в кассу сбора местного королевского суда.

Берлин, 5 октября 1860 г.

Королевский верховный суд.

Фон-Шликман.

Юстицрату Веберу, здесь.

Для более удобного обзора я перенумеровал составные части *«решения» верховного суда.*

В пункте I) *фон-Шликман* рассказывает, что в жалобе на апелляционный суд *«отказано»*. В пункте II) *фон-Шликман* поучает о взаимных отношениях компетенции апелляционного суда и верховного суда — дидактическое отступление, не относящееся, очевидно, к делу. В пункте IV) Веберу приказывается внести в течение 8 дней 25 зильбергрошей в кассу сборов берлинского городского суда, что представляется *следствием «решения»*, но, конечно, не *основанием* его.

Где же, однако, содержится *обоснование «отказывающего» решения?* Где ответ на весьма подробную жалобу моего защитника? А вот:

Пункт III) «Но такой (юридической) ошибки в данном случае *не было*».

Если из этой фразы пункта (III) выкинуть словечко *не*, то мотивировка будет гласить: «Но такая (юридическая) ошибка в данном случае *была*». А тогда было бы аннулировано решение апелляционного суда. Таким образом, оно остается в силе только благодаря словечку *«не»*, с помощью которого *фон-Шликман «отказывает»* от имени верховного суда в жалобе юстицрату Веберу.

Αὐτότατος ἔφη [сам сказал]. *Нет!* Г-н фон-Шликман не опровергает юридических соображений, развитых моим защитником, он не обсуждает их, он даже их не упоминает. У фон-Шликмана, разумеется, были достаточные основания в пользу его «решения», но он умалчивает о них. *Нет!* Доказательная сила этого словечка состоит исключительно в авторитете, в иерархическом положении лица, произносящего его. Само по себе «нет» ничего не доказывает. «*Нет!*» Αὐτότατος ἔφη [сам сказал].

Таким образом, и *верховный суд за претил мне привлечь к суду «демократа» Ф. Цабеля.*

Так закончился мой процесс с прусскими судами.

ХП. ПРИЛОЖЕНИЯ.

1. ВЫСЫЛКА ШИЛИ ИЗ ШВЕЙЦАРИИ.

Из-за недостатка места я могу, к сожалению, привести лишь выдержки из письма Шили о его высылке из Швейцарии, в котором на примере иллюстрируется обращение с эмигрантами, не-членами парламента. Письмо начинается рассказом о том, как два немецких эмигранта, Б. и И., приятели Шили, уехавшие из Женевы, были арестованы во время своего путешествия по Швейцарии; потом их Дрюэ снова освободил, и они вернулись обратно в Женеву.

По их поручению, — продолжает Шили, — я отправился к Фази, чтобы узнать, будут ли их преследовать, и получил от него успокоительное заверение, что со стороны кантональных властей их инкогнито не будет нарушено, со стороны же союзных властей не получилось никакого требования на их счет; будет, впрочем, хорошо, если я — ссылаясь на его заявление — обращусь к начальнику ведомства юстиции и полиции, г. Жирару. Я так и поступил, добился почти такого же успеха и оставил свой адрес на случай каких-нибудь требований со стороны союзных властей. Несколько недель спустя ко мне заявляется полицейский чиновник с требованием сообщить адрес Б. и И. Я отказался сделать это, побежал к названному Жирару и указал ему — в ответ на его угрозу выслать меня, если я не сообщу ему адреса, — что я, согласно нашему прежнему уговору, готов явиться в роли посредника, но отнюдь не доносчика. На это он сказал мне: «Вы, как будто, собираетесь взять на себя роль посланника между мной и этими эмигрантами, чтобы вести переговоры на положении двух равноправных держав». Я ответил: «У меня нет честолюбивых помыслов стать аккредитованным посланником при вас». И действительно, я был отпущен без всякого подобающего послам церемониала. На обратном пути домой я узнал, что оба, Б. и И., были только что разысканы, арестованы и уведены, и, таким образом, я мог считать ликвидированной вышеприведенную угрозу. Но я не принял в расчет 1 апреля; в этот злополучный день 1852 г. мне на улице было предложено полицейским чиновником последовать за ним в здание городского самоуправления, где меня будто бы хотят о чем-то спросить. Здесь государственный советник Турт, женевский комиссар по делам о высылке эмигрантов, *ad latus* [прикомандированный] к бывшему тогда в Женеве союзному комиссару по тем же делам Трогу, заявил мне, что я высылаюсь и он должен поэтому отправить меня немедленно в Берн, к величайшему моему сожалению, так как со стороны кантональных властей ничего против меня не имеется, но на моей высылке настаивает союзный комиссар. На мою просьбу препроводить меня к последнему я получил ответ: «Нет, мы не желаем, чтобы федеральный комиссар занимался здешними полицейскими де-

лами». Но этим он противоречил своим прежним словам и вообще вышел из своей роли женевского государственного советника, состоявшей в том, чтобы с либеральным жеманством сопротивляться требованиям о высылке со стороны союзных властей и уступать только силе, но с радостью или со смирением поддаваясь даже легкому нажиму. Другая особенность этой роли заключалась в том, чтобы за спиной высланного говорить, что он шпион, что его пришлось убрать в интересах «правого дела»... Так, Турт после рассказывал эмигрантам, что он должен был удалить меня, так как я был в сговоре с союзным комиссаром и вместе с ним строил козни против *его* (Турта) мероприятий, имеющих в виду защиту эмигрантов, т. е. что я конспирировал с тем самым комиссаром, который — к великому сожалению *Турта* — распорядился о моей высылке! Что за дичь! Что за ложь и противоречие! И все это для капельки ауга *popularis* [популярности]. Конечно, только держа нос по ветру, этот господин делает свою карьеру. Этого члена женевского большого совета и женевского государственного советника, члена швейцарского сословного или национального совета, прирожденного советника путаницы, недостает только в Союзном совете, чтобы гарантировать Швейцарии спокойствие; недаром написано: *Providentia Dei et confusione hominum Helvetia salva fuit* [божьем произволением и человеческой путаницей была спасена Гельветия].

По приезде в Лондон Шили послал в женевский «*Indépendant*», находившийся под влиянием *Резена*, — о нем см. ниже, — заявление против клеветы Турта, где резко клеймил клеветнические удары ослиных копыт, которыми «либеральные деятели выгоняли эмигрантов из Швейцарии»; заявление это *не* было помещено.

Из здания женевского городского самоуправления, — продолжает Шили, — пришлось отправиться в тюрьму, а оттуда на следующий день, на почтовых, в сопровождении полицейских, в Берн, где Дрюэ держал меня в течение двух недель под строгим арестом в так называемой старой башне...

Дрюэ в своей переписке с заключенным Шили — о которой речь будет ниже — валил всю вину на женевский кантон, между тем как Турт, со своей стороны, уверял, что виновны во всем союзные власти, что *женевские кантональные власти решительно ничего не имеют против Шили*... Такие же заверения незадолго до того сделал ему женевский судебный следователь *Резен*. О последнем Шили, между прочим, пишет следующее:

Во время происходившего летом 1851 г. в Женеве федерального стрелкового праздника *Резен* взял на себя редактирование издававшегося на французском и немецком языках «*Journal du tir fédéral*» и пригласил меня сотрудничать в этом издании, пообещав гонорар в 300 фр.; моя работа состояла, между прочим, и в том, что я должен был *flagranti delicto* [на месте преступления] записывать немецкие приветственные и прощальные речи председателя комитета Турта; задача эта — воздам ему благодарность, хотя и запоздалую — очень облегчалась для меня тем, что он каждый раз обращался почти с одинаковыми восторженными словами к различным депутациям стрелков, варьируя их слегка, в зависимости от того, приветствовал ли он Мишку из Берна, бычка из Ури или какого-нибудь

много сочлена конфедерации; поэтому, когда начинался припев: «если же настанет день опасности, то мы и т. д.», я мог спокойно класть перо и на вопрос *Резена*, почему я это делаю, отвечать: «Это припев об опасности, я его знаю наизусть». Но вместо заслуженных мной в поте лица 300 фр. гонорара я с охами и вздохами получил у *Резена* только 100 фр. с обещанием, однако, дальнейшего сотрудничества, именно в политическом журнале, который он собирался основать в Женеве, чтобы иметь возможность, независимо от всех существующих партий, вести борьбу на всех фронтах и особенно против тогдашнего «либерального» правительства Фази-Турта, хотя он и сам принадлежал к нему. Он вполне годился для такого дела, готовый, как бывало хвалился, «с кого угодно содрать шкуру»... В этих видах он поручил мне завязать во время путешествия по Швейцарии, предпринятого мной после моих трудов с федеральным тиром, необходимые для этого предприятия сношения, — что я и исполнил и о чем я ему сделал по своему возвращении письменный доклад. Но за это время успел подуть совсем другой ветер, пригнавший его из корсарской экспедиции на всех парусах в спокойную гавань существующего правительства. На мою долю, таким образом, достались только издержки и неполученный гонорар, по поводу которого я тщетно беспокоил его и тщетно беспокою до сих пор, хотя он стал богатым человеком... Незадолго до моего ареста он клялся мне, что нет и речи о моей высылке, как в этом его уверил его друг Турт, — что мне нечего предпринимать никаких предупредительных мер против угрозы Жирара и т. д.... На письмо, которое я ему послал *de profundis* [из глубины] старого тюремного замка, прося у него небольшой суммы в счет следуемых мне денег и разъяснения о происшествии (моем аресте и т. д.), он упорно молчал, хотя уверил лицо, передавшее ему мое письмо, что исполнит все мои просьбы...

... Что моя высылка была делом рук беглых членов парламента, мне писал несколько месяцев спустя К., человек надежный и непредубежденный, и это настойчиво подтверждалось в нескольких строках, приложенных к этому письму *Раникелем*. Эту же мысль высказывали многие сведущие люди, с которыми я после имел случай лично беседовать об этом инциденте... А, между тем, я ведь не был собственно парламентеедом, подобно гиене *Рейнаху*, который изо дня в день поедом ел блаженной памяти имперского регента *Фогта* из имперской могилы за обеденным столом в Берне, где тот сам сидел во плоти, точно «скованный Прометей», а за десертом, ко всеобщему ужасу, жадно проглатывал как мумию, так и воплощение. Правда, я не был поклонником парламентских подвигов. Напротив! Но неужели эти господа собирались отомстить мне за это изгнание из империи, — причисляя Швейцарию к империи, потому что в ней погребена имперская конституция вместе с последним протоколом решений имперского сейма? Я готов скорее поверить, что такое подозрение о предпринятом ими против меня преследовании возникло в связи с упомянутым в моем прежнем письме возмущением парламентариев против женевского эмигрантского комитета, образованного мной, Беккером и несколькими женевскими гражданами... Среди этих господ не было единодушия по вопросу о том, почему, собственно, они хотели узурпировать право распределения денег среди эмигрантов. Одни из них — в том числе Денцель из маленькой баденской палаты — хотели в отличие от нашей практики, имевшей в виду помощь особенно нуждающимся рабочим, помогать преимущественно профессиональным страстотерпцам, героям революции, сынам отечества, выдавшим лучшие дни... *Is fecit, cui prodest* [Кому выгодно, тот и сделал] — говорят ремесленники. А так как моя деятельность была действительно неудобна

для этих господ, то зародилось подозрение, что они использовали свое влияние в руководящих кругах для моего устранения. Было известно, что они использовали *aurem principis* [ухо начальства], что они, во всяком случае, стояли достаточно близко к этому уху, чтобы нашептывать кое-что о моем *беспокойном* характере и что, они, в частности, не раз собирались вокруг *principis*'а Турта...

Рассказав о своей отправке из старой бернской башни через Базель и французскую границу, Шили замечает:

Что касается расходов по высылке эмигрантов, то я питаю надежду, что издержки эти покрываются отнюдь не из федеральной казны, а за счет Священного союза. А именно, однажды, спустя некоторое время после нашего перехода на швейцарскую территорию, *великая княжна Ольга* сидела за табльдотом одного бернского отеля с тамошним русским поверенным в делах. За десертом (несколько не похоже на ужасного *Рейнаха*) высочайшая особа сказала своему собеседнику: «Ну что, барон, у вас здесь еще много эмигрантов?» «Не мало, ваше высочество, — ответил тот, — хотя мы уже многих отправили отсюда. Дрюэ делает все, что в его силах, и, *если мы получим новые фонды*, то еще многих вышлем». Этот разговор слышал и передал мне прислуживавший при этом кельнер, бывший в кампанию за имперскую конституцию добровольцем под моим командованием.

Во время отправки Шили тайно и бесповоротно исчезли его дорожные вещи.

До сих пор остается загадочным, как могли они внезапно исчезнуть в Гавре из багажного хаоса в поезде немецких переселенцев (в Базеле мы были включены в этот поезд при посредстве переселенческого агента *Кленка*, которому союзные власти сдали в подряд нашу доставку до Гавра, причем все вещи эмигрантов и переселенцев совершенно перемешались между собой); это не *могло произойти иначе, как по списку эмигрантов и их вещей*. Может быть, об этом больше знает федеральный консул в Гавре, негодичант *Ваннер*, к которому мы были направлены для дальнейшей отправки. Он обещал нам полное возмещение. Дрюэ впоследствии подтвердил мне это обещание в письме, которое я отправил *адвокату Фогту в Берне* для защиты своего иска перед Союзным советом. Но до сих пор я не мог получить от него ни этого письма обратно, ни вообще *ответа на все посланные мной ему письма*. А летом 1856 г. я получил решительный и грубый отказ от Союзного совета без какой бы то ни было мотивировки этого решения...

Но все это и вообще все высылки с их жандармами, ручными кандалами и т. п. — пустыни по сравнению с *стравками* на родину так называемых менее тяжких преступников из числа баденцев, отправками, практикуемыми с своеобразным добродушием под предлогом дружественно-соседского соглашения: последние получают особо приготовленные для этого путевые паспорта с предписанием явиться по прибытии на родину к местным властям, где, вместо занятия своим делом, их ждут всякого рода неожиданные мытарства. Неслышные страдания выданных таким образом людей (именно выдача здесь — самое подходящее слово) ожидает еще своего историка и мстителя.

Честь и слава человеку, «который не перестает быть великим оттого, что указаны его недостатки», говорит швейцарский Тацит о Швейцарии. В материале для таких похвал недостатка нет. Талии похвалами ей не повредить...

Кто сильно любит, тот жестоко наказывает; я, со своей стороны, в общем питаю на самом деле неизменную симпатию к Швейцарии. И страна, и народ мне очень нравятся. Всегда готовый искусно употребить в дело свое старинное ружье, сохраняемое среди домашнего скарба, для защиты благозвучных исторических традиций и полезных в хозяйстве завоеваний современности, швейцарец в моих глазах — весьма почтенное явление. Он заслуживает чужих симпатий, потому что сам симпатизирует чужой борьбе за лучшую долю. «Я предпочел бы, чтобы у нашего господина бога издохла его лучшая пара ангелов», сказал один швейцарский сельский хозяин с досады по поводу неудачи южно-германского восстания. *Собственной* запряжкой он для этого дела, может быть, не рискнул бы, — скорее, собственной шкурой и старинным ружьем в придачу. Таким образом, швейцарец в глубине души не *нейтрален*, хотя и сохраняет нейтралитет на основе своего наследственного владения и для его защиты. Впрочем, эта старая кора нейтральности, скрывающая его лучшее ядро, не выдержит всего топота чужих ног, — а ведь в этом сущность нейтралитета, — скоро даст трещину и сломается, а это очистит воздух.

Так пишет Шили. В бернской Tour de Prison [тюремной башне] он не мог добиться личного свидания с Дрюэ, но обменялся с ним письмами. На письмо, в котором Шили спрашивает его о мотивах своего ареста и просит разрешить ему юридическую консультацию с бернским адвокатом Виссом, Дрюэ ответил *13 апреля 1852 года*.

... Женевские власти постановили выслать вас из кантона, приказали арестовать вас и отправить в Берн в распоряжение моего департамента, потому что вы оказались одним из самых беспокойных эмигрантов и старались скрыть И. и Б., которых вы обязались представить властям. Ввиду этого и ввиду того, что ваше дальнейшее пребывание в Швейцарии могло бы повредить *международным отношениям конфедерации*, федеральный совет постановил выслать вас из пределов Швейцарии и т. д.... Так как ваш арест не имеет целью предать вас уголовному или административному суду, а представляет меру *высших полицейских органов*..., то для вас нет необходимости советоваться с адвокатом. *Впрочем, президе чем... разрешить испрашиваемое вами свидание с адвокатом Виссом, я хотел бы знать цель этого свидания.*

Письма, которые Шили после многократных ходатайств получил, наконец, разрешение писать своим женевским друзьям, должны были предварительно идти на просмотр к Дрюэ. В одном из этих писем Шили употребил выражение: «*Vae victis*» [«Горе побежденным»]. По этому поводу Дрюэ пишет ему *19 апреля 1852 года*.

В записке, посланной вами г. И., встречаются слова: «*vae victis*»... Значит ли это, что федеральные власти обращаются с вами, как с побежденным? Если бы это было так, то это было бы *ласковым обвинением*, против которого я должен был бы протестовать.

Шили ответил всесильному Дрюэ *21 апреля 1852 г.*, между прочим, следующее:

Не думаю, господин федеральный советник, чтобы эта характеристика принятых по отношению ко мне мер заслуживала упрека в *лживом обвинении*; во всяком случае, подобный упрек не может заставить меня отказаться от мысли, что со мной обращаются сурово; наоборот, подобный ответ *заключенному со стороны того, кто держит его в заключении*, кажется мне лишней жестокостью.

В конце *марта 1852 г.*, незадолго до ареста Шили и высылки других *непарламентских* эмигрантов, реакционный «*Journal de Genève*» напечатал всякого рода вздорные сплетни о коммунистических заговорах, затеваемых в Женеве среди немецких эмигрантов: Трог будто бы занят выемкой немецкого коммунистического гнезда с выводком из 84 коммунистических драконов и т. д. Наряду с этой реакционной женевской газетой бернский писака, принадлежавший к парламентской банде, — это был, надо думать, *Карл Фогт*, так как в «Главной книге» он неоднократно приписывает себе честь спасения Швейцарии от коммунистических изгнанников, — распространял подобные же небылицы во «*Frankfurter Journal*», подписывая их буквами -ss-. Он писал, например, что состоявший из коммунистов женевский комитет помощи немецким эмигрантам свергнут за неправильное распределение денежных сумм и заменен комитетом из частных людей (парламентариев), которые вскоре положат конец всем этим безобразиям; далее, что женевский диктатор, повидимому, подчиняется, наконец, распоряжениям федеральных комиссаров, и недавно два принадлежащих к коммунистической фракции немецких эмигранта были арестованы и перевезены из Женевы в Берн и т. д. Выходящая в Базеле «*Schweizerische Nationalzeitung*» поместила в № 72 от *25 марта 1852 г.* ответ из Женевы, где мы, между прочим, читаем:

Всякий непредубежденный человек знает, что подобно тому как Швейцария занимается только укреплением и конституционным развитием своих политических завоеваний, так и слабые остатки местной немецкой эмиграции заняты только добыванием хлеба насущного и совершенно невинными делами и что рассказы о коммунизме измышляются только мешанскими духовидцами и политически или лично заинтересованными *доносчиками*.

Назвав бернского парламентского корреспондента «*Frankfurter Journal*» одним из этих доносчиков, статья заканчивается следующими словами:

Местные изгнанники думают, что между этими доносчиками имеются многие так называемые «честные люди» типа блаженной памяти «имперских Бидерманов и Вассерманов», которые, тоскуя по отечественным горшкам с мясом, пытаются снискать себе милость своих отцов-государей подобными

реакционными гнусностями; им желают счастливого пути, чтобы они более не компрометировали эмиграции и дающего им прибежище правительства.

Беглые *парламентарии* знали, что *Шили* — автор этой статьи. Последняя появилась в базельской «Nationalzeitung» 25 марта, а 1 апреля произошел ничем не мотивированный арест Шили. «Tantaene animis celestibus irae?» [«Не таков ли гнев небожителей?»]

2. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СЪЕЗД В МУРТЕНЕ.

После муртенского скандала немецкая эмиграция в Женеве, за исключением беглых *парламентариев*, выпустила протест по адресу «верховного федерального департамента юстиции и полиции». Я приведу оттуда лишь одно место:

...Монархи не удовлетворялись своими прежними дипломатическими успехами. Чтобы очистить Швейцарию от эмигрантов, они бряцали оружием по ее адресу, угрожали ей военной оккупацией; по крайней мере, Союзный совет высказал в одном официальном документе свои опасения насчет этой опасности. И вот снова последовали *высылки*, на этот раз мотивированные известным муртеновским съездом и утверждением, будто, в результате произведенного розыска, попали на след политической пропаганды. Имеющиеся факты решительно опровергают это утверждение... В правовом же отношении следует указать, что повсюду, где существует законный порядок, *могут быть только законные наказания за предусмотренные законом наказуемые деяния*; это относится и к высылке из страны, если эта высылка открыто не превращается в акт полицейского произвола. Или, может быть, в данном случае в отношении нас станут превозносить значение *дипломатии* и скажут, что пришлось поступить таким образом из *внимания к иностранным державам* для сохранения международных отношений? Но если так, то пусть скроется *федеральный крест* перед *турецким полумесяцем*, который стучащему в ворота ¹ сыщику показывает свои рога, а не приносит повинную (*zu Kreuze kriecht*); если так, пусть дадут нам паспорта в *Турцию* и пусть, захлопнув за нами двери, передадут ключи швейцарских свобод, как *feudum oblatum* [лен] *Священному союзу*, чтобы впредь носить их на правах *лена* от него, как камергерские знаки отличия с девизом: *Finis Helvetiae!* [Конец Швейцарии!]

3. ШЕРВАЛЬ.

Из письма Иоганна Филиппа Беккера я увидел, что упоминаемый имперским Фогтом «сподвижник Маркса» или «сподвижник» Шерваля не может быть никем иным, как проживающим теперь в Лондоне *Штегером*. До сих пор я не имел чести быть лично знаком с ним, хотя слышал много лестного о его крупном и всестороннем

¹ Pforte — также Порта. *Ред.*

художественном таланте. Благодаря письму Беккера мы встретились с ним. Нижеследующее — письмо моего «сподвижника» ко мне.

Лондон, 17, Sussex Street, W. C., 14 октября 1850 г.

Дорогой Маркс!

Я охотно дам вам некоторые разъяснения по вопросу о *Ньюдженте* (Шеркале-Кремере), упоминаемом в брошюре Фогта, из которой вы любезно послали мне выдержки. В марте 1853 г. я возвращался из путешествия по Италии и заехал в Женеву. Приблизительно в то же самое время приехал в Женеву Ньюджент, с которым я познакомился в одном литографском заведении. Я тогда только что начал заниматься литографированием и, так как Ньюджент обладает обширными сведениями в этом деле и очень любезный, энергичный и трудолюбивый человек, то я принял его предложение работать совместно с ним в одном ателье. Рассказ Фогта о махинациях Ньюджента в Женеве соответствует приблизительно тому, что я уже слышал тогда об этом, если отбросить обычные преувеличения фельетониста или памфлетиста. Успех был крайне ничтожный. Я знал только одного из этой компании, добродушного и трудолюбивого, но вместе с тем чрезвычайно легкомысленного молодого человека; а так как он был одним из главных персонажей, то легко можно понять, что Н. был в компании всем, а прочие были только любопытными слушателями. Я убежден, что не были изготовлены ни каменные, ни медные клише, но я слышал, что Н. говорил о подобных вещах. Моими знакомыми были, по большей части, женевцы и итальянцы. Я знал, что позднее Фогт и другие немецкие эмигранты, с которыми я не был знаком, считали меня шпионом. Но я мало беспокоился по этому поводу, — ведь истина всегда обнаруживается; я даже не сердился на них, ведь так легко было вызвать подозрение, так как не было недостатка в шпионах, и не всегда было легко их распознать. Я почти убежден, что Ньюджент не переписывался ни с кем в Женеве после того, как был выслан оттуда. Позднее я получил от него два письма; он приглашал меня приехать в Париж, чтобы взять на себя выполнение одной работы по средневековой архитектуре, что я и сделал. В Париже Ньюджент жил в стороне от политики и не вел переписки. На основании вышеизложенного можно сделать только один вывод, что под «сподвижником Маркса» могли иметь в виду меня, так как я не видел и не слышал ни о ком другом, кого Ньюджент пригласил бы в Париж. Фогт, конечно, не мог знать, что я никогда — ни прямо, ни косвенно — не был в сношениях с вами и, возможно, никогда не завязал бы их, если бы не поселился в Лондоне, где, благодаря случаю, имел возможность познакомиться с вами и с вашим почтенным семейством.

Сердечный привет вам и вашим уважаемым дамам

Г. Кал. Штегер.

4. КЕЛЬНСКИЙ ПРОЦЕСС КОММУНИСТОВ.

Приведенные мной в этой главе сообщения о прусском посольстве в Лондоне и о его переписке с прусскими властями на континенте во время кельнского процесса основываются на опубликованных *А. Виллихом* в «*New-Yorker Criminalzeitung*» (апрель 1853 г.) признаниях сидящего теперь в гамбургской тюрьме Гирша под заглавием:

«Жертины шпионажа, оправдательная записка Вильгельма Гирша»; последний был главным орудием полицейского лейтенанта Грейфа и его агента Флери и по их поручению и под их руководством сфабриковал представленную на процессе коммунистов Штибером *фальшивую* книгу протоколов. Я привожу здесь некоторые выдержки из мемуаров Гирша.

За немецкими обществами (во время промышленной выставки) следили сообща члены полицейского триумvirата — полицейский советник Штибер для Пруссии, некий Кубеш для Австрии и начальник полиции Хунтель из Бремена.

Гирш в следующих словах описывает свою первую встречу с секретарем прусского посольства в Лондоне *Альбертсом*, после того как он предложил свои услуги в качестве шпиона.

Свидания, назначаемые прусским посольством в Лондоне своим тайным агентам, происходят в приспособленном для этого помещении. Трактир The Cock, Fleetstreet, Temple Bar бросается так мало в глаза, что если бы золотой петух в качестве вывески не указывал входа, то человек, который не стал бы специально его искать, с трудом бы его заметил. Через узкий вход я вошел во внутреннее помещение этой старо-английской таверны, и на мой вопрос о м-ре Чарлзе мне представился под этой фамилией плотный господин с такой любезной улыбкой, точно мы оба были уже старыми знакомыми. Представитель посольства, каковым он и был, казался очень весело настроенным, а бренди с водкой так подняло его настроение, что он на время как будто забыл о цели нашей встречи. М-р Чарлз, или, как он тотчас же назвал себя настоящим именем, *секретарь посольства Альберте*, осведомил меня прежде всего, что он, собственно, не имеет никакого отношения к полицейским делам, но готов взять на себя посредничество... Второе свидание имело место на тогдашней его квартире Brewer-street, 39, Golden Square; здесь я впервые познакомился с полицейским лейтенантом *Грейфом*. Это был человек чисто полицейского образца, среднего роста, с темными волосами и того же цвета по-казенному подстриженной бородой, причем усы переходили в бакенбарды, и с бритым подбородком. Его глаза, которые менее всего обнаруживали ум, приобрели, повидимому, от постоянного обращения с мошенниками и ворами какое-то напряженное выражение... Грейф представился мне первоначально под тем же псевдонимом, что и Альберте, назвавшись м-ром Чарлзом. Но новый м-р Чарлз был, по крайней мере, более серьезно настроен; он хотел, повидимому, сперва проэкзаменовать меня... Наша первая встреча закончилась на том, что он поручил мне составить ему точный отчет о всей деятельности революционной эмиграции... В следующий раз Грейф представил мне, как он выразился, «свою правую руку», «одного из своих агентов». Это был высокий, изящно одетый молодой человек, представившийся мне опять-таки под именем м-ра Чарлза; вся политическая полиция, повидимому, присвоила это имя в качестве псевдонима. Таким образом, мне приходилось теперь иметь дело с тремя Чарлзами. Но новоприбывший заслуживал, казалось, наибольшего внимания. «Он также», как он говорил, «был революционером; все можно сделать, мне нужно только идти вместе с ним». Грейф уехал на некоторое время из Лондона и, прощаясь с Гиршем, «прямо заявил ему, что новый м-р Чарлз действует постоянно по его

поручению и что я могу спокойно ему довериться, хотя бы кое-что и казалось мне странным; я не должен этим смущаться». Для большей ясности он прибавил: «Министерство нуждается иногда в том или другом предмете; *главное, это — документы; если их нельзя раздобыть, то надо уметь как-нибудь помочь этому горю!*» Гирш рассказывает дальше: последний из Чарлзов был *Флери*, «работавший прежде в экспедиции «Dresdener Zeitung», которая выходила под редакцией Л. Виттига. В Бадене он, на основании доставленных им рекомендаций из Саксонии, был послан временным правительством в Пфальц, чтобы заняться там организацией ландштурма и т. д. Когда пруссаки вступили в Карлсруэ, он был взят в плен и т. д. Появился он вдруг снова в Лондоне в конце 1850 или в начале 1851 года. Здесь он сначала живет под фамилией де-Флери, среди эмигрантов, с виду, по крайней мере, в тяжелом положении; живет вместе с ними в устроенной эмигрантским комитетом казарме и получает денежную помощь. В начале лета 1851 г. его положение внезапно улучшается, он поселяется в приличной квартире и женится в конце этого года на дочери английского инженера. Впоследствии мы его застаем, в качестве полицейского агента, в Париже... Настоящая его фамилия — *Краузе*; он сын сапожника Краузе, который лет 15 — 18 тому назад был казнен в Дрездене вместе с Бангофом и Безелером за убийство в Дрездене же графини Шемберг и ее горничной... Флери-Краузе часто рассказывал мне, что он работал для правительств уже с четырнадцатилетнего возраста.

Это тот самый *Флери-Краузе*, о котором Штибер заявил в публичном заседании кельнского суда как о непосредственно подчиненном Грейфу прусском тайном полицейском агенте. В своих «Разоблачениях о процессе коммунистов» я говорю о Флери: Флери, конечно, не fleur de Marie полицейской проституции, но он цветок и даст цветки, хотя это будут только fleurs de Lys¹. Это в известной мере исполнилось. Несколько месяцев спустя после процесса коммунистов Флери был приговорен в Англии по делу о подлоге к нескольким годам каторжных работ.

В качестве правой руки полицейского лейтенанта Грейфа, — продолжает Гирш, — Флери, в отсутствие его, сносился прямо с прусским посольством. С Флери был связан Макс Рейтер, совершивший кражу писем у Освальда Дитца, бывшего тогда хранителем архива шаппер-виллиховского союза. Штибер, — говорит Гирш, — был извещен агентом прусского посланника в Париже Гацфельда, пресловутым *Шервалем*, о письмах, которые последний сам писал в Лондон, и через Рейтера разузнал о их местонахождении, после чего Флери, по поручению Штибера, совершил с помощью Рейтера эту кражу. Это — украденные письма, о которых Штибер не постыдился дать на суде присяжных в Кельне показания «как о таковых»... Осенью 1851 г. Флери, вместе с Грейфом и Штибером, был в Париже; еще до этого Штибер, через посредство графа Гацфельда, вступил в сношения с этим *Шервалем* или, правильнее, *Иосифом Кремером*, при помощи которого он надеялся создать заговор. С этой целью Штибер, Грейф,

¹ Fleurs de Lys называются во Франции выжженные на клейменных преступниках буквы Т. F. [Travail forcé — каторжные работы]. *Ред.*

Флери, а также два других полицейских агента, Бекман и Зоммер, устроили свидание в Париже совместно с знаменитым французским шпионом *Люсьеном де-ля-Оддом* (под фамилией Дюпрé) и дали соответственные инструкции Шервалю, по которым он должен был выкраивать свою переписку. Флери очень часто забавлялся при мне этой провоцированной борьбой между Штибером и Шервалем; а тот Шмидт, который появился в основном Шервалем *по полицейскому приказу* обществу в качестве секретаря одного революционного союза в Страсбурге и Кельне, был не кто иной, как де-Флери... Флери был в Лондоне, несомненно, единственным агентом прусской тайной полиции, и все предложения и планы, предлагавшиеся прусскому посольству, проходили через его руки... Штибер и Грейф во многих случаях полагались на его мнение. Флери сообщает Гиршу: Грейф сказал вам, как надо действовать... Центральная полиция во Франкфурте сама того мнения, что прежде всего необходимо *обеспечить существование политической полиции*, — безразлично, какими мы этого добьемся средствами; *шаг в этом направлении уже сделан* сентябрьским заговором в Париже. Грейф возвращается в Лондон, выражает свое удовлетворение работой Гирша, но требует большего, именно отчетов *о тайных союзных заседаниях партии Маркса*. Мы должны, сказал полицейский лейтенант, во что бы то ни стало дать отчеты о заседаниях союза; делайте это, как знаете, но только не переступайте границ правдоподобия, сам же я слишком занят. Де-Флери будет работать вместе с вами от моего имени. Тогдашнее занятие Грейфа заключалось, по словам Гирша, в переписке через посредство де-ля-Одда-Дюпре с Мопэ насчет устройства мнимого побега Шерваля и Гиппериха из тюрьмы *Sainte Pélagie*. Ввиду уверений Гирша, что «Маркс в Лондоне никакого нового центрального общества не основал...», Грейф договорился с Флери, что при данных обстоятельствах мы должны пока сами изготовить отчеты о заседаниях союза; он же, Грейф, возьмет на себя заботу о защите подлинности этих документов, а то, что он предлагает, будет во всяком случае, принято. Итак, Флери и Гирш принялись за работу. «Содержание» их отчетов о проведенных мной тайных заседаниях союза, по словам Гирша, сводилось к тому, что устраивались различные дискуссии, принимались новые члены союза, основывалась в каком-нибудь уголке Германии новая община, устраивалась какая-нибудь новая организация, в Кельне у заключенных друзей Маркса были или не были виды на освобождение, приходили письма от тех или иных лиц и т. д. Что касается последнего, то Флери обыкновенно обращал при этом внимание на тех лиц в Германии, которые были уже на подозрении на основании политического розыска или проявленной каким-нибудь образом политической активности; но очень часто им должна была приходиться на помощь и фантазия, и тогда в союз попадали члены с именами людей, быть может, совсем не существовавших на свете. Но Грейф полагал, что отчеты хороши и что нужно во что бы то ни стало их создавать. Часть их Флери взялся составить один, но в большинстве случаев я должен был помогать ему, так как он не умел даже мелкие заметки написать надлежащим стилем. Так были сочинены отчеты, а Грейф без колебаний взял на себя гарантию их подлинности. Гирш рассказывает далее, как он и Флери посетили А. Руге в Брайтоне и Эдуарда Мейена (тобиевой памяти) и украли у них письма и литографированные корреспонденции. Но это не все. Грейф-Флери наняли в типографии Стенбери, Fetter Lane, литографский станок и вместе с Гиршем

сами стали фабриковать радикальные прокламации. Здесь есть чему поучиться «демократу» *Ф. Цабелю*. Пусть послушает: Первая составленная мной (Гиршем) прокламация была названа, по предложению Флери, «*К сельскому пролетариату*»; удалось получить несколько хороших оттисков ее. Грейф послал эти оттиски, как исходящие от *партии Маркса*, а для большей правдоподобности прибавил в сфабрикованных вышеуказанным образом отчетах о так называемых заседаниях союза несколько слов о рассылке такой прокламации. Подобное же произведение было изготовлено под заглавием «*К детям народа*»; я не знаю, кому приписал его на этот раз Грейф. Эта литографская работа потом прекратилась, главным образом потому, что поглощала много денег. — После своего мнимого побега Шерваль прибыл в Лондон; здесь он первое время работает при Грейфе за плату в 1 ф. 10 шилл. в неделю; «за это он обязан был представлять отчеты о сношениях между немецкой и французской эмиграцией». Но публично разоблаченный в рабочем обществе и выгнанный из него, как шпион, Шерваль, по весьма естественным основаниям, стал изображать немецкую эмиграцию и ее органы как совершенно не заслуживающие внимания; с этой стороны он лишился всякой возможности доставлять какие бы то ни было сведения. Но зато он представил Грейфу отчет о не-немецкой революционной партии, в котором превзошел неблизкие Мюнхгаузена.

Гирш возвращается затем к Кельнскому процессу.

Грейфа уже не раз запрашивали о содержании изготовленных Флери, по его поручению, отчетов о союзе, поскольку они касались кельнского процесса... По этому делу были и определенные задания. Так, в одном случае Маркс будто бы переписывался с Лассалем по адресу «питейного дома», и государственный прокурор желал, чтобы были произведены соответствующие розыски... Наивнее кажется просьба государственного прокурора, в которой он выражает желание получить точные разъяснения о денежной помощи, оказанной Лассалем из Дюссельдорфа заключенному Резеру в Кельне... деньги должны были бы, собственно говоря, получаться из Лондона.

В главе III, 4 было уже упомянуто, как Флери должен был, по поручению Гинкельдея, разыскать в Лондоне человека, который согласился бы представлять на кельнском суде исчезнувшего свидетеля X. и т. д. Подробно изложив этот эпизод, Гирш продолжает:

Между тем, Штибер настойчиво требовал от Грейфа доставить по возможности оригиналы присланных им протоколов заседаний союза. Флери говорил, что, если иметь в своем распоряжении людей, то можно бы изготовить оригинальные протоколы. Но для этого необходимо *иметь почерки некоторых друзей Маркса*. Я воспользовался этим замечанием и отверг, со своей стороны, это предложение; Флери только раз вернулся еще к этому вопросу, но затем молчал об этом. Вдруг около этого времени Штибер выступает в Кельне с книгой протоколов заседающего в Лондоне центрального органа союза... Я еще более был поражен, когда в сообщенных газетами выдержках из протоколов узнал переданные почти дословно сфабрикованные Флери, по поручению Грейфа, отчеты. Таким образом, Грейф или сам Штибер как-то раздобыли *копии почерков, так как протоколы этого мнимого оригинала были снабжены подписями, протоколы же, переданные*

Флери, никогда их не имели. От самого Флери я по поводу этого удивительного явления только узнал, что «Штибер все умеет делать; история произведет фурор!»

Когда Флери узнал, что «Маркс» заверил подлинные подписи лиц, подписавших мнимые протоколы (Либкнехта, Рингса, Ульмера и т. д.) в лондонском полицейском управлении, он составил следующее письмо:

«Высшему королевскому полицейскому управлению в Берлине. Лондон. Маркс и его друзья, намереваясь показать, что подписи, значащиеся под протоколами союза, фальшивые, собираются засвидетельствовать здесь подписи, которые затем будут представлены суду присяжных в качестве подлинных. Всякий, знакомый с английскими законами, знает также, что в этом отношении ими можно вертеть в разные стороны и что тот, кто гарантирует подлинность, по существу, собственно, не дает настоящего поручительства. Лицо, делающее это сообщение, не боится назвать свое имя для дела, где речь идет об установлении истины. *Беккер, 4, Litchfield Street*». Флери знал адрес немецкого эмигранта Беккера, жившего в том же доме, что и Виллих, так что впоследствии подозрение могло бы легко пасть на Виллиха как на противника Маркса... Флери уже заранее наслаждался скандалом, который должен был от этого произойти. Письмо, думал он, будет, конечно, прочитано так поздно, что вопрос о подлинности его может быть разрешен лишь тогда, когда процесс уже закончится... Письмо за подписью Беккера было направлено в *полицейское управление в Берлине*, но оно пошло не в Берлин, а «к полицейскому чиновнику Гольдгейму, Франкфуртское подворье в Кельне», а конверт от этого письма пошел в Берлин с заметкой на вложенной в него записке: *«Штибер из Кельна даст точные сведения о назначении сего»*... Штибер не использовал письма; он не мог его использовать, так как вынужден был отказаться от всей книги протоколов. Относительно последнего Гирш рассказывает:

Штибер заявляет (на суде), что получил ее две недели тому назад и раздумывал, прежде чем ее использовать; далее он заявляет, что она получена с курьером в лице Грейфа... Таким образом, Грейф привез ему свою собственную работу; но как согласовать это с письмом *Гольдгейма*? Гольдгейм пишет посольству: «Книгу протоколов представили так поздно лишь для того, чтобы избежать результата запросов о ее подлинности»... В пятницу 29 октября Гольдгейм прибыл в Лондон. Штибер, конечно, понимал, что невозможно защищать подлинности книги протоколов; он поэтому отправил посланца переговорить на месте с Флери; ставился вопрос, нельзя ли каким-нибудь образом раздобыть доказательство подлинности. Переговоры остались без результата, и он уехал, оставив Флери в отчаянии; чтобы не компрометировать высших чинов полиции, Штибер решил предать его. Что это было причиной тревоги Флери, я понял из последовавшего вскоре затем заявления Штибера. В полном расстройстве Флери ухватился за последнее средство; он принес мне рукопись, по которой я должен был скопировать заявление и, снабдив его именем Либкнехта, присягнуть потом перед лордом-маршом Лондона в том, что я — Либкнехт... Флери сказал мне, что почерк рукописи принадлежит тому лицу, которое написало книгу протоколов, и что *привез ее (из Кельна) Гольдгейм*. Но если Штибер получил книгу протоколов из Лондона через курьера Грейфа, то как мог Гольдгейм привезти из Кельна рукопись мнимого протоколита в то время, когда Грейф уже вновь был в Лондоне?..

То, что Флери мне дал, состояло только из нескольких слов и подписи... Гирш скопировал по возможности точно почерк и составил заявление, что нижеподписавшийся, — Либкнехт, — объявляет засвидетельствованную Марксом и К^о его подпись ложной и признает единственно правильной и подлинной только эту его подпись. Закончив свою работу и держа в своих руках рукопись (переданную ему Флери для копирования), которая, по счастью, находится еще и теперь в моем распоряжении, я, к немалому изумлению Флери, высказал ему свои опасения и решительно отклонил его просьбу. Сперва он был безутешен, но затем заявил, что даст присягу сам... Ради большей верности он намеревался *скрепить свою подпись у прусского консула* и поэтому сперва отправился в его канцелярию. Я ожидал его в одной таверне. Когда он вернулся, у него уже была скрепа консула, после чего он отправился к лорд-мэру для принесения присяги. Но здесь дело не пошло так гладко; лорд-мэр потребовал других поручителей, которых Флери не мог доставить, и дело с присягой лопнуло... Поздно вечером я встретился еще раз — и уже в последний раз — с де-Флери. Как раз в этот день он получил неожиданную неприятность, прочитав в «Kölnische Zeitung» касавшееся его заявление Штибера. «Но я знаю, что Штибер не мог поступить иначе, в противном случае ему пришлось бы скомпрометировать самого себя», утешал себя совершенно правильными соображениями де-Флери... «*В Берлине грянет гром, если кельнцы будут осуждены*», сказал мне де-Флери в одну из наших последних встреч.

Последние встречи Гирша с Флери происходили в *конце октября 1852 г.*; признания Гирша датированы *концом ноября 1852 г.*, а в *конце марта 1853 г.* «*грянул гром в Берлине*» (заговор Ладендорфа).

¹ Читателю интересно будет познакомиться с аттестацией, которую дает сам Штибер своим двум сообщникам, Флери-Краузе и Гиршу. О первом в Черной книге (т. II, стр. 69) сказано следующее:

№ 345. Краузе, Карл Фридрих Август, из Дрездена, сын казенного в 1934 г. за участие в убийстве графини Шемберг в Дрездене Фридриха Августа Краузе, бывшего эконома, затем (после его казни?) хлебного маклера, и еще живой в настоящее время вдовы его, Иоганны Розины, рожденной Гельниц; родился 9 января 1824 г., возле Косвига, недалеко от Дрездена. С 1 октября 1832 г. он посещал школу для бедных в Дрездене, в 1836 г. был принят в сиротский дом в Антонштадте, у Дрездена, и в 1840 г. конфирмирован. Затем он поступил в обучение к купцу Груле в Дрездене, но уже в следующем году был под следствием и осужден городским судом в Дрездене за *неоднократные кражи* к отсидке в тюрьме с зачетом предварительного заключения. По освобождении он без всяких занятий жил у своей матери. В марте 1842 г. он опять был арестован и предан суду за кражу со взломом и был присужден к *четырёхлетнему заключению в каторжной тюрьме*. 23 октября 1846 г. он вышел из тюрьмы и вернулся в Дрезден, где *вращался среди самых отвязанных воров*. В нем приняло участие общество попечения об отбывших наказание преступниках и поместило его в сигарную мастерскую. Там он без перерыва работал до марта 1848 г., получая сносное содержание. Но скоро он опять отдался своей страсти к безделью, стал посещать политические общества (в качестве правительствен-

¹ Из приложения к «Enthüllungen...» в лейпцигском издании 1875 г. Рсд,

ного шпиона, как он сам говорил Гиршу в Лондоне; см. выше). В начале 1849 г. он сделался разносчиком «Dresdener Zeitung», которую редактировал живущий в настоящее время в Америке литератор-республиканец Е. Л. Виттиг из Дрездена; в мае 1849 г. командовал баррикадой на Sophienstrasse во время Дрезденского восстания и, когда оно было подавлено, бежал в Баден, где получил полномочия от временного баденского правительства от 10 и 23 июня 1849 г. организовать ландштурм и реквизировать продовольствие для инсургентов. Он был арестован прусскими войсками и 8 октября 1849 г. бежал из Раштатта (совершенно так же, как впоследствии «бежал» Шерваль из Парижа. Но дальше следует настоящий полицейский букет — не надо забывать, что это было напечатано через два года после кельнского процесса). Согласно появившемуся в № 39 «Berliner Publizist» от 15 мая 1853 г. сообщению, заимствованному из напечатанной в Нью-Йорке книги торгового служащего Вильгельма Гирша «Жертвы шпионажа» (о ангел вещей, Штибер!), Краузе появился в конце 1850 г. или в начале 1851 г. в Лондоне под именем *Шарля де-Флери* в качестве политического эмигранта. Сначала его условия жизни были очень стесненные, но с 1851 г. его положение улучшилось, когда, после его приема в Союз коммунистов (приема, выдуманного Штибером), он стал служить агентом у различных правительств; при этом, однако, попадался в различных мошеннических проделках.

Так Штибер отблагодарил своего друга Флери, который, впрочем, как уже было упомянуто выше, через несколько месяцев после кельнского процесса за подлог был присужден в Лондоне к нескольким годам заключения в каторжной тюрьме.

О почтенном Гирше (там же, стр. 58) сказано:

№ 265. Гирш, Вильгельм, торговый служащий из Гамбурга. Он, повидимому, отправился в Лондон добровольно, а не в качестве эмигранта (к чему эта совершенно бесцельная ложь? — ведь Гольдгейм хотел его арестовать в Гамбурге!). Там он постоянно вращался среди эмигрантов и примкнул к партии коммунистов. Он играл двойственную роль. С одной стороны, он принимал участие в деятельности революционной партии, с другой же стороны, он предлагал континентальным правительствам свои услуги в качестве шпиона как против политических преступников, так и против фальшивомонетчиков. В этом своем последнем качестве он шел на *самые гнусные мошенничества*, совершал обманы, подлоги, так что его необходимо было сильно остерегаться. В союзе с такими же субъектами он *подделывал даже бумажные деньги*, чтобы только за высокое вознаграждение якобы раскрывать полицейским властям фабрики фальшивых денег. Мало-по-малу его развели обе стороны (как полицейские, так и неполицейские фальшивомонетчики?). Из Лондона он переехал в Гамбург, где живет в большой нужде.

Так пишет Штибер о своих лондонских подручных, за «правдивость и надежность» которых он неустанно клятвенно ручается. При этом особенно интересна абсолютная невозможность для этого образцового пруссака сказать чистую правду. Он совершенно не в состоянии удержаться, чтобы не подсунуть хотя бы бесцельных небылиц к верным или неверным фактам, заимствованным из документов. На основании показаний таких профессиональных лжецов, — а их в настоящее время больше, чем когда-либо, — сотни

людей приговариваются к тюрьме. В этом и заключается то, что в настоящее время называют спасением государства.

5. КЛЕВЕТА.

По окончании кельнского процесса коммунистов стали усиленно распространяться — особенно в немецко-американской прессе — клеветнические вымыслы в стиле Фогта об «эксплоатации» мною рабочих. Некоторые из моих проживающих в Америке друзей — И. Вейдемейер, д-р А. Якоби (практикующий врач, один из обвиняемых по кельнскому процессу коммунистов) и А. Клусс (чиновник адмиралтейства Соединенных Штатов в Вашингтоне) опубликовали 7 ноября 1853 г. в Нью-Йорке подробное опровержение этой нелепости, оговорившись при этом, что я имею право *молчать* о своих личных делах, поскольку дело идет о *благосклонности* филистера. «Но, в *противовес* всякому сброду, филистерам и деморализованным бездельникам, мы полагаем, что это вредно для дела, и *мы* нарушаем молчание».

6. ВОЙНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕК.

В цитированном мною раньше памфлете «Рыцарь и т. д.», на странице 5, напечатано:

«... 20 июля 1851 г. было основано Агитационное общество, а 27 июля 1851 г. — немецкий Эмиграционный клуб. С этого дня... начинается... по обеим сторонам океана борьба между «Эмиграцией» и «Агитацией», великая война мышей и лягушек».

Wer giebt die Worte mir und wer die Stimme
Das Grösste gross und würdig zu berichten?
Denn stolzerer Kampf geführt mit wilderem Grimme,
Ward seit der Welt Beginn gesehn mit Nichten;
Die andern Schlachten, wenn auch noch so schlimme,
Sind Veilchen nur und Rosen, und mein Dichten
Versagt mir, wo Bravour und Ehrenglorie
Gleich herrlich strahlt in dieses Kampfs Historie.
(Nach Bojardo. Orlando Inammorato. Canto 27.)

[Кто голос даст, слова кто мне подскажет
Великое оповестить достойно?
Славней борьбы никто нам не укажет
С начала мира ни в одну из войн.
Бои жестокие хотя бывали,
Фиалки то и розы. Стих тускнеет,
Где доблесть и величие блистали
И где геройской славы знамя рдеет.

(По Боярдо. Влюбленный Орланд. Песнь 27.)]

В мои задачи отнюдь не входит вдаваться здесь в подробности «*dieses Kampfs Historie*» [«истории этой борьбы»], а также о достигнутом 13 августа 1852 г. между *Готфридом Кинкелем*, от имени Эмиграционного клуба, и *А. Гегом*, от имени Революционного союза Старого и Нового Света, «предварительном соглашении относительно *договора Союза*» (*verbotenus* [дословно] и под этим названием опубликовано во всей немецко-американской печати). Я замечу только, что вся *парламентская* эмиграция принимала с той или другой стороны участие в маскараде, за немногими исключениями (лиц, вроде *К. Фогта*, избегала тогда каждая партия из одного только чувства приличия).

Страстоцвет немецкого филистерства Готфрид Кинкель под конец своего революционно-агитационно-увеселительного турне по Соединенным Штатам высказал в «*Записке о немецком национальном займе для содействия революции (Эльмира, в штате Нью-Йорк, 22 февраля 1852 г.)*» взгляды, ценные, по меньшей мере, своей крайней простотой. Готфрид полагает, что с устройством революций дело обстоит так же, как со строительством железных дорог. Если только имеешь деньги, то имеешь в одном случае железную дорогу, а в другом — революцию. В то время как нация должна носить в груди жажду революции, устроители революции должны иметь наличные деньги в кармане, и все поэтому сводится к «небольшому, хорошо вооруженному отряду, *богато* снабженному деньгами». Вот к каким идейным блужданиям меркантильный ветер Англии приводит даже мелодраматические головы. Если все здесь делается на акциях, даже «общественное мнение», то почему бы не быть и акционерному обществу «для содействия революции»?

Во время одной публичной встречи с *Кошутом*, который тогда также вел революционную агитацию в Соединенных Штатах, *Готфрид* очень эстетично выразился: «Даже из ваших чистых рук дарованная свобода была бы, правитель, для меня черствым куском хлеба, который я смочил бы *слезами своего стыда*». Поэтому *Готфрид*, так внимательно смотревший даровому коню в зубы, уверял правителя, что если тот преподнесет ему «революцию с Востока», то он, Готфрид, со своей стороны, вручит правителю в качестве эквивалента «революцию с Запада». Семь лет спустя, в основанном им самим «Негмалл», тот же Готфрид уверяет, что он человек редкой последовательности, и как он провозгласил перед военным судом в Раштатте принца-регента императором Германии, так он постоянно и придерживался этого девиза.

Один из первоначальных трех распорядителей и кассир револю-

ционного займа граф Оскар Рейхенбах опубликовал под датой *Лондон, 8 октября 1852 г.* денежный отчет с заявлением, в котором он отрекается от предприятия, причем добавляет: «Во всяком случае, я не могу передать и не передам денег гражданам Кинкелю и т. д.». В то же время он предлагал акционерам получить по временным заемным квитанциям находившиеся в кассе деньги. К отказу от заведывания кассой и т. д., говорит он, «меня побуждают политические и юридические соображения... Предположения, на которых основывалась идея займа, не оправдались. Сумма в 20 000 долларов, по реализации которой только и надо было бы приступить к займу, не была поэтому собрана... Предложение основать периодический орган для идейной агитации не встречает отклика. Только политические шарлатаны или помешанные на революции могут считать теперь осуществимой идею займа и допускать в данный момент возможность одинаково справедливой по отношению ко всем фракциям, следовательно беспристрастной, действительно-революционной затраты денег». Но революционную веру Готфрида не так легко было поколебать, и он раздобыл для этого случая «постановление», давшее ему возможность продолжать дело под другой фирмой.

В отчете Рейхенбаха содержится любопытное указание: «За взносы, — говорит он, — уплаченные комитетами позднее *не мне, а другим лицам*, нельзя сделать ответственными поручителей, на что при инкассировании квитанций и производстве расчетов я и прошу комитеты обратить свое внимание». *Доходы* составляли, по его отчету, 1 587 ф. 6 ш. 4 п., из которых на долю Лондона падают 2 ф. 5 ш., а на долю *Германии* — 9 ф. *Расходы* в сумме 584 ф. 18 ш. 5 п. состоят из следующих статей: *путевые издержки Кинкеля и Хильгертнера* 220 ф.; *путевые издержки других лиц* 54 ф.; *литографский станок* 11 ф.; *изготовление временных квитанций* 14 ф.; *литографированная корреспонденция, расходы по пересылке* и т. д. 106 ф. 1 ш. 6 п.; *по указанию Кинкеля* и т. д. 100 ф.

Революционный заем закончился 1 000 фунтами, которые Готфрид Кинкель держит в Вестминстерском банке наготове как первые деньги для ближайшего немецкого временного правительства. А временного правительства все нет, как нет! Повидимому, Германия думает, что с нее достаточно 36 наличных правительств.

Некоторые американские суммы по займу, не попавшие в лондонскую центральную кассу, нашли в отдельных случаях патристическое применение, как, например, 100 ф., переданные Готфридом Кинкелем весной 1858 г. Карлу Блинду для превращения их в «радикальные прокламации» и т. д.

7. ПОЛЕМИКА О ПАЛЬМЕРСТОНЕ.

Council Hall, Sheffield, May 6th. 1856.

Doctor,

The Sheffield Foreign Affairs Committee instruct me to convey to you an expression of their warm thanks for the great public service you have rendered by your admirable *exposé* of the Kars-Papers published in the «People's Paper».

I have the honour, etc.

Wm. Cycles, *Secretary*.

Dr. Karl Marx.

[Совет, Шеффилд, 6 мая 1856 г.]

Доктор!

Шеффилдский комитет по иностранным делам поручил мне выразить вам горячую благодарность за крупную общественную услугу, оказанную вами нашим замечательным *exposé* [обзором] документов о Карсе, опубликованным в «People's Paper».

Имею честь и т. д.

В. Сайплс, *секретарь*.

Д-ру Карлу Марксу.]

8. ЗАЯВЛЕНИЕ А. ШЕРЦЕРА.

А. Шерцер, начиная с 30-х годов принимавший почтенное участие в рабочем движении, писал мне 22 апреля 1860 г. из Лондона:

Многоуважаемый гражданин!

Я не могу не протестовать против одного, касающегося меня лично места среди отвратительной лжи и гнусных наветов фогтовской брошюры. Именно, в помещенном в «Schweizer Handelscourier» (№ 150, июнь, приложение) документе № 7 напечатано: «Нам известно, что в настоящее время в Лондоне предпринимаются новые шаги. Письма за подписью А. Ш... посылаются оттуда обществам и отдельным лицам и т. д.». Эти «письма», повидимому, дали К. Фогту повод написать в другом месте своей книги: «В начале этого года (1859) появилась как будто новая почва для политической агитации. Немедленно же этим обстоятельством воспользовались, чтобы по возможности снова приобрести некоторое влияние. В этом отношении тактика за много лет не изменилась. Комитет, о котором, как поется в старой песенке, «никто ничего не знает», рассылает через совершенно неизвестного также председателя или секретаря письма и т. д. и т. д. Когда, таким образом, позондирована почва, в районе появляются «странствующие братья», которые немедленно принимаются за организацию тайного союза. Самое общество, которое собираются скомпрометировать, ничего не знает об этих махинациях, составляющих сепаратное покушение нескольких лиц; даже переписка, ведущаяся от имени общества, в большинстве случаев совершенно ему неизвестна; в письмах, однако, всегда говорится «наше общество» и т. д. И преследования полиции, которые неизбежно за этим следуют и опираются на определенные документы, обращаются всегда против всего общества и т. д.»

Почему К. Фогт не *перепечатал всего письма*, на которое он ссылается в документе № 7? Почему он не «позондировал» источника, из которого исходил? Он без труда узнал бы, что открыто существующее *Лондонское рабочее просве-*

тительное общество в публичном заседании назначило Комитет связи, в который я имел честь быть избранным. Если Фогт говорит о неизвестных секретарях и т. п., то мне очень приятно быть неизвестным ему, но я с удовлетворением могу заявить, что меня знают тысячи немецких рабочих, которые приобретали научные знания у людей, которых он теперь оклеветал. Времена переменялись. Период тайных обществ прошел. Нелепо говорить о тайном союзе или сепаратном покушении, когда дела открыто разбираются в рабочем обществе и на каждое заседание в качестве гостей туда приходят посторонние. Подписанные мною письма составлялись так, что из-за них ни у кого и волос не мог упасть с головы. Нам, немецким рабочим в Лондоне, важно было только узнать настроение рабочих обществ на континенте и основать газету, которая защищала бы интересы рабочего класса и боролась бы с наемными перьями враждебного лагеря. Ни одному немецкому рабочему не приходило, конечно, в голову действовать в интересах Бонапарта, на что способен только какой-нибудь Фогт или ему подобные. Мы ненавидим австрийский деспотизм, наверное, не меньше Фогта, но мы не стремимся к его поражению чужим деспотом. Каждый народ должен сам себя освободить. Не странно ли, что Фогт считает себя в праве прибегать к тем средствам, использование которых в борьбе против его интриг он нам вменяет в преступление? Если Фогт утверждает, что он не состоит на жаловании у Бонапарта, а деньги для основания газеты получил только из демократических рук, и этим хочет обелить себя, то как он, при всей своей учености, может проявлять столько тупости, чтобы обвинять и заподозревать рабочих, которые едут к благу своей родины и ведут пропаганду в пользу основания газеты?

С полным уважением

А. Шерцер».

9. СТАТЬЯ БЛИНДА В «FREE PRESS» ОТ 27 МАЯ 1859 Г.

The Grand Duke Constantine to be King of Hungary.

A Correspondent, who encloses his card, writes as follows:—

Sir, — Having been present at the last meeting in the Music Hall, I heard the statement made concerning the Grand-Duke Constantine. I am able to give you another fact:—

So far back as last summer, Prince Jerome Napoleon detailed to some of his confidants at Geneva a plan of attack against Austria, and prospective rearrangement of the map of Europe. I know the name of a Swiss senator to whom he broached the subject. Prince Jerome, at that time, declared that, according to the plan made, *Grand-Duke Constantine was to become King of Hungary.*

I know further of attempts made, in the beginning of the present year, to win over to the Russo-Napoleonic scheme some of the exiled German Democrats, as well as some influential Liberals in Germany. Large pecuniary advantages were held out to them as a bribe. I am glad to say that these offers were rejected with indignation.

[Перевод в тексте см. стр. 344.]

10. ПИСЬМА Г. ОРГЕСА.

Милостивый государь!

Сегодня я получил от г. Либкнехта сообщение, что вы имеете доброе намерение любезно предоставить в наше распоряжение судебный документ о

памфлете против Фогта, *относящийся к истории его происхождения*. Убедительно прошу вас переслать мне его и по возможности скорее, чтобы мы могли представить его на суде. Прошу вас прислать этот документ заказной почтой и все расходы поставить нам в счет. К тому же, милостивый государь, либеральная партия недооценивает иногда «Allgemeine Zeitung»; мы (редакция) выдержали все испытания огнем и водой на верность политическим убеждениям. Если вы будете судить не на основании той или иной отдельной статьи, а всей нашей работы в целом, то убедитесь, что ни одна немецкая газета так не работает, без торопливости, но и не устанно, для единства и свободы, для могущества и культуры, для умственного и материального прогресса, для подъема национального сознания и нравственности немецкого народа, что ни одна из них не добилась большего, чем мы. Вы должны судить о нашей деятельности по ее результатам. Еще раз убедительнейше прошу о любезном исполнении своей просьбы.

С полным уважением всецело преданный вам

Аугсбург, 16/10.

Герман Оргес.

Второе письмо *от того же* числа было только *выдержкой* из первого, «*посланной*», как выражается Оргес, «*ради вящшей осторожности*»; в нем также содержится просьба о «*скорейшей пересылке*» любезно предоставляемого вами, как пишет г. Либкнехт, в наше распоряжение документа о *происхождении* известного памфлета против Фогта.

11. ЦИРКУЛЯР ПРОТИВ К. БЛИНДА.

Из своего английского циркуляра против Блинда от 4 февраля 1860 г. я приведу здесь только заключительные строки.

Now, before taking any further step, I want to show up the fellows who evidently have played into the hands of Vogt. I, therefore, publicly declare that the statement of Blind, Wiehe and Hollinger, according to which the anonymous pamphlet was *not* printed in Hollinger's office, 3, Litchfield Street, Soho, is a *deliberate lie*. First, Mr. Voegele, one of the compositors, formerly employed by Hollinger, will declare upon oath that the said pamphlet *was* printed in Hollinger's office, was written in the hand-writing of *Mr. Blind*, and partly composed by Hollinger himself. Secondly, it can be judicially proved that the pamphlet and the article in «*Das Volk*», have been taken off the same types. Thirdly, it will be shown that Wiehe was *not* employed by Hollinger for eleven consecutive months, and, especially, *was not* employed by him at the time of the pamphlet's publication. Lastly, witnesses may be summoned in whose presence Wiehe himself confessed having been persuaded by Hollinger to sign the *wilfully false declaration in the Augsburg Gazette*. Consequently, I again declare the above said *Charles Blind* to be a *deliberate liar*.

Karl Marx.

[Теперь, прежде чем предпринять дальнейшие шаги, я должен разоблачить молодцов, которые сыграли на руку Фогту. Поэтому я заявляю публично, что утверждение Блинда, Вие и Холлингера, согласно которому анонимный пам-

флет не был напечатан в типографии Холлингера, 3, Litchfield Street, Soho, — *предумышленная ложь*. Во-первых, г. Фегеле, работавший прежде у Холлингера, готов заявить под присягой, что названный памфлет *печатался* в типографии Холлингера, был написан рукой г. Блинда и был набран частично самим Холлингером. Во-вторых, судебным порядком может быть доказано, что памфлет и статья в «Volk» напечатаны с одного и того же набора. В-третьих, будет показано, что Вие не работал у Холлингера одиннадцать месяцев под-ряд и что, в частности, он не работал у него во время издания памфлета. Наконец, можно вызвать свидетелей, в присутствии которых сам Вие признавался, что Холлингер убедил его подписать *умышленно ложное заявление в «Аугсбургскую Газету»*¹. Поэтому я еще раз заявляю, что вышеназванный Карл Блинд *умышленно лжест*.

Карл Маркс.]

[11^a] From the London «Times», February 3rd;

Vienna, January 30th. — The Swiss Professor Vogt pretends to know that France will procure for Switzerland Faucigny, Chablais and the Genevese, the neutral provinces of Savoy, if the Grand Council of the Republic will let her have the free use of the Simplon.

[Из Лондонского «Times» от 3 февраля.]

Вена, 30 января. — По сведениям швейцарского профессора Фогта, Франция предоставит Швейцарии нейтральные области — Савойю, Фосиньи, Шабле и Женевское графство, если Большой совет республики предоставит ей свободное пользование Симпломом.]

12. AFFIDAVIT ФЕГЕЛЕ.

I declare herewith:

that the German flysheet «Zur Warnung» (A Warning) which was afterwards reprinted in No. 7 (d. d. 18th June 1859) of «Das Volk» (a German paper which was then published in London) and which was again reprinted in the «Allgemeine Zeitung» of Augsburg (the Augsburg Gazette) — that this flysheet was composed partly by Mr. Fidelio Hollinger, of 3, Litchfield Street, Soho, London, partly by myself, who was then employed by Mr. Fidelio Hollinger, and that the flysheet was published in Mr. F. Hollinger's Printing office, 3, Litchfield Street, Soho, London; that the manuscript of the said flysheet was in the hand-writing of Mr. Charles Blind; that I saw Mr. F. Hollinger give to Mr. William Liebknecht of 14, Church Street, Soho, London, the proofsheets of the flysheet «Zur Warnung»; that Mr. F. Hollinger hesitated at first giving the proofsheets to Mr. W. Liebknecht, and, that, when Mr. Liebknecht had withdrawn, he, Mr. F. Hollinger, expressed to me, and to my fellow workman J. F. Wiehe, his regret for having given the proofsheets out his hands.

Declared at the Police Court, Bow Street, in the County of Middlesex, the eleventh day of February 1860, before me J. Henry, one of the Police Magistrates of the Metropolis.

L. S.

A. Voegelé.

¹ «Augsburger Allgemeine Zeitung» *Ред.*

[Сим заявляю:

что немецкий памфлет «Предостережение», который был потом напечатан 18 июня 1859 в № 7 «Volk» (немецкой газеты, выходившей тогда в Лондоне) и снова перепечатан в «Augsburger Allgemeine Zeitung», — что он был набран отчасти г. Фиделио Холлингером, 3, Litchfield Street, Soho, London, отчасти мной самим, работавшим тогда у г. Фиделио Холлингера, и что памфлет этот был издан в типографии г. Ф. Холлингера, 3, Litchfield Street, Soho, London, что рукопись названного памфлета была написана рукой г. Карла Блинда; что я видел как г. Холлингер дал г. Вильгельму Либкнехту, 14, Church Street, Soho, London, корректурные листы памфлета «Предостережение». и что, когда г. В. Либкнехт ушел, он, г. Ф. Холлингер, выразил мне и моему товарищу, рабочему г. П. Ф. Вие, свое сожаление, что он выпустил из своих рук корректурные листы.

Заявлено в полицейском управлении Bow Street, в графстве Мидлсекс, 11 февраля 1860 г. в присутствии полицейского судьи столицы г. Дж. Генри.

М. П.

А. Фегеле.]

13. AFFIDAVIT ВИЕ.

One of the first days of November last—I do not recollect the exact date—in the evening between nine and ten o'clock I was taken out of bed by Mr. F. Hollinger, in whose house I then lived, and by whom I was employed as compositor. He presented to me a paper to the effect, that, during the preceding eleven months I had been continuously employed by him, and that during all that time a certain German flysheet «Zur Warnung» (A Warning) had not been composed and printed in Mr. Hollinger's Office, 3, Litchfield Street, Soho. In my perplexed state, and not aware of the importance of the transaction, I complied with his wish, and copied, and signed the document. Mr. Hollinger promised me money, but I never received anything. During that transaction Mr. Charles Blind, as my wife informed me at the time, was waiting in Mr. Hollinger's room. A few days later, Mrs. Hollinger called me down from dinner and led me into her husband's room, where I found Mr. Charles Blind alone. He presented me the same paper which Mr. Hollinger had presented me before, and entreated me to write, and sign a second copy, as he wanted two, the one for himself, and the other for publication in the Press. He added that he would show himself grateful to me. I copied and signed again the paper.

I herewith declare the truth of the above statements and that:

1) During the 11 months mentioned in the document I was for *six* weeks not employed by Mr. Hollinger, but by a Mr. Ermani.

2) I did not work in Mr. Hollinger's Office just at that time when the flysheet: «Zur Warnung» (A Warning) was published.

3) I heard at the time from Mr. Voegele, who then worked for Mr. Hollinger, that he, Voegele, had, together with Mr. Hollinger himself, composed the flysheet in question, and that the manuscript was in Mr. Blind's handwriting. 4) The types of the pamphlet were still standing when I returned to Mr. Hollinger's service. I myself broke them into columns for the reprint of the flysheet (or pamphlet) «Zur Warnung» (A Warning) in the German paper «Das Volk» published at London, by Mr. Fidelio Hollinger, 3, Litchfield Street, Soho. The flysheet appeared in Nr. 7 d. d. 18th June, 1859, of «Das Volk» (The People). 5) I saw Mr. Hollinger give to Mr. William Liebknecht, of 14, Church Street, Soho, London, the

proofsheet of the pamphlet «Zur Warnung», on which proofsheets Mr. Charles Blind with his own hand corrected four or five mistakes. Mr. Hollinger hesitated at first giving the proofsheets to Mr. Liebknecht, and when Mr. Liebknecht had withdrawn, he, F. Hollinger, expressed to me and my fellow workman Voegelé his regret for having given the proofsheets out of his hands.

Declared and signed by the said Johann Friedrich Wiehe at the Police Court, Bow Street, this 8th day of February, 1860, before me *J. Henry*, Magistrate of the said court.

L. S.

Johann Friedrich Wiehe.

[Перевод в тексте см. стр. 349—350.]

14. ИЗ ДОКУМЕНТОВ ПРОЦЕССА.

Gouvernement Provisoire

République Française. Liberté, Egalité, Fraternité.

Au Nom du Peuple Français.

Paris, 1 Mars 1848.

Brave et loyal Marx,

Le sol de la république française est un champs d'asyle pour tous les amis de la liberté. La tyrannie vous a banni, la France libre vous rouvre ses portes, à vous et à tous ceux qui combattent pour la cause sainte, la cause fraternelle de tous les peuples. Tout agent du gouvernement français doit interpréter sa mission dans ce sens. Salut et fraternité.

Ferdinand Flocon, Membre du Gouvernement Provisoire.

«Bruxelles, le 13 Mai, 1848.

Mon cher Monsieur Marx,

J'entends avec un grand plaisir par notre ami Weerth que vous allez faire paraître à Cologne une «Nouvelle Gazette Rhénane» dont il m'a remis le prospectus. Il est bien nécessaire que cette feuille nous tienne au courant en Belgique des affaires de la démocratie allemande, car il est impossible d'en rien savoir de certain ici par la «Gazette de Cologne», la «Gazette Universelle d'Augsbourg» et les autres gazettes aristocratiques de l'Allemagne que nous recevons à Bruxelles, non plus que par notre «Indépendance Belge» dont toutes les correspondances particulières sont conçues au point de vue des intérêts de notre aristocratie bourgeoise. M. Weerth me dit qu'il va vous joindre à Cologne pour contribuer à l'entreprise de la «Nouvelle Gazette Rhénane»; et il me promet en votre nom l'envoi de cette feuille en échange du «Débat Social» que je vous enverrai de mon côté. Je ne demande pas mieux aussi que d'entretenir avec vous une correspondance sur les affaires communes à nos deux pays. Il est indispensable que les Belges et les Allemands ne restent pas trop étrangers les uns aux autres, dans l'intérêt commun des deux pays: car il se prépare en France des événements qui ne tarderont pas à mettre en jeu des questions qui toucheront les deux pays ensemble. Je reviens de Paris où j'ai passé une dizaine de jours que j'ai employés de mon mieux à me rendre compte de la situation de cette grande capitale. Je me suis trouvé, à la fin de mon séjour, juste au milieu des affaires du 15 mai. J'assistais même à la séance où s'est passé le fait de l'irruption du peuple dans l'assemblée nationale.

... Tout ce que j'ai compris, à voir l'attitude du peuple parisien et à entendre parler les principaux personnages qui sont en ce moment dans les affaires de la république française, c'est qu'on s'attend à une forte réaction de l'esprit bourgeois contre les événements de février dernier; les affaires du 15 mai précipiteront sans doute cette réaction. Or, celle-ci amenera indubitablement dans peu de temps un nouveau soulèvement du peuple... La France devra bientôt recourir à la guerre. C'est pour ce cas là que nous aurons à aviser, ici et chez vous, sur ce que nous aurons à faire ensemble. Si la guerre se porte d'abord vers l'Italie nous aurons du répit... Mais si elle se porte sur le champ vers ce pays-ci je ne sais pas trop encore ce que nous aurons à faire, et alors nous aurons besoin du conseil des Allemands... En attendant j'annoncerai dans le «Débat Social» de dimanche la publication prochaine de votre nouvelle feuille... Je compte aller à Londres vers la fin du mois de juin prochain. Si vous avez occasion d'écrire à Londres à quelques amis, veuillez les prier de m'y faire accueil. Tout à vous cordialement.

L. Jottrand. Avt.

Bruxelles, 10 Févr., 1860,

Mon cher Marx,

N'ayant pas de vos nouvelles, depuis très longtemps, j'ai reçu votre dernière avec la plus vive satisfaction. Vous vous plaignez du retard des choses, et du peu d'empressement de ma part de vous répondre à la question que vous m'aviez faite. Que faire: l'âge ralentit la plume; j'espère cependant que vous trouverez mes avis et mon sentiment toujours les mêmes. Je vois que votre dernière est tracée à la dictée par la main de votre secrétaire intime, de votre adorable moitié: or Madame Marx ne cesse de se rappeler du vieux hermite de Bruxelles. Qu'elle daigne recevoir avec bonté mes salutations respectueuses.

Conservez moi, cher confrère, dans vos amitiés. Salut et fraternité,

Lelewel.

5, Cambridge Place, Kensington, London, Feb. 11th, 1860.

My dear Marx,

I have read a series of infamous articles against you in the «National Zeitung» and am utterly astonished at the falsehood and malignity of the writer. I really feel it a duty that every one who is acquainted with you, should, however unnecessary such a testimony must be, pay a tribute to the worth, honour and disinterestedness of your character. It becomes doubly incumbent in me to do so, when I recollect how many articles you contributed to my little magazine, the «Notes of the People», and subsequently to the «People's Paper», for a series of years, utterly gratuitously; articles which were of such high value to the people's cause, and of such great benefit to the paper. Permit me to hope that you will severely punish your dastardly and unmanly libeller.

Believe me, my dear Marx, most sincerely, yours,

Dr. Karl Marx,

Ernest Jones.

Tribune Office, New-York, March 8th, 1860.

My dear Sir,

In reply to your request I am very happy to state the facts of your connection with various publications in the United States concerning which I have

had a personal knowledge. Nearly nine years ago I engaged you to write for the «New-York Tribune» and the engagement has been continued ever since. You have written for us constantly, without a single week's interruption, that I can remember; and you are not only one of the most highly valued, but one of the best paid contributors attached to the journal. The only fault I have had to find with you has been that you have occasionally exhibited too German a tone of feeling for an American newspaper. This has been the case with reference both to Russia and France. In questions relating to both, Czarism and Bonapartism, I have sometimes thought that you manifested too much interest and too great anxiety for the unity and independence of Germany. This was more striking perhaps in connection with the late Italian war than on any other occasion. In that I agreed perfectly with you: *sympathy with the Italian people*. I had as little confidence as you in the sincerity of the French Emperor, and believed as little as you that *Italian liberty* was to be expected from him; but I did not think that Germany had any such ground for alarm as you, in common with other patriotic Germans, thought she had.

I must add that in all your writings which have passed through my hands, you have always manifested the most cordial interest in the welfare and progress of the labouring classes; and that you have written much with direct reference to that end.

I have also at various times within the past five or six years been the medium through which contributions of yours have been furnished to «Putnam's monthly», a literary magazine of high character; and also to the «New American Cyclopaedia», of which I am also an editor, and for which you have furnished some very important articles.

If any other explanations are needed I shall be happy to furnish them. Meanwhile I remain, yours very faithfully,

Charles A. Dana, Managing Editor of the «N. Y. Tribune».

Dr. Charles Marx.

[*Временное правительство.* Французская республика. Свобода, Равенство и Братство. От имени *французского народа*.]

Париж, 1 марта 1848 г.

Мужественный и честный Маркс!

Французская республика — место убежища для всех друзей свободы. Тирания вас изгнала, свободная Франция открывает вам свои двери, вам и всем тем, кто борется за святое дело, за братское дело всех народов. Всякий агент французского правительства должен исполнять свою миссию в этом духе. Привет и братство.

Фердинанд Флокон, член Временного правительства.

Брюссель, 13 мая 1848 г.

Дорогой Маркс!

Я с большим удовольствием узнал от нашего друга Веерта, что вы собираетесь издавать в Кельне «Новую Рейнскую Газету», объявление о которой он мне доставил. Необходимо, чтобы эта газета держала нас в Бельгии в курсе дел немецкой демократии, так как здесь невозможно знать ничего достоверного об этом по «Kölnische Zeitung», по «Allgemeine Augsburger Zeitung» и по другим аристократическим немецким газетам, которые мы получаем в Брюсселе, а также по

нашей «Indépendance Belge», все специальные корреспонденции которой составлены с точки зрения интересов нашей буржуазной аристократии. Веерт сказал мне, что он собирается ехать к вам в Кельн, чтобы принять участие в организации «Новой Рейнской Газеты». Он обещал мне от вашего имени присылать эту газету в обмен на «Débat Social», которую я, со своей стороны, буду посылать вам. Я очень рад, что буду иметь возможность поддерживать с вами переписку о делах, общих обоим нашим странам. В интересах обеих стран необходимо, чтобы бельгийцы и немцы не оставались отчужденными друг от друга, так как во Франции готовятся события, которые неизбежно затронут интересы, касающиеся обеих наших стран. Я вернулся из Парижа, где провел с десяток дней, стараясь по возможности лучше выяснить себе положение этой великой столицы. В конце моего пребывания там я оказался в самой гуще событий 15 мая. Я присутствовал даже на заседании Национального собрания, во время которого народ ворвался в зал заседаний... Наблюдая занятую парижским народом позицию и выслушивая речи главных современных деятелей французской республики, я понял, что ожидается сильная реакция в настроениях буржуазии против февральских событий; история 15 мая, без сомнения, ускорит эту реакцию. А последняя, несомненно, очень скоро приведет к новому восстанию народа... Франция должна будет вскоре прибегнуть к войне. На этот случай мы и должны здесь и у вас обдумать наши совместные действия. Если война будет сначала с Италией, то у нас будет передышка... Но если она немедленно будет направлена против нашей страны, то я не знаю еще, что нам придется делать, и в этом случае нам понадобится совет немцев... А пока я в воскресенье анонсирую в «Débat Social» о предстоящем вскоре выходе вашей новой газеты... Я рассчитываю поехать в Лондон в конце июня этого года. Если вам представится случай писать в Лондон своим друзьям, то благоволиите просить их принять меня. Сердечно вам преданный

Л. Жоттман, адвокат.

Брюссель, 10 февраля 1860 г.

Дорогой Маркс!

Не получая очень долго от вас вестей, с живейшим удовлетворением прочел ваше последнее письмо. Вы жалуетесь на то, что все идет так медленно и что я не поторопился ответить на ваш вопрос. Что делать, с возрастом перо становится все ленивее. Но я надеюсь, что вы найдете мои чувства и мои мысли всегда одними и теми же. Я вижу, что ваше последнее письмо написано под вашу диктовку рукой вашего интимного секретаря, вашей очаровательной супруги. Г-жа Маркс, вероятно, вспоминает еще старого брюссельского отшельника. Да благоволит она принять мой почтительный привет.

Не забывайте, дорогой собрат, вашей дружбы ко мне. Привет и братство.

Леггелль.

5, Cambridge Place, Kensington, Лондон, 11 февраля 1860 г.

Дорогой Маркс!

Я прочел ряд гнусных статей против вас в «Nationalzeitung» и крайне поражаюсь лживости и злорадству их автора. Я считаю обязанностью каждого, кто знаком с вами, — как ни излишни подобные свидетельства, — воздать должное вашей доблести, честности и бескорыстию. На мне этот долг лежит еще

вдвойне; я вспоминаю, как много статей вы дали для моего небольшого журнала «Notes of the People», а впоследствии «People's Paper», за целый ряд лет совершенно безвозмездно, — статей, которые были так важны для дела народа и так ценны для газеты. Позвольте мне надеяться, что вы сурово накажете вашего низкого и трусливого пасквилянта.

Примите, мой дорогой Маркс, искреннейшее уверение в моей преданности,
Д-ру Карлу Марксу.

Ваш Эрнест Джонс.

Редакция «Трибуны», Нью-Йорк, 8 марта 1860 г.

Дорогой сэр!

В ответ на ваш запрос я очень счастлив установить факт вашей связи с различными появившимися в Соединенных Штатах изданиями, относительно которых у меня есть личные сведения. Лет девять тому назад я пригласил вас в «Нью-Йоркскую Трибуну», и с тех пор это предложение неизменно повторялось. Вы писали для нас постоянно, без перерыва даже на одну неделю, насколько я помню. И вы не только один из наиболее ценимых, но и один из наилучше оплачиваемых сотрудников газеты. Единственный недостаток, который я мог бы отметить у вас, это то, что вы иногда обнаруживали слишком немецкие для американской газеты симпатии. Это имело место как в отношении России, так и Франции. В вопросах, касавшихся царизма и бонапартизма, мне по временам казалось, что вы обнаруживаете слишком много интереса и слишком много опасений за единство и независимость Германии. Может быть, особенно резко это обнаруживалось в связи с последней итальянской войной. Я вполне был солидарен с вами в симпатиях к итальянскому народу; я так же мало доверял, как и вы, искренности французского императора и так же мало, как и вы, думал, что от него можно ожидать *итальянской свободы*, — но я не думал, что у Германии есть такие основания для тревоги, как думали это вы вместе с другими немцами-патриотами.

Я должен прибавить, что во всех ваших статьях, прошедших через мои руки, вы всегда обнаруживали живейший интерес к благополучию и прогрессу трудящихся классов и что многие ваши труды имели прямое отношение к этому вопросу.

Я был также не раз за последние пять-шесть лет посредником, через которого проходили ваши работы, предназначавшиеся для «Putnam's Monthly», очень солидного литературного журнала, а также для «New American Cyclopaedia», издателем которой я также состою и для которой вы прислали несколько очень важных статей.

Если вам потребуются другие объяснения, то я буду счастлив дать их вам. А пока остаюсь искренне ваш

Чарльз А. Дана, редактор-издатель «New-York Tribune».

Д-ру Карлу Марксу.]

15. ПАМФЛЕТЫ ДАНТЮ.

Я показал, что памфлеты Дантю служат источником, откуда немецкий Да-Да черпал свою мудрость в области всемирной истории вообще и «спасительной политики Наполеона» в частности.

«*Спасительная политика Наполеона*» — выражение, заимствованное из одной новейшей статьи «демократа» *Ф. Цабеля*. О том, что думают и знают *сами французы* об этих памфлетах, можно составить себе представление по следующей выдержке из парижского еженедельника «*Courrier du Dimanche*» № 42 от 14 октября 1860 года.

Pour ce qui regarde le moment actuel, prenez dix brochures au hasard; et vous reconnaîtrez que neuf au moins ont été pensées, élaborées, écrites... par qui? par des romanciers de profession, par des chansonniers, par des vaudevillistes, par des sacristains!

Parle-t-on dans les gazettes de mystérieuses entrevues entre les puissances du Nord, de la Sainte-Alliance qui ressuscite? Vite, voilà un faiseur agréable de couplets assez littéraires, et même (jadis) passablement libéraux, qui court chez l'inévitable *M. Dentu* et lui apporte sous ce titre ronflant: La coalition; une longue et fade paraphrase des articles de *M. Grandguillot*. L'alliance anglaise semble déplaire parfois à *M. Limayrac*? Vite, un *M. Châtelier*, chevalier de l'ordre de Grégoire le Grand, et qui doit être sacristain quelque part si j'en crois son style, publie ou republie un long et ridicule factum: *Crimes et délits de l'Angleterre contre la France*. Déjà l'auteur du *Compère Guillery* (*Edmond About*) avait jugé à propos de nous édifier sur les arcanes politiques de la monarchie prussienne, et avait donné du haut de ses chutes théâtrales, des conseils de prudence aux chambres de Berlin. On annonce que *M. Clairville* va prochainement élucider la question de l'isthme de Panama, si fort embrouillée par *M. Belly*; et sans doute quelques jours après la conférence royale du 21 Octobre, on verra paraître à toutes les vitrines de nos libraires une splendide brochure rose qui portera ce titre: *Mémoire sur l'entrevue de Varsovie par le corps de ballet de l'Opéra*.

Cette invasion, en apparence inexplicable, des questions politiques par les *dii minores* de la littérature, se rattache à bien des causes. Nous en citerons ici une seule, mais qui est la plus immédiate et la plus incontestable.

Dans le marasme presque universel d'esprit et de coeur, ces messieurs, qui font le triste métier d'amuseurs publics, ne savent plus par quel moyen secouer et réveiller leurs lecteurs. Les vieilles gaités de leurs refrains et de leurs anecdotes leur reviennent sans cesse. Eux-mêmes se sentent aussi mornes, aussi tristes, aussi ennuyés que ceux qu'ils entreprennent de dérider. Voilà pourquoi à bout de ressources, ils se sont mis, en désespoir de cause, à écrire les uns des mémoires de courtisanes, les autres des brochures diplomatiques.

Puis, un beau matin, un aventurier de la plume, qui n'a jamais fait à la politique le sacrifice d'une heure sérieuse d'étude, qui n'a pas même au coeur le semblant d'une conviction, quelle qu'elle soit, se lève et se dit: «J'ai besoin de frapper un grand coup! Voyons! que ferai-je pour attirer sur moi l'attention générale qui me fuit d'instinct? Ecrirai-je un opuscule sur la question *Leotard* ou sur la question d'Orient? Révélerai-je au monde surpris le secret de boudoirs où je n'entrai jamais, ou celui de la politique russe qui m'est plus étrange encore? Dois-je m'attendrir en prose voltairienne sur les *femmes éclaboussées* ou en prose évangélique sur les malheureuses populations maronites traquées, dépouillées, massacrées par le fanatisme mohométan? Lancerai-je une apologie de mademoiselle *Rigolboche* ou un plaidoyer en faveur du pouvoir temporel? Décidément, j'opte pour la politique, j'amuserai encore mieux mon public avec les rois et les

empereurs, qu'avec les lorettes». Cela dit, notre surnuméraire de la littérature bohème compulse le «Moniteur», hante quelques jours les colonnades de la Bourse, rend visite à quelques fonctionnaires et sait enfin de quel côté souffle le vent de la curiosité à la ville, ou celui de la faveur à la cour; il choisit alors un titre que ce vent puisse enfler d'une façon suffisante et se repose content sur ses lauriers. Aussi bien son oeuvre est faite désormais: car aujourd'hui, en matière de brochure, il n'y a que deux choses qui comptent, le titre et les relations que l'on suppose entre l'écrivain et «de hauts personnages».

Est-il nécessaire de dire, après cela, ce que valent les brochures qui nous inondent? Ramassez un jour tout ce que vous avez de courage, tâchez de les lire jusqu'au bout et vous serez effrayés de l'ignorance inouïe, de la légèreté intolérable, voir même de l'amoindrissement de sens morale qu'elles décèlent dans leurs auteurs. Et je ne parle pas ici de plus mauvaises... Et chaque année nous courbe plus bas, chaque année voit apparaître un nouveau signe de décadence intellectuelle, chaque année ajoute une honte littéraire nouvelle à celles dont ils nous faut déjà rougir. De telle sorte que les plus optimistes se prennent quelquefois à douter de demain, et se demandent avec angoisse: Sortirons-nous de là?

[Что касается текущего момента, то возьмите наугад десять брошюр, и вы увидите, что, по крайней мере, девять из них были задуманы, обработаны и написаны — кем? — профессионалами романистами, песенниками, водевилистами, пономами!

Заговяют ли в газетах о таинственных свиданиях между северными державами, о воскресающем Священном союзе, и вот немедленно какой-нибудь приятный сочинитель довольно литературных — и даже (в свое время) изрядно либеральных — куплетов бежит к неизбежному Дантю и приносит ему под ввучным названием «Коалиция» длинное и пошлое переложение статей Грангильо. Или покажется, что английский союз как-то не понравился Лимераку, и тотчас какой-нибудь Шатле, кавалер ордена Григория Великого, который, судя по его стилю, должен быть где-нибудь пономарем, печатает или перепечатывает длинный и смехотворный доклад *«Крупные и мелкие преступления Англии против Франции»*. Уже автор пьесы *«Кум Гильри»* (Эдмон Абу) счел необходимым просветить нас насчет политических тайн прусской монархии и с высоты своих театральных провалов преподавал советы благоразумия берлинским палатам. Сообщают, будто Клервиль собирается в ближайшее время выяснить вопрос о Панамском перешейке, столь запутанный господином Белли, и, несомненно, через несколько дней после свиданий высочайших особ 21 октября в витринах всех наших книжных лавок появится великолепная розовая брошюра под заглавием *«Записки о варшавском свидании, составленные кордебалетом Оперы»*.

Этот на первый взгляд необъяснимый захват области политики *малыми богами* литературы происходит от многих причин. Мы здесь остановимся только на одной, наиболее близкой и бесспорной.

В обстановке почти всеобщего маразма ума и чувства эти господа, занимающиеся печальной профессией увеселять публику, не знают, как им встряхнуть и разбудить своих читателей. Они неизменно повторяют свои старые забавные куплеты и анекдоты. Их самих так же снедает тоска, печаль и уныние, как и тех, кого они собираются развлекать. Вот почему, за отсутствием ресурсов, они с отчаяния принялись писать — кто мемуары куртизанок, кто дипломатические брошюры.

А затем, в одно прекрасное утро, какой-нибудь авантюрист пера, никогда не пожертвовавший политике и часом серьезных занятий, не имеющий за душой и тени какого бы то ни было убеждения, поднимается и говорит себе: «Я должен произвести большое впечатление! Что же мне сделать, чтобы привлечь к себе всеобщее внимание, инстинктивно избегающее меня? Написать брошюру о деле Леотара или о восточном вопросе? Раскрыть перед изумленным светом тайны будуаров, где я никогда не бывал, или тайны русской политики, которая мне еще более чужда? Излить в вольтеровской прозе свою скорбь об *оклеветанных женщинах* или же в евангельской прозе скорбь о несчастных маронитах, преследуемых и истребляемых фанатиками-магометанами? Написать апологию мадемуазель Ригельбош или защиту светской власти папы? Я решительно выбираю политику. Я сумею развлечь свою публику гораздо лучше царями и императорами, чем легкомысленными женщинами». Сказавши это, наш сверхштатный член литературной богемы копается в «*Moniteur*», посещает несколько дней колоннаду биржи, делает визиты некоторым чиновникам и узнает, наконец, в какую сторону дует ветер столичного любопытства или придворных настроений; тогда он выбирает заглавие, которое этот ветер может надуть надлежащим образом, и довольный почивает на своих лаврах. Теперь его работа уже готова; ведь в наше время в брошюре важны только две вещи: заглавие и предполагаемые отношения между автором и «высокими особами».

Нужно ли после этого говорить, чего стоят брошюры, которыми нас засыпают? Соберите когда-нибудь все свое мужество, попытайтесь прочесть их до конца, и вы будете поражены неслыханным невежеством, нестерпимым легкомыслием, даже падением нравственного чувства, которое обнаруживают их авторы. Я уже не говорю здесь о худших из них... Каждый год пригибает нас еще ниже, с каждым годом обнаруживается новый признак интеллектуального вырождения, каждый год прибавляет новый литературный позор к тем, от которых нам приходится краснеть. Дело доходит до того, что даже крайние оптимисты начинают иногда сомневаться в завтрашнем дне и спрашивают себя с тревогой: выберемся ли мы из этого положения?]

Выше я цитировал выражение «*спасительная политика Наполеона*» из «*Nationalzeitung*». Станным образом парижский корреспондент «*Manchester Guardian*», — газеты, известной во всей Англии точностью своей информации, — сообщает следующую любопытную вещь:

Paris, November, 8... Louis Napoléon spends his gold in vain in supporting such newspapers as the «*National Zeitung*».

[*Париж, 8 ноября...* Луи-Наполеон напрасно тратит свои деньги, поддерживая такие газеты, как «*Nationalzeitung*» («*Manchester Guardian*» от 12 ноября 1860 г.).]

Впрочем, я думаю, что вообще хорошо осведомленный корреспондент «*Manchester Guardian*» на этот раз ошибается. Ф. Цабель перебежал будто бы в бонапартистский лагерь, чтобы доказать, что он не *подкуплен Австрией*. По крайней мере, так мне сообщили из Берлина. Совсем как в Дунсиаде!

16. ДОПОЛНЕНИЕ.

а) Карл Фогт и La Cimentaire [0-во «Цемент»].

Во время печатания последних листов мне случайно попался в руки *октябрьский номер* (1860 г.) «*Stimmen der Zeit*». Прежний издатель органа беглых парламентариев «*Deutsche Monatsschrift*» и, следовательно, до некоторой степени, литературное начальство «беглого имперского регента», А. Колачек, рассказывает на странице 37 о своем друге Карле Фогте:

Женевское акционерное общество «La Cimentaire» [«Цемент»], в *дирекцию* которого входил не кто иной, как сам *Карл Фогт*, было основано в 1857 г., а в 1858 г. акционеры не имели уже ни копейки, и прокуратура упрятала одного из директоров в тюрьму по обвинению в подлоге. В момент этого ареста Фогт был в Берне. Он поспешно вернулся назад, арестованный был выпущен, процесс был замят, чтобы не вызвать скандала, но акционеры потеряли все. По этому примеру нельзя утверждать, что в Женеве собственность достаточно защищена, и ошибка *Карла Фогта* в этом отношении тем более странная, что он, как мы сказали, был одним из директоров названного общества; между тем даже во Франции в подобных процессах ищут виновных даже среди директоров и сажают в тюрьму, удовлетворяя их имуществом гражданские иски акционеров.

Пусть сравнят с этим то, что говорит И. Ф. Беккер в своем письме (глава X) о банковской истории, бросившей *Джеймса Фази* в объятия декабризма. Подобные детали очень помогают при решении загадки, как *Napoléon le Petit* [«Наполеон маленький»] стал величайшим человеком своей эпохи. Как известно, самому *Napoléon le Petit* [«Наполеону маленькому»] пришлось выбирать между государственным переворотом и... Клиши [тюрьма для должников в Париже].

б) Кошут.

Нижеследующие выдержки из записки о беседе с *Кошутом* убедительно доказывают, как хорошо Кошут знает, что главную опасность для Венгрии составляет *Россия*. Автор этой записки — один из виднейших радикальных депутатов теперешней *House of Commons* [Палаты общин.]

Memorandum of a conversation with M. Kossuth on the evening of May 30th, 1851 at...

... A return to strict legality in Hungary (said he, viz. *Kossuth*) might renew the union of Hungary and Austria, and would prevent Russia, from finding any partisan in Hungary. He (*Kossuth*) would not offer any opposition to a return to legality. He would advise his country-men to accept with good faith such a restauration, if it could be obtained, and would pledge himself not in any way to be an obstacle to such an arrangement. He would not himself return to Hungary. He would not put himself forward such a course of Austria as he had no belief in Austria's return to legality, except under pressure of dire necessity,

He gave me authority to say, such were his sentiments, and if appealed to he should avow them, though he could not commit himself to any proposal, as he should not expect Austria to abandon her traditional scheme of centralisation till forced to do so... He would have consented in 1848 to Hungarian troops being sent to resist attacks of the Piedmontese, but would not employ them to coerce Austrian Italy, as he would not consent to foreign troops in Hungary.

[Записка о беседе с Кошутом вечером 30 мая 1854 г. в...

... Возврат в Венгрии к строгой законности (сказал он, т. е. Кошут) может возродить союз Венгрии с Австрией и помещает России найти союзников в Венгрии. Он (Кошут) нисколько не будет противиться возврату к законности. Он готов посоветовать своим землякам принять с доверием такое восстановление, если его можно добиться, и, со своей стороны, никоим образом не будет препятствовать такому обороту дела. Сам он не намерен вернуться в Венгрию. Он сам не собирается содействовать Австрии взять такой курс, так как не верит в поворот Австрии к законности, разве только ее принудит к этому суровая необходимость. Он разрешил мне сказать, что таково его мнение и что если требуется его свидетельское показание, то он открыто его подтвердит, хотя сам не выступит ни с каким предложением, так как не ожидает, чтобы Австрия добровольно отказалась от своих старых централистских тенденций... Он согласился бы в 1848 г., чтобы послали венгерские войска для отражения пьемонтцев (Кошут в 1848 г. пошел дальше этого, добившись своей горячей речью в пештском рейхстаге послышки венгерских войск против итальянских «мятежников» — К. М.), но не воспользовался бы этими войсками, чтобы силой удерживать австрийскую Италию, как не согласился бы допустить иноземные войска в Венгрию.]

Мифотворческая сила народной фантазии во все времена проявлялась в изобретении «великих людей». Поразительнейший пример этого рода, бесспорно, представляет Симон Боливар. Что касается Кошута, то его, например, прославляют как человека, уничтожившего в Венгрии феодализм. Между тем он совершенно непричастен к трем великим мероприятиям — установлению всеобщего обложения, уничтожению феодально-крестьянских повинностей и безвозмездной отмене церковной десятины. Законопроект о всеобщем обложении (дворянство прежде было свободно от налогов) был внесен Семере; законопроект об уничтожении барщины и т. д. — Бонисом, депутатом из Сабольча, а духовенство само, в лице депутата каноника Икельфалуши, добровольно отказалось от десятины.

в) Эдмон Абу: «Пруссия в 1860 году».

В конце главы VIII я высказываю мнение, что памфлет Э. Абу «*La Prusse en 1860*» [*«Пруссия в 1860 г.»*] или, как он первоначально назывался, «*Napoléon III et la Prusse*» [*«Наполеон III и Пруссия»*], представляет обратно переведенную на французский язык выдержку из переведенных Да-Да Фогтом на немецкий язык памфлетов Дантю. Единственное соображение против этого предположения было совершенное не-

знакомство провалившегося комедийного писателя Э. Абу с немецким языком. Но разве *compère Guillery* [кум Гильри] не мог отыскать в Париже какую-нибудь *commère allemande* [немецкую куму]? Но кто такая эта *commère* [кума] — оставалось предметом догадок. «*La Prusse en 1860*» [«Пруссия в 1860 г.»] была, как известно, опубликована как *vademesum* [руководство] к поездке Луи Бонапарта в Баден-Баден; она должна была предварить его предложения принцу-регенту и разъяснить Пруссии, что, как говорится в заключительных словах памфлета, Пруссия имеет в лице режима 2 декабря «un allié très utile» [«очень полезного союзника»], «qui est peut-être appelé à lui [Пруссии] rendre grands services, *pourvu qu'elle s'y prête un peu*» [«который призван, может быть, оказать ей (Пруссии) крупные услуги, лишь бы она согласилась на это»]. Переведенное на немецкий язык это «*pourvu qu'elle s'y prête un peu*» [«лишь бы она согласилась на это»] означало: «при условии, что Пруссия продаст Франции Рейнскую провинцию»; секрет этот Э. Абу выдал по-французски (см. главу IX, Агентура) уже весной 1860 г. в «*Opinion Nationale*». При подобных отягчающих обстоятельствах я не имел права, исходя из простых догадок, указывать на Э. Абу как на немецкого суфлера провалившегося сочинителя комедий и памфлетиста Дантю. Но теперь я имею право заявить, что немецкая *commère* [кума] кума (*compère*) Гильри — не кто иной, как нежная Кунигунда Фогта — Людвиг Симон из Трира. Об этом вряд ли догадывался немецкий эмигрант в Лондоне, написавший известный ответ на памфлет Абу!

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

А.

Абель, Карл, д-р (род. в 1837 г.) — филолог и публицист, берлинский корреспондент «Daily Telegraph» — 464—467.

Абт — немецкий демократ, редактор «Freiburger Kirchen-Zeitung», эмигрант в Женеве — 264, 265, 267, 269, 270, 273.

Абу, Эдмон (1828—1885) — французский писатель и публицист, бонапартист — 340, 382, 403, 406, 424, 425, 430, 486, 538, 539, 542, 543.

Агассис, Луи Жан Рудольф (1807—1873) — зоолог, палеонтолог, геолог (теория глетчеров), профессор в Невшателе (1831—1846), затем в Северной Америке; в последние годы своей жизни ожесточенный антидарвинист — 271.

Александр I (1777—1825) — русский император (1801—1828) — 359, 361—363, 368, 373.

Александр II (1818—1881) — русский император (1855—1881) — 359—363, 367, 373, 374, 386.

Альберони, Джулио (1664—1752) — кардинал и министр в Испании; неограниченно правил государством и был ярким представителем завоевательной политики — 442.

Альбертс — 518.

Альтгефер (правильно Альтенгефер), *Август Иосиф* (1804—1876) — немецкий журналист, один из редакторов аугсбургской «Allgemeine Zeitung» — 334.

Анахарсис — современник Солона, ученый скиф, которого причисляли к семи мудрецам и которому приписывали много мудрых изречений — 59.

Анна Иоанновна (1693—1740) — русская императрица (1730—1740) — 362.

Ансельм, Жак Бернар Модест (1740—1812) — генерал Наполеона I — 233.

Аполлоний Родосский — эпический поэт и грамматик (род. ок. 270 г. до н. э.),

написал поэму об аргонавтах в четырех книгах — 418.

Арбутнот, Джордж (1802—1865) — видный чиновник английского казначейства, считался крупным авторитетом в вопросах денежного обращения, автор ряда работ в этой области (билль Р. Пиля о банкнотах, денежное обращение в Японии и др.) — 167.

Аретино, Пьетро (1492—1556) — итальянский поэт-сатирик, яркий представитель эпохи возрождения; его произведение — столь же язвительного, сколь скабрезного содержания — 151.

Аристотель (384—322 до н. э.) — знаменитый древне-греческий философ и разносторонний ученый, «величайший мыслитель древности» (Маркс) — 13, 28, 37, 54, 101, 102, 121, 139.

Ардт, Эрнст Мориц (1769—1860) — немецкий поэт и публицист, поборник национального объединения Германии и освобождения от французской зависимости при Наполеоне I, член Франкфуртского национального собрания — 354.

Арним, Адольф Генрих, граф Бойценбург (1803—1868) — прусский государственный деятель, известен своими гонениями на печать (в миннудел), как защитник интересов земельного дворянства (в «Юнкерском парламенте») и с 1858 г. как представитель феодальной реакции (в верхней палате) — 469.

Ассерман — полковник венгерской революционной армии, служивший под командой Клапки — 443—445.

Атвуд, Томас (1783—1856) — бирмингамский банкир и экономист — 67, 68.

Ауренгзеб (1619—1707) — великий могол Индии с 1658 г. — 114.

Б.

Баденге — прозвище Наполеона III по имени рабочего-каменщика, в одежде которого Н. бежал из крепости Гам

- (25 мая 1846 г.) — 274, 377, 380, 392.
- Базанкур, Цезарь* (1810—1865) — французский романист и военный писатель, бонапартист — 384.
- Байрон, Джордж Гордон* (1788—1824) — английский поэт, романтик — 461.
- Бакфийи* — 270.
- Бакгоф* — 519.
- Бальзак, Оноре де* (1799—1850) — французский писатель романист, давший в серии своих романов, объединенных общим заглавием «Человеческая комедия», самую замечательную реалистическую историю французского общества с 1816 до 1848 г.» (Энгельс) — 481.
- Бамберггер, Людвиг* (1823—1899) — немецкий писатель, политический деятель и финансист, участник революции 1848 г., бежал в Париж, где в 1853—1867 гг. управлял делами большого банкирского дома; после амнистии (1866 г.) депутат рейхстага, национал-либерал — 466, 467.
- Бандя, Иоганн д'Глофала* (1817—1868) — венгерский офицер и журналист, начальник тайной полиции в правительстве Кошута, в эмиграции тайный агент одновременно австрийской, французской и прусской полиции, впоследствии офицер и начальник полиции на турецкой службе — 437—439.
- Барассе д'Илье, Луи* (1764—1812) — французский генерал, участник важнейших кампаний Наполеона I — 383.
- Барбон, Николай* (1640—1698) — английский экономист, сторонник фритредерства, один из предшественников теории «субъективной полезности»; главное произведение «A Discourse concerning Coining the new money lighter, in answer to Mr. Locke's Considerations about raising the value of money» («Трактат о чеканке более легких денег в ответ на соображения г. Локка о повышении стоимости денег»), 1696 год — 64.
- Бароджо* — эмигрант, член безансонской боевой колонны, бывшей под командой Виллиха — 306.
- Барш, Пьер Жюль* (1802—1870) — французский адвокат и государственный деятель, член правой учредительного собрания 1848 г., затем приверженец Луи Наполеона; занимал при последнем посты министра внутренних дел, юстиции и народного просвещения — 413.
- Барро, Камилл Гиасинт Одилон* (1791—1873) — французский государственный деятель, вождь династической оппозиции при Луи Филиппе и премьер первого министерства при Наполеоне III, был известен как банкетный красноречивый — 326.
- Бартелеми, Эмманюэль* (ок. 1820—1855) — французский революционер, бланкист: в 1855 г. казнен в Лондоне — 306, 307.
- Бассерман, Фридрих Даниэль* (1811—1851) — баденский либерал, член Франкфуртского национального собрания, рьяный противник крайней левой — 327, 515.
- Бастия, Фредерик* (1801—1850) — французский вульгарный экономист, «проповедник гармонии и апологет по профессии», «плагиатор», у которого «апологетика представляет его настоящую работу, так как содержание экономики он берет у других, как оно ему подходит» (Маркс) — 23, 174.
- Баттяни, Казимир*, граф (1807—1854) — министр иностранных дел в венгерском революционном правительстве 1848 года — 435.
- Баттяни, Людвиг* (1809—1849) — брат предыдущего, в 1848 г. глава конституционного министерства Венгрии: расстрелян военным судом 6 октября 1849 года — 435.
- Бауэр, Эдгар* (1820—1866) — немецкий публицист, младогегельянец, редактор лондонской «Neue Zeit» — 338.
- Баяр, Пьер Террайль де* (1476—1524) — французский рыцарь, принимавший участие в многочисленных походах. Легенда приписывает ему исключительную храбрость и благородство, — «рыцарь без страха и упрека» — 468, 471, 472, 474.
- Безелер* — 519.
- Беккер, Иоганн Филипп* (1809—1886) — немецкий революционер, по профессии шеточник, с 30-х годов жил в Швейцарии, деятельный участник революции 1848 г. и кампании за имперскую конституцию, член Интернационала — 277, 285, 289, 305, 446, 448, 453, 467, 482, 516, 517, 541.
- Беккер, Макс Иозеф* — инженер из Рейнской области, участник баденского восстания, эмигрант в Швейцарии, позднее в Америке — 256, 258, 300, 512.
- Беккер, Готфрид*, старший сын и соратник И. Ф. Беккера, позднее журналист и участник гражданской войны в Америке — 286.
- Бекман* — прусский полицейский агент в Париже, корреспондент «Kölnische Zeitung» — 281, 519.

- Белли* (Belly) — 538, 539.
- Бенда, Роберт* (1816—1899) — немецкий либеральный публицист, с 1843 г. ассессор в Потсдаме, позднее член рейхстага, национал-либерал — 468.
- Бенц* — 277.
- Беркли, Джордж* (1685—1753) — английский философ, субъективный идеалист, сенсуалист, с 1734 г. епископ в Ирландии; в политической экономии критик меркантилизма — 21, 64, 65, 103.
- Берлей, Вильям Сесиль* (1520—1598) — министр иностранных дел в Англии (1558—1572), лорд-канцлер (1572—1598) — 128.
- Берлинерблау, Исидор* — см. Оппенгейм.
- Бернье, Франсуа* (1625—1688) — французский врач, путешественник и писатель, посетил Сирию, Египет, Индию — 114.
- Беррье, Пьер Антуан* (1790—1868) — французский адвокат и политический деятель, монархист-легитимист и анти-бонапартист — 378.
- Бертен* — 256.
- Бидерман, Карл* (1812—1901) — немецкий политический деятель, историк, публицист, член Франкфуртского национального собрания, позднее депутат рейхстага, национал-либерал — 515.
- Бискамп, Элард* — немецкий журналист, демократ — 339, 347, 348, 458, 477, 479, 488, 490, 492, 499, 500, 503.
- Блан, Луи* (1811—1882) — французский социалист, журналист и историк, сторонник кооперативной организации труда с помощью государства («Организация труда», «История десяти лет» и др.), член временного правительства 1848 г., в 1848—1870 гг. в эмиграции (в Бельгии и Англии) — 294, 480.
- Бланки, Огюст* (1805—1881) — французский революционер, коммунист, сторонник насильственного захвата власти организацией заговорщиков и революционной диктатуры — 294.
- Бланшина, Луи* (1800—1881) — ваадтский правительственный советник, в 1861—1873 гг. управлявший таможней — 417.
- Блинд, Карл* (1826—1907) — немецкий мелкобуржуазный публицист, участник баденского восстания, по окончании революции эмигрировал в Англию — 337—339, 341, 343—352, 405, 458, 482, 483, 488, 490—492, 497, 499, 503, 527, 529, 530—532.
- Блонден, Шарль* (1824—1897) — знаменитый французский акробат, неоднократно переходивший по канату через Ниагару — 442.
- Блэк, Вильям* — английский экономист первой половины XIX века, в 1839 г. опубликовал полемическую работу против Р. Джонса — 88, 162.
- Блэкли* — английский артиллерийский капитан и военный конструктор, в 1859 г. корреспондент «Times» в австрийской армии — 212.
- Блюм, Роберт* (1807—1848) — немецкий публицист, вождь крайней левой Франкфуртского национального собрания, расстрелян Виндшиггеном после падения Вены — 265, 296, 297, 298, 411, 460, 461.
- Блюнчли, Иосиф Каспар* (1808—1881) — известный швейцарский юрист, член цюрихского Большого совета, вождь консервативной партии, участник клерикального переворота 1839 г. и организации сепаратного союза кантонов («Зондербунда»), автор известного доклада «Коммунисты в Швейцарии» (1843 г.), где предлагал выслать всех иностранцев, заподозренных в пропаганде коммунизма — 302.
- Боббин, Фридрих Генрих Карл* (род. в 1826 г.) — часовщик из Шверина, член Демократического общества в Брюсселе (1847 г.), участник баденско-пфальского восстания, эмигрант в Лондоне — 259.
- Богарне, Эжен* (1781—1824) — пасынок и генерал Наполеона I, первый герцог Лейхтенбергский — 364.
- Бованкет, Джесем* (1804—1877) — английский банкир и историк — 83.
- Бозанкет, Чарлз* (1769—1850) — английский экономист, противник количественной теории денег; полемизировал с Рикардо — 157.
- Боливар и Понте, Симон* (1783—1830) — тщеславный и вероломный авантюрист, использовал революционное движение испанских колоний Южной Америки против жестоких правителей метрополии, чтобы в личных интересах возглавить в качестве президента нескольких республик их борьбу за освобождение — 438, 542.
- Бонапарт, Луи Наполеон* (1808—1873) — французский император (1852—1870) — 209, 210, 213—215, 218, 227, 232, 237—241, 243—245, 252, 286, 319, 330, 331, 352, 354, 355, 359—361, 371, 373—388, 390—395, 396, 397—401, 405, 409—411, 413, 414, 417—419, 421—423, 432, 436, 439—443, 446, 448, 460, 529, 537, 540—542; характеристика 260—263; см. также Баденге.

- Бонапарт, Жером** (1784—1860) — брат Наполеона I — 215, 390, 529.
- Бонис, Самюэль** (Bonis) (1810—1879) — венгерский юрист, политический деятель, участник революции 1848—1849 гг., сторонник Кошута — 542.
- Бонифас, Демаре** (род. в 1805 г.) — французский публицист, сотрудник «Constitutionnelle», бонапартист — 406, 430.
- Боркгейм, Сигизмунд Людвиг** (1825—1885) — немецкий публицист, демократ, участник баденского восстания, эмигрант в Швейцарии и Англии — 255, 257, 258, 267, 269, 286.
- Боярдо, Маттео Мария**, граф (1434—1494) — знаменитый итальянский поэт, создавший «романтическую поэму», певец рыцарства — 525.
- Бранденбург, Фридрих Вильгельм**, граф (1792—1850) — прусский генерал, министр-президент в ноябре 1848 года — 471.
- Брасс, Август** (род. в 1818 г.) — немецкий публицист, демократ, издатель «Neue Schweizer Zeitung» в Женеве, впоследствии сторонник Бисмарка — 406, 407.
- Брей, Джон Френсис** (1809—1895) — английский экономист, социалист-утопист, последователь Оуэна. Главное произведение «Labour's Wrongs and Labour's Remedy or the Age of Might and the Age of Right» («Несправедливости в отношении к труду и их устранение или век насилия и век справедливости»), 1839 год — 72.
- Брентано, Лоренц** (1812—1891) — мангеймский адвокат, член Франкфуртского национального собрания, в мае 1849 г. глава баденского революционного правительства, затем эмигрант, типичный представитель мелкобуржуазной демократии, трусливой и вероломной, «способной лишь погубить всякое движение, которое ввернется ее руководству» (Энгельс) — 276, 277, 319, 471.
- Брилья-Саварен, Ансельм** (1755—1826) — французский писатель, монархист, автор «Физиологии вкуса», трактата о питании с афоризмами, анекдотами и лирическими стихотворениями: русский перевод с предисловием К. Фогта — 416.
- Броун** — псевдоним Людвиг Кошута (см.).
- Брум, Генри Питер** (1778—1868) — английский политический деятель, виг; одно время был защитником рабства, позднее выступал против него; один из основателей и сотрудников органа вивгов «Edinburgh Review» — 47.
- Бруннов, Филипп Иванович**, граф (1797—1875) — видный русский дипломат, типичный представитель охранительно-монархического направления — 366.
- Буагильбер, Пьер** (1646—1714) — французский экономист, предшественник физиократов, родоначальник классической политической экономии во Франции. Автор «Dissertation sur la nature des richesses, de l'argent et des tributs» («Диссертация о природе богатства, денег и податей»), 1843 год — 39, 41, 42, 48, 81, 88, 109—111, 130.
- Буашо, Жан Батист** (род. 1820 г.) — французский публицист и революционер, эмигрант — 279.
- Бусс, Франц Иосиф** (1803—1878) — профессор во Фрейбурге, один из вождей баденской ультрамонтанской партии и энергичный противник прусской гегемонии, с 1874 г. член рейхстага, ярый клерикал — 328.
- Бутенев, Аполлинарий Петрович** (1787—1866) — русский дипломат, полномочный министр в Константинополе (1830—1842) и посланник в Риме (1843—1856); после Крымской войны и до 1859 г. снова посланник в Константинополе — 365.
- Бухер, Лотар** (1817—1892) — немецкий радикал, член Прусского национального собрания, после революции эмигрант, лондонский корреспондент берлинской «Nationalzeitung»; с 1864 г. сотрудник Бисмарка — 310, 337.
- Бьюкенен, Давид** (1779—1848) — английский экономист, последователь А. Смита; издал «Богатство народов» со своими примечаниями и дополнениями — 98.
- Бьют, Джон Стюарт**, лорд (1713—1792) — английский государственный деятель, тори, премьер-министр (1761—1763) — 356.
- Бейли, Сэмюэл** (1791—1870) — английский вульгарный экономист, выступал против теории стоимости Рикардо — 57, 127.
- Бюлье** (Bullier) — французский публицист времен Наполеона III, бонапартист — 406.
- Бургеро, Генрих** (1820—1878) — немецкий коммунист, один из приговоренных в кельнском процессе — 477.
- Бюш, Иоганн Георг** (1728—1800) — гамбургский математик и экономист, основатель Академии торговли (1767),

в теории эклектически совмещал меркантилистические и физиократические идеи — 150.

В.

Валевский, Флориан, граф (1810—1868) — побочный сын Наполеона I, дипломат, министр иностранных дел при Луи Бонапарте (1855—1860) — 412.

Валло — 266.

Вальтер фон-дер-Фогельвейде (ок. 1170—1230) — средневековый немецкий поэт-лирик (миннезингер) — 330.

Ваннер — швейцарский негодант, федеральный консул в Гавре — 513.

Вар, Публий Квинтилий — римский военачальник; в качестве наместника грабил сначала Сирию, затем Германию (при Августе); погиб в войне с восставшими германцами — 468.

Вариск — см. стр. 567 *Уорик*.

Вебер — юрист, поверенный Маркса в процессе против «Nationalzeitung» — 477, 483, 484, 496, 497, 507, 508.

Веерт, Георг Людвиг (1822—1856) — немецкий пролетарский поэт, член Союза коммунистов, соредатор «Новой Рейнской Газеты» — 533, 535.

Везендонк, Гуго — адвокат из Дюссельдорфа, член Франкфуртского национального собрания — 327.

Вейдемейер, Иосиф (1818—1866) — вестфальский социалист, член Союза коммунистов, с 1851 г. журналист в Америке, друг Маркса и Энгельса — 317, 525.

Вейтлинг, Вильгельм (1808—1871) — немецкий коммунист и писатель, по профессии портной — 302.

Венедей, Якоб (1805—1871) — немецкий радикальный публицист, член умеренной левой Франкфуртского национального собрания — 294, 325, 331, 342, 468.

Вермут — прусский полицейский чиновник, полицей-президент в Ганновере — 283.

Верон, Луи Дезире (1798—1867) — французский журналист, собственник бонапартистской газеты «Constitutionnel» в Париже — 262.

Верри, Пьетро (1728—1797) — итальянский экономист, один из первых критиков физиократов, главное произведение «Meditazioni sulla Economia Politica» — 134.

Вестфален, Фердинанд фон (1799—1876) — брат Жени Маркс, с 1850 по 1858 г. прусский министр внутренних дел — 297.

Вецци-Рускалла — итальянский публицист, автор брошюры «La Nazionalità di Nizza», член итальянского Национального союза — 416.

Вие, Иоганн Фридрих — наборщик из типографии Холлингера в Лондоне — 347, 349—351, 482, 490, 497, 530—532.

Визенрицлер, Якоб — см. *Лассаль*.

Виктор-Эммануил (1820—1879) — герцог Савойский, король Сардинии и Пьемонта (1849—1861), первый король объединенной Италии (1861—1878) — 236.

Виллих, Август (1810—1878) — немецкий офицер, член Союза коммунистов, участник баденского восстания и американской гражданской войны; глава антимарксовской фракции Союза в Лондоне — 259, 265, 266, 271, 276, 290, 303—309, 312, 318, 476, 482, 517, 522.

Вильгельм III (1650—1702) — король Англии (1688—1702) — 62, 67.

Вильгельм Завоеватель (1027—1087) — король Англии (1066—1087), основатель англо-норманнской династии — 60.

Вильсон, Джеймс (1805—1860) — английский экономист, фритредер, основатель известного лондонского журнала «Economist»; в 1859 г. канцлер по делам Индии — 160, 169, 380.

Виндигерц, Альфред Фердинанд (1787—1862) — австрийский фельдмаршал, подавивший революцию 1848 г. в Венгрии — 305, 460.

Винкельрид, Арнольд — полуполюгендарный герой эпохи борьбы швейцарских кантонов за независимость, крестьянин; согласно преданиям, геройским самопожертвованием обеспечил победу в бою при Земпахе (1386 г.) — 416.

Висс (Wyss) — адвокат в Берне — 514.

Виттиг, Л. — немецкий публицист, редактор «Dresdener Zeitung» — 519, 524.

Владимиреско — один из вождей восстания в 1921 г. в Валахии — 363.

Вольф, Бернгард (1811—1879) — основатель и владелец известного телеграфного агентства, главный владелец берлинской «Nationalzeitung» — 491.

Вольф, Вильгельм (1809—1864) — учитель из Силезии, член Союза коммунистов и соредатор «Новой Рейнской Газеты»; принимал деятельное участие в бреславльском революционном движении, после 1848 г. эмигрант в Швейцарии, позднее в Англии, близкий друг Маркса и Энгельса — 280, 296, 297, 302, 327—332, 337, 340, 491, 500, 502.

Вольфрам фон-Эшенбах — средневековый немецкий поэт, живший в XII и в начале XIII столетия — 432.

Врангель, Фридрих Генрих Эрнст, граф (1784—1877) — прусский фельдмаршал, предводитель реакционных королевских войск в Берлине в 1848—1849 гг. — 471.

Вюрт из Зигмарингена — член Франкфуртского национального собрания — 331.

Вюртембергский герцог — см. Ульрих.

Г.

Габсбурги — австрийская династия (1282—1918) — 369, 370, 471.

Гавас, Огюст (ум. в 1889 г.) — сын основателя известного телеграфного агентства в Париже, с 1858 г. владделец агентства — 491.

Гаген, Карл (1810—1868) — профессор истории в Гейдельберге, член крайней левой Франкфуртского национального собрания — 322, 329.

Гагерн, Генрих Вильгельм (1799—1880) — немецкий политический деятель, монархист, президент Франкфуртского национального собрания — 322, 331, 374.

Гайнау, Юлий Яков (1786—1853) — австрийский фельдмаршал, разгромил революцию в Италии и Венгрии, запятнав себя чудовищными зверствами, массовыми казнями, конфискациями имущества и т. п. «бритва Радецкого», «брешианская гиена», «кровопийца», «мясник») — 445.

Гаклендер, Фридрих-Вильгельм фон (1816—1877) — популярный немецкий писатель-беллетрист — 403.

Гакстаузен, Август, барон (1792—1866) — прусский чиновник, автор ряда работ по аграрным вопросам; занимался исследованием русской общины и издал «Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России» — 245, 367.

Галеер, Альберт (1819—1852) — швейцарский политический деятель, член Большого совета Женевы, до 1848 г. сторонник Фази, впоследствии глава радикальной оппозиции — 257, 449—451.

Галеер, Оскар — брат Альберта Г., студент — 257.

Галиани, Фердинандо, аббат (1728—1787) — итальянский дипломат и экономист-меркантилист, выступал про-

тив физиократов; главное сочинение «Sulla moneta» («О деньгах») — 20, 44, 58, 74, 89, 137.

Гансард — издатель отчетов английского парламента «Parliamentary Debates» — 338.

Гарибальди, Джузеппе (1807—1882) — вождь партизанского национально-освободительного движения в период борьбы за объединение Италии, выразитель интересов мелкой и средней буржуазии; в 1859 г., во главе повстанческих отрядов, участвовал в войне Пьемонта и Франции против Австрии — 232.

Гарни, Джордж Джулиан (1817—1897) — лидер левого крыла чартизма, популярный народный оратор, редактор «Northern Star», «Red Republican» и «Friend of the People» — 308.

Гарнье, Жермен, граф (1754—1821) — французский экономист, переводчик и комментатор А. Смита — 59, 93.

Гаррис, Эдвард Альфред Джон (1808—1888) — английский дипломат, в 1859 г. посол в Берне — 396—398, 412—414.

Гартман, Мориц (1821—1872) — австрийский писатель, поэт и политический деятель, участник революции 1848 года — 404.

Гартман фон-Ауз (1170—1210) — немецкий средневековый поэт, автор рыцарских поэм «Егес» и «Iwein» — 404.

Гауэ, Эрнст — революционный генерал Римской республики 1848 г., в лондонской эмиграции приверженец Кинкеля, редактор эмигрантской газеты «Космос» — 310.

Гафиз (или Хафиз) — персидский поэтирик, живший в XIV столетии — 270.

Гауфельд, Максимилиан, князь (1813—1859) — прусский дипломат, посланник в Париже — 282.

Геберт, А. — немецкий ремесленник, коммунист, эмигрант в Швейцарии, в лондонской эмиграции примыкал к фракции Виллиха — 278.

Гез, Аманд (1820—1897) — немецкий демократ, член баденского революционного правительства 1849 г., эмигрант в Англии, Америке и Швейцарии; пацифист — 320, 321, 525.

Гегель, Георг Фридрих Вильгельм (1770—1831) — знаменитый немецкий философ — 6, 191, 192.

Гейден, Логин Петрович (1772—1850) — русский адмирал, с 1834 г. ревельский военный губернатор — 364.

Гейзе, Герман (1820—1860) — немецкий демократ и публицист — 339.

- Гейне, Генрих* (1799—1856) — 336, 495.
Гейнцен, Карл (1809—1880) — немецкий радикальный публицист, в 1842—1843 гг. сотрудник «Рейнской Газеты», с 1844 г. эмигрант в Бельгии, затем в Швейцарии, где стал в резкую оппозицию по отношению к коммунистам и Марксу, с 1850 г. эмигрировал в Америку, редактор бостонского «Pioneer» — 450.
- Геккер, Фридрих Франц Карл* (1811—1881) — руководитель майского восстания 1848 г. в Бадене, эмигрант в Швейцарии и Америке — 265, 471.
- Гелиогабал* — римский император (212—222), жрец бога солнца Эл-Габала, олицетворение безумной расточительности, необузданного разврата и депотизма — 275, 409.
- Генри, Дж.* — судья полицейского управления на Bow-Street в Лондоне — 350, 531, 532.
- Георг II* (1683—1760) — король Англии (1727—1760) — 58, 61.
- Георг III* (1738—1820) — внук предыдущего, король Англии (1760—1820) — 58.
- Гергей, Артур* (1818—1912) — венгерский революционный генерал, с конца марта 1849 г. главнокомандующий; после поражения при Вилагоше интернирован в Клагенфурте — 368, 433, 434, 444.
- Герлах, Эрнст Людвиг* (1795—1877) — прусский реакционный публицист и политический деятель: основатель «Neue Preussische Zeitung» («Kreuzzeitung») — 464.
- Герман, Карл, д-р* (1801—1875) — адвокат Фогта в процессе против «Allgemeine Zeitung» — 254, 259, 346, 458.
- Герфель, Густав* — австрийский эмигрант в Париже, полицейский агент на французской службе, деятельный член «Революционного комитета», — 309, 310, 321.
- Герцен, Александр Иванович* (1812—1870) — 450.
- Гесс, Генрих, барон* (1788—1870) — австрийский фельдмаршал, командовал оперативными частями в Италии (1859 г.), после битвы у Мадженты заключил с французами известный Виллафранкский мир — 212.
- Гете, Иоганн Вольфганг* (1749—1832) — 403.
- Гейфнер, Леопольд* (род. в 1820 г.) — венский журналист, в 1848 г. редактор левой газеты «Constitution», после революции эмигрант, активный член провокаторского «Революционного комитета» в Париже — 309, 310, 321, 407.
- Геце, Вильгельм Август* (род. в 1792 г.) — товарищ председателя прусского Верховного суда — 485.
- Гиз, Генрих* — (1614—1664) — герцог лотарингский — 261.
- Гизо, Франсуа Пьер* (1787—1874) — французский историк и государственный деятель, выразитель интересов крупной финансовой буржуазии, министр иностранных дел и премьер-министр (1840—1848) — 6, 262, 302, 479.
- Гинкельдей, Карл Людвиг* (1805—1856) — начальник берлинской полиции, с 1853 г. директор департамента полиции в министерстве внутренних дел — 289, 292, 310, 521.
- Гиптерих, Иосиф* (Испертинг) — портной из прирейнской Пруссии, член Союза коммунистов в Париже, в 1852 г. осужден на 8 лет тюремного заключения, после чего бежал в Лондон; примыкал к фракции Виллиха — 520.
- Гири, Вильгельм* — приказчик из Гамбурга, агент прусской полиции в Лондоне, орудие Штибера — 517—524.
- Гладстон, Вильям* (1809—1898) — английский государственный деятель, вождь либеральной партии, министр торговли (1843—1846), финансов (1852—1855 и 1859—1866), премьер-министр (1868—1874, 1880—1885, 1885—1886, и 1892—1894) — 50.
- Гнейзенау, Август, граф* (1760—1831) — прусский генерал и государственный деятель, в 1831 г. участвовал в подавлении польского восстания — 366.
- Гоббс, Томас* (1588—1679) — английский философ, механистический материалист — 40.
- Гогенцоллерны* — немецкая династия, правившая в Бранденбурге и Пруссии с 1415 г. и в Германской империи с 1871 по 1919 г. — 410, 465, 471, 489.
- Годскин, Томас* (1787—1869) — экономист, делавший социалистические выводы из теории стоимости Рикардо; главные сочинения: «Labour defended against the claims of capital» (Защита труда от притязаний капитала), 1825 г., и «Popular Political Economy» («Популярная политическая экономия»), 1832 год — 38.
- Голицын, Александр Михайлович, князь* (1718—1783) — генерал-фельдмаршал, участник Семилетней войны, позднее посланник в Саксонии — 356.
- Гольдгейм* — прусский полицейский чиновник — 283, 522.

Гораций, Квинт Флакк (65 до н. э.— 8 г. н. э.) — знаменитый римский поэт — 117.

Гордон, Франц, барон фон (Gordon), (1796—1869) — австрийский генерал, командовавший сардинской армией против французов в кампанию 1793 года — 221.

Горчаков, Александр Дмитриевич, князь (1798—1883) — русский дипломат и государственный деятель, секретарь русского посольства в Лондоне (1822—1827), посланник в Штутгарте (1841—1854), в Вене (1855—1856), министр иностранных дел (1856—1882) — 209, 239, 243, 244, 246.

Готфрид — см. Кинкель.

Готшед, Иоганн Кристоф (1700—1766) — немецкий публицист и критик, защитник псевдоклассицизма — 151.

Гофман, д-р — 430.

Граббе, Павел Христофорович (1789—1875) — русский генерал, участвовал в подавлении польского восстания 1831 г. и венгерского 1848 г. и в осаде Коморна — 445.

Гранильо — французский публицист, сотрудник бонапартистской газеты «Constitutionnel» — 396, 406, 538, 539.

Гранье-де-Кассаньяк — см. Кассаньяк, Гранье-де.

Грей, Джон (1798—1850) — английский экономист и социалист, последователь Р. Оуэна — 69—72.

Грейнер — баденский капитан, член революционного правительства во время баденско-пфальцского восстания 1849 г. — 323, 332.

Грейф — прусский полицей-лейтенант — 281—283, 518—522.

Гримм, Яков (1785—1863) — знаменитый немецкий филолог, германист — 138.

Грунц — немецкий демократ, участник революции 1848 г., эмигрант в Лондоне; вращался в эмигрантских кругах, руководимых Г. Струве — 259.

Гудсон, сэр Джозмс (1810—1885) — английский посланник в Турине — 413.

Гуйон, Рихард (1812—1856) — венгерский революционный генерал — 433.

Гумбольдт, Александр Фридрих Генрих, фон (1769—1859) — известный немецкий натуралист и путешественник — 266, 387, 397, 403, 464.

Хунтель — полицей-директор в Бремене — 518.

Гутцмидт — прусский судебный чиновник — 497, 503—505.

Гюго, Виктор (1802—1885) — известный французский писатель-романтик и пу-

блицист, в 1848—1852 гг. член Учредительного и Законодательного собраний, республиканец — 409.

Д.

Да-Да — арабский публицист, по поручению алжирских властей переведший бонапартистские памфлеты на родной язык — 354, 402—404, 406, 425, 430, 537, 542.

Дана, Чарльз-Андерсон (1819—1897) — американский журналист, до 1862 г. редактор «New-York Daily Tribune», издатель «New American Ciclopaedia», в эпоху гражданской войны занимал ряд крупных постов в военном министерстве; с 1868 г. издатель нью-йоркской газеты «Sun» — 480, 535, 537.

Данте, Алигьери (1265—1321) — знаменитый итальянский поэт — 298—299, 322.

Дантю — парижское книгоиздательство — 355—357, 359—361, 373, 381, 382, 385, 391, 394, 400, 402, 537—539, 543.

Даримон, Альфред (1819—1902) — французский публицист, последователь Прудона — 72.

Дель-Монте, Джузеппе — см. Дюмон.

Де-ля-Одд, Люсьен (1808—1865) — французский журналист, агент тайной полиции при Луи Филиппе и в период второй республики; после Февральской революции помощник Коссидьера в префектуре полиции — 281, 297, 520.

Делямарр, Теодор Казимир (1796—1870) — французский банкир, издатель и собственник «Patrie» — 426, 427.

Делларга, Луи Анри (1807—1891) — вадтский радикал, фурьерист, член Большого совета Женевы, редактор журнала «Nouvelliste» — 417.

Демосфен (383—322 до н. э.) — греческий политический деятель, знаменитый оратор — 293.

Денцель — участник баденской революции 1848 г., эмигрант в Женеве — 512.

Денцер — эмигрант в Женеве — 267.

Дер (Daire), Эжен (1798—1847) — французский экономист и издатель — 41.

Дерби, Эдуард Джокоффри Смит (1799—1869) — английский государственный деятель, проделал путь от вивог к тори; в 1858—1859 гг. — премьер-министр консервативного кабинета — 397, 441.

Джескоб, Вильям (1762—1851) — английский статистик — 94, 119, 120.

- Дженевези, Антонио* (1712—1769) — итальянский теолог, философ и экономист, меркантилист — 35, 109.
- Джонс, Эрнест* (1819—1869) — английский поэт и публицист, один из лидеров чартистского движения, редактор «People's Paper» — 338, 480, 534, 536.
- Джусти, Джузеппе* (1809—1850) — итальянский поэт-сатирик, пламенный сторонник объединения Италии — 422.
- Дизраэли, Бенжамен*, лорд Биконсфилд, граф (1804—1881) — английский политический деятель, консерватор, министр финансов (1852, 1858, 1859 и 1866—1868), премьер-министр (1868 и 1874—1880) — 462, 463.
- Диоген* (414—323 до н. э.) — греческий философ, родом из Синопа, циник — 271.
- Дифенбах, Эрнст* (1811—1855) — профессор геологии в Гиссене — 430.
- Диц, Освальд* — висбаденский архитектор, член Центрального комитета Союза коммунистов, хранитель архива виллих-шапперовского союза — 519.
- Дицель, Густав* (1827—1864) — немецкий правовед, профессор Кельнского университета — 428.
- Додд, Джордж* (1808—1881) — английский публицист, автор многочисленных статей, описывающих состояние отдельных отраслей национальной промышленности — 93.
- Долгоруков, Петр Владимирович*, князь (1816—1868) — писатель, эмигрант; в упоминаемом Марксом произведении «La vérité sur la Russie» (1860) высказывалась за введение конституционного образа правления в России — 362.
- Дон-Мигель* — см. *Мигель*.
- Дронке, Эрнст* (1812—1891) — немецкий публицист, член Союза коммунистов и соредактор «Neue Rheinische Zeitung», эмигрант — 267, 271, 316.
- Дрюэ, Анри* (1799—1855) — швейцарский политический деятель, глава федеральной юстиции и полиции; с 1850 г. президент швейцарской федерации — 269, 271, 278—280, 511, 514.
- Дунс-Скот, Иоганн* (прибл. 1274—1308) — средневековый философ, схоластик — 472.
- Д'Эстер, Карл Людвиг* (1811—1859) — немецкий врач, член Союза коммунистов; в революцию 1848 г. член Прусского национального собрания, участник баденско-пфальцкого восстания и член временного правительства — 323, 455.
- Дюгамель, Александр Осипович* (1801—1880) — русский генерал, сенатор: участвовал в походе 1831 г. против поляков, в 40-х годах организатор царских происков в Молдавии и Валахии — 364.
- Дюи (Дцу)* — директор женевской полиции — 419.
- Дюкоммен, Эли* (1833—1906) — швейцарский публицист и государственный деятель; редактор «Revue de Genève», пацифист и филантроп — 418.
- Дюлай, Франц фон* (1798—1868) — австрийский маршал, в 1849 г. военный министр; в кампанию 1859 г. против Франции и Сардинии вел верховное командование австрийской армией — 211—213.
- Дюлон, Рудольф* (1807—1870) — пастор из Бремена, участник революции 1848 г. — 310.
- Дюмон, Иосиф* (1811—1861) — немецкий журналист, издатель «Kölnische Zeitung» — 460.
- Дюпен Старший* (1783—1865) — французский адвокат и политический деятель, орлеанист, после Февральской революции президент Законодательного собрания, с 1857 г. бонапартист — 446.
- Дюпре* — псевдоним Де-ля-Ода, см.
- Дюфор, Арман* (1798—1881) — французский политический деятель, в 1848 г. член Учредительного собрания и министр внутренних дел, несколько раз был министром и премьером, консерватор-республиканец и клерикал — 378.
- Душек, Франц* (1797—1873) — венгерский министр финансов в правительстве Кошута — 441.

Е.

- Екатерина II* (1729—1796) — русская императрица (1762—1796) — 359, 362, 363.
- Екебальдиш* — венгерский каноник — 542.
- Елизавета* (1533—1603) — английская королева (1558—1603) — 128.
- Еллачич, Иосиф* (1801—1859) — хорватский бан и генерал хорватского ополчения, присоединившегося к реакционной австрийской армии Виндиш-греца для подавления венгерской революции — 305.

Ж.

Жиранден, Эмиль (1806—1881) — французский публицист, редактор ряда крупных газет, в 1848—1851 гг. буржуазный республиканец, позднее бонапартист — 426.

Жирар (Girard) — швейцарский политический чиновник — 510, 512.

Жоттман, Люсьен Леопольд (1804—1887) — бельгийский адвокат и публицист, республиканец, в 1847—1848 гг. редактор «Le Débat social» — 479, 534, 536.

Журдан, Луи (род. в 1810 г.) — французский журналист, сторонник Луи Наполеона, редактор «Siècle» и ряда других журналов — 406, 424, 430.

З.

Зауэрнгеймер — немецкий ремесленник, участник революции 1848 г., в эмиграции председатель Женевского рабочего союза — 265, 270.

Захариз, Генрих Альберт (1806—1875) — немецкий юрист, член Франкфуртского национального собрания — 325, 329.

Зедт — заместитель кельнского государственного прокурора, обвинитель в известном процессе коммунистов 4 октября 1852 года — 291.

Зейдентикер, Георг Фридрих (1797—1863) — немецкий публицист и политический деятель, участник движения 1931 г. в Геттингене, эмигрант, организатор комитета помощи немецким патриотам в Филадельфии (1846 г.), редактор немецкой газеты «Philadelphia Demokrat» — 319.

Земрау (Semrau) — 456.

Зигель, Франц (1842—1902) — баденский лейтенант, главнокомандующий баденской революционной армии, позднее участвовал в гражданской войне в Америке — 318, 319.

Зигель — баденский офицер, брат Ф. Зигеля — 319.

Зоммер — прусский полицейский агент — 281, 519.

И.

Имандт, Петр — учитель из Крефельда, коммунист, эмигрант в Женеве, позднее в Денди — 265, 267, 269—270.

Иоанн III (1440—1505) — великий князь московский — 409.

Иоганн, Иосиф Фабан (1782—1859) — эрцгерцог австрийский, сын Лео-

польда II: в 1848 г. был избран Франкфуртским собранием временным правителем Германии — 283, 328—330, 357, 470.

Иосиф II (1741—1790) — австрийский император (1765—1790) — 369, 370.

Испиланти, Александр (1793—1828) — сын молдавского господаря: в 1821 г. руководитель неудачного восстания против Турции в Дунайских княжествах — 363.

К.

Кабэ, Этьенн (1788—1856) — французский коммунист-утопист, автор сочинения «Путешествие в Икарию» — 311.

Кавеньяк, Луи Эжен (1802—1857) — французский реакционный генерал и военный министр, подавивший июньское восстание 1848 г. в Париже — 280, 374, 375.

Кавур, Камилло Бензо, граф (1810—1861) — итальянский государственный деятель, умеренный монархист-националист; в 1852—1859 и в 1860 гг. президент совета министров в Пьемонте — 279, 400, 401, 413, 414.

Кальдерон-дела Барка, Педро (1600—1681) — испанский поэт и драматург, певец абсолютизма — 254, 468.

Камбасерес, Жан Жак де-Реджи (1753—1824) — французский государственный деятель, министр юстиции в эпоху директории; при Наполеоне I второй консул империи, один из соавторов «Code civile» [«Кодекса Наполеона»] — 415.

Камм — щеточник из Бонна, участник революции 1848 г., эмигрант в Швейцарии — 265, 270.

Камозис, Луис Вас де — крупнейший португальский поэт XVI века, автор «Os Lusíadas» — 321.

Каподистрия, Иоганн, граф (1776—1831) — русский и греческий государственный деятель; в 1816—1822 гг. русский министр иностранных дел, с 1827 г. и до смерти правитель Греции — 364.

Карамзин, Николай Михайлович (1766—1826) — русский писатель и историк, ярый приверженец самодержавия, реакционер, крепостник, сторонник политики захватов («собирания Руси») — 362.

Карл Великий (742—814) — король франков, с 779 г., германский император; в его время франкское государ-

- ство достигло наибольшего могущества — 371.
- Карл II* (1630—1685) — английский король с 1660 года — 40.
- Карл X* (1757—1836) — французский король (1824—1830) — 366.
- Карл Смелый* (1433—1477) — герцог бургундский (1467—1477); отличительными чертами его характера современники считали рыцарскую храбрость и мужество. В тексте везде подразумевается Карл Фогт — 276—280, 331; см. также Фогт.
- Карли, Джованни Ринальдо*, граф (1720—1795) — итальянский астроном и экономист; выступал против меркантилистов. Главный труд «Delle monete e dell'istituzione delle zecche d'Italia» [«О деньгах и об учреждении монетного двора в Италии»] — 134.
- Карлье, Пьер* (1799—1858) — французский полицейский чиновник, префект полиции при Наполеоне III — 281.
- Кассаньяк, Гранье де, Адольф* (1806—1880) — французский журналист и историк, бонапартист — 262, 430.
- Кастелла* (Castella) — швейцарский политический деятель, член фрейбургского правительства 1850 года — 278.
- Кастри* или *Кестари* (Castlereagh), Стюарт-Роберт, лорд (1769—1822) — английский дипломат и государственный деятель, торий; военный министр (1805—1809), министр иностранных дел (1812—1822) — 67, 244, 356.
- Катакази, Гавриил* (1794—1867) — русский дипломат — 364.
- Катилина, Люций Сергий* (108—62 до н. э.) — римский политический деятель, глава демократического движения против римских патрициев-землевладельцев, поднявших в 63—62 гг. (до н. э.) неудачное восстание — 284, 293, 400.
- Катон Старший, Марк Порций Катон* (234—149 до н. э.) — римский писатель и политический деятель: прославился в качестве цензора («цензор нравов»), ревниво оберегавшего чистоту и простоту старого быта, и своей непримиримой ненавистью к Карфагену — 113, 462.
- Каули, Генри Ричард Чарлз Уэлсли* (1804—1884) — английский дипломат, посол в Париже (1852—1867) — 379, 381, 395, 412—414.
- Кауниц, Венцель Антон* (1711—1794) — австрийский государственный деятель, во второй половине XVIII века один из главных руководителей австрийской внешней политики, сторонник союза с Россией и Францией против Пруссии — 356.
- Келлерман, Франсуа Кристоф* (1735—1820) — французский маршал, участвовал в Семилетней войне, с 1792 г. стоял во главе мозельской армии — 221.
- Керн, Иоганн Конрад* (1808—1888) — швейцарский государственный деятель, президент правительства кантона Тургау, с 1857 г. федеральный полномочный министр в Париже — 279, 395, 413, 415, 450.
- Кернер, Т.* (Körner) — 139.
- Кинглейк, Александр Вильям* (1809—1891) — английский политический деятель и историк, с 1857 г. член парламента, либерал — 391, 427.
- Кинкель, Готфрид* (1815—1882) — немецкий поэт, мелкобуржуазный демократ, участник баденского восстания; будучи осужден, бежал из тюрьмы и эмигрировал в Лондон — 276, 309, 310, 317—321, 338, 525—527.
- Киселев, Павел Дмитриевич* (1788—1872) — русский генерал, в 30-х годах, после турецкой войны, был проводником царской политики в Молдавии и Валахии, с 1856 г. посол в Париже — 363, 364.
- Киш* (Kiss) — венгерский полковник, агент Кошута — 436, 439.
- Клакка, Георг* (1820—1892) — генерал венгерской революционной армии, автор записок о венгерской революции 1848 г. — 409, 415, 417, 433, 437, 439, 441—445.
- Клаузевиц, Карл* (1780—1831) — прусский генерал, в 1812—1814 гг. был на русской службе. Один из выдающихся теоретиков военного дела — 236.
- Клей, Вильям* (1791—1869) — английский экономист и политический деятель, представитель школы «Currency principle», требовавшей ограничения выпуска банкнот — 167.
- Кленк* (Klenk) — 513.
- Клервилль, Луи-Франсуа* (1811—1879) — французский писатель-сатирик — 538, 539.
- Клосман, А.* (ум. в конце 70-х годов) — баденский офицер, участник революции 1848 г., эмигрант в Швейцарии — 407.
- Клус, Адольф* — член Союза коммунистов в Майнце, по профессии инженер, после эмиграции чиновник адмиралтейства в Вашингтоне — 525.
- Коббет, Вильям* (1762—1835) — английский публицист и политический деятель, мелкобуржуазный радикал, про-

тивник хлебного закона 1815 г., с 1832 г. член парламента — 82.

Колачек, Адольф — австрийский радикальный публицист, издатель «*Stimmen der Zeit*» и «*Deutsche Monatschrift*» — 322, 348, 540.

Колет, Чарлз Добсон — английский радикал, уркартист, редактор «*Free Press*» в Лондоне — 345.

Коллоредо-Мельц и Вальзее, Венцель-Иосиф (1738—1822) — австрийский фельдмаршал — 234.

Колумб, Христофор (1446—1506) — 141.

Кольб, Густав Эдуард, д-р (1798—1868) — немецкий публицист, один из трех редакторов «*Allgemeine Zeitung*», привлеченных Фогтом к суду — 345.

Конгейм, Макс — немецкий демократ, участник баденского восстания, эмигрант в Женеве, затем в Лондоне — 256, 258, 259, 277.

Константин, великий князь (1827—1892), сын Николая I — 240, 338, 344, 374, 529.

Корбет, Томас — английский буржуазный экономист, автор книги «*Inquiry into the causes and modes of the wealth of individuals*» [Исследование причин и видов индивидуального богатства], 1841 год — 83.

Корн — берлинский аптекарь и химик, участник баденского восстания, эмигрант в Женеве — 256, 258, 277.

Коста де-Брегар — представитель савойской аристократии — 218.

Коттон — изобретатель машины для взвешивания золота — 96.

Коули — см. *Каули*.

Кошут, Людвиг (1802—1894) — венгерский революционер, лидер либерального дворянства, в 1848 г. глава Комитета национальной обороны и революционного правительства; после поражения Гергея бежал в Турцию; в 50-х годах вел сношения с Наполеоном, надеясь с его помощью вновь получить политическую роль в стране — 369, 370, 385, 409, 433—439, 526, 541, 542; характеристика — 442; антиреспубликанизм — 440; сношения с Наполеоном, подкупность — 440—441.

Краузе — см. *Флери*.

Краузе — отец Флери Краузе (см.) — 519, 523.

Креммер — настоящее имя Шерваля (см.).

Кромвель, Оливер (1599—1658) — вождь буржуазной английской революции 1640—1648 гг., лорд-протектор Англии (1653—1658) — 40.

Кроссгей — английский публицист, уркартист — 436, 437.

Крюденер, Барвара Юлия, баронесса (1764—1825) — великосветская проповедница мистики и «пророчица»; современники приписывали ей идею Священного союза — 359.

Ксенонфонт (ок. 430—354 до н. э.) — греческий реакционный военный и политический деятель, историк, философ и публицист, ученик Сократа, участник военного похода против персов — 119, 121, 140.

Кубеиш — австрийский полицейский чиновник — 518.

Куза, Александр Иоанн I (1820—1873) — с 1859 г. князь Молдавии и Валахии, позднее первый князь объединенной Румынии (1861—1866) — 362, 363, 382, 384.

Купер, Томас (1759—1840) — американский экономист, сторонник свободной торговли — 22.

Кустоди, Пьетро (1771—1842) — издатель итальянских экономистов-классиков — 20, 25, 44, 94, 109, 134.

Кэмпбел, Арчиболд, граф Аргайль (ум. в 1865 г.) — один из предков Женни Вестфален, виг, возглавлял оппозицию против реакционной клики Якова II, казнен на площади в Эдинбурге — 297.

Кэри, Генри Чарлз (1792—1879) — американский экономист, апологет капитализма, критиковал учение Рикардо, усматривая в нем теоретическую основу коммунизма; проповедник гармонии классовых интересов — 174, 175.

Кювье, Жорж (1769—1832) — знаменитый французский натуралист, установивший систему классификации животного царства по анатомическим признакам — 297.

Л.

Ладендорф, Август, д-р — немецкий революционер, член Союза коммунистов, соредaktor швейцарского журнала «*Felleisen*», в 1853 г. был приговорен берлинским судом к пяти годам тюремного заключения — 291, 292, 523.

Ламартин, Альфонс (1790—1869) — французский государственный деятель, историк и поэт, глава временного правительства 1848 г., проводил политику межкулассового мира — 426.

Лангенишварц, Максим — немецкий поэт-импровизатор; в своей, вышедшей в 1834 г., работе «*Arithmetik der Sprache*» пытался дать научную теорию импровизации — 442.

- Лапинский, Теофил* (1827—1886) — польский полковник, служивший в венгерской революционной армии под командой генерала Клапки, автор сочинений «Feldzug der ungarischen Hauptarmee im Jahre 1849», позднее перешел на турецкую службу, где был известен под именем Теффик-бея — 368, 433, 434, 438, 443, 445.
- Лассаль, Фердинанд* (1825—1864) — 521.
- Лаундс, Вильям* (1652—1724) — английский экономист и государственный деятель, канцлер казначейства, автор работы «A report containing an essay for the amendment of the silver coins» (1695)—62, 63, 67, 105.
- Лафайет, Мари-Жозеф* (1757—1834) — французский политический деятель, вожь умеренно-либеральной буржуазии; начальник национальной гвардии во время Великой революции, против которой вел неустанную борьбу; в революцию 1830 г. содействовал воцарению Луи Филиппа — 315.
- Левы, Иосиф Моисей* (1812—1888) — английский журналист, основатель и собственник известной лондонской газеты «Daily Telegraph» — 461 — 467, 473.
- Ледрю-Роллен, Александр Огюст* (1808—1874) — французский публицист, лидер демократической мелкой буржуазии, член временного правительства 1848 г. и вожь парламентской «горы» в Учредительном и Законодательном собраниях — 375.
- Лейптенбергский герцог, Максимилиан Евгений Иосиф Наполеон* (1817—1852) — сын Эжена Богарна (см.): с 1839 г. после брака с дочерью Николая I, Марией, жил в России — 364, 365.
- Лекурб, Клод-Жак* (1759—1815) — французский генерал, участвовал почти во всех войнах революционной эпохи — 224.
- Лелевель, Иоахим* (1786—1861) — польский историк и политический деятель, принимал участие в восстании 1830 г., член временного правительства, эмигрант в Бельгии — 479, 534, 536.
- Ленинг, д-р (Löning)* — издатель во Франкфурте — 342, 404, 405.
- Лендоун, маркиз* — см. Петти, Генрих.
- Леонид* — царь спартанский, согласно преданиям, погиб в войне против персов (480 г. до н. э.), защищая проход в Грецию через Фермопильское ущелье, указанный персам изменником Эфиальтом — 423.
- Леотар* — 588, 540.
- Лессин Готгольд Эфраим* (1729—1781) — знаменитый немецкий писатель и критик, просветитель — 150.
- Лети, Арман Франсуа* (род. 1812 г.) — бонапартистский офицер, участник страсбургского путча Луи Бонапарта (1836), с 1857 г. сенатор — 275, 419.
- Либих, Юстус* (1803—1873) — знаменитый немецкий химик; творец агрономической химии, главным образом учения о минеральных удобрениях — 461.
- Либкнехт, Вильгельм* (826—1900) — 257, 276—278, 334—336, 339—341, 343, 345—348, 350, 458, 464, 477, 478, 482, 490, 498, 499, 500, 502, 521, 522, 529, 530, 532.
- Лимерак* (1817—1868) — французский литератор, соредатор «Constitutionnel», бонапартист, награжден орденом почетного легиона — 538, 539.
- Линдхорст, Джон Синглетон* (1772—1863) — английский юрист и государственный деятель, рьяный консерватор, лорд-канцлер (1827, 1834—1835 и 1841—1846) — 356.
- Линпе, Леопольд, граф* (1815—1889) — прусский юрист, с 1860 г. первый прокурор королевского городского суда в Берлине, позднее министр юстиции — 483, 484.
- Лист, Фридрих* (1789—1846) — немецкий экономист, идеолог развивающейся и стремящейся к объединению в одно национальное целое германской промышленной буржуазии; сторонник системы протекционизма; главное сочинение: «Das nationale System der politischen Oekonomie» («Национальная система политической экономии») — 23.
- Лихновский, Феликс* (1814—1848) — прусский офицер, член правой Франкфуртского национального собрания, убит повстанцами в сентябре 1848 года — 324, 468, 469.
- Ло, Джон* (1671—1729) — сын эдинбургского банкира, экономист и финансист, создатель финансовой системы, основанной на безграничном выпуске бумажных денег — 147, 152.
- Лойа, Александр* (род. в 1809 г.) — парижский адвокат, с 1840 г. — главный редактор «L'Ordre»; в эмиграции по приглашению Фазы (см.) читал лекции по праву в Женевском университете — 288.
- Локк, Джон* (1632, 1704) — английский философ-сенсуалист, по экономическим воззрениям примыкал к критикам меркантилизма, разделял количественную теорию денег, «предста-

- витель новой буржуазии во всех формах: промышленников против рабочих и пауперов, коммерсантов против старомодных ростовщиков, финансовой аристократии против государственных должников» (Маркс) — 61, 63, 64, 105, 131, 143, 147, 151.
- Поммелль, Георг* — немецкий демократ, эмигрант в Швейцарии, составитель ответа о празднестве рабочих союзов в Лозанне — 293, 296.
- Понгин, Дионисий Кассий* (III в.) — древний писатель, неоплатоник — 341.
- Пуи Наполеон* — см. *Бонапарт, Луи*.
- Пуи Филипп* (1773—1850) — французский король в период между революциями 1830 и 1848 годов — 282, 361, 366, 394, 395, 396, 411, 449, 466.
- Пукулл* (около 110—56 до н. э.) — римский полководец, известный своим богатством, обилем и роскошью своих пиршеств — 415.
- Людвиг* — см. *Хлобви*.
- Людвиг XIX* (1638—1715) — французский король (1643—1715) — 41, 42, 443.
- Людвиг X* (1710—1774) — французский король (1715—1774) — 262, 371.
- Людвиг XVIII* (1755—1824) — французский король (1814—1824) — 363.
- Лютер, Мартин* (1483—1546) — вождь религиозного реформаторского движения против папства в Германии; тесно связанный с растущим торговым капиталом и князьями, вел борьбу с демократическим и особенно с коммунистическим сектантством — 115, 125, 130.
- Ля-Герроньер, Луи Этьен* (1812—1875) — французский публицист, сторонник Наполеона III; после переворота 2 декабря придворный журналист, оберцензор французской печати — 335, 359, 406, 425—430.
- М.**
- Магомед* (570—632) — 266, 472.
- Мадамини, Джузеппе* (1805—1872) — итальянский политический деятель, глава мелкобуржуазной демократической организации «Молодая Италия», боролся за объединение Италии на основе демократической республики; после революции 1848 г. эмигрант в Лондоне, глава Демократического комитета, ставившего своей целью объединение всех республиканских движений Европы — 373, 400, 401, 436, 450.
- Майер, Карл Эсселингена* (1819—1889) — немецкий писатель, член левой Франкфуртского национального со-
брания и комиссар имперского регентства в Бадене, затем эмигрант владелец ювелирной фабрики в Невшэтеле; с 1863 г. снова в Германии, член рейхстага (1881—1887) — 341, 422, 423, 449.
- Мак-Адам из Глазго* — 442.
- Мак-Келлок, Джон Рамзэй* (1789—1864) — английский экономист, апологет капиталистического строя, вульгаризатор Рикардо: издал сочинения А. Смита и Рикардо с вводными биографическими статьями — 21, 39.
- Макларен, Джеймс* — шотландский буржуазный экономист, автор «History of the Currency» [«История денежного обращения»] — 56, 150, 151.]
- Маклеод, Генри* (1821—1902) — шотландский финансист и экономист, представитель вульгарной школы в политической экономии — 48, 127.
- Мак-Магон* (1808—1893) — французский маршал, участник Крымской войны, в кампании 1859 г. командовал II корпусом французской армии, действовавшей в Верхней Италии, выиграл сражение у Мадженты; в 1873—1879 гг. президент Французской республики — 212.
- Мамсбери (Malmesbury), Джеймс Говард Гарис, граф* (1807—1884) — английский политический деятель, консерватор, министр иностранных дел (1852 и 1858—1859), позднее лорд-хранитель печати — 355, 297—399, 401, 411.
- Мальтус, Томас Роберт* (1766—1834) — английский пастор, экономист, ярый защитник капитализма, автор книги «Опыт о законе народонаселения» (1798), в которой обосновывает нищету рабочего класса законами природы — 23—82.
- Мандевиль, Джон* (1300—1372) — вероятный автор популярных описаний путешествий по Европе, Азии и Африке, переведенных почти на все европейские языки — 102.
- Мантейфель, Отто Теодор* (1805—1882) — прусский государственный деятель, министр внутренних дел в кабинете Бранденбурга; с 1850 г. стал во главе министерства и вел реакционную политику бюрократического абсолютизма — 455, 473, 481.
- Марильи, Этьен* (1804—1889) — епископ фрейбургский — 453.
- Маркс, Жени* (1814—1881) — жена К. Маркса — 297, 475, 534, 536.
- Маркс, Карл* (1818—1883) — 253—256, 259, 267—269, 283—288, 294, 296, 300, 306, 307, 309—313, 315, 321, 335,

- 336, 340, 345, 347, 348, 351, 455, 458, 459, 477, 481, 482, 488—490, 492, 499, 501—505, 516, 517, 528, 530, 531, 533—537; причины ответа Фогту в печати—251—252; «*Rheinische Zeitung*»—5, 6, 333, 487, 495, 500; «*Deutsch-Französische Jahrbücher*»—6; экономические занятия—6—9; Демократическое общество в Брюсселе—479; высылка из Франции, Бельгии, Пруссии—6, 302, 303, 227, 479, 480; Союз коммунистов—302—304 (см. также предметный указатель); «*Neue Rheinische Zeitung*»—8, 280, 324—327, 456, 460, 479, 491, 502; перед судом присяжных в Кельне—313; «*Revue der Rheinischen Zeitung*»—304, 312, 314, 317, 318, 323, 331, 337; кельнский процесс коммунистов—289—292, 520—522, «процесс с прусскими судами» (против «*Nationalzeitung*») — 251, 475, 483, 484, 486, 487, 491, 496, 497, 507—509; Фогт и бонапартистская клика о Марксе—274—276, 316, 476.
- Мартен**—французский писатель, бонапартист, сотрудник «*Constitutionnel*»—406.
- Массена, Андре** (1758—1817)—французский маршал—234.
- Массон, Август Мишель Бенуа** (1800—1883)—французский драматург и мелкобуржуазный публицист—376.
- Махмуд II** (1785—1839)—турецкий султан (1808—1839)—363.
- Мейен, Эдуард** (1812—1870)—немецкий демократ, в молодости левогегельянец, позднее национал-либерал—318, 457—459, 520.
- Меллине, Франсуа** (1768—1852)—бельгийский генерал, участник революции 1830 г., почетный председатель Международного демократического общества в Брюсселе—479.
- Мендельсон, Моисей** (1729—1789)—немецкий мелкобуржуазный философ, проповедывавший рационалистический деизм—150.
- Местр, Ксавье, де** (1763—1852)—французский офицер на русской службе, реакционный публицист, автор «Путешествия вокруг моей комнаты» (1794 год)—465.
- Меттерних, Клеменс Лотар Венцель, князь** (1773—1859)—австрийский канцлер; после заключения Священного союза стоял во главе европейской реакции и вплоть до мартовской революции был вдохновителем в всех реакционных союзов—356, 369.
- Махмед-бей**—турецкое имя И. Банди (см.).
- Мигель, Мария Эзарест** (1802—1866)—король Португалии (1828—1834)—364.
- Мильт, Джеймс** (1773—1836)—английский историк, философ и экономист, ученик Рикардо; после смерти последнего—глава рикардианской школы—82, 162, 164, 165.
- Мильт, Джон Стюарт** (1806—1873)—сын предыдущего, философ-позитивист и либеральный политический деятель; в политической экономии эпигон классической школы; автор «*Elements of Political Economy*» («Элементы политической экономии»), 1821 г.—82, 176.
- Мискоецкий, Генрих Людвиг**—польский офицер, участник восстания 1830 г., эмигрант в Лондоне; погиб от пожара в 1854 году—307, 308.
- Миссельден, Эдуард** (1608—1654)—английский экономист, представитель меркантилистического направления—109, 113, 115.
- Моле, Луи Матье, граф** (1781—1855)—французский государственный деятель, с 1836 по 1839 г. реакционный министр-президент и министр внутренних дел—366.
- Молль, Иосиф** (ум. в 1849 г.)—часовщик из Кельна, член лондонского Центрального комитета Союза коммунистов, участник баденского восстания; погиб в битве при Мурге—303.
- Монталамбер, Шарль Форб де-Трион** (1810—1870)—французский политический деятель, оратор и писатель, вождь католической партии, член Национального и Законодательного собраний (1848 год)—378.
- Монтанари, Джеманиано** (1633—1687)—итальянский математик и экономист меркантилистического направления—25, 136.
- Монтескье, Шарль Луи** (1689—1755)—французский историк и политический писатель, идеолог восходящей буржуазии; сторонник количественной теории денег—142, 148.
- Монтескью, Фезансак, маркиз де** (1739—1798)—французский генерал и писатель—220.
- Мопэ, Шарлемань, Эмиль де** (1817—1888)—французский полицейский чиновник, префект парижской полиции при Луи Наполеоне, с 1852 по 1853 г. министр общей полиции—520.
- Морни, Шарль Огюст Луи де** (1811—1865)—брат и приближенный Наполеона III, в 1851—1852 гг. министр внутренних дел, один из организаторов переворота 2 декабря; в 1854—

- 1856 и 1857—1865 гг. председатель Законодательного корпуса — 262, 380.
- Мюллер, Адам* (1779—1829) — немецкий реакционный публицист, представитель романтической школы, противник теории А. Смита, автор «Versuch einer neuen Geldtheorie» («Опыт новой денежной теории»), 1816 год — 58.
- Мюллер* — председатель немецкого Рабочего просветительного общества в Лондоне — 480.
- Мюльнер, Амадей Готфрид Август* (1774—1829) — немецкий драматург и критик — 341.
- Мюнхгаузен, Карл Фридрих Иероним*, барон (1720—1797) — автор рассказов о его собственных невероятных приключениях, положивших начало ряду «Приключений Мюнхгаузена» ранних авторов — 521.

Н.

- Наполеон, принц Жозеф Шарль Поль* (Плон-Плон) (1822—1891) — кузен Наполеона III, демократический фразер, глава «левых» бонапартистов — 266, 275, 283, 285, 337, 344, 368, 390, 393, 407—409, 412, 415, 416, 424, 425, 430, 431, 439, 440, 443, 474; характеристика — 407—408.
- Наполеон I* (1769—1821) — французский император (1804—1815) — 161, 223, 224, 232—234, 240—242, 262, 263, 315, 356, 358, 359, 363, 368, 382, 383, 409, 422, 501.
- Наполеон III* — см. *Бонапарт, Луи*.
- Ней, Мишель* (1769—1815) — маршал Наполеона I — 264.
- Николай I* (1769—1855) — русский император (1825—1855) — 242, 245, 246, 360, 361, 363—366, 369, 445.
- Норман, Уорд* (1793—1882) — английский публицист, сторонник ограничения выпуска банкнот — 167.
- Ньюдженст, Лаваля* (1777—1862) — австрийский фельдмаршал, участник многих походов; в кампании 1859 г. участвовал как волонтер — 211.
- Ньюмарч, Вильям* (1820—1882) — английский экономист и статистик, сторонник свободной торговли, последователь Рикардо — 169.
- Нэпир, сэр Чарлз* (1782—1853) — английский адмирал — 355.

О.

- Оверстон, Сэмюэл Джонс*, лорд (1769—1883) — английский банкир, один из вдохновителей финансового законо-

- дательства Р. Пилля, защитник теории автоматического регулирования денежного обращения, автор основанного на этой теории банкового закона 1844 года — 156, 167, 168.
- Ожеро, Пьер-Франсуа-Шарль* (1757—1816) — французский маршал — 234.
- Оксенбейн, Ульрих* (1811—1890) — швейцарский генерал и государственный деятель, радикал, в 1847 г. был союзным президентом Швейцарии — 449.
- Оли* (Ohli) — лондонский корреспондент «Allgemeine Zeitung» — 333, 334, 499, 500.
- Олифант, Лоренс* (1829—1888) — английский путешественник и писатель, в Крымскую кампанию военный корреспондент «Times» — 400.
- Ольга* (1822—1892) — русская великая княжна, дочь Николая I, замужем за наследным принцем Бюртембергским — 513.
- Ондайк, Джордж* (1805—1880) — американский банкир, противник рабства, сторонник свободной торговли — 83.
- Оппенгейм, Генрих Бернгард* (1819—1880) — мелкобуржуазный немецкий демократический публицист, эмигрант — 318, 466.
- Оррес, Герман*, д-р (1821—1874) — немецкий публицист, соредатор аугсбургской «Allgemeine Zeitung», привлеченный Фогтом к суду вместе с Кольбом и Альтенгефером — 209, 213, 345, 428, 478, 479, 529, 530.
- Орсини, Феличе* (1809—1858) — итальянский патриот-террорист, совершивший покушение на Наполеона III (14 января 1858 года) — 378.
- Освальд* — немецкий мелкобуржуазный демократ, эмигрант в Лондоне, член антимарксовской эмигрантской клики — 259.
- Оуэн, Роберт* (1771—1858) — английский писатель, педагог и общественный деятель, один из основоположников утопического социализма — 47, 311.

П.

- Палестрина* — парижский полицейский чиновник — 427, 429.
- Пальмерстон, виконт Генри Джон-Темпл* (1784—1865) — английский политический деятель, виг; с 1830 г. министр иностранных дел, с 1855 г. премьер либерального кабинета — 338, 356, 360, 364, 378—380, 393, 399, 434, 435, 462, 527.

- Папиниан** (ок. 140—212) — римский юрист — 506.
- Пелисье, Жан Жак** (1794—1864) — французский маршал и политический деятель, в 1855 г. главнокомандующий французской армии в Крыму, впоследствии ген.-губернатор Алжира — 378.
- Перейр, Исаак** (1806—1880) — французский банкир и писатель, в молодости сен-симонист, основатель «Crédit Mobilier» — 80, 466.
- Перси-Генрих Хотспер** — сын графа Генриха Нортумберлендского (конец XIV века); как литературный персонаж фигурирует в драмах Шекспира; в нарицательном значении — пылкий нрав, горячая голова и благородная натура — 308.
- Персиныи, Жан Виктор Фиален** (1808—1872) — французский политический деятель, бонапартист, участник переворота 2 декабря, министр вн. д. при Наполеоне III — 394, 417.
- Перцель, Мориц** (1811—1899) — генерал венгерской революционной армии — 369, 441.
- Перье, Дэсон** — швейцарский политический деятель, член Большого совета; в 1852 и 1856—1860 гг. приспешник Фази — 415, 417—419.
- Пететэн, Ансельм** (1807—1873) — французский публицист и дипломат, в 1860—1861 гг. — префект Савойи — 412.
- Петр Великий** (1672—1725) — первый русский император (1682—1725) — 101, 240, 245, 246, 338, 362.
- Петр Мученик из Ангера** (1457—1526) — испанский историк, педагог и писатель, автор сочинения «Decades de ogbe poyo», в котором излагается история открытия Америки — 138.
- Петти, Вильям** (1623—1687) — английский экономист и статистик, по выражению Маркса — «один из гениальнейших и оригинальнейших экономических исследователей», «отец английской классической политической экономии», основоположник теории трудовой стоимости — 21, 39—42, 50, 109, 114.
- Петти, Генрих Фицморис, маркиз Ленсдоун** (1790—1863) — английский государственный деятель, виг, в 1830 и в 1846—1852 гг. лорд-президент совета — 40.
- Печ, Альберт** — немецкий издатель и книгопродавец в Лондоне — 247.
- Пий IX** (1792—1878) — римский папа (1846—1878), поборник светской власти пап, провозгласил непогрешимость пап и ревно осуждал все завоевания науки после средневековья — 362.
- Пиль, Роберт** (1788—1850) — английский политический деятель, торий, затем либерал-консерватор, премьер-министр (1830 и 1841—1846); провел законы о восстановлении размена банкнот на золото (1819 г.), об ограничении выпуска банкнот, не покрытых золотом (1844 г.), и об отмене хлебных пошлин (1846 г.) — 50, 59, 68, 156, 167.
- Пиндар, Питер** — псевдоним английского поэта-сатирика Джона Уолкота (1738—1819) — 321.
- Питт, Вильям Младший, граф Чатам** (1759—1806) — один из реакционнейших английских государственных деятелей; будучи премьером, организовал интервенцию против французской революции, подавил ирландское восстание и провел ряд реакционных мер против рабочего движения — 284, 356.
- Платон** (427—347 до н. э.) — знаменитый греческий философ-идеалист, идеолог рабовладельческого класса — 102.
- Плиний, Кай Старший** (23 до н. э. — 79) — знаменитый римский натуралист, автор «Естественной истории» со сведениями по астрономии, географии, ботанике, зоологии, живописи, скульптуре и т. д. — 116.
- Плон-Плон** — прозвище Жозефа Бонапарта, кузена Наполеона III — см. Наполеон, принц Жозеф-Шарль-Поль.
- Пломике, Э. К.** — немецкий военный писатель — 290.
- Полньяк, Жюль Огюст Арман Мари, граф** (1780—1847) — французский государственный деятель, представитель землевладельческой аристократии, в 1829—1830 гг. министр иностранных дел и премьер-министр — 240, 245.
- Поп, Александр** (1688—1744) — английский поэт-сатирик, представитель псевдоклассицизма и провозвестник рационалистического просвещения XVIII века, автор поэм «Rap of the Lock» и «Dunciad» — 455, 465.
- Поццо-ди-Борго, Карл Андрей** (1764—1842) — русский дипломат, сторонник реакционного союза России, Австрии и Пруссии — 366.
- Проперций, Секст** (52—15 до н. э.) — римский поэт, прославившийся своими любовными элегиями — 14.
- Прудон, Пьер Жозеф** (1809—1865) — французский публицист, представитель мелкобуржуазного социализма, анархист — 8, 42, 48, 49, 69, 72, 174, 198, 312, 378.

Пульский, Франц (род. в 1814 г.) — венгерский археолог, публицист и общественный деятель, сторонник Косшута — 442.

Путнем, Джордж Пальмер (1814—1872) — нью-йоркский издатель и книготорговец — 537.

Пушкин, Александр Сергеевич (1799—1837) — 160.

Пфуль, Эрнст (1779—1866) — прусский генерал, в революцию 1848 г. военный губернатор Берлина, затем министр-президент и военный министр Пруссии — 472.

Пьетри, Жозеф Мари (1820—1902) — префект полиции при Наполеоне III — 274, 275.

Р.

Рабль, Франсуа (1494—1553) — французский писатель эпохи возрождения, автор романов «Пантагрюэль» и «Гаргантюа», в которых высмеивает обскурантизм церкви, защищает свободу научного исследования; яркий представитель гуманизма, идеолог буржуазии — 259.

Раго, Франц (1810—1851) — немецкий демократ, вождь умеренной левой Франкфуртского национального собрания и член баденского революционного правительства; присужденный к смертной казни эмигрировал — 470.

Радемахер, Иоганн Готфрид (1772—1849) — немецкий врач; был известен своеобразной классификацией болезней по средствам борьбы с ними, должествовавшей, по его мнению, радикально изменить воззрения на медицину — 259.

Радецкий, Иоганн Иосиф (1766—1858) — австрийский фельдмаршал, реакционер, наместник в Италии, известен своими зверскими расправами в борьбе против освободительного итальянского движения — 212, 357.

Радовиц, Иосиф (1797—1853) — прусский генерал и государственный деятель, вождь крайней правой во Франкфуртском национальном собрании — 468—470.

Ракоци, Франц (1676—1735) — венгерский князь, ставший во главе восстания против Габсбургов за освобождение Венгрии — 443.

Раникель — ремесленник из Бингена, участник революции 1848 г., эмигрант в Женеве — 265, 266, 270, 271, 280, 288, 300, 301, 341, 412, 423, 425, 468, 512.

Распайль, Франсуа Венсан (1794—1878) — французский естествоиспытатель и публицист, член Учредительного собрания 1848 года, монтаньер, республиканец, проповедывал «социализм чувства»; впоследствии левый радикал — 294.

Редз — австрийский демократ, эмигрант в Лондоне — 310.

Резен, Пьер (1820—1870) — член Большого совета Женевы, редактор женевской газеты «Journal du tir fédéral» — 511, 512.

Резер, Петер Гергард (1814—1856) — немецкий ремесленник, руководитель кельнского комитета Союза коммунистов, осужден в кельнском процессе и отбыл наказание; позднее — лассальянец — 521.

Рейнах, Арнольд — немецкий демократ, эмигрант в Швейцарии — 341, 512, 513.

Рейтер, Макс — полицейский шпион на службе прусского правительства — 519.

Рейтер, Юлиус, барон (1821—1899) — основатель известного телеграфного агентства — 491.

Рейхардт, Иосиф (1803—1872) — левый член Франкфуртского национального собрания, член баденско-пфальцского правительства, позднее эмигрант в Америке — 471.

Рейхенбах, Оскар, граф (1815—1893) — брестлавский демократ, член Франкфуртского национального собрания; в эмиграции приверженец Кинкеля — 526, 527.

Ремюза, Франсуа-Шарль, граф де (1797—1875) — французский политический деятель и писатель, в 1840 г. министр внутренних дел в кабинете Тьера — 282.

Реслер, Густав-Адольф (1818—1855) — учитель из Эльса, член левой Франкфуртского национального собрания, эмигрант в Швейцарии и Америке — 320.

Решид-паша, Мустафа (1802—1858) — турецкий государственный деятель, великий визирь (1846—1852 и 1856—1857) — 370, 436.

Рикардо, Давид (1772—1823) — английский экономист, наряду с Адамом Смитом крупнейший представитель классической школы; его главный труд: «On the Principles of Political Economy and Taxation» («Начала политической экономии и налогового обложения») 1817 год — 39, 47—49, 82, 142, 150, 152—162, 165—168, 173, 185, 187.

Ринес — коммунист, эмигрант в Лондоне — 522.

Риссер, Габриэль (1806—1863) — адвокат в Гамбурге, в 30-х годах выступал в печати с требованием равноправия

- для еврейства, член и вице-президент Франкфуртского собрания, сторонник конституционной монархии — 331.
- Ришелье, Арман Эмманюэль Дюплесси* (1766—1822) — французский герцог, бежавший в эпоху Великой революции в Россию, где вскоре занял пост генерал-губернатора г. Одессы и Новороссийского края; будучи умеренным роялистом, во время реставрации Р. снова вернулся во Францию и занимал пост премьера при Людовике XVIII — 363.
- Робеспьер, Огюст Бон Жозеф* (1763—1794) — брат знаменитого Максимилиана Робеспьера, с 1792 г. — член Национального конвента, комиссар итальянской армии, друг генерала Бонапарта — 234.
- Рожье, Шарль Латур* (1800—1885) — бельгийский государственный деятель, умеренный либерал, защитник конституционной монархии; в 1847—1852 гг. министр внутренних дел — 479.
- Розенблом, Эдуард* — немецкий демократ, участник баденского восстания, эмигрант в Женеве и в Лондоне — 256—259, 277.
- Розина, Иоганна*, урожд. Гельниц — жена Ф. А. Краузе (см.) — 523.
- Роос* — меховщик из Парижа, эмигрант — 341.
- Россель, Джон*, лорд (1792—1878) — английский государственный деятель, виг; с 1846 по 1852 г. премьер-министр, в 1865—1866 гг. министр иностранных дел — 396, 415.
- Роттек, Карл Венцеслав* (1775—1840) — немецкий политический деятель и историк, либерал, кантианец — 454.
- Руге, Арнольд* (1802—1880) — немецкий радикальный публицист, левогегельянец, в 1841 г. издавал «Deutsche Jahrbücher» и в 1844 г. вместе с Марксом — «Deutsch-Französische Jahrbücher»; с 1866 г. сторонник Бисмарка — 310, 318, 319, 321, 520.
- Руссо, Жан Жак* (1712—1778) — французский писатель, педагог и философ, просветитель, идеолог французской мелкой буржуазии, дал теоретическое оружие якобинцам Великой французской революции — 173, 450.
- Рэ, Теодор*, адвокат, член Франкфуртского национального собрания — 328, 329.
- Сайлис, Вильям* — секретарь шеффилдского комитета по иностранным делам в 1856 году — 528.
- Сеймур, Джон Гамильтон* (1796—1880) — английский государственный деятель, дипломат; с 1851 по 1854 г. — посол в Петербурге, позднее в Вене — 242, 245.
- Семерв, Бартоломей* (1812—1869) — венгерский писатель и политический деятель, министр внутренних дел в революционном правительстве 1848 года — 268, 369, 443.
- Сениор, Вильям Нассау* (1790—1864) — английский вульгарный экономист, апологет капитализма, автор «Outlines of Political Economy» («Очерки политической экономии») 1836 год — 118, 127.
- Сен-Симон, Анри Клод* (1760—1825) — французский писатель, один из крупнейших представителей утопического социализма — 80, 311.
- Серрюрье, Жан Матье*, граф (1742—1819) — французский маршал — 234.
- Сефер-паша* — 438.
- Симон Боливар* — см. *Боливар*.
- Симон, Людвиг* (1810—1872) — адвокат из Трира, член левой Франкфуртского национального собрания — 427, 513.
- Симон, Эдуард* (род. в 1824 г.) — французский публицист, уроженец Берлина; знакомил французов с положением в Германии, редактор «Memorial diplomatique»; шпион и провокатор — 268, 315, 316, 334, 335, 425—430, 454, 462.
- Сирмай, граф* — один из потомков известной аристократической фамилии Венгрии, агент Кошута в эмиграции — 436.
- Сисмонди, Жан Шарль* (1773—1842) — швейцарский мелкобуржуазный экономист и историк: выступал с критикой классической школы с точки зрения экономического романтизма; автор «Nouveaux Principes d'Economie Politique» («Новые начала политической экономии»), 1819 год — 39, 47, 48, 82.
- Смит, Адам* (1723—1790) — английский экономист, основатель классической школы, главное сочинение «Исследование о богатстве народов» (1776 год) — 23, 39, 41, 44, 46, 47, 55, 59, 110, 130, 150, 151, 173, 176, 194.
- Смит, Томас* (1514—1577) — английский юрист и дипломат, профессор гражданского права, в книге «Commonwealth of England» дал подробное описание английских законов — 128.

С.

- Сазонов, Николай Иванович* (1815—1862) — русский журналист, эмигрант во Франции и Швейцарии — 267.

- Соссюр, Теодор де* (1824—1903) — швейцарский писатель, филолог и художник, лидер аристократической оппозиции во время правительства Фази — 417.
- София* (1805—1872) — эрцгерцогиня австрийская, вдохновительница реакционной ультрамонтанской камарилы — 440, 460.
- Спенс, Вильям* (1783—1860) — английский энтомолог и экономист, защитник старых хлебных законов, утверждал примат благосостояния, созданного земледелием, над благосостоянием, созданным промышленностью и торговлей — 82.
- Спиноза, Бенедикт* (1632—1677) — знаменитый голландский философ, материалист — 150, 180.
- Стивенс* — типограф в Лондоне — 520.
- Стеффен, В.* бывший пехотный лейтенант в Кельне, преподаватель дивизионной школы; свидетель защиты в кельнском процессе коммунистов — 309.
- Страбон* (63 до н. э. — 19) — древнегреческий путешественник и писатель, географ — 140.
- Струве, Густав* (1805—1870) — немецкий демократ, член баденского временного правительства, которое вело характерную для мелкобуржуазной демократии трусливую и предательскую политику выжиданий и оттягиваний в самые решительные моменты революции 1848 г.; эмигрант в Лондоне и Америке, в 1863 г. вернулся в Германию — 259, 277, 279, 450.
- Стюарт, Дэвид* (1712—1780) — английский экономист, меркантилист, автор «An Inquiry into the Principles of Political Economy» («Исследование начал политической экономии»), 1767 год — 44, 45, 63—67, 145, 148—151, 168, 174, 207.
- Сулак* (1782—1867) — президент республики Гаити, в 1849 г. провозгласивший себя императором и задушивший восстание 1848 г., по происхождению негр — 262.
- Сэй, Жан Батист* (1767—1832) — французский вульгарный экономист, один из самых беззастенчивых апологетов капиталистического строя; главное произведение «Traité d'Economie Politique» («Трактат о политической экономии») — 23, 48, 82, 101, 151, 184.
- Т.**
- Талейран, Шарль Морис де-Перигор* (1754—1838) — французский государственный деятель, представитель старого дворянства, ловкий дипломат, с возвышением Наполеона I и по 1807 г. министр иностранных дел, в 1815 г. некоторое время занимал пост премьера, активно содействовал реставрации Бурбонов, позднее посол в Лондоне — 240.
- Таузену, Карл* (1808—1873) — австрийский журналист, в 1848 г. президент Демократического союза в Вене, эмигрант, один из руководителей мелкобуржуазного Агитационного общества в Лондоне — 319.
- Тацит, Публий Корнелий* (ок. 55—120 гг.) — известный римский историк — 376.
- Телеки, Ладислав, граф* (1811—1861) — венгерский политический деятель, юрист и писатель, в 1848 г. — депутат парламента, посол революционной Венгрии в Париже — 439.
- Темме, Иодокс-Деодатус-Губертус* (1798—1881) — немецкий юрист, демократ, член крайней левой Франкфуртского и Берлинского национальных собраний — 472.
- Тетов, Густав-Адольф* (1812—1893) — прусский офицер, мелкобуржуазный демократ, участник Февральской революции в Берлине и баденского восстания, впоследствии эмигрант в Лондоне и в Австралии — 299—301, 306—316, 318—321, 459, 476, 497, 499, 504, 505.
- Томпсон, Вильям* (1785—1833) — английский экономист, оуэнист, главное сочинение «Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth most conducive to Human Happiness etc...» («Исследование о принципах распределения богатства, наиболее способствующих человеческого счастью и т. д.»), 1824 год — 72.
- Торренс, Роберт* (1780—1864) — английский экономист, фритредер, критиковал теорию стоимости Рикардо, выдвигая теорию издержек производства, автор «An Essay on Money and Paper Currency» («Опыт о деньгах и бумажном обращении») — 167.
- Троз, д-р.* — швейцарский союзный комиссар по высылке эмигрантов — 450, 510, 515.
- Тувенель, Эдуард Антуан* (1818—1866) — французский политический деятель; в 1849—1850 гг. посланник в Афинах, после переворота Бонапарта призван в Париж и в 1860—1862 гг. министр иностранных дел — 395, 413—416.
- Тук, Томас* (1774—1858) — английский статистик и экономист, сторонник те-

чения, выдвигавшего принцип саморегулирования банкнотного обращения, автор работы «A History of Prices and of the State of the Circulation from 1793—1856» (История цен и денежного обращения с 1793 по 1856 г.) — 83, 160, 162, 168, 169.

Туккер, Э.—немецкий издатель в Лондоне, уркартист—338.

Тум—башмачник в Женеве, друг В. Шили — 300.

Турт (Tourte) — швейцарский дипломат, посланник в Турине, в 50-х годах женевский правительственный советник, комиссар по высылке эмигрантов — 279, 414, 453, 510—513.

Тюрр, *Стефан* (1825—1908) — венгерский революционный офицер, участник баденского восстания и сицилийской экспедиции Гарибальди — 437.

У.

Удино, *Шарль* (1791—1863) — французский генерал, политический деятель и писатель; в 1842 г. член палаты депутатов, примыкал к группе Тьера, в 1849 г. командующий войсками, посланными Наполеоном для усмирения Римской республики — 375.

Уланд, *Людвиг* (1787—1862) — немецкий поэт и историк литературы, романик, глава так называемой Швабской школы; член Франкфуртского национального собрания, представитель южно-германской мелкой буржуазии, либерально-республиканских убеждений — 328, 330.

Уллоа, *Джироламо* (1810—1891) — неаполитанский артиллерийский офицер и военный писатель, в 1848 г. участник национального освободительного движения в Венеции, затем эмигрант в Париже — 266.

Ульмер — рабочий, член Союза коммунистов, с 1850 г. эмигрант в Лондоне — 521.

Ульпиан (ок. 170—228 гг.) — римский юрист — 506.

Ульрих (1487—1550) — герцог Вюртембергский, стоял во главе войск против крестьянского восстания 1514 г.; позднее, в войне с Швабским союзом, изгнанный из пределов герцогства, пытался опереться на восставших крестьян — 423.

Уркарт, *Давид* (1805—1877) — английский политический деятель и публицист; противник внешней политики Пальмерстона, его руссофилства и предательства интересов народов Азии;

сторонник союза Зап. Европы против России; Маркс и Энгельс считали полезным поддерживать его внешнеполитические установки и пользовались его материалом для своих статей по вопросам международной политики, не отказываясь выступать против него по вопросам внутренней политики — 60, 337, 338, 344, 368, 370, 434—436.

Уорик (Warwik), *Ричард Невиль* (1428—1471) — участник борьбы за английский престол Ланкастерского и Йоркского домов, так называемых «Белой и Алой Розы», возвел на престол сначала Эдуарда IV (из Йоркского дома), а затем, поссорившись с ним, — Генриха VI (Ланкастерца); прозван «делателем королей» (Kingmaker) — 472.

Устарис, *Иероним* (род. в 1689 г.) — испанский экономист, меркантилист — 41.

Ф.

Фази, *Джсемс* (1796—1878) — буржуазный женевский политический деятель и публицист, тип американского дельца; основатель «Revue de Genève»; с 1843 г. член Большого совета, в 1846 г. глава временного правительства кантона, с 1847 г. постоянный член Большого совета и его президент — 257, 279, 298, 335, 337, 407, 408, 411, 412, 414, 415, 417—421, 425, 433, 446—453, 475, 510, 512, 541.

Фальмерайер, *Якоб Филипп* (1790—1861) — немецкий писатель, историк и путешественник — 336.

Фаузер, *Юлий* (1820—1878) — немецкий публицист, вульгарный экономист, левогегельянец, сторонник свободной торговли — 338—340.

Фегеле, *Август* — наборщик из типографии Холлингера в Лондоне — 341, 344—351, 482, 490, 491, 497—499, 530—532.

Ферад-наша — турецкое имя Максимилиана Штейна (см.).

Фердинанд VII (1784—1833) — испанский король (1808 и 1813—1833) — 363.

Фиален — см. *Персиньи*.

Филипп II (1527—1598) — испанский король (1556—1598) — 113.

Филипсон, *Григорий Иванович* (1809—1883) — русский генерал — 438, 439.

Финк, д-р — немецкий эмигрант в Швейцарии — 279.

Финке, *Георг Эрнст фон* (1811—1875) — вестфальский барон, в 1848 г. один из вождей правой Франкфуртского национального собрания — 286, 324, 325, 467, 468—474.

- Фишарт, Иоганн** (1547—1590)—немецкий публицист, сатирик и поэт—259, 294, 470.
- Флери** (настоящая фамилия Краузе), **Карл Фридрих Август** (род. в 1824 г.)—прусский полицейский агент и шпион в Лондоне, орудие Грейфа в деле о Союзе коммунистов—281, 291, 518—524, см. также Шмидт.
- Флонк, Фердинанд** (1800—1866)—французский радикальный публицист и политический деятель; в 1845—1848 гг. редактор республиканской газеты «Réforme», член временного правительства 1848 г.; после переворота Луи Бонапарта изгнан из Франции—479, 533, 535.
- Фогт, Густав** (1829—1901)—брат Карла Фогта, чиновник в Берне, позднее профессор гражданского права в Цюрихе, редактор «Neue Züricher Zeitung»—419, 421.
- Фогт, Карл** (1817—1895)—немецкий естествоиспытатель, дарвинист, автор ряда популярных естественно-научных работ, вульгарный материалист, доктор медицины, позднее профессор зоологии; публицист и политический деятель, один из лидеров мелкобуржуазной демократии, член левой Франкфуртского национального собрания и имперского регентства, эмигрант в Швейцарии; платный агент бонапартизма в печати—227, 251, 254, 255, 258, 259, 260, 264, 266—269, 272—276, 278, 280—301, 315, 316, 318, 323, 324, 326, 333—340, 343—349, 352—363, 365—373, 381, 414, 420—425, 427—433, 442, 445, 446, 453, 454, 457—460, 463, 467—470, 474—478, 480—482, 487—489, 491—498, 501, 502, 504, 505, 512, 515, 524—526, 528—531, 542, 543; плагиатор—265, представитель целого направления—252; во Франкфуртском собрании—324, 325, 327, 329—332, 429; отзывы «Новой Рейнской Газеты»—280; регентство—294, 322, 331, 332; деятельность в Швейцарии—280, 281, 292, 293, 296, 517; 540, 541; «Программа» (1859)—404—406, 411; бонапартистский характер пропаганды—374, 375, 379, 382—398, 400—410, 412, 416, 417, 419; характеристика его «Исследований о состоянии Европы»—355, 402; процесс против аугсбургской «Allgemeine Zeitung»—341, 342; см. также **Карл Смелый**.
- Фогт, Филипп Фридрих Вильгельм** (1786—1860)—отец Карла Фогта, д-р медицины в Гиссене—289, 421.
- Фогт**—адвокат в Берне—513.
- Форбонне, Франсуа-Верон де** (1722—1800)—французский финансист и экономист, меркантилист, выступал с резкой критикой против физиократов; главное сочинение «Elements du Commerce» («Элементы торговли») 1754 год—147.
- Фосколо, Николо-Уго** (1778—1827)—итальянский поэт-патриот, республиканец—422.
- Франк**—псевдоним Шерваля (см.).
- Франк, Германн**, д-р (ум. в 1855 г.)—издатель «Allgemeine Deutsche Zeitung» в Лейпциге; после 1848 г. эмигрант, друг А. Руге—310.
- Франкини, Виктор Антонович** (1820—1892)—генерал-лейтенант, участник Крымской и Кавказской войн, военный секретарь русского посла в Константинополе, первый губернатор Карской области—439.
- Франклин, Бенджамин** (1706—1790)—американский государственный деятель, физик и экономист, участник борьбы Соединенных Штатов за независимость; один из первых пытался обосновать закон трудовой стоимости—42—44, 103, 147.
- Франц-Иосиф I** (1830—1916)—австрийский император с 1848 г.—212, 213, 358, 391, 393, 442.
- Франциск I** (1494—1547)—французский король (1515—1547)—393.
- Фребель, Юлиус** (1805—1898)—немецкий радикальный публицист, участник революции 1848 г., совладелец издательства в Цюрихе, позднее немецкий консул в Алжире—338, 350.
- Фрейлиграт, Фердинанд** (1810—1876)—немецкий поэт, был членом Союза коммунистов—337.
- Фрей, Фридрих-Эросте** (1801—1873)—швейцарский государственный деятель, в 1860 г. союзный президент—396, 413, 416, 417.
- Фридрих II** (Великий) (1712—1786)—король прусский (1740—1786)—294, 356.
- Фриц**—золотых дел мастер из Вюртемберга—288.
- Фуллартон, Джон** (1780—1849)—английский экономист, сторонник так называемой школы «banking principle», выступал против закона Р. Пилля об ограничении выпуска банкнот, автор «On the regulation of currencies etc.» («О регулировании денежного обращения и т. д.»)—169.
- Фурье, Шарль-Луи** (1772—1837)—264, 311.

Фюрстенберге, Карл-Эгон (1820—1896) — князь, сын Карла-Эгона, вице-президента баденской палаты; в 1849 г. его имущество, находившееся в замке Донау Эшинген, было реквизировано отступавшей баденской армией под командою Ф. Зигеля — 319.

X.

Хемден (Hampden), *Джон* (1594—1643) — английский политический деятель эпохи Великой английской революции, лидер пуританской оппозиции — 378.

Хильгертнер, Георг (1823—1865) — немецкий демократ, эмигрант — 527.

Хлодвиг (466—511) — король франков, основатель династии Меровингов — 374.

Хлудовик — см. *Луи Бонапарт*.

Ховельянос, Гаспар (1744—1811) — испанский экономист и политический деятель, в 1797—1798 гг. министр юстиции; по экономическим взглядам первоначально примыкал к физиократам, затем последователь А. Смита, энергичный сторонник идеи свободной торговли — 41.

Холлингер, Фиделио — собственник типографии в Лондоне, печатавшей большинство немецких эмигрантских газет — 341, 343, 344, 346—347, 349, 350—352, 458, 490, 497, 530—532.

Холлингер, Г-жа — жена предыдущего — 350.

Хорсман, Эдуард (1807—1876) — английский государственный деятель, виг, с 1855 по 1867 г. главный секретарь по делам Ирландии — 378.

Ц.

Цабель, Фридрих (1802—1875) — немецкий публицист, редактор политического отдела и ответственный редактор берлинской «Nationalzeitung», ответчик в процессе Маркса против газеты — 453, 454, 464, 475—479, 481—484, 486—507, 509, 520, 537.

Циммерман, Эрнст-Вильгельм-Эдуард — бургомистр из Шпандау, член левой Франкфуртского национального собрания — 325, 331.

Цинциннат, Луций Квинций (I век до н. э.) — римский государственный деятель, один из вождей патрициев в борьбе против плебеев; считался образцом римской простоты и доблести — 474.

Циц, Франц (1803—1877) — адвокат

из Майнца, член крайней левой Франкфуртского национального собрания, участник баденско-пфальцского восстания, эмигрант — 320.

Цицерон, Марк-Туллий (106—43 до н. э.) — знаменитый римский оратор и политический деятель, идеолог аристократической партии. В тексте подразумевается Карл Фогт — 284, 285, 293, 295, 296.

Ч.

Чарлз — общий псевдоним лондонских полицейских агентов Штибера — 518.

Челси (Chelsea) — английский дипломат в Париже — 381.

Чирнер, Самуэль-Эрдман (1812—1870) — адвокат, в 1848—1849 гг. вождь демократической крайней левой партии в Саксонии, после дрезденского восстания эмигрировал в Швейцарию, председатель мелкобуржуазной «Революционной централизации» в Цюрихе — 316.

Ш.

Шабелиц, Жак (1827—1899) — радикальный издатель и книгопродавец в Базеле; до 1848 г. жил в Лондоне, один из редакторов «Deutsche Londoner Zeitung», член общества «Братских демократов» — 283, 290.

Шайбле, Карл (1824—1899) — немецкий врач, участник баденской революции 1848 г., в 50-х годах эмигрант в Англии, преподаватель языков — 351—353, 431, 482, 497, 498.

Шаллер, Юлий (1807—1871) — швейцарский политический деятель, в 1848—1856 гг. глава фрейбургского правительства — 278.

Шапер, фон — в 1837—1842 гг. регистратор-президент в Трире, в 1842—1845 гг. — оберпрезидент Рейнской провинции — 5.

Шаппер, Карл (1813—1870) — немецкий революционер, один из руководителей Союза справедливых и член Центрального комитета Союза коммунистов; в 1850 г. вместе с А. Виллихом стал во главе антимарксовой фракции Союза коммунистов; через несколько лет после раскола Ш., будучи председателем Лондонского рабочего просветительного общества, вновь перешел на сторону Маркса — 276, 303, 307, 308, 481, 482.

Шатле (Châtelet) — 538, 539.

Шатобриан, Франсуа-Огюст (1768—1848) — французский писатель-роман-

- тик, дипломат и политический деятель, глава католической и роялистской реакции — 245, 363.
- Шафарик, Павел Иосиф** (1795—1861) — чешский филолог, историк и славяновед, оставивший многочисленные труды: *Slovanské Starožitnosti* (славянские древности), *Slovanský Narodopis* (славянское народописание) и др. — 371.
- Шварк** — чиновник прусского королевского апелляционного суда — 483, 484.
- Шверин, Максимилиан Генрих Карл**, граф (1804—1872) — прусский юрист и политический деятель, умеренный либерал, входил в кабинет Кампгаузена министром культов, позднее — национал-либерал — 456.
- Шевалье, Мишель** (1806—1879) — французский экономист, сторонник золотого монометаллизма — 102, 140.
- Шекспир, Вильям** — знаменитый английский поэт-драматург, живший в XVI веке — 124, 200, 203, 264.
- Шемберг, графиня**, убита в 1834 г. в Дрездене — 519.
- Шен** (Schön) — эмигрант, член Безансонской колонны под командой Виллиха — 305.
- Шенайс, Кристоф-Отто** (1725 — 1807) — немецкий поэт, автор поэмы «Hermappe», за которую получил от известного критика Готшета «венец поэта» — 151.
- Шеню, Адольф** (род. в 1816 г.) — участник тайных заговорщических организаций 30-х годов, провокатор и агент тайной полиции — 297.
- Шерваль, Франк Юлиус** (настоящая фамилия Кремер) — известный еще под фамилией Ньюджент, шпион и провокатор, по профессии литограф; был руководителем одной из парижских общин антимарксова Союза коммунистов — 269, 281—289, 322, 340, 400, 476, 478, 481, 482, 493, 499, 502, 516, 517, 519—521, 524.
- Шерер, Бартелеми** (1747—1804) — французский генерал, военный министр директории — 234.
- Шерцер, Андрей** (1807—1879) — портовой из Баварии, член Союза справедливых; в 1852 г. за подпольную деятельность приговорен к трем годам тюремного заключения, позднее эмигрант в Лондоне, издатель «Neue Zeit» и сотрудник «Volk» — 338—340, 528, 529.
- Шили, Виктор** (1810—1875) — адвокат в Трире, потом в Бармене, участник баденского восстания, эмигрант в Швейцарии — 265, 267, 269, 279, 280, 286, 299—301, 322, 510, 511—516.
- Шиллер, Иоганн-Фридрих** (1759—1805) — 265, 266, 296, 411.
- Шиммельпфенниг, Александр** (1824—1865) — прусский офицер, член Союза коммунистов, участник баденского восстания и американской гражданской войны; в лондонской эмиграции был одним из деятельных членов мелкобуржуазного кинкелевского Эмигранционного общества — 299, 300, 307—310, 314, 315, 318, 321.
- Шисс, Иоганн Ульрих** (1813—1883) — швейцарский союзный канцлер — 398, 412.
- Шлегел** (Schlehan) — 456.
- Шлейниц, Александр Густав Адольф** (1807—1885) — прусский государственный деятель, министр иностранных дел в реакционных кабинетах Кампгаузена и Бранденбурга — 465.
- Шлеффель, Фридрих Вильгельм** (1800—1870) — силезский фабрикант, член Франкфуртского национального собрания — 329.
- Шлеффель, Густав Адольф** (Младший) (1828—1849) — сын предыдущего, студент; в 1848 г. противник С. Борна; будучи арестован, бежал в Венгрию, где участвовал в революции и погиб в бою — 326.
- Шликман** — прусский судебный чиновник — 508, 509.
- Шмерлинг, Антон** (1805—1893) — австрийский политический деятель, либерал, министр иностранных и внутренних дел в имперском министерстве эрцгерцога Иоганна; в 1860—1865 гг. премьер-министр Австрии, эволюционировавший в сторонника централизованной монархии — 470.
- Шмидт** — псевдоним Флери — 520.
- Шнейдер, Карл** (Шнейдер II) — немецкий адвокат, защитник в кельнском процессе коммунистов — 282, 478, 482.
- Шрамм, Конрад** (1822—1858) — шлезвиг-гольштинский демократ, в лондонской эмиграции член Союза коммунистов, издатель «Обозрения Новой Рейнской Газеты» — 306—308, 499.
- Шталь, Фридрих Юлий** (1802—1861) — прусский реакционный политик и публицист — 464.
- Штейн, Лоренц** (1815—1890) — немецкий писатель, юрист и экономист — 14, 21.
- Штейн, Максимилиан** (1811—1860) — венгерский революционный генерал, позднее генерал турецкой армии (Ферад-паша) — 439.

Штейн, Юлиус (род. в 1813 г.) — бреславльский демократ, член левой Берлинского национального собрания, редактор «*Neue Oder-Zeitung*» — 455, 456.

Штемпли, Яков (1820—1879) — швейцарский государственный деятель, финансист; в 1856 и в 1859—1862 гг. союзный президент — 398, 411, 412, 421.

Штерн-Гешейт — см. *Бамбергер, Людвиг*.

Штегер, Карл — баденский эмигрант в Женеве, бывший директор реального училища — 287, 288, 516, 517.

Штибер, Вильгельм (1818—1882) — директор прусской политической полиции; в 1852 г. организатор кельнского процесса коммунистов; во время войн 1866 и 1870—1874 гг. стоял во главе контрразведки — 277, 281—284, 290—292, 502, 518, 519, 521—524.

Шторх, Андрей Карлович (1766—1835) — русский экономист-статистик, критик меркантилизма, сторонник свободной торговли, популяризатор Адама Смита в России, автор «*Cours d'Economie politique*» («Курс политической экономики»), 1815 год — 101, 118, 184.

Шульце — прусский судебный чиновник — 497, 503—505.

Шурц, Карл (1829—1906) — немецкий демократ, сторонник Кинкеля, в 1850 г. освободил его из тюрьмы в Шпандау; с 1852 г. эмигрант в Америке, видный деятель республиканской партии САСШ, посол в Испании (1860—1862), министр внутренних дел (1877—1881) — 309, 310, 318, 321.

Шюлер, Эрнст (1807—1881) — эмигрант 30-х годов, участник баденского восстания, редактор «*Bieler Handels-courier*», — 340.

Ә.

Эбердин, Джордж Гамильтон Гордон, граф (1784—1860) — английский государственный деятель, тори, затем возглавлял коалиционное министерство — 242.

Эврипид (485—405 до н. э.) — древнегреческий драматург, автор трагедий и сатирических драм — 121.

Эдуард III (1312—1377) — английский король (1327—1377) — 61.

Эйзенман, Готфрид (1795—1867) — врач, член Франкфуртского национального собрания — 325.

Эйленшпигель — прусский полицейский агент — 295.

Эйхгофф, Вильгельм (1833—1895) — прусский социалист, в конце 50-х годов разоблачивший в печати шпионскую деятельность Шгибера и привлеченный к суду; позднее — редактор ряда социал-демократических газет в Германии — 290.

Эльснер, Карл Фридрих Мориц (1809—1894) — доктор, член Прусского национального собрания, соредактор «*Neue Oder-Zeitung*» — 478.

Эмбер, Жак (1793—1851) — французский революционер, бланкист, вице-президент Международного демократического общества в Брюсселе, после Февральской революции комендант Тюильри — 479.

Эммануил — см. *Виктор Эммануил II*.
Энгельс, Фридрих (1820—1895) — 209, 210, 257, 259, 307, 308, 310, 312, 313, 318, 336, 340, 478, 499, 500; начало сотрудничества с Марксом — 8; деятельность в Брюсселе и Союз коммунистов — 8, 302, 303; альберфельдское восстание — 327; в Бадене — 323; позиция по вопросу о Кургессене (1850 год) — 304.

Энгелендер, Зигмунд — австрийский эмигрант, в 1850 г. сотрудник «*Deutsche Monatsschrift*» Колачека, тайный полицейский агент — 491.

Эрмани — издатель и книгопродавец в Лондоне — 350, 532.

Эфиальт (V век до н. э.) — см. *Леонид*.

Эшенбах — см. *Вольфрам фон-Эшенбах*.

Ю.

Юлиус, Густав (1810—1851) — немецкий публицист, младогегельянец — 150.

Юм, Давид (1711—1776) — английский философ, агностик, в экономических сочинениях выступал с критикой меркантилизма, сторонник свободной торговли, основатель количественной теории денег — 143—148, 150—152, 154, 164, 165, 168.

Юм, Джемс-Дикон (1774—1842) — английский публицист, фритредер, автор ряда работ против хлебных законов — 161.

Юнг, Артур (1741—1820) — английский путешественник, статистик и писатель, автор ряда произведений, в которых описывает, главным образом, положение сельского хозяйства в Англии, Ирландии, Испании, Франции и Италии — 150.

Юнг, Георг (1814—1885) — немецкий публицист, один из основателей

«Рейнской Газеты», в 1848 г. — левый член Прусского национального собрания, позднее национал-либерал — 472.

П.

Яков II (1663—1701) — английский король (1685—1688) — 297.

Якоби, Абрагам — врач в Кельне, член

Союза коммунистов и один из обвиняемых в кельнском процессе, эмигрант в Америке — 525.

Ян, Фридрих Людвиг (1778—1852) — немецкий педагог, член правой Франкфуртского парламента, известен своей деятельностью в области телесного воспитания, прозван отцом гимнастики — 354.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

А.

Авакум — в изображении Библии, сильный духом древне-еврейский пророк; предсказывая ближайшую судьбу Иудеи пред лицом наступающих халдеев, перед которыми не может устоять, по его же уверениям, ни одна твердыня, А. полон веры в победу над ними слабого, но праведного Израиля — 461.

Авель — имя, заимствованное Марком из Библии для противопоставления кроткого библейского Авеля жестокому Абелью и по созвучию — 464.

Авишайл — библейское имя, взятое Марком по созвучию с Абелем — 464.

Адам — 174.

Аргонавты — согласно греческому мифу, участники морского похода греческого царя Язона в Колхиду за «золотым руном» — 418, 419.

Ахиллес — храбрейший герой греческих сказаний, которого мать, богиня Фетида, желая сделать бессмертным, погрузила в воды Стикса, но пята, за которую она держала его, осталась уязвимой; в пята А. и был поражен стрелой Париса — 203.

Б.

Бахус (или *Вакх*) — древне-римский бог вина — 409, 424.

В.

Вулкан (по-гречески — Гефест) — древне-римский бог огня и кузнечного искусства — 203.

Г.

Гамлет — принц датский, главное действующее лицо драмы Шекспира того же названия — 409, 462.

Гаргантюа (Горгелянтюа) — герой произведений французского писателя

Франсуа Рабле «Гаргантюа» и «Пантагрюэль», отличающийся цинизмом и непристойностью — 259.

Генрих IV — главное действующее лицо в драматическом произведении Шекспира того же названия — 298.

Гермес — в греческой мифологии сын Зевса, бог стад, больших дорог, гимнастики, торговли и богатства, покровитель купцов и воров — 203.

Гильри — герой народной французской песенки «Кум Гильри» — 538, 539, 542, 543.

Гомер — легендарный древне-греческий поэт; согласно преданиям, автор известных поэм «Илиады» и «Одиссеи»; по Геродоту, Г. жил в IX веке до нашей эры — 151.

Гудибрас — герой из поэмы английского сатирика Самьюэла Бутлера (1612—1680) того же названия: английский Дон-Кихот — 409.

Д.

Джек — см. *Фальстаф*, *Джон* — 266, 274.

Дон-Кихот Ламанчский — герой произведения Сервантеса того же названия — 409.

И.

Иаков — 109.

Ифигения — мифическая жрица греческой богини Артемиды, первоначально предназначенная для принесения в жертву, но взятая Артемидой с жертвенника и увезенная в Тавриду — 209, 431.

К.

Каин — 464.

Кастор — 463.

Квзимодо — герой произведения В. Гюго «Собор парижской богоматери», фижический урод — 439.

Киприан Святой — действующее лицо

из произведения Кальдерона «El Magi-со Prodigioso» («Необыкновенный чародей»); заимствовано из древней легенды о договоре дьявола с человеком — 468.

Кларин и Москон — персонажи из произведения Кальдерона «Необыкновенный чародей», трубач и ловкач — 468.

Кобес I, Кельнский — насмешливое прозвище, данное Я. Венедю; заимствовано из стихотворения Гейне — 294, 331.

Кревель — герой известного романа Бальзака «Кузина Бетта», парижский флистер — 262.

Л.

Лазарильо (де-Тормес) — имя героя анонимной повести того же названия, появившейся в Сарагосе в 1652 г., тип интригана, мошенника — 403.

Лепорелло — слуга и поверенный в сердечных делах Дон-Жуана — 266, 417.

М.

Моисей — 23, 462, 464.

Молох — название, присвоенное ханаанским и финикийским божествам — 41.

Москон — см. *Кларин*.

Н.

Нестор — греческий царь, один из героев «Илиады», олицетворение мудрости и житейского опыта — 40.

О.

Орланд Влюбленный (Orlando innamorato) — герой романтической эпопеи того же названия итальянского поэта Маттео Боярдо — 525.

Орфей — согласно греческой мифологии, герой-певец, сопровождавший аргонавтов в Колхиду; звуки его лиры укрощали диких зверей и приводили в движение деревья и скалы — 418.

Офелия — героиня трагедии Шекспира «Гамлет, принц датский» — 462.

П.

Пароль — действующее лицо из произведения Шекспира «Конец — делу венец», см. примечание в тексте — 266.

Перси Хотспер — см. именной указатель.

Пога — маркиз — действующее лицо из драмы Шиллера «Дон-Карлос», изо-

бражен человеком искренним, благородным — 408.

Полоний — действующее лицо из трагедии Шекспира «Гамлет», тип хитрого и болтливового царедворца — 291.

Прометей — мифологический герой, похитивший с неба огонь и передавший его людям; в наказание был прикован Зевсом к скале, и орел клевал его печень — 174.

Прюдом, Жозеф — герой комедии Анри Монье, тип самодовольного и ничтожного мещанина — 424.

Р.

Ричмонд — одно из главных действующих лиц в драматической хронике Шекспира «Ричард III» — 265.

С.

Сайкс, Билл — разбойник в романе Диккенса «Оливер Твист» — 295.

Савл — еврейское имя апостола Павла до обращения в христианство (эллинизированная форма имени Саул) — 301.

Силен — древне-фригийское божество, воспитатель Вакха; в греческой мифологии — сатир, изображаемый лысым, толстым, пьяным и вечно жаждущим наслаждений — 424.

Слоукенбергуус, Гафен — действующее лицо из повести Лоренса Стерна «Жизнь и убеждения Тристрама Шенди», таинственный странник, приводивший в смущение целые города величиной и формой своего носа — 463.

Сфинкс — мифическое чудовище (львица с головой женщины), перешедшее в греческую мифологию из египетской, олицетворение неизбежной судьбы, рока, загадки будущего — 417.

Т.

Телль — легендарный швейцарский стрелок, вынужденный по приказанию фогта (наместника) стрелять в яблоко на голове сына и впоследствии убивший этого фогта: герой драмы Шиллера «Вильгельм Телль» — 266.

Тристан — средневековый легендарный витязь, освободивший Ирландию от чудовища, собиравшего дань молодыми девушками: герой поэмы немецкого поэта-эпика Готфрида Страсбургского (начало XIII века) — 376.

Тристрам-Шенди — герой первого романа английского писателя Лоренса

Стерна «Жизнь и убеждения Тристрама-Шенди» — 463.

Ф.

Фальстаф, Джон — герой произведений Шекспира «Генрих IV» и «Виндзорские проказницы»; комический тип толстобрюхого, трусливого хвастуна и лгуна, развратника, обжоры и пьяницы — 255, 264, 274, 284, 294, 295, 297, 298, 348, 368, 416, 421, 425, 430, 468, 493.

Фама — см. примечание на стр. 203.

Фауст, д-р — герой трагедии Гете того же названия — 468.

Ш.

Шейлок — действующее лицо из произведения Шекспира «Венецианский купец», жадный и мстительный ростовщик — 124.

Шпигельберг и Шуфтерле — члены шайки разбойников в драме Шиллера «Разбойники» — 261.

Шлемиль, Петер — герой произведения немецкого поэта А. Шамиссо того же названия; человек, потерявший свою тень — 100.

Э.

Эгерия — в римской мифологии вещая нимфа источника, жена и советница царя Нумы — 408, 415, 417.

Эдип — фивянин, разгадавший загадки Сфинкса — 417.

Эйзеле и Бейзеле — см. примечание на стр. 352.

Ю.

Юпитер — верховное божество римской мифологии, бог светлого неба с его атмосферными явлениями — дождем и грозой; бог плодородия, изобилия, победы — 203, 462.

Я.

Янус — древне-римское двуликое божество, олицетворение и символ всякого начала — 409.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ К «К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ».

А.

Абстракция. Абстрактно-всеобщий труд — 15 сл.; абстракция сведения труда к простому — 16; всеобщее рабочее время как абстракция — 31; золото как материальное бытие абстрактного богатства — 109; абстракция производства вообще — 175; абстракция выдвигает общее и фиксирует его — 175; абстракция естественных законов общества — 177; производство независимо от распределения агентов производства — пустая абстракция — 186; население, это — абстракция, если оставить в стороне классы — 190; путь от конкретного к абстрактному — 190, 191; восхождение от абстрактного к конкретному — 190, 191; абстрактное отношение конкретного целого — 191; простая категория — 192 сл.; законы абстрактного мышления и действительный исторический процесс — 193; простейшая абстракция — 194 сл.; всеобщие абстракции — 194; абстрактная категория «труда вообще» — 194; общие абстрактные определения — 199.

Австралия. Открытие золота — 91, 140; потребление австралийского золота — 119.

Азия. Общинная собственность — 20; образование сокровищ — 112, 119; оседание серебра в Азии — 134; соотношение стоимости серебра и золота в древней Азии — 140; спрос на серебро со стороны Азии — 140 сл.

Акционерные компании. Одна из последних форм буржуазного общества, появляющаяся также и в начале последнего — 198.

Америка. Расцвет буржуазных производственных отношений — 42; счетные деньги и деньги в обращении в американских колониях — 60; война американских колоний с Испанией — 119; благородные металлы в предметах роскоши — 120; сере-

бро в обмене между Америкой и Азией — 134; открытие золотых рудников — 140; война за независимость, банкноты и бумажные деньги — 152; рабство в Южной Америке — 188; Соединенные Штаты — наиболее современная форма буржуазного общества — 195; сравнительное состояние образования в Соединенных Штатах и Европе — 200.

Амстердам. Банкноты — 66.

Анализ. Анализ, приводящий товар к труду — 38; аналитический метод — 190, 191 сл.

Англия. Классическая политическая экономия — 38; контраст между английской и французской политической экономией — 39, 41; Англия в эпоху В. Петти — 40; деление унции золота как единицы измерения денег — 56; изменение веса английского фунта — 57 сл.; деление единицы веса и единицы денег — 59; счетные деньги — 60; история английского денежного обращения — 61; торговый кризис 1857 г. в Англии — 61; обесценение денег — 62; приостановка размена банкнот в Англии — 67, 152; вздорожание хлеба и масса обращающихся денег — 89; английская политическая экономия после Рикардо — 90; законы о монетах в Англии — 96; медные и серебряные монеты — 97; серебро не является деньгами — 108; потребление благородных металлов — 119; предметы роскоши — 120; колебания стоимости денег — 128; неурожаи в Англии в период 1800 — 1820 гг. — 160; торговля между Англией и континентом — 161; завоевание Ирландии и Индии — 187; крупная земельная собственность — 188.

Антагонизм. Антагонизм буржуазного общества — 7; антагонистическая природа буржуазного производства — 81.

Армия. Денежное хозяйство в армии в Риме — 193; в армии раньше

развились известные экономические отношения, чем внутри буржуазного общества — 199.

Ассигнаты — 67, 152.

В.

Банкноты (Банковые деньги). Банкноты в Амстердаме — 66; приостановка размена Английским банком — 67, 152; разменность банкнот как экономический закон — 69; обращение банкнот — 87; банкнотное обращение и исследования о деньгах XIX века — 152; смещение банкнот с бумажными деньгами — 152.

Банковские акты *Пиля* — 50, 59, 167.

Биметаллизм — 60, 61.

Биржевая спекуляция — 188.

Благородные металлы. Благородные металлы обладают свойствами, необходимыми для денег — 36, 137; уменьшение веса благородных металлов в денежной единице — 57 сл., 95; рыночная и монетная цена благородных металлов — 62; благородные металлы в слитках и в монете — 92; революция, вызванная падением стоимости благородных металлов в Европе — 132; качественная тождественность — первое условие для функционирования товара в качестве меры стоимости — 137; возможность разрезать данный товар на любые части и вновь соединять их вместе — необходимое условие для всеобщего эквивалента — 137; высокий стоимостный удельный вес благородных металлов — 137; бесполезность благородных металлов внутри непосредственного процесса производства — 138; Юм рассматривает исключительно эпохи революций в стоимости благородных металлов — 143, 144.

Богатство. Буржуазное богатство как огромное скопление товаров — 13; общественная форма и вещественное содержание богатства — 14; труд как источник богатства — 40 сл.; особенный вид труда как источник богатства — 44; труд как единственный источник богатства у Смита — 46; абстрактное общественное богатство — 109, 111; первая, естественно возникшая форма богатства — излишек или избыток продуктов — 111; присвоение богатства в его всеобщей форме обуславливает отречение от богатства в его вещественной реальности — 113; как золото и серебро, богатство непреходяще — 114; страсть

к обогащению — 116 сл.; накопление богатства — 117; противоречие между текучей и окаменелой формами богатства — 118; золото и серебро как единственное богатство у монетарной и меркантильной системы — 141; мировая торговля как единственный истинный источник богатства у монетарной и меркантильной системы — 141; на всех ступенях буржуазного производства богатство возвращается на один момент во всеобщую элементарную форму товара — 142; в определении монетарной системы физиократов и А. Смита — 194; богатство как цель современных государств — 198, 199.

Бумажные деньги. Бумажные деньги как символы золота — 98; бумажные деньги как знаки стоимости — 99; государственные бумажные деньги как законченная форма знаков стоимости — 101; количество бумажных денег — 103 сл.; количество бумажных денег и их стоимость — 104; государство и бумажно-денежное обращение — 104; количество бумажных денег и изменения товарных цен — 106; законы денежного обращения и бумажные деньги — 106, 107; бумажно-денежное обращение как фон для исследований о деньгах XIX века — 152; смещение банкнотного и бумажно-денежного обращения у Рикардо — 152.

Буржуазное общество. Буржуазное общество как последняя антагонистическая форма общественного процесса производства — 7; Лондон — благоприятный наблюдательный пункт для изучения буржуазного общества — 8; буржуазное общество и закон стоимости — 47; буржуазная форма производства и рабочие деньги — 71, 72; экономические буржуазные характеры покупателя и продавца — 80, 81; антагонистическая природа буржуазного производства — 81; попытки устранения «пороков» буржуазного производства — 82; закапывание денег как сокровища в развитом буржуазном обществе в периоды потрясений — 115; детский период буржуазного общества XVI и XVIII вв. — 141; монетарная система и зачаточная ступень буржуазного производства — 141, 142; развитие буржуазного общества с XVI в. — 173; Соединенные Штаты как наиболее современная из форм бытия буржуазного общества — 195; буржуазное общество как наи-

более развитая историческая организация производства — 195; буржуазное общество как антагонистическая форма развития — 196; буржуазное общество и земледелие — 197; расчленение категорий внутри современного буржуазного общества — 198; категории, образующие внутреннюю структуру буржуазного общества — 199.

Бытие. Общественное бытие и общественное сознание — 6, 7; товар как элементарное бытие буржуазного богатства — 13; природное бытие товаров — 14; количественное бытие движения — 16; количественное бытие труда — 16; формальное бытие товаров — 29; бытие товаров для обмена как бытие в качестве меновых стоимостей — 29; бытие товаров как потребительных стоимостей и меновых стоимостей — 31; формальное бытие, подлежащее реализации — 34; денежное и реальное бытие товаров — 54 сл.; двойственное бытие содержащегося в товарах труда — 55; бытие золота в качестве всеобщего эквивалента — 77; преходящее денежное бытие товара в виде золота — 78; функциональное бытие монеты — 93; монетное бытие денег в виде знака стоимости, отделенного от золотой субстанции — 101; бытие золота в качестве денег и его бытие в функциях меры стоимости и средства обращения — 108; золото как материальное бытие абстрактного богатства — 109; деньги как адекватное бытие товара — 115; деньги как бытие абстрактного богатства — 116; деньги как отчужденное бытие всех товаров — 122; формы бытия — 196.

В.

Взаимодействие. Взаимодействие бывает во всяком органическом целом — 190; взаимодействие между производством и остальными моментами — 190.

Владение — 192.

Война. Война раньше достигла законченных форм, чем мир — 199.

Воспроизводство. Потребительное производство как воспроизводство — 183; потребление и воспроизводство индивида — 184; прибыль и процент как способы воспроизводства капитала — 185.

Всеобщее, особенное, единичное. Всеобщий товар и особенные товары — 35;

противоположность особенного и абстрактно-всеобщего труда — 55; формула Т—Д—Т как силлогизм О—В—Е — 80; производство, распределение, обмен, потребление — 179.

Всеобщий эквивалент. Всеобщий эквивалент — выражение рабочего времени отдельного человека как всеобщего рабочего времени или выражение всеобщего рабочего времени как рабочего времени отдельного человека — 18, 19; всеобщий эквивалент выражается в бесконечном числе уравнений — 25; всеобщий эквивалент как общественный результат процесса обмена — 33; всеобщий эквивалент как адекватное бытие меновой стоимости — 33; выделение специфического товара в качестве всеобщего эквивалента — 33, 34, 51; удвоение потребительной стоимости всеобщего эквивалента — 34; всеобщий эквивалент как предмет всеобщей потребности — 34; разрешение противоречия товара во всеобщем эквиваленте — 37; золото в форме всеобщего эквивалента — 51; условие для товара, служащего всеобщим эквивалентом, — возможность разрезывать его на любые части и вновь соединять их вместе — 137.

Г.

Гегельянство — 184.

Германия — 115, 161; общинная собственность у германцев — 20; завоевание Рима германцами — 188.

Голландия. Преобладающая роль в торговле в XVII в. — 39, 40; переход от золотых денег к серебряным — 91, 108.

Государство. Государство в плане рассмотрения системы буржуазной экономики — 5; политическая надстройка и экономическая структура общества — 6, 7; государство и твердая цена золота — 61; государственные долги и порча монеты — 63; государственный долг в Англии после заключения Парижского мира — 67; выпуск монет и бумажных билетов государством — 92, 104, 106, 107; государство и право сильного — 178; восхождение от простых категорий к государству — 191; государство как средство для производства богатства — 199; подытожение буржуазного общества в виде государства — 199; государство и производственные отношения — 199.

Грабеж. Грабеж и способ производства — 188.

Греция — 112, 200, 203.

Д.

Дань — 187.

Движение. Количественное бытие движения есть время — 16; процесс обращения как движение метаморфоз товарного мира — 79; противоположное движение денег и товаров — 83; обращение как беспрестанное движение товаров — 84; движение, опосредствующее производство и потребление — 181.

Деньги. Деньги как общественное отношение производства в форме вещи — 21; появление денег и обмен — 35; деньги как кристаллизация новой стоимости — 35; развитие денег из товара — 35 сл., 50, 51; мистификация в деньгах ярче, чем в товаре — 35; свойства благородных металлов и требования, предъявляемые к деньгам — 35, 36, 137; деньги — не продукт размышления или соглашения — 36; экономисты выводят деньги из внешних затруднений обмена — 37, 43, 44; деньги или простое обращение — 50 сл.; денежная форма и чуждое ей содержание — 50; утопия «уничтожения» денег при сохранении товарного производства — 55, 56, 72; национальные денежные меры и мировой рынок — 59; счетные деньги — 60; теория идеальной единицы измерения денег — 62 сл.; счетные деньги и металлическое содержание — 63; деньги как идеальный масштаб у Стюарта — 65 сл.; рабочие деньги Грзя — 69 — 72; низвержение денег и апофеоз товара у Прудона — 72; деньги в кругообороте Т—Д—Т—73 сл.; превращение идеальных денег в действительные при продаже — 74; деньги как результат первой фазы кругооборота и исходный пункт второй — 77; деньги как средство обращения — 81; противоположность товара и денег как всеобщая форма всех противоположностей, заключенных в буржуазном труде — 81; денежное обращение и кризисы — 81; утопия «рациональной денежной системы» — 82; деньги как всеобщая форма буржуазного труда — 83; обращение денег — 83 сл.; деньги как покупательное средство — 83; противоположное движение товара и денег — 83; как средство обращения

деньги имеют собственное обращение — 86; потребительная стоимость денег как средства обращения есть само их обращение — 86; количество золота, необходимое для обращения товаров — 87 сл.; быстрота обращения денег — 87 сл.; предпосылкой денежного обращения является товарное обращение — 88; масса обращающихся денег и уровень цен — 88 сл.; количество обращающихся денег — 89 сл.; скорость оборота денег и их количество — 89 сл.; деньги в качестве монеты — 92 сл.; денежное название и металлическое содержание — 94 сл.; символические деньги — 98; бумажные деньги — 98 сл.; монетное бытие денег в виде знака стоимости возникает из самого процесса обращения — 101; количество бумажных денег — 103 сл.; роль государства при бумажно-денежном обращении — 104; функции денег как меры стоимости и средства обращения — 105; законы денежного обращения и бумажные деньги — 106, 107; в форме Д—Т—Д товар опосредствует превращение денег в деньги — 107; товар и деньги — противоположные формы самого товара — 108; деньги как единство меры стоимости и средства обращения — 108; деньги содержат в нераскрытом виде все вещественное богатство — 109; превращение монеты в деньги и денег в монету — 111; как не средства обращения, золота и серебро становятся деньгами — 112; извлечение денег из обращения и закапывание денег в землю — 114; деньги как адэкватное бытие товара — 115; деньги как ставшая самостоятельной меновая стоимость — 116; накопление денег ради денег — 116, 118; золота и серебро суть деньги как кристаллы обращения — 117; денежное обращение и роль сокровищ — 120; определенности форм денег в процессе обращения как вещное выражение общественных отношений — 122, 123; деньги как всеобщее платежное средство — 125 сл.; ошибочность объяснения происхождения денег из их функции платежного средства — 127; деньги как единственное богатство в периоды потрясений — 129 сл.; денежный кризис — 130; видоизменение закона относительно количества находящихся в обращении денег — 131; мировые деньги — 132 сл.; природа не создает денег — 138; деньги по своей природе суть золото и серебро — 139; деньги

как единственное богатство у монетарной и меркантильной системы — 141; деньги как цель обращения и меновая стоимость как цель производства — 141; смешение денег с капиталом у монетарной и меркантильной системы — 142; монетарная система рассматривала деньги только как кристаллический продукт обращения — 142; классическая экономика рассматривает деньги в их текучей форме как средство обращения — 142 сл.; закон зависимости товарных цен от массы обращающихся денег у классиков, у Монтескье и Юма — 143; количество обращающихся денег и товарные цены — 143, 154, 155, 165; эпохи революции в стоимости благородных металлов и товарные цены — 144, 145; теория обращения Юма — 145; отождествление счетных денег и средства обращения у Юма — 146; Юм пускает в обращение товары без цены, а золото и серебро без стоимости — 147; обмен между массой товаров и массой золота у Юма — 148; общие законы денежного обращения у Дж. Стюарта — 148 — 150; теория денег А. Смита — 151; деньги как простой товар у Смита — 151; исследования о деньгах в XIX в. были вызваны явлениями банкнотного обращения — 152; смешение банкнотного обращения и бумажных денег у Рикардо — 152; Рикардо сначала определяет стоимость золота и серебра рабочим временем — 153; масса денег в обращении и движение товарных цен — 154, 155; механизм выравнивания количества золота в обращении — 155, 156; теория денег Рикардо и международное обращение — 157, 158, 159; количество обращающихся денег и неурожай — 160; период Рикардо мало способствовал наблюдению благородных металлов как функции мировых денег — 162; теория денег Джемса Милля — 162, 163, 164; количество денег в обращении и сумма цен — 164, 165; в основе теории денег Милля лежит функция денег как покупательного средства — 165; денежное обращение как самая поверхностная и абстрактная сфера буржуазного процесса производства — 165; в сфере денежного обращения искали происхождения и способов борьбы с кризисами — 165; относительная стоимость денег и товарные цены — 165; всеобщие колебания цен, имманентная стоимость денег и количество

денег в обращении — 166; теоретическое и практическое фиаско доктрины Рикардо — 167 сл.; теория денег Тука — 168 — 170; смешение денег с товаром и капиталом — 169, 170; деньги как абстрактная категория — 191; деньги существовали раньше капитала, банков, наемного труда — 192; разделение труда без денег в Перу — 193; монетарная система о деньгах — 194.

Диалектика. Диалектическое примирение понятий — 179; диалектика понятий, производительные силы и производственные отношения — 200.

Е.

Европа. Стирание монет в Европе — 94; убыль обращающихся монет — 119; предметы роскоши — 120; революция, вызванная падением стоимости благородных металлов — 132; товарный обмен между Европой и Азией — 134; Европа и открытие американских рудников — 140; повышение цен в XVI и XVII вв. — 146; сравнительное состояние образования в Европе и Соединенных Штатах — 200.

Евреи — 198.

Египет — 112, 144.

Единица измерения. Единица измерения и масштаб цен — 56; определение единицы измерения — дело закона — 58; условный характер единицы измерения — 58; теории идеальной единицы измерения денег — 62 сл.; теория идеальной единицы измерения денег наиболее полно развита у Стюарта — 65.

Единство. Единство труда, создающего меновую стоимость — 15; товар как единство потребительной стоимости и меновой стоимости — 28; единство покупки и продажи — 73, 75, 78; единство и разделение покупки и продажи — 81, 110; процесс обращения Т—Д—Т как находящееся в движении единство — 81; деньги как единство меры стоимости и средства обращения — 108; единство и различие — 175; единство производства и потребления — 180; производство, распределение, обмен и потребление — различия внутри единства — 189; конкретное как единство многообразия — 191.

Естественные условия — 176; как исходный пункт — 200.

3.

Завоевание. Завоевание и распределение — 186; завоевание и способ производства — 187, 188.

Закон. Закон стоимости и буржуазное общество — 47; закон меновой стоимости осуществляется только в своей собственной противоположности — 49; закон, определяющий количество обращающихся денег — 90, 91; законы, которым подчиняются деньги в функциях меры стоимости и средства обращения — 105; законы денежного обращения и бумажные деньги — 106, 107; видоизменение закона относительно количества находящихся в обращении денег — 131; вечные законы природы у буржуазных экономистов — 176; общечеловеческие законы — 177; общественный закон распределения — 184.

Заработная плата. Учение о заработной плате на основе определения стоимости рабочим временем — 48; заработная плата и наемный труд — 185.

Земледелие — 188; земледелие у пастушеских народов — 197; земледелие в буржуазном обществе — 197.

Земельная рента. Учение о земельной ренте разрешает вопрос о меновой стоимости простых сил природы — 49; земельная рента и крупная земельная собственность — 185; земельная рента, оброк и десятина — 196; кажется естественным начать с земельной ренты — 197; земельная рента не может быть понята без капитала, но капитал может быть понят без земельной ренты — 198.

Земельная собственность. Земельная собственность в системе буржуазной экономики — 5, 199; дебаты о дроблении земельной собственности — 5; земельная собственность и завоевания — 186, 188; земельная собственность и революция — 186, 188; земельная собственность у народов пастушеских и оседлых — 197.

Знак стоимости. Золото и знак стоимости — 99; знак стоимости есть непосредственно знак цены или знак золота и лишь окольным путем знак стоимости товаров — 100; государственные бумажные деньги — законченная форма знака стоимости — 100, 101; превращение монеты в знак стоимости происходит из самого процесса обращения — 102, 103; количество знаков стоимости — 102 сл.; в обращении знака стоимости все законы

действительного денежного обращения выступают перевернутыми — 106, 107; деньги как знак стоимости у классической школы — 143; золото и серебро как знак стоимости у Локка и Юма — 147; смещение банкнот и знака стоимости у Рикардо — 152.

Золото. Природные свойства золота и серебра и требования, предъявляемые к деньгам — 36, 137; жадность золота как могучий стимул у Петти — 41, золото как денежный товар — 50; золото в форме денег или всеобщего эквивалента — 51; золото как мера стоимости — 52 сл.; золото у источника производства как товар — 52, 53, 76; стоимость золота — 53; изменения в стоимости золота — 53; золото как масштаб цен — 57 сл.; представление о неизменном отношении золота к меновым стоимостям товаров — 57; золото как счетные деньги — 59; монетная цена — 60; представление, будто золото получает от государства твердую цену — 60; попытки рассматривать золото и серебро как одну и ту же материю — 61; отношение стоимости золота и серебра — 61, 139, 140; золото в кругообороте Т—Д—Т — 73 сл.; превращение золота из идеального всеобщего эквивалента в реальные деньги — 74 сл.; золото в процессе обращения — 76; золото в качестве денежного бытия товара — 77, 78; золото как непосредственное бытие всеобщего рабочего времени — 86; количество золота, необходимое для обращения — 87; скорость оборота золота и его количество — 89 сл.; золото как монета — 92 сл.; рыночная и монетная цена золота — 95 сл.; противоречие между золотом как монетой и золотом как масштабом цен и всеобщим эквивалентом — 95; знак стоимости как знак золота — 99; золото и определение количества знаков стоимости — 103; законы золотого и бумажно-денежного обращения — 106, 107; золото как деньги в качестве единства меры стоимости и средства обращения — 108; в противоположность товарам золото есть материальное бытие абстрактного богатства — 109; золото как представитель потребительных стоимостей всех товаров — 109; золото и серебро как адекватная форма существования избытка или излишка продуктов — 111; золото и серебро как богатство в его сохранный форме — 111; золото и серебро как сокровище — 112; зо-

лото и серебро как эстетическая форма сокровища — 119; превращение золота в слитки и монеты в бурные времена, а в предметы роскоши — во время мира — 120; отношение золота как сокровища к золоту, служащему деньгами — 120; золотые и серебряные товары как отводный канал и скрытый источник благородных металлов — 121; изменение стоимости золота и серебра и функции денег как сокровища и платежного средства — 131, 132; золото как мировые деньги — 132 сл.; золото и серебро как всеобщее средство обмена на мировом рынке — 133; золото и серебро в международном обращении — 134; золото и серебро как всемирный товар — 135; золото и серебро не суть по природе своей деньги, но деньги по своей природе суть золото и серебро — 139; золото и серебро не могут быть стоимостями неизменной величины — 139; золото — первый металл, открытый человеком — 139; открытие австралийских, калифорнийских и колумбийских источников золота — 140; золото как единственное богатство у монетарной системы — 141; Юм пускает в обращение товары без цены, а золото и серебро без стоимости — 147; золото у Юма получает фиктивную стоимость в процессе обращения как представитель товаров — 147; обмен между массой товаров и массой золота у Юма — 148.

II.

Идеализм. Идеализм Беркли — 64.
Идентичность. Идентичность производства и потребления — 180, 182.
Иллюзия. Иллюзия монетарной системы — 21; иллюзия процесса обращения — 53; иллюзия робинзонад — 173; иллюзия разрыва между производством и распределением — 185; идеалистическая иллюзия Гегеля — 191.
Индивид. Индивид XVIII века — 173; индивид и общество — 174; роль индивида в распределении и обмене — 178, 179; распределение как общественный закон по отношению к индивиду — 186; безразличие индивида к определенному виду труда — 195.
Индия. Общинная собственность — 20, 177; спрос на серебро — 61; торговля Европы с Индией — 114, 115; образование сокровищ — 119; закупка опи-

ума в Индии — 124; завоевание англичанами — 187.

Ирландия — 39.

Индустрия — 187.

Искусство — 182, 200, 203, 204.

Испания. Испанская политическая экономия — 41; изменение веса испанской денежной единицы — 58; кортесы о роскоши — 113; война американских колоний с Испанией — 119.
История — 174; отношение между производством и историческим развитием — 187; абстрактные категории как продукт исторических условий — 195; исторические различия стираются экономистами — 196; исторические эпохи и самокритика — 196; последовательность исторического развития и расчленение категорий внутри буржуазного общества — 198; история культуры, религий и государств — 199; история как всемирная история есть результат — 200.

Италия. Две школы итальянской политической экономии: неаполитанская и миланская — 41; ряд итальянских экономистов подходит к правильному анализу товара — 44; итальянские экономисты и порча монеты — 94.

K.

Калифорния. Открытие золота — 91, 119.

Капитал. Капитал в системе буржуазной экономики — 5, 199; мистификация капитала — 21; исследование капитала разрешает проблему разницы между меновой стоимостью труда и его продукта — 49; смещение денег с капиталом у экономистов — 142, 169, 170; экспорт капитала — 169; товар, деньги и капитал — 170; капитал как вечное отношение у буржуазных экономистов — 175; капитал как агент производства и как источник дохода — 185; капитал — ничто без наемного труда, стоимости, денег и т. д. — 190; деньги существовали раньше капитала — 192; капитал и земледелие — 197; капитал торговый и денежный — 198; капитал как господствующая экономическая сила буржуазного общества — 198.

Кастовый порядок — 186.

Категория. Конкретные и абстрактные категории — 191 сл.; категории выражают формы бытия — 196; историческая последовательность категорий и их отношение в буржуазном обществе — 198; категории, образующие

внутреннюю структуру буржуазного общества — 199.

Карфагеняне — 198.

Качество. Качественное определение потребительной стоимости — 13; качественное различие потребительных стоимостей — 15; простой бескачественный труд — 16; качественная одинаковость и количественные различия труда — 16; качественный и количественный моменты при превращении меновой стоимости в цену — 52; качественный и количественный предел для превращения золота в товар — 77; деньги по своему качеству суть бытие абстрактного богатства — 116; количественная граница меновой стоимости противоречит ее качественной всеобщности — 116; качественная тождественность меры стоимости — 137.

Кельты. Общинная собственность — 20, 177.

Китай. Товарный обмен между Сибирью и Китаем — 59; спрос на серебро со стороны Китая — 61; наличие бумажных денег при неразвитости кредита — 102; пограничная торговля у Кяхты — 134; отношение стоимости между золотом и серебром — 140.

Класс. Экономические условия жизни основных классов буржуазного общества — 5; разделение населения на классы — 190, 199; элементы, на которых покоятся классы — 190, 199; «непроизводительные» классы — 199.

Количество. Количественное определение потребительной стоимости — 13; меновая стоимость как количественное отношение — 14; количественное равенство и различия меновых стоимостей — 15; количественное бытие движения — время — 16; количественное бытие труда есть рабочее время — 16; количество труда, затрачиваемого на производство товара — 17 сл.; количество овеществленного рабочего времени — 18; качественный и количественный моменты при превращении меновой стоимости в цену — 52; количественный предел для превращения золота в товар — 77; количество денег, необходимое для обращения — 87; количество бумажных денег — 103 сл.; количественная граница меновой стоимости противоречит ее качественной всеобщности — 116.

Конкретно. Кажется правильным начинать с конкретного — 190; конкретное как единство многообразия —

191; метод восхождения от абстрактного к конкретному — 191; простые категории и конкретные категории — 192 сл.

Кредитные деньги. Кредитные деньги принадлежат высшей ступени процесса производства — 50, 101; взгляды Смита на кредитные деньги оригинальны и глубоки — 151; смешение банкнот и бумажных денег у большинства английских экономистов XIX в. и у Рикардо — 152.

Кризис. Торговый кризис 1857 г. в Англии — 62; кризисы и денежная система — 67; всеобщая возможность кризисов — 81; денежное обращение и кризисы — 81; торговый кризис 1857 — 1858 гг. — 82; кризисы и различие между покупательным средством и платежным средством — 125; деньги как единственное богатство в периоды потрясений — 130; денежный кризис — 130; кризис 1825 г. показал ошибочность пророчеств Рикардо — 162; торговые кризисы XIX в. — великие бури мирового рынка — 165; кризисы и теория денег Рикардо — 165; в кризисах разряжался конфликт всех элементов буржуазного процесса производства — 165; происхождение кризисов и средства борьбы с ними искали в сфере денежного обращения — 165; наиболее всеобщее явление кризисов — это всеобщее падение торговых цен — 165; форма кризисов как бурная и насильственная форма всеобщего колебания цен — 167; мировой рынок и кризисы — 199.

Кругооборот. Две различные формы кругооборотов: Т—Д—Т и Д—Т—Д—73; переплетение метаморфоз Т—Д—Т—78 сл.; кругооборот Д—Т—Д—107, 108; кругооборот Д—Т—Д скрывает под формами денег и товара более развитые производственные отношения—108.

Л.

Лавс — 61.

Ломбардцы — 198.

М.

Масштаб цен. Масштабом цен первоначально служат меры веса металла — 56; смешение меры стоимости и масштаба цен — 56; масштаб цен различен в различных государствах — 59.

Материализм — 199.

Машина. Применение машин и отношение распределения — 187.

Меновая стоимость. Товар как потребительная стоимость и меновая стоимость — 13, 14; меновая стоимость как количественное отношение — 14; труд, создающий меновую стоимость — 15 сл.; абстрактно-всеобщий труд как субстанция меновой стоимости — 16; определение меновой стоимости рабочим временем — 16; меновая стоимость как отношение людей, скрытое под вещной оболочкой — 20; меновая стоимость как общественная определенность потребительных стоимостей — 20; меновая стоимость как вещественное выражение специфически общественной формы труда — 21; меновая стоимость и производительность труда — 24; специфическая меновая стоимость — 24; способ проявления меновой стоимости в потребительных стоимостях других товаров — 24 сл.; меновая стоимость как ряд уравнений — 25; реализация меновой стоимости — 26; единство потребительной стоимости и меновой стоимости — 28; меновая стоимость в процессе обмена — 29 сл.; меновая стоимость и сфера обмена товара — 37; первый анализ меновой стоимости у Франклина — 42; определение меновой стоимости рабочим временем наиболее последовательно развито у Рикардо — 48; меновая стоимость продукта и меновая стоимость труда — 49; меновая стоимость и рыночная цена — 49, 53, 55; меновая стоимость сил природы — 49; закон меновой стоимости осуществляется только в своей противоположности — 49; форма меновой стоимости и всеобщего эквивалента — 51; цена как превращенная форма меновой стоимости — 52; закон меновых стоимостей и стоимость золота — 53; меновая стоимость как предпосылка цены — 54; поляризация противоположности между меновой стоимостью и потребительной стоимостью — 75; цена как идеальная меновая стоимость — 75; кажущееся самостоятельное существование меновой стоимости и деньги — 99, 116; меновая стоимость обладает реальностью только в товарах — 100; меновая стоимость из простой формы превращается в содержание движения — 112; движение меновой стоимости как меновой стоимости — 116; количественная граница меновой стоимости противоречит ее качественной

всеобщности — 116; собирание сокровищ как первое самостоятельное обособление меновой стоимости в виде денег — 118; степень развития денег как единственного платежного средства показывает ту степень, в которой меновая стоимость овладела производством во всем его объеме — 127; тайна буржуазного производства — его полное подчинение меновой стоимости — 142; меновая стоимость как простейшая категория — 191; меновая стоимость имеет додильювиальное существование — 191.

Меновая торговля. Возникновение меновой торговли на границах общин — 37; развитие меновой торговли и образование денег — 37; золото в непосредственной меновой торговле — 52; меновая торговля между Сибирью и Китаем — 59; меновая торговля и обращение товаров — 76; процесс обращения кажется лишь меновой торговлей — 81; Милль превращает процесс обращения в непосредственную меновую торговлю — 82.

Мера. Мера труда — 16; мера величины стоимости — рабочее время — 16; отрицание качественного свойства меры у Стюарта — 66; рабочее время как имманентная мера стоимости — 68; необходимость другой внешней меры — 70; образование сокровищ не имеет в самом себе никакой внутренней присущей ему границы, никакой меры — 116.

Мера стоимости — 82 сл.; возникновение меры стоимости — 51, 52; мера стоимости и реальные деньги — 55; мера стоимости и масштаб цен — 56 сл.; функцию меры стоимости фактически утверждает за собой лишь один металл — 61; смешение меры стоимости с масштабом цен и средством обращения у Беркли — 64 сл.; рабочее время как субстанция и имманентная мера стоимости — 68 сл.; мера стоимости и средство обращения — 105; мерой стоимости во внутреннем обращении страны служит только один товар — 133; двоякая мера стоимости на мировом рынке — 133; качественная тождественность — условие для функционирования товара в качестве меры стоимости — 137.

Меркантилизм — см. *Монетарная система.*

Металлическое обращение. Масштабом цен служат первоначально меры веса — 56; металлическое обращение и роль сокровищ — 121.

Метод. Восхождение от частного к общему — 5; метод политической экономии — 190 сл.; аналитический метод — 190 сл.; метод восхождения от абстрактного к конкретному — 191; общество как предпосылка при теоретическом методе политической экономии — 192; законы абстрактного мышления и действительный исторический процесс — 193; метод монетарной системы физиократов, А. Смита — 194; буржуазная экономия дает ключ к пониманию античной — 196; разделение предмета — 197; последовательность категорий — 197; расчленение предмета — 199; метод объективный, субъективный, философский — 199; материализм — 199; диалектика понятий производительные силы и производственные отношения — 200.

Мистификация. Мистификация товара — 21; мистификация в высших экономических категориях — 21; мистификация в деньгах ярче, чем в товаре — 35.

Мировой рынок — 5, 191, 199; деньги на мировом рынке — 59; мировые деньги — 132 сл.; двойная мера стоимости на мировом рынке — 133; золото и серебро как всеобщее средство обмена — 133; функция покупательного средства и платежного средства на мировом рынке — 133; мировая промышленность и мировая торговля — 135 сл.; развитие мировых денег и развитие мирового рынка — 136; мировая торговля как единственный истинный источник богатства у меркантильной и монетарной системы — 141; торговые кризисы XIX столетия как великие бури мирового рынка — 165.

Мировые деньги. Золото как мировые деньги — 132; деньги в качестве мировых денег снова получают свою естественно возникшую первоначальную форму — 133; мировые деньги как всеобщее средство обмена — 133; функции покупательного средства и платежного средства на мировом рынке — 133; международное обращение требует постоянно изменяющегося количества золота и серебра — 134; мировые деньги и расширение сферы международного оборота — 135; мировые деньги и космополитизм товаровладельцев — 136; теория денег Рикардо и международное обращение — 157, 158, 159, 160; Рикардо не понимал роли благородных метал-

лов как международного платежного средства — 162.

Мифология — 196, 203.

Монета. Монетная цена золота — 60; монетная цена и рыночная цена — 62, 95; изнашивание монет в обращении — 62 сл., 93, 94; порча и подделка монет — 62, 94, 105; перечеканка монеты — 62, 96; движение монеты и движение форм товара — 84; число оборотов монеты и количество денег, необходимое для обращения — 87; деньги как монета — 92; монета в процессе обращения — 93; противоречие между золотом как монетой и золотом как масштабом цен и всеобщим эквивалентом — 95; золотая монета и вспомогательные монеты, знаки стоимости — 96; отделение монетного названия денег от их субстанции — 99; функционирование знака стоимости как монеты — 100; монета и деньги — 110 сл.; резервные монетные фонды — 110; отложенная монета — 111; монетный резерв и сокровище — 121.

Монетарная система. Иллюзии монетарной системы — 21; монетарная система и Петти — 40; внезапное превращение кредитной системы в монетарную в периоды денежных кризисов — 130; монетарная система, одним из вариантов которой является меркантильная система, провозгласила золото и серебро, т. е. деньги, единственным богатством — 141; монетарная и меркантильная системы соответствуют зачаточной ступени буржуазного производства — 141 сл.; монетарная и меркантильная системы выбалтывают тайну буржуазного производства — его подчинение меновой стоимости — 142; борьба политической экономии против монетарной и меркантильной систем — 142; монетарная и меркантильная системы сохраняют не только историческое право, но и право гражданства внутри определенных сфер современной экономики — 142; монетарная и меркантильная системы рассматривали деньги только в их определенности формы, как кристаллический продукт обращения — 142; за всеми теориями денег XVII века скрывается тайная борьба с монетарной системой — 151; о богатстве — 194.

Н.

Накопление. Собрание сокровищ и накопление — 117; накопление денег

ради денег как варварская форма производства ради производства — 118.

Наемный труд. Наемный труд в системе буржуазной экономики — 5, 199; учение о наемном труде разрешает вопрос о меновой стоимости труда — 48; наемный труд и заработная плата — 185; наемный труд и классы — 190; наемный труд в армии — 199.

Население. Кажется правильным в политической экономии начинать с населения — 190; население, это — абстракция, если оставить в стороне классы — 190; экономисты XVII века начинали с населения — 191; население в расчленении предмета — 199.

Натуральное хозяйство. Натуральное хозяйство в семье, общине, в средние века — 19; натуральное хозяйство в эпоху меркантилизма — 141; натуральные подати в Риме — 193.

Наука. Ход исторического развития науки — 44.

Необходимость. Продажа как общественная необходимость для должника — 125; общественная связь как внешняя необходимость для индивида — 174.

0.

Обмен. Обмен как общественный процесс — 28; отношения товаров в процессе обмена — 29; процесс обмена как развертывание и разрешение заключенных в товаре противоречий — 30; обмен и всеобщий эквивалент — 33; обмен и появление денег — 35, 38; первоначальная форма обмена — непосредственная меновая торговля — 36; избыток продуктов как сфера товарного обмена на неразвитых ступенях производства — 36, 111. Обмен возникает не в недрах, а на стыке общин — 37, 133, 193; обмен товаров и создание определенных общественных отношений производства — 38; обмен как естественная общественная форма у Буагильбера — 42; обмен и разделение труда — 46, 47; противоречия обмена представляются и разрешаются в обращении — 72; обмен товара на товар как результат кругооборота Т—Д—Т—73; обмен определяется ценой товара — 76; обмен товаров как мотив обращения — 112; вместо обмена вещей самоцелью становится смена форм — 112; как посредствующий момент между производством и потреблением

— 178; как один из моментов производства — 189; международный обмен — 191, 199.

Обращение. Обращение, обмен и обращение денег — 38; первый подготовительный процесс обращения — 50; иллюзия процесса обращения, будто деньги делают товары соизмеримыми — 53; обращение и противоречия обмена товаров — 72; обращение предполагает всесторонние акты обмена и постоянный поток их возобновления — 72; две формы кругооборотов в обращении: Т—Д—Т и Д—Т—Д—73; обращение Т—Д—Т в целом — 73, 78 сл.; продажа как первый процесс обращения — 74 сл.; обращение и непосредственная меновая торговля — 76, 81, 82; деньги как результат первого процесса обращения — 77; покупка как заключительный процесс обращения — 77; процесс обращения как бесконечный клубок метаморфоз — 78 сл.; товарное обращение предполагает развитие разделение труда — 78; обращение как множество случайных актов и как движение метаморфоз товарного мира — 79; деньги как средство обращения — 81; денежное обращение и кризисы — 81; процесс обращения: как находящееся в движении единство — 81; обращение денег — 83; обращение как беспрестанное движение товаров — 84; как средство обращения деньги имеют свое собственное обращение — 86; обращение товаров и обращение денег — 86; количество золота, необходимое для обращения — 87 сл.; предпосылкой денежного обращения является товарное обращение и уровень цен — 88; масса средств обращения и уровень цен — 91; обращение Т—Д—Т как единство продажи и покупки и вместе с тем их разделение — 110; обмен товаров как мотив обращения — 112; золото и серебро как кристаллы обращения — 117; обращение и обмен — 189.

Общественные отношения. Общественное отношение лиц как общественное отношение вещей — 20; меновая стоимость, деньги, капитал как общественные отношения под вещной оболочкой — 20, 21; обмен и общественные отношения — 38; экономисты о вечности и гармонии существующих общественных отношений — 175; их возникновение и исчезновение — 178.

Общество. Экономическая структура

общества и формы общественного сознания — 6; смена общественных формаций — 7; завершение предъистории человеческого общества — 7; общественная потребность — 14; потребительная стоимость как продукт общественной жизни — 15; общественный труд — 15 сл.; общественные определения труда — 18; специфический вид общественности — 18; общественный труд и общественные продукты в семье, общине, при барщине — 19, 20; меновая стоимость, деньги, капитал как общественные отношения под вещной оболочкой — 20, 21; труд как естественное условие человеческого существования, независимое от социальных форм — 22; всеобщий общественный труд — 32; общественный обмен веществ и создание общественных отношений — 38; общество ассоциированных индивидов — 71; неправильно рассматривать общество как единый субъект — 184; общество как предпосылка в политической экономии — 192; общество феодальное, античное, восточное и буржуазное — 196; каждая форма общества имеет определенное производство, которое преобладает над всеми — 197.

Община. Общинный труд — 19, 20; первобытная община и семья — 37; первобытная община и возникновение обмена — 37, 133, 193; общинная собственность — 177; деньги и обмен в общине — 193; общинная собственность в буржуазном обществе — 196.

II.

Парцелла — 186, 188 сл.

Перу. Разделение труда при отсутствии обмена и денег — 47, 193.

Платежное средство. Деньги в функции всеобщего платежного средства — 125; различие между покупательным средством и платежным средством и кризисы — 125; различие между покупательным средством и платежным средством у Лютера — 125; расширение функции платежного средства за счет функции покупательного средства и сокровища с развитием кредита и буржуазного производства вообще — 127; деньги как платежное средство становятся всеобщим товаром контрактов — 127; ошибочность объяснения происхождения денег от функции платежного средства — 127; количество денег, обращающихся в

качестве платежного средства — 128; скорость, с которой деньги обращаются как платежное средство — 128; взаимное погашение платежей — 129; противоречие функции платежного средства — 129; накопление денег как платежного средства — 130; обращение платежных средств и видоизменение закона относительно количества находящихся в обращении денег — 131; платежное средство и изменения стоимости благородных металлов — 131, 132; платежное средство на мировом рынке — 133; функция мировых денег как платежного средства развивается вместе с развитием международного обмена товаров — 134.

Покупка. Покупка Д—Т — 73; продажа для покупки — 73; продажа есть вместе с тем и покупка — 75; разрыв и распадение актов продажи и покупки — 77; покупка как заключительный метаморфоз товара — 77; покупка есть вместе с тем продажа — 78; самостоятельность продажи и покупки — 79; противоположность между покупателем и продавцом — 80; единство и разделение покупки и продажи — 81, 110; метафизическое равновесие между покупками и продажами у Милля — 82; отделение покупки от продажи и фиктивные сделки — 83; покупка для продажи Д—Т—Д как господствующая форма буржуазного производства — 108; покупка без продажи и продажа без покупки — 110; возможно больше продавать и возможно меньше покупать — условия собирания сокровищ — 113; покупатель как представитель будущих денег — 123; продавец и покупатель как кредитор и должник — 124.

Политическая экономия. Ход полигико-экономических исследований Маркса — 5 сл., 8 сл.; политическая экономия — анатомия гражданского общества — 6; потребительная стоимость и круг исследования политической экономии — 14; иллюзия экономистов — 21; непонимание сущности денег экономистами — 37, 38; классическая политическая экономия — 38 сл.; политическая экономия — не технология — 38, 175; национальный контраст между английской и французской политической экономией — 39; политическая арифметика — первая форма политической экономии как самостоятельной науки — 40; завершение политиче-

ской экономии в лице Рикардо — 48; единственная заслуга послерикардовской политической экономии — доказательство закона относительно количества средств обращения — 90; ошибки политической экономии в критике монетарной и меркантильной систем — 142; монетарная система и классическая экономия о деньгах — 142, 143; школа делателей экономической погоды — 165; общая часть политической экономии о «производстве» — 176; политическая экономия о вечных законах — 176; рубрики политической экономии — 178; политическая экономия дает все в двойном виде — 184; Рикардо как экономист производства *par excellence* — 187; метод политической экономии — 190 сл.; исторический путь политической экономии — 191; абстрактные определения политической экономии — 191 сл.; монетарная система, физиократы и А. Смит о богатстве — 194; категория «труда вообще» как исходный пункт современной политической экономии — 195; буржуазная экономия дает ключ к античной — 196; буржуазная экономия и самокритика буржуазного общества — 196; начало политической экономии как науки — 197; последовательность экономических категорий — 198; расчленение предмета политической экономии — 199.

Португалия. Изменение веса португальского рейса — 58.

Потребительная стоимость. Бытие товара как потребительной стоимости — 13; потребительная стоимость и богатство — 14; потребительная стоимость и меновая стоимость — 14; потребительная стоимость и политическая экономия — 14; потребительная стоимость и особая полезность труда — 22; потребительная стоимость и природный субстрат — 22; проявление меновой стоимости в потребительной стоимости другого товара — 24; потребительная стоимость как средство обмена — 28; потребительная стоимость и обмен — 29 сл.; потребительная стоимость всеобщего эквивалента — 34; потребительная стоимость у Буагильбера — 41 сл.; потребительная стоимость у Стюарта — 45; потребительная стоимость в кругообороте Т—Д—Т — 73 сл.; реализация потребительной стоимости — 74; формальная потребительная стоимость золота — 75; полярное разделение

противоположности между потребительной стоимостью и меновой стоимостью — 75; потребительная стоимость денег, как средства обращения, есть само их обращение — 86; потребительная стоимость денег реализуется в бесконечном ряде потребительных стоимостей — 109; потребительная стоимость товара и денег — 111.

Потребление. Потребление как процесс использования потребительной стоимости — 14; переход товара из области обращения в область потребления — 73; потребление как конечный пункт — 179; производство есть непосредственно и потребление: субъективное и объективное — 180 сл.; производительное потребление — 180; потребительное производство — 180; единство и противоположность между производством и потреблением — 180; потребление создает производство — 181; производство создает потребление — 182; идентичность производства и потребления в тройном отношении — 182, 183; потребление производительное и непроизводительное — 183; потребление как завершающий акт производства — 183; ошибочность отождествления производства и потребления — 184; потребление как момент производства — 184.

Потребность. Потребительная стоимость и общественные потребности — 14; обращение предполагает многосторонность потребностей — 77; для собирателя сокровищ потребностью является не товар как потребительная стоимость, а меновая стоимость как товар — 113; потребности общественные и естественные — 118; приспособление продуктов природы к человеческим потребностям — 178; без потребности нет производства — 181; потребность воспроизводится потреблением — 182; производство создает потребность — 182; потребность как простейшая категория — 191.

Право. Правовые отношения и материальные условия жизни — 6; право и форма производства — 178; кулачное право — 178; владение единичного дикаря не есть правоотношение — 192; правовые отношения — 199; отношение права к производству — 200.

Практика. Практическая критика утопии рабочих денег — 71; практически истинный характер абстрактной категории — 195.

Прибавочная стоимость. Прибавочная стоимость у физиократов — 44.

Прибыль. Прибыль и капитал — 185.

Присвоение. Присвоение как условие производства — 177.

Продажа. Продажа Т—Д—73; продажа для покупки — 73; продажа как реализация товара — 74; продажа неизбежно есть и покупка — 75; деньги как результат продажи — 75; разрыв и распадение актов продажи и покупки — 77; покупка есть вместе с тем продажа — 78; самостоятельность продажи и покупки — 79; противоположность между покупателем и продавцом — 80; единство и разделение покупки и продажи — 81, 110; метафизическое равновесие между покупками и продажами у Милля — 82; покупка без продажи и продажа без покупки — 110; возможно больше продавать и возможно меньше покупать — условие собирания сокровищ — 113; продажа с реализацией цены в более поздний срок — 123; продавец и покупатель как кредитор и должник — 124; продажа как общественная необходимость для должника — 125; продажа на срок — 126.

Продукт. Продукт получает свое последнее завершение только в потреблении — 181; отношения производителя к продукту в обществе — 184; распределение продукта — 184.

Производительность труда. Производительность труда, потребительная стоимость и меновая стоимость — 23, 24; изменения производительности труда и изменения меновой стоимости — 27.

Производительные силы. Материальные производительные силы и соответствующие им производственные отношения — 6; противоречие между материальными производительными силами и производственными отношениями — 7; развитие производительных сил и рабочее время, необходимое для производства товаров — 23, 24, 26, 27; производительные силы и условия сообщения в армии — 199; диалектика понятий производительные силы и производственные отношения — 200.

Производственные отношения. Производственные отношения и производительные силы — 6; совокупность производственных отношений — экономическая структура общества — 6; противоречие между производительными силами и производственными отношениями — 7; буржуазные производственные отношения — послед-

няя антагонистическая форма общественного процесса производства — 7; производственное отношение принимает форму вещи — 21; производственные отношения и процесс обмена товаров — 38; производственные отношения и средства производства — 199; производственные отношения, формы государства и сознания — 199; производные производственные отношения — 199; диалектика понятий, производительные силы и производственные отношения — 200.

Производство. Общественное производство, производительные силы и производственные отношения — 6, 7; накопление денег ради денег как варварская форма производства ради производства, т. е. развитие производительных сил труда за пределы обычных потребностей — 118; материальное производство как исходный пункт — 173, 184; речь идет всегда о производстве на определенной ступени общественного развития — 174; производство общественных индивидов — 174; производство вне специфической общественной формы у экономистов — 175; общие и особенные определения производства — 175; отрасли производства — 176; производство и присвоение — 177; нарушение производства при смене общественных отношений — 178; отношение производства к распределению, обмену, потреблению — 178 сл.; производство и потребление — 180 сл.; производство как производительное потребление — 180; единство и противоположность производства и потребления — 180; потребление создает производство — 181; производство создает потребление — 182; идентичность производства и потребления в тавтологическом отношении — 182, 183; ошибочность отождествления производства и потребления — 184; господствующая роль производства — 184, 189 сл.; производство и распределение — 184 сл.; распределение как продукт производства — 185; распределение как предпосылка и результат производства — 187; производство, обмен и обращение — 189, 190; обмен или заключен в производстве, или определяется им — 189; форма производства обуславливает определенные формы остальных моментов — 190; определенное производство, преобладающее над всеми в каждой форме общества — 197; международные условия производства — 199.

Противоречие. Между производительными силами и производственными отношениями — 7; противоречия материальной жизни и общественное сознание — 7; развертывание и разрешение противоречий товара в процессе обмена — 30; противоречие товара и всеобщий эквивалент — 34; существование меновой стоимости как цены заключается в скрытом виде все противоречие товара — 55; противоречия обмена представляются и разрешаются в обращении — 72; разрешение противоречий обмена — 75; развитие противоречий буржуазного труда и деньги — 83; противоречие между золотом как монетой и золотом как масштабом цен и всеобщим эквивалентом — 95; противоречие между количественной границей и качественной всеобщностью меновой стоимости — 116; противоречие функции платежного средства — 129; коллизия между функциями золота как денег и его природой как особенного товара — 132; противоречие между развитием искусства и общим социальным развитием — 200.

Противоположность. Особенного частного и абстрактно-всеобщего труда — 55; противоположность между потребительной стоимостью и меновой стоимостью — 75; товары как двусторонние полярные противоположности — 75; противоположность продажи и покупки — 75; противоположность между покупателем и продавцом в буржуазном и добуржуазном обществе — 81; противоположность товара и денег как абстрактная и всеобщая форма всех противоположностей, заключенных в буржуазном труде — 81; товар и деньги как противоположные формы самого товара — 108; полярная противоположность товара и денег в метаморфозе товара — 122, 123; противоположность производства и потребления — 180.

Процент. Процент и капитал — 185.

Пуританизм. Пуританизм и собирание сокровищ — 114, 115.

Р.

Рабочее время. Рабочее время как количественное бытие и имманентная мера труда — 16; застывшее рабочее время — 16; определение меновой стоимости рабочим временем — 16 сл.; рабочее время, необходимое для производства товара — 17 сл.; всеобщее

рабочее время — 18; товар как общественное рабочее время — 29; всеобщее рабочее время как абстракция — 31; общественное рабочее время существует в товарах в скрытом виде — 32; определение стоимости рабочим временем у Рикардо — 47, 48; общественно-необходимое рабочее время и превращение меновой стоимости в цену — 55; рабочее время как субстанция и имманентная мера стоимости — 68; учение Грея о рабочем времени как непосредственной единице измерения денег — 69; рабочее время, содержащееся в товарах, и рабочее время ассоциированных производителей — 70, 71.

Рабочие деньги — 71, 72.

Рабство. Как результат завоевания — 186; рабский труд и способ производства — 188.

Равновесие. Равновесие и гармония товарного обмена у Буагильбера — 41; метафизическое равновесие между продажами и покупками у Милля — 82; обычное равновесие в обмене веществ между нациями — 134.

Разделение труда. Разделение труда в семье — 19; разделение труда — общее состояние общественного труда, рассматриваемого с его вещественной стороны — 38; разделение труда у Петти — 39; разделение труда есть предпосылка обмена, но не предполагает его — 46 сл.; развитие разделение труда как предпосылка товара — 72; развитие разделение труда предполагается товарным обращением — 78; без разделения труда нет обмена — 189; разделение труда как простейшая категория — 191; разделение труда без денег в Перу — 193; междумародное разделение труда — 199.

Раса. Расовые особенности — 176; раса как элемент природных условий — 200.

Распределение. Распределение в противоположность производству у буржуазных экономистов — 176, 177, 187; распределение как посредствующий момент между производством и потреблением — 178, 179; производство и распределение — 184 сл.; распределение как продукт производства — 185; распределение как общественный закон по отношению к индивиду — 186; распределение как предэкономический факт при завоеваниях — 186; распределение орудий производства, членов общества и продуктов — 186, 187; распределение как естественная

- предпосылка и исторический результат производства — 187.
- Революция.* Революция социальная — 17; революция и уничтожение крупной земельной собственности — 186, 188.
- Религия* — 114, 115, 196.
- Рим.* Общинная собственность — 20; частная собственность — 20; медные деньги в Риме — 98; образование сокровищ — 112; взаимные расчеты в Риме — 129; соотношение стоимости золота и серебра — 140; повышение цен в результате завоеваний — 145; римляне при завоеваниях довольствовались данью — 187; завоевание Рима германцами — 188; натуральные подати и деньги в Римской империи — 193.
- Робинзонады.* Робинзонады Смита и Рикардо — 173.
- Россия.* Общинная собственность — 20; возникновение знака стоимости — 101; скупка земельных продуктов иностранцами — 124; торговля с Китаем — 134; опустошение монголами — 188; безразличие к определенному виду труда — 195.
- С.**
- Свободная конкуренция* — 173; свободная конкуренция у Буагильбера — 41; учение о конкуренции разрешает проблему отклонения рыночной цены от меновой стоимости — 49.
- Семья.* Общественный труд внутри семейных границ — 19; первобытная форма семьи — 37; семья и индивид — 174; семья и владение — 192; семейные отношения — 199.
- Серебро.* Как мера цен — 59; соотношение стоимости серебра и золота — 61, 139; замена золотых денег серебряными в Голландии — 91; серебряные монеты как символ золота — 96.
- Сибирь* — 59, 134.
- Славяне.* Общинная собственность — 20, 177.
- Силлогизм* — 479; Т—Д—Т — 80.
- Случайность* — 179. Случайность при превращении товара в деньги — 55; обращение как множество случайных покупок и продаж — 79; признание прав за случаем — 200.
- Собственность.* Материальные производительные силы и отношения собственности — 6; собственность частная и коллективная — 177; собственность и владение — 192.
- Совокупность.* Разделение труда как совокупность особенных видов труда —

- 38; производство как совокупность отраслей производства — 175; население как богатая совокупность — 190; конкретная совокупность — 192; конкретная совокупность работ — 194.
- Сокровище.* Образование сокровищ — 110 сл.; золото и серебро как сокровища — 111, 112, 119; образование сокровищ в древности — 112; условия собирания сокровищ — 113; скудость как жизненный стимул — 113; закапывание сокровищ в землю — 114, 115; собиратель сокровищ — протестант и еще более пуританин — 114; образование сокровищ не имеет внутренне присущей ему границы — 116; страсть к обогащению — 116; создание сокровищ и накопление — 117; собирание сокровищ тем важнее, чем менее развито товарное производство — 118; сокровища как приводные и отводные каналы находящихся в обращении денег — 120; различие между сокровищем и монетным резервом — 121; накопление резервных фондов платежных средств — 130; образование сокровищ на развитой ступени буржуазного производства — 135.
- Социализм.* Эхо французского социализма в «Рейнской Газете» — 6; французский социализм в лице Прудона — 42, 72; английские социалисты и Рикардо — 48; производство ассоциированных производителей — 71.
- Социальная революция* — 7; социальная революция, вызванная падением стоимости благородных металлов в Европе — 132.
- Способ производства.* Способ производства и идеологическая надстройка — 6; способ производства азиатский, античный, феодальный и современный — 7; способ производства и завоевания — 187; способ производства, соответствующий рабскому труду — 188.
- Спрос и предложение* — 183; спрос и предложение и колебание рыночной цены вокруг меновой стоимости — 49.
- Средство обращения.* Средство обращения как средство обмена, характеризующееся процессом обращения — 81; средство обращения и покупательное средство — 83; количество средств обращения — 87 сл.; масса средств обращения и уровень цен — 90; закон, определяющий количество средств, необходимых для обращения — 91; идеализация средств обращения благодаря замене количества монет быстротой оборота — 93; функция меры

стоимости и средство обращения — 105, 106; деньги как средство обращения у классиков — 143; счетные деньги и средства обращения у Юма совпадают — 146; Рикардо отвлекается от всех функций, кроме функции средства обращения — 157.

Средства (орудия) производства. Как капитал у буржуазных экономистов — 175; их потребление в процессе производства — 180; распределение средств производства — 186.

Стоимость. Величина стоимости измеряется рабочим временем — 16; величина стоимости не зависит от количества других товаров — 26; внутренняя и потребительная стоимость у Стюарта — 45; определение стоимости у Смита и Рикардо — 46, 47; закон стоимости и современное буржуазное общество — 47; стоимость золота — 53; рабочее время как субстанция и имманентная мера стоимости — 68 сл.; относительная стоимость золота и других товаров — 76; отношение между стоимостью и рыночной ценой — 76; форма стоимости как самоцель — 111; стоимость как простейшая категория — 191.

Субстанция. Субстанция меновой стоимости — 15 сл.; субстанция стоимости — 54, 55; перемена субстанции в обращении — 74.

Сырье. Потребление сырья в производстве — 180.

Счетные деньги. Превращение денег в счетные деньги — 59; счетные деньги и монета — 59, 66; Стюарт рассматривает деньги как масштаб цен и счетные деньги — 66; счетные деньги при взаимном погашении платежей — 129; изменение стоимости золота и серебра не затрагивает их функций счетных денег — 131; счетные деньги у Юма — 145, 146.

Т.

Тавология — 21, 166, 176, 177, 191.

Товар. Как элементарное бытие богатства — 13; как потребительная стоимость и меновая стоимость — 13; товар как материализация общественного труда — 15; рабочее время, содержащееся в товаре — 18 сл.; мистификация товара — 21; меновая стоимость товара и сфера его обмена — 26, 37; делимость товара — 27; товар как единство потребительной стоимости и меновой стоимости — 28; товар как потребительная стоимость и вме-

сте с тем не потребительная стоимость — 28; товар как вещь чувственно-сверхчувственная — 29; всестороннее отчуждение товара — 29; отношения товаров в процессе обмена — 29, 30; развертывание и разрешение противоречий товара в процессе обмена — 30, 31; удвоение существования товара в процессе обмена — 32, 34, 75; выделение специфического товара в качестве всеобщего эквивалента — 34, 51; разрешение противоречий товара во всеобщем эквиваленте — 34; развитие товара в деньги — 35, 36; возникновение товара в процессе непосредственной меновой торговли — 36; обмен товаров и создание определенных общественных отношений производства — 38; анализ, приводящий товар к труду в его двойственной форме — 38; рыночная цена товаров и меновая стоимость — 49; соизмеримость товаров и деньги — 53, 54; денежное и реальное бытие товаров — 54; товары как продукты частных работ, которые должны доказать свой характер общественного труда — 70; товар предполагает развитие разделение труда — 72; кругооборот Т—Д—Т — 73, 78; реализация товара при продаже — 74; пребывание товара в виде золотой куколки — 77; всеобщий продукт отчуждения товара есть абсолютно отчуждаемый товар — 77; денежное бытие товара — 78; противоположное движение денег и товаров — 83; обращение как беспрестанное движение товаров — 84; движение форм товара — 84, 85; товарное обращение как предпосылка денежного обращения — 88; масса обращающихся товаров — 89; товар и деньги как противоположные формы самого товара — 108; товары как представляемые деньги — 108; превращение избыточных продуктов в товар — 111; товар как общественная связь для товаровладельца — 115; метаморфоз товара и изменение ролей товаровладельцев — 122.

Труд. Труд, создающий меновую стоимость — 15 сл.; труд овеществленный — 15 сл.; труд однородный, безразличный, простой — 15; труд абстрактно-всеобщий — 15 сл.; труд как субстанция меновой стоимости — 16; труд общественный — 16; труд как создатель потребительных стоимостей и меновых стоимостей — 16; сведение труда к простому — 16; рабочее время как количественное бытие труда —

16; всеобщечеловеческий средний труд как затрата мышц, нервов, мозга — 17; труд средний — 17; труд простой и сложный — 17; специфический общественный характер труда, создающего меновую стоимость — 18; труд непосредственно-общественный — 19, 20; труд как единственный источник меновой стоимости — 21; труд абстрактный и конкретный — 22; труд не есть единственный источник материального богатства, потребительной стоимости — 22; труд как естественное условие человеческого существования — 22; производительность труда и меновая стоимость — 24; производительность труда и природные условия — 24; всеобщий общественный труд — не готовая предпосылка, а становящийся результат — 32; разделение труда как общее состояние общественного труда — 38; двойственная форма труда — 38; буржуазный труд — 40; анализ труда у Франклина — 42, 43; труд как источник буржуазного богатства у физиократов — 44; анализ труда у Стюарта — 45; труд как единственный источник материального богатства у Смита — 46; буржуазная форма труда как вечная единственная форма труда у Рикардо — 47; труд на основе товарного производства становится общественным трудом лишь посредством отчуждения индивидуальных работ — 70; деньги как всеобщая форма буржуазного труда и возможность развития противоречий последнего — 83; накопленный труд — 175; производительный и непроизводительный труд — 183; труд как простейшая категория — 194 сл.; безразличие к определенному виду труда — 194; категория «труда вообще» как исходный пункт политической экономии — 195.

Ф.

Фетишизм. Фетишизм немецких «мыслителей» — 21; кристаллизация богатства как фетиша в виде благородных металлов — 139.

Фетишизм товарный — см. *Мистификация*.

Физиократы. Физиократы и проблема прибавочной стоимости — 44; физиократы о богатстве — 194; влияние физиократов на Смита — 194.

Философия. Материалистическое понимание истории — 6, 7; критика послегегелевской философии — 8; Беркли

как представитель мистического идеализма в английской философии — 64; философское сознание — 191; философия права Гегеля — 192; последовательность категорий «в идее» Прудона — 198; философский метод — 199; материализм — 199.

Финикийцы — 198.

Форма. Из форм развития производительных сил производственные отношения превращаются в их оковы — 7; буржуазное общество как последняя антагонистическая форма — 7; общественная форма богатства и его содержание — 14; потребительная стоимость и определение формы — 14; особая форма труда — 15; специфическая форма, в которой труд получает общественный характер — 19; абстрактная форма всеобщности труда — 20; форма всеобщего эквивалента — 20; специфически общественная форма труда — 21; экономическая определенность формы — 28 сл.; потребительная стоимость всеобщего эквивалента как определенность формы — 34; определенность формы денег — 35; общественные формы труда, определяющего меновую стоимость — 35; общественная форма, в которой труд есть источник меновой стоимости — 41; буржуазная форма труда — 45; форма товара и форма денег — 45; определенности формы, присущие деньгам — 50; денежная форма и чуждое ей содержание — 50; золото в форме всеобщего эквивалента — 51; цена как превращенная форма меновой стоимости — 52; определенность формы золота как денег — 54; перемена форм товаров и формы денег — 72; определенность формы процесса обращения — 79; деньги как всеобщая форма буржуазного труда — 83; движение форм товара — 84; перемена форм товара — 85; определенность формы средства обращения — 87; содержание процесса Д—Т—Д образует само бытие формы товара — 107; товар и деньги — противоположные формы самого товара — 108; золото по форме — непосредственное воплощение всеобщего труда, а по содержанию — совокупность всех реальных работ — 109; форма стоимости как самоцель — 111; смена форм как самоцель — 112; из простой формы меновая стоимость превращается в содержание движения — 112; переходящее содержание и непреходящая форма богатства — 114; определенно-

сти форм денег в процессе обращения как кристаллизованная смена форм товаров и как вещное выражение общественных отношений — 122 сл.; продажа для уплаты как возникающее из самой формы процесса обращения содержание последнего — 125; формы производства и распределения — 185; формы распределения — 185; общественные формы и формы политической экономии — 193; формы бытия — 196; чередование общественных форм — 198.

Франция. Классическая политическая экономия — 39; контраст между французской и английской политической экономией — 39, 41; французский социализм в лице Прудона — 42; изменение веса французского ливра — 58; ввоз золота и вывоз серебра — 61; ассигнаты — 67; революция разбила крупную земельную собственность — 188.

X.

Христианство — 196; собрание сокровищ и христианство — 114, 115.

Ц.

Цена. Рыночная цена и меновая стоимость — 49, 53; цена как превращенная форма меновой стоимости — 52; меновая стоимость как предпосылка цены — 54; различия между меновой стоимостью и ценой — 55; выражение цены в денежных названиях — 59; рыночная цена и стоимость — 76; количество золота, необходимое для реализации цен товаров — 87; общая сумма товарных цен и уровень цен — 88; сумма цен товаров и скорость обращения денег — 89; масса средств обращения и уровень цен — 90; знак стоимости как знак цены — 100; изменение товарных цен в зависимо-

сти от изменения массы бумажных денег — 106; товарные цены и масса обращающихся денег у классиков, Монтескье, Юма — 143; товарные цены и масса обращающихся денег при металлическом обращении и при обращении знаков стоимости — 143; количество обращающихся денег и товарные цены — 143, 154 сл.; движение цен в эпохи революций стоимости благородных металлов — 144; Юм пускает в процесс обращения товары без цены, а золото и серебро — без стоимости — 147; всеобщее падение цен во время кризиса — 165; всеобщие колебания цен, имманентная стоимость денег и количество денег в обращении — 166; кризисы и всеобщее колебание цен — 167.

Ш.

Швеция — 98.

Шотландия — 39, 45, 59, 98.

Э.

Эквивалент. Продукт сложного труда как эквивалент продукта простого труда — 17; эквивалент в процессе обмена и химические эквиваленты — 20 сл.; эквивалент — меновая стоимость одного товара, выраженная в потребительной стоимости другого — 24; эквивалентность товаров не зависит от их физической делимости — 27; способностью к обмену товары обладают только как эквиваленты — 30; чем длиннее ряд эквивалентов, тем больше сфера обмена товара — 37; кругооборот Д—Т—Д как обмен неэквивалентов — 108.

Я.

Язык — 174, 175.

Япония — 140.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ К «САВОЙЯ, НИЦЦА И РЕЙН» И «ГОСПОДИН ФОГТ».

А.

- Австралия*, значение открытия золота — 377.
Австрийская армия, характеристика — 210; командование — 210 — 213.
Австрия — 210, 211, 225, 238, 337, 360, 364—367, 372, 373, 390 — 393, 422, 443; история взаимоотношений с Англией, — 356—358; характеристика внешней политики с XVIII века — 365; господство в Италии — 209, 336; международное положение в 1848 — 1849 гг. — 241; А. и Россия — 239, 240, 244, 245; политическое и финансовое состояние после войны 1859 г. — 244.
Агитационное общество (Руге) — 310, 318 — 320, 525.
Америка и Европа, значение открытия золотых россыпей в Калифорнии — 314, 377.
Английский банк — см. *Банк Англии*.
Англия — 239, 242, 243, 526; внешняя политика — 356 — 358, 379; падение кабинета Пальмерстона — 378.
Ареопаг — 508.
Аристократия — 312, 313.

Б.

- Банк Англии* — 358.
Барицина в Венгрии, законопроект об уничтожении — 542.
Бельгия и Франция — 366, 389, 393, 394; политика Луи Бонапарта — 377.
Бессарабия, превращение в русскую провинцию — 363; Б. и Дунайские княжества — 385.
Богемия (и Моравия) — 370 — 372, 373, 389; язык — 372; стратегическое значение — 371; Б. и Россия — см. в разделе *Россия*.
Болгария, восстание 1848 г.; Б. и Россия — 364.
Бонапартизм — 209, 211, 238, 466, 541;

характеристика режима и «государственного аппарата» — 262, 263; непрочность бонапартовского режима — 378; политика Луи Бонапарта и политика Наполеона I — 382—384; законодательство — 446; внешняя политика — 336, 337, 377; промышленное процветание Франции — 377; б. и отмена крепостничества в России — 361; национальный вопрос — 375, 379, 382, 385; итальянская война (1859 г.) — 388—390; политика в отношении Италии — 336, 337; страсбургский путч Луи Бонапарта — 261; б. и люмпен-пролетариат — 260, 375; см. также *Общество 10 декабря*.

- Бонапартистская агентура* — 294, 404, 405, 429, 431, 432; в Париже — 426, 427; в Швейцарии — 411 — 415, 417, 418, 541; см. также в именном указателе — *Фогт*, Карл.
Бонапартистская пресса — 407, 417, 418, 426 — 428, 430.
Буржуазия — 312; реакция и буржуазное развитие — 315.
Буржуазия и революция — см. *Революция*.
Буржуазия либеральная — 313; после революции 1848 г. — 275; в Швейцарии — 279, 511; см. также *Либерализм*.
Буржуазия мелкая, в Германии — 211.
Буржуазная печать — см. *Печать*.
Бухарестский мир (1812 г.) — 363.
Бюрстенгеймеры — 264 — 273, 285, 476, 477; см. также *Серная банда* и *Рабочие общества*.

В.

- Валахия* (и Молдавия) — см. *Дунайские княжества*.
Варшавский конгресс (1850 г.) — 365.
Венгрия, политика Наполеона I — 382; В. и Австрия — 239, 241, 245, 369; В. и

Россия — 240, 243, 245, 368, 369, 541; см. также *Революция 1848 г.*, *Феодализм*.
Венеция — 214, 215, 238 — 240, 357, 358; политика Наполеона I — 382 — 383.
Венский конгресс (1815 г.) — 356, 368, 446.
Веронский конгресс (1822 г.) и *Русская политика в Испании* — 363.
Виллафранкский мир (1859 г.) — 214, 244, 357, 393, 442.

Г.

Галиция — 369, 373; международное значение во время войны 1859 г. — 367.
Германия — 209, 236, 237; Г. и Франция — 246, 337; Г. и Россия — 246, 367; защита границ и Италия — 238, 336; значение положения Савойи и Ниццы для Г. — 238; значение положения Богемии и Моравии — 371, 372; итальянская война и объединение Г. — 210 — 211; см. также *Австрия*, *Пруссия*.
Гетерия — 363.
Государство и право — см. *Право*.
Гражданское общество и законодательство — 485.
Греция — 363; конституционная революция 1843 г. и русская политика — 364.

Д.

Дворянство, русское и отмена крепостного права — 361, 362; молдавское, характеристика — 385.
Декабризм — см. *Бонапартизм и Общество 10 декабря*.
Демократические общества 1848 г. — 325; см. также *Центральный мартовский союз*.
Демократический центральный комитет (1848 г.), характеристика — 457.
Демократическое общество в Брюсселе (1847 г.) — 479.
Десятина церковная в Венгрии, отмена — 542.
Диван — 438.
Дунайские княжества, русская политика в Молдавии и Валахии и независимость румынской национальности 362, 363, 382; восстание Владимиреско (1820 г.) — 363; национальная политика Луи Бонапарта — 385.

Е.

Египет — 242, 358, 389, 393, 402; французская экспедиция — 357.

Ж.

Жалоба — см. *Иск*.

З.

Законодательство, прусское — 484 — 486, 505 — 507; декабристское — см. *Бонапартизм*.
Землевание, феодальное — 313.
Золото — см. *Австралия*, *Америка*.

И.

Индия — см. *Ост-Индия*.
Интерес, публичный — см. *Право*.
Иск гражданский — 484; см. также *Право иска*.
Испания — 232, 358, 363; в кампанию 1795 г. — 234; положение в Европе — 214, 314.
Италия — 209, 213, 314, 364; состав, площадь и население — 214; национальное движение — 238; стратегическое положение и Савойя — 220, 225; значение Ниццы для обороны Италии — 234, 235; военное значение союза с Германией — 236.
Итальянская война (1859 г.) — 384, 388 — 390; положение Европы перед войной — 378 — 381; влияние на национальное движение в Германии — 209 — 211; отношение России — 366, 379; роль крестьянских волнений и сопротивления дворянства — 244; итоги войны — 244; см. также *Виллафранкский мир*, *Савойя* и *Ницца*.

К.

Калифорния — см. *Америка*.
Карбонарии — 259.
Карс — см. *Крымская война*.
Кельнский процесс коммунистов — см. *Союз коммунистов*.
Классовая борьба в России и внешняя политика — 246, 361.
Классы — 312; классовые противоречия и промышленное развитие — 311; см. также *Буржуазия* и *Пролетариат*.
Кодекс Наполеона — 486.
Комитет общественного спасения — 315.
Коммунизм — 302, 311.
Коммунисты — см. *Союз коммунистов*.
Коморн, осада и сдача — 443 — 445.
Краков — см. *Польша*.
Crédit Mobilier — 417.
Крепостное право в России, борьба за освобождение — 246, 362; влияние на агрессивность России — 361;

неизбежность падения и революционная война Германии — 246.

Крепостное право в Румынии — 385.
Крестьянство, мелкое во Франции — 375.

Кризис, торговый 1857 — 1859 гг. — 314, 315, 377.

Крит — 242.

Кроация — 443.

Крым, присоединение к России — 362.

Крымская война — 240 — 241, 365, 382, 383, 436; падение Карса — 384; Парижский мир и итоги кампании — 384.

Л.

Лаузиада — 321.

Левиты — 462, 464.

Либерализм — 279, 313, 363; л. и реакция — 292.

Ломбардия — 214, 364, 365; язык — 231; присоединение к Пьемонту — 215, 240, 357, 358.

Лондонское немецкое просветительное рабочее общество — см. *Рабочие общества*.

Люмпен-пролетариат — 260, 375.

М.

Маджента, бой — 212 — 213.

Мадьяры — 369.

Марианна — 274.

Мелкая буржуазия — см. *Буржуазия*.

Минчио, вопрос о границах — 209, 210, 213, 238.

Молдавия — см. *Дунайские княжества*.
Молдавское дворянство — см. *Дворянство*.

Моравия — см. *Богемия и Моравия*.

Муртеновский съезд рабочих обществ (1850 г.) — 276 — 280, 516.

Н.

Надзор прокурорский в Пруссии — см.

Прокурорский надзор.

Наполеоновские войны — см. *Франция*.

Национальный вопрос — см. *Бонапартизм* и национальный вопрос.

Невшательское дело (1856 г.) — см. *Швейцария*.

Немецкие рабочие просветительные общества — см. *Рабочие общества*.

Немировский конгресс (1737 г.) — 362.

Ницца, язык и население — 230—232, 238; стратегическое положение — 232 — 237.

Ницца и Савойя, вопрос о присоединении к Франции — см. *Савойя*.

О.

Общество 10 декабря — 378, 384, 501; характеристика и история — 260 — 262.

Община, крестьянская в России — 361.

Органический статут 1831 г. (*Règlement organique*) — 363.

Ост-Индия — 357, 358.

П.

Панславизм — 372, 374.

Печать, буржуазная, отношение Маркса к ее нападкам — 475; либеральная немецкая — 252, 292; продажность — 406, 407, 430; см. также *Бонапартистская пресса*.

Пломбьерский договор (1858 г.) — 400, 411, 416.

По, вопрос о границах — 209, 238; см. также *Рейн* и *Минчио*.

Познань — см. *Пруссия*.

Полиция — 274, 289, 464; германская — 279, 281, 282, 522; французская — 281, 427; швейцарская — 280, 419, 516; полицейская агентура в Лондоне — 518 — 524.

Польша, русская политика в Польше — 241, 243 — 245, 362, 365 — 368; П. и Англия — 338; захваты Кракова — 359, 360; П. и итоги Крымской кампании — 384.

Порта Высокая — 436, 438.

Португалия, положение в Европе — 314.

Право, исковое — 484 — 486, 505; публичный интерес и государство — 484 — 486.

Правосудие, буржуазное — см. *Суд*.

Пресса, буржуазная — см. *Печать*.

Прокурорский надзор, в Пруссии — 483, 484, 486.

Пролетариат, промышленный, предпосылка пролетарской революции — 313; п. и переустройство общества — 311, 312; п. и партия после революции 1848 — 1849 гг. — 275.

Противоречия, классовые и развитие промышленности — 311.

Процесс, гражданский — 484, 485.

Пруссия — 483, 542; перед войной 1859 г. — 213; политика Луи Бонапарта — 392 — 393; п. и Англия — 356; П. и Россия — 240, 245, 366, 368; значение отторжения Познани и других частей — 367; см. также *Прокурорский надзор* и *Суд*.

Пьемонт — 209, 214, 215, 218, 230, 240, 357 — 359, 364, 385, 396; язык — 231; завоевание п. Савойей — 217; значение Савойи и Ниццы для обороны п. — 232, 235, 236, 238.

Р.

Рабочие общества, тайные во Франции — 275; р. о. в Женеве — 265, 277, 278, 290; см. также *Бюрстенгеймеры* и *Серная банда*; немецкое просветительное в Лондоне — 281, 303, 338, 480; в Брюсселе — 302; праздник р. о. в Лозанне (1859) — 292 — 296; см. также *Муртеновский съезд рабочих обществ*.

Революционная централизация (тайное эмигрантское общество в Швейцарии) — 299; история — 316; проект договора с Союзом коммунистов — 315.

Революционные правительства — 315.

Революционный союз Старого и Нового Света — 320, 527.

Революция, в понимании мелкобуржуазной демократической эмиграции — 526, 527.

Революция буржуазная — 312.

Революция пролетарская, условия — 313.

Революция 1848 — 1849 гг. — 241, 275, 408; в Австрии — 241; в Венгрии — 433, 443 — 445, 542; в Германии — 276, 277, 325, 327, 472 — 474; см. также *Франкфуртское национальное собрание*; в Италии и ее поражение войсками Луи Бонапарта — 375; во Франции и открытие золота в Австралии и Калифорнии — 377.

Règlement organique — см. *Органический статут*.

Рейн, вопрос о границах — 209 — 211, 218, 237, 239 — 243, 245, 392 — 394, 424.

Россия — 356, 358 — 360, 367, 370, 541; история взаимоотношений с Германией с 1807 г. — 244 — 246; с Францией — 240 — 243; положение после 1815 г. — 366; внешняя политика — 238 — 243, 362 — 368, 379, 386; Р. и Польша — см. *Польша*; военное значение господства в Богемии — 371, 373; см. также *Крепостное право*, *Община*, *Крымская война*.

«Rittmeltiruff» (эмигрантская еженедельная газета в Женеве) — 257.

Румынская национальность — см. *Дунайские княжества*.

С.

Савойя, язык и население — 216, 238; история — 217; стратегическое положение — 218, 219 — 229.

Савойя и Ницца, вопрос о присоединении к Франции — 215, 217, 219, 229, 236, 237, 239, 244, 393, 426; значение для швейцарского нейтралитета —

398 — 401, 411 — 422; в международной дипломатии — 400, 401, 414; договор о передаче С. и Н. Франции — 415; см. также *Пьемонт*.

Священный союз — 240, 245, 359, 513.

Сербия, восстание 1843 г. и Россия — 364.

Cercle social — см. *Социальный клуб*.

Серная банда — 254, 264, 269 — 272, 285, 476, 477; история — 255 — 260; см. также главу *Процесс*, 475 и сл.

Сирия — 357, 358.

Славянство — 370, 372, 386; см. также *Богемия и Моравия*.

Словакия — 443.

Сольферино, бой — 213.

Состав преступления — 486 и сл., 506 — 507.

Социализм, французско-английский — 302; утопический — 303, 311, 312.

Социальный клуб (*Cercle social*, 1790 г.) — 272.

Союз коммунистов — 275, 288, 477, 480, 481; история — 301, 302; революция 1848 г. — 303; раскол — 276, 303, 304, 307, 482; кельнский процесс — 281 — 283, 289 — 292, 304, 478, 482, 517 — 525.

Союз мертвых (*Todtenbund*) — 291.

Средиземное море, роль в средние века и в древности — 314; интересы России — 359.

Суд — 484, 485, 487, 498; классовая пристрастность — 475, 504; Королевский городской в Берлине — 486, 488, 491, 492, 495, 496, 504, 506, 508; Апелляционный прусский — 496, 497, 503, 506 — 508; Королевский верховный в Пруссии — 507 — 509.

Судопроизводство, в Пруссии — 504 — 509.

Судоустройство, прусское — 484.

Т.

Татары, крымские, истребление русскими — 384.

Тильзитский мир (1807 г.) — 240, 242, 244.

Торговля, мировая и океан — 314.

Турция, европейские планы раздела Т. и Россия — 239, 240, 242, 338, 364, 366, 385.

У.

Ультрамонтанство в Швейцарии — 446.

Ф.

Фанариоты — 386, 402.

Феодализм, уничтожение в Венгрии —

542; см. также *Крепостное право*.
Феодальное общество и буржуазия — 313;
 землевладение — 313; феодальные
 крестьянские повинности — 542.

Финляндия и Россия — 363.

Фокшанский конгресс (1772 г.) — 362.

Франкфуртское национальное собрание —
 324 — 331, 468, 469; дебаты по нацио-
 нальному вопросу — 470; по поводу
 конфликта между министерством Бран-
 денбурга и Берлинским собранием —
 471; по поводу воззвания к народу —
 328, 330.

Франция — 210, 214, 230, 232, 238,
 240 — 243, 337, 360, 366, 394; насе-
 ление и классовый состав — 375; экспорт
 и открытие золота в Калифорнии и
 Австралии — 377; стратегическое поло-
 жение — 220; анализ военных похо-
 дов 1792 — 1795 гг. — 220 — 222, 233,
 234; кампания 1814 г. — 237; харак-
 теристика второй империи — 216, 217;
 положение перед войной 1859 г. —
 336, 378; цель Ф. в итальянской вой-
 не — 215, 218, 219; военное значение
 Савойи и Ниццы для Ф. — 236, 238;
 теория естественных границ — 238,
 239; см. также *Савойя* и *Ницца*, *Рос-
 сия*, *Германия*, *Итальянская война*,
Бонапартизм.

Фронда — 261.

Ц.

Централизация — см. *Революционная
 централизация*.

Центральный мартовский союз (1848 г.)
 — 325, 326.

Ч.

Черкесия — 338, 384, 438.

Ш.

Швейцария — 217, 218, 277, 510 — 516;
 война с Зондербундом — 395, 396;
 Невшатальское дело — 395; стратеги-
 ческое положение — 226 — 228; бона-
 партистская политика и пропаганда
 в Ш. — 395 — 400, 413; бонапартиста-
 ская агентура в Ш. — см. *Бона-
 партизм*; см. также *Савойя* и *Ницца*.

Швеция и Крымская война — 384.

Шлезвиг-Гольштейния — 241, 245, 365.

Э.

Эмиграционное общество (Кинкеля) —
 310, 318 — 320, 333, 525.

Эмиграция, демократическая 1848 —
 1849 гг. — 253; характеристика — 252;
 немецкая — 267, 279, 280, 305, 510 —
 516, 540; см. также *Серная банда*
 и *Бюрстенгеймеры*; венгерская — 438,
 440, 441; см. еще в именном указателе
Кошут и *Бандя*; французская — 436.

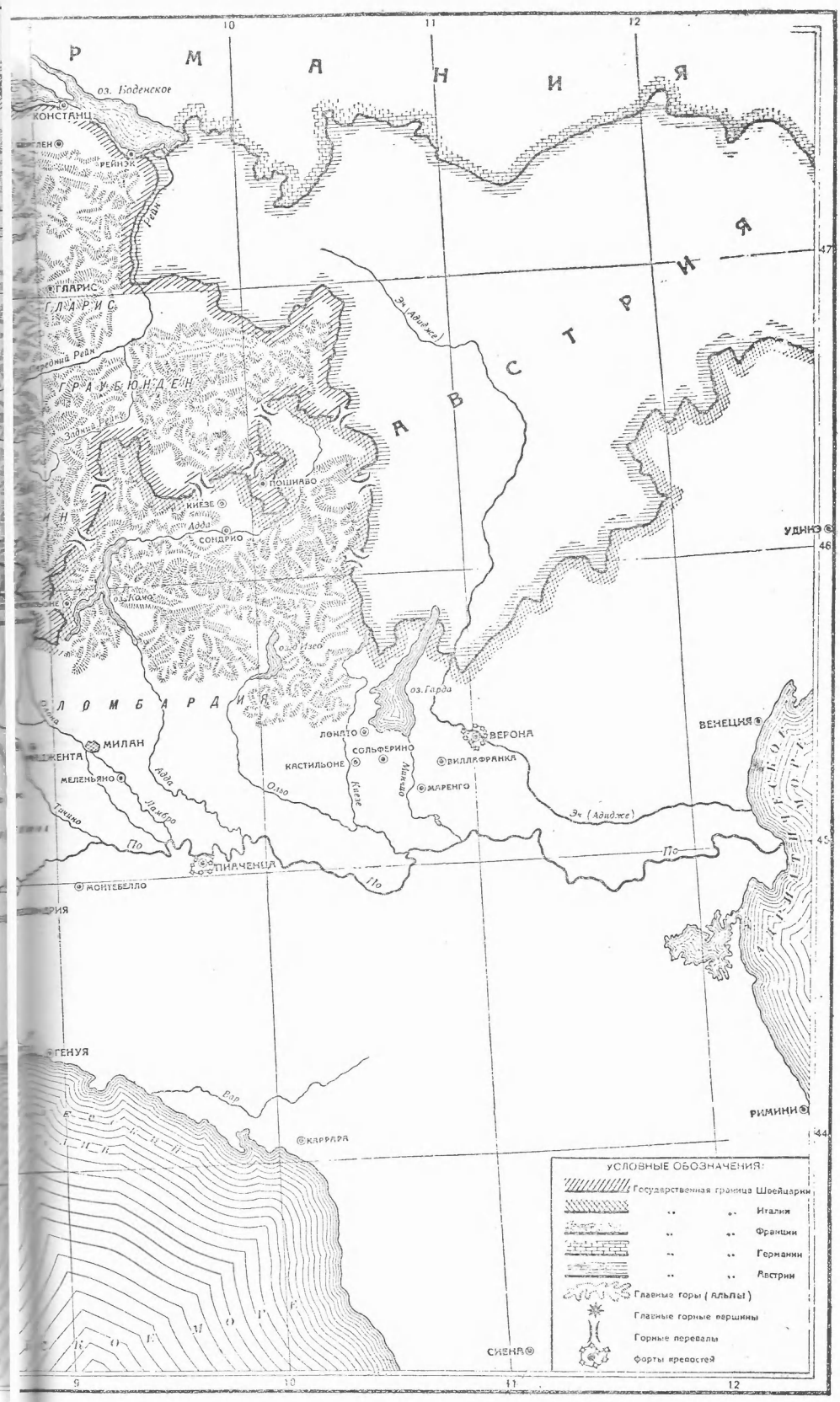
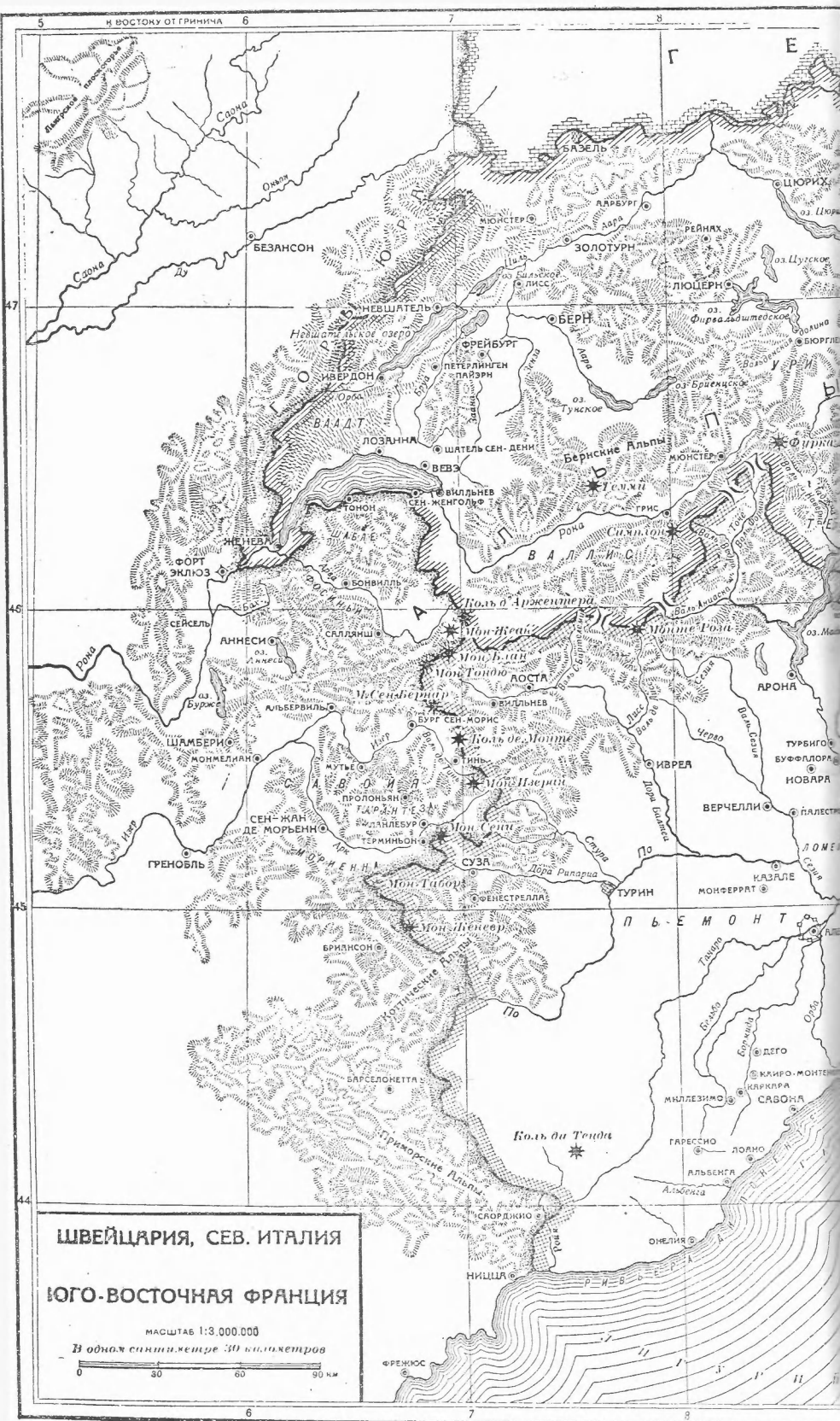
Я.

Язык, славянский в Европе — 371 —
 372; немецкий — 372; лужицко-венд-
 ский — 372.

Якобинцы — 272, 284.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА, УПОМИНАЕМЫХ В НАСТОЯЩЕМ ТОМЕ.

- Маркс, К. и Энгельс, Ф.* — «Немецкая идеология» (рукопись 1845—1846 гг. — Сочинения, т. IV) — 8.
- «Манифест коммунистической партии» (1-е немецкое издание, Лондон, февраль 1848 г. — Сочинения, т. V, стр. 483) — 8, 303, 311, 312.
- Маркс, К.* — «Наемный труд и капитал» (доклады, читанные в Брюссельском рабочем союзе в 1847 г., напечатано в «Новой Рейнской Газете» 5, 8 и 11 апреля 1849 г. — Сочинения, т. V, стр. 417) — 8.
- «Нищета философии» (французское издание, Париж и Брюссель, 1847 г. — Сочинения, т. V, стр. 295) — 8, 312.
- «Речь о свободной торговле» (речь на собрании Демократического общества в Брюсселе 9 января 1848 года. Напечатано на французском языке, Брюссель, 1848 г.; на немецком — в качестве приложения к «Нищете философии», Штутгарт, 1885 г. — Сочинения, т. V, стр. 445) — 8.
- «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (напечатано в журнале «Die Revolution», Нью-Йорк, 1852 г., изд. И. Вейдемейера — Сочинения, т. VIII, стр. 321) — 260.
- «Рыцарь благородного сознания» (памфлет на немецком языке, Нью-Йорк, 1853 г. — Сочинения, т. VIII, стр. 559) — 306, 525.
- «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов» (одновременно Бостон и Бавель, 1853 г. — Сочинения, т. VIII, стр. 503) — 275 — 277, 281, 283, 284, 290 — 292, 482.
- «Пальмерстон и Польша» (перепечатано из «New-York Tribune» в виде памфлета, Лондон, Туккер, 1853 г. — частично по-русски напечатано в Сочинениях, т. IX, стр. 487 сл.) — 360.
- «Разоблачение дипломатической истории XVIII столетия» (напечатано в шеффилдской, ватем в лондонской «Free Press», 1855 — 1856 гг.) — 338.
- Энгельс, Ф.* — «Очерки критики политической экономии» (Статья в «Deutsch Französische Jahrbücher», Париж, 1844 г., вып. I — II — Сочинения, т. II, стр. 293) — 8.
- «Положение рабочего класса в Англии» (1-е немецкое издание Лейпциг, 1845 г., 2-е там же, 1848 г. — Сочинения, т. III, стр. 293) — 8, 313.
- «Борьба за имперскую конституцию» (четыре статьи из «Обозрения Новой Рейнской Газеты»: I. «Рейнская Пруссия»; II. «Карлсруэ»; III. «Пфальц»; IV. «Умереть за республику», Гамбург, 1850 г., №№ 1 — 3 — Сочинения, т. VII, стр. 399) — 318.
- «По и Рейн» (1-е немецкое издание, Берлин, 1859 г. — Сочинения, т. XI, ч. 2-я) — 209, 210, 336.
- «Савойя, Ницца и Рейн» (1-е немецкое издание, Берлин, 1860 г., по-русски печатается в настоящем томе, стр. 207 — 246, 336).

СОДЕРЖАНИЕ.

Предисловие. <i>В. Адоратский</i>	Стр. Vii
К. Маркс и Ф. Энгельс. Экономические и публицистические работы 1859 — 1860.	
К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.	
Книга первая. О КАПИТАЛЕ.	
Предисловие	5
Отдел первый. КАПИТАЛ ВООБЩЕ.	
Глава первая. <i>Товар</i>	13—49
А. К истории анализа товара	38
Глава вторая. <i>Деньги, или простое обращение</i>	50—170
1. Мера стоимости	50
В. Теории единицы измерения денег	62
2. Средство обращения	72
а) Метаморфоз товаров	73
б) Обращение денег	83
с) Монета. Знак стоимости	92
3. Деньги.	107
а) Образование сокровищ	110
б) Платежное средство	121
с) Мировые деньги	132
4. Благородные металлы	136
С. Теории средств обращения и денег	141
ВВЕДЕНИЕ К «К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ» . .	171—204
1. Производство, потребление, распределение, обмен (обращение)	173
1. Производство	178
2. Общее отношение производства к распределению, обмену, потреблению	178
а) Производство есть непосредственно также и потребление	180
б) Производство и распределение	184
с) Наконец, обмен и обращение	189
3. Метод политической экономии	190
4. Производство. Средства производства и производственные отношения. Производственные отношения и условия сообщения. Формы государства и формы сознания в	

отношении к производственным отношениям и условиям сообщения. Правовые отношения. Семейные отношения	199

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС.

САВОЙЯ, НИЦЦА И РЕЙН	209—246
I.	209
II.	216
III.	230
IV.	238

КАРЛ МАРКС.

ГОСПОДИН ФОГТ	247—543
Предисловие	251
I. Серная банда	254—263
II. Бюрстенгеймеры	264—273
III. Полиция	274—298
1. Собственное признание	274
2. Революционный съезд в Муртене	276
3. Шерваль	281
4. Кельнский процесс коммунистов	289
5. Центральное празднество немецких рабочих просветительных обществ в Лозанне (26 и 27 июня 1859 г.)	292
6. Равное	296
IV. Письмо Техова	299—321
V. Имперский регент и Пфальцграф	322—323
VI. Фогт и «Neue Rheinische Zeitung»	324—332
VII. Аугсбургская кампания	333—353
VIII. Да-да Фогт и его исследования (Studien)	354—403
IX. Агентура	404—432
X. Патроны и сообщники	433—474
XI. Процесс	475—509
XII. Приложения	510—543
1. Высылка Шили из Швейцарии	510
2. Революционный съезд в Муртене	516
3. Шерваль	—
4. Кельнский процесс коммунистов	517
5. Клевета	525
6. Война мышей и лягушек	—
7. Polemika о Пальмерстоне	528
8. Заявление А. Шерцера	—
9. Статья Блинда в «Free Press» от 27 мая 1859 г.	529
10. Письма Г. Оргеса	—
11. Циркуляр против К. Блинда	530
12. Affidavit Фегеле	531
13. Affidavit Вие	532
14. Из документов процесса	533
15. Pamфлеты Дантю	537
16. Дополнение	541

УКАЗАТЕЛИ.

Указатель имен	547
Литературные и мифологические персонажи	572
Предметный указатель к «К критике политической экономии»	575
Предметный указатель к «Савойя, Ницца и Рейн» и «Господин Фогт».	594
Указатель произведений Маркса и Энгельса, упоминаемых в настоящем томе	599

Стр.

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Снимок одной из страниц рукописи «Введения»	201
Обложка первого издания брошюры: «Савойя, Ницца и Рейн» — 1860 г.	207
Обложка первого издания книги: «Господин Фогт» («Herr Vogt») — 1860 г.	249
Карта	между 600—601

(5—21 тыс.)

Ответственный редактор В. АДОРАТСКИЙ.

Техническая редакция: А. ЛАВРОВ, И. ГАЛАКТИОНОВ.

Печатается с матриц

Сдано в производство 11/IV 1935 г.

Партиздат № 334.

Бумага 68×100 см.

Уполн. Главл. Б.—6005.

39 печ. л.

98 000 тип. знаков в 1 бум. листе.)

Подписано к печати 19/IV—3/V 1935 г.

Тираж 15 000 экз.

Заказ № 25

Бум. листов 194/